

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ПОДВИЖНИКИ

БЛАГОЧЕСТІЯ

СЕНТЯБРЬ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ПОДВИЖНИКОВЪ БЛАГОЧЕСТІЯ

18 и 19 вѣковъ

(съ портретами)

СЕНТЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ВВЕДЕНСКОЙ
ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
1996

ББК 86.372

Ж 74

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II*

Репринтное издание:

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь.

М.: Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря;

Типо-литография И. Ефимова, 1909.

Ж 0403000000-008 Без объявл.
ОЖ9(03)-96

ISBN 5-86594-024-4

© Введенская Оптиная Пустынь,
1996 г., оформление.

Архимандритъ Авраамій, настоятель Алатыр-скаго Троицкаго монастыря.

(Память 1 сентября).

Архимандритъ Авраамій, въ міръ—Александръ Михайловичъ Михайловъ, бывшій настоятель Троицкаго монастыря, родился въ 1805 году; отецъ его былъ изъ канцелярскихъ служителей. Въ самомъ раннемъ возрастѣ Ал. М. остался сиротою послѣ своихъ благочестивыхъ, добродѣтельныхъ родителей. Все семейство его было жизни честной и примѣрной. Старшая сестра его Анна Михайловна была замужемъ за винокуромъ Елисовымъ. Они жили на заводѣ близъ Алатыря въ лѣсу за р. Сурою. Она была крестною матерью своего брата и взяла его на свое попеченіе. Въ этомъ то лѣсу онъ провелъ младенческіе свои годы и такъ привыкъ и полюбилъ его, что первымъ удовольствіемъ его было гулять одному въ лѣсу и слушать пѣніе птичекъ. Любовь къ лѣсу продолжалась у о. Авраамія до самой старости. Бывши архимандритомъ, онъ всякій годъ ѣздилъ въ принадлежащій монастырю лѣсъ, гдѣ была караулка, на день или на два, чтобы тамъ насладиться тишиною и созерцаніемъ природы. Онъ считалъ проведенные тамъ часы лучшими въ своей жизни. Сестра его рассказывала, что маленькій братъ ея часто уходилъ въ лѣсъ молиться Богу, воображая, что тамъ подъ открытымъ небомъ Богъ лучше

его слышать. Лѣсъ въ то время былъ дремучій, и въ немъ скрывалась шайка разбойниковъ. Случилось, что разбойники забрались на заводъ и обокрали его; въ числѣ вещей унесли часики, которые малюткѣ подарила его покойная мать. Онъ очень горевалъ объ нихъ и придумывалъ, какъ бы достать ихъ. Лѣсъ ему не страшенъ, воровъ онъ не боится, вотъ и отправился онъ искать похитителей. Набрелъ на нихъ, когда они обѣдали, и сталъ упрашивать, чтобы отдали ему его милые часики. Малютка собою былъ прекрасенъ. Ангельское выраженіе лица тронуло атамана. Онъ взялъ его, посадилъ его на колѣни, обнялъ, поцѣловалъ и спросилъ: «нѣтъ ли у васъ (на заводѣ) пороху?»—«Какъ не быть? есть!»—«Ну, такъ поди же, принеси намъ, и мы отдадимъ тебѣ часы». Дитя обрадовалось, побѣжало домой и начало просить пороху, хваля разбойниковъ, что они такіе добрые и ласковые. За эту продѣлку его много побранили и наказали тѣмъ, что нѣсколько времени не пускали въ лѣсъ. Воспитанный сестрою въ строгихъ нравственныхъ правилахъ и наслушавшись отъ нея о жизни святыхъ, будущій подвижникъ, которому тогда было не болѣе семи лѣтъ, вздумалъ однажды удалиться въ лѣсъ и остаться тамъ; но, отыскивая удобное для себя мѣсто, онъ вспомнилъ, что у него не было свѣчей, которыя, какъ онъ видѣлъ, сестра его всегда зажигала предъ образомъ, когда молилась; а потому онъ возвратился домой, гдѣ опять его пожурили.—Сестра его вскорѣ умерла, и онъ былъ взятъ въ Симбирскъ другими сестрами и старшимъ братомъ. Тутъ жизнь его измѣнилась. Ему пришлось бывать въ свѣтскомъ обществѣ, ходить въ гимназію, учиться танцевать, пѣть; приходилось иногда играть въ карты съ барышнями и своими сверстниками. Но строгія нравственные правила, въ коихъ былъ воспитанъ, никогда не забывались. Прилежаніе его и успѣхи въ наукахъ ставили въ примѣръ для другихъ. Благообразная наружность, скромность, кротость и деликатность привлекли къ нему вниманіе всѣхъ и когда, напр.,

разъ въ гимназіи было объявлено, что будетъ пѣть гимназистъ Михайловъ, то все симбирское общество съѣхалось, преимущественно, чтобъ послушать его.

По окончаніи курса въ гимназіи, Александръ Михайловъ перешелъ въ Базанскій университетъ при попечителѣ Магницкомъ. Учился отлично, но еще болѣе преуспѣвалъ въ благочестіи. Живя у профессора, онъ пользовался его библіотекою, богатою книгами религіознаго содержанія. Творенія св. Димитрія Ростовскаго болѣе другихъ имѣли на него вліяніе и внушили ему оставить міръ и искать вѣчнаго блага. У Александра Михайловича былъ товарищъ одинаковыхъ съ нимъ наклонностей; оба они были въ высшемъ классѣ и жили вмѣстѣ у одного и того же профессора. Оба юноши пылали ревностью ко спасенію и придумали бросить все, воспользоваться вакантнымъ временемъ, идти въ Саровскую пустынь и въ ней остаться навсегда. Путь ихъ лежалъ черезъ Алатырь. Они пришли въ него (30 іюня 1823 года) утромъ и прошли прямо въ церковь монастырскую, гдѣ слѣпой старецъ топилъ печи и пѣлъ ирмосы. Это такъ восхитило Александра Михайлова, что онъ сказалъ: здѣсь живутъ ангелы! Въ это время архимандритомъ монастыря былъ маститый старецъ Авраамій первый устроившій монастырь. Онъ былъ изъ Сарова, другъ преп. Серафима, и всѣ правила саровскія были имъ введены въ монастырѣ. Онъ приласкалъ странниковъ, позволилъ имъ отдохнуть нѣсколько дней, и Александру Михайлову такъ тутъ понравилось, что онъ рѣшился остаться въ этомъ монастырѣ, а товарищъ его отправился въ Саровъ. Архимандритъ Авраамій приказалъ сшить пришелицу изъ черной толстой крашенины кафтанчикъ, изъ грубой кожи сапоги и помѣстилъ его къ благочестивому, но строгому старцу просфорнику. И вотъ деликатный, нѣжный юноша, Александръ Михайловъ, преобразился въ послушника Александра. Онъ совершенно былъ покоренъ волѣ своего наставника; соблюдалъ строгій постъ, не пропускалъ ни одной

церковной службы. Послушаніе, кротость, смиреніе были отличительными качествами его души. Разъ пришелъ къ нему нищій и просилъ старенькихъ сапоговъ, а ему только-что сшили новые. Онъ тотчасъ пошелъ къ своему старцу просить благословенія отдать бѣдному старые сапоги. Угрюмый старецъ, зная склонность своего послушника все раздать, сказалъ въ насмѣшку: «ты бы отдалъ новые!» Александръ поклонился до земли и съ радостью исполнилъ тотчасъ его позволеніе, не подозрѣвая насмѣшки, за что получилъ послѣ строгій выговоръ. Но, несмотря на свою строгость, старецъ очень любилъ своего послушника и, замѣчая, что онъ худѣетъ и блѣднѣетъ отъ строгаго воздержанія, иногда давалъ ему мягкую просфору, приговаривая: «на-ко, полакомься: вѣдь ты еще не привыкъ къ нашей суровой жизни!» Много потерпѣлъ насмѣшекъ и непріятностей послушникъ Александръ отъ монастырскихъ братій, которые большею частію были мордва и простолюдины. Они смѣялись надъ его невинностію, надъ его стыдливостію. Грубость ихъ иногда выходила изъ предѣловъ. И могло ли быть иначе? Юноша чистой дѣвственной жизни, съ пламенной душою, съ сердцемъ нѣжнымъ и полнымъ любви даже ко врагамъ своимъ, могъ ли безъ искушеній и соблазновъ пройти поприще послушнической жизни? Видимые и невидимые враги нападали на него, но онъ святой молитвою и подъ покровомъ Богоматери всегда выходилъ побѣдителемъ. Было время, что онъ хотѣлъ удалиться и, если бы не убѣжденія одной благочестивой старицы, жившей противъ монастыря, которая была для него попечительною матерью, то онъ ушелъ бы въ Саровъ. Много и другихъ искушеній потерпѣлъ Александръ Михайловичъ. Изъ Казани профессора писали къ нему самыя убѣдительныя письма, уговаривая его возвратиться и не лишать ихъ такого достойнаго ученика, которымъ они дорожили и который всегда радовалъ ихъ своими успѣхами, — представляли ему, что онъ по окончаніи курса успѣетъ поступить въ монастырь, если

не раздумаетъ; писали даже къ архимандриту, прося его содѣйствія; прїѣзжала къ нему сестра и со слезами умоляла его отъ лица всѣхъ родныхъ возвратиться въ университетъ; но ничто не поколебало его твердаго намѣренія служить Богу. Видя его кротость и незлобіе, архимандритъ взялъ его къ себѣ и до конца жизни съ нимъ не разставался, такъ что и скончался на его рукахъ. Когда архимандритъ сдѣлался очень слабъ и ослѣпъ, то на его мѣсто былъ присланъ изъ Казани его племянникъ Арсеній. Послѣдній тоже оцѣнилъ и полюбилъ кроткаго юношу Александра Михайловича. Такъ протекло почти 10 лѣтъ его послушничества. Ожидая посѣщенія преосвященнаго Анатолія его поставили чтецомъ. Преосвященный обратилъ на него вниманіе и послѣ обѣдни призвалъ къ себѣ и спросилъ, желаетъ ли онъ принять монашество? и какъ тотъ изъявилъ готовность, то приказалъ его представить, и черезъ два мѣсяца послушникъ Александръ былъ постриженъ, и по желанію старца Авраамія, бывшаго архимандрита, дали ему имя Авраамій. Старець былъ очень радъ и предрекъ своему юному соименнику, что онъ будетъ современемъ архимандритомъ Троицкаго монастыря. Вскорѣ по постриженіи, Авраамія рукоположили въ діакона 25-го декабря 1833 г., а 26 числа въ іеромонаха. Такое быстрое повышеніе возбудило ревность монаховъ, въ особенности же казначея—Мельхиседека. И какъ послѣдній былъ ужъ старъ и слабъ, то вскорѣ сталъ просить объ увольненіи отъ казначейской должности. Архимандритъ Арсеній собралъ на совѣтъ всѣхъ старцевъ въ церковь для выбора другого казначея. Когда началось совѣщаніе, вошелъ въ церковь Авраамій. Мельхиседекъ, не любившій его, съ насмѣшкою указалъ на него и сказалъ: «вотъ идетъ,—кого еще лучше»? Архимандритъ очень обрадовался этому указанію и назначилъ его. Испуганный такою внезапностью, Авраамій упалъ къ ногамъ архимандрита и умолялъ избавить его отъ этой должности; но, несмотря на просьбы, его и утвердили. И онъ какъ на-

стоятель много подрудился для ввѣренной ему обители. И жизнь его частная келейная была достойна подражанія. Никто болѣе не зналъ его, какъ бѣдные и несчастные: одни получали отъ него помощь, другіе совѣты и утѣшеніе. Его кротость, снисходительность, ласковое обращеніе привлекли къ нему всѣхъ. Отовсюду изъ дальнихъ деревень шли къ архимандриту Авраамію, какъ къ родному отцу,—сообщить свое горе или недоумѣніе, и онъ всѣхъ принималъ какъ братій. Самая наружность его была привлекательна: онъ былъ небольшого роста, тонокъ станомъ, голосъ былъ тихъ и гармониченъ, походка тихая. Нѣжное лицо, обрамленное сѣдыми волосами, выражало смиреніе и добродушіе. Все существо его, кажется, дышало дѣвственною чистотою. При совершеніи богослуженія и особенно литургіи онъ былъ величественъ, во всѣхъ чертахъ его изображалось благоговѣніе и сознаніе, что онъ совершаетъ таинство и приносить жертву. Одинъ офицеръ, молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Казани, увидавъ службу о. Авраамія, говорилъ, что видъ архимандрита и его служеніе возбуждаетъ душу къ молитвѣ и съ тѣхъ поръ всегда ходилъ въ Троицкій монастырь. Когда архимандритъ самъ не участвовалъ въ службѣ, то занималъ мѣсто чтеца—читалъ шестопсалміе и каноны. Жизнь его была прекрасна и кончина блаженная! Должно быть, онъ заранѣе ее предвидѣлъ. Посѣщая въ послѣдній разъ своихъ друзей, онъ какъ будто приготовлялъ ихъ къ скорой разлукѣ: всѣ разговоры его были направлены къ будущей жизни. «По немощи нашей, говорилъ онъ, горька намъ временная разлука; но подумайте, какъ сладостно соединеніе въ вѣчности. Что такое горе, болѣзни? все это мы оставимъ здѣсь за собою, а тамъ любящимъ Бога радости не будетъ конца»!

Съ перваго же дня своей болѣзни 31-го августа онъ началъ распоряжаться касательно смерти. Сначала затрудняло его то, что казначей іеромонахъ Таисій, духовникъ и другъ его, нѣсколько мѣсяцевъ лежалъ больной въ постели, и все это

время архимандритъ самъ исполнялъ его должность. Но Господь показалъ милость. Слабый, чуть живой старецъ, услыхавъ о болѣзни архимандрита, всталъ и прибрелъ къ нему и во все время болѣзни не отлучался отъ него. Архимандритъ началъ тѣмъ, что приобщился и особоровался, потомъ всѣ дѣла свои сдалъ казначею, приказалъ приготовить себѣ облаченіе, самъ пересмотрѣлъ его, приказалъ уложить на столъ въ гостиную и затворить ее, самъ заказалъ себѣ гробъ и приказалъ столяру, что какъ скоро онъ услышитъ ударъ колокола несвоевременно, неся бы его въ монастырь (такъ и было: еще не успѣлъ въ другой разъ ударить колоколъ, извѣщавшій о кончинѣ архимандрита, какъ гробъ уже несли въ обитель), самъ продиктовалъ рапортъ къ владыкѣ о своей смерти. и телеграмму, зная, что слабому о. Паисію все это будетъ затруднительно; и точно, едва достало силъ у о. Паисія, чтобы совершить его погребеніе. Окончивъ все это, архимандритъ дозволилъ допускать къ себѣ всѣхъ посѣтителей, какъ это ни было ему трудно. Съ глубокою скорбью всѣ стремились къ нему, чтобы насладиться въ послѣдній разъ его лицезрѣніемъ, принять благословеніе и услышать слово утѣшенія. Всѣ выходили отъ него, обливаясь слезами: всѣ упали духомъ и ждали тяжкаго событія. За часъ предъ смертію больной приказалъ созвать братію монастырскую и послушниковъ, всѣхъ благословилъ, со всѣми простился и, отпустя ихъ, приказалъ читать себѣ отходную. Его посадили въ вресла. Послѣ отходной онъ приказалъ читать акаѣистъ Спасителю, попросилъ подать икону—благословеніе его родителей, помолился и приложился къ ней и, склоня голову къ духовному отцу своему, который стоялъ подлѣ, поддерживая его, тихо скончался *).

*) „Дш. Чт.“ 1872 г.

Инокія Маргарита (Марѳа).

(Память 1-го сентября).

Въ концѣ XVIII-го столѣтія, около 1780 года переселилась въ Кирсановъ съ своимъ семействомъ, изъ города Саранска, Пензенской губерніи, нѣкая вдова, дворянскаго рода, Меланія Гавриловна Апарина. Это была мать Марѳы Петровны Апаринной, старицы-подвижницы, первоначальницы женскаго монастыря въ городѣ Кирсановѣ. Въ семействѣ вдовы Апаринной, кромѣ дѣвицы Марѳы, были еще два брата Иванъ и Сергій и сестра Пелагія. Братья скоро опредѣлены на службу. Марѳа, старшая изъ сестеръ, рано обнаружила стремленіе къ иноческой, подвижнической жизни. Съ малыхъ лѣтъ, по общему преданію и свидѣтельству ея брата, она перестала ѣсть скоромную пищу, а впослѣдствіи не употребляла даже рыбы и постнаго масла. Еще болѣе замѣчательное разсказываютъ объ ея молитвенныхъ подвигахъ въ дѣтствѣ. Еще дитятей, находясь подъ присмотромъ няни, Марѳа часто среди ночи вставала съ своей постели и начинала молиться предъ иконами. И когда няня, а затѣмъ мать, узнавая это, начинали бранить малютку за это вставаніе съ постели, Марѳа со слезами разсказывала, что ночью «свѣтлый юноша» являлся ей и побуждалъ молиться. Къ этимъ раннимъ подвигамъ поста и молитвы Марѳа возбуждала и сверстницъ своихъ, жившихъ по сосѣдству дѣвочекъ одинаковаго съ нею возраста. Выходя изъ дому, она собирала около себя подругъ и, вмѣсто игръ, которыхъ чуждалась, разсказывала имъ, какъ умѣла, слышанное ею: о царствіи небесномъ, о вѣнцахъ за пощеніе и молитву, и проч.

Съ дальнѣйшимъ возрастомъ росла въ Марѳѣ и любовь къ постнической, подвижнической жизни. Не разъ со слезами умоляла она мать свою отпустить ее въ монастырь, но тщетно. «Ходи въ церковь, молись Богу: тотъ же будетъ мона-

стырь для тебя»; такъ отвѣчала мать на просьбы дочери. И двѣнца-подвижница жила въ родномъ семействѣ, ничѣмъ по внѣшности не отличаясь отъ прочихъ членовъ его, кромѣ того, что носила черное платье и по временамъ, съ позволенія матери, ходила въ ту или другую обитель. «Вела себя она, говорилъ ея братъ, съ отличною кротостію и богоугодно, пользуясь всеобщою любовію не только въ семействѣ, но и отъ другихъ людей». Одушевленная такою любовію и кротостію нрава, Марөа-труженица, часто, тайно отъ матери и отъ родныхъ, исполняла работы слугъ; мало того, если случалось, что кто-либо изъ слугъ разобьетъ какую-нибудь посуду, и домашніе начинаютъ, бывало, розыскивать, кто это сдѣлалъ, то, бывало, Марөа скажетъ: «простите, это сдѣлала я», и тѣмъ избавить людей отъ наказанія. За это слуги питали къ ней особенную любовь и служили ей съ особенною готовностію не изъ страха, а изъ признательности. Неменьшую любовь и уваженіе постепенно пріобрѣла Марөа и внѣ своего семейства, въ городѣ. «Она такъ была счастлива, по выраженію ея брата, что очень многіе постоянно ходили къ ней за совѣтами, либо съ просьбою утѣшенія въ скорби». И она обладала въ высшей степени даромъ совѣта и утѣшенія. Нѣсколько человѣкъ, по ея совѣту и подражанію ея жизни, отреклись отъ міра, постриглись въ разныхъ монастыряхъ и послѣ приходили къ ней съ изъявленіемъ благодарности. «Такъ помню я, говорилъ братъ, одну бѣдную вдову, съ двумя малолѣтними дѣтьми, обратившуюся къ сестрѣ за совѣтомъ. По наставленію ея, эта вдова, хотя не постриглась, но стала вести жизнь духовную, и сыновья ея, дворовые люди, по возрастѣ бывъ уволены, по ходатайству Марөы, отъ помѣщика, постриглись въ Саровской пустыни». Путешествуя по монастырскимъ сборамъ, они часто заѣзжали къ Марөѣ и благодарили ее за попеченіе о нихъ. «Когда и мнѣ бывало огорченіе, рассказывалъ о себѣ братъ, я всегда обращался къ покойной сестрѣ-утѣшительницѣ».

«Братецъ, не огорчайтесь, говорила она мнѣ, Богъ васъ помилуетъ и сохранить и Божія Матерь не оставитъ безъ защиты и помилованія». «И я отходилъ отъ нея съ спокойнымъ духомъ и не разъ получалъ непредвидѣнный оборотъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ моихъ». Глубоко уважая Марѳу, многіе изъ приходящихъ давали ей деньги, и она тотчасъ же раздавала ихъ бѣднымъ. Къ этой благотворительности она убѣждала и домашнихъ своихъ, всегда прибавляя: «милосердый Богъ по милостынямъ отъ грѣховъ избавляетъ». Ревнуя о славѣ Божіей и благолѣпіи святыхъ храмовъ, она сама испрашивала изъ разныхъ церквей къ себѣ на домъ ризы съ иконъ, священныя одежды и разную утварь, чистила ихъ, шила одежды на престолъ и для священнослужителей, и въ этой работѣ находила для себя особенное утѣшеніе. Въ свободное же отъ работъ время, особенно по вечерамъ, она читала для домашнихъ житія святыхъ и бесѣдовала о разныхъ спасительныхъ предметахъ. Такъ жила блаженная Марѳа при жизни матери! И это жизнь ея виѣшняя. О молитвахъ же ея и трудахъ, втайнѣ ею совершаемыхъ, по свидѣтельству брата, не знали домашніе, да и никто изъ людей это открылось уже при святой кончинѣ.

По смерти матери, поприще подвижнической и благочестивой жизни для блаженной Марѳы сдѣлалось еще обширнѣе. Она удержалась отъ своего намѣренія скрыться въ обители, потому что нашла уже ее въ собственномъ своемъ домѣ, гдѣ незамѣтно для себя, по мановенію предызбравшаго ее Божественнаго Промысла, сдѣлалась наставницею другихъ, искавшихъ спасенія, содѣваемого въ безмолвіи. И первѣе всего, родная сестра ея, Пелагія, давно уже рѣшилась подражать ея высокому труженичеству и раздѣлять навсегда съ нею жизнь отшельницы. Затѣмъ вокругъ сестеръ-отшельницъ скоро собралось достаточное семейство дѣвицъ, искавшихъ уединенія, трудовъ и молитвы, а главное—желавшихъ неразлучно жить съ блаженною Марѳою, наслаждаться ея

духовными совѣтами и наставленіями. Такимъ образомъ, скоро по смерти матери, у Марөы и Пелагіи составилаь маленькая обитель (или богадѣльня) изъ женъ и дѣвицъ труженицъ: всѣ онѣ подклонились подъ руководство и покровительство матери Марөы, жили и водились ея духомъ, научаясь подражать высокому образу ея жизни. Это—зачатокъ впослѣдствіи обширнаго разсадника дѣвъ-подвижницъ, зачатокъ нынѣ многочисленной Тихвино-Богородской обители, совмѣщающей въ себѣ около 200 сестеръ. Благочестивая наставница Марөа, руководившая и одушевлявшая это семейство произвольныхъ труженицъ, полюбила ихъ, своихъ питомицъ, какъ дѣтей, утѣшалаеь ихъ желаніемъ подражать въ подвигахъ поста и молитвы, и вотъ причина, заставившая Марөу отложить навсегда свое намѣреніе заключиться въ обители.

Впрочемъ, кроткая и любвеобильная Марөа не приняла на себя должности постоянной надзирательницы и настоятельницы этого собравшагося къ ней семейства дѣвственницъ. Должность эту она передала своей сестрѣ Пелагіи, а сама постоянно предпринимала благочестивыя странствованія по святымъ мѣстамъ и славящимся своею духовною жизнію обителямъ, изучая въ нихъ высокіе образцы христіанскаго подвижничества. Не разъ бывши въ Тихвинѣ, она возымѣла особенное христіанское усердіе къ чудотворной иконѣ Божіей Матери—Тихвинской. Какъ свидѣтельство вѣры и усердія къ иконѣ Божіей Матери—Тихвинской, отъ временъ Марөы, по смерти брата ея Ивана, осталась въ обители маленькая икона Тихвинскія Богородицы, мѣдная, оправленная въ золотой ободочекъ, усыпанный камнями. Икона эта пріобрѣтена Иваномъ Апаринымъ по желанію сестры Марөы. Послѣдней было видѣніе во снѣ объ этой иконѣ, съ повелѣніемъ, вымѣнять ее въ Кирсановѣ же, на рынкѣ, на другой же день послѣ видѣнія. И точно, братъ ея пріобрѣлъ икону, нашедши ее въ предугазанномъ мѣстѣ и во всю жизнь не разлучался съ нею. Это записано въ дневникѣ Ивана Апарина, подъ

1783 годомъ; то же сказаніе выбито на другой сторонѣ иконы. Марѳа благословила этою иконою общество своихъ питомицъ, а сама продолжала странствовать. По преданію, въ одно изъ путешествій къ Кіевскимъ святынямъ, она приняла тамъ тайно постриженіе съ именемъ Маргариты. Затѣмъ, въ свободное отъ далекихъ странствованій время, Марѳа попеременно жила то въ Кирсановѣ, близъ своихъ питомицъ, то въ Тамбовѣ, въ домѣ своего брата Сергія.

Между тѣмъ, тѣлесныя силы подвижницы сильно истощались. Марѳа чувствовала этотъ постепенный упадокъ силъ и потому первѣе всего позаботилась о дорогомъ для ея сердца разсадникѣ Кирсановской обители, — семействѣ питомицъ-подвижницъ, жившихъ ея жизнію. Чтобы насажденное ею сожительство послѣ ея смерти не разсѣялось, она призвала одну изъ ближайшихъ и любимыхъ ученицъ своихъ Татіану Пахомову (впослѣдствіи настоятельницу Кирсановской обители) и заклинала ее именемъ Божиимъ принять общество сестеръ подъ свое руководительство. На родную сестру свою Пелагію она не имѣла вѣркой надежды, такъ какъ послѣдняя слаба была здоровьемъ. Долго Татіана отказывалась отъ труда попечительницы общества, доколѣ высокое уваженіе къ послѣднему завѣщанію старицы не восторжествовало надъ нею. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сохранить характеръ настоящей женской обители маленькому общежитію (о чемъ она не разъ предсказывала сестрамъ, что «въ Кирсановѣ будетъ монастырь»), она завѣщала питомицамъ въ точности соблюдать правила устава общежительной Саровской пустыни, каковой уставъ свято выполняется въ Кирсановской обители.

Это было предъ послѣднимъ отъѣздомъ Марѳы изъ Кирсанова въ Тамбовъ и незадолго предъ переселеніемъ изъ сей жизни. Старица предчувствовала свою кончину; она непрестанно желала умереть въ Тамбовѣ, о чемъ не разъ говорила и прежде, почему и настоящій отъѣздъ ея имѣлъ для нея особенное значеніе: она собиралась теперь въ Тамбовъ съ

какою-то особенною торжественною таинственностію. Въ послѣдній разъ она собрала къ себѣ сподвижницъ и такъ бесѣдовала съ ними: «Не плачьте, сестры! Когда будетъ у васъ монастырь, то и я, по волѣ Божіей, буду жить съ вами, если не тѣломъ, то духомъ. Умоляю васъ, не оставляйте правилъ послушанія и любите другъ друга. Почитайте вашу начальницу, какъ мать, и помогайте ей молитвами и трудами. Въ трудахъ будьте терпѣливы и призывайте на помощь Пресвятую Богородицу. Она ваша покровительница». По прибытіи въ Тамбовъ, около Успенскаго поста, Марөа, по наступленіи этого поста, говѣла и пріобщалась Св. Таинъ. Затѣмъ, она вызвала изъ Кирсанова любимѣйшую ученицу свою Татіану и вскорѣ такъ заболѣла, что окружавшія ее сестры (Тамбовскаго Вознесенскаго монастыря) ни на минуту не отходили отъ нея, читая постоянно молитву Архангельскаго привѣтствія: «Богородице Дѣво, радуйся, благодатная...» и пр. Больная еще разъ пріобщилась Св. Таинъ и постепенно, тихо пріближалась къ могилѣ. Минуты кончины блаженной старицы Господу угодно было ознаменовать особеннымъ чуднымъ знаменіемъ, которое видѣла неотлучно сидѣвшая при ней сестра (Мавра), читавшая надъ умирающей молитву ангельскаго привѣтствія и передала потомъ свое видѣніе всѣмъ. По сказанію сестры, предъ самою кончиною Марөы, какое-то чудное облако осѣнило умирающую и виденъ былъ ликъ Спасителя, благословляющаго ее десницею, другую же руку держащую горѣ. Затѣмъ сестра узрѣла несказанной красоты юношу, который подавалъ прекрасную вѣтвь въ руку умирающей. Тогда великою радостію возсіяло лицо старицы, и она испустила духъ. То было 1-го сентября 1800 года.

Сколь была велика подвижница Марөа, это особенно сдѣлалось яснымъ для всѣхъ послѣ ея кончины. Братъ ея Иванъ подробно занисалъ все слѣдовавшее за ея кончиною и самое погребеніе, свидѣтельствуясь Богомъ въ истинѣ своихъ показаній. Прежде всего на тѣлѣ почившей увидѣли «желѣз-

ныя вериги», чего, по замѣчанію брата, никто не зналъ изъ домашнихъ, и на груди «железный крестъ». Вериги заперты были замкомъ, отъ котораго не нашли ключа. Еще при кончинѣ старицы эти вериги замѣчены были на ней одною, сидѣвшею при ней сестрою; но больная заклинала сестру не говорить никому объ видѣнномъ и положить себя въ землю въ веригахъ, что и было исполнено. Другая особенность, замѣченная по кончинѣ: прибывшія изъ Тамбовскаго Вознесенскаго монастыря сестры одѣли почившую въ схимонашеское одѣяніе, сказавъ недоумѣвающимъ: «такъ должно». «Тутъ только мы, домашніе (по словамъ брата), узнали, что сестра пострижена была тайно и только тщательно скрывала отъ всѣхъ знаки этого постриженія».

Едва не весь городъ собрался, безъ повѣстокъ, на похороны почившей Марѣы. Священники разныхъ церквей, тоже безъ зова, приходили съ своими причтами, чтобы отслужить панихиду по умершей. Тѣло почившей было отпѣто въ церкви Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, а похоронено на кладбищѣ Воздвиженія Креста Господня, при деревянной церкви, по лѣвую сторону алтаря. Старица при жизни сама указала это мѣсто: на этомъ мѣстѣ она завѣщала похоронить себя, потому-что здѣсь же похороненъ былъ высокоуважаемый ею, ея духовный отецъ, г. Тамбова, Архангельской церкви, іерей о. Гавріилъ. Теперь вполне объяснилось и желаніе покойной Марѣы умереть въ Тамбовѣ, гдѣ она пребывала только по временамъ, а не въ Кирсановѣ, гдѣ она жила постоянно, гдѣ покоился прахъ ея матери.

На кладбищѣ г. Тамбова (Воздвиженія Креста Господня) ея могила—проста и скромна по своему виѣшнему виду. Вмѣсто памятника, ее покрываетъ простой известковый камень, отъ времени вросшій въ землю и покрытый мохомъ. Но вотъ уже 100 лѣтъ дорожка къ этой могилѣ не зарастаетъ: православные поодиначкѣ или цѣлыми семействами, посѣщая кладбище, считаютъ священнымъ долгомъ пройти

къ этой могилѣ и помолиться на ней. Часто жители города густою толпою окружають эту могилу: на ней совершаются моленія, служатся панихиды, и—что еще замѣчательнѣе—многіе изъ христіанъ отламываютъ куски отъ могильнаго камня, придавая этому камню нѣкоторую цѣлебную силу *).

Раба Божія Татіана.

(Память 2 сентября).

Отъ времени до времени оказываются то въ одномъ, то въ другомъ углу святой Руси великія скромныя подвижники, осуществившіе высокія нравственныя требованія, у которыхъ многому должны поучиться забывающіе все для самихъ себя. Слабая женщина почти сорокъ лѣтъ своей жизни употребила на непрерывное самоотверженное служеніе Богу и ближнему. Какъ велика была ея вѣра и какъ глубока ея любовь, давшія ей такую энергію и настойчивость въ дѣлѣ, не приносившемъ лично ей ничего, кромѣ лишеній! Ея скромныя труды даютъ ей мѣсто среди истинно хорошихъ людей, работающихъ на разныхъ поприщахъ служенія общественнаго.

Въ октябрѣ 1888 года, въ селѣ Берновичахъ Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губерніи погребена была въ склепѣ въ церкви, извѣстная, отъ Петербурга до Смоленска, отъ Риги до Харькова и Гельсингфорса—ревнительница благосостоянія святыхъ Божіихъ церквей и благотворительныхъ учрежденій на пользу бѣдствующей и страждущей меньшей братіи—вдова священника упомянутаго села Татіана Ивановна Сафронова. Съ 1851 года, среди всякихъ лишеній и неизбѣжныхъ огорченій, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, небоязненно и бодро, неутомимо и самоотверженно, доходя до крайнихъ

*) „Странникъ“, 1861 г.

предѣловъ безкорыстія и самоотреченія, занималась она, большею частію, малыми приношеніями, собираніемъ средствъ на построеніе каменнаго храма въ селѣ Берновичахъ, вмѣсто деревяннаго, ветхаго, построеннаго еще во время царя Алексѣя Михайловича, и на устройство богадѣльни для бѣдствующихъ своихъ соотечественницъ. И неутомимая труженица достигла передъ своею смертію намѣченной ею цѣли! Устроена епархіальная богадѣльня ея имени; освящена церковь, построенная на собранныя ею средства, и на обезпеченіе въ будущемъ благосостоянія сей церкви положено ею, Сафроновой, до 20,000 рублей.

Скончалась она въ мирѣ съ Богомъ и людьми—74 лѣтъ, 2-го сентября 1888 года, въ Петергофѣ. Изъ Петергофа, по истеченіи сорокоустаннаго поминовенія ея въ Петербургѣ, Московскомъ кремлѣ, Петергофѣ, Смоленскѣ, Порѣчѣ, Берновичахъ, Радомѣ и Лѣснѣ,—тѣло ея перевезено въ Берновичи, куда оно прибыло 22 октября въ день празднованія Казанской иконѣ Божіей Матери, предъ которою когда-то цѣлыми днями, до крайняго изнеможенія, молилась она, выступая на избранный ею крестный путь собиранія средствъ на построеніе церкви и богадѣльни для бѣдныхъ. Многочисленные толпы благодарнаго простого народа: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сопровождали тѣло ея отъ желѣзно-дорожной станціи Ярцево черезъ уѣздный городъ Духовщину до села Берновичи, на разстояніи 45 верстъ, въ теченіе двухъ дней. Погребальное шествіе сопровождалось панихидами по усопшей. Въ дни прихода въ Берновичи съ тѣломъ храмоздательницы Татіаны 22-го числа и положенія тѣла ея въ склепъ 25-го октября Берновичская новая просторная церковь положительно не могла вмѣстить всего того количества деревенскихъ жителей, которые собрались на отданіе послѣднихъ почестей тѣлу великой труженицы для царствія Божія, мысли о которомъ, подъ вліяніемъ чтенія Евангелія и Житій Святыхъ, вдохновили ее на подвигъ, утѣшали ее и ободряли въ теченіе

37 лѣтъ—ровно половины ея подвижнической самоотверженной жизни *).

Отецъ Петръ, священникъ Іерусалимской слободы подъ Угличемъ.

(Память 3 сентября).

Родиною о. Петра былъ погостъ Якимовскій, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Въ 1782 году у дьячка того

Священникъ отецъ Петръ

погоста Алексѣя Васильева родился сынъ Петръ; на него, какъ на старшаго, обращено было полное вниманіе по обученію грамотѣ. Въ томъ же селѣ дѣдъ его о. Василій Петровъ былъ священникомъ, и также принималъ немалое участіе въ обученіи внука и преподавалъ ему первые уроки христіанскаго благочестія. Въ низшихъ классахъ и въ духовной семинаріи юному Петру пришлось вынести много

нужды и горя; но благочестивый дѣдъ, при каждомъ прибытіи юноши на родину, поддерживалъ его своими совѣтами, и невзгоды семинарской жизни и недостатки бѣдности не сломили его духа. Петръ Томаницкій успѣшно переходилъ изъ класса въ классъ и обогащался познаніями. Въ послѣдніе годы семинарскаго ученія многосемейность и бѣдность его родителей вынудили молодого человѣка содержаться на свой счетъ и уже безъ по-

*) Изъ „Р. П.“.

собія родительскаго достигнуть окончанія курса наукъ. Средствомъ къ его содержанію послужило умѣнье пѣть. Еще въ первыхъ классахъ семинаріи Томаницкій взять былъ въ хоръ пѣвчихъ; изучивши ноту и имѣя пріятный голосъ (басъ), онъ сталъ регентомъ второго архіерейскаго хора и надзирателемъ надъ малолѣтними пѣвчими. Руководя другихъ, юноша и самъ по необходимости долженъ былъ являть въ себѣ опыты жизни вроткой и уживчивой; событія этого времени крѣпко отпечатлѣлись въ памяти молодого семинариста, такъ что онъ во всю свою многолѣтнюю и многотрудную жизнь не переставалъ говорить, что онъ и всегда на правомъ клиросѣ пѣвчій, а на лѣвомъ—регентъ.

По окончаніи курса наукъ Петру Томаницкому, при его благозвучномъ голосѣ, предлагалось дьяконское мѣсто; но это не состоялось. Вскорѣ открылось священническое мѣсто при церкви Іерусалимской слободы, близъ города Углича,—и Томаницкій 5 апрѣля 1807 года посвященъ былъ во іерея къ означенной церкви. Получивъ себѣ мѣсто поступленіемъ въ домъ, отецъ Петръ нашелъ тамъ многое не по своему образу мыслей: въ домашней жизни бѣдность, въ приходскихъ жителяхъ—жестокость нравовъ, въ составѣ служащаго причта распущенность, злорадство и склонность къ бляузамъ, и началъ свое служеніе согласовать съ своими душевными стремленіями. Первые три года священнической дѣятельности прошли спокойно; они были употреблены на чтеніе божественныхъ книгъ и частое совершеніе богослуженія. Такая исполнительность по службѣ и безупречная священническая дѣятельность не понравились членамъ причта. Они замѣчали прибавку труда, но не видѣли увеличенія своихъ причтовыхъ доходовъ, ни особой заботливости о томъ священника, за то возненавидѣли его и завели съ нимъ судебное дѣло, желая перемѣщенія его въ другой приходъ, или же и совершеннаго удаленія его отъ должности. Духовное правленіе было близко, всего въ одной съ половиною верстѣ, въ

городѣ Угличѣ. Члены причта начали подавать прошеніе за прошеніемъ; отца Петра, какъ обвиняемаго, вызвали къ допросу. Обвиненія, изложенныя въ прошеніяхъ, явно были несправедливы и вымышлены; стоило только провѣрить ихъ на мѣстѣ. Но подсудимый, неопытный въ дѣлахъ судебныхъ, не принявъ никакихъ мѣръ къ оправданію, разсчитывая на свою правоту; а духовное правленіе, не разобравши дѣла дознаніемъ на мѣстѣ, присудило его къ трехдневному заключенію въ своемъ холодномъ чуланѣ. Къ узнику не допускали никого. Приходскіе люди не навѣстили своего пастыря въ злостраданіи, а, можетъ быть, и не знали о случившемся. Жаловаться на обиду епархіальному начальству онъ не рѣшился. Ему было извѣстно, что въ составѣ духовнаго правленія находились лица родственныя членамъ его слободского причта, которыя дѣло то, въ случаѣ апелляціи, могли представить въ невыгодномъ свѣтѣ предъ судомъ епархіальнымъ. По минованіи трехдневнаго ареста, узникъ-страдалецъ вновь началъ обычную службу при своей церкви, не сказавши ни слова членамъ причта; при видѣ такого незлобія собрата, вражда его сослуживцевъ не только не утихла, а еще болѣе усилилась и начала дѣйствовать сообща, заговоромъ, не разбирая никакихъ средствъ. Однажды вечеромъ отецъ Петръ, по исправленіи приходской требы, шелъ домой со своимъ причтомъ; спутники неожиданно напали на него и жестоко избили. При высокомъ ростѣ и брѣпкомъ тѣлосложеніи, въ лѣтахъ своего зрѣлаго мужества, этотъ человекъ могъ дать сильный отпоръ врагамъ, напавшимъ на него съ такою звѣрскою лютостію, но не рѣшился воздать зломъ за зло. Обиженный такъ нагло, разбойнически, молодой священникъ въ другой разъ перенесъ оскорбленіе и жалобы не учинилъ; но домашніе его стали замѣчать въ немъ съ того времени особенную задумчивость, начавшую часто съ нимъ приключаться. Горько было ему видѣть въ при-

четникахъ такую ожесточенную злобу,—правда и добро для нихъ не существовали.

Наступавшій 1812 годъ принесъ отцу Петру новое испытаніе. Однажды отецъ Петръ совершалъ Божественную литургію въ своей приходской церкви, какъ вдругъ между молящимися поселянами пронесся слухъ, что Наполеонъ входитъ въ Угличъ. Въ храмѣ сдѣлалось смятеніе, шумные крики ужаса прекратили богослуженіе; народъ побѣжалъ изъ церкви, служители храма Божія перепугались и хотѣли уйти вмѣстѣ съ народомъ; съ іереемъ священнодѣйствовавшимъ сдѣлалась страшная перемѣна. Сильный ли испугъ подѣйствовалъ на отца Петра, или нервное потрясеніе произвело въ немъ минутное омраченіе разсудка; только этотъ случай сдѣлался роковымъ и рѣшительно подѣйствовалъ на всю остальную жизнь его. Отецъ Петръ сдѣлался тогда грозно изступленнымъ, готовымъ разить его окружавшихъ. Злобные члены причта воспользовались такимъ событіемъ, насильно разоблачили священника, съ оскорбленіями, біеніями и бранью привели домой и приковали на цѣпь.

Въ разстройство чувствъ, избитый, опозоренный прикованіемъ къ стѣнѣ, отецъ Петръ явился глубоко-потрясеннымъ и, въ полномъ смыслѣ слова, душевно больнымъ. Родные отвезли его въ Ярославскую больницу для излѣченія отъ болѣзни умопомѣшательства. Находясь въ больницѣ, вдали отъ злобной среды, окружавшей его на мѣстѣ служебной дѣятельности, онъ скоро успокоился, выздоровѣлъ и, вернувшись домой, вновь проходилъ свое служеніе весь 1813 годъ. Исправленіе имъ священническихъ обязанностей также было безупречное и обнаруживало въ немъ еще болѣе твердую рѣшимость отрѣшиться отъ всего земного.

Злоба враговъ снова возстала противъ іерея Божія въ изобрѣтеніяхъ лукавства. Діаконъ Димитрій Марковъ однажды позвалъ отца Петра въ гости съ заявленнымъ желаніемъ выпросить прощенія въ нанесенныхъ ему ранѣ оскорбленіяхъ

и, въ доказательство мира, просилъ его выпить поднесеннаго напитка, который смѣшанъ былъ съ ядовитымъ зельемъ. Угощаемый сказалъ хозяину: «сперва тебѣ надобно выпить». Отъ такого приглашенія діаконъ поблѣднѣлъ, смѣшался и не зналъ, что дѣлать. Тогда отецъ Петръ взялъ стаканъ, перекрестился и, тихо говоря: *еще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ* (Марк. 16, 18), выпилъ. Онъ не умеръ, но тогда же сдѣлалось съ нимъ дурно. Съ этого дня семейные замѣтили въ отцѣ Петрѣ разительную перемену; послѣдовало съ нимъ болѣзненное состояніе. По временамъ являлись въ немъ припадки тревожнаго помѣшательства ума; онъ забывался, билъ себя, убѣгалъ изъ дома, въ чемъ попало, нерѣдко наводилъ ужасъ на окружающихъ его. Послѣ неоднократнаго повторенія такихъ припадковъ, больной началъ предчувствовать сознательно ихъ приближеніе и тогда лично приказывалъ женѣ своей приковывать себя въ своемъ домѣ. «Оксинья! прикуй меня.»

Тревожныя движенія духа повторялись нерѣдко. Въ началѣ 1814 года родные вновь отправили отца Петра въ Ярославль и помѣстили въ домѣ умалишенныхъ; но суровое обращеніе съ больными людей служащихъ до крайности удивило родственниковъ привезеннаго священника. По просьбѣ ихъ, больной былъ скоро отсюда отпущенъ; духовное же начальство, признавая его помѣшаннымъ, 15-го февраля 1814 года уволило его отъ должности и отобрало отъ него священническую грамоту.

Съ этого времени онъ избралъ для себя путь кородства и шелъ имъ постоянно и мужественно всѣ послѣдующіе годы своей жизни. Предъ массой народа онъ покрывалъ себя мнимымъ разстройствомъ своихъ душевныхъ способностей, говорилъ иногда многое, какъ бы внѣ ума, и не приложимое къ существующему порядку дѣлъ; но и въ мысляхъ своихъ, и въ дѣйствіяхъ силою своей вѣры всегда держался Христова духа и направленія.

Первые годы жизни отца Петра, по возвращеніи изъ Ярославской больницы умалишенныхъ, особенно содѣлались чудными и знаменательными по явному обнаруженію на немъ дѣйствія особеннаго Божественнаго промысленія. Родные сего страдальца держали его прикованнымъ на цѣпи, и народъ боялся его, какъ безумнаго; но Господь даровалъ ему благодатный даръ прозрѣнія тайнъ будущаго и сердець человѣческихъ, но вмѣстѣ съ таковымъ даромъ усугубилъ его матеріальную бѣдность. Въ скоро приключившемся, послѣ того времени, пожарѣ сгорѣла вся слобода, и домикъ больного священника сгорѣлъ въ числѣ первыхъ.

Однажды жена отца Петра собралась идти въ Угличъ; прикованный къ стѣнѣ страдалецъ не хотѣлъ ее отпустить и прикровенно открылъ для нея тайну будущаго. «Оксинья не ходи; жарко будетъ». Но жена его не дала себѣ труда вдуматься въ сказанныя ей слова и пошла въ городъ, бросивши мужу ключъ отъ одного какого-то чулана. Спустя не много времени пришла къ отцу Петру сосѣдка посидѣть на завалинкѣ его дома и пожалѣть о его тяжеломъ положеніи: тогда онъ сказалъ пришедшей уже безъ иносказаній: «Отедосья! поди домой, у тебя горить». Въ домѣ ея дѣйствительно загорѣлось, и выгорѣло все село; домикъ отца Петра истребленъ былъ пожаромъ въ числѣ первыхъ строеній, такъ что съ ключемъ, оставленнымъ ушедшею хозяйкою дома, выбрана была только малая часть ихъ имущества. Самая жизнь человѣка Божія сохранена была отъ опасности, благодаря сердоболію немногихъ христолюбцевъ, которые успѣли придти во время, отковали узника и вывели его изъ загорѣвшагося зданія. Погорѣльцу-узнику было свыше открыто, въ утѣшеніе его скорбнаго духа, что новый домикъ для жительства его съ семействомъ будетъ устроенъ на томъ же самомъ мѣстѣ,—и мужъ, начавшій путь юродства, открылъ это обывателямъ—поселянамъ въ своихъ, свойственныхъ однимъ юродивымъ, причудливыхъ формахъ. Лишь только

потухли оставшіяся головни сгорѣвшаго дома, юродивый сѣлъ на пепелищѣ и никуда не хотѣлъ сойти. Ни просьбы родныхъ, ни угрозы и насилія сосѣдей, ни осенніе вѣтры и дожди, ни частые морозы и непогоды поздней осени,—ни что не могло сжить его съ занятаго имъ мѣста. Сосѣди жители сдѣлали для него тутъ же шалашъ и приковали его къ этому жилищу; на немъ же въ скоромъ времени, при пособіи христіанцевъ, выстроенъ былъ небольшой двухъэтажный домикъ, въ которомъ прозорливецъ и жилъ до своей смерти.

Въ другой разъ, оставленный неприкованнымъ, отецъ Петръ ушелъ въ городъ Угличъ и тамъ, ходя по улицамъ, не разъ говорилъ: «ухъ, какъ жарко будетъ». Многіе изъ жителей города слышали слова, имъ сказанныя, и не обратили на нихъ вниманія. Вскорѣ, однакожъ, страшное пожарное бѣдствіе опустошило городъ, въ которомъ тѣ самыя улицы и выгорѣли, по которымъ проходилъ Петръ юродивый.

Спустя немало послѣ того времени, случилось отцу Петру отковаться; онъ ушелъ въ Угличъ. Отецъ Петръ увидѣлъ въ городѣ частнаго полицейскаго пристава и обличилъ его въ тайныхъ беззаконіяхъ, бывшихъ никому не извѣстными; обличеніе до такой степени оказалось справедливо и полно, что обличенный приставъ разсердился и, схвативъ обличителя, привелъ его въ полицейское управленіе и такъ жестоко. высѣвъ, что вся спина обличителя оказалась израненною. Правда, злого пристава наказали лишеніемъ должности; но и отца Петра снова засадили въ домъ умалишенныхъ въ городѣ Ярославѣ, какъ будто только для продолженія такого же жестокаго самоуправленія надъ нимъ, какое онъ испыталъ въ Угличѣ отъ полицейскаго частнаго. По времени навѣстили его тамъ родные; но когда онъ вышелъ въ корридоръ проводить ихъ и въ прощальномъ разговорѣ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, сейчасъ же явился сторожъ, съ крикомъ и бранью началъ бичевать заключенника, по чему попало,

и немедленно втокнулъ его въ камору. Тогда отецъ и сестра, лично увидѣвшіе жестокость обращенія съ душевно-больными, сжалились надъ страдальцемъ, обратились, куда слѣдуетъ, съ прошеніемъ и взяли его къ себѣ домой, хотя это доброе дѣло стоило имъ немалыхъ хлопотъ и значительной траты времени. По прибытіи на мѣсто жительства, родственники отца Петра однажды пригласили его въ Рыбинскъ; тамъ онъ, проходя улицую, гласно вслухъ всѣхъ обличилъ одного поставщика въ тайныхъ его злодѣяніяхъ. Новое истязаніе начало угрожать обличителю неправды; но добрые люди вступились за отца Петра, не дали въ обиду, и онъ, возвращенъ былъ въ домъ родственника, на его поручительство. Описанные два случая умудрили отца Петра; онъ оставилъ навсегда рѣзкій тонъ обличенія порока при столь ясно обнаружившейся его бесполезности. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ измѣнилъ и образъ своихъ дѣйствій, началъ являться тихимъ, кроткимъ; цѣпи, которыми его ковали, сдѣлались ненужными. Онъ началъ смотрѣть на людей, воснѣющихъ во грѣхѣ, какъ на больныхъ, или же какъ на дѣтей, и мягкими мѣрами рѣшился исправлять немощи и людскіе пороки. Онъ весь предался, по его выраженію, исправленію дѣтскихъ дѣлъ и всѣхъ приходящихъ къ нему руководилъ въ духовныхъ нуждахъ и жизненныхъ затрудненіяхъ, восполняя чужіе недостатки и немощи духовныя силою присущей ему благодати Христовой. Вражда противъ подвижника утихла. Прежніе враги его приходили къ нему за духовною помощію, вмѣстѣ съ другими, чуждыми посѣтителеми и, наравнѣ съ ними, получали отъ него благодатныя вразумленія и утѣшенія.

Массы народа, люди разныхъ званій и состояній приходили къ отцу Петру большею частію съ житейскими заботами и скорбями, и рѣдко съ побужденіями благочестивыми; подвижникъ усиливался вводить ихъ въ служеніе Богу духовное и душу и сердце ихъ доводить до осѣненія чело-вѣко-

Священник о. Петръ Томаницкій

любивой Христовой благодати, лишь бы понемногу пробуждались они сами въ нравственному самознанію. Способомъ къ сему служили въ рукахъ отца Петра разныя вещицы: камешки, палочки, желѣзки, досточки, которыми уставленъ былъ весь столъ предъ нимъ, и разныя работки надъ этими вещицами; онъ ихъ точилъ, пилилъ, складывалъ, строилъ, ронялъ, и въ работкахъ съ этими вещицами указывалъ внутреннее состояніе души собесѣдника, или же выяснялъ имѣвшій послѣдовать исходъ его дѣятельности. При занятіи такими работками, отецъ Петръ бывалъ всегда въ усиленныхъ движеніяхъ духа и овладѣвалъ мыслью и чувствомъ своихъ посѣтителей, которымъ понемногу становились понятными значеніе и смыслъ его работокъ. Иногда же смыслъ загадочныхъ его дѣйствій становился понятнымъ впослѣдствіи, и именно когда бывало это нужнымъ. Случалось иногда, что отецъ Петръ обращался сурово съ нѣкоторыми изъ посѣтителей, рѣзко намекая на сокрытые дѣянія, и налагалъ послушаніе очень нелегкое; но никто не смѣлъ выразить и малѣйшаго противорѣчія.

Нерѣдко люди духовнаго званія, получившіе образованіе, облеченные высокимъ саномъ, посѣщали отца Петра,—и тѣ, при всемъ образованіи, находили слова и отвѣты его высокополезными и благотворными. Иногда высказывался онъ и довольно прямо, безъ загадочныхъ выраженій, и это допускалъ по особенно важнымъ предметамъ, напримѣръ: «Церкви не касайся», то-есть не оскорбляй, не колебли ничего церковнаго. Бывало, говорилъ приходящимъ: «правды нѣтъ, такъ что шалите?»—«Надо живши, правду знать». Другимъ говорилъ, внушая необходимость служить Богу всякимъ дѣломъ и во всякое время: «молились бы Богу въ своихъ должностяхъ». Многимъ, безопасно живущимъ безъ мысли о будущемъ, отецъ Петръ выражался: «гдѣ имъ это сдѣлать? гдѣ имъ это знать?» и въ то же время себя, какъ мальчика и слугу, возбуждалъ работать надъ исправленіемъ ихъ дѣт-

скихъ дѣлъ: «работай, Петруша, работай; помолись за нихъ, Петруша, помолись за нихъ». Иногда же онъ очень опредѣленно указывалъ на очень немалое число руководимыхъ имъ и прибавлялъ касательно себя самого: «и всѣмъ имъ покорный слуга».

Особенное для отца Петра удовольствіе состояло въ посѣщеніи храма Божія, гдѣ онъ неопустительно бывалъ въ каждый воскресный и праздничный день. Мѣстомъ стоянія его былъ клиросъ, гдѣ онъ пѣлъ вмѣстѣ съ причетниками; нерѣдко пѣлъ онъ духовныя пѣсни и дома, и тогда требовалъ отъ присутствующихъ глубокаго молчанія. Какъ вѣрный сынъ Церкви, отецъ Петръ свято исполнялъ всѣ уставы и постановленія церковныя, особенно посты соблюдалъ весьма строго. «Безъ меня не бываетъ ни одной обѣдни», говорилъ о себѣ мужъ юродивый, но, держась наружныхъ формъ юродства, онъ не причащался Святыхъ Христовыхъ Таинъ въ продолженіе не одного десятилѣтія. На вопросы знавшихъ его, почему не причащается Святыхъ Таинъ, онъ отвѣчалъ: «я негоденъ, я недостойнъ»; другіе спрашивали: почему не говѣеть? отецъ Петръ отвѣчалъ: «я всегда говѣю», и болѣе ничего не говорилъ. Но дѣйствительно ли уклонялся онъ отъ причащенія Святыхъ Таинъ, это остается тайною. Есть свидѣтельства людей, достойныхъ вѣроятія, которые утверждали, что отецъ Петръ тайно, скрываясь отъ другихъ, причащался ежегодно запасными Дарами. Въ присутствіи преданныхъ ему, въ годы преклонныя, старецъ не скрывался, что живетъ вѣрою въ Господа Иисуса Христа и нѣкогда прямо сказалъ: «я не знаю, гдѣ я живу, на небѣ или на землѣ; развѣ съ Іліею пророкомъ».

Среди этихъ духовныхъ подвиговъ, въ виду явныхъ знаменій дѣйствовавшей чрезъ него благодати Божіей, непонятнымъ казалось, почему онъ весьма долгое время какъ-бы намѣренно уклонялся отъ явнаго въ виду другихъ приобщенія Святыхъ Таинъ. Это уклоненіе отъ причащенія набрасыва-

вало какъ-бы нѣкую тѣнь на всю его подвижническую жизнь, какъ будто онъ, лишенный права служить, по гордости не принималъ приобщенія отъ другого священника. На вопросы знавшихъ его, почему онъ не причащается Святыхъ Таинъ, подвижникъ отвѣчалъ: «я негоденъ, я недостойнъ». Другіе спрашивали: почему онъ не говѣеть. Старецъ отвѣчалъ вышеприведенными словами: «я всегда говѣю» и болѣе ничего не говорилъ. По объясненію нѣкоторыхъ, чрезъ уклоненіе отъ причащенія онъ внушалъ другимъ, съ какимъ испытаніемъ совѣсти должно приступать къ этому великому и пренебесному Таинству. Одинъ весьма извѣстный по глубокому духовному просвѣщенію и странной судьбѣ, сперва духовный и даже священный инокъ, затѣмъ мірянинъ, но и въ мірѣ сохранившій до самой своей весьма назидательной кончины глубоко-благочестивое настроеніе, самый преданнѣйшій почитатель о. Петра примѣнялъ къ нему, въ объясненіе столь непонятнаго его уклоненія отъ великаго Таинства, слова апостола Павла: *Молибыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 3). По сему объясненію, отецъ Петръ, какъ духовный отецъ и руководитель весьма многихъ, самоотверженно подвергалъ себя лишенію самаго высшаго, самаго желаннаго блага, чтобы чрезъ этотъ подвигъ самопожертвованія испросить у Господа помилованіе тѣмъ, кто недостойнымъ причащеніемъ Его прогнѣвляеть. Въ особенности якобы онъ имѣлъ въ виду духовныхъ братій, служителей алтаря, приступающихъ къ великому Таинству иногда безъ надлежащаго приготовленія. Есть, впрочемъ, по сказанію жизнеописанія, свидѣтельства людей, заслуживающихъ довѣрія, которыя утверждали, что отецъ Петръ ежегодно причащался запасныхъ Святыхъ Даровъ тайно отъ другихъ. Но вопросъ стоитъ открытымъ, почему-же онъ таился здѣсь, когда зналъ, что многихъ это приводитъ въ недоумѣніе и смущеніе, или, можетъ быть, это лишеніе себя величайшаго изъ даровъ Божіихъ, или со-

крытіе въ исполненіи важнѣйшаго христіанскаго долга входили въ подвигъ воспринятаго имъ на себя юродства... Предъ концомъ своей жизни, однакожь, онъ явно исповѣдался, съ великимъ благоговѣніемъ причастился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, послѣ чего принялъ и помазаніе святымъ елеемъ.

Въ домашнемъ быту отецъ Петръ проводилъ самую воздержную жизнь, роскоши не терпѣлъ, носилъ простой бѣлый халатъ, сшитый изъ холста; подрясникъ онъ надѣвалъ только въ церковь и для принятія какихъ-либо именитыхъ посѣтителей, а рясы не имѣлъ никогда во всю жизнь. Жилъ онъ дома, какъ гость, не входя ни въ какія домашнія распоряженія. Пищу принималъ, какую подавали ему домашніе, и всегда былъ доволенъ, какъ бы ни была скудна его трапеза. Если его забывали, онъ никогда не напоминалъ о себѣ цѣлые дни; когда подавали ему ѣсть, онъ ѣлъ, послѣ вставалъ, молился предъ святыми иконами и благодарилъ за хлѣбъ-соль прежде жену свою Ксенію Ивановну, а по смерти ея невѣстку, неотлучно при немъ находившуюся.

Для уединенной молитвы отецъ Петръ часто удалялся на берегъ рѣки Волги, не разбирая погоды; любилъ тамъ быть подолгу, лѣтомъ въ одной рубашкѣ длинной и бѣлой, а зимой въ трескучіе морозы въ коротенькомъ тулупцѣ. Нерѣдко въ сильный морозъ, въ одной рубашкѣ, онъ долго работалъ у своего дома, съ босыми ногами, и оставался невредимымъ. Каждый вечеръ, усердно помолившись Богу, онъ склонялся ко сну на самое жесткое ложе. Постелью его служилъ примосточекъ у русской печи въ нижнемъ этажѣ дома, подлѣ самой двери въ холодныя сѣни. Нерѣдко дверь въ сѣни отходила или оставалась недотворенною по недосмотру родныхъ; въ помѣщеніи такомъ становилось страшно холодно; но отецъ Петръ не обращалъ на то вниманія, какъ бы на дѣло стороннее. Бывало, въ изголовьи постели его накладываютъ дровъ; онъ не переложитъ ни одного полѣна, ляжетъ на нихъ и заснетъ. Приходившіе за совѣтами приносили ему иногда нѣ-

сколько денегъ, иногда что-либо съѣстное, булку, крендельки и иногда вещи; отецъ Петръ, если не успѣвали его родные отобрать принесенное, раздавалъ все то нищимъ, бѣднымъ людямъ изъ приходящихъ, а иногда бросалъ за окно, или жегъ и нерѣдко цѣнныя вещи. По внѣшнему виду своему, онъ былъ не только благообразенъ, но и мужественъ; при высокомъ ростѣ имѣлъ чело возвышенное, носъ орлиный, взглядъ проницательный, волосы на главѣ и брадѣ серебристые; въ бѣломъ одѣяніи своемъ онъ казался существомъ неземнымъ. На вѣку своемъ много горя, лишеній, несправедливыхъ утѣсненій, тяжкихъ обидъ привелось выстрадать отцу Петру, и все, съ нимъ встрѣчавшееся, онъ переносилъ безропотно, всегда и всѣмъ былъ доволенъ, благодушествовалъ въ скорбяхъ и лишеніяхъ, за все благодарилъ Господа. Ходить по знакомымъ онъ не любилъ, но изрѣдка, по настоятельнымъ просьбамъ любящихъ его лицъ, бывалъ въ Угличѣ, Рыбинскѣ, въ Кашинѣ, и всегда только въ томъ домѣ, куда былъ приглашаемъ, и тамъ принималъ всѣхъ, желавшихъ съ нимъ бесѣдовать.

Матеріальныя средства отца Петра къ прожитію съ семействомъ были самыя скудныя. По увольненіи отъ должности приходскаго священника, епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія назначило ему денежное пособіе по 8 руб. 70 к. въ годъ, и на эти рубли приходилось содержаться мужу съ женою и вдвоемъ съ троемъ дѣтьми. Большаго пособія духовное попечительство дать не могло, потому что само было очень скудно своими средствами. Къ этому нищенскому содержанію служили добавочнымъ подспорьемъ тѣ мелкія приношенія посѣтителей копеечками, булочками, которыя со стороны домашнихъ во время оказывались усмотрѣнными и не были еще розданы руками отца Петра, относившагося къ такимъ подаваніямъ съ совершеннымъ безпристрастіемъ. При такой то видимой всѣми беспомощности, чудо благости Божіей, воочію всѣхъ, видимо совершилось надъ

бѣднымъ, но праведнымъ семействомъ сего человѣка Божія. Сынъ и двѣ дочери отца Петра выросли, воспитались, пристроены, что въ свое время не малымъ служило для всѣхъ удивленіемъ. Когда сынъ отца Петра женился, то онъ еще при сватовствѣ дѣвицы спрашивалъ, какъ зовутъ невѣсту и, узнавъ ея имя (Екатерина), сказалъ: «молитесь Богу; у насъ праздникъ-то Екатерины великомученицы». Принимая молодыхъ, онъ привѣтствовалъ ихъ, но тогда же сказалъ: «къ году надо будетъ ставить свѣчи. Чирей-то больно великъ; какъ-то будетъ перенести его?» Последнія слова сказаны были имъ послѣ нѣкоторыхъ дѣйствій. И дѣйствительно, къ году ставили свѣчи на гробѣ сына. Невѣстка его осталась беременною; но, впослѣдствіи, занявшись съ заботливою материнскою любовію своимъ ребенкомъ, при видѣ строго-подвижнической жизни свекра, переносила крестъ своего вдовства, конечно, съ большою горестію, но безъ особенно тяжелаго или невыносимаго горя. Мѣсяца черезъ три послѣ смерти мужа ея, прозорливецъ напоминалъ ей: «другая-то свѣча не горитъ», чѣмъ давалъ понять, что ей предлежитъ до конца жизни путь одиночества и вдовства, что впослѣдствіи оправдалось на самомъ дѣлѣ. При свекрѣ старцѣ и свекрови она жила до холернаго года еще болѣе покойно, но свекровь ея въ томъ году скончалась. Кончина ея предсказана была прозорливымъ старцемъ, и довольно своеобразно. Въ маѣ 1848 года, возвращаясь изъ Рыбинска отъ своихъ родственниковъ съ престарѣлою женою своею, отецъ Петръ много разъ пѣлъ дорогою: «со святыми упокой», чѣмъ нѣсколько обезпokoилъ свою спутницу. Недовольная такимъ пѣніемъ, она проговорила старцу: «да кого ты отпѣваешь?». «Да хоть-бы и тебя! Шей себѣ саванъ, какъ пріѣдешь, да зови поповъ; собороваться надо». На другой день по пріѣздѣ Ксенія Ивановна неожиданно заболѣла холерою, соборовалась, пріобщалась Святыхъ Христовыхъ Таинъ, а перваго іюня ея дѣйствительно не стало въ живыхъ. По смерти ея, невѣсткѣ

отца Петра уже одной пришлось принять на себя весь трудъ хожденія за старцемъ до самой блаженной кончины его.

Народъ называлъ отца Петра прозорливымъ, провидцемъ, любилъ посѣщать его и пользоваться его совѣтами.

Своею искреннею правдивостію, своею сердечною откровенностію, отецъ Петръ привлекалъ къ себѣ даже враговъ. Невозможно было, однажды послушавши облагодатствованныхъ рѣчей и совѣтовъ старца, когда-либо забыть его. Нравственная сила его внушеній, мощная по обилію обитавшей въ немъ благодати Духа, дѣйствовала неотразимо на приѣмлющихъ ее съ вѣрою и не забывалась до смерти. Стоило только разъ или два посѣтить этого старца, и въ душѣ посѣтителя раждалось необоримое желаніе чаще видѣть благолѣпное лицо прозорливца, еще и еще поучаться краткими, но глубоко-назидательными рѣчами его.

Подвижникъ Югскаго монастыря іеромонахъ Адріанъ, строгій ревнитель благочестія и правды, именовалъ отца Петра святымъ по жизни и новымъ Іовомъ, по безропотному шествію путемъ злостраданій и крайняго убожества, и предъ своею кончиною поручилъ ему свою заботу руководить многочисленную общину сестеръ, желавшихъ созданія особой для себя обители.

Этотъ, знаменитый по святости жизни инокъ-іеромонахъ Адріанъ, въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія подвизался въ Адріановомъ монастырѣ Ярославской епархіи, въ семи верстахъ отъ города Пошехонья. Усиленная молитва, всегдашнее воздержаніе въ пищѣ и питіи, кроткое и привѣтливое обращеніе съ посѣтителями обители, глубокая мудрость предлагаемыхъ совѣтовъ привлекали къ отцу Адріану множество посѣтителей всѣхъ возрастовъ и сословій. Въ числѣ ихъ были благочестивыя вдовицы и юныя дѣвы, стремившіяся къ жизни богоугодной. Между ними чаще другихъ являлась къ нему нѣбая благочестивая дѣвица Матрона Ивановна Гулина и сама, наставляемая мудрымъ старцемъ, въ свою очередь ру-

ководила другихъ своихъ сверстницъ. По указанію подвижника, онѣ наняли себѣ общую квартиру, завели общій столъ, вмѣстѣ трудились, вели общее хозяйство; каждый день начинался у нихъ молитвою. Нужно-ли было начинать какую либо работу, Гулина ходила за благословеніемъ къ старцу, и начатое дѣло вѣнчалось добрымъ успѣхомъ. Нужно-ли было произвести какія-либо улучшенія въ квартирѣ или хозяйствѣ, община рѣшалась на это не иначе, какъ по указанію старца. Въ февралѣ 1851 года, по распоряженію епархіальнаго начальства, іеромонахъ Адріанъ переведенъ былъ въ Югскую Дорощеву общежительную пустынь Рыбинскаго уѣзда той-же Ярославской губерніи. И община послѣдовала за своимъ руководителемъ и, по указанію его, нашла себѣ новое мѣсто жительства въ городѣ Мологѣ. Здѣсь, близъ Воскресенской церкви въ Заручѣ, сестры наняли себѣ большой деревянный флигель и въ немъ, съ благословенія старца, завели вновь общежитіе по примѣру пошехонскаго. Въ новомъ мѣстѣ жительства, какъ и въ Пошехонѣ, распредѣлены были всѣ часы молитвы и дневныхъ занятій общины по указанію отца Адріана. Но вотъ старецъ началъ болѣть и видимо готовился оставить этотъ многоятежный міръ. Предъ кончиною его собрались старшія изъ сестеръ и, съ глубокою скорбію въ сердцахъ, со слезами на глазахъ, спрашивали старца, что имъ дѣлать? кто станетъ ими руководить? Старецъ предложилъ имъ обратиться къ отцу Петру Томаницкому. «Угличскій старецъ, сказалъ онъ, будетъ лучшимъ, чѣмъ я грѣшный, наставникомъ для васъ и устроителемъ дѣлъ вашихъ; чрезъ него Господь явитъ вамъ Свою великую и богатую милость». Послѣ погребенія іеромонаха Адріана, скончавшагося въ 1853 году, та же старшая сестра Матрона Гулина, съ нѣкоторыми изъ сестеръ, явилась къ отцу Петру и сказала о завѣщаніи отца Адріана. Услышавши о такомъ новомъ для него трудѣ и множествѣ сестеръ, пшущихъ его руководства, новонареченный наставникъ, съ нѣкоторымъ

какъ бы юродствомъ, но далеко прозирая впередъ, сказалъ сестрамъ: «о, хо, хо, какую груду камней оставилъ мнѣ отецъ Адріанъ!» Сестры упали къ ногамъ старца и слезно просили его покровительства. Тогда старецъ сказалъ: «будемъ каждый по силкамъ работать Господеву», и благословилъ общину переселиться въ Угличъ. Одна изъ сестеръ, Марья Михайловна, болѣе другихъ смѣлая и рѣшительная, въпослѣдствіи монахиня Митрофанія и настоятельница Иверскаго женскаго монастыря въ Нижегородской губерніи, осмѣлилась просить благословенія у старца на начало открытія своего собственнаго монастыря. «А давно бы пора», быстро отвѣчалъ старецъ, и вновь умолкнулъ. «Да гдѣ же, батюшка»? — «Пойди. Рѣка Волга широка и долга». Рѣшено было отправить старшихъ сестеръ воднымъ путемъ по Волгѣ пріискивать пригодное для обители мѣсто. Поиски не увѣнчались успѣхомъ, о чемъ сестры, возвратившись, и сообщили старцу. «То-то дѣвочка», сказалъ отецъ Петръ, обратившись къ будущей монахинѣ Митрофаніи: «по своей дорожкѣ пойдешь, такъ и въ избу не войдешь». — «Батюшка ты нашъ», сказали сестры: — «вѣдь уже наскучила намъ жизнь кочевая». — «Еще успѣете клобуки надѣть», отвѣтилъ старецъ и умолкъ.

Въ пятницу первой недѣли Великаго поста, 7-го февраля 1858 года, явилась на совѣтъ къ отцу Петру игуменія Антонія, изъ рода дворянъ Мезенцевыхъ, настоятельница Кашинскаго женскаго монастыря, и предлагала на его обсужденіе свои монастырскія дѣла. При ней случайно пришли поѣтить старца три сестры общины: Матрона Ивановна Гулина, Марья Дмитріевна Свитина и, извѣстная намъ, Марья Михайловна. Неожиданно для всѣхъ, старецъ обращается къ игуменіи съ строгимъ видомъ и приказываетъ ей: «поѣзжай въ Рыбну монастырь строить». Вечеромъ 8-го февраля путница прибыла въ Рыбинскъ. Девятаго февраля, въ воскресенье послѣ литургіи, узнали о пріѣздѣ игуменіи многіе изъ гражданъ и, въ томъ числѣ, купецъ Андрей Ивановичъ Ми-

клятинъ, который пригласилъ ее къ себѣ. За симъ идетъ длинная исторія, столь знакомая на св. Руси, при построении храмовъ и обителей: по нѣкимъ особеннымъ указаніямъ отыскивается мѣсто, какъ нельзя болѣе для монастыря удобное; внезапно являются болѣе или менѣе крупныя пожертвованія, тщательно скрываемыя отъ людской молвы ради угожденія единому Господу; врагъ спасенія воздвигаетъ затрудненія и препятствія, повидимому, неодолимыя, но всѣ эти препятствія, какъ паутина, разсѣваются; вначалѣ — бывшіе противники предприемаемаго во славу Божию дѣла, силою благодати Господней, обращаются въ искреннѣйшихъ его приверженцевъ и покровителей. Дѣло, начатое въ 1858-мъ году, кончается тѣмъ, что въ 1860-мъ году послѣдовало Высочайшее утвержденіе опредѣленія Святѣйшаго Синода объ устроении общежительнаго женскаго монастыря во имя Софїи Премудрости Божіей, а въ томъ же году монастырь былъ заложенъ; въ 1861 году назначены были настоятельница и казначея обители, опредѣлены члены причта и освященъ первый храмъ обители; въ 1862 году съ особенною торжественностію былъ освященъ соборный ея храмъ, въ 1865 году утвердился въ обители полный иноческій чинъ, по образу другихъ старѣйшихъ обителей.

Старецъ, руководившій дѣломъ устроения, нерѣдко удивлялся самъ и другимъ давалъ уразумѣвать въ этомъ дѣлѣ пути особеннаго Промысла Божія. «Чудныя дѣла, чудныя дѣла! какія переменочки случились», говорилъ отецъ Петръ, мысленно взирая и удивляясь, какъ мірское и земное бытіе людей поднимается къ жизни церковно-благодатной, какъ духъ Христовъ воздѣйствовалъ въ мірскихъ людяхъ и подвигнулъ ихъ къ устроению пристанища для подвижницъ, отказавшихся отъ жизни мірской, отъ угожденія плоти, и возлюбившихъ жизнь дѣвственную, богоугодную. На своемъ языкѣ своеобразномъ, старецъ выражалъ эту дивную пере-

мѣну такими словами: «уголья то все равно, что въ церквяхъ, что въ кузницѣ раздувають».

Сестры приходили къ старцу съ дѣтскою довѣрчивостію и за то никогда не были лишаемы его назиданія. Для нихъ онъ нѣсколько сбрасывалъ съ себя покровъ юродства, говорилъ съ большею ясностію, чѣмъ съ мірскими посѣтителеми, и давалъ уразумѣвать имъ, что ихъ посѣщенія убогаго жилища его не останутся тщетными или же бесполезными.

Разъ между сестрами общины возникло разногласіе, отъ разногласія — взаимное охлажденіе и тайное желаніе выйти изъ общины. Съ потерей душевнаго спокойствія, съ колеблющимися думами, пришли онѣ на совѣтъ къ прозорливцу, и онъ радушно говоритъ имъ: «пришли вы ко мнѣ съ дѣломъ, и отъ меня пойдете съ дѣломъ. Похвально ваше дѣло; превосходно оно, какъ вино, и всѣмъ крайне годно. Хорошо добрѣ вино, когда дѣлаемъ одно; прекрасно оно, когда мыслимъ одно. Вотъ какъ въ ульѣ пчела, такъ бы и ваши дѣла». Затѣмъ старецъ долго бесѣдовалъ съ сестрами о предметахъ возвышенныхъ и выяснилъ имъ, какъ необходимо для нихъ отсѣченіе собственной воли и благополезно всегдашнее довольство своимъ жребіемъ. Сестры поняли, что тайная ихъ рѣшимость уйти изъ общины повредить дѣлу ихъ спасенія и, взявши благословеніе старца, ушли отъ него съ твердою рѣшимостью всѣмъ остаться въ общинѣ, какова бы ни была судьба ея.

Въ другой разъ одна изъ обитательницъ общины пришла къ отцу Петру къ вечеру дня съ своими духовными сестрами еще задолго до открытія Софійскаго монастыря. Радушно встрѣченный старцемъ, принявши отъ него назидательный совѣтъ, онѣ остались, по его приказанію, ночевать у него. Предъ ночнымъ упокоеніемъ сестры встали на молитву, а онъ лежалъ, закрывши глаза, у печки на своемъ примосточкѣ. Только одна изъ сестеръ (Александра Васильевна Салтыкова, а въ иночествѣ монахиня Досиѳея), стоя на мо-

литвѣ, подумала: а что, батюшка-то можетъ ли прозирать молитвенное настроеніе молящихся, подобно Сысю Великому? И только что такъ подумала, вдругъ слышитъ, что отецъ Петръ, какъ бы отвѣчая на тѣ сокровенныя мысли, внятно говоритъ: «Богъ-то все тотъ же, что и при Сысоѣ Великомъ». Это такъ поразило сестру, что она, вставши съ молитвы, упала къ ногамъ старца съ словами раскаянія и сказала: «простите, батюшка, вѣдь я въ васъ усомнилась»; а старецъ отвѣчалъ ей; «что ты, что ты? Поди. сядь; я ничего не знаю». Слова, сказанныя отцомъ Петромъ, слышали и другія сестры, бывшія тогда у старца. Утромъ, возвращаясь въ общину, сестры уяснили себѣ это выраженіе прозорливца, и немало дивились его благодатному вѣдѣнію.

По устроеніи главнаго въ Рыбинскомъ монастырѣ Софійскаго храма наступило время поднятія крестовъ на главы сооруженнаго зданія. Къ означенному торжеству приглашенъ былъ и нарочно прибылъ изъ Іерусалимской слободы и отецъ Петръ. Когда подняты были кресты, старецъ проговорилъ: «кресты устоятъ; я ихъ самъ поднималъ». Слова эти тогда сочтены были не имѣющимъ особаго значенія говоромъ старца юродиваго и сохранились въ памяти слышавшихъ единственно по ихъ странности. Но послѣдствія оправдали ихъ съ замѣчательною точностію. Все въ храмѣ обветшало и передѣлано было вновь не болѣе, какъ черезъ пятнадцать лѣтъ времени, а кресты устояли и остались въ томъ же видѣ, какъ устроены первоначально.

Строитель монастыря Андрей Ивановичъ Миклютинъ, купивши для устройства обители около шестнадцати десятинъ земли, отдѣлилъ отъ нея болѣе десятины въ свою пользу и жилъ въ построенномъ на томъ участкѣ флигелѣ, сказывая всѣмъ, что эта земля его собственность, пріобрѣтенная имъ сверхъ пожертвованной для монастыря земли. Показавши прибывшему старцу всѣ монастырскія зданія, строитель вышелъ за ограду и показалъ гостю свою близъ лежащую дачу,

говоря: «а это вотъ, батюшка, моя усадьбица». Старецъ, взглянувъ на усадьбу и на самого ея обитателя, проговорилъ: «пядію измѣрялъ еси... да вѣдь отымуть». И слово старца исполнилось послѣ его блаженной кончины. Смѣнились по управленію обителю двѣ настоятельницы: Софія и игуменія Серафима. При игуменіи Евгеніи послѣдовали отъ сосѣднихъ владѣльцевъ заявленія и жалобы, что монастыремъ будто бы занята часть земли, обители не принадлежащей. Въ устраненіе пререканій игуменія потребовала землемѣра и пригласила сосѣднихъ владѣльцевъ прислать довѣренныхъ для присутствованія при обходѣ пограничныхъ спорныхъ линій. По обмѣркѣ земли оказалось, что дача Андрея Ивановича входитъ въ число пятнадцати десятинъ съ саженьями, принадлежащихъ монастырю. Землемѣромъ были затребованы документы на право владѣнія земельнымъ участкомъ Миклютина, но никакихъ документовъ на землю ту не оказалось. Несмотря на это, Андрей Ивановичъ хотѣлъ строить на дачѣ той каменный домъ. Тогда игуменія обратилась къ преосвященному архіепископу Димитрію съ прошеніемъ и ходатайствомъ о дозволеніи строителю обители возвести каменное для себя зданіе на монастырской землѣ. Дозволеніе на такую постройку получено, но условное, на правѣ аренднаго владѣнія землею. Но строитель монастыря не согласился арендовать ту землю и устроилъ себѣ домъ на землѣ частнаго владѣльца, и тоже не въ дальнемъ разстояніи отъ монастыря; а бывшая усадьбица Миклютина, какъ предрекъ старецъ, поступила въ монастырское владѣніе.

Игуменія Евгенія, выслушивая рассказы объ отцѣ Петрѣ, однажды передала слѣдующее. Слѣдуя къ мѣсту своего новаго назначенія въ Рыбинскъ, мы съ матушкой (покойной игуменіею Серафимою) остановились въ Угличѣ съ намѣреніемъ побывать у отца Петра, о которомъ многое слышали отъ Андрея Ивановича, бывши въ Петербургѣ. О нашемъ назначеніи, а тѣмъ болѣе о намѣреніи посѣтить старца, онъ

знать не могъ. Но когда мы вошли къ нему, онъ торопливо одѣлся въ подрясникъ. Это насъ нисколько не удивило; но присутствовавшіе въ домѣ старца замѣтили это дѣйствіе и послѣ объяснили намъ, что отецъ Петръ дома почти ни для кого не надѣвалъ подрясника. Въ домикѣ старца стоялъ въ то время посошокъ съ крестикомъ на верху. При видѣ посошка кто-то изъ нашихъ, указывая на матушку, сказалъ: благословите, батюшка, этимъ посошкомъ нашу матушку, на что онъ къ удивленію всѣхъ отвѣтилъ: «она причастица». Удивляясь прозорливости старца, мы не смѣли болѣе скрываться и сказали ему о своемъ назначеніи. Отецъ Петръ бесѣдовалъ съ нами долго; но когда мы, спѣша на пароходъ, стали со старцемъ прощаться, онъ проговорилъ, благословляя насъ: «а я думалъ, вы у меня ночуете». Приѣхавши къ пароходной пристани, узнали мы, что пароходъ уже ушелъ, и снова отправились къ старцу, который, при видѣ насъ, сказалъ: «я такъ и думалъ, что вы у меня ночуете».

При жизни Ксеніи Ивановны, супруги отца Петра, жила при нихъ много лѣтъ въ качествѣ прислуги крестьянка Авдотья Аѳанасьева. Замѣтивши однажды намѣреніе отца Петра жечь принесенныя ему посѣтителеми деньги, она поспѣшила остановить его, говоря: «что ты, батюшка, дѣлаешь? Отдай-ка, отдай мнѣ деньги» Отецъ Петръ, какъ будто обиженный, съ улыбкою въ лицѣ, проговорилъ: «на, на, жадная; умрешь, такъ по тебѣ и Святый-то Боже пѣть не будутъ». На это Аѳанасьева съ сердцемъ проговорила: «что я некрещеная что ли?» Однакоже слова старца запечатлѣлись въ сердцѣ крестьянки. Знала она, что слова его сбываются съ поразительною точностію, и немало боялась своей будущей кончины. Не потонуть бы въ рѣкѣ, не сгорѣть бы въ огнѣ, думала Аѳанасьева, и тѣмъ усерднѣе молилась Богу сохранить ее отъ такой смерти, равно какъ и всякаго православнаго христіанина. По смерти отца Петра, она поступила въ Софійскій монастырь, жила благочестиво и сконча-

лась въ первый день святаго Пасхи, такъ что по ней, дѣйствительно, не пѣли «Трисвятаго».

Священникъ села Михайло-Архангельскаго, по имени тоже Петръ, часто бываеъ у старца и, возвращаясь отъ него домой, случайно наѣхалъ на камень; телѣга опрокинулась и придавила его собою, такъ что при всѣхъ усиліяхъ не могъ изъ подъ нея выбраться. Вскорѣ послѣ того пришла къ отцу Петру за совѣтомъ одна женщина того же прихода; но старецъ, не давъ ей сказать ни одного слова, сталъ гнать ее вонъ: «поди, поди домой-то скорѣе, тамъ не гоже», и повторилъ то не одинъ разъ. Женщина подумала: видно дома что-нибудь вышло не ладно, бросилась бѣжать домой, на дорогѣ наткнулась на опрокинутую телѣгу и услышала голосъ стонавшаго челоуѣка. Поднявши телѣгу, она удивилась прозорливости пославшаго ее старца и обрадовалась за избавленіе своего священника, къ которому питала глубокое уваженіе.

Одинъ угличанинъ Аркадій Петровъ, дѣлавшій все по благословенію отца Петра, былъ однажды въ страшной опасности за свое судно, нагруженное товаромъ. Два большихъ судна, сорвавшись съ якоря, гонимыя вѣтромъ, угрожали гибелью его лодкѣ. Но суда тѣ, вблизи лодки Петрова, неожиданно сдѣлали уклонъ въ сторону и разбились о макшанъ. Приписывая избавленіе отъ опасности молитвенной помощи отца Петра, угличанинъ, возвратившись домой, явился благодарить старца за помощь и, не успѣвши переступить за порогъ дома, услышалъ отъ старца пріивѣтственные слова: не оставилъ и никогда не оставлю.

Угличская мѣщанка А. Жукова пришла однажды къ отцу Петру съ цѣлію вывѣдать, кто у нея таскалъ яйца. Старецъ встрѣтилъ ее неожиданнымъ вопросомъ: «а ты съ яйцами то почто? поди, я вашихъ дѣловъ не знаю». Въ другое время она пришла спросить о своемъ больномъ мужѣ. Старецъ, не говоря ни слова, взялъ въ руки рубанокъ, немедленно началъ

строгать доску и, нѣсколько поработавъ, легъ и сомкнулъ глаза, чѣмъ далъ ей понять имѣющую послѣдовать скорую смерть ея мужа, что и исполнилось.

Угличскій купецъ Дмитрій Ожеговъ по смерти братьевъ принужденъ былъ платить долги ихъ. Благоразумные кредиторы сдѣлали скидку извѣстной части долга; но одинъ изъ нихъ потребовалъ полной уплаты долга и засадилъ должника въ долговое отдѣленіе, гдѣ отъ горя и стыда онъ упadalъ духомъ и страдалъ невыносимо. Одинъ изъ его родственниковъ, сочувствуя такой безпомощности положенія, пошелъ къ отцу Петру и просилъ его помолиться за узника. Старецъ самъ бывалъ заключенникомъ и опытно зналъ тяжесть тюремной жизни, но ничего не сказалъ просителю, а только велѣлъ ему побывать въ тюрьмѣ послѣ вечерни. Въ назначенное время приходитъ онъ въ тюрьму, видитъ заключеннаго веселымъ и спокойнымъ, и слышитъ отъ него разсказъ: «Сейчасъ я только проснулся и видѣлъ чудный сонъ. Ко мнѣ приходилъ батюшка отецъ Петръ и какъ же онъ утѣшилъ меня»!

Пришла однажды къ отцу Петру дѣвица легкаго поведенія просить благословенія выдти замужъ. «Да у тебя, сказалъ старецъ, и такъ семь мужей». Дѣвица заплакала и, упавши въ ноги старцу, говорить: «благословите, батюшка, за одного изъ нихъ». Но старецъ не замѣтилъ въ ней рѣшимости жить воздержно и сказалъ ей: «поди, больше я не знаю».

Одинъ изъ священнослужителей Церкви, ревнуя о духовномъ просвѣщеніи Россіи, въ разговорѣ съ прозорливымъ старцемъ, со слезами умолялъ его помочь молитвами скорѣе выпутаться русской мысли изъ темныхъ направленій. Тогда старецъ Божій далъ ему понять, что остановки Божьяго дѣла быть не можетъ, но и произвола человѣческаго нечѣмъ обновить. «Ничѣмъ не помочь, говорилъ онъ, надо молиться Богу, а все хорошо». И послѣ того высказалъ, что во всемъ мірѣ, только еще безсознательно съ его стороны, идетъ обно-

вительное для него движеніе духовное, какъ бы новое духовное твореніе; это выражалъ отецъ Петръ въ примѣненіи къ нашей современности словамъ книги Бытія: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Земля же бѣ невидима и неустроена и тѣма верху бездны; и Духъ Божій носашеся верху воды* (Быт. 1, 1—2). Всеоживляющій Божественный Духъ, ниспосланный по обѣтованію Христову, приносить непрестанное обновленіе въ человѣческій міръ и, незримо для человѣчества, разгоняетъ мракъ заблужденій и уничтожаетъ растлѣніе нравовъ, упраздняя ветхія формы жизни человѣческихъ обществъ, царствъ, народовъ, поколѣній. По взглядамъ отца Петра, въ мірѣ христіанскомъ, слишкомъ изветшавшемъ то любодѣйными, разнообразными измѣнами Христу, то убійственною безпощадностію къ грѣшнымъ людямъ, имѣетъ обновиться духъ правый, воспитаться и возрасти живой и человѣколюбивый духъ Христовъ. И потому нерѣдко взывалъ отецъ Петръ за себя и весь міръ земной: помилуй мя, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей.

Одинъ Мологскій мѣщанинъ Алексѣй Ѳедоровъ, проживая въ Рыбинскѣ на фабрикѣ купца Журавлева, еще при крѣпостной зависимости крестьянъ, задумалъ жениться на крѣпостной дѣвушкѣ, по имени Варварѣ, неизвѣстной его родителямъ, за которую еще нужно было внести сто рублей выкупа, а родственники его, Ѳедорова, совѣтовали ему взять невѣсту другую. Въ раздумьѣ, какъ поступить въ столь важномъ для него дѣлѣ, онъ пошелъ къ отцу Петру на совѣтъ и благословеніе, но вмѣстѣ съ Ѳедоровымъ увязался его товарищъ по службѣ, конюхъ и уже человѣкъ женатый, и дорогою при своемъ строптивомъ и насмѣшливомъ характерѣ говорилъ Ѳедорову: «и я спрошу юродиваго старца, благословить ли и мнѣ жениться!»—«Такъ что же, спроси, отвѣтилъ ему безъ размышленія Ѳедоровъ; вотъ и хорошо». Пришли они къ отцу Петру, а у него въ избѣ народу много; самъ же старецъ лежалъ на печи. Но только вошли Ѳедо-

ровъ и конюхъ-спутникъ его въ мѣсто жительства старца, какъ вдругъ старецъ всталъ, сошелъ съ печи и сталъ волноваться, терзать свое скудное рубище и высказывать недовольство въ притчахъ со строгостію и трогательностію въ словахъ. Находившіеся въ избѣ напугались, увидѣвши старца взволнованнымъ, и стали выходить вонъ. Сробѣлъ и товарищъ Ѳедорова, и тотъ вышелъ, и остался въ комнатѣ только онъ, Ѳедоровъ. Тогда отецъ Петръ вдругъ пришелъ въ себя и успокоился. На просьбу Ѳедорова, благословить его жениться, прозорливый старецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ: «Богъ благословить, женись; Варвара будетъ жена хорошая». А старцу имя невѣсты Ѳедорова не было сказано. Слово старца исполнилось. Ѳедоровъ, несмотря на препятствія, женился на любимой своей невѣстѣ Варварѣ, только жилъ недолго; вдова же его не упала духомъ въ приключившейся скорби, несла терпѣливо крестъ вдовства и жила скромно въ трудахъ по найму.

Въ 1865 году, за годъ до своей смерти, прозорливый старецъ, бесѣдуя съ монахиней Софійскаго монастыря Сергіею, предсказалъ ей будущую ея судьбу въ слѣдующихъ словахъ: «ну, что, большая голова, матушка, матушка! А каково-то матушкѣ? Вѣдь я церковь-то поставилъ деревянную не добрѣ дорого, только десять лѣтъ строилъ, а теперь можно назвать и Ѳеофановъ (Богоявленный) монастырь. Я за перевозки-то гривенникъ далъ. А ты (и опять старецъ посмотрѣлъ на монахиню и сказалъ), ты въ моемъ-то и пребывай на покой, подлѣ меня будешь жить». Слова эти остались въ памяти у слышавшей ихъ монахини. По смерти старца она не придавала имъ большого значенія; но случившееся чрезъ восемь лѣтъ событіе живо напомнило Сергіи данное ей предсказаніе. Въ 1874 году, по сношеніи съ Ярославскимъ епархіальнымъ начальствомъ, мать Сергія была вызвана митрополитомъ Исидоромъ въ новую Леушинскую женскую общину Новгородской губерніи, въ начальницы. Когда монахинѣ Сергіи, какъ на-

чальницѣ, стали сдавать приходскую въ томъ селеніи церковь, то въ церковной кружкѣ она увидѣла завернутый въ бумажкѣ гривенникъ и тотчасъ же спросила у старосты: «что это за гривенникъ, и для чего онъ завернутъ въ бумажку», и получила отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Предъ освященіемъ ихъ церкви, крестьянка-сборщица изъ ближней деревни (Бергайской) Авдотья Назарова, бывши въ Угличѣ, заходила къ отцу Петру и просила его помолиться о благоуспѣшномъ устроеніи церковнаго ихъ дѣла; тогда прозорливый старецъ благословилъ ее, послалъ съ ней въ церковь гривенникъ и велѣлъ хранить его въ кружкѣ». При взглядѣ на этотъ гривенникъ, Сергія живо припомнила бывшее ей предреченіе почившаго человѣка Божія, соединенное съ поименованіемъ гривенника, и подивилась дивному прозрѣнію старца въ тайны будущаго. Что могъ сохраниться чрезъ много лѣтъ ничтожный гривенникъ, данный случайно, и послужить напоминаніемъ о предреченіи, это не могло иначе совершиться, какъ по изволенію вседѣйствующей премудрости Божіей. Вскорѣ послѣ того и другая часть старцева изреченія исполнилась съ удивительною точностію. Сергія состояла настоятельницею недолго, съ небольшимъ два года, и, при стропотномъ духѣ сестеръ, не желавшихъ являть ей должнаго послушанія, отказалась отъ управленія общиною и возвратилась въ свой любимый Софійскій монастырь и, что ранѣе было совсѣмъ не понятно, стала жить подлѣ отца Петра, который съ 1866 года покойся тѣломъ своимъ въ томъ же Рыбинскомъ Софійскомъ женскомъ монастырѣ.

Но особенно дивное проявленіе прозорливости отца Петра представляетъ непрерывная нить руководственныхъ совѣтовъ старца, въ свое время преподанныхъ настоятельницамъ Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря игуменіи Антоніи. Приведемъ здѣсь рассказъ о томъ самой настоятельницы. «Божіимъ попущеніемъ за грѣхи наши обыватели крестьяне начали притѣснять обитель нашу въ пустоши, находящейся

отъ Кашинскаго монастыря въ двѣнадцати верстахъ; кортомнаго содержанія въ годъ, за 30 десят. 1621 сажень ея вмѣстимости, они давали не болѣе семнадцати рублей и при этомъ держали ту землю въ небреженіи, безъ должнаго удобренія, а лѣсъ почти весь истребили. Тогда я рѣшилась просить благословенія у батюшки отца Петра оставить ту пустошь за собою, чтобы завести на ней скотный дворъ и учредить свое собственное монастырское хозяйство. Батюшка нѣсколько разъ спрашивалъ: «далеко ли эта пустошь отъ Кашина», и затѣмъ началъ про себя говорить что-то высокое и непонятное для моего разума. Говорилъ онъ и слова псалма 64-го: посѣтилъ еси землю, и упоилъ еси ю, умножилъ еси обогатити ю... Разбогатѣють красныя пустыни, и радостию холми препояшутся. Одѣяшася овни овчи, и удолия умножать пшеницу: воззовуть, ибо воспоютъ». Въ бытность батюшки у меня, пріеменя благословеніе на обработку пустоши, я просила его благословить мѣсто. Старецъ охотно съѣздилъ и благословилъ, но благословеніе его было столь высоко и таинственно, что явилось недоступнымъ моему разуму. Запомнила я только то изъ словъ его, что мѣсто это будетъ свято, и живущихъ на немъ будетъ много святыхъ. Скотный дворъ скоро былъ выстроенъ, запашка заведена, — а батюшка началъ говорить, что тутъ будетъ церковь во имя святыхъ Петра и Онуфрія, и какъ-то совсѣмъ неожиданно прислалъ икону святаго Петра Аѳонскаго и преподобнаго Сильвестра въ благословеніе на начало и устройство пустынной церкви, и въ то же время благословилъ ставить на землѣ той кирпичный заводъ. Началась выдѣлка кирпича, который совершенно кстати понадобился и на постройку монастырскаго корпуса, а отъ построения церкви отказывалась я два года. Онъ же старецъ, напоминая о постройкѣ, часто повторялъ мнѣ выраженія о Господѣ Богѣ: Всесильный, Всемогушій, Всеблагій, давая тѣмъ понять, что для Господа все возможно; но скудная вѣра моя препятствовала понимать ясно и свѣтло

обращенныя ко мнѣ слова старца, что и навело на меня многія испытанія.

Разъ старецъ, на первой недѣлѣ Великаго поста, прислалъ наказъ прибыть къ нему и отправиться въ Рыбинскъ на послушаніе — строить монастырь. Искони поставлено въ обителяхъ: недѣлю ту посвящать исполненію христіанскаго долга исповѣди и принятія Святыхъ Христовыхъ Таинъ; я же, тронувшись скорбію посланныхъ сестеръ, явилась къ призывавшему старцу, чтобы заявить о неисполнимости его порученія; но батюшка сталъ гнѣваться, всталъ предъ иконами и грозно сказалъ, что все потеряю, если не исполню послушанія. Не могу припомнить, какими словами онъ выразилъ гнѣвъ свой; только такой страхъ обуялъ меня, какого еще никогда я не испытывала. Въ страхъ за свое спасеніе, при непослушаніи волѣ человека Божія, я рѣшилась слѣдовать въ Рыбинскъ безъ вѣдома своего епархіальнаго начальства, безъ видимости на отлучку изъ своего мѣстопребыванія; и куда же инокинѣ-путницѣ прибыть въ первый разъ въ незнакомомъ городѣ, какъ не въ соборный храмъ Божій съ молитвою о помощи себѣ Божіей?... Изъ собора стали меня звать въ дома именитыхъ жителей; вездѣ я заявляла волю пославшаго меня старца и вскорѣ получила искомое въ лицѣ почетнаго гражданина Андрея Ивановича Миклютина въ такихъ размѣрахъ, какихъ и въ помышленіи не имѣла. На построеніе монастыря предложены были и деньги, двадцать пять тысячъ рублей, и вполне удобная для созданія обители земля, и опытный строитель, и скорое начатіе самаго дѣла. Это былъ первый урокъ моему невѣрію въ могущество Божіе по молитвамъ и силѣ духа старца, властно дѣйствовавшего, тѣмъ болѣе для меня замѣчательный, что старецъ, провожая меня въ Рыбинскъ, тагъ свѣтло провидѣлъ будущее, что велѣлъ посмотреть и мѣстечко для имѣющей созидаться обители. Нежданно, нечаянно я выполнила и это приказаніе старца, видѣла и осмотрѣла мѣсто. Земля осмотрѣнная находилась

въ рукахъ иногороднаго владѣльца, и Миклютинъ купилъ эту землю за двѣ тысячи рублей; а потомъ другія лица охотно предлагали ему за нее до пяти тысячъ рублей. За покупкою земли тотчасъ же возникло и дѣло о построеніи Рыбинскаго монастыря, — и обитель для дѣвъ и вдовицъ милостію Божіею въ скоромъ времени начата построеніемъ.

Былъ и другой чувствительный урокъ моему маловѣрію, когда старецъ послалъ меня къ умирающей старушкѣ, которая, не зная моего убожества, назначила меня душеприказчицею своего имѣнія. Отказаться отъ порученія было невозможно, ибо дѣло то велось по благословенію старца. Она завѣщала Рыбинскому монастырю пять тысячъ рублей билетами отъ неизвѣстнаго, много иконъ, священныхъ книгъ и всякаго движимаго имѣнія и, кромѣ того, назначила получать оброки и отсылать ихъ въ Рыбинскъ. По малодушію моему я тяготилась выполненіемъ этого дѣла, однакоже, какъ умѣла, вела его нѣсколько времени и послѣ, съ одной вѣрной женщиной, препроводила всѣ билеты болѣе пяти тысячъ къ Андрею Ивановичу; но Миклютинъ отвѣтилъ, что имъ принято вовсе не пять тысячъ рублей, а восемь съ приращеніемъ, оказавшимся въ выросшихъ процентахъ. Это былъ другой урокъ вѣры во всемогущество Божіе и довѣрія къ словамъ и благословенію старца моего, который безъ Бога ничего не дѣлалъ и потому всегда успѣвалъ въ дѣлахъ благочестія.

Послѣ такихъ уроковъ и еще не разъ приходилось мнѣ слышать напominанія отъ старца — строить церковь на пустоши нашей Кашинской обители, вслѣдствіе чего я рѣшилась просить объ устройствѣ церкви. За такое домогательство начали меня бранить и ближніе, и дальніе, и дѣла мои трактовать съ небреженіемъ, отчего я упала духомъ и скорбѣла. Отъ старца не укрылось мое малодушіе. Онъ началъ меня посылать въ Москву, но зачѣмъ? Этого не могла я понять, доколѣ не увидѣла на самомъ дѣлѣ плодовъ послуша-

нія. «Побывай и прими благословеніе у митрополита», наказывалъ старецъ, и это принесло самыя благія послѣдствія. Владыка посадилъ меня и началъ разспрашивать о монастырѣ; дошелъ разговоръ и до пустоши и желанія создать на ней храмъ Божій,—и онъ обѣщалъ свое ходатайство предъ Синодомъ и написалъ мнѣ письмо къ нашему святому владыкѣ Филовею. Намѣстникъ же Сергіевой лавры сочинилъ мнѣ новое прошеніе, совершенно иное противъ моего прежняго, что и было высказано мною; но намѣстникъ замѣтилъ, что сыны вѣка сего премудрѣ сыновъ свѣта (Лук. 16, 8). Прежнее прошеніе мое написано было по благословенію сына свѣта, но не имѣло успѣха; вотъ батюшка и послалъ меня къ премудрымъ вѣка сего, и дѣло мое разсмотрѣно обстоятельно и приняло благопріятный исходъ въ своемъ окончательномъ рѣшеніи.

А между тѣмъ, до разрѣшенія построенія церкви послѣдовало обстоятельство, навлекшее на меня поношеніе и укоризны отъ всѣхъ знающихъ меня. Бутъ и цоколь церкви мною были произведены до полученія начальственнаго о церкви разрѣшенія единственно по благословенію отца Петра и еще архимандрита Аѳонскаго Ксеновскаго монастыря Матѳея. Когда шло дѣло о созданіи церкви, лѣтомъ привезены были въ Кашинъ архимандритомъ тѣмъ святыя мощи святыхъ Греческихъ. Узнавши о нашей скорби, онъ пожелалъ обнести ихъ съ молебствіемъ вокругъ мѣста, назначеннаго для построенія церкви, и отправился на монастырскую пустошь. Когда служили тамъ молебныя пѣнія для стороннихъ богомольцевъ, архимандритъ Матѳей, безъ вѣдома моего, пошелъ искать мѣсто для церкви и избралъ то самое, которое раньше избрано и благословлено старцемъ Петромъ Угличскимъ, что необычайно поразило меня, а вмѣстѣ и укрѣпило въ вѣрѣ, что церковь, желаемая къ построенію, предугазана угличскимъ прозорливцемъ не случайно, а по благоизволенію воли Божіей. Въ виду двукратнаго указанія одного и того же мѣ-

ста для храма Божія, я согласилась на избраніе мѣста для святаго престола; и лишь только архимандритъ Матѳеѣй началъ класть первые камни для бута и благословлять преднамѣренное священное зданіе, съ молитвою на Греческомъ языкѣ, вдругъ послѣдовало знаменіе: рой пчелъ прилетѣлъ на мѣсто, избранное для церкви, и покрылъ его, и скоро отдался людямъ собрать себя и поставить подлѣ мѣста, избраннаго для церкви. При этомъ случаѣ архимандритъ предрекъ многое о мѣстѣ семъ, переданное переводчикомъ, что отчасти уже и сбылось, а остальное въ той же всеблагой волѣ Божіей. Въ скоромъ послѣ того времени мною назначенъ былъ крестный ходъ изъ нашего Кашинскаго монастыря съ принесенными святыми мощами архидіакона Стефана, великомученика Ѳеодора Тирона и великомученика Георгія для торжественнаго освященія въ пустыни мѣста, избраннаго для созданія церкви, и лишь только стало совершаться обхожденіе того мѣста съ мощами Святыхъ, новый рой пчелъ, опять неожиданно для всѣхъ, прилетѣлъ и покрылъ собою мѣсто для церкви, ранѣе покрытое первымъ прилетѣвшимъ роємъ. Тогда я не усомнилась, по совершеніи водоосвященія, дозволить заложить бутъ преднамѣренной церкви во имя святыхъ Петра Аѳонскаго и Онуфрія Великаго, и первый камень закладки зданія положенъ священою рукою Греческаго архимандрита Матѳея. Знаменія сии были для тѣхъ присутствующихъ, которые малодушествовали и удивлялись, что по однимъ благословеніямъ старческимъ, до разрѣшенія Святѣйшаго Синода, заложена постройкою желаемая церковь. Послѣ они сами сознались, что просили знаменія отъ Господа, если дѣло это благоугодно Господу, и знаменіе для маловѣрныхъ не уmediло воспослѣдовать. Того же лѣта на священномъ мѣстѣ выкладенъ былъ цоколь всей церкви, за что мнѣ предрекали подначальство и ссылку и посылали тайныя жалобы святому Владыкѣ нашему Филоою. Такія пререканія и жалобы расположили меня вести это

дѣло лично отъ себя, безъ посредства сестеръ, чтобы ни одна изъ нихъ не могла нести отвѣтственности за мои дѣйствія. Прошла затѣмъ тревожная зима ожиданій, какъ на первой недѣлѣ Великаго поста 1863 года получено изъ Святѣйшаго Синода желаемое разрѣшеніе строить церковь. Это извѣстіе принесло мнѣ величайшую радость, но не умедлило вызвать и новыя думы и заботы о средствахъ для сооруженія разрѣшеннаго къ постройкѣ храма Божія. Пожертвованій не было, слухи о замедленіи дѣла объ устройствѣ храма охладили усердствующихъ; просить же въ одолженіе угличскій старецъ не благословлялъ. Я вспомнила тогда чудеса, явленныя въ устроеніи женской обители Рыбинской, и вѣрою въ Промыслъ Божій укрѣпляла себя въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, каковое упованіе и не постыдило меня. Въ день исповѣди пришла ко мнѣ неизвѣстная женщина и вручила мнѣ значительную сумму на устроеніе храма билетами и расписками на шесть тысячъ рублей. Правда, расписки были весьма сомнительны, да притомъ еще часть денегъ была отдана тою женщиною на сохраненіе одному священнику безъ всякой расписки, что наводило сомнѣніе на возможность полученія предложенныхъ суммъ. Мы въ немаломъ раздумьѣ, поѣхали къ батюшкѣ отцу Петру показать тѣ бумаги; но старецъ похвалилъ ихъ и завѣрилъ насъ, что деньги по такимъ распискамъ получить можно, и тутъ же отдалъ всѣ тѣ росписки одному чиновнику, прибывшему принять его благословеніе. И для чиновника бумаги тѣ казались сомнительными, но, по вѣрѣ въ благословеніе прозорливаго старца, онъ принялъ на себя трудъ взысканія и впослѣдствіи получилъ всѣ деньги сполна. На эти суммы и имъ подобныя и сооруженъ былъ пустынный храмъ святыхъ Петра Аѳонскаго и Онуфрія Великаго подъ названіемъ «Кладбищенской церкви Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря».

Во время производства церковныхъ работъ, присовоку-

пляетъ игуменія, также немало было дивныхъ знаменій въ укрѣпленіе нашего упованія. Такъ Господь послалъ опытнаго надзирателя за работами въ лицѣ одного заштатнаго священника, который и смотрѣлъ за постройкою и совершалъ всенощныя бдѣнія въ сооружаемомъ храмѣ во все время производства работъ. Не одинъ разъ замѣчено было, что голуби летали надъ церковію въ видѣ вѣнца; въ другой разъ виденъ былъ радужный лучъ надъ крестомъ сооруженнаго храма, что усмотрѣли ѣхавшіе къ церкви той изъ города Кашина. И всѣ эти благодатныя дѣйствія явлены были въ виду слабыхъ и немощныхъ сестеръ обители за молитвы и благословеніе старца угличскаго, который въ Божіемъ всевѣдѣніи ясно провидѣлъ будущее и выполнилъ созданіе храма Божія необычными и, поистинѣ, дивными средствами.

Въ жизни отца Петра было немало случаевъ, гдѣ онъ проявилъ себя цѣлителемъ немощныхъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ.

У Мышкинскаго купца Чистова жилъ на мельницѣ приказчикъ Егоръ Столбовъ. Его разбилъ параличъ, вслѣдствіе чего онъ остался безъ мѣста, долго лѣчился, истратился, но не получилъ крѣпости силъ. Знакомые присовѣтовали ему съѣздить въ Угличъ къ Іерусалимскому отцу Петру. Старецъ встрѣтилъ его словами: «счастливъ, счастливъ», и велѣлъ ему сидѣть. Прошло немного времени. Вдругъ отецъ Петръ приказываетъ ему отправить сейчасъ же лошадь въ городъ. Больной удивленно посмотрѣлъ на старца, который настаивалъ на своемъ, говоря: «ничего, ничего, и самъ дойдешь». Больной повѣрилъ словамъ старца и отпустилъ лошадь. Черезъ нѣсколько часовъ отецъ Петръ приказалъ больному встать и идти въ Угличъ, и онъ, сверхъ ожиданія, всталъ и, хотя съ нѣкоторою поддержкою, дошелъ благополучно до города и скорѣе выздоровѣлъ.

Угличскій купецъ Иванъ Васильевичъ Истоминъ почти весь 1852 годъ страдалъ отъ лихорадки. Болѣзнь была упорная

и не поддавалась никакимъ лѣкарствамъ. Въ крайности обратились къ отцу Петру; онъ велѣлъ больному выпить рюмку вина. Больной выпилъ и получилъ выздоровленіе.

Племянница Угличскаго гражданина Ал. Ив. Русинова дѣвица Марія нечаянно заболѣла припадками нервнаго разстройства, часто кричала, убѣгала, куда попало, наводила страхъ на знающихъ ее; въ такой болѣзни она мучилась лѣтъ семь или восемь. Однажды припадки больной до такой степени усилились, что она лежала безъ памяти. Сжалившись надъ болящей, братъ ея родной, имѣвшій глубокую вѣру въ старца, пошелъ къ нему съ просьбою о помощи. Старецъ сказалъ: «Марья не пропадетъ» и, давши палочку, прибавилъ: «напой больную чайкомъ, а этой палочкой помѣшай налитую чашку, и больная будетъ здорова». Пришедши домой, нашелъ онъ больную почти безъ чувствъ и, помѣшавши принесенною палочкою налитую чашку чаю, съ большимъ принужденіемъ заставилъ больную выпить предложенный чай. Больной тогда же сдѣлалось легче; въ скоромъ времени избавилась она отъ болѣзни и стала совершенно здорова.

Родной племянникъ ихъ Александръ, бывши еще младенцемъ, сильно заболѣлъ; его лѣчили въ теченіе мѣсяца, но лѣкарства не помогали. Тогда дядя младенца, ранѣе позаботившійся о болящей сестрѣ, взялъ младенца на руки и, не говоря ни слова, понесъ его въ Іерусалимскую слободу и просилъ старца помолиться о его здоровьѣ, а ручку батюшкову положилъ ему на головку. Вскорѣ затѣмъ старецъ поднялся на верхній этажъ дома; тогда принесшій больного младенца посадилъ его на постель старцеву съ полною вѣрою, что отъ этого дѣйствія онъ выздоровѣетъ. Такъ и случилось. Въ продолженіе недѣли младенецъ безъ всякихъ лѣкарствъ сталъ совершенно здоровъ.

И многимъ другимъ больнымъ заочно посылалъ отецъ Петръ то кусочки дерева, то небольшія палочки съ приказаніемъ мѣшать ими въ чашкѣ, когда будутъ пить чай; и если боль-

ные имѣли надлежащую вѣру, вскорѣ же получали исцѣленіе.

По устроеніи монастыря установилась для сестеръ правильная монастырская жизнь, и отцу Петру рѣже выпадали случаи принимать духовное участіе въ дѣлахъ обители Рыбинской. Замѣтили это и сестры монастыря. Поэтому одна изъ нихъ, при посѣщеніи убогаго жилища старцева, однажды сказала ему за себя и за своихъ сестеръ за годъ до его смерти: «вы насъ оставили». Прозорливецъ отвѣтилъ на это съ благодатнымъ дерзновеніемъ: «не забуду, не оставлю», и завѣщалъ похоронить себя въ новоустроенномъ Рыбинскомъ Софійскомъ монастырѣ.

Отецъ Петръ благодатію Божіею провидѣлъ даже самое мѣсто упокоенія для своего тѣла. Вотъ что передавала многимъ лицамъ его невѣстка. Батюшка часто мнѣ говорилъ: «въ Рыбинскомъ-то монастырѣ, какъ идешь въ соборъ то, на правой то рукѣ, больно хорошъ поповъ то домикъ». Она не понимала его словъ и возражала, что тамъ никакого поповскаго домика нѣтъ и быть не можетъ. Тогда юродивый старецъ отвѣчалъ: «полно врать; только поглядѣть то въ него придешь, такъ гривенку-то и дашь». Такія слова старца юродиваго принимались въ свое время за бессмысленный говоръ юродства, но событіе оправдало эти слова въ буквальной ихъ точности. По блаженной кончинѣ старца, на просьбу Рыбинскихъ почетныхъ гражданъ Миклютина и Баскакова о дозволеніи имъ перенести тѣло усопшаго изъ слободы Іерусалимской въ городъ Рыбинскъ, Ярославскій архіепископъ Нилъ указалъ мѣсто упокоенія почившему въ самыхъ стѣнахъ монастырскаго собора, на правой рукѣ отъ западныхъ дверей, въ особомъ, какъ бы нарочно для того приготовленномъ, притворѣ. Такъ и было поступлено. На правой сторонѣ, при входѣ въ соборный храмъ Софійскаго монастыря, дѣйствительно теперь домикъ (маленькій отдѣльный притворъ) упокоенія іерея Петра; а приходящіе читатели трудовъ и подвиговъ почившаго обыкновенно даютъ по десяти (а иногда и

болѣе) копѣекъ за совершеніе по немъ заупокойной литіи или же панихиды.

За годъ до своей смерти, отецъ Петръ сталъ часто говорить: «пора уже домой». Руководимые его совѣтами, искренно почитавшіе своего наставника, жалѣли съ нимъ разстаться; таковымъ говорилъ старецъ: «молитесь; немножко житья, и поприбудетъ свѣчками (молитвами) дѣтскими». За полгода до кончины, лѣвая рука старца и половина его организма поражены были параличнымъ состояніемъ. Для него стало тягостію принимать посѣтителей; но число ихъ, при первой вѣсти о болѣзни старца и видимо угасавшей жизни, постоянно увеличивалось. Всѣ желали получить благословеніе человека Божія, наставленіе для жизни, а нѣкоторые, питая въ душѣ чувства благоговѣнія и благодарности за духовную воспринятую помощь, желали быть при немъ неотлучно, чтобы, если возможно, видѣть его кончину. За нѣсколько дней до смерти, старецъ, на вопросъ одного близкаго родственника о состояніи его здоровья, отвѣтилъ: «плохо» и присовокупилъ: «приготовляй гробъ». Для кого же?—спросилъ внукъ. «Да хоть бы и для меня»,—отвѣтилъ прозорливецъ. Слишкомъ изнемогши силами, преутруженный подвигами жизни, старецъ исповѣдался, приобщился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, принялъ таинство елеосвященія, но не пожелалъ врачебныхъ пособій, и вновь изъявилъ желаніе быть погребеннымъ въ Рыбинскомъ Софійскомъ монастырѣ. При послѣднемъ мирномъ и тихомъ вздохѣ, онъ сдѣлалъ одно движеніе лѣвою ногою, какъ бы переступилъ ею одинъ шагъ. Подвижникъ скончался 3 сентября 1866 года.

Скорбная вѣсть о смерти подвижника быстро облетѣла городъ и всѣ окрестныя селенія; люди всѣхъ званій и состояній спѣшили ко гробу воздать послѣдній долгъ усопшему. Какъ велико было стеченіе народа, можно судить по тому, что пѣніе панихидъ не умолкало въ теченіе цѣлыхъ шести дней. Силы двухкларнаго мѣстнаго причта оказались недо-

статочными для отправленія непрестаннаго пѣнія; каждый день являлись въ помощь городскіе и сельскіе священники и совершали пѣніе панихидъ по просьбѣ непрестанно смѣнявшихся пришельцевъ. Всѣ присутствовавшіе при гробѣ старца плакали о немъ, какъ о самомъ близкомъ родственникѣ, и считали утрату его для себя незамѣнимою. Особенно скорбѣли граждане города Углича, считавшіе отца Петра своимъ сочленомъ, привыкшіе къ нему обращаться и въ радости, и въ горѣ, и въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ жизни за добрымъ совѣтомъ, и неутѣшно плакали, когда слышали, что почитаемый ими старецъ отходить отъ нихъ навѣки въ отдаленный городъ Рыбинскъ. Не замедлили прибыть сюда и бывшіе строители Софійскаго монастыря: Рыбинскіе купцы Андрей И. Миклютинъ и Николай Ѳок. Баскаковъ; они явились, чтобы исполнить волю почившаго, за тѣмъ отправились въ Ярославль, губернскій и епархіальный городъ, ходатайствовать о дозволеніи перенести тѣло усопшаго, и вновь прибыли въ Угличъ распорядиться отправленіемъ тѣла къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія. Отпѣваніе совершенно на шестой день по смерти, при участіи двухъ архимандритовъ, игумена, соборнаго протоіерея и всего угличскаго монашествующаго и бѣлаго духовенства. Въ седьмой день, когда получено разрѣшеніе начальства на перенесеніе усопшаго въ Рыбинскъ, духовныя власти посыпали тѣло перстію въ знакъ преданія его землѣ, при чемъ не нашли никакого измѣненія въ почившемъ, а только почувствовали ароматный холодъ, исходившій отъ тѣла. Гробъ праведника задѣланъ въ нарочито-приготовленный ящикъ и во всемъ слѣдованіи до Рыбинска сопровождаемъ былъ духовнымъ отцомъ, родственниками и многими изъ почитателей усопшаго подвижника. Въ слободѣ Іерусалимской массы народа не дали впрямь лошадей для везенія погребальной колесницы, а повезли на себѣ чрезъ всѣ улицы города Углича при колокольномъ звонѣ, въ предшествіи всего городского

духовенства. Отъ Углича до Рыбинска на всемъ пути выражалось почтеніе къ старцу литіями при каждой сельской церкви. Въ монастырскомъ Софійскомъ соборѣ тогда собралось все Рыбинское городское духовенство и встрѣтило гробъ отца Петра съ крестнымъ ходомъ. Протоіерей Рыбинскаго собора Родіонъ Путятинъ, извѣстный проповѣдникъ, привѣтствовалъ усопшаго своимъ задушевымъ словомъ, въ которомъ высокими чертами обрисованы подвиги почившаго и великій даръ его прозорливости. Онъ говорилъ: «отецъ Петръ былъ одаренъ прозорливою дальновидностію; онъ зналъ, что кому сказать; зналъ, когда предъ кѣмъ ему молчать, когда и при комъ ему говорить; и потому-то онъ и молчаніемъ своимъ говорилъ поученіе, и отказомъ своимъ давалъ вразумленіе. При такой прозорливой дальновидности, онъ всегда, можно сказать, днемъ и ночью, имѣлъ въ мысляхъ одно, чтобы всякаго приходящаго чему-нибудь научить, чѣмъ-нибудь вразумить, какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь утѣшить, успокоить. Оттого то онъ мало говорилъ, а больше молчалъ, слушая и обдумывая. Дальновидныхъ людей на свѣтѣ немало; но тѣ, далеко видящіе, смотрятъ въ даль для того, чтобы какъ-нибудь поскорѣе, прежде другихъ себѣ что получить, себѣ приобрѣсть, для себя чѣмъ воспользоваться, завладѣть. А покойный отецъ Петръ, забывая себя и все, зорко всматривался во все, крѣпко вслушивался всегда для того только, чтобы другимъ что понужнѣе, пополезнѣе сказать, другихъ повѣриѣ какъ вразумить, наставить, поскорѣе утѣшить, получше успокоить. Да! своимъ забвеніемъ себя для другихъ, своею небрежностію къ себѣ ради ближнихъ,—вотъ чѣмъ онъ, при своей дальновидности, всѣхъ къ себѣ располагалъ, привлекалъ, вѣрить въ себя заставлялъ».

По совершеніи соборной панихиды, гробъ праведника опущенъ въ нарочито-приготовленный склепъ въ притворѣ Софійскаго храма, закрытъ землею и церковнымъ поломъ къ великой радости сестеръ обители. Не говоря о жителяхъ го-

рода Углича съ его уѣздомъ, которые и до днесь посѣщаютъ Софійскій монастырь и долгомъ для себя поставляютъ помолиться надъ гробомъ своего духовнаго наставника, — многіе богомольцы изъ другихъ городовъ и селеній, съ вѣрою въ молитвенную за себя помощь почившаго, притекаютъ къ его гробу и получаютъ на себя благодатныя знаменія, а больные, съ вѣрою призывающіе имя его, приѣмлютъ даръ исцѣленія отъ недуговъ своихъ.

Изъ такихъ случаевъ благодатнаго исцѣленія отъ болѣзней при гробѣ подвижника, всѣмъ особенно извѣстны два.

Князь Николай Васильевичъ Ухтомскій въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ былъ боленъ водяною. Когда болѣзнь его усилилась и со дня на день страшила его скорымъ приближеніемъ смерти, ночью, во время сна неожиданно онъ видитъ явившагося ему отца Петра, который обѣщалъ ему выздоровленіе, если тотъ пообѣщается придти къ его гробу. Больной, едва переводя дыханіе, на другой же день пришелъ въ Софійскій монастырь и помолился при гробѣ старца. Возвратившись домой, онъ почувствовалъ, что кожа на немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лопнула, и изъ трещинъ ея заструилась вода. Послѣ того князь выздоровѣлъ и жилъ еще два года, не страдая прежнею болѣзнію.

Лѣтъ двадцать тому назадъ была въ Софійскомъ монастырѣ одна богомолка странница и просила показать портретъ погребеннаго въ притворѣ храма отца Петра. Когда показали странницѣ той изображеніе старца, она, взглянувъ на него, затряслась всѣмъ тѣломъ и, залившись слезами, упала предъ нимъ на колѣни. Затѣмъ, нѣсколько успокоившись, вотъ что передала она вслухъ всѣхъ бывшихъ въ храмѣ Божіемъ: была я больна болѣе десяти лѣтъ; болѣзнь мою не могли опредѣлить и врачи. У меня была страшная слабость во всемъ тѣлѣ, и я невыносимо тосковала. Однажды, помолившись Богу, легла я въ постель, заснула или нѣтъ, того не знаю, но вдругъ поражаюсь видѣніемъ: предо мною

стоитъ старецъ, весь въ бѣлой одеждѣ. И я не успѣла еще придти въ себя, какъ старецъ взялъ мою руку и успокоительно сказалъ мнѣ: «не бойся, отнынѣ ты здорова». Видѣніе окончилось, но кто былъ старецъ, я не знала. Благодарная за ниспосланное исцѣленіе отъ болѣзни, хожу я по городамъ и обителямъ иноческимъ два года; была въ Кіевѣ, Москвѣ, у чудотворцевъ Соловецкихъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, но изображенія такого, какъ этотъ старецъ, не находила. Теперь же труды мои окончились; я нашла того старца, котораго такъ долго искала *).

Блаженные священникъ Петръ и старецъ Василискъ Угличскіе.

Блаженный и прозорливый старецъ Василискъ Макаріевичъ Архангельскій родился въ 1790 г. 2 мая; въ 1815 году началъ подвигъ юродства; въ 1822 г. перешелъ на подвиги уединенія, потомъ подвизался 15 л. въ монастырѣ и часовнѣ и, наконецъ, съ 1847 г. въ келліи близъ церкви Архангельской, въ Бору, Угличскаго уѣзда, Ярославской епархіи. Умеръ 8 марта 1863 года и погребенъ на кладбищѣ за алтаремъ Архангельской, въ Бору, церкви, Угличскаго уѣзда, Ярославской епархіи, въ 11-ти верстахъ отъ г. Углича; отсюда, а равно и по принадлежности его къ Архангельскому приходу, происходитъ его прозваніе.

Такъ какъ кругомъ ограды кладбища устроены келліи лпцъ, посвятившихъ себя безбрачной жизни и ради частаго посѣщенія церкви Божіей, то и старецъ Василискъ въ концѣ своей жизни имѣлъ пребываніе въ одной изъ келлій, которая и

*) Жизнь и дѣянія прозорливаго старца отца Петра Томаницкаго, заштатнаго священника въ слободѣ Входе-Іерусалимской, близъ города Углича. (Прот. о. Флегонта Морева). Рыбинскъ. Типо-Литографія Фалькъ, 1894 г. и № 1 „Церк. Вѣд.“ 1889 г.

изображена на карточкѣ. Кругомъ келлій растеть густой сосновый боръ. Священно-служители живутъ въ верстѣ отъ Архангельскаго храма, бывшаго до 1610 г. монастырскимъ; монастырь мужской, бывший здѣсь разоренъ поляками, при чемъ убиты игуменъ Михаилъ и братія, могила коихъ находится на томъ же кладбищѣ, гдѣ погребенъ и старецъ Василискъ. Какъ

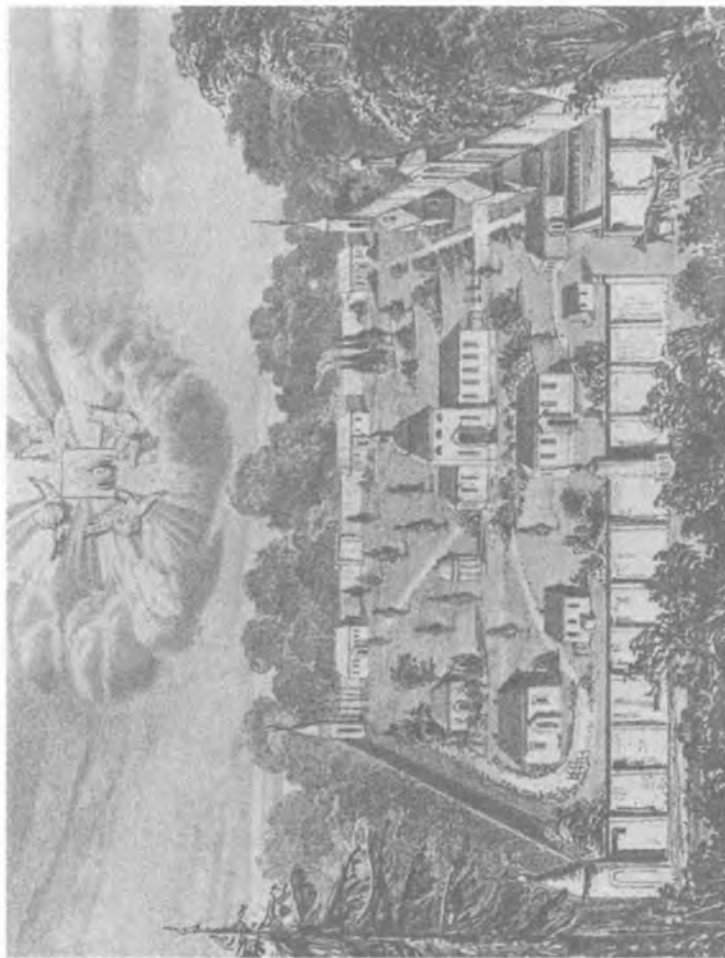

Старецъ Василискъ

старецъ Василискъ, такъ и священ. Петръ Алексѣевичъ Томаницкій, оба блаженные прозорливцы, жившіе одинъ отъ другого въ 13-ти верстахъ, нерѣдко посѣщали другъ друга. Однажды о. Петръ *) пришелъ къ старцу Василиску, но послѣдній не зналъ, чѣмъ его угостить; тогда о. Петръ сказалъ: «а ты рыбки налови!» Василискъ отвѣчалъ, что негдѣ, такъ какъ рѣка въ верстѣ разстоянія, а рыбы нужно сейчасъ, между тѣмъ въ существующемъ близъ храма бывшемъ монастырскомъ

прудѣ рыба не ловится—не идетъ на удочку. Тогда о. Петръ пошелъ съ Ксеніей Ивановной (которая ухаживала за старцемъ Василискомъ) на прудъ, опустилъ руки въ воду и вынулъ оттуда двухъ карасей; по словамъ Ксеніи Ивановны, рассказывавшей о семъ, рыба сама приплыла въ руки о. Петра. Разсказъ этотъ былъ слышанъ отъ родственницы Ксеніи Ивановны; и теперь, когда удочкой ловятъ рыбу въ этомъ монастырскомъ пруду, то она не клюетъ, тогда какъ въ другомъ, ближайшемъ къ этому, пруду караси легко ловятся.

*) Его жизнеописаніе выше, подъ 3 сент.

Оптина пустынь. Скитъ

Старець ієросхимонахъ Іоаннъ Оптинскій

Іеросхимонахъ Іоаннъ Оптинскій.

(Память 4 сентября).

Іеросхимонахъ Іоаннъ, окончившій поприще своей земной жизни въ маститой старости, 4 сентября 1849 года, въ воскресенье, въ четыре часа пополудни на 87 году отъ рожденія, удостоясь предъ кончиною, за семь часовъ, приобщиться Святыхъ Таинъ Христовыхъ — въ напутствіе вѣчной жизни, въ совершенной памяти бесѣдуя обычно о вѣчности, до послѣдней минуты исхода своего отъ тѣла, родился 2 мая 1763 года, отъ православныхъ родителей: Іоанна и Анны, по прозванію Малиновскихъ, жившихъ въ экономической слободѣ Подновѣ, въ пяти верстахъ отъ Нижняго-Новгорода. Крещенъ былъ и святымъ мѣромъ помазанъ отъ православнаго священника. Но, по судьбамъ Божиимъ, оставшись по смерти родителей своихъ пяти лѣтъ — круглымъ сиротою, воспитывался и русской грамотѣ обучался у старообрядцевъ. Тогда-то они вливали въ юное сердце пагубное свое ученіе; а на семнадцатомъ году, по склонности своей къ пустынноческому житію и по совѣту воспитателей, удалился въ раскольническіе скиты, что были въ Керженскихъ лѣсахъ. Оттуда перешелъ въ Римовскіе лѣса — въ раскольническій скитъ, называемый Высоковскимъ, гдѣ и постриженъ въ монашество на 22 году отъ роду, съ именемъ Ісаакія. Потомъ продолжалъ онъ долгое время искать по разнымъ раскольническимъ скитамъ лучшей вѣры и церкви; но нигдѣ и на одну минуту не находилъ въ нихъ душъ своей спокойствія; по собственному его выраженію, всегда чувствовалъ какой-то недостатокъ въ разсужденіи своей вѣры, — сердечное томленіе и скуку; а между раскольниками въ скитахъ встрѣчалъ лишь одни бесполезные споры и раздоры о различныхъ ихъ сектахъ и толкахъ, нерѣдко доходившіе до изступленія и драки. Въ крайнемъ недоумѣніи и

томительномъ размышленіи о вѣрѣ и еще съ немалымъ сомнѣніемъ о святости православной св. Церкви, Исаакій устремился путешествовать съ 1790 года по православнымъ общезначительнымъ монастырямъ и пустынямъ Россіи; ходилъ и въ Саровскую обитель, въ обителяхъ выслушивалъ отъ благоразумныхъ и опытныхъ людей достовѣрные доказательства изъ Священнаго Писанія о святости и непорочности православной Церкви, и, по Промыслу Божію, убѣжденъ былъ тогда совѣстію своею сознаться въ своемъ заблужденіи. Вскорѣ потомъ, чрезъ прилежное чтеніе св. Писанія и смиренную молитву, благодать Божія открыла ему умныя очи. А къ немедленному удаленію изъ раскольниковскаго Высоковскаго скита весьма содѣйствовало то, что Господь строеніемъ Своимъ попустилъ претерпѣть незлобивому отцу Исаакію тяжкіе побои отъ братій скита, за обнаруженіе въ собраніи ихъ убѣжденія своего въ православіи.—Чрезъ три дня послѣ тѣхъ побоевъ, оправившись нѣсколько въ силахъ, удалился онъ навсегда изъ того скита и раскола, и до самой кончины своей отъ тѣхъ побоевъ чувствовалъ болѣзни въ головѣ, груди и ребрахъ.

Присоединившись къ православной св. Церкви, монахъ Исаакій поступилъ въ 1808 году въ Единовѣрческій Корсунскій монастырь Екатеринославской епархіи, гдѣ и рукоположенъ въ 1810 году 25 декабря въ іеродіакона, а 26 того же мѣсяца въ іеромонаха преосвященнымъ Платономъ, архіепископомъ Екатеринославскимъ. Въ 1820 г. перемѣстился въ православный Балаклавскій монастырь той же епархіи, въ число духовенства Черноморскаго флота. Въ лѣтнее время отправленъ былъ для священнослуженія на корабляхъ. Въ 1825 г. уволенъ отъ флотской службы, согласно прошенію его, по старости лѣтъ, въ Александровскій монастырь Новгородской епархіи. Въ 1828 г. въ іюнь мѣсяцѣ, по волѣ Серафима, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, посланъ былъ вмѣстѣ съ единомушнымъ своимъ сподвижни-

никомъ, іеромонахомъ Симеономъ и съ другими членами въ Старорусскую духовную миссію для обращенія изъ раскола военныхъ поселянъ. По возвращеніи оттуда въ 1829 г. отецъ Исаакій удостоился получить благословеніе и признательность митрополита Серафима и, будучи оставленъ въ числѣ братства Александро-Невской лавры, находился въ киновіи Лавры. Проживши тамъ четыре года, смиренно просилъ митрополита Серафима уволить его, по старости лѣтъ и по внутреннему влеченію отъ юности къ уединенію, въ Козельскую Введенскую Оптину пустынь, чтобы окончить послѣдніе дни жизни своей въ ея уединенномъ скиту.

По увольненіи изъ Александро-Невской лавры, прибылъ отецъ Исаакій на жительство въ скитъ Оптиной пустыни въ августъ 1834 г. До принятія схимы исправлялъ въ скитской церкви священнослуженіе. Въ 1836 году, по усердному его желанію, съ благословенія преосвященнѣйшаго Николая, епископа Калужскаго, постриженъ настоятелемъ Оптиной пустыни отцомъ игуменомъ Моисеемъ въ схиму 1 октября, въ скитской Предтечевской церкви съ нареченіемъ имени Іоаннъ, на 74 году отъ роду, и при постриженіи отданъ въ руководство смиренному и всѣми уважаемому старцу іеросхимонаху Леониду—Льву.

Іеросхимонахъ Іоаннъ былъ духовникомъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, а въ отсутствіе общаго духовника, исповѣдывалъ нѣкоторыхъ и изъ братіи Оптиной пустыни. Во все свободное время, остававшееся отъ молитвеннаго правила, упражнялся уединенно въ чтеніи душеполезныхъ книгъ, изъ коихъ выписывалъ доказательства къ обличенію раскольническихкихъ мудрованій. Въ изданіи же составленныхъ имъ книгъ удостоился милостиваго покровительства Филарета, митрополита Московскаго. Также и Калужскій преосвященнѣйшій Николай обращалъ милостивое вниманіе свое на благочестивую ревность къ православію старца, нерѣдко присылалъ къ нему на увѣщаніе закоснѣвшихъ старообрядцевъ и, даже

отправлялъ его въ заштатный городъ Сухиничи для обращенія находящихся тамъ въ расколъ жителей.

Пребывая въ Оптинскомъ скиту, незлобивый старецъ, съ самаго прибытія своего, соблюдалъ крайнее нестяжаніе и смиренномудріе во всемъ: въ келліи своей не только не имѣлъ денегъ или излишнихъ одеждъ, но и необходимыя келейныя вещи употреблялъ самыя малоцѣнныя. Потребныя книги для прочтенія бралъ изъ монастырской библіотеки, иногда у отца игумена и у братіи; по прочтеніи же возвращалъ каждую книгу съ привлеченнымъ къ оной листочкомъ, на коемъ означалъ по своему замѣчанію достойныя особеннаго вниманія статьи въ той книгѣ. Таково было внимательное его чтеніе книгъ, съ желаніемъ душевной пользы ближнему! Въ благообразномъ лицѣ его, украшенномъ сѣдинами, выражалась утѣшительная радость—отпечатокъ внутренняго состоянія души его. Тихое и миролюбивое его со всѣмъ обращеніе заставляло всѣхъ уважать и любить его. Всегда онъ былъ готовъ подать добрый совѣтъ братіямъ, требующимъ духовной помощи въ борьбѣ со страстями, но, во всякомъ случаѣ бесѣда его была исполнена великаго смиренномудрія съ укореніемъ себя; тихая и простая рѣчь его съ частымъ повтореніемъ любимой его поговорки: «адакая права—да», имѣла особенную силу и успѣхъ къ убѣжденію и утѣшенію братіи. Неоднократно въ разговорахъ выражалъ онъ желаніе свое, чтобы Господь, по милосердію Своему, попустилъ ему потерпѣть за сколько-нибудь времени предъ смертію болѣзни, будучи увѣренъ, что болѣзнями душа болѣе возбуждается къ приготовленію къ смерти и чрезъ то облегчается участь ея въ вѣчности. Съ 1848 года чаще стали посѣщать старца болѣзни, особенно стѣсненіе дыханія въ груди. Предъ послѣднею тяжкою его болѣзнію братія замѣтила, что онъ нерѣдко выходитъ изъ келліи къ скитскому кладбищу, останавливается тамъ и сидитъ у могилъ. На вопросъ нѣкоторыхъ братій: «что вы, батюшка, такъ часто стали ходить

къ могилкамъ?» смиренный старецъ тихо отвѣчалъ: «Да, вотъ, эдакая права, прошу отцовъ, чтобы приняли и меня въ сообщество свое». Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ и не выходилъ уже изъ келліи своей до кончины; по желанію его, особорованъ и неоднократно пріобщался Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Молитвеннаго правила своего не оставлялъ до самой смерти, которое вычитывалъ ему служившій при немъ послушникъ. Въ день кончины, по причащеніи Святѣйшихъ Тѣла и Крови Христовой, отецъ Іоаннъ почувствовалъ облегченіе въ болѣзни, съ утѣшительнымъ духомъ свободно разговаривалъ съ бывшими при немъ братіями, сказывалъ имъ о кончинѣ нѣкоторыхъ знаемыхъ ему благочестивыхъ и ревностныхъ въ православіи архіереевъ и другихъ мужей, также и о состояніи души въ будущей жизни, какъ бы намекая имъ о близкомъ разлученіи своемъ. Въ таковой душеполезной бесѣдѣ на минуту умолкъ и, восклонившись на одрѣ, тихо почилъ сномъ непробуднымъ до общаго воскресенія. На третій день 6 сентября, отецъ игумень Моисей совершилъ въ скитской церкви соборнѣ Божественную литургію и погребеніе. Монашествующая братія проводила утружденное подвигамъ тѣло искренно уважаемаго ими старца въ общее погребальное мѣсто въ скиту.

Миръ тебѣ, незабвенный старецъ! Нелѣпно ты потрудился въ изысканіи спасительной истины, а, обрѣвши ее, принялъ и терпѣливо несъ благое и легкое иго Христово, оставивъ намъ примѣръ добродѣтелей: смиренномудрія и непритворной простоты съ блаженною кротостію и незлобіемъ, и уснулъ съ покойною совѣстію, въ надеждѣ исполненія непреложнаго обѣтованія, даннаго Сладчайшимъ Искупителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: «привидите ко Миѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы» (Матѣ. 11, 28) *).

*) Изъ Ист. очерка скита. Арх. Леонида.

Обновители Пророко-Ильинскаго Аѳонскаго скита іеросхимонахъ Аникита и схи-архимандритъ Паисій (2-й).

(Память 6 сентября).

Кромѣ великой Русской обители св. Великомученика Пантелеимона на св. Горѣ, Пророко-Ильинскій скитъ является одною изъ наиболѣе видныхъ Русскихъ свято-горскихъ обителей. Скитъ этотъ былъ основанъ великимъ русскимъ аввою—старцемъ схи-архимандритомъ Паисіемъ Величковскимъ, и благоустроенъ іеросхимонахомъ Аникитою и схи-архимандритомъ Паисіемъ 2-мъ, о коихъ и скажемъ нѣсколько словъ.

Іеромонахъ Аникита въ мірѣ—князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шахматовъ. Онъ родился въ 1783 году, въ селѣ Дерновѣ, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Родители его, помѣщики той-же губерніи, отличались благочестивымъ образомъ жизни, поэтому и воспитаніе сыну дали совершенно правильное, основанное на религіи и нравственности. Какъ падаютъ сѣмена на добрую почву и приносятъ плодъ сторицею, такъ умныя слова и спасительныя наставленія отца западали въ душу впечатлительнаго ребенка. Впечатлительность—признакъ большой способности; все дѣло въ томъ, въ какую сторону дается направленіе воспитаннику, къ чему направляются его способности. Ясно, каковы были первыя впечатлѣнія отрока Сергія, и понятно, почему съ первыхъ лѣтъ жизни, одаренный и способностями, и умомъ, Сергій возымѣлъ особенную любовь къ Церкви и проявилъ чисто христіанскую кротость нрава. На десятомъ году его жизни умеръ старикъ отецъ, умеръ въ полномъ сознаніи того, что направленіе сыну имъ уже дано, какъ и другимъ его дѣтямъ, явившимся тоже достойными. Мальчику было 13 лѣтъ, когда его отдали въ морской кадетскій корпусъ. Здѣсь

*Старецъ Паисій, архимандритъ скита
св. Пророка Ильи на Аѡнѣ*

онъ учился блистательно и вышелъ однимъ изъ первыхъ учениковъ.

Послѣ окончанія курса, юноша Сергѣй поступилъ въ морскую службу: много приходилось ему совершать плаваній, не разъ участвовать въ сраженіяхъ и нерѣдко получать чины и награды. Оставивъ службу въ чинѣ капитана, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ не только занималъ выдающіяся должности, но и лично былъ пзвѣстенъ Государю Императору Александру Павловичу, цѣнившему въ немъ его способности вообще, а талантъ поэтическій въ частности. Все, какъ видно изъ сказаннаго, давало благородному по происхожденію человѣку полную возможность жить той безпечной и роскошной жизнью, какой живутъ многіе. Но не такъ жилъ Сергѣй Александровичъ. Изъ громаднaго содержанія, какое онъ получалъ (болѣе 7 тысячъ руб. въ годъ), онъ проживалъ очень немного, все-же прочее отдавалъ на дѣла благотворительныя. Къ нему обращались за помощью всѣ, кто въ ней нуждался, и ни одинъ нищій, сирый и убогій не возвращался отъ него не одареннымъ. Жизнь онъ велъ, можно сказать, иноческую въ мірѣ: пищу употреблялъ только постную, и то однажды въ день; пилъ только воду; спалъ не больше 5 часовъ въ сутки; знакомствъ никакихъ не велъ и жилъ отшельникомъ; все свободное время посвящалъ молитвѣ, чтенію священныхъ книгъ, благочестивымъ размышленіямъ. Нравственныя качества его были недосыгаемо-высоки: онъ ненавидѣлъ всякую неправду, возмущался однимъ виѣшнимъ лоскомъ людей, подъ которымъ нерѣдко скрывается лицемѣріе и беззаконіе... Могли такой человѣкъ долго оставаться среди міра? И Сергѣй Александровичъ серьезно задумался надъ вопросомъ о томъ, что необходимо оставить міръ, уединиться въ какой-либо иноческой обители и тамъ найти то тихое пристанище, котораго не дастъ міръ. А такъ какъ это былъ уже не увлекающійся юноша, а окончательно сложившійся мужъ, то и исполненіе задуманнаго не заставило себя долго ждать. Въ

1828 году онъ поступаетъ въ Юрьевскій монастырь, находившійся въ то время подъ управлѣніемъ знаменитаго архимандрита Фотія. Спустя два года, именно 25 марта 1830 года, онъ былъ постриженъ уже въ монашество съ именемъ *Аникиты*, чрезъ пять дней (30 марта) рукоположенъ въ въ іеродіакона, а еще чрезъ нѣсколько дней (3 апрѣля)—въ іеромонаха. Такъ высоко стоялъ онъ во мнѣніи духовнаго начальства! Такъ увѣрены были всѣ въ этомъ выдающемся человѣкѣ! Да и могло-ли быть иначе? Въ Юрьевскомъ монастырѣ отецъ Аникита явилъ собою примѣръ великаго благочестія и дивнаго подвижничества. Цѣня эти высокія качества въ немъ, зная его образованіе, духовное начальство желало сдѣлать больше: возвести отца Аникиту въ санъ архимандрита и сдѣлать его настоятелемъ какого-либо монастыря. Но смиренный инокъ отказался отъ почестей: его тяготили даже и тѣ почести, какими, по достоинству, окружали его въ монастырѣ.

Завѣтной мечтой отца Аникиты было посѣтить Іерусалимъ, поклониться Живоносному Гробу Господню и другимъ святымъ мѣстамъ, освященнымъ жизнью и страданіями Господа нашего Іисуса Христа. И уже въ это время зародилось въ душѣ его другое желаніе: посѣтить и святую Аѳонскую гору а, быть можетъ, и остаться на ней. Разрѣшеніе было получено, и 5 мая 1834 года отецъ Аникита оставилъ Юрьевъ и отправился въ заграничное путешествіе.

Благочестивый путешественникъ, хотя и имѣлъ прямую цѣль, но не могъ оставить безъ поклоненія и всѣ святыни по пути. Вотъ почему онъ посѣтилъ всѣ монастыри, оставаясь въ каждомъ изъ нихъ извѣстное время. И замѣчательно, даже въ путешествіи, онъ всюду сѣялъ доброе сѣмя. Такъ, имѣлъ онъ двѣ большія остановки: въ Воронежѣ и въ Одессѣ. Въ первомъ городѣ по просьбѣ приснопамятнаго архіепископа Антонія, онъ составилъ подробное жизнеописаніе угодника Божія святителя Митрофана. Въ Одессѣ, гдѣ онъ оставался

до прекращенія отрывшейся въ Константинополѣ моровой язвы и до разрѣшенія выѣзда, отецъ Аникита, живя въ Успенскомъ монастырѣ (въ 12 верстахъ отъ Одессы,—Большой Фонтанъ), своей жизнью далъ назидательнѣйшій примѣръ и братіи монастыря, и православнымъ жителямъ г. Одессы. Послѣдніе являлись къ нему, слушали его бесѣды и наставленія и нерѣдко приглашали его совершать богослуженія въ Одесскихъ храмахъ.

Одессу оставилъ онъ 2 мая 1835 года. Обзорѣніе достопримѣчательностей Константинополя отняли немного времени; 7 іюня отецъ Аникита на парусномъ суднѣ прибылъ на Аеонскую гору. Случайно прибылъ онъ въ Греческій Ксиропотамскій монастырь (вслѣдствіе сильнаго волненія сюда пристало судно), изъ котораго скоро перешелъ въ скитъ святаго пророка Іліи. Настоятелемъ здѣсь былъ въ это время іеромонахъ Парөөній. Онъ уступилъ отцу Аникитѣ свою келлію. Въ келліи этой жилъ знаменитый старецъ Паисій Величковскій и занимался переводомъ съ греческаго языка на славянскій книгъ «Добротолюбія» и «Исаака Сирина», и въ этой же келліи былъ помѣщенъ образованнѣйшій инокъ отецъ Аникита.

Совершивъ въ обители скита первую на Аеонѣ литургію, отецъ Аникита поселился здѣсь и отсюда уже посѣщалъ всѣ святогорскія обители. Посѣщеніе это имѣло для отца Аникиты чрезвычайно важное значеніе. Оно еще больше укрѣпило его духъ, еще больше укрѣпило его вѣру въ тѣ начала жизни, которыя нашелъ онъ лучшими, ради которыхъ оставилъ все, что щедро давала ему жизнь. Не ограничиваясь поклоненіемъ святынямъ и бесѣдами съ отшельниками, онъ въ разныхъ мѣстахъ совершалъ литургіи, большею частью на греческомъ языкѣ. Неоднократно посѣщая Русскій монастырь святаго Пантелеимона, онъ убѣдилъ игумена и братію построить у себя церковь во имя новопрославленнаго русскаго святителя Митрофана, при чемъ самъ-же вручилъ имъ и денежную помощь.

Въ концѣ іюля онъ выѣхалъ въ Іерусалимъ. Вотъ онъ,

наконецъ, у цѣли: предъ нимъ тотъ священный градъ, о которомъ такъ много думалъ онъ, видѣть который такъ жаждала душа его. Полный благоговѣнія, со слезами палъ онъ на землю и воздалъ молитвенное благодареніе Тому, Кто помогъ ему осуществить дорогую мечту. Въ храмъ Воскресенія, при Гробъ Господнемъ, проводилъ онъ цѣлыя ночи, пламенно молясь и проливая горячія слезы. На Голгоѣ и въ храмъ Воскресенія много разъ удостоивался онъ приносить безкровную жертву. Посѣтилъ онъ и другія святія мѣста Палестины, и счастливый, какъ получившій все, чего желалъ, вновь возвратился на Аѳонскую гору, къ ея пустынности и безмолвію, пробывъ въ Палестинѣ болѣе полугода, именно — съ августа 1835 по апрѣль 1836 года.

Во время обратнаго путешествія на Аѳонъ, отецъ Аникита посѣтилъ островъ Кипръ, гдѣ былъ епископомъ праведный Лазарь, другъ Христовъ, а также островъ Патмосъ, гдѣ жилъ и проповѣдывалъ святой Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, и гдѣ онъ писалъ святое Евангеліе. На Аѳонѣ онъ остановился въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, гдѣ ожидалъ видѣть уже строящуюся церковь во имя святителя Митрофана. Но увы!—его ждало разочарованіе. Происшедшія между русскими и греками недоразумѣнія помѣшали дѣлу, и отецъ Аникита рѣшилъ построить таковой храмъ въ скиту Ильинскомъ. 11 мая, взявъ съ собою икону угодника Божія Митрофана *), привезенную имъ изъ Россіи, онъ отправился изъ Пантелеимонова монастыря и прибылъ въ Ильинскій скитъ. Настоятель скита и братія обрадовались тому, что знаменитый мужъ, совершенный въ иноческихъ добродѣтеляхъ, снова явился къ нимъ, и приняли его съ честію и любовью. Исполняя обѣтъ, данный при Гробъ Господнемъ, отецъ Аникита отслужилъ въ скиту непрерывно сорокъ литургій, послѣ чего,

*) Эта икона представляетъ совершенную копію съ той, которая находится въ Воронежѣ надъ мощами святителя Митрофана, и писана она однимъ и тѣмъ-же художникомъ.

съ соизволенія игумена, и заложилъ церковь во имя святителя Митрофана. Священнодѣйствіе совершалъ греческій архіепископъ Панкратій. 3 августа, поручивъ схимонаху Теодору строеніе церкви и передавъ ему значительную сумму, — жертву боголюбивыхъ людей въ Россіи, — отецъ Аникита оставилъ скитъ: по волѣ начальства, онъ долженъ былъ занять должность настоятеля при Русской посольской церкви въ Аѳинахъ. Говоримъ, по волѣ начальства, ибо самъ отецъ Аникита не только не стремился, но избѣгалъ жизни въ большомъ и шумномъ городѣ, и видѣлъ главное счастье — окончить жизнь среди тишины и безмолвія Аѳона. И братія тяжело было разставаться съ нимъ; но неповиновенія волѣ начальства, какъ волѣ Божіей, не могъ допустить строгій подвижникъ и истинный рабъ Христовъ.

Неожиданное бѣдствіе — моровая язва постигла обитель на другое лѣто по отбытіи іеромонаха Аникиты. Въ числѣ жертвъ этой ужасной болѣзни былъ и схимонахъ Теодоръ, которому поручено было строеніе церкви во имя святителя Митрофана. Братія въ скиту уменьшилось. Страхъ и трепетъ объяли всѣхъ. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, всѣ и единогласно рѣшили поднять изъ монастыря Ксиропо-тама Животворящее Древо Креста Господня. Въ скиту совершено было всенощное бдѣніе, водоосвященіе и литія. Церкви, монашескія келліи и всѣ пожитки иноковъ были окроплены святой водой. Послѣ этого, милостію Божіею, моровая язва прекратилась.

Между тѣмъ скончался настоятель скита Пароеній; на его мѣсто былъ поставленъ новый — іеросхимонахъ Павелъ. Братія скита, почитавшая отца Аникиту за отца и покровителя, знавшая, какимъ глубокимъ уваженіемъ пользовался онъ и у греческаго духовенства, и у русскаго посланника, убѣдительно призывали его къ себѣ: онъ нуженъ былъ ей для устройства обителя и для возведенія заложенаго храма. Какъ стремился отецъ Аникита на гору Аѳонскую, какъ полюбилъ

онъ это тихое пристанище, видно изъ того, что, получивъ сказанное приглашеніе братіи скита, онъ уже безотлагательно рѣшилъ просить увольненія отъ занимаемой должности. Святѣйшій Синодъ уважилъ его просьбу, и Ильинскій скитъ уже радовался, ожидая своего благодѣтеля. Но Богъ судилъ иначе: Онъ указалъ иной путь Своему избраннику.

Іеромонахъ Аникита давно уже страдалъ неизлѣчимой болѣзнью, сопровождавшеюся сильными кровохарканіями. Въ началѣ лѣта 1837 года болѣзнь усилилась. Отецъ Аникита слегъ въ постель, а 7 іюня, въ праздникъ Сошествія Святаго Духа, онъ мирно предалъ душу свою въ руки Господни. Преставившемуся былъ 54-й годъ отъ рожденія. Городъ Аѳины оплакалъ его кончину: добродѣтели благочестиваго чужеземца нигдѣ не могли скрыться отъ людей. Тѣло почившаго было положено въ Архангельскомъ монастырѣ, находящемся недалеко отъ города, въ церкви. Этимъ была оказана особая почесть дивному мужу, сіявшему добродѣтелями и строгой жизнью, достойной священнослужителя. Умирая, отецъ Аникита завѣщалъ, чтобы все его имущество, заключающееся въ иконахъ, книгахъ и ризницѣ было немедленно отправлено на Аѳонъ и передано Ильинскому скиту, а впоследствии, чтобы и останки его были перенесены туда-же. Завѣщанное было исполнено. Спустя три года перенесены и кости блаженнаго мужа. Онѣ положены были въ храмѣ во имя святителя Митрофана въ нишѣ правой стѣны, и заложены мраморною доскою, съ золотою надписью, увѣковѣчивающею день его кончины. Въ 1875 году Аѳонскую гору посѣтилъ извѣстный ревнитель православія и защитникъ монашества генералъ Николай Васильевичъ Елагинъ, который въ свое время былъ знакомъ съ отцемъ Аникитою. Узнавъ, гдѣ положены останки блаженнаго мужа, онъ высказалъ, что въ Петербургѣ всѣ считаютъ отца Аникиту за святого, и что поѣтому не слѣдовало бы кости его забуговривать. Тотчасъ доска была снята, кости открыты. Всѣ присутство-

вашіе ощутили чудное благоуханіе, и даже покровы, въ коихъ были обернуты кости, издавали довольное время благоуханіе. Съ того времени останки блаженнаго Аникиты лежать открыто, составляя драгоцѣнное сокровище Ильинскаго скита, для котораго блаженный такъ много сдѣлалъ.

Церковь во имя святителя Митрофана окончательно отстроена уже при настоятельствѣ іеросхимонаха Павла, на средства, оставленныя отцемъ Аникитой. Это важнѣйшее событіе, которымъ отмѣчено настоятельство Павла. Въ 1839 году совершилось печальное событіе. Между братіей скита произошли несогласія. Начальствующіе греческаго монастыря Пантократора, отъ котораго скитъ зависѣлъ, воспользовались этимъ и, изгнавъ настоятеля Павла, отняли у скита многіе весьма важные документы.

Начальствующіе монастыремъ Пантократора, отобравши насильственно эти документы, лишили скитъ его сокровищъ, существенная и историческая важность которыхъ очевидна.

Послѣ іеросхимонаха Павла, управленіе скитомъ было поручено архимандриту Акакію (въ схимѣ Антоній). Онъ уѣхалъ въ Молдавію, отказавшись отъ должности, въ которой не пробылъ и года, но и его кратковременное управленіе есть чѣмъ отмѣтить: именно при немъ были привезены изъ Аѳинъ Зографскимъ архимандритомъ Анатоліемъ и іеродіакономъ Пароеніемъ кости блаженнаго памяти іеромонаха Аникиты, согласно его завѣщанію, и положены въ церкви святителя Митрофана, какъ сказано уже. Іеромонахъ Іоанникій явился преемникомъ архимандрита Акакія. По слабости здоровья, онъ пробылъ въ должности очень недолго, и отправился на Дунай, на бывшія скитскія рыбныя ловли. Тамъ прожилъ онъ до самой кончины († 1851 г.).

Архимандритъ Серафимъ, изъ монастыря святаго Павла, избранный братією, тоже недолго управлялъ обителью и уступилъ свое мѣсто схимонаху Іліи, принявшему должность только по усиленной просьбѣ братіи скита. Это былъ

высокій образецъ смиренія. Сидя на настоятельскомъ мѣстѣ, онъ неутѣшно плакалъ и говорилъ каждому, кто подходилъ къ нему: «прости меня грѣшнаго, отче святой! Я чести сей недостойнъ, я не искалъ и не желаю!» На немъ видно исполнились слова Господа: *Всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себя возвысится.* (Лук. 18, 14).

Это время не было цвѣтущимъ временемъ для скита, и онъ пришелъ въ большей упадокъ, пока Господь не воздвигъ его обновителя. Этотъ человѣкъ, подъявшій продолжительный и тяжелый трудъ на пользу скита, и былъ архимандритъ Паисій 2-й, называемый такъ въ отличіе отъ его великаго соименника Паисія Величковскаго.

Отецъ Паисій родомъ болгаринъ. Онъ родился въ 1796 году въ городѣ Килия, Бессарабской области (нынѣ губерніи) и воспитывался въ городѣ Кишиневѣ, куда переселились родители его еще въ то время, когда онъ находился въ младенческомъ возрастѣ. Съ первыхъ, можно сказать, лѣтъ жизни, онъ выказалъ уже себя особенно. Начала высокой нравственности проявились въ немъ еще почти въ ребенкѣ, и проявились совершенно оригинально. Самъ онъ впослѣдствіи рассказывалъ о себѣ слѣдующее. Въ Кишиневѣ его отдали въ школу учиться грамотѣ. Поучившись немного, явился онъ къ родителямъ и рѣшительно объявилъ имъ, что больше ходить въ школу онъ не станетъ. Это, конечно, не могло не удивить и даже огорчить родителей, знавшихъ сына своего за послушнаго и благонаправнаго отрока.

Почему не станешь ходить въ школу? спросили они.

— Потому, отвѣчалъ умудренный Богомъ отрокъ, что примѣръ дурныхъ товарищей можетъ и меня развратить: они и нехорошо ругаются, и нехорошо поступаютъ... Боюсь, чтобы Господь вмѣстѣ съ ними и меня не наказалъ!

Такъ рано возлюбилъ онъ Господа и возлюбилъ не на словахъ только. Когда ему исполнилось 15 лѣтъ, онъ уже горѣлъ желаніемъ посвятить всю свою жизнь на служеніе Богу.

И онъ сталъ просить родителей позволить ему поступить въ монастырь. Ни убѣжденія отца, ни слезы матери не могли отклонить его отъ этого желанія и заставить остаться въ суетномъ мірѣ. Согласіе родителей было получено, и онъ поступилъ въ монастырь Добрушу (Кишиневской епархіи), въ которомъ пробылъ недолго. Митрополитъ Гавріилъ, посѣтивъ этотъ монастырь, обратилъ вниманіе на юнаго и благоговѣйнаго послушника, полюбилъ его и велѣлъ игумену монастыря немедленно прислать его въ митрополию, гдѣ и принялъ его въ псаломщики домовоі архіерейской церкви. Здѣсь митрополитъ съ каждымъ днемъ все больше и больше убѣждался въ безошибочности сдѣланнаго выбора: примѣрная жизнь, усердіе къ послушанію, ревность къ церкви больше и больше располагали митрополита въ пользу молодого псаломщика, и послѣдній уже на 17 году былъ постриженъ въ монашество и посвященъ въ иподіакона, съ зачисленіемъ въ архіерейскій штатъ. Въ 1825 году епископъ Димитрій, вступившій въ управленіе епархіею послѣ смерти митрополита Гавріила, былъ вызванъ для присутствованія въ Святѣйшій Синодъ, и отецъ Паисій, уже въ санѣ іеродіакона, сопровождалъ его въ Петербургъ. По возвращеніи-же изъ столицы, въ 1831 году, преосвященный Димитрій рукоположилъ отца Паисія во іеромонаха и назначилъ его ризничимъ своей Крестовой церкви, а потомъ поставилъ его и игуменомъ въ Сурчанскій монастырь, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ оставался при архіерейскомъ домѣ и несъ прежнюю должность. Какъ владыка уважалъ отца Паисія, это видно изъ того, что возложилъ на него и обязанности духовника. Послѣдняя обязанность не могла не тяготить отца Паисія, сознававшего себя еще слишкомъ молодымъ для нея.

Вскорѣ іеромонахъ Паисій почувствовалъ непреодолимое желаніе посѣтить Палестину и другія святыя мѣста Востока. Уволиться изъ епархіи было ему нелегко; но могъ-ли владыка противостоятъ столь похвальному желанію благочести-

ваго монаха? И отецъ Паисій получилъ разрѣшеніе, посѣтилъ Іерусалимъ, поклонился Гробу Господню, побывалъ, на обратномъ пути, на Синайской горѣ, а въ 1838 году прибылъ на святую Аѳонскую гору. Это посѣщеніе святой Горы рѣшило будущую судьбу отца Паисія. То уединеніе и безмолвіе, которое таѣ увлекало его, было найдено, и онъ возвращался домой, очевидно, лишь для того, чтобы вскорѣ, окончательно уволившись изъ епархіи, вернуться на Аѳонъ, въ это тихое пристанище, это надежное убѣжище иноковъ отъ мірской суеты и соблазновъ, подъ покровъ Владычицы нашей Пресвятой Богородицы.

Небольшой промежутокъ времени между возвращеніемъ въ Россію и отбытіемъ на Аѳонскую гору, отецъ Паисій прожилъ въ Одессѣ, гдѣ Гавріилъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, пригласилъ его въ крестовые іеромонахи. Жизнь въ Одессѣ видимо стѣсняла подвижника, искавшаго тишины, безмолвія, уединенія. Его стѣсняли и городской шумъ, ежесекундно напоминавшій мірскую суету, и непрерывныя посѣщенія свѣтскихъ лицъ, изъ которыхъ одни искали бесѣды, другія приглашали его къ себѣ въ духовники, третьи просили придти и исполнить потребу, дозволенную іеромонаху. Но то, что стѣсняло отца Паисія, было спасительно для обращающихся къ нему. Многихъ своими бесѣдами привелъ онъ къ полному сознанію грѣховности, многихъ обратилъ на тотъ истинный путь, который потеряли они, многихъ невѣрующихъ сдѣлалъ вѣрующими. Короче: и среди этой тяготившей его суеты жизни онъ сѣялъ доброе сѣмя, внося въ грѣховный міръ начала христіанской нравственности.

Въ 1839 году мы видимъ отца Паисія снова на Аѳонѣ. Теперь онъ купилъ себѣ келлію въ Капсокалибѣ и поселился въ ней вмѣстѣ съ соотечественникомъ своимъ іеродіакономъ, по имени тоже Паисіемъ. Здѣсь жили они въ любви, согласіи и полномъ единомысліи. Питались трудами рукъ своихъ: первый занимался шитьемъ церковныхъ облаченій, второй—

писаніемъ пконъ. Все заработанное было у нихъ общимъ, избытокъ удѣлялся бѣднымъ и странникамъ. Два года жили они, служа примѣромъ истинно-иноческой жизни не только для всѣхъ кансокалибскихъ иноковъ, но и для окрестныхъ келліотовъ. Отсюда-то и вызванъ былъ іеромонахъ Паисій на череду служенія Богу, Которому угодно было, чтобы избранныкъ Его не одного себя приготовилъ Ему, но и души многихъ собратій.

По преданію, когда великій старецъ Паисій Величковскій оставлялъ Аеонъ онъ сказалъ остававшимся въ Ильинскомъ скиту: «со временемъ будетъ въ скиту игуменомъ другой Паисій, и при немъ скить устроится, возвеличится и прославится». Слова эти должны явиться дивно-пророческими для того, кто ознакомится съ трудами на пользу скита Паисія 2-го, достопримѣчательнѣйшаго настоятеля, при которомъ скить и лучше устроился, и возвеличился, и прославился.

Когда смиренно сознавшій себя меньшимъ изъ всѣхъ братій, неустанно плававшій о грѣхахъ своихъ и боявшійся почестей, препростый схимонахъ Илія не остался долго настоятелемъ, и вскорѣ со слезами сталъ упрашивать братію найти себѣ другого начальника и духовника, который несбы бремя управленія, просьбы его были такъ глубоко-искренны, такъ настоятельны, что братіи оставалось только подчиниться. И вотъ собрались всѣ въ церкви. Перечислили іеромонаховъ изъ славянъ, какіе только были на Аеонѣ и жили въ скитахъ, келліяхъ и калибахъ, и какихъ считали способными къ управленію, и, по примѣру святыхъ Апостоловъ помолившись Богу—да укажетъ имъ избраннаго раба Своего въ духовнаго отца и пастыря словесныхъ овецъ, призвавши на помощь скорую Заступницу и благую Помощницу Пресвятую Богородицу и Угодника Божія святаго пророка Ілію, бросили жребій. И палъ жребій на іеросхимонаха Паисія, проживавшаго въ Кансокалибѣ, въ глубокомъ уединеніи и безмолвіи. Это было въ 1841 году, лѣтомъ.

Посланы были два инока скита къ отцу Паисію. Они убѣдительно просили его придти въ скитъ для отправленія Божественной литургіи. Старецъ согласился и пришелъ. Съ радостнымъ чувствомъ встрѣтили его иноки, припали къ ногамъ и, принявъ благословеніе, ввели его внутрь скита, потомъ въ церковь, и здѣсь объявили ему и общее желаніе братіи имѣть его у себя настоятелемъ, и то, что такъ указалъ имъ жребій. Но ни просьбы, ни указанія жребія не поколебали старца: отецъ Паисій ни за что не хотѣлъ разстаться съ пустынною келліею, а тѣмъ болѣе принять начальствованіе, о которомъ, по своему глубокому смиренію, онъ не могъ и думать. И отслуживъ Божественную литургію, посѣтивъ трапезу, старецъ Паисій оставилъ скитъ.

Скитскіе иноки, собравшись, вторично бросили жребій. И—о, чудо!—жребій снова падаетъ на Паисія! Они снова рѣшили послать къ отцу Паисію, но на этотъ разъ уже заручившись пригласительнымъ письмомъ проэстосовъ греческаго монастыря Пантократора, за печатью и подписью перваго архимандрита. Посланные объявили отцу Паисію, что вторично жребій палъ на него, и убѣдительно просили его не противиться волѣ Божіей. Старецъ снова пришелъ, выслушалъ вечерню и утреню и до разсвѣта оставилъ скитъ, рѣшительно отказавшись отъ управленія.

Огорченные иноки прибѣгнули еще къ одному средству. Настоятель болгарскаго Успенскаго скита іеросхимонахъ Никифоръ, давній знакомый отца Паисія и духовникъ его, пользовался на Аѳонѣ большимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Къ нему-то и обратились иноки Ильинскаго скита, прося его повліять на отца Паисія, какъ на его духовнаго сына. Іеросхимонахъ Никифоръ далъ письмо къ отцу Паисію. Въ этомъ письмѣ онъ убѣждалъ его не отвергать просьбы скитской братіи, принять управленіе скитомъ, угрожая—въ противномъ случаѣ—тяжелой отвѣтственностью передъ Богомъ, Который Самъ призываетъ его на служеніе. Убѣжденный доводами

духовника, растроганный настойчивыми просьбами посланных и братій, смиренный Паисій согласился, сказавъ: *Буди воля Божія!*

Почему-же отецъ Паисій такъ долго отказывался? Ясно, что въ этихъ отказахъ уже крылся залогъ величайшаго успѣха въ управленіи скитомъ. Не всякому дано такъ понимать свои обязанности и выполнение долга, какъ понималъ то и другое отецъ Паисій. Смиранный, онъ боялся славы, почестей, власти. Но этого мало. Онъ понималъ, что для исполненія обязанностей настоятеля обители и духовника братіи, нужно много и нравственныхъ, и физическихъ силъ. Предъ умственнымъ взоромъ его носились образы наиболѣе прославившихся управителей. Боязнь не дать того, чего отъ него всѣ ждутъ, не оправдать хоть малѣйшей части тѣхъ надеждъ, которыя возлагаютъ на него, также могла его останавливать.

Когда братія скита услышали, что іеромонахъ Паисій согласился, наконецъ, принять управленіе ихъ обителью, радости ихъ не было предѣловъ. Они встрѣтили его съ почетомъ, объявили о его согласіи монастырю Пантократора, и проѣзды этого монастыря поставили Паисія, по чиноположенію Аеонскому, настоятелемъ Ильинскаго скита.

Началась дѣятельная и трудолюбивая жизнь Паисія-настоятеля. Онъ прежде всего направилъ свои заботы къ внѣшнему благоустройству скита. За продолжительное время, въ которое ни одинъ настоятель не оставался долго, въ которое происходили и печальныя событія, посланные скиту, какъ испытаніе, не могло не быть замѣтныхъ упущеній. И вотъ отецъ Паисій приступаетъ къ дѣлу. Соборная церковь оштукатуривается снаружи и внутри. Затѣмъ, оштукатуривается церковь во имя святителя Митрофана; въ ней настилагся мраморный полъ, устраивается иконостасъ, и съ правой стороны престола поставляется икона святителя Митрофана, писанная въ Воронежѣ, для всегдашняго напоминанія о первомъ

титорѣ этой церкви—іеромонахѣ Аникитѣ. Когда все было окончено, церковь святителя Митрофана была освящена приглашеннымъ для того архіепископомъ Панкратіемъ. Это было въ ноябрѣ 1842 года. На слѣдующій годъ отецъ Паисій, съ помощью Божіей, построилъ новый корпусъ между церквами Благовѣщенія и святителя Митрофана, въ прямой линіи, и подвелъ обѣ церкви и корпусъ подъ одну крышу. Въ зданіи было устроено 15 келлій.

Заботы настоятеля Паисія о внутреннемъ состояніи скита еще болѣе выдавались. Въ этомъ отношеніи все вниманіе его было направлено на соблюденіе порядка въ отправленіи церковныхъ службъ и на улучшеніе нравственности братіи. Съ цѣлью возвышенія и укрѣпленія нравственности братіи отецъ Паисій старался, чтобы всѣ церковныя поученія касались только монашествующихъ, и чтобы, такимъ образомъ, постоянно и настойчиво предъ иноками воспроизводились и правила строго-иноческой жизни, и образы истинныхъ подвижниковъ. Самъ-же и словомъ, и примѣромъ поучалъ братію отсѣченію собственной воли, благочинному прохожденію иноческой жизни, постоянному страху Божію и памятованію о смертномъ часѣ. И какъ скоро появились плоды этихъ поученій и наставленій! Если въ предшествующій періодъ жизни скита нѣкоторые иноки пустили хоть малѣйшіе признаки жизни, удаленной отъ требованія монашескихъ правилъ; если за этотъ періодъ явились новые иноки, не успѣвшіе еще окрѣпнуть и, такъ сказать, установиться нравственно; если иные не прошли еще всей суровой школы подвижничества, — то теперь все направилося и сгладилось. Миръ, любовь, согласіе царили между братіей. Послушанія проходились всѣми и съ полнымъ усердіемъ. Ничѣмъ не нарушимый порядокъ виденъ былъ во всемъ. И чѣмъ-же достигалъ всего этого отецъ Паисій? Одно поученія и наставленія не могли съ равной силой вліять на всѣхъ. Нѣтъ: онъ многого достигалъ и своей возвышенно-нравственной лично-

стью. Его кротость, незлобіе, необычайное терпѣніе, благодушіе, съ которымъ онъ переносилъ подчасъ и обиды,— все это дѣйствовало неотразимо даже на своевольныхъ, приюдя ихъ къ полному сознанію своей неправоты и наставляя на тотъ истинный путь, который неуклонно указывалъ добрый ихъ пастырь.

Въ 1845 году скитъ этотъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Великаго Князя Константина Николаевича. Его Высочество прибылъ на святую Аѳонскую гору 15-го іюля на пароходѣ и, посѣтивши нѣсколько монастырей, 17-го іюля пріѣхалъ въ скитъ святаго пророка Іліи. Въ воротахъ скита онъ былъ торжественно встрѣченъ настоятелемъ отцемъ Паисіемъ и сослужащими ему іеромонахами, въ полномъ облаченіи, со крестомъ и святою водою. При пѣніи и колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи всѣхъ монаховъ, облаченныхъ въ мантии, Великій Князь вошелъ въ соборную церковь и прежде всего благоговѣнно поклонился части Древа Животворящаго Креста Господня, части мощей святаго апостола Андрея Первозваннаго, а также и прочимъ частямъ мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ и облобызалъ ихъ. Во время поклоненія Великаго Князя и его спутниковъ святынь, была произнесена эктенія о благоденствіи всей Царской Фамиліи. Его Высочество изволилъ ужинать и ночевать въ скиту, а на другой день слушалъ Божественную литургію, во все продолженіе которой стоялъ противъ мѣстной иконы Спасителя и благоговѣнно молился, не входя на особо приготовленное для него мѣсто. Послѣ литургіи онъ отправился для посѣщенія другихъ Аѳонскихъ монастырей, а 19-го іюля оставилъ Аѳонскую гору. Настоятель Ильинскаго скита, тотчасъ по отбытіи Великаго Князя, желая сохранить навсегда память о столь радостномъ событіи, распорядился въ новомъ корпусѣ, воздвигнутомъ на мѣстѣ прежняго, утвердить на каменномъ столбѣ мраморную доску съ слѣдующей надписью золочеными буквами: «На семъ мѣстѣ, въ бывшемъ старомъ

зданіи, Его Императорскае Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ ночевалъ 17-го числа іюля 1845 г. ».

А событіе было дѣйствительно радостное. Не говоря уже о томъ, что и вообще дорого для русскаго сердца посѣщеніе Сына Государя и Брата Наслѣдника Русскаго Престола, въ частности посѣщеніе это имѣло для скита исключительное значеніе: съ этого времени Ильинскій скитъ получилъ большую извѣстность и вызвалъ къ себѣ большое расположеніе у Русскихъ.

Послѣ отбытія знаменитаго гостя, отецъ Паисій продолжалъ постройки. На деньги, собранныя съ Высочайшаго разрѣшенія въ Россіи, онъ въ томъ-же году возвелъ большой двухъэтажный каменный корпусъ, въ которомъ устроилъ: трапезу, пекарню, кухню, погребъ, кладовую, двѣ пріемныя для гостей (архондарики) и много монашескихъ келлій. Въ слѣдующемъ, 1846 году, корпусъ этотъ былъ совершенно оконченъ, и 21 ноября, въ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, братія скита и прибывшіе на праздникъ изъ окрестныхъ пустынь иноки, съ молитвословіями вошли въ первый разъ въ новую трапезу, радуясь и благодаря Бога.

Въ то же время съ восточной и южной сторонъ скита была построена каменная ограда, а на открывшемся при этомъ свободномъ мѣстѣ, за алтаремъ церкви святителя Митрофана, въ 1847 году воздвигнуть двухъэтажный корпусъ, въ которомъ устроены келліи, канцелярія и просфорня. Неусыпный труженикъ отецъ Паисій, твердо уповая на помощь Бога, Который не оставлялъ его во всѣхъ начинаніяхъ, желая совершенно обновить скитъ, рѣшился перестроить и остальную его часть. Съ этой цѣлью онъ разломалъ всѣ старыя келліи и приготовилъ мѣсто для новыхъ построекъ. При этомъ отецъ Паисій являлъ собой замѣчательный примѣръ труженика: онъ первый выносилъ съ братіею мусоръ, старый лѣсъ, кирпичи и камни за черту скита. Во время производ-

ства предварительныхъ работъ, изъ Россійско-Императорской миссіи въ Константинополь былъ полученъ сборъ монаха Игнатія, сборщика Ильинскаго скита, прислано чрезъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ суммѣ 13860 турецкихъ піастровъ (1108 р. 80 к.), что вмѣстѣ съ пожертвованіями поклонниковъ составило сумму, достаточную для производства задуманныхъ построекъ. Возблагодаривъ Бога, отецъ Паисій немедленно договорилъ мастеровъ и приступилъ къ постройкѣ большого двухъэтажнаго корпуса, съ западной стороны скита. Длина корпуса 19 сажень; посрединѣ его — красивая колокольня, вышиною въ 23 аршина. Въ верхнемъ этажѣ корпуса были помѣщены два архондарика и келліи, въ нижнемъ — книжная и иконная лавка, а также разныя хозяйственныя помѣщенія. Прошло семь лѣтъ ревностныхъ заботъ настоятеля, и весь скитъ былъ перестроенъ. И что особенно важно, такъ это слѣдующее: все было сдѣлано безъ значительныхъ расходовъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ видовъ на будущее, съ однимъ лишь твердымъ упованіемъ на помощь Божію. Прибавлять-ли къ этому, что всѣ эти многотрудныя заботы не мѣшали отцу Паисію строго исполнять и обязанности, возложенныя на него имъ самимъ? Онъ продолжалъ свои поученія, слѣдилъ за внутреннимъ порядкомъ и — въ начальные годы своего управленія — ежедневно приносилъ Богу безкровную жертву.

Какъ дивно сказывалось попеченіе Божіе о скитѣ, видно изъ слѣдующаго. Въ 1850 году скитъ былъ оконченъ постройками. Число иноковъ быстро умножилось: не проходило почти и дня, чтобы не являлся новый собратъ. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ въ скиту снова не было уже мѣста для поступающихъ... И въ это-то время (1857 г.) получается увѣдомленіе отъ ктитора и благодѣтеля Ильинскаго скита московскаго потомственнаго гражданина Н. В. Лепешкина, что одинъ усердный богомолецъ желаетъ построить въ скиту страннопріимницу и больницу съ церковью и келліями для

прислуживающихъ и престарѣлыхъ монаховъ. Неутомимый настоятель снова принимается за дѣло. Онъ заготовилъ необходимые матеріалы и, съ помощью Божіею, скоро воздвигъ большой каменный двухъэтажный корпусъ, въ которомъ устроено двѣ церкви: во имя святаго Архистратига Михаила и святителя Николая, больничныя палаты, келліи для слушателей и престарѣлыхъ и немощныхъ монаховъ.

Рѣдко можно встрѣтить въ одномъ человѣкѣ сочетаніе такихъ и столькихъ добродѣтелей, какъ это мы видимъ въ отцѣ Паисіи. Чистота душевная, цѣломудренное сердце, искренняя и горячая вѣра, пламенная любовь къ Богу, высокое благочестіе, истинное подвижничество, дѣтская простота и полное довѣріе къ людямъ, свѣтлый умъ, любовь о Христѣ ко всѣмъ, а къ братіи своей въ особенности, неусыпное трудолюбіе, непрерывная молитва, въ высшей степени нестяжательность, отсутствіе честолюбія, непамятозлобіе, въ высокой степени воздержаніе въ пищѣ,—вотъ тѣ великія добродѣтели, которыя, какъ вѣнецъ свѣта, украшали душу старца! И добродѣтели эти, какъ нельзя лучше, гармонировали даже съ внѣшнимъ его видомъ, отражавшимъ въ себѣ качества души, какъ зеркально-чистая поверхность воды отражаетъ въ себѣ глубину небесъ. Лицо его было мужественное и привлекательное, всегда свѣтлое и радостное. Случалось, что при одномъ взглядѣ на этотъ свѣтлый обликъ старца, скорбящій братъ забывалъ и скорбь, и горе, и проникался душевнымъ миромъ и спокойствіемъ. А подтвержденіемъ всѣхъ указанныхъ внутреннихъ качествъ отца Паисія служить вся его жизнь, всѣ многочисленные факты тридцатилѣтняго управленія скитомъ.

Отецъ Паисій, какъ упомянуто, въ начальные годы своего управленія совершалъ ежедневно Божественную литургію. Когда увеличилось число братій, между послѣдними немало оказалось достойныхъ степеней священнослужительскихъ. Такихъ иноковъ старецъ производилъ въ іеромонахи и іеродіа-

коны, назначалъ имъ проходить чреду Богослуженія и съ ними соборомъ въ воскресные и праздничные дни совершалъ Божественную литургію. Кромѣ того, самъ онъ по субботамъ совершалъ литургію въ Благовѣщенской кладбищенской церкви, молясь о почившихъ братіяхъ, благотворителяхъ и вообще обо всѣхъ отъ вѣка усопшихъ православныхъ христіанахъ. На ряду съ трудами духовными, отецъ Паисій несъ и труды физическіе. Онъ всегда работалъ на огородѣ, копая землю и насаждая огородную зелень и носилъ камни для ограды винограднаго сада. Нерѣдко являлся онъ просто помощникомъ повара и замѣнялъ собою служителей при кухнѣ: чистилъ лукъ, картофель, бураки; рубилъ дрова, носилъ воду въ поварню. Чаще же всего занимался онъ изготовленіемъ церковныхъ облаченій и шитьемъ одежды для братій, для чего имѣлъ даже небольшую мастерскую. Во время этихъ занятій, онъ всегда имѣлъ передъ собою открытою какую-нибудь назидательную книгу. Особенно любилъ онъ читать святаго Исаака Сирина и Египетскій Патерикъ. Молитвой былъ занятъ постоянно. Ежедневно успѣвалъ прочитывать всю Псалтирь, которую и зналъ наизусть. Положительно удивляемся: какъ могло хватить у него на все это и времени. и силъ? И современники удивлялись сему не меньше. Большая часть виноградниковъ разведена при отцѣ Паисіи. При немъ же значительно увеличены огороды, по лѣсамъ проложены дорожки и тропинки.

Богатство внутренняго созерцанія поглощало въ немъ убожество вѣншнее. Онъ носилъ одежду не только простую, но часто—въ заплатахъ, такъ что видѣвшіе его въ первый разъ, не всегда признавали въ немъ и настоящаго настоятеля. Однажды собирали виноградъ. Одинъ изъ русскихъ поклонниковъ, нарѣзавъ полную корзину, передаетъ ее отцу Паисію, а отъ него беретъ пустую и говоритъ: «дай мнѣ, старикъ, свою кошницу, а эту отнеси туда, гдѣ высыпають!» Старикъ взялъ. Вдругъ поспѣшилъ къ нему одинъ изъ братій, покло-

нился и сказалъ: «благословите мнѣ, отче святой, понести кошницу!» Тогда только гость узналъ, къ кому онъ обращался, палъ къ ногамъ старца и просилъ прощенія. Въ другой разъ раскапывали источникъ, желая найти больше воды. Отецъ Паисій копалъ землю и носилъ камни вмѣстѣ съ рабочими. Въ это время пришелъ въ свитѣ странникъ-нищій. Привратникъ повелъ его къ мѣсту работъ и указалъ игумена. Видя отца Паисія въ поношенномъ платьѣ и работающимъ наравнѣ со всѣми странникъ счелъ за насмѣшку указаніе привратника, обидѣлся, но, не умѣя говорить по-русски, ничего и не сказалъ, и присталъ къ рабочимъ. За работой онъ просилъ одного собрата показать ему, гдѣ игумень. Тотъ указалъ. И на этотъ разъ грекъ не повѣрилъ: въ монастыряхъ греческихъ не такими видѣлъ онъ игуменовъ. И онъ оставался въ недоумѣніи до самаго обѣда. Даже въ трапезѣ, видя отца Паисія сидящимъ на первомъ мѣстѣ, онъ все еще не вѣрилъ, думая, что на работахъ онъ видѣлъ только похожаго старика... Но, когда, послѣ трапезы, подошелъ онъ къ настоятелю просить милостыни и увидѣлъ подъ рясой тотъ самый ветхій подрясникъ, въ которомъ отецъ Паисій былъ на работѣ, онъ крайне удивился смиренію и простотѣ настоятеля, и въ ошибкѣ своей открылся братіи.

Отецъ Паисій былъ щедръ и милостивъ, но ему свойственна была замѣчательная осмотрительность во всемъ вообще, а въ раздачѣ милостыни въ особенности. Былъ такой случай. Одинъ братъ часто пользовался милостыней. Жилъ онъ вблизи Старо-Никитскаго монастыря. Однажды приходитъ онъ весь прозябшій отъ холода: въ одной рубахѣ и босой, подъ сильнымъ дождемъ. Онъ просилъ отца Паисія дать ему подрясникъ и башмаки. Старецъ понялъ обманъ, послалъ его въ трапезу, а потомъ велѣлъ зайти къ нему. Тѣмъ временемъ онъ приказалъ привратнику принести сумку просителя, и когда явился послѣдній, то отецъ Паисій подалъ ему его же собственныя вещи, которыя были скрыты въ сумкѣ.

Братъ посрамился и просилъ прощенія, которое, конечно, и получилъ.

Кротостію отца Паисія смягчалась самая сильная дерзость людей. Прибыли однажды въ Ильинскій скитъ болгары. Вожаемый ихъ, ходя по коридорамъ, заглянулъ въ мастерскую, гдѣ отецъ Паисій шилъ какое-то церковное облаченіе. Увидя старика въ изорванномъ подрясникѣ и бѣломъ *подкапникѣ* (шерстяная шапочка, носимая подъ камилавкой) онъ принялъ его за простого портного-рабочаго. «Можно ли видѣть игумена?» спросилъ онъ.—«Вотъ уже время вечерни, ты увидишь его въ церкви», отвѣчалъ старикъ. Поклонникъ замѣтилъ въ углу палку. «Послушай, старикъ: подари мнѣ эту палку!»—«Нельзя, это палка нашего игумена».—«Ты обманываешь меня, старикъ», дерзко отвѣчалъ простоватый или юродствовавшій поклонникъ: «это твоя палка, и она мнѣ очень нравится. Съ этими словами онъ взялъ палку и ушелъ, хвастаясь передъ другими своимъ геройствомъ. Но замѣтилъ это архондаричій (присматривавшій за поклонниками), отобралъ жезлъ и отнесъ его въ келлію старца—отца Паисія. Когда *протокали* *) къ вечернѣ, и поклонникъ увидѣлъ отца Паисія, идущаго въ церковь съ тѣмъ самымъ жезломъ, онъ узналъ въ немъ игумена и, по выходѣ изъ церкви, поклонился ему и просилъ прощенія. Да и такіе ли случаи бывали? Много разъ аеонскіе иноки-бѣдняки, приходившіе за милостынею въ скитъ, спрашивали самого старца: гдѣ живетъ игуменъ? И онъ съ добродушной шуткой отвѣчалъ имъ, что игумена нѣтъ дома, но что ему поручено дать милостыню, и онъ дастъ ее.

Такія высокія качества отца Паисія снискали ему всеобщую любовь на Аеонѣ. Больше всего цѣнили въ немъ то, что его кроткое и доброе обращеніе не выдѣляло ни силь-

*) То-есть пробили въ *моку*—деревянную доску, въ которую бьютъ колотушкою, весьма искусно, съ переливами въ тонѣ, когда сзываютъ на молитву.

ныхъ, ни слабыхъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ,—онъ ко всѣмъ и всегда былъ одинаковъ. И Пантократорскіе проѣзды доказали свое глубокое уваженіе къ старцу тѣмъ, что порѣшили произвести его въ санъ архимандрита, не предупреждая о томъ старца, который, по своему смиренію, не принялъ бы этого почетнаго сана. Въ 1868 году, 6 августа, въ праздникъ Преображенія Господня, отецъ Паисій былъ посвященъ въ этотъ санъ.

Все, что онъ сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ не принужденіемъ, не насиліемъ, не строгими взысканіями, а только любовью. Любовь къ Богу, любовь къ ближнимъ были главнымъ и единственно-мощнымъ двигателемъ во всей продолжительной и неусыпной дѣятельности старца Паисія. И онъ былъ щедро вознагражденъ за эту любовь и людьми, и Богомъ. Нерѣдко видѣлъ онъ надъ собой особенный промыслительный покровъ Божій, и ни у кого не зародится сомнѣніе, что это былъ истинный избранникъ Бога. Смиренный, онъ никому не открывалъ тѣхъ знаменій и откровеній, которыя имѣлъ онъ отъ Бога, но многіе случаи изъ его жизни говорятъ о томъ съ очевидной ясностью.

Незадолго до кончины своей отецъ Паисій въ послѣдній разъ посѣтилъ монастырь святаго Пантелеимона (Руссикъ). Вмѣстѣ съ братією раздѣлилъ онъ празднованіе дня Ангела духовнаго ихъ отца Іеронима. Собравшись на другой день, рано утромъ домой, онъ сказалъ: *простите! Уже болѣе очи мои не увидятъ Руссика!* Такъ и случилось.

По наущенію вражію, нашелся среди иноковъ Ильинскаго скита врагъ отца Паисія. Онъ сталъ ему строить козни, противодействовалъ его начинаніямъ, не повиновался распоряженіямъ, нашелъ даже соучастниковъ, съ которыми замышлялъ вовсе удалить отца Паисія изъ обители. Что-же отецъ Паисій? Скорбя о ввѣренной ему обители, устройенію которой можетъ мѣшать одинъ человѣкъ, онъ обратился съ пламенной молитвой къ Богу, прося Его вразумить стропти-

наго или наставить его самого, какъ должно ему поступить. Господь услышалъ молитвы праведника: видя нераскаянность возмущившагося инока, Онъ, Сердцевѣдецъ, поразилъ его скоропостижной смертью. Пришелъ отецъ Паисій. Онъ засталъ инока уже умирающимъ, но еще въ живыхъ. Напутствуя его въ вѣчность, старецъ отъ всей души простилъ ему все, сдѣланное имъ, и усердно молился о немъ Богу. Этотъ поразительный случай заставилъ содрогнуться всѣхъ соучастниковъ умершаго, и они поспѣшили испросить у старца прощеніе.

Однажды отецъ Паисій находился въ большой скорби во время поста предъ Рождествомъ Христовымъ. Со скорбью встрѣтилъ онъ и самый праздникъ. Служа, въ первый день, литургію соборомъ, онъ взглянулъ во время входа на мѣстную икону Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ и глубоко-молитвеннымъ вздохомъ просилъ облегчить его страданіе и дать ему терпѣніе. И вдругъ видитъ онъ Младенца, какъ-бы оживотвореннаго и радующагося дѣтской радостью — играющаго на рукахъ Матери, обращеннаго къ нему лицомъ и благословляющаго... Видѣніе это потрясло старца, и онъ вдругъ ощутилъ въ себѣ необыкновенную радость. Вся Божественная литургія прошла у него при обильныхъ слезахъ и особомъ благодареніи ко Господу. Скорбное состояніе духа исчезло совершенно. Однажды отецъ Паисій посѣтилъ своихъ друзей. На вопросъ ихъ: отчего такъ долго не былъ у нихъ? Старецъ отвѣчалъ: «предъ этимъ временемъ у меня были большія скорби, я чувствовалъ нужду въ совѣтахъ, но не могъ отлучиться изъ обители. Мнѣ было очень тяжело, на меня напала боязнь. Пришедши, въ такомъ состояніи въ церковь, я сталъ предъ иконою Божіей Матери и просилъ Ея о помощи. И услышалъ отъ Нея голосъ: *не бойся! Я ношу Носящаго вся*. Это было за годъ до кончины отца Паисія. Не сомнѣваемся, что это одинъ изъ многихъ случаевъ его жизни, но онъ не говорилъ объ этомъ по своему

смирению. Этотъ-же рассказъ рисуетъ намъ и новую черту въ образѣ подвижника. «Я чувствовалъ большую нужду въ совѣтахъ».. Опытный, много-знающій отецъ Паисій самъ могъ подать всѣмъ совѣты и подавалъ ихъ, но, по дивному смирению, онъ считалъ себя ничего не знающимъ и всегда готовъ былъ обратиться къ другимъ, чтобы воспользоваться ихъ совѣтами, и въ совѣтахъ этихъ находилъ для себя и ободреніе, и успокоеніе.

За годъ до посвященія отца Паисія въ санъ архимандрита, святую Гору посѣтилъ вновь высочій гость — Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Его Высочество 16 іюня былъ и въ Ильинскомъ скиту. Встрѣча была такая-же торжественная, какъ въ свое время Великому Князю Константину Николаевичу. Послѣ продолжительной бесѣды съ отцемъ Паисіемъ, откушавъ чаю, Его Высочество отправился въ дальнѣйшій путь.

Но недолго Ильинскій скитъ украшался своимъ настоятелемъ въ новомъ его санѣ, недолго послѣ этого братія утѣшалась и назидалась своимъ пастыремъ! Господу Богу угодно было воззвать неусыпнаго труженика и непрестаннаго къ Нему молитвенника въ уготованный для него вѣчный покой. Съ начала 1871 года отецъ Паисій сталъ испытывать непріятныя ощущенія при употребленіи пищи, аппетитъ больше и больше ослабѣвалъ, пока совершенно не потерялся. Послѣдовало наступленіе общей слабости, до того усилившейся, что старецъ не могъ провести въ скиту даже храмоваго праздника и принимать гостей, какъ это дѣлалъ онъ прежде, и удалился для покоя въ уединенную келлію на виноградники. Общее болѣзненное состояніе увеличивалось. Онъ вовсе уже не могъ вкушать пищи, чтобы не вызвать рвоты, и ничего, кромѣ воды, не пилъ. Наконецъ, онъ не могъ уже и воды пить. Наступила самая тяжкая болѣзнь (ракъ въ груди), продолжавшаяся около двухъ мѣсяцевъ. Надъ больнымъ совершали таинство елеосвященія. Онъ изрѣдка, насколько

позволялъ особый характеръ болѣзни, приобщался Святыхъ Таинъ. Послѣ литургіи въ воскресенье, 5-го сентября, онъ былъ приобщенъ Святыхъ Таинъ, но уже лежалъ въ постели и едва могъ говорить. Явились братія для послѣдняго прощанія. Со слезами подходили они къ одру умирающаго и отходили отъ него. Вечеромъ ему сдѣлалось хуже, и духовникъ его, настоятель болгарскаго Успенскаго скита іеросхимонахъ Никифоръ, предложилъ еще разъ приобщиться Святыхъ Таинъ. Послышался тихій отвѣтъ: «скоро, скоро»! Его приобщили. Предъ причастіемъ старецъ читалъ молитву прерывающимся голосомъ: *Вѣрую, Господи, и исповѣдую... Сподоби мя, Господи, неосужденно причаститися... Помяни мя, Господи...* И старецъ почувствовалъ облегченіе, но положеніе его было уже безнадежное. Тяжелыя страданія продолжались до двухъ часовъ ночи. Онъ стоналъ, но и въ этомъ стонѣ умирающаго, почти уже лишившагося силы произносить слова, все еще слышалась молитва: *Господи Іисусе! Прѣсвятая Богородице!* Дыханіе его становилось все труднѣе. И вотъ совершенно уже ослабѣвшій старецъ собираетъ послѣднія силы, подымаетъ руки, какъ-бы желая еще произнести слова молитвы, опускаетъ ихъ на грудь крестообразно, и слышится послѣдній вздохъ, съ которымъ душа праведника отлетаетъ въ селенія горняя. Навѣки сомкнулись добрые глаза и уста, на лицѣ застыла улыбка, говорившая о той неизреченной радости, съ которой вѣчная душа оставила бренное тѣло... А въ церкви въ это время (6 сентября) шла утренняя, и оттуда доносилось пѣніе: *Величитъъ душа моя Господа...* Медленно прозвучалъ троекратный ударъ колокола... Тяжелой и для всѣхъ понятной вѣстью отозвался этотъ звонъ въ душахъ молившихся братій... Опустѣла церковь, и едва слышной походкой направились всѣ въ келлію настоятеля, чтобы облобызать охладѣвшую десницу того, съ кѣмъ всѣ такъ сжились, кого такъ полюбили, въ комъ видѣли отца, наставника и друга...

Блаженнаго старца, тридцать лѣтъ мудро управлявшаго скитомъ, не стало; остались его дѣла, остался въ памяти всѣхъ его чудный образъ, остались въ глубинѣ души каждаго его мудрыя наставленія. И чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ ярче и ярче становится этотъ образъ, тѣмъ цѣннѣе и цѣннѣе кажутся его дѣла, тѣмъ дороже и дороже его наставленія *).

Великій Оптинскій старецъ іеросхимонахъ Макарій.

(Память 7 сентября).

Іеросхимонахъ Макарій, въ мірѣ губернской секретарь Михайль Николаевичъ Ивановъ, происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи, Дмитровскаго уѣзда. Прадѣдъ его Іоаннъ, въ монашествѣ Іосифъ, былъ инокомъ Карачевского Николаевского Одрина монастыря и памятенъ своею строгою, постническою жизнію. Дѣдъ и бабка отца Макарія также были люди благочестивые.

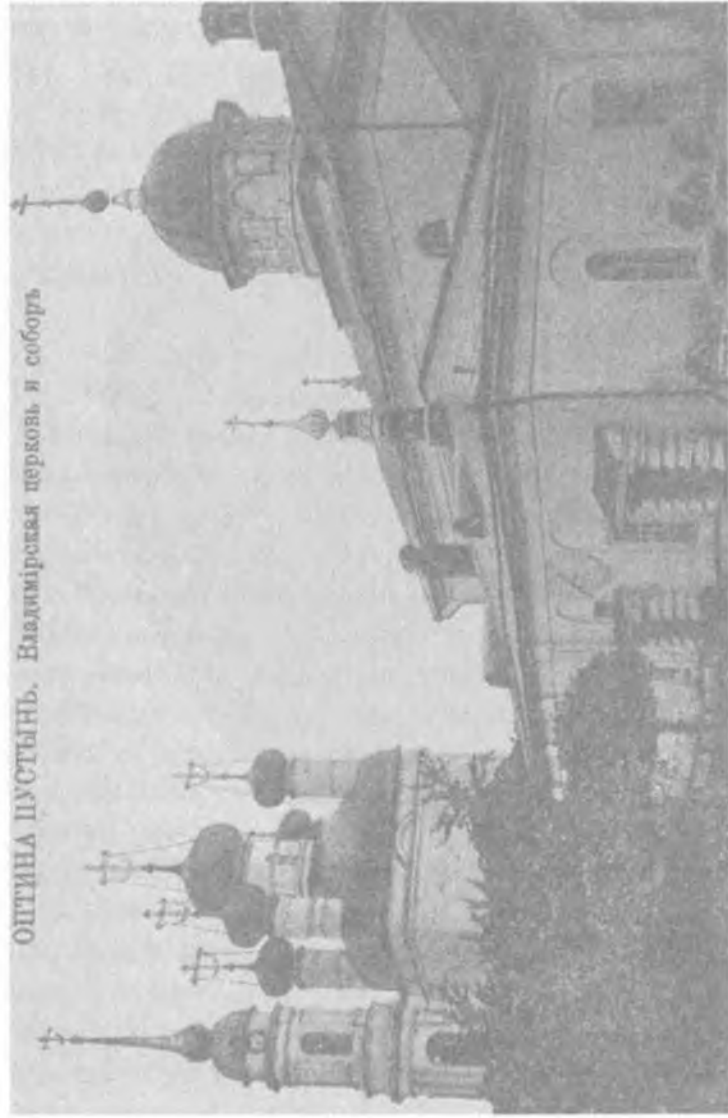
Родители отца Макарія: коллежскій ассесоръ Николай Михайловичъ Ивановъ и мать Елизавета Алексѣевна, урожденная Емельянова, сверхъ родоваго помѣстья гг. Ивановыхъ, Орловской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, сельца Щепятина, владѣли населенными имѣніями и въ другихъ губерніяхъ и въ томъ числѣ въ Калужской: въ окрестностяхъ города Калуги, вблизи Лаврентьева монастыря, принадлежало имъ небольшое сельцо Желѣзники, гдѣ они и жили. Въ этомъ самомъ сельцѣ въ 1788 году 20 ноября, родился у нихъ сынъ и былъ нареченъ во св. крещеніи Михаиломъ, въ честь св. Михаила, князя Тверского, коего память 22 ноября.

*) „Русскій общежительный скитъ святаго пророка Іліи, на святой Афонской горѣ“. Изданіе 3-е, дополненное и переработанное. Одесса. Типографія П. Францова, Пушкинская ул., № 20. 1896 г..

Оптинскій старецъ іеросхимонахъ Макарій

ОПТИНА ПУСТЫНЬ. Владимірская церковь и соборъ

Оптина пустынь. Введенскій соборъ и Владимірскій храмъ

Среди впечатлѣній пріятныхъ для зрѣнія и отрадно-мирныхъ для сердца видовъ сельской природы, имѣя передъ глазами тихую иноческую обитель, изъ которой ежедневно до слуха обитателей Желѣзниковъ звонъ колоколовъ, призывавшій иноковъ къ молитвѣ,—возрасталъ будущій инокъ и молитвенникъ, еще тогда невѣдомый міру.

Настоятелемъ Лаврентьева монастыря въ то время, когда близъ него проживали родители Михаила, былъ отецъ архимандритъ Ѳеофанъ, мужъ благоговѣйный и обходительный. Находясь въ близкомъ духовномъ общеніи съ ними онъ воспринималъ у нихъ отъ купели дѣтей.

У Михаила, какъ у старшаго въ семействѣ, было еще три брата: Алексѣй, Павелъ, Петръ и сестра Варвара. Но по свидѣтельству оставшейся въ живыхъ сверстницы его,—мать Михаила, женщина богобоязненная и смиренная, безотчетно любила особенно старшаго сына, говоря въ объясненіе этого своимъ ближнимъ: «сердце мое чувствуетъ, что изъ этого ребенка выйдетъ что-нибудь необыкновенное!» Но, и кромѣ сего, Михаилъ точно невольно привлекалъ къ себѣ съ ранняго дѣтства общее вниманіе своими свойствами: тихостію, кротостію и молчаніемъ; онъ даже не участвовалъ въ играхъ своихъ братьевъ и сверстниковъ, не отходя отъ колѣнъ любимой матери, какъ бы въ предчувствіи, что имъ всѣмъ недолго остается пользоваться ея ласками. И точно, по разстроенному здоровью супруги своей, Николай Михайловичъ Ивановъ долженъ былъ, оставивъ свой тихій сельскій пріютъ, переѣхать со всѣмъ семействомъ въ Москву; старшему сыну Михаилу тогда было пять лѣтъ. Елизавета Алексѣевна черезъ три года скончалась отъ чахотки и погребена въ Андроніевомъ монастырѣ. Послѣ сего Николай Михайловичъ Ивановъ съ дѣтьми своими: Михаиломъ, Алексѣемъ и Петромъ переѣхали въ Дмитровскій уѣздъ въ родовое имѣніе свое—сельцо Щепятино.

Въ 1797 году Николай Михайловичъ Ивановъ переѣхалъ

изъ деревни въ г. Карачевъ для совмѣстнаго жительства съ родною сестрою своею Дарьею Михайловною, мужъ которой Семень Θεодоровичъ Передѣльскій служилъ тогда, по выбору дворянства, членомъ Карачевского уѣзднаго суда. Дѣти Николая Михайловича: Михаилъ, Алексѣй и Павелъ, вмѣстѣ съ двоюроднымъ своимъ братомъ Алексѣемъ,—сыномъ Передѣльскаго, были тогда же помѣщены въ городское приходское училище. Михаилу тогда было 9 лѣтъ. Здѣсь-то началъ и кончилъ свое школьное образованіе отрокъ Михаилъ, будущій духовный вождь и наставникъ.

Когда же Николай Михайловичъ въ лѣтнее время уѣзжалъ въ свою деревню—сельцо Щепятино, дѣти, для того, чтобы не прерывать занятій, оставались въ Карачевѣ на попеченіи своихъ ближайшихъ родственниковъ: Дарьи Михайловны Передѣльской и Авдотьи Ивановны Сандуловой. Около 1801 г., когда Передѣльскіе переѣхали въ деревню, они взяли къ себѣ домашняго учителя, для продолженія воспитанія сына. Тогда и Михаилъ съ своими двумя братьями переѣхалъ въ домъ своей родной тетки, гдѣ они и продолжали обучаться, вмѣстѣ съ ея сыномъ, чистописанію, грамматикѣ и ариѳметикѣ.

Въ деревнѣ Михаилъ прожилъ не болѣе года. Въ 1802 г. онъ поступилъ бухгалтеромъ въ Львовское уѣздное казначейство, въ коемъ мѣсто казначея занималъ тогда С. Я. Сандуловъ, родственникъ Михаила, а мѣста бухгалтерскихъ помощниковъ заняли родной братъ Михаила Алексѣй и двоюродный также Алексѣй Передѣльскій. Мѣсто бухгалтера было очень трудное, но 14-лѣтній юноша проходилъ эту должность съ рѣдкимъ усердіемъ, точностію и исправностію, почему обратилъ на себя вниманіе губернскаго начальства. По случаю смерти начальника стола счетной экспедиціи въ казенной палатѣ Цыцурина, Михаилъ Николаевичъ вызванъ былъ въ Курскъ занять это мѣсто въ 1805 году и въ томъ же году получилъ первый классный чинъ.

Совѣтникъ казенной палаты Николай Михайловичъ Лѣнинецъ такъ полюбилъ даровитаго и вмѣстѣ скромнаго юношу, что предложилъ ему помѣщеніе въ своемъ домѣ. Отъ занятій должностныхъ, любимыхъ по чувству долга, онъ переходилъ къ занятіямъ любимымъ по склонности—музыкѣ и чтенію. Любимымъ инструментомъ его была скрипка, на которой Михаилъ Николаевичъ игралъ хорошо. Въ чтеніи же, несмотря на свои молодые лѣта, онъ искалъ не одного пріятнаго препровожденія времени а, главнымъ образомъ, пріобрѣтенія новыхъ познаній и разрѣшенія на важнѣйшіе вопросы ума и сердца.

Въ этихъ занятіяхъ незамѣтно протекло три года службы Михаила Николаевича. Въ 1806 году 17 марта онъ лишился своего родителя: Николай Михайловичъ Ивановъ скончался, послѣ продолжительной болѣзни, мирною христіанскою кончиною съ напутствіемъ Св. Таинствъ и погребенъ близъ приходской своей церкви въ селѣ Турищевѣ. Между тѣмъ подросли и другіе его братья, а сестрѣ минуло 13 лѣтъ. На семейномъ совѣтѣ дружныхъ между собою братьевъ было рѣшено сестру отъ тетки, у которой она доселѣ воспитывалась, взять домой, имѣніе не раздроблять, а принять его одному—Михаилу, съ тѣмъ, чтобы двухъ другихъ братьевъ, Алексѣя и Павла, удовлетворить деньгами. Михаилъ Николаевичъ, нимало не колеблясь, принялъ это предложеніе братьевъ и въ 1806 году вышелъ въ отставку, получивъ въ награду чинъ губернскаго секретаря.

Михаилъ Николаевичъ прожилъ въ деревнѣ два года; хозяйство шло очень плохо: ибо оно требовало бдительнаго личнаго присмотра, а иногда и взысканія за опущеніе, а Михаилъ Николаевичъ, по добротѣ своей, не могъ и не хотѣлъ слѣдовать общепринятому порядку. Однажды, когда мужички, видя, что нѣтъ за ними настоящаго присмотра, покрали большое количество гречихи, онъ призвалъ ихъ къ себѣ и долго уговаривалъ, и вразумлялъ словами божественнаго Писанія; а родные

втихомолку смѣялись надъ нимъ. Но къ удивленію ихъ, увѣщаніе кончилось тѣмъ, что виновные упали на колѣни, сознались чистосердечно, какъ было дѣло, и были прощены. Сосѣди скоро узнали о добротѣ молодого помѣщика и нерѣдко присылали просить то разныхъ хозяйственныхъ вещей, то сѣмянъ,—отказу никому не было. Братъ, пріѣхавши, начали, уговаривать Михаила Николаевича жениться и предлагали ему многихъ невѣстъ; но, по ближайшемъ разсмотрѣніи свойствъ каждой, должны были сознаться, что ни одна изъ знакомыхъ не обладаетъ вполне тѣми свойствами, которыя могли бы понравиться ихъ брату. Когда же указали на одну сосѣдку, которая дѣйствительно была дѣвица скромная и добродѣтельная, Михаилъ сказалъ: «развѣ на этой жениться?» Братъ обрадовались, не предупредивъ Михаила поѣхали съ предложеніемъ къ ея родителямъ, которые, будучи вовсе не приготовлены къ этому, сказали: «благодаримъ за честь; но такъ скоро нельзя; надобно подумать, ближе познакомиться» и прочее, тому подобное. Услыша объ этой неудачѣ своихъ братьевъ, Михаилъ Николаевичъ съ радостію приближалъ къ сестрамъ, говоря: «слава Богу! сказали: надо подумать; пусть думаютъ. Я не могъ отговориться, сдѣлалъ послушаніе братьямъ, но теперь никто меня не уговорить»:

Вскорѣ Михаилъ Николаевичъ поѣхалъ на Коренную ярмарку, накупилъ себѣ книгъ преимущественно духовнаго содержанія и, возвратясь домой, углубился въ чтеніе ихъ, питая душу сродною ей пищею; иногда же уходилъ въ столарную, работалъ до усталости за верстакомъ, желая приучить такимъ образомъ юную плоть покоряться духу.

Въ 1810 году, 6 октября, поѣхалъ онъ для богомолья въ Богородицкую Площанскую пустынь, отстоявшую отъ имѣнія ихъ, сельца Щепятина, въ 40 верстахъ,—и уже болѣе не возвращался. Здѣсь подъ руководствомъ духовника онъ быстро преуспѣвалъ въ подвигахъ иноческой жизни; изучилъ нотное церковное пѣніе и уставъ; 16 ноября 1810 г. былъ

включенъ въ число послушниковъ, 29 декабря постриженъ въ рясофоръ и названъ Мелхиседекомъ и въ 1814 г. ѣздилъ на богомолье въ Кіевъ; 7 марта 1815 г. былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Макарія; 12 марта посвященъ въ іеродіакона, а въ іюнь того же года въ іеромонаха и назначенъ ризничимъ. Здѣсь онъ находился подъ духовнымъ руководствомъ ученика старца Паисія Величковскаго Аванасія, отъ котораго и получилъ много переводовъ о. Паисія аскетическихъ твореній древнихъ отцовъ иночества.

Въ 1818 году въ Площанской пустыни перемѣнился настоятель: мѣсто добраго и болѣзненнаго о. Цавла, занялъ ученикъ старца Василія, строитель Бѣлобережской пустыни іеромонахъ Серафимъ. Ему позволено было взять изъ сей пустыни въ Площанскую около 10 человекъ братіи для улучшенія въ оной церковнаго чина и порядка. О. Серафимъ перемѣнилъ бывшее до него въ Площанской пустыни столповое, или знаменое, пѣніе на Кіевское, заведенное въ Бѣлыхъ берегахъ схимонахомъ Ѳеодоромъ, и установилъ большое благоустройство по монастырю и по трапезѣ. Отецъ Серафимъ, какъ человекъ духовной жизни, былъ добрымъ наставникомъ и отцемъ для братіи; въ его время въ пустыни собралось до 100 человекъ. Онъ велъ жизнь трезвенную, въ разговорахъ былъ пріятливъ, нравомъ кротокъ и тихъ; управлялъ Площанскою обителью до 1826 года. Эти благія перемѣны и введеніе большаго во всѣхъ частяхъ благоустройства встрѣтили бодрое сочувствіе во всѣхъ благонамѣренныхъ братіяхъ, и въ томъ числѣ и въ о. Макаріи. Сложивъ съ себя, по слабости здоровья (августа 5 дня 1818 года) должность ризничаго, о. Макарій продолжалъ неустойчиво трудиться въ пользу обители, помогая въ письмоводствѣ, то опытными совѣтами, то личнымъ трудомъ; по церкви помогалъ постоянно въ пѣніи и чтеніи и, какъ знатокъ церковнаго пѣнія, принялъ дѣятельное участіе при введеніи Кіевскаго напѣва, находя его вполне соответственнымъ настроенію своего пу-

стыннолюбиваго духа. За эти труды, какъ и вообще за усердное прохожденіе возлагаемыхъ на него послушаній, о. Макарій, по представленію новаго настоятеля въ 1819 году, 8 іюня, во время посѣщенія обители преосвященнымъ епископомъ Іоною, былъ награжденъ набедренникомъ и въ то же время испросилъ у него дозволеніе сходить на поклоненіе Кіевской святыни.

По разсказу оставшагося въ живыхъ спутника его о. Палладія старца-іеродіакона Оптиной пустыни, о. Макарій совершилъ и этотъ путь въ оба конца пѣшкомъ съ посохомъ странника и въ самой убогой одеждѣ. Въ Кіевѣ онъ пробылъ 10 дней, былъ утѣшенъ привѣтливостію намѣстника Лавры архимандрита Антонія, служилъ литургію въ дальнихъ пещерахъ; на обратномъ пути изъ Кіева они зашли въ Глинскую пустынь. Здѣсь о. Макарій познакомился и вошелъ въ близкое духовное общеніе съ однимъ изъ учениковъ настоятеля сей обители игумена Филарета, іеродіакономъ Самуиломъ, который былъ дѣлательемъ умной молитвы, проходя оную подъ руководствомъ своего старца, ученика Θεодосіева (архимандрита Софроніевой пустыни).

Въ 1824 году о. Макарій ѣздилъ въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ св. Димитрія, Ростовскаго чудотворца; въ эту же поѣздку онъ посѣтилъ въ первый разъ Оптину пустынь и новоустроенный при ней пустынный скитъ, который впослѣдствіи пріютилъ его въ своихъ стѣнахъ и въ свою очередь былъ обязанъ ему многимъ.

Въ 1825 году о. Макарій лишился своего добраго старца схимонаха Аѳанасія, въ которомъ имѣлъ живой образецъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей.

Въ слѣдующемъ 1826 году скончался и настоятель пустыни о. Серафимъ; на мѣсто его преосвященный Гавріилъ назначилъ въ должность строителя Площанской пустыни своего эконома, взятаго въ эту должность изъ братства той же пустыни, іеромонаха Маркеллина; но и послѣ назначенія онъ

болѣе двухъ лѣтъ жилъ въ Орлѣ, правя экономскую должность, а пустынью управлялъ казначей іеромонахъ о. Анатолій. Въ томъ же году іюня 10 дня о. Макарій назначенъ благочиннымъ своей обители, а въ слѣдующемъ 1827 году января 30-го опредѣленъ духовникомъ Сѣвскаго Троицкаго дѣвичьяго монастыря. Это назначеніе было началомъ новаго періода духовной дѣятельности старца, которая кончилась вмѣстѣ съ его многотрудною жизнію. Съ этого же времени начинается и его духовная переписка, продолжавшаяся также до начала его предсмертной болѣзни.

Въ 1828 году настоятель Площанской пустыни о. Маркеліанъ былъ совершенно уволенъ въ свою обитель для управленія оною, съ освобожденіемъ отъ должности эконома. Въ томъ же году прибылъ въ Площанскую пустынь изъ Александро-Свирскаго монастыря уже извѣстный намъ старецъ духовной жизни іеросхимонахъ Леонидъ, въ схимѣ Левъ, съ нѣсколькими учениками и, поживъ здѣсь около полугода, перешелъ на постоянное жительство въ новоустроенный при Оптиной пустыни скитъ. Сближеніе съ этимъ опытнымъ въ духовной жизни наставникомъ и окрѣпшимъ въ борьбѣ съ искушеніями вождемъ иноковъ имѣло важное вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь о. Макарія.

Въ о. Леонидѣ онъ нашелъ именно то, чего такъ долго алкала душа его—мужа духовнаго разума. О. Леонидъ не менѣе былъ радъ встрѣтить столь даровитаго и такъ хорошо подготовленнаго инока, котораго болѣе считалъ своимъ сподвижникомъ и духовнымъ другомъ, и только уступая его нелицемѣрному смиренію и постоянству, рѣшился обращаться съ нимъ, какъ съ приснымъ и возлюбленнымъ о Господѣ сыномъ и ученикомъ. По отбытіи старца въ Оптину пустынь, о. Макарій продолжалъ свое духовное общеніе съ нимъ посредствомъ переписки.

Послѣ о. Леонида прибылъ въ Площанскую пустынь изъ Глинской упомянутый выше старецъ о. Василій Кишкинъ и

водворился на постоянное жителство въ обители, по убѣжденію учениковъ своихъ, съ намѣреніемъ окончить здѣсь скитальческіе дни свои: онъ получилъ желаемое, скончавшись мирною кончиною въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1831 года. По званію благочиннаго, о. Макарій усердно помогалъ о. строителю Маркеллину въ управленіи обителью, почти до самой предсмертной болѣзни его, которая началась въ декабрѣ 1831 года; большую же часть лѣта 1831 года о. Макарій провелъ въ Сѣвскѣ, будучи назначенъ, по распоряженію преосвященнаго Никодима, членомъ комитета по перестройкѣ Сѣвскаго училищнаго корпуса, а по званію духовника Сѣвскаго дѣвичьяго монастыря, — членомъ другого комитета по построенію вокругъ означеннаго монастыря каменной ограды. Онъ весьма скучалъ этимъ несроднымъ его духу занятіемъ, выражаясь въ письмахъ къ старцу, что «завязался комитетами».

Въ октябрѣ того же года, преосвященный Никодимъ, епископъ Орловскій и Сѣвскій, отправляясь на чреду въ Святѣйшій Синодъ, вовсе неожиданно вызвалъ о. Макарія въ Орелъ и взялъ съ собою въ Петербургъ въ должность казначея и эконома, въ которой онъ и пробылъ почти ровно годъ, до 21 октября 1832 года.

По пути изъ Орла въ Петербургъ о. Макарій заѣхалъ въ Оптину пустынь (находящуюся въ полуверстѣ отъ Большаго Кіевского тракта) на прощаніе и для совѣта съ своимъ духовнымъ наставникомъ и другомъ.

На возвратномъ пути изъ Петербурга о. Макарій имѣлъ утѣшеніе проѣздомъ чрезъ Москву быть въ Новоспасскомъ монастырѣ у старца іеромонаха о. Филарета; его духовная бесѣда и глубокій разумъ, проникнутые силой и свѣтомъ благодати, и его любовь — навсегда запечатлѣлись въ сердечной памяти о. Макарія. И опять видѣлся съ о. Леонидомъ, у котораго испросилъ благословеніе и согласіе о. строителя Моисея на принятіе его въ скитъ, состоящій при Оптиной пустыни. О. Макарій подалъ прошеніе о семъ о. строителю,

прося дать оному ходъ, когда найдетъ сіе удобнымъ, а самъ возвратился въ Плещанскую пустынь и, предавшись въ волю Божию, спокойно ожидалъ, что речеть о немъ Господь.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1833 года получилъ онъ увѣдомленіе отъ о. Леонида, что дѣло его пошло въ ходъ.

Дѣло тянулось почти цѣлый годъ. Въ 1834 году 14 января о. Макарій получилъ столь вождедѣнный для него указъ о своемъ перемѣщеніи изъ Плещанской въ Оптину пустынь; слезно простился съ обителью, подъ сѣнію коей прожилъ 23 года и 3¹/₂ мѣсяца, и, воздавъ благодареніе Царицѣ Небесной, покрову Которой онъ вручалъ себя въ этомъ дѣлѣ, поспѣшилъ на соединеніе съ любвеобильнымъ старцемъ. 5-го февраля 1834 года о. Макарій прибылъ въ скитъ Оптиной пустыни и прожилъ здѣсь 26 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 2 дня. При чемъ до смерти о. Леонида былъ послушнѣйшимъ и преданнѣйшимъ ученикомъ и сотрудникомъ.

Отецъ Макарій 46-ти лѣтъ отъ роду прибылъ на жительство въ Оптину пустынь и помѣщенъ въ скиту, при строителѣ пустыни отцѣ Моисеѣ, впослѣдствіи въ санѣ архимандрита управлявшемъ тою же обителью, и при братѣ его начальникѣ скита іеромонахѣ Антоніи, впослѣдствіи въ санѣ игумена.

Многіе имѣли его своимъ наставникомъ и пользовались его духовными совѣтами (мы видѣли, что еще съ 1826 года онъ былъ назначенъ духовникомъ Сѣвскаго дѣвичьего монастыря); а онъ, смиряясь и вмѣняя себя ни во что, бѣгалъ отъ славы человѣческой, ища какъ особой чести и отлічія быть «при ногу» другому старцу, и, улучивъ желаемое, явилъ на дѣлѣ черты истиннаго послушанія; сперва онъ помогалъ лишь старцу въ его обширной перепискѣ съ лицами, просившими у него духовныхъ совѣтовъ и назиданія; съ 1836 года кругъ дѣятельности его значительно расширился. Въ октябрѣ мѣсяцѣ сего года о. Макарій былъ опредѣленъ духовникомъ обители, а по назначеніи начальника скита о. Антонія настоятелемъ Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря, съ 1 де-

кабря 1839 года ему поручено управленіе скитомъ въ званіи скитоначальника. Умножившіеся труды не измѣнили нисколько отношеній о. Макарія къ старцу: слово *начальникъ* не слышалось въ устахъ смиреннаго инока. Будучи исполненъ вѣры и любви къ старцу, онъ не дѣлалъ ничего безъ сирова у него и, по смиренію, весь успѣхъ своихъ начинаній приписывалъ тайно и явно молитвамъ, совѣтамъ и благословенію своего отца, а потому Господь, призирающій на смиренныя, и благословлялъ труды его.

Отецъ Макарій принялъ начальство надъ скитомъ, когда онъ вступилъ уже въ 18-е лѣто своего существованія; постройка въ немъ была та самая, которая заведена первоначально, при основаніи въ 1821 году. Стараніемъ старца, въ теченіе 20-ти послѣдующихъ лѣтъ, при помощи благотворителей, которые, пользуясь наставленіями старца, не преувеличивая, можно сказать, считали за счастье для себя оказать свою любовь и усердіе къ нему и къ мѣсту его пребыванія, чѣмъ могли, Скитъ не только былъ обезпеченъ въ необходимомъ содержаніи, но и помогалъ настоятелю въ содержаніи монастыря; ибо, по заведенному въ началѣ основанія скита правилу, все, что оставалось у скитоначальника, за расходами на содержаніе скитскаго братства, отдавалось въ распоряженіе настоятеля. Наконецъ, незадолго до кончины старца, онъ имѣлъ вовсе неожиданное утѣшеніе видѣть то, о чемъ едва смѣлъ помышлять по своему смиренію и твердому упованію на Промыслъ Божій: это обезпеченіе любимаго имъ скита въ его содержаніи и на будущее время.

Въ 1858 году усердіемъ расположенныхъ къ старцу благотворителей построена, вмѣсто обветшавшей, новая деревянная братская трапеза съ принадлежащими къ ней службами: достроены заложены въ 1857 году новыя каменные св. ворота съ каменною надъ ними колокольнею, а корпуса келлій, по обѣимъ сторонамъ воротъ находящіяся, обложены кирпичемъ, оштукатурены и покрыты, такъ же какъ и трапеза,

листовымъ желѣзомъ, прочіе корпуса покрыты частію тесомъ, частію черепицею.

Въ теченіе лѣта 1860 года, на восточной сторонѣ скита заложенъ, въ присутствіи старца, новый деревянный корпусъ келлій съ мезониномъ, для помѣщенія въ ономъ скитской библіотеки (въ пользу которой старецъ завѣщалъ свою келейную библіотеку избранныхъ духовныхъ книгъ и собраніе портретовъ св. мужей, просіявшихъ своими подвигами и ученіемъ); въ томъ же году новыя св. ворота и колокольня расписаны извнѣ и изнутри священными изображеніями, по выбору и мысли старца: это послѣдній плодъ его постоянной заботливости о внѣшнемъ и внутреннемъ благолѣпіи скита.

Скитская церковь, стоящая въ срединѣ остальныхъ зданій, была предметомъ особеннаго попеченія старца. Можно безошибочно сказать, что каждое украшеніе занимаетъ въ ней то, а не иное мѣсто, по особой мысли старца и его личному указанію: и потому-то она, съ перваго взгляда, такъ и привлекаетъ соединеніемъ благолѣпія съ простотою.

Въ послѣдніе годы жизни старца скитская церковь преобразилась совершенно и тоже — благодаря попеченію его: весь иконостасъ вызолоченъ вновь; при чемъ позлащены и колонны, его украшающія, а потолокъ и стѣны, какъ въ алтарѣ, такъ и въ церкви, расписаны вновь, по мысли старца. На это Господь, видимо благоволившій ко всѣмъ его начинаніямъ, послалъ, совершенно неожиданно, знающаго и усерднаго исполнителя.

Ризница скитская трудами старца, который, какъ мы видѣли, и самъ былъ нѣкогда ризничимъ, приведена въ отличное состояніе.

Мы уже видѣли, что съ юныхъ лѣтъ о. Макарій обнаруживалъ глубокое сочувствіе къ природѣ: между прочимъ онъ любилъ цвѣты; но, отсѣкая и сію невинную склонность, когда сдѣлался начальникомъ скита, не сталъ даже заниматься цвѣтниками, разведенными въ скиту его предше-

ственнымъ, и обратилъ на нихъ вниманіе лишь тогда, когда услышалъ, что посѣтителі скита упрекаютъ его въ упущеніи того, чего не считалъ недостойнымъ своего вниманія бывший начальникъ скита. Сначала старецъ увеличилъ небольшой цвѣтникъ подъ окнами своей келліи. Но достаточно было любимому всѣми старцу обнаружить эту невинную склонность, чтобы найти подражателей. Спустя нѣсколько лѣтъ у оконъ каждой келліи появились небольшіе цвѣтники, а усердіемъ одного изъ ближнихъ учениковъ старца, всѣ скитскія дорожки покрылись шпалерою цвѣтовъ, начиная съ низко-растущей, но благоухающей резеды, до разноколерныхъ красивыхъ, но зато не имѣющихъ никакого благоуханія, георгинъ. Любителямъ цвѣтоводства было чѣмъ полюбоваться, подойдя къ келліи старца, такъ сказать, осыпанной цвѣтами, и трудно было повѣрить, узнавъ, что все это дѣло усердія одного человѣка—неувядаемый плодъ послушанія, и особенно любви къ своему наставнику.

Внутренность скита еще основателемъ его, отцомъ Моисеемъ, обращена въ плодовый садъ. Усердіемъ одного изъ ближнихъ учениковъ старца садъ этотъ не только поддержанъ, но приведенъ въ наилучшее состояніе. Произведенія сего сада никогда не продавались и въ урожайные годы, а скитская братія, почти до новыхъ плодовъ, имѣла за своей скромной трапезой—«утѣшеніе» изъ плодовъ своего сада. Часть не идущихъ въ прокъ раздавалась, по снятіи, братіи монастырской и приходящимъ, а также городскіе и сельскіе жители нерѣдко и зимою приходили просить, для своихъ больныхъ свѣжихъ и моченыхъ яблоковъ и, когда было что дать, не получали отказа.

Состоящій при скиту *пчельникъ* также приумноженъ заботливостію одного изъ учениковъ старца; при чемъ приложены всѣ позднѣйшія усовершенствованія по части пчеловодства, по системѣ Прокоповича.

Оберегая скитское безмолвіе, старецъ имѣлъ особое попе-

ченіе о сбереженіи окружающаго скитъ со всѣхъ сторонъ лѣса.

Оптинскій скитъ, будучи, какъ мы видѣли выше, столь много обязанъ старцу своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ, его же по преимуществу заботливости обязанъ утвержденіемъ своего нынѣшняго штата. Это важное для скита, по своему внутреннему значенію и послѣдствіямъ, событіе совершилось въ 1857 году, по благоволительному вниманію къ покойному старцу высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита Московскаго, при непосредственномъ его участіи.

Сдѣлавшись начальникомъ скита, старецъ обратилъ особенное вниманіе на чтеніе, пѣніе и вообще порядокъ церковной службы и, будучи самъ знатокомъ церковнаго устава, проходя порядно должности канонарха и уставщика еще въ Площанской обители, любя и зная твердо вотное церковное пѣніе,—личнымъ руководствомъ, трудомъ и терпѣніемъ постепенно ввелъ порядокъ и точность въ отправленіи церковныхъ службъ, плавное чтеніе безъ ложной чувствительности и тщеславія голосомъ; имъ же введена въ скиту должность канонарха и пѣніе «на подобны», которое отсюда перешло и въ монастырь.

Но и послѣ введенія вышеозначеннаго порядка по церкви старецъ постоянно наблюдалъ за поддержаніемъ онаго, никогда не оставляя безъ замѣчанія, въ отношеніи церковнаго устава, чтенія и пѣнія, не только важной ошибки, но и малѣйшаго опущенія: раздѣлить ли канонархъ не на мѣстѣ съ нарушеніемъ смысла церковную стихирю, ошибутся ли въ чемъ-нибудь пѣвчіе на клиросѣ, чтецъ суточного круга службъ или канона,—старецъ не оставлялъ ихъ безъ разсужденія. Если нужно поправить тонъ или напомнить забытый напѣвъ, самъ запѣваетъ ирмосъ или указываетъ чтецу, гдѣ онъ ошибся, и какъ надобно поправиться; а канонарха, по окончаніи стихиръ, зоветъ къ себѣ съ книгою и указываетъ, какъ надобно правильно раздѣлить ту или другую стихирю;

и все это—съ любовію, кротко, тихо, вразумительно. Въмѣсто всякихъ оправданій, сдѣлавшій ошибку обыкновенно говорилъ: «простите, батюшка»! На это старецъ отвѣчалъ: «Богъ простить»!—и благословеніемъ оканчивалось дѣло.

По заведенному порядку въ двенадесятыя праздники скитскіе братія ходили на церковную службу ко всенощному бдѣнію и литургіи въ монастырь. На второй же день великихъ годовыхъ праздниковъ, каковы: Рождество Христово и Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ скитской церкви бывала своя служба, продолжавшаяся въ первый праздникъ всю недѣлю, а во вторую два дня; также чествовались службою всѣ дни, посвященные памяти св. великаго Іоанна Предтечи Господня, имени котораго посвященъ скитъ, праздники въ честь нѣкоторыхъ Богородичныхъ явленныхъ иконъ, дни преподобныхъ, просіявшихъ въ иноческомъ житіи восточныхъ и російскихъ, дни тезоименитства нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, каковы, напримѣръ: 1 декабря—Филарета милостиваго—въ честь достоуважаемаго старца-митрополита, преподобныхъ Моисея Мурина, Антонія Великаго и Макарія Великаго, тезоименныхъ тремъ старцамъ обители. Ко всѣмъ этимъ праздникамъ скитская церковь убиралась съ особымъ тщаніемъ; во время всенощнаго бдѣнія, на величаніе возжигались люстры и всѣ лампы, и предстоящимъ раздавались зажженные свѣчи.

Въ скитскій храмовой праздникъ 29 августа, на второй день Пасхи и Рождества Христова, по обычаю, служилъ въ скитской церкви самъ настоятель обители, о. архимандритъ Моисей, или братъ его о. игумень Антоній. Самъ старецъ, съ переходомъ изъ Площанской въ Оптину пустынь, отказался отъ священнослуженія, частію по физическому недостатку—косноязычію, а болѣе по чувству крайняго смиренія. Первые годы своего пребыванія здѣсь, онъ участвовалъ въ соборномъ служеніи на первый день Пасхи; также облачался иногда на погребеніе нѣкоторыхъ изъ братій, или почему

либо особенно чтимыхъ имъ лицъ; такъ послѣдній разъ видѣли его въ облаченіи наканунѣ его предсмертной болѣзни, 25 августа, на погребеніи скончавшейся въ его присутствіи блаженною кончиною матери ученика его, боярыни Маріи К—ой.

Въ Великій Четвергъ самъ пѣвалъ посреди церкви пѣснь: «чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный...» и какъ пѣвалъ? Казалось, что слово *вижду* имѣло въ устахъ его прямое значеніе, и что пѣніе выражало лишь то, что въ самомъ дѣлѣ видѣли его душевныя очи. Старческій голосъ дрожалъ отъ волненія чувствъ, слезы катились по блѣднымъ ланитамъ, и сердца слушающихъ проникались умиленіемъ. Невольно приходило каждому на мысль: «тебѣ ли, земной Ангелъ, человѣкъ небесный, облеченному въ одежду смиренія, вопіять ко Господу: *одежды не имамъ, да вниду въ оныя*»?

Вліяніе старца на богособранный въ скиту малое стадо, главнымъ образомъ, основывалось на томъ, что всѣ словесныя овцы онаго имѣли къ старцу, какъ своему духовному пастырю и отцу, сердечную вѣру и сыновнюю любовь, свидѣтельствуемая искреннимъ къ нему, по преданію св. отецъ, *откровеніемъ совѣсти*, состоящимъ въ частомъ, если возможно, и ежедневномъ и, вмѣстѣ, чистомъ исповѣданіи предъ старцемъ—не только всѣхъ дѣлъ и поступковъ, но и тончайшихъ помысловъ и умственныхъ прираженій съ полученіемъ отъ него совѣтовъ и наставленій. Въ силу такого отношенія старца къ его ученикамъ, двери его сердца и келліи были отверсты для нихъ во всякое время; каждый изъ нихъ могъ входить къ нему свободно безъ всякаго другаго доклада, кромѣ Іисусовой молитвы, и не опасаясь придти не во время, или обезпокоить старца своимъ приходомъ. Келейникъ, жившій при немъ 20 лѣтъ, свидѣтельствовалъ, что онъ не видалъ ни разу, чтобы старецъ прогнѣвался на кого-нибудь изъ братіи за несвоевременный приходъ, не исключая и того часа, который онъ посвящалъ на краткій отдыхъ, послѣ трапезы.

Какъ чадолюбивый отецъ, онъ обезпокоивался лишь однимъ,—если долго не видѣлъ у себя кого-либо изъ относившихся къ нему постоянно. По званію начальника скита, старецъ, какъ самъ строго соблюдалъ, такъ и поддерживалъ силою своего вліянія во вѣренномъ ему братствѣ, соблюденіе скитскихъ правилъ: самъ всегда присутствовалъ въ церкви и трапезѣ, самъ съ искусствомъ, приобрѣтеннымъ долговременнымъ опытомъ, распредѣлялъ частныя послушанія и назначалъ белейныя занятія, по силѣ, способностямъ и устроенію каждаго; самъ входилъ во всѣ обстоятельства дѣла, рѣшалъ возникавшія, при прохожденіи того или другого послушанія, недоумѣнія, непріятныя встрѣчи, смущенія, вразумлялъ, наставлялъ, поощрялъ, вспомошествова ученіемъ и дѣломъ, однимъ словомъ,—каждый послушникъ зналъ и чувствовалъ, что бремя его страдательно раздѣляетъ съ нимъ любвеобильный отецъ и мудрый наставникъ,—отчего и трудное послушаніе казалось легкимъ.

Какъ духовный наставникъ, каждому относившемуся къ нему, старецъ вмѣнялъ въ существенную обязанность: къ поясненію и подтвержденію духовныхъ совѣтовъ, отъ него получаемыхъ; заниматься въ келліи, въ свободное время, чтеніемъ свято-отеческихъ книгъ, назначая оное по мѣрѣ духовнаго возраста каждаго. Новоначальнымъ же преимущественно назначалъ читать книгу св. аввы Дорофея, называя её «монашескою азбукою», безъ которой нельзя положить твердаго основанія иноческаго пути. Затѣмъ поучалъ и наблюдалъ, чтобы никто и никогда не былъ празднымъ; и для сего внушалъ, чтобы каждый, сверхъ своего частнаго послушанія, ради унынія, занимался какимъ либо рукодѣльемъ, которое у св. отцевъ обычно называется «*подѣліе*», указывая притомъ на отеческое слово, что монахъ, занятый рукодѣліемъ, борется только съ однимъ бѣсомъ, а праздный со многими. Онъ завелъ въ скиту и поддерживалъ личнымъ участіемъ и поощреніемъ рукодѣлія: токарное, переплетное,

футлярное и ложечное; три первыя старецъ зналъ самъ. Искусные въ краснописаніи занимались списываніемъ по уставу отеческихъ книгъ,—въ чемъ старецъ также былъ свѣдущъ. Издѣлія свои (матеріаломъ желавшихъ трудиться обычно снабжалъ старецъ) братія приносили старцу, а отъ него получали въ поощреніе, такъ называемое по-монастырски *утѣшеніе*—осьмушку или четвертку чаю и фунтъ или два сахару, иной разъ платочекъ, четочки, книгу или что-либо подобное. Чтобы понять значеніе слова «утѣшеніе», присоедиеннаго къ столь маловажнымъ повидимому предметамъ, надобно было видѣть, какъ высоко цѣнились эти дары даже и сѣдовласыми младенцами о Христѣ, какъ знакъ отеческой любви и милостиваго вниманія любимаго и любвеобильнаго старца! Старецъ же дарилъ братскія издѣлія благотворителямъ обители, а также подносилъ ихъ почетнымъ посѣтителямъ скита—духовнымъ и свѣтскимъ особамъ.

Въ нравственномъ отношеніи старецъ всемѣрно старался поддерживать во вѣренномъ его управленію скитскомъ братствѣ миръ, любовь и единокровіе.

Одного не любилъ старецъ, какъ вождь духовный, въ поручавшихъ себя его духовному руководству: желанія поступать по своей волѣ и соединеннаго съ нимъ прекословія. Онъ оставлялъ таковыхъ ходить по волѣ сердца своего, да накажетъ ихъ самое отступленіе ихъ.

По смиренію старецъ скрывалъ свою прозорливость, но въ ней не могли сомнѣваться имѣвшіе къ нему близкое отношеніе, будучи удостовѣрены въ томъ личными опытами. «Дѣлай какъ знаешь», говаривалъ иному старецъ: «но смотри, какъ бы не случилось съ тобой вотъ того-то...»,—и событіе удостовѣряло невнимательнаго въ томъ, что старецъ предостерегалъ его недаромъ.

Долготерпѣливый ко временно уклонявшимся, по дѣйствию вражію, отъ пути откровенія, старецъ мудро выжидалъ, когда постигнетъ таковаго какое-либо искушеніе вѣншее

или внутреннее; и тогда, вразумивъ и утѣшивъ пришедшаго, присоединялъ и кроткое обличеніе, говоря: «вотъ это постигло тебя за то, что ты уклонился на шее. Ахъ, брате, брате! разсуди, мнѣ ли нужно твое откровеніе?—Врагу не нравится этотъ путь, какъ вѣрный и кратчайшій ко спасенію. Онъ, по свидѣтельству св. отцевъ: аввы Дорофея, Теодора Едесскаго и многихъ другихъ, не только не любитъ откровенія помысловъ, но даже терпѣть не можетъ и самаго голоса, которымъ оно произносится: вотъ почему онъ и старается всячески тебя отвлечь отъ сего. Хотя я грѣшенъ, неразуменъ и немощенъ душевно и тѣлесно, но не отрекаюсь—тѣмъ, кто ищетъ съ вѣрою утѣшенія или пользы душевной, сказать, что Богъ подастъ омраченному моему уму, къ ихъ пользѣ, и быть въ семъ орудіемъ милосердаго Его отеческаго Промысла, аще и недостойнъ. Если съ вѣрою будешь искать и принимать мои слова, то и черезъ грѣшника получишь пользу; а если—безъ вѣры или съ сомнѣніемъ и испытаніемъ, разборомъ словъ и дѣйствій, то, хотя бы и праведенъ былъ, пользы быть не можетъ: это знаешь и отъ Отеческихъ писаній, и на дѣлѣ испыталъ. Говорю сіе не упрекая тебя, но утверждая на преднія».

Сими и подобными словами старецъ такъ утѣшить и ободрить, что виновный выйдетъ изъ его келліи, самъ себя не помня отъ радости. Старецъ и самъ по временамъ посѣщалъ келліи своихъ учениковъ и, какъ замѣчено ими, приходилъ всегда благовременно, всегда имѣлъ цѣль духовную: утѣшить одного, ободрить другого, поддержать сего, вразумить онаго; а потому посѣщенія эти проливали въ душу посѣщаемого успокоеніе и веселіе: казалось, что, по уходѣ такого вожделѣннаго гостя, и самая келлія исполнялась благоуханіемъ смиренія, которымъ были запечатлѣны всѣ дѣла и слова сего, поистинѣ, дивнаго мужа.

Отношеніе покойнаго старца о. Макарія къ монастырю обуславливалось главнымъ образомъ многотрудною обизанно-

стію духовника и наставника; обязанность эта была возложена на него въ 1836 году. Одаренный духовнымъ разсужденіемъ и имѣя твердую память, старецъ наставлялъ своихъ учениковъ словами св. Писанія и отеческихъ ученій, глубоко вкоренившихся въ чистотѣ его ума и сердца. Доколѣ позволяли ему силы, онъ старался первѣе всего поддерживать въ монастырскомъ братствѣ, такъ же какъ и въ скитскомъ, заведенное его предшественникомъ старцемъ о. Леонидомъ, откровеніе помысловъ, отъ котораго проистекаетъ *храненіе совѣсти*, справедливо признавая сіе дѣланіе основаніемъ внутренняго благоустройства и порядка, а слѣдовательно и процвѣтанія обители.

Еще при жизни старца о. Леонида, всѣ относившіеся къ нему привыкли смотрѣть на о. Макарія, какъ на его духовнаго друга и сотаинника, хотя, по смиренію, сей послѣдній и вчинялъ себя въ число учениковъ его; привыкли получать письма, писанныя рукою о. Макарія и скрѣпленные общемою подписью обоихъ старцевъ, въ знакъ ихъ полного единодушія и единомыслія. Всѣ относившіеся къ о. Леониду, какъ къ старцу, были въ то же время духовными дѣтьми о. Макарія, какъ духовника обители.

Мужчинъ старецъ принималъ въ своей келліи во всякое время дня, отъ ранняго утра до замкнутія скитскихъ вратъ, женскій полъ—за вратами скита или во внѣшней келліи, у вратъ онаго устроенной; кромѣ того, послѣ трапезы, отдохнувъ съ полчаса на своей узкой, какъ былъ узокъ путь его жизни, броваткѣ, почти ежедневно, кромѣ крайней немощи, онъ ходилъ, или изрѣдка и ѣздилъ на монастырскую гостиницу. Тамъ по скитской дорожкѣ, у воротъ и въ гостинныхъ келліяхъ ожидали его нерѣдко цѣлыя сотни народа всѣхъ сословій, обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, изъ разныхъ городовъ и селеній. Кому случалось пройти съ старцемъ, хотя однажды, путь отъ скитскихъ вратъ до деревянной гостиницы, тотъ, конечно, не въ силахъ забыть благихъ

впечатлѣніи этихъ минутъ. Всмотримся поближе въ картину, которая хорошо впечатлѣлась въ нашей памяти, ибо нерѣдко случалось имѣть ее передъ глазами. Старецъ средняго роста, весь сѣдой, одѣтъ лѣтомъ въ мухояровой поношенной ряскѣ и башмакахъ, зимой въ весьма поношенной, крытой темно-зеленымъ драдедамомъ шубѣ, съ костьюлемъ въ одной и четками въ другой рукѣ. Лицо — ничѣмъ не поражающее съ перваго взгляда, вовсе некрасивое по обыкновеннымъ понятіямъ о красотѣ физической, даже нѣсколько неправильное, по недостатку въ глазахъ, съ печатью постоянного углубленія въ себя, слѣдовательно на видъ болѣе строгое, нежели ласковое; но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркаломъ чистой, любвеобильной и смиренной души, сіяло какою-то неземною красотой, отражая въ себѣ то или другое изъ свойствъ внутренняго челоуѣка, плодовъ духа, исчисленныхъ Апостоломъ. Вообще въ немъ было рѣдкое соединеніе дѣтской простоты, тихости и смиренія, дѣлавшее его приступнымъ всѣмъ и каждому.

Въ поясненіе сего надобно замѣтить, что страждущимъ разными, не всегда понятными, болѣзнями, старецъ, громъ духовныхъ совѣтовъ къ исцѣленію необходимо состраждущей тѣлу и души, давалъ освященный елей отъ неугасаемой лампы, горѣвшей въ его келліи, предъ особенно чтимой имъ иконой Владимірской Божіей Матери, единой Свидѣтельницы сокровенныхъ подвиговъ раба Своего. И рассказы объ исцѣленіяхъ истежавшихъ отъ сего простого дѣйствія, немало-численны.

Для окружавшихъ старца было очевидно, что Промыслъ Божій, направляя къ нему истинно нуждающихся въ духовной помощи, указывалъ имъ и на ближайшія средства получить дѣйствительную помощь отъ мудраго старца.

Стеченіе народа въ обители было особенно велико въ посты, и преимущественно въ Успенскій, когда духовники едва успѣвали исповѣдывать, и вѣждодневно причащалось по нѣ-

скольку сотъ человѣкъ.— Жители города Болхова и Мценска, извѣстные своимъ благочестіемъ, во множествѣ посѣщали Оптину пустынь въ теченіе сего поста: они имѣли особенное расположеніе какъ къ обители вообще, такъ и лично къ старцу, на котораго и соименный ему Болховскій архимандритъ, отецъ Макарій, указывалъ имъ, какъ на своего преемника въ ихъ родной обители. Послѣ кончины приснопамятнаго отца архимандрита Макарія *), депутація болховскихъ гражданъ прибыла въ Оптину пустынь съ тѣмъ, чтобы просить старца дать свое согласіе на занятіе настоятельской должности въ Болховскомъ Оптиномъ монастырѣ, а о. игумена,—чтобы онъ отпустилъ его къ нимъ. Но смиренномудрый старецъ рѣшительно отказался отъ этой чести; узнавъ же, что о семъ уже сдѣлано, помимо его, представленіе высшему духовному начальству, поспѣшилъ отклонить оное чрезъ нѣкоторыхъ благодѣлителей обители, при посредствѣ одной высшей духовной особы.

Изъ дѣвичьихъ иноческихъ обителей ближе другихъ къ нему былъ монастырь Сѣвскій.

Въ послѣднее десятилѣтіе равнымъ же расположеніемъ старца пользовалась и сопредѣльная дѣвичья обитель Бѣлевская, съ тѣхъ поръ, какъ была назначена въ начальницы оной одна изъ преданнѣйшихъ ученицъ старца о. Леонида, а по немъ и о. Макарія—монахиня Павлина, а казначеей ея сестра по духу мать Магдалина.

Кромѣ сихъ обителей, духовнымъ руководствомъ и наставленіями старца пользовались также нѣкоторыя внимательныя къ себѣ сестры монастырей: 1) Великолуцкаго, игуменья котораго мать П—ія была одною изъ преданнѣйшихъ ученицъ старца, 2) Борисовской Тихвинской пустыни, 3) Вяземскаго Аркадіевскаго, въ который недавно назначена настоятельницею одна изъ ученицъ старца мать А—ія, 4) Ка-

*) Отецъ архимандритъ Макарій скончался въ 1847 году.

занскаго дѣвичьяго монастыря игуменья мать Д—я, бывшая еще ученицею старца о. Леонида, 5) Курскаго монастыря игуменья мать А—на и нѣкоторыя изъ сестеръ онаго, 6) Серпуховскаго, 7) Калужскаго, 8) Елецкаго, 9) Брянскаго, 10) Осташковскаго, 11) Золотоношскаго, 12) Смоленскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Инокини сіи прїѣзжали, по временамъ, нарочито для свиданія съ старцемъ, чтобы, подкрѣпясь духовно его совѣтами, продолжать потомъ поддерживать себя его письменными наставленіями. Современные о. Макарію иноки болѣе общежительныхъ монастырей и пустынь, а также нѣкоторые изъ духовенства, зная о духовныхъ дарованіяхъ старца, приходили къ нему издалека «пользы ради и совѣта духовнаго»; другіе, не имѣя на сіе возможности или времени, обращались за совѣтами письменно. Изъ обителей своей епархіи онъ посѣщалъ по временамъ общежительные монастыри: Малоярославецкій, издавна имѣвшій настоятелей изъ Оптиной пустыни, коимъ при жизни старца управляли преемственно игумены: о. Антоній и о. Никодимъ, нынѣ въ санѣ архимандрита, и Мещевскій Георгіевскій, пока въ ономъ былъ настоятелемъ вышеупомянутый о. Никодимъ. Но особенно любилъ пустынную обитель преподобнаго Тихона, которая обязана началомъ своего нынѣшняго благоустройства отеческимъ попеченіямъ о ней старца о. Леонида;—въ послѣдніе же годы жизни старца о. Макарія былъ назначенъ для управленія ею одинъ изъ преданныхъ учениковъ его, іеромонахъ Моисей. Сердечно утѣшался старецъ внѣшнимъ и внутреннимъ благоустройствомъ обители.

Первое мѣсто между дарованіями, данными старцу на пользу общую, какъ мужу избранному и вызванному на великій подвигъ служенія духовнымъ нуждамъ различно немощствующихъ, занимаетъ безспорно *даръ духовнаго разсужденія*.

Другія душевныя свойства, отличавшія старца, были смиреніе и любовь. Смиреніе выражалось въ словахъ и дѣлахъ,

а равно и во всей виѣшности: видѣ, одеждѣ, въ каждомъ движеніи; не преувеличимъ, если скажемъ, что блаженный старецъ былъ живой образецъ смиренія. Оно было альфою и омегою его ученія, что можно видѣть изъ его писемъ.

Исполненный истинной любви старецъ проливалъ обильно милость свою на духовныхъ дѣтей своихъ, объемля ихъ всѣхъ душею своею и не тѣсно вмѣщая въ сердцѣ своемъ; по примѣру милосердаго нашего Создателя и Искупителя, онъ не отвращался ни отъ кого, приходящаго къ нему и требующаго милости душевной или тѣлесной, и никого не отпускалъ отъ себя, не оказавъ, чѣмъ могъ, вниманія къ его нуждѣ.

Долготерпѣніе и кротость также были украшеніемъ старца, ибо никто изъ иноковъ не видѣлъ въ немъ гнѣва или смущенія за что-либо, развѣ за преступленіе заповѣди Божіей; но, напротивъ, кротость и терпѣніе его были разумны всѣмъ человѣкамъ. Обличая кого-либо, онъ запрещалъ съ тихостію, наставлялъ и поучалъ съ любовію, миловалъ и долготерпѣлъ съ надеждою исправленія согрѣшающихъ. Незлобіе и простота въ немъ были, поистинѣ, младенческія. Оканчивая симъ исчисленіе дарованій и свойствъ старца, надѣюсь, что недоказанное мною пояснить сугубо его письма, въ которыхъ вполне отразились его чистое сердце и благопросвѣщенный разумъ.

Лице его было бѣло и свѣтло, какъ лице Ангела Божія. Взоръ тихъ, слово смиренно и чуждо дерзновенія. Умъ же его, какъ дѣлателя умной молитвы, всегда былъ соединенъ съ Богомъ, отъ каковаго дѣланія лицо его цвѣло духовною радостію и сіяло любовію къ ближнему.

Причащаясь Св. Христовыхъ Таинъ каждый мѣсяцъ въ алтарѣ, онъ всегда принималъ ихъ съ глубокимъ и трогательнымъ умиленіемъ.

Одежда его была самая скромная и простая, въ келліи ходилъ онъ обычно въ бѣломъ холщевомъ или канифасномъ

балахончикѣ-подрясникѣ, который перемѣнялъ не часто, пмѣя на головѣ черную вязаную шапочку; для молитвенныхъ келейныхъ правилъ употреблялъ браткую мантию; для письма и чтенія надѣвалъ очки въ стальной оправѣ старой формы.

Выходя изъ дома надѣвалъ, лѣтомъ, сверхъ легкаго чернаго коленкороваго подрясника, черную же мухояровую почину пустынной обители рясу, а зимою—поверхъ рясы надѣвалъ весьма поношенную, крытую темнозеленымъ драдедамомъ, легкую шубку, опираясь притомъ на старческій посохъ или костыль, съ четками въ рукахъ, изъ коихъ любимыя были перламутровыя, подаренныя ему, въ бытность его въ 1852 году въ Москвѣ, досточтимымъ старцемъ-митрополитомъ.

До самой кончины старецъ сохранилъ врожденную живость характера, дѣлавшую его крайне подвижнымъ и на всякое благое дѣло скоро уготованнымъ; живость эта проявлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, даже въ нѣкоторыхъ тѣлодвиженіяхъ. Съ переходомъ въ Оптинской скитъ, старецъ отказался служить; ибо по косноязычію и страдая въ то же время занятіемъ духа, не могъ ясно выговаривать возгласы, тѣмъ менѣе произнести цѣлую ектенію или должное поминовѣніе на великомъ выходѣ. По той же живости характера старецъ не любилъ излишней медленности и вялости, долгихъ сборовъ и т. п.; такъ, напримѣръ, если случалось ѣхать съ нимъ въ дорогу, надобно было собраться спѣшно или заранѣе, иначе, — едва лишь поданы лошади, старецъ уже готовъ и идетъ садиться. Въ дѣлахъ послушанія также любилъ, чтобы дѣлалось все скоро,—знакъ усердія, но отнюдь не небрежно, напримѣръ: если кто, взявъ въ руки книгу, положить еѣ безъ вниманія нижней стороною вверхъ, старецъ не приминетъ замѣтить:—«ты положилъ книгу небрежно,—это нехорошо!»—и самъ поправить. Память у него была изумительная и очевидно промыслительно дарованная для вспоможенія въ дѣлѣ служенія ближнимъ. Если разъ кто былъ у него на исповѣди или откровеніи, онъ помнилъ всѣ главныя

обстоятельства до него касающіяся. Можно себѣ представить радость какой-нибудь бѣдной старухи, которая, придя всего другой разъ въ жизни къ старцу, бывала встрѣчаема отъ него пріветствіемъ въ родѣ слѣдующаго: «а, здравствуй, Дарья! Что дѣтки, здоровы ли? Какъ Иринушка твоя поживаетъ, вѣдь она, кажется, у тебя ужъ года три будетъ, какъ отдана замужъ?»... И вотъ, изумленная такимъ неожиданнымъ вниманіемъ и памятованіемъ о ней святаго отца, старушка уже и забыла вполонину то горе, которое привело ее въ обитель, а вмѣстѣ исчезла робость, съ которой она шла къ старцу, раздумывая: «какъ то я, грѣшница, покажусь ему, какъ расскажу ему, что есть на душѣ»,—и она легко и свободно высказываетъ ему свою душу, черпая утѣшеніе въ словахъ богоглаголивыхъ устъ его.

Во всѣхъ тѣлесныхъ добродѣтеляхъ и дѣланіяхъ старецъ держался средняго непадательнаго, такъ называемаго святыми отцами, царскаго пути, удаляясь всемѣрно крайностей, которыя они же называютъ бѣсовскими. Прикрывая воздержаніе смиреніемъ, старецъ касался всего предложеннаго на трапезѣ; но кто пожелалъ бы замѣтить, сколько онъ вкусилъ пищи за одинъ разъ, то взглянувъ, напримѣръ, на оставшійся на его приборѣ хлѣбъ, могъ удостовѣриться, что старецъ не съѣлъ и одной трети обыкновенной порціи. Принимая по вечерамъ братій скитскихъ и монастырскихъ, приходившихъ на откровеніе помысловъ, старецъ не всегда имѣлъ время участвовать своевременно за вечернею трапезою: тогда приносили ему пищу въ келлію обычно въ двухъ небольшихъ глиняныхъ горшечкахъ, которые ставили до времени въ печь. Окончивъ пріемъ братіи, продолжавшійся часъ и болѣе, утомленный старецъ подкрѣплялся разогрѣтою пищею, запросто, изъ тѣхъ же самыхъ горшечковъ. Замѣчательно, что, подобно о. Аѳанасію, и о. Макарій показывалъ большую сострадательность къ безсловесной твари. Такъ зимою, сожалѣя объ остающихся въ это время года въ нашемъ климатѣ птичкахъ, ста-

рець имѣлъ обычай сыпать имъ ежедневно на придѣланную извнѣ къ окну его келліи полочку—конопли; и довольное число синичекъ, коноплянокъ и маленькихъ сѣрыхъ дятловъ слеталось пользоваться благодѣяніемъ старца. Замѣтивъ же, что сойки обижаютъ мелкихъ птичекъ, поѣдая заразъ то, что имъ становится на цѣлый день, старецъ, пища, самъ подымался по временамъ со стула, чтобы, стукомъ въ окно, прогонять хищниковъ, но видя, что это не помогаетъ, велѣлъ сыпать зерна въ банку, изъ которой синицы могли легко доставать ихъ, влетая въ оную, сойкамъ же стало неудобно обижать ихъ. Такое же щаденіе старецъ оказывалъ и ко всѣмъ домашнимъ животнымъ. Получивъ однажды жалобу отъ монастырскаго эконома, что посланный на послушаніе братъ сильно утомилъ лошадей скорою ѣздой, онъ сдѣлалъ виновному строгій выговоръ, объясняя все неприличіе для инока, ради удовлетворенія своей личной прихоти, или изъ тщеславія, обижать безсловесныхъ животныхъ, вопреки Писанію, которое называетъ блаженнымъ милующаго и скотовъ.

Старецъ, по званію скитоначальниба, занималъ корпусъ келлій, расположенный по лѣвую сторону св. скитскихъ вратъ; какъ и всѣ прочіе корпуса скитскихъ келлій, онъ состоитъ изъ небольшого деревяннаго домика, извнѣ съ 1858 года обложеннаго кирпичемъ, выбѣленнаго и покрытаго желѣзомъ, а изнутри раздѣленнаго теплымъ коридоромъ на двѣ половины: одну занималъ самъ старецъ, а другую два его келейниба.

Половина, занимаемая старцемъ, состояла изъ двухъ комнатъ съ переднею, также перегородленною надвое, и съ выходами изъ обеихъ въ коридоръ. Первая передняя вела въ *пріемную комнату*; стѣны этой комнаты, кромѣ восточнаго угла, занятаго иконами, были обвѣшаны видами русскихъ иноческихъ обителей и портретами извѣстнѣйшихъ нашихъ архипастырей и мужей, просіявшихъ подвигами благочестія. На западной сторонѣ, надъ диваномъ, находились

живописные портреты преосвященныхъ: Астраханскаго Никифора Θεотоки, Пензенскаго Иннокентія, Черниговскаго Лазаря Барановича; литографированныя изображенія: Александрійскаго патріарха Іероѳея и Всероссійскаго Никона; высокопреосвященныхъ митрополитовъ: Филарета Московскаго, Филарета Кіевскаго, Никанора, Григорія и Исидора Новгородскихъ и С.-Петербургскихъ, архіепископовъ Воронежскихъ Антонія и Игнатія; епископовъ Бѣлогородскаго Іоасафа Горленки и Калужскаго Григорія; старцевъ: 1) Иларіона Нефедьевича, подвижавшагося въ постѣ и молитвѣ въ селѣ Троекуровѣ, при церкви св. Дмитрія Селунскаго болѣе 30 лѣтъ; окончилъ свою подвижническую жизнь 1853 года ноября 5 дня, будучи 95 лѣтъ отъ роду, 2) Іоанна затворника Сезеновскаго, 3) Серафима, старца Саровскаго, 4) Кіево-Печерской лавры іеросхимонаха Пареевнѣ—духовника высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Кіевскаго, 5) архимандрита Макарія, бывшаго Алтайскаго миссіонера, а потомъ настоятеля Болховскаго Оптина монастыря, скончавшагося въ 1847 году, 6) основателя Бѣлобережской пустыни схимонаха Симеона, 7) игумена Валаамскаго монастыря отца Назарія, 8) Саровскаго іеромонаха Иларіона, 9) Задонскаго затворника Георгія Машурина, 10) Оптинскаго старца іеросхимонаха Іоанна, извѣстнаго своими сочиненіями противъ раскольниковъ, 11) Оптинскаго старца іеросхимонаха Леонида, 12) Саровскаго схимонаха Макарія, 13) Задонскаго схимонаха Митрофана; сверхъ того портреты мірскихъ особъ: Ивана Васильевича Кирѣевскаго, лежащаго во гробѣ, и Ивана Акимовича Мальцова.

Рядомъ съ этою пріемною комнатою, которая служила старцу лишь для пріема почетныхъ гостей, была, собственно такъ называемая, келлія старца, въ которой онъ провелъ 20 лѣтъ своей сокровенной со Христомъ въ Богѣ жизни. Это небольшая продолговатая комната въ 6 аршинъ длины и 4½ ширины, съ однимъ окномъ на югъ—на дорожку, ведущую отъ скитскихъ вратъ къ церкви. Подъ окномъ, за-

вѣшеннымъ зеленою сторокою, стоялъ простой деревянный столъ, окрашенный бѣлою масляною краскою; въ боковыхъ ящикахъ его внизу хранились письма и письменные матеріалы, также образки, крестики, четки и пояски для раздачи приходящимъ. На столѣ, обитомъ старою клеенкою, стоялъ письменный приборъ: на деревянномъ поддонѣ простая стеклянная чернилица и деревянная песочница, выточенная руками самого старца; противъ прибора на срединѣ стола, сверху другихъ бумагъ, лежало всегда начатое письмо; по сторонамъ его — кучи писемъ, раздѣленные на требующія скорѣйшаго отвѣта и терпящія отсрочку, читанныя и еще нечитанныя по недосугу. Ближе къ окну: вновь полученные духовные журналы или какая-либо вновь полученная книга, которые просматриваются урывками, большею частію взаимѣнъ послѣбѣденнаго отдыха... и наконецъ одна или двѣ изъ книгъ святоотеческихъ, въ чтеніи которыхъ старецъ полагалъ свою «жизнь и дыханіе». — У письменнаго стола стояло кресло обитое зеленымъ драдедамомъ, съ овальною спинкою, на креслѣ лежала небольшая шитая подушка. Внизу подъ столомъ стоялъ мѣдный подсвѣчникъ, съ жестянымъ зеленымъ зонтомъ.

Юго-восточный уголъ и большая часть южной стѣны надъ окномъ была убрана святыми иконами. Въ числѣ ихъ была особенно чтима старцемъ икона Владимірской Божіей Матери, передъ которой теплилась неугасимая лампада; окрестъ различныя иконы, Богородичная и святыхъ угодниковъ Божіихъ, присланныя старцу изъ разныхъ обителей и святыхъ мѣстъ восточныхъ и русскихъ, иконы разныхъ величинъ, обкладныя и неокладныя, писанныя на доскахъ, на стеклѣ, на финифти и перламутровыя. Кресты разной величины, нѣкоторые со святыми мощами, деревянные живописные, рѣзные изъ кипариса, перламутра и единороговой и слоновой кости. Подъ иконами, въ томъ же углу, деревянный угольникъ — для чтенія обычныхъ велейныхъ правилъ. На срединѣ на особомъ

налойцѣ лежала Слѣдованная Псалтирь, по сторонамъ Евангеліе, Апостолъ, Каноникъ Богородичный Кіевскаго изданія, въ коемъ помѣщаются дневные каноны Богородичны всѣхъ 8 гласовъ, псповѣдная книжица и т. д. Вдоль западной стѣны изголовьемъ къ окну стояло узкое ложе, надъ изголовьемъ Распятіе, выше его—образъ Спасителя, взявшаго на рамо погибшее овца. Западная стѣна надъ ложемъ была убрана портретами: въ срединѣ два живописныхъ изображенія отца архимандрита Моисея и брата его по плоти и по духу отца игумена Антонія; вокругъ ихъ фотографическіе портреты нѣкоторыхъ изъ учениковъ старца и живописный покойнаго Ѳ. А. Голубинскаго. Надъ дверью, на сѣверной сторонѣ, рядъ живописныхъ портретовъ нѣсколькихъ приснопамятныхъ и близкихъ сердцу покойнаго старца мужей: 1) святителя Тихона, епископа Воронежскаго, 2) схимонаха Симеона — основателя Бѣлобережской пустыни, 3) Московскаго Новоспасскаго монастыря іеромонаха Филарета, 4) Площанской пустыни схимонаха Аѳанасія, ученика старца Павсія, 5) Площанской пустыни іеросхимонаха Іосифа, 6) схимонаха Θεодора, ученика старца Паисія, 7) ученика Θεодорова Оптинскаго старца іеросхимонаха Леонида, въ схимѣ Льва, и 9) Оптинскаго же скита столѣтняго старца монаха Иларіона.

Вотъ та тѣсная келлія, въ которой возносилъ старецъ свои молитвы ко Господу, въ которой въ теченіе 20 лѣтъ начертано столько душеполезныхъ писаній въ разрѣшеніе многоразличныхъ духовныхъ нуждъ, вопросовъ, недоумѣній, гдѣ ежедневно съ утра и до вечера открывались отъ многихъ сердецъ—помышленія ихъ, еженедѣльно священнодѣйствовало таинство покаянія, проливались обильно спасительныя слезы умиленія и раскаянія, слагались обѣты къ исправленію жизни, разрѣшались сомнѣнія, упразднялись недоумѣнія; откуда входившіе печальными выходили радующимися, скорбящіе — утѣшенными, отчаянные — воздвигнутыми теши путь,—въ надеждѣ покаянія, самонадѣянные—смирненными.

Но говоря о пользѣ, которую получили здѣсь другіе, кто возможесть исчислить тѣ труды и болѣзни, которыя подъялъ здѣсь самъ блаженный старецъ, ревнуя о духовномъ преспѣяніи. Кто исчислить, сколько потребно было для сего печали и воздыханій, недоумѣній и горькихъ слезъ, со смиреніемъ и припаданіемъ предъ Богомъ?

Старецъ ежедневно вставалъ на утреннее правило по звону монастырскаго колокола, то есть въ два часа, а если съ вечера дольше обыкновеннаго просидить за письмами, или чувствуетъ себя нездоровымъ, ибо съ дѣтства страдалъ безсонницею, то не позже трехъ часовъ, и самъ, выходя въ коридоръ, будилъ на правило своихъ келейниковъ.—Утреннее правило его состояло изъ чтенія утреннихъ молитвъ, 12 псалмовъ, перваго часа, дневнаго Богородичнаго канона по гласу недѣли и акаѣиста Божіей Матери; при чемъ ирмосы пѣлъ самъ; затѣмъ келейники уходили, и старецъ оставался одинъ съ Богомъ.

Въ 6 часовъ старецъ призывалъ опять келейниковъ для чтенія «часовъ и изобразительныхъ». Послѣ сего выпивалъ чашку или двѣ и никогда не болѣе трехъ чая и принимался за письмо или книгу. Съ этого времени келлія его была открыта для всѣхъ, имѣвшихъ до него какую-либо вещественную или духовную нужду. Дверь, ведущая изъ коридора въ переднюю, безпрестанно скрипѣла на своихъ ржавыхъ петляхъ, предупреждая старца о входящихъ. Кончилась ранняя монастырская обѣдня, начинается отъ времени до времени раздаваться звонъ привратнаго колокольчика.—Въ 11 часовъ, послѣ поздней монастырской обѣдни, ударяють къ трапезѣ,—старецъ идетъ въ оную вмѣстѣ съ другими. Послѣ трапезы запирается на полчаса, много на часъ, и это единственное, въ теченіе цѣлаго дня, свободное его время для отдыха, ничѣмъ неразвлекаемаго чтенія, письма, мысли... Но лишь только скрипнула въ передней дверь, старецъ выходитъ или вопрошаетъ: «кто тамъ»? и снова начинается та же дѣя-

тельность. Спустя часъ или два, идетъ на гостиницу, гдѣ уже ждутъ его многіе десятки, а по большимъ праздникамъ и постамъ—и цѣлыя сотни народа, каждый съ своими нуждами духовными и житейскими, и всѣхъ съ равною любовію и сердоболіемъ принималъ любвеобильный старецъ, всѣхъ выслушивалъ съ изумительнымъ, понстинѣ, терпѣніемъ и кротостію: однихъ вразумлялъ, другихъ укрѣплялъ, тѣхъ воздвигалъ отъ рова отчаянія, отъ тины грѣховной; и это—каждый день, и не одинъ годъ, а въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ указывая всѣмъ правый путь спасенія.

Измученный, усталый, едва переводя дыханіе, бессильный не только говорить, но и произнести внятно одно слово,—возвращался старецъ домой съ своего ежедневнаго подвига.

Возвратившись съ гостиницы, старецъ вмѣсто отдыха—слушалъ краткое правило, состоящее изъ 9-го часа, каѳизмъ съ молитвами и канона Ангелу-хранителю. Потомъ до вечерней трапезы, а иногда и во время оной, принималъ монастырскую и скитскую братію, если кто изъ послѣднихъ не успѣлъ побывать днемъ, приходившую на ежедневное исповѣданіе помысловъ; окончивъ пріемъ, подкрѣплялся пищею, потомъ слушалъ вечернее правило, на которое, кромѣ келейниковъ, приходили еще одинъ или два изъ ближнихъ учениковъ. Правило состояло изъ малаго повечерія, молитвъ на сонъ грядущимъ, 2-хъ главъ Апостола, одной Евангелія. Конецъ вечернихъ молитвъ: *Владыко человеколюбче, неужели мнѣ одрз сей гробъ будетъ... Ненавидящихъ и обидящихъ насъ прости... Исповѣдаю Тебѣ Господу Богу моему и Творцу*,—краткое исповѣданіе и отпустъ, послѣ коего ученики, получивъ благословеніе старца, расходились по своимъ келліямъ, а старецъ оставался одинъ на краткій отдыхъ, предваряемый молитвеннымъ подвигомъ, и когда огни въ скитскихъ келліяхъ давно уже погасли, обно его келліи еще было освѣщено свѣтомъ свѣчи, горѣвшей на его письменномъ столѣ или вскрай ложа. Но вотъ погасъ и

этотъ свѣтъ, и только слабое мерцаніе неугасимой лампы предъ иконою Неусыпающей въ молитвахъ за всѣхъ насъ... освѣщало окно молитвеннаго покоя.

Старецъ пріобщался Св. Тайнъ ежемѣсячно, и въ тѣ дни, когда готовился къ сему, усугублялъ постъ, употребляя пищу безъ масла, а иногда ограничиваясь сухояденіемъ. Молитва же его была непрестанная. Страдая бессонницею, старецъ иногда не зналъ сна вовсе или часто пробуждался отъ онаго, при чемъ замѣчено, что едва пробудится, тотчасъ прибѣгалъ къ благодаренію и славословію имени Божія, пока забудется снова.

По временамъ старецъ приходилъ въ состояніе духовнаго восторга, особенно при размышленіи и бесѣдѣ о неизрѣченныхъ судьбахъ Промысла Божія, Его великой и присносущной силѣ и Божествѣ; тогда запѣвалъ одну изъ своихъ любимыхъ церковныхъ пѣсней, какъ, напримѣръ: *покрываяй водами превыспрення своя, полагаяй морю предѣлъ песокъ* (Ирм. на Рож. Бог. гл. 8), или пѣснь, въ которой съ такою глубокою силою и вмѣстѣ краткостію выражено таинство Святой Троицы: *Приидите, людие, Трїипостасному Божеству поклонимся...* слава въ стихирахъ ко Пресвятому Духу, или одинъ изъ догматиковъ, въ коихъ воспѣвается неизреченное и недоумѣнное таинство воплощенія и послужившая оному чистая Матерь Еммануилова, какъ, напримѣръ: *кто Тебе не ублажитъ, Пресвятая Дѣво... Царь Небесный...* и проч. А иногда, выйдя изъ келліи съ костью въ рукахъ, прохаживался по скитскимъ дорожкамъ и, переходя отъ цвѣтка къ цвѣтку, молча погружался въ созерцаніе премудрости Творца отъ твореній познаваемого.

Давно уже преданныя старцу особы уговаривали его съѣздить въ Москву посоветоваться насчетъ состоянія своего здоровья къ тамошнимъ врачамъ, но старецъ на ихъ неоднократныя просьбы отвѣчалъ: «пусть будетъ, что Богу угодно!» или чаще отмалчивался; но, письмо, которымъ почтилъ покой-

наго старца, въ началѣ 1825 года, его Высокопреосвященство старецъ-митрополитъ Московскій, понудило его уступить общему желанію.

Старецъ съѣздилъ въ Москву. По слову архипастыря, московскіе чудотворцы и преподобный Сергій точно не оставили безъ благословенія трудовъ путешествія немощнаго старца. Воспользовавшись и совѣтами врачей, онъ поддержалъ свое драгоценное для многихъ здоровье еще на нѣсколько лѣтъ.

Желая устранить отъ себя хозяйственные хлопоты, сопряженные съ званіемъ начальника скита, въ которомъ пробылъ уже 14 лѣтъ, чтобы имѣть болѣе свободы для занятій духовныхъ, старецъ неоднократно представлялъ о семъ отцу архимандриту, но, по просьбѣ его и братіи, отсрочивалъ свое намѣреніе. Такъ продолжалось до 1853 года, въ которомъ онъ, съ согласія настоятеля, передалъ званіе начальника скита старшему іеромонаху онаго—о. Пафнутію. Это было 30 ноября, въ тотъ самый день, въ который, 14 лѣтъ тому назадъ, принялъ начальство. Собравъ скитскую братію въ церковь, старецъ объявилъ, что онъ, по соизволенію отца архимандрита Моисея, слагаетъ съ себя званіе скитоначальника, послѣ чего былъ отслуженъ молебенъ Божіей Матери и св. Іоанну Предтечѣ Господню, съ поминовеніемъ на ономъ о здравіи и спасеніи поименно всей скитской братіи; затѣмъ старецъ земнымъ поклоненіемъ испросилъ у всѣхъ прощеніе, и братія взаимно прощались съ нимъ, принимая благословеніе у новаго скитоначальника.

Духовная дѣятельность старца расширялась годъ отъ году, черезъ умножающееся стеченіе къ нему народа и увеличеніе числа писемъ, но за то здоровье видимо ослабѣвало, и силы умалялись, «духъ былъ бодръ, но плоть немощна». Старецъ часто страдалъ запятіемъ духа, внезапнымъ упадкомъ силъ, вслѣдствіе гемороидалныхъ припадковъ.

Въ слѣдующемъ году, по представленію настоятеля (1853 г. декаб. 19-го) и ходатайству преосвященнаго Григорія, епи-

скопа Калужскаго и Боровскаго, о. Макарій былъ награжденъ отъ Святѣйшаго Синода, за пастырскіе труды свои по званію духовника обители, золотымъ наперснымъ крестомъ. Преосвященный Григорій, получа оный, вызвалъ о. Макарія въ Калугу и пригласилъ его къ сослуженію съ собою, во время коего возложилъ на давно уже украшеннаго сѣдинами духовной мудрости, 66-ти лѣтняго старца золотой наперсный крестъ,—въ 1854 году (тогда же по желанію его онъ былъ уволенъ на покой).

Такой видимый знакъ вниманія высшаго духовнаго начальства къ общелюбимому и почитаемому старцу много утѣшилъ какъ братію обители, такъ и многочисленныхъ его почитателей изъ лицъ всѣхъ сословій.

Въ 1857 году къ этому кресту присоединился другой—въ память послѣдней войны, въ событіяхъ которой старецъ—патріотъ въ душѣ, принималъ самое сострадательное участіе. Несмотря на свои постоянные недосуги, среди ежедневныхъ трудовъ, едва находя время удовлетворять потребностямъ духа (ежедневнымъ чтеніемъ отеческихъ писаній), тѣмъ не менѣе, во время осады Севастополя, онъ просилъ прочитывать себѣ извѣстія о ходѣ ея изъ Московскихъ Вѣдомостей, и при каждой радостной или подающей надежды вѣсти славилъ Бога и радовался какъ дитя, а при вѣсти о неудачѣ скорбѣлъ и тужилъ молитвенно. Когда же была получена роковая вѣсть объ оставленіи Севастополя, старецъ зарыдалъ; упавъ на колѣна предъ образомъ Богоматери, онъ долго молился безъ словъ, какъ отецъ, потерявшій единороднаго сына. Такъ же глубоко тронуло его чувствительное сердце и неожиданная вѣсть о кончинѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича. При этомъ вообще надо замѣтить, что одаренный духовнымъ разумомъ старецъ, прикасаясь, такъ сказать, осязательно къ ранамъ общественной совѣсти, по ежедневному сношенію своему съ людьми всѣхъ сословій, зрѣло понималъ ихъ дѣйствительныя нужды и глубоко со-

чувствовалъ современнымъ вопросамъ, касающимся улучшенія народнаго быта, грамотности, воспитанія и т. п. Духовно-практическій взглядъ старца на эти вопросы видѣнь частію изъ нѣкоторыхъ его писемъ.

23 августа 1860 года старецъ присутствовалъ на монастырской гостинницѣ при блаженной кончинѣ одной изъ духовно преданныхъ ему боголюбивыхъ женъ, боярыни Маріи, матери одного ученика его; прослезившись старецъ назвалъ эту тихую, на подобіе угашенной свѣчи, кончину «преподобническою», промолвивъ: «я считаю себя счастливымъ, что Богъ сподобилъ меня видѣть кончину праведную!»

25-го августа, наканунѣ празднованія явленія чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери, старецъ, который особенно чтилъ эту икону, какъ и его духовный другъ и сподвижникъ іеросхимонахъ Леонидъ, по ежегодному своему обычаю, отправилъ въ честь ея, въ своей келліи, съ нѣсколькими изъ приближенныхъ учениковъ, всенощное бдѣніе и отошелъ ко сну въ здоровомъ состояніи духа и тѣла, преподавъ обычное благословеніе ученикамъ, которые разошлись съ миромъ по своимъ келліямъ, не имѣя повидимому никакихъ причинъ ожидать той скорби, которую породилъ имъ находящій день.

26-го, въ пятницу, собираясь къ обѣднѣ, старецъ вдругъ почувствовалъ припадки болѣзни, называемой на медицинскомъ языкѣ Ischuria, и ея послѣдствія, на которую впрочемъ жаловался по временамъ и прежде; въ обители въ это время случился городской бѣлевскій врачъ г. Базелевъ, который, будучи приглашенъ къ больному, тотчасъ оказалъ ему первоначальное пособіе, но, къ сожалѣнію, не могъ остаться на нѣкоторое время въ обители для наблюденія за дѣйствіемъ даннаго лѣкарства. Къ вечеру больной сталъ чувствовать себя хуже, и началась его предсмертная болѣзнь.

6-го сентября, съ наступленіемъ утра появилось запятіе духа, прежняя постоянная болѣзнь старца, что само по се-

бѣ составляло уже худой признакъ. Послѣ поздней обѣдни старецъ причастился Св. Таинъ. Поутру же пріѣхали еще два медика, привезенные настоятелемъ Малоярославскаго Черноострожскаго монастыря, архимандритомъ Никодимомъ, по его собственному усердію, но уже было поздно. Имъ выпало на долю, разспросивъ о ходѣ болѣзни, лишь подивиться доблестному терпѣнію воина Христова, который памятью страданій мучениковъ укрѣплялъ себя, ограждаясь крестнымъ знаменіемъ, принималъ самыя горькія врачества, страдалъ и молчалъ или тихо стоналъ, и вмѣстѣ молился...

Къ вечеру больному сдѣлалось значительно хуже, и потому онъ желалъ вторично пріобщиться Св. Таинъ, что и исполнилъ въ 8 часовъ, сидя въ креслахъ, послѣ чего страданія нѣсколько уменьшились. Около полуночи потребовалъ своего духовника, и послѣ получасовой бесѣды съ нимъ, получивъ его напутственное разрѣшеніе, просилъ прочесть отходную, которую слушалъ сидя. Затѣмъ, по собственному желанію и просьбѣ больного, были прочитаны съ вечера канонъ и акаѣистъ Божіей Матери, а во время утрени канонъ и акаѣистъ Іисусу Сладчайшему, при чемъ замѣчено, что, во время чтенія, страданія не только уменьшались, но и совершенно успокаивались: больной часто обращалъ слезящіеся, умильные взоры, то на стоявшую противъ его ложа на столикѣ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, восклицая: «Слава Тебѣ, Царю мой и Боже мой!» то на особенно чтимую имъ икону Владимірской Божіей Матери, говоря: «Мати Божія! помози мнѣ!» или, наконецъ, безмолвно простирая руки къ Царицѣ неба и земли, молился о скорѣйшемъ разрѣшеніи отъ тѣлесныхъ узъ. Страданія отъ запятія духа продолжались черезъ всю ночь: больной то подымался, то ложился, при помощи ходившихъ за нимъ братій, то просилъ ихъ посадить себя на кресла, но въ духѣ былъ совершенно спокоенъ и тихъ, какъ дитя, выражая благодарность за попеченія о немъ окружавшихъ его, то нѣжноотеческими взглядами, то благословеніями

ми, то безмолвнымъ пожатіемъ руки и слезами. Такъ наступило утро того дня, въ который Господь благоволилъ поять къ Себѣ душу вѣрнаго раба Своего: то было 7 число сентября, день предпразднества Рождества Его Пречистой Матери, къ Которой старецъ, какъ и всѣ православные подвижники, питалъ глубокую сердечную вѣру, выражая ее постоянно призываніемъ Ея всесвятаго имени, чествованіемъ Богородичныхъ праздникоу, келейными всенощными бдѣніями въ честь нѣкоторыхъ Богородичныхъ икоу, наконецъ, неопустительнымъ, черезъ всю 50-лѣтнюю иноческую жизнь, чтеніемъ въ честь Ея ежедневно канонувъ, и въ положенные дни—акаѳиста. Въ 6 часовъ утра въ послѣдній разъ старецъ удостоился пріобщиться Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, которыя на сей разъ принялъ уже отъ тѣлеснаго изнеможенія лежа, но въ полной памяти и съ глубокимъ чувствомъ умиленія. Почти ровно черезъ часъ послѣ сего, въ 7 часовъ, при окончаніи чтенія канона на разлученіе души отъ тѣла, на 9-й пѣсни онаго, старецъ предалъ свою праведную душу въ руки Божіи,—тихо и безболѣзненно, окруженный сонмомъ своихъ ближнихъ учениковъ и другихъ преданныхъ ему особъ *).

Оптинскій схимонахъ Вассіанъ.

(Память 7 сентября).

Надпись на памятникѣ, составленная покойнымъ Оптинскимъ настоятелемъ архимандритомъ Моисеемъ, кратко обнимаетъ всю жизнь этого замѣчательнаго старца-подвижника. Она гласитъ: «Подъ симъ памятникомъ погребено тѣло скитскаго старца, схимонаха отца Вассіана, скончавшагося съ

*) Взято изъ полнаго жизнеописанія—изданія Оптиной пустыни. Это послѣднее изданіе: полное, глубокопоучительное, цѣнное и въ научно-историческомъ отношеніи особенно полезная книга каждому иноку и священнику, преимущественно же для духовниковъ.

упованіемъ на Божіе милосердіе, *сентября 7 дня, 1857 года*, девяноста семи лѣтъ отъ рожденія своего».

Сей блаженный старецъ-схимонахъ Вассіанъ, родомъ былъ Жиздринскаго уѣзда, изъ крестьянъ; въ монастырь вступилъ въ 1812 году, въ монашество постриженъ 1818 года; а потомъ въ 1820 году въ схиму былъ постриженъ онъ преосвященнымъ Филаретомъ Калужскимъ.—И съ самаго вступленія своего въ монашество проводилъ жизнь болѣе подвижническую: носилъ на тѣлѣ своемъ вериги, пищу всегда употреблялъ онъ постную, не вкушая молочнаго и рыбы, кромѣ самыхъ великихъ праздниковъ св. Пасхи и Рождества Христова, а вина и чаю во всю иноческую жизнь свою не употреблялъ никогда. Къ церковному Богослуженію былъ весьма усерденъ, притомъ и келейнымъ правиломъ занимался почти непрерывно, прочитывая ежедневно Псалтирь и акаѣисты, со многими земными поклонами. Каждую недѣлю пріобщался Св. Таинъ Христовыхъ. Въ Великій постъ—первую и послѣднюю седмицу проводилъ безъ пищи; а въ 1818 году, будучи въ силахъ, поревновалъ древнимъ отцамъ испытать себя въ чрезвычайномъ постѣ Бога ради, не вкушая пищи во весь Рождественскій постъ, также и во всю Четырдесятницу Великаго поста. Притомъ выдерживалъ многія искушенія козней бѣсовскихъ силою вѣры и любви ко Господу.

Былъ неутомимо трудолюбивъ; любилъ крайнюю нищету—не имѣя въ келліи ничего, кромѣ иконъ святыхъ, и по кончинѣ его ничего не осталось, кромѣ изношенной и ни къ чему негодной одежды—и тѣмъ подалъ для всей братіи весьма назидательный примѣръ подвижнической зѣло жизни.

За всѣ таковыя подвиги да упокоитъ Господь Богъ душу раба Своего со святыми въ небесномъ царствіи Своемъ *).

*) Изъ ист. опис. скита арх. Леонида.

Монахъ Памфилъ Соловецкій.

(Память 8 сентября).

Старець Герасимъ воспиталъ въ своемъ ученикѣ Памфилѣ инока, превосшедшаго даже своего учителя духовнымъ преуспѣяніемъ. Памфилъ, по занятію своему въ монастырѣ, былъ бочаръ и колесникъ. Ввѣривъ себя въ безусловное послушаніе своему старцу, онъ во всю жизнь свято исполнялъ завѣтъ послушанія и ничего, до малѣйшей вещи, не дѣлалъ безъ благословенія своего наставника. Но преткновенія и погрѣшности неизбѣжны въ жизни каждаго человѣка. Однажды онъ получилъ изъ рухольной палаты для опоясыванія кожаный ремень съ желѣзною пряжкой, не взявъ на то позволенія у старца. Старець оскорбился самоволіемъ ученика и, замѣтивъ въ немъ довольство и радость о пріобрѣтенной вещи, взялъ у него ремень, а для опоясыванія далъ ему толстую веревку; послушный ученикъ опоясывался веревкою до самой смерти, лѣтъ 20-ть. Многіе годы Памфилъ прожилъ съ Герасимомъ въ пустынѣ, занимаясь дѣланіемъ боченковъ, и, если когда не успѣвалъ исполнить назначеннаго старцемъ урока, то лишаемъ былъ въ тотъ день и обѣда. Велики были его молитвенные подвиги. Просвѣтивъ молитвою мысленныя очи, онъ и тѣлесными очами сподобился видѣть сверхъ-естественныя явленія. Неоднократно онъ видѣлъ явленіе церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ поставлена церковь Живоноснаго Источника, и сообщалъ о томъ тогда же своему старцу. Иногда въ темную ночь онъ видѣлъ необыкновенный свѣтъ, озарявшій окрестность ихъ пустыни. Но ему запрещали обращать вниманіе на такія явленія, чтобы не подпасть оболъщенію духовной гордости. Не напрасны были эти мудрыя предостереженія. Въ одну ночь, стоя на молитвѣ, онъ пораженъ былъ страшнымъ видѣніемъ и, отъ насилія ли бѣсовскаго, или отъ одного страха, лишился чувствъ,

и на утро найденъ былъ безчувственно лежащимъ на полу. «Я видѣлъ тогда», говорилъ Памфилъ впоследствии: «стоящаго предъ окномъ человѣка съ огненными глазами, дышащаго пламенемъ; онъ проснулся на ночлегъ; потомъ вдругъ вся келлія наполнилась черными воронами, которые съ громкимъ карканьемъ летали и кружились вокругъ меня». Съ этого времени у него закрылся одинъ глазъ, и искривилось лицо. Оставивъ пустыню, Памфилъ теперь большею частию жилъ въ монастырѣ, занимаясь обычнымъ рукодѣліемъ; въ слезныхъ молитвахъ онъ проводилъ иногда цѣлыя ночи, рыданіями пробуждая близъ живущихъ; въ полночь отправлялся въ братскую трапезу и тамъ продолжалъ молиться до утрени предъ образомъ Тихвинской Божіей Матери. Всегда молчаливый и молитвенно сосредоточенный, Памфилъ имѣлъ расположеніе духовное и почтеніе къ одной юродивой женщинѣ, по имени Христинѣ, которая часто посѣщала монастырь. Въ одно время онъ пошелъ на пристань, сказывая встрѣчавшимся на пути: «Христина ѣдетъ, иду ее встрѣчать». Но и Христина, находясь еще далеко отъ монастыря, объявила соплавателямъ, что навстрѣчу имъ вышелъ монахъ. Съ взаимнымъ уваженіемъ встрѣтились друзья на берегу и лобызали другъ друга въ рамена. До самой своей кончины онъ не переставалъ обращаться къ своему старцу, повѣряя ему тайны своей совѣсти и прося наставленій въ затруднительныхъ случаяхъ. Вся его жизнь была непрерывнымъ подвигомъ молитвы и труда, отъ котораго онъ упокоился сномъ смерти, прежде старца своего, въ 1845 году, 8 сентября. По смерти лицо его совершенно исправилось отъ искривленія, и въ удивленіе всѣмъ сдѣлалось благообразнымъ и радостнымъ *).

*) Соловецкій Патерикъ.

Монахиня Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря Елисавета.

(Память 10 сентября).

Въ Кашинскомъ Срѣтенскомъ женскомъ монастырѣ, около придѣльнаго алтаря теплой церкви святителя и чудотворца Николая, находится скромная могила, покрытая плитою; на плитѣ начертана слѣдующая надпись: «здѣсь похоронена монахиня Елисавета изъ рода Головачевыхъ; житія ея было 58 лѣтъ; въ обители была 35 лѣтъ; скончалась сентября 10-го, 1822 года».

Монахиня Елисавета родилась въ 1764 году и наречена была Екатериною. Отецъ ея былъ отставной бригадиръ Алексѣй Ивановичъ Головачевъ. мать Параскева Васильевна; — жили они въ своемъ помѣстьѣ, въ Ржевскомъ уѣздѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Тверской губерніи.

Едва достигла она совершенныхъ лѣтъ, какъ выдана была въ замужество за поручика Голооѣва въ Курскую губернію, — *въ далекую Украину*, какъ тогда говорили, — судя по дурнымъ и дальнимъ путямъ сообщенія. Участвовало ли ея собственное сердце при выборѣ ея супруга, или это была только съ ея стороны одна покорность волѣ родителей, — неизвѣстно; извѣстно только то, что она не наслаждалась семейнымъ счастіемъ въ супружествѣ. Правда у нихъ родилась дочь; и она, какъ мать, сосредоточила на ней всю свою любовь и нѣжность; но вскорѣ и мужъ ея, и любимая дочь померли; Господь видимо разрывалъ ея мірскія узы и призывалъ ее къ подвигамъ уединенія. Екатерина Алексѣевна, уже овдовѣвшая и возвратившаяся на родину, — поѣхала однажды въ Москву, чтобы тамъ поразсѣяться; и вдругъ застигаетъ её на дорогѣ страшная вьюга. Измучившись въ борьбѣ съ этою вьюгою, она рѣшилась добраться какъ-нибудь до усадьбы Чудиново къ своимъ родственникамъ, отли-

чавшимся вѣрою и благочестіемъ. Родственники съ радостію приняли ее и пріютили отъ непогоды. Имѣя обычай что-нибудь почитать на сонъ грядущій, Екатерина Алексѣевна спросила у нихъ какой-нибудь книжки. Въ домѣ были книги большею частію духовнаго содержанія; и вотъ дали ей книгу: *путь къ царствію небесному*. Она стала читать и такъ увлеклась книгою, что читала ее всю ночь; она въ слезахъ упала предъ святыми иконами; долго молилась, — и поутру объявила родственникамъ своимъ, что она не поѣдетъ въ Москву, а вернется назадъ, что ей не веселиться слѣдуетъ, а молиться—и молиться. Она возвратилась домой и вскорѣ, именно въ 1788 г., поступила въ Кашинскій Срѣтенскій монастырь, 23 лѣтъ отъ роду.

Въ 1794 г., Екатерина Алексѣевна была пострижена въ инокини съ именемъ Елисаветы *). Еще будучи послушницею, она обращала на себя вниманіе всѣхъ въ обители своею строгою жизнію; теперь иноческіе подвиги ея усилились; и чрезъ два года монашеской жизни она могла считаться одною изъ двухъ кандидатокъ на званіе игуменіи обители. Но она, по смиренію своему, никогда не желала и не искала себѣ столь высокаго званія; не для того шла она и въ обитель, чтобы въ ней начальствовать надъ другими; и потому она мудро уклонилась отъ этого званія, и дала другой инокинѣ, сестрѣ бывшей игуменіи Назареты, монахинѣ Александрѣ, одновременно съ ней постриженной, полную свободу занять мѣсто игуменіи. Незадолго до времени избранія она отпросилась на богомолье въ Кіевъ; дорогою заболѣла и перепросилась сначала въ Орловскій, а потомъ въ Курскій

*) Сохраняется въ Срѣтенской обители преданіе, что старинныя серебряныя ризы на мѣстныхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери въ главномъ иконостасѣ Срѣтенскаго храма, а также на Смоленской иконѣ Божіей Матери, и въ придѣлахъ на храмовыхъ иконахъ рождества св. Іоанна Предтечи и преподобно-мученицы Анастасіи Римляныни были вкладною жертвою монахини Елисаветы при ея поступленіи въ обитель.

женскій монастырь; и только по прошествіи двухъ лѣтъ, когда узнала, что въ Кашинскомъ Срѣтенскомъ монастырѣ избрана уже игуменію Александра (Непейцына), стала проситься опять въ Кашинь, въ прежній свой монастырь. По словамъ хорошо знавшей ее схимонахини Надежды, «она избѣгала всякой извѣстности и славы міра сего, и, имѣвши случай быть настоятельницею, сумѣла избѣжать его». Впослѣдствіи въ письмѣ своемъ къ новой игуменіи, она «все-нижайше просила ее приложить милостивое стараніе о переводѣ ея въ Кашинскій монастырь, гдѣ она дала обѣтъ Богу проводить иноческую жизнь». 22 мая 1798 г. она прибыла въ Кашинь.

Въ монастырѣ повела она, попрежнему, самую строгую подвижническую жизнь. Объ этой жизни ея сохранила для насъ драгоцѣнныя свѣдѣнія одна старица, *) въ молодости бывшая келейницею у нея; вотъ эти свѣдѣнія:

«Келлія матушки Елисаветы была рядомъ съ нашей» (на юго-западной сторонѣ монастыря), и я часто удостоивалась водить ее изъ церкви; она, бывало, и потѣшитъ меня,—пожалуетъ мнѣ денежку, и скажетъ: «помолишься ли ты за меня?» А я тогда была еще такъ мала, что едва до руки ея доставала, чтобы ее поддерживать; когда она скончалась, мнѣ было 20 лѣтъ».

«Матушка Елисавета была роста средняго и, несмотря на свои еще нестарые годы, была уже согбенна; лицо ея было какъ бы восковое; стояла она въ церкви подлѣ матушки игуменіи (тогда Палладіи Волковой) и всегда плакала. Часто матушка Елисавета читала акаѣисть во время *правила*; и слезы у нея лились какъ бы сами собой; а читала она такъ, что, казалось, она видитъ передъ собою Спасителя. Чтеніемъ своимъ она возбуждала сердечное умиленіе во всѣхъ, такъ что очень многія сестры плакали. А моя должность

*) Старица Александра, которой было 78 лѣтъ, когда она передавала эти свѣдѣнія.

была припѣвать къ акаѣисту; и я припѣвала, бывши тогда лѣтъ 12-ти, стоя одна на клиросѣ. Старицы монахини утѣшали меня и, возвращаясь изъ церкви, милостиво ласкали, и поощряли меня; а матушка Елисавета жаловала мнѣ частенько серебряный пятакъ, который на этотъ разъ всегда былъ у нея готовъ для меня. И теперь, когда я читаю акаѣистъ, я всегда вспоминаю матушку Елисавету, и представляю себѣ, какъ она его читала и какъ она стояла въ церкви; видъ ея въ это время былъ какъ бы не-земной».

«Хорошо помню, говоривала бывало дальше старица Александра,—когда я въ первый разъ читала *правило* въ церкви и очень торопилась (а мнѣ казалось, что такъ лучше), матушка Елисавета по окончаніи правила подозвала меня къ себѣ и сказала: «ты очень твердо читала; только уже очень скоро, никогда такъ не торопись, а читай со страхомъ Божиимъ; помни, что все молятся». Когда стала я постарше, матушка Елисавета стала присылать за мною, и приказывала мнѣ пѣть вмѣстѣ съ ея келейной, которая была клиросная; иногда посылала она и еще за одной старицей клиросной, и заставляла насъ втроемъ пѣть канты: *«Исусе мой прелюбезный, сердцу сладосте»*... *«О, горе мнѣ грѣшнику сушу»*.

«Вотъ смерти вѣстникъ новый
Явился предо мной;
Я вижу гробъ готовый».

и т. п., а сама слушала и все плакала».

«Матушка Елисавета особенно дорожила крестнымъ знаменіемъ и пользовалась имъ при всякомъ возможномъ случаѣ. Взирая на нее, многія старались подражать ей. Благочестивымъ своимъ видомъ, благоговѣйнымъ стояніемъ во храмѣ, крестнымъ знаменіемъ, поклонами, слезами и она невольно внушала страхъ Божій, который отъ нея не отступалъ никогда. Разъ, когда келейная ея громко разсмѣялась,

она подошла къ ней, перекрестила ее и сказала: «Христось съ тобою, Аннушка; нехорошо, другъ мой, такъ смѣяться, да и нездорово».

«Матушка Елисавета, — продолжала также старица Александра, была очень благодѣтельна и ко всѣмъ милостива, кротка и смиренна, никого она не отпускала отъ себя безъ утѣшенія и своихъ милостей. Когда приходилось мнѣ провожать ее изъ церкви, она всегда говорила мнѣ что-нибудь полезное и назидательное. Скажеть бывало: «Саша, любишь ли ты Господа Иисуса Христа?» Люблю, матушка. «Какъ же ты молишься Ему?» Я отвѣчаю: «Иисусе сладчайшій, спаси мя». А она скажеть: «Ты вотъ какъ молишь: «Иисусе сладчайшій, *помилуй мя*. Да помилуй мя! да помилуй же меня!» — показывая этимъ, что для полученія спасенія необходима усиленная молитва къ Господу Иисусу Христу о помилованіи.

Въ пищу принимала матушка Елисавета все, что не возбраняется уставомъ иночества монахинямъ, но имѣла всегдашнее воздержаніе и самоукореніе.

У матушки Елисаветы была по иночеству духовная дочь — монахиня Анастасія Бѣшенцева, которая часто страдала тоскою; матушка Елисавета посѣщала ее и старалась возбудить въ ней бодрость духовную и разгонять тоску ея. «Тоска означаетъ то, что душа желаетъ бесѣдовать съ Господомъ», — говорила ей матушка Елисавета; и обѣ онѣ затворялись во внутренней келліи, и долго, долго молились. Ольга Петровна Давыдова (впослѣдствіи игуменья Кашинскаго Срѣтенскаго монастыря — Назарета) также молилась съ ними.

Богоугодная жизнь монахини Елисаветы привлекала на нее благоволеніе Божіе; и она, исполненная силы Божіей, нерѣдко проявляла разительныя дѣйствія, особенно для тѣхъ, чье сердце отверсто было къ зрѣнію чудесъ Божіихъ.

Жила монахиня Елисавета въ совершенной нестяжательности; ничего себѣ не приобрѣтала и не сберегала; а доволь-

ствовала только тѣмъ, что родственники ея, по усердію своему, присылали ей; даже и присланное часто раздавала она, и почти ничего своего не имѣла. Однажды случилось такъ, что провизія ея вся истощилась; денегъ не было ни копѣйки; приготовить пищу было не изъ чего. Келейныя скорбѣли; а матушка Елисавета успокоивала ихъ и говорила, что Господь пошлетъ имъ; и въ мирномъ настроеніи духа, съ полнымъ упованіемъ на Господа пошла въ церковь къ Божественной литургіи. Господь дѣйствительно послалъ ей милость Свою: въ отсутствіе ея принесли присланный ей пакетъ съ деньгами.

Былъ и болѣе поразительный случай: однажды она пріѣхала въ Петербургъ къ родственникамъ своимъ и вошла въ домъ. Дѣти, въ отсутствіи старшихъ, рѣзвились и играли въ залѣ; но когда увидѣли незнакомое монашествующее лицо, то всѣ разбѣжались; остался одинъ больной ребенокъ, усаженный въ особое креслице и издававшій жалобные стоны. Матушка Елисавета подошла къ нему, приласкала его, отерла его слезы своимъ платкомъ, оградила его со всѣхъ сторонъ крестнымъ знаменіемъ, и ребенокъ успокоился. Она отошла и вскорѣ была встрѣчена хозяевами дома; но сверхъ своего обыкновенія недолго побесѣдовала съ ними и поспѣшила уѣхать. Между тѣмъ ребенокъ, котораго няня перенесла на кровать, крѣпко спалъ, и только утромъ проснулся совершенно здоровымъ. Тогда всѣ догадались, почему матушка Елисавета не осталась у нихъ.

Крестная дочь матушки Елисаветы рассказывала еще слѣдующіе замѣчательные случаи: «Изъ монастыря матушка Елисавета иногда ѣздила въ Ильино къ своимъ родственникамъ Нестеровымъ. Однажды, бывши въ Ильинѣ, она вмѣстѣ съ Нестеровымъ посѣтила больного отца своей крестницы—священника Іоанна Степановича и предсказала ему близкую его кончину».

Другой случай: однажды потребовала она себѣ воды, и

когда ей подали, она открыла окно и стала плескать воду за окно. Ее спросили: зачѣмъ она это дѣлаетъ? И она отвѣтила: «я заливаю Казино». Это была деревня въ Кашинскомъ уѣздѣ, принадлежавшая Головачевымъ; деревня эта дѣйствительно въ то время горѣла, и пожаръ преобразился самъ собою и именно въ тѣ самыя минуты, когда монахиня Елисавета лила воду за окно, какъ доказала наведенная тогда справка.

Проводя земную жизнь свою во страхѣ Божиѣмъ, монахиня Елисавета сохраняла всегда въ сердцѣ и въ памяти своей мысль о смерти и тѣмъ облегчала себѣ переходъ изъ временной жизни въ вѣчную. Тридцать пять лѣтъ она усиленно трудилась ради Господа, и Господь облегчалъ ея труды Своєю всеильною благодатію; *иго* Его дѣлалось для подвижницы *благимъ* и *бремя* Его *легкимъ*. Наконецъ, настало время переселиться подвижницѣ въ вѣчность; послѣдняя предсмертная болѣзнь ея была—горловая чахотка и притомъ столь сильная, что задолго до смерти больная не могла уже принимать не только пищи, но и воды. Но и въ эти минуты живая вѣра въ Господа подкрѣпляла ее, и твердое упованіе на милосердіе Его не оставляло ея. Ей пламенно хотѣлось предъ смертію приобщиться Св. Таинъ, и Господь Премилосердый явилъ ей эту милость: она сподобилась принять Св. Тайны, что многихъ чрезвычайно удивило и обрадовало; и она безъ страха переселилась въ вѣчность, по слову Давида: *еще пойду и посреди стни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4). Тѣло ея оставалось непогребеннымъ девять дней, и не только не разлагалось и не измѣнялось, но дѣлалось все лучше и благолѣпнѣе и лежало какъ бы восковое *).

*) Изъ брош. „Воспоминанія о монахинѣ Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря Елисаветѣ“. 1886 г. Тверь.

О. Мельхиседекъ, іеромонахъ Мценскаго Петропавловскаго монастыря (Орловской губ.), и юродивый Иванъ Коробочкинъ.

(Память 11 сентября).

Іеромонахъ Мельхиседекъ, до поступленія своего въ монашество, назывался Михаиломъ. Отецъ его былъ причетникомъ села Козинокъ, Орловской губерніи и уѣзда, имя ему было Филиппъ Орнаутовъ, а матери—Марія Аванасьевна; у нихъ, кромѣ Мельхиседека, было еще три дочери и сынъ Павелъ. Жизнь этого бѣднаго, но добродѣтельнаго семейства, текла тихо и спокойно. Мельхиседекъ утѣшалъ своихъ родителей отличными успѣхами и скромнымъ поведеніемъ въ училищѣ, за что, какъ способный и достойный, былъ переведенъ въ семинарію. Къ немалой скорби всего семейства, отецъ Мельхиседековъ скончался, оставивъ послѣ себя сиротамъ въ наслѣдство бѣдность и честное имя. Смерть отца едва не вынудила Мельхиседека заступить его мѣсто, для пропитанія сиротствующаго семейства; но семинарское начальство, въ уваженіе сиротства и отличныхъ успѣховъ, приняло его на казенное содержаніе, чѣмъ дало ему возможность продолжать ученіе, а для пропитанія семейства былъ впоследствии принятъ къ одной изъ его сестеръ зять.

Семинарская жизнь Мельхиседека не представляла ничего особеннаго. Онъ въ кругу товарищества былъ рѣзвъ и веселъ; такъ что, смотря на него, никто не могъ предполагать, чтобы Михаилъ Филипповичъ Орнаутовъ могъ когда-либо стать о. Мельхиседекомъ. На послѣднемъ году богословскаго курса жизнь его начала носить печать особенности и какой то таинственности: прежде рѣзвый и веселый, онъ, къ удивленію сотоварищей, становится тихимъ и кроткимъ, не принимая никакого участія въ общихъ шуткахъ и забавахъ; на

Иеромонахъ Мельхиседекъ

разговоръ его можно было вызвать только предметами серьезными. Все свободное отъ классныхъ занятій время, днемъ и ночью, поздно легши и рано вставши, а иногда всю ночь безъ сна проводилъ Мельхиседекъ въ чтеніи Библіи; слово Божіе сдѣлалось пищею для его ума и сердца. За чтеніемъ слова Божія часто видали его горько плачущимъ, а иногда въ подобныя минуты онъ, орошаемый слезами, послѣшно вставалъ съ скамейки, снималъ икону, съ тихимъ рыданіемъ плакалъ надъ нею и съ необыкновеннымъ чувствомъ горячности лобзалъ ее. Неопытная юность сверстниковъ не увидала и конечно не признавала въ такихъ поступкахъ Мельхиседека благодатнаго настроенія его души и сердечнаго покаяннаго умиленія. Многіе и нерѣдко издѣвались надъ нимъ, называя его святошею; а нѣкоторые полагали, что онъ отъ постоянного напряженнаго чтенія Библіи началъ повреждаться умственными способностями. Въ послѣдней мысли нѣкоторые еще болѣе утвердились и другихъ увѣряли, когда онъ однажды, ночью порою, во время чтенія и молитвы, вдругъ пріостановился, чѣмъ то необыкновенно встревоженный и, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, послѣшно взволнованнымъ голосомъ произнесъ: отступите! вонъ! вонъ!.. Между тѣмъ, никто никого и ничего не видѣлъ, а потому никто и не понималъ, къ кому относились эти слова; только въ послѣдствіи для нѣкоторыхъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Мельхиседекъ такъ силою креста прогонялъ отъ себя соблазнительныя мысли и желанія.

По окончаніи курса, Мельхиседекъ вышелъ изъ семинаріи въ числѣ первыхъ учениковъ по успѣхамъ и поведенію. Успѣшное окончаніе семинарскаго ученія Мельхиседекомъ было радостнымъ событіемъ для всего его семейства; особенно радовалась мать, льстясь при этомъ надеждою, что онъ, пріискавши для себя священническое мѣсто, успокоитъ ея старость и облегчитъ участь прочихъ сиротъ. Но не таково было намѣреніе сына. Смерть отца, оставившаго по себѣ

значительное семейство, которое проводило жизнь не безъ горя, имѣла сильное вліяніе на Мельхиседека. Размышляя о непостоянствѣ всего мірскаго и о томъ, что человѣкъ въ мірѣ странникъ и пришелецъ, онъ возымѣлъ сильное влеченіе къ иноческой жизни и рѣшился поступить въ какой-либо монастырь. Заявленіе его о поступленіи въ монастырь мать приняла сначала съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ. Убѣдясь же въ непреклонности намѣренія сына, эта благочестивая женщина, несмотря на свою крайнюю нужду, не стала прекословить его желанію: служеніе Богу она всегда поставляла выше житейскихъ интересовъ и потому, по усердной молитвѣ, со слезами благословила Мельхиседека на новую жизнь и благополучный путь.

Разсказы о Бѣлобережской пустыни, находящейся въ уединеніи среди окружающихъ ее дремучихъ лѣсовъ, о продолжительномъ богослуженіи и строгой суровой жизни тамошнихъ монашествующихъ, какъ вполне согласовавшіеся съ настроеніемъ души Мельхиседека, возбудили въ немъ желаніе опредѣлиться въ число братства сей обители. По его приходѣ туда, бывший въ то время строитель пустыни Моисей, сначала благосклонно принялъ его въ своей келліи, но потомъ, разсмотрѣвъ аттестатъ Мельхиседека, сказалъ, что онъ не можетъ принять его въ число братства: «нѣтъ для него мѣста». Что было причиною къ такому рѣшительному отказу, — неизвѣстно. На обратномъ пути домой, Мельхиседекъ зашелъ въ Карачевскій Одринъ монастырь съ цѣлію опредѣлиться сюда въ число монашествующихъ, но и здѣсь такъ же, какъ въ Бѣлобережской пустыни, ему было отказано. Эти неудачи болѣзненно отзывались въ душѣ Мельхиседека, и хотя не колебали его намѣренія, но повели къ разнымъ размышленіямъ и недоумѣніямъ: «вѣрно, — думалъ онъ, — нѣтъ благословенія Божія на мое предпріятіе». Для разсѣянія своихъ недоумѣній, онъ отправился къ ректору семинаріи архимандриту Клименту, любившему его за успѣхи и благонравіе.

Архимандритъ Климентъ, отобравши отъ Мельхиседеба свѣдѣнія, что онъ желалъ и желаетъ поступить въ монастырь, только нигдѣ его не принимаютъ, съ охотою предложилъ ему причислиться въ число братства Мценскаго Петропавловскаго монастыря, надъ которымъ онъ значился настоятелемъ; на сдѣланное ему предложеніе, какъ на указаніе Самого Промысла Божія, Мельхиседекъ выразилъ свое полное согласіе.

Мельхиседекъ поступилъ въ Мценскій Петропавловскій монастырь въ 1839 г., 14 октября; во время искуса, Мельхиседекъ проходилъ всѣ монастырскія послушанія. Всякое послушаніе, на него возлагаемое, какого рода оно ни было, не считалъ для себя низкимъ и обременительнымъ, а принималъ съ кротостію и смиреніемъ, и проходилъ съ особеннымъ усердіемъ и терпѣніемъ, что немало удивляло прочихъ. «Новичекъ-то нашъ неспѣсивъ, отъ дѣла не прочь, что-то будетъ дальше», говорили братія, и такой разговоръ часто слышался въ кругу монашествующихъ. По окончаніи послушанія, тогда какъ нѣкоторые предавались покою, онъ занимался чтеніемъ слова Божія, читалъ творенія св. отцевъ, но съ особеннымъ усердіемъ и любовію читалъ бесѣды Іоанна Златоуста: глубина мыслей св. отца питала умъ и увлекала его сердце. Усердное ученіе, разумное пониманіе и сердечная пріемлемость прочитаннаго доставили ему тотъ богатый матеріалъ христіанскаго правоученія, которымъ онъ впоследствии съ такимъ удивительнымъ искусствомъ воспользовался, при назиданіи другихъ. Въ житіяхъ свв. отцевъ и древнихъ подвижниковъ онъ почерпалъ побужденіе къ молитвѣ и посту и соревнованіе къ подражанію имъ. Въ храмъ на молитву онъ являлся неопустительно по первому удару колокола. Чтобы по немощи не проспять лишнее, онъ ложился на голую кровать, сдѣланную зубцами, въ видѣ рубеля, употребляемаго обыкновенно при катаньѣ бѣлья. Въ пищу наблюдалъ строгую умѣренность и воздержность. Причиняемыя ему порою огорченія онъ переносилъ великодушно,

и никогда не противорѣчилъ обидчикамъ, поэтому въ монастырѣ всѣ любили и уважали его, а многіе съ особеннымъ удовольствіемъ и не безъ пользы для души проводили съ нимъ время въ назидательныхъ бесѣдахъ. Его быстрые и мѣткіе отвѣты вопрошающимъ, его оживленная рѣчь невольно заставляли нѣкоторыхъ вопрошать самихъ себя: «что-то изъ него будетъ»? Такимъ образомъ въ юныхъ лѣтахъ и къ тому же по недавнемъ поступленіи въ монастырь, Мельхиседекъ велъ жизнь, подобно испытанному старцу, мудрому въ дѣлѣ и словѣ. Находясь на послушаніи, онъ началъ дѣлаться извѣстнымъ и внѣ монастыря по своей строгой, трудолюбивой и благоговѣйной жизни.

За кроткую жизнь Мельхиседекъ былъ посвященъ въ іеродіакона, а потомъ въ іеромонаха. По обязанности пастыря, Мельхиседекъ съ научнымъ знаніемъ христіанскихъ истинъ, при сердечномъ дѣтскомъ убѣжденіи въ нихъ, вышелъ на дѣло назиданія ближнимъ. Онъ говорилъ и поучалъ съ кафедръ церковной, говорилъ и поучалъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ только представлялся случай. И Мельхиседекъ былъ силенъ въ словѣ. Отсюда понятно, почему скоро пронеслась молва о Мельхиседекѣ, какъ о мудромъ наставникѣ и строгомъ подвижникѣ. Толпы народа изъ города и сосѣднихъ селеній—пѣшіе и въ экипажахъ—часто стекались въ монастырскій храмъ: кто—слушать бесѣды Мельхиседека въ храмѣ, кто—получить отъ него благословеніе, кто—испросить совѣтовъ на пользу души, — словомъ, многіе и многіе изъ приходящихъ обращались къ нему съ своими духовными нуждами. У юнаго по лѣтамъ, но зрѣлаго по уму жизни, часто и старость, убѣленная сѣдинами, искала совѣтовъ и наставленій. Многіе изъ всѣхъ званій и состояній, по живому убѣжденію въ благоговѣйно-назидательной жизни Мельхиседека, съ особеннымъ желаніемъ старались имѣть его своимъ духовнымъ отцомъ. И это были люди не одни простые, но и принадлежавшіе по своему значенію къ высшимъ слоямъ

общества. Нельзя при этомъ умолчать о неограниченной любви къ Мельхиседеку г. Шеншиныхъ, землевладѣльцевъ Мценскаго уѣзда. Они слѣдовали совѣтамъ его какъ послушныя дѣти; научаемые нестяжательности въ надеждѣ вѣчныхъ благъ на небѣ, они щедрою рукою благодетели нуждающимся, подавали значительныя пожертвованія для украшенія храмовъ, каковыхъ пожертвованій не чуждъ и монастырскій храмъ. Бывать въ храмѣ монастырскомъ г.г. Шеншины считали необходимою для себя потребностію; несмотря на то, что имѣніе ихъ отстояло отъ монастыря верстахъ въ шести, они не опускали ни одного дня, мало того, ни одного богослуженія, начиная съ ранняго и до вечерняго: ни весенній разливъ воды, ни лѣтніе дожди и лучи палящаго солнца, ни осенняя грязь, ни зимній холодъ и мятели,—ничто не могло задержать ихъ въ домѣ; они всегда бывали въ храмѣ, и часто приходили сюда раньше многихъ монашествующихъ; здѣсь они молились и, слушая бесѣды Мельхиседека, иногда забывали о пищѣ. Самый домашній строй ихъ жизни, послѣ знакомства съ о. Мельхиседекомъ, во многомъ измѣнился; при своемъ значительномъ состояніи и удобствахъ къ жизни, они имѣли весьма умѣренный столъ, а нѣкоторые изъ семьи ихъ, совершенно оставивъ мясныя яства, довольствовались неизысканною постною пищею, и намѣрены были посвятить себя иноческому житію.

Благоговѣйная жизнь Мельхиседека имѣла вліяніе и на присныхъ его по плоти. Меньшій его братъ Павелъ, по окончаніи курса въ семинаріи со степенью студента, не пожелалъ священническаго мѣста, а, слѣдуя примѣру его, вступилъ въ этотъ же монастырь въ число послушниковъ, былъ впоследствии іеромонахомъ, съ именемъ Палладія, и по смерти Мельхиседека управлялъ нѣсколько лѣтъ монастыремъ. Братъ и всему градскому духовенству о. Палладій извѣстенъ, какъ искусный ученый отвѣтчикъ всѣмъ совопросникамъ. Престарѣлая шестидесятилѣтняя мать, пожелавъ видѣть сво-

ими очами, какъ живутъ и спасаются о Господѣ ея дѣти, сопутствуемая двумя дочерьми, прибыла также въ монастырь. Жизнь Мельхиседека плѣнила старицу: она радовалась и умилялась сердцемъ. Оставивъ домъ, въ которомъ такъ долго жила, въ которомъ испытала и много радости, и много горя, она рѣшилась провести остатокъ дней своихъ на глазахъ сына и быть погребенною его руками. Г.г. Шеншины, ознакомьсь съ нею, предлагали ей свои услуги ходатайствовать объ опредѣленіи на мѣста дочерей ея—дѣвицъ, при ней находившихся. Но какъ мать, такъ и дочери ея съ благодарностію отклонили отъ себя это предложеніе, сознавшись при этомъ, что онѣ не могутъ разстаться съ Мельхиседекомъ,—онѣ не разлучились бы съ нимъ и по смерть свою, только стѣсняются въ средствахъ для пріобрѣтенія постоянной квартиры. Г.г. Шеншины, какъ по своему челоуѣколюбію, такъ и особенно по искреннему и глубокому уваженію къ о. Мельхиседеку, и пріобрѣли покупкою близъ монастыря небольшой домикъ для старицы, матери о. Мельхиседека. Но желаніе престарѣлой матери быть погребенной сыномъ не исполнилось: о. Мельхиседекъ скончался гораздо прежде ея,—и она остатокъ печальныхъ дней своихъ провела въ постоянной церковной и домашней молитвѣ. По смерти она погребена въ оградѣ монастырской; бывъ неразлучна душею съ сыномъ, она не разлучилась съ нимъ и своими бренными останками. Двѣ сестры Мельхиседека—дѣвицы и потомъ еще жили въ означенномъ домикѣ.

За просвѣщенный умъ и христіанскія добродѣтели многія духовныя, авторитетныя лица уважали и почитали Мельхиседека. Мценскій протоіерей, маститый старецъ о. Ілія Соколовъ, уважаемый за свою ученость и строгую жизнь, часто пріѣзжалъ къ Мельхиседеку и проводилъ по нѣскольку часовъ въ назидательныхъ разговорахъ. Самъ покойный архіепископъ Смарагдъ, какъ по отзывамъ другихъ, такъ и по собственному архипастырскому наблюденію, видѣлъ въ немъ

человѣка жизни благодатной и поучительной. Мельхиседекъ, по должности казначея, часто бывалъ у архіепископа Смарагда,—и онъ удостоивалъ его особеннаго вниманія, проводилъ продолжительное время въ разговорахъ съ нимъ, и всегда оставался имъ довольнымъ. Когда въ Елецкомъ монастырѣ произошла какая-то неурядица, и не оказывалось изъ братіи достойнаго и способнаго на должность казначея, владыка указомъ консисторіи перевелъ Мельхиседека въ тотъ монастырь на эту должность, по увѣренности, что онъ своимъ словомъ и жизнію возстановитъ миръ и тишину. Что успѣлъ сдѣлать тамъ Мельхиседекъ къ возстановленію порядка, при исполненіи имъ должности казначея, мы не знаемъ; знаемъ только, что пребываніе его въ Елецкомъ монастырѣ было непродолжительно. Граждане г. Мценска, какъ только узнали о перемѣщеніи Мельхиседека въ Елецкій монастырь, пришли въ крайнее огорченіе; разлука съ нимъ для нихъ казалась невыносимою. А потому многія представительныя и вліятельныя лица, во главѣ коихъ находились г.г. Шеншинны, лично подали владыкѣ прошеніе о возвращеніи Мельхиседека, выражая при этомъ, что безъ него они—какъ овцы безъ пастыря, какъ дѣти безъ отца, и что разлука съ нимъ есть живое разлученіе съ жизнію, которою они дышали о Христѣ. Владыка далъ слово уважить просителей въ непродолжительномъ времени; а между тѣмъ затребовалъ отъ настоятеля монастыря, архимандрита Флавіана, свѣдѣнія объ образѣ жизни Мельхиседека. Архимандритъ Флавіанъ въ донесеніи своемъ засвидѣтельствовалъ благоговѣйную иноческую жизнь его. Посему Мельхиседекъ былъ перемѣщенъ обратно въ Мценскій монастырь на ту же должность казначея, къ немалому утѣшенію братіи и всѣхъ его духовныхъ питомцевъ.

Мельхиседекъ со всѣми обращался кротко и ласково; для него всѣ были братія о Христѣ; но, по замѣчанію другихъ, особою его расположенностію пользовался житель г. Мценска Иванъ Коробочкинъ, который Христа ради юродствовалъ и

между жителями всегда назывался: «Иванушка дурачекъ», или «Иванушка-юродивый». Для многихъ онъ былъ предметомъ разныхъ насмѣшекъ, которыя онъ переносилъ терпѣливо; укорительныя и бранныя слова какъ бы не касались его слуха, даже нерѣдко получаемые имъ толчки принималъ съ незлобіемъ. Но—люди благочестивые, по своимъ наблюденіямъ, замѣчали, что подъ странною наружностію Коробочкина скрывается особая благодать Божія, содѣйствующая ему переносить всякаго рода озлобленія, и потому уважали его, съ особымъ радушіемъ принимали его, когда онъ заходилъ въ ихъ дома, и предлагали ему всякаго рода услуги, которыя онъ, съ обычною причудливостію, или отвергалъ, или оставлялъ безъ вниманія. Онъ часто посѣщалъ монастырь, бывалъ въ келліяхъ у нѣкоторыхъ изъ монашествующихъ, и по неоднократно свиданіи и разговорѣ съ Мельхиседекомъ, эти два лица—Мельхиседекъ и Коробочкинъ—поняли другъ друга, поняли и тотъ путь, коимъ каждый изъ нихъ стремился благоугождать Богу. Между ними установилась та возвышенная любовь, по которой они готовы были положить другъ за друга животъ свой, если бы этого только требовала польза и спасеніе души. Посѣщеніе Мельхиседека Коробочкинымъ было частое. Если же Коробочкинъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней не приходилъ къ нему, то послѣдній, особенно когда былъ свободенъ отъ посѣтителей, скучалъ и бывшимъ при немъ говорилъ: «Иванушка къ намъ что-то долго нейдетъ; вѣрно за что-нибудь обидѣлся». Бывая у Мельхиседека, Коробочкинъ, при стороннихъ, велъ себя странно, говорилъ загадочно и, повидимому, безъ всякаго смысла, и иногда грубо. По удаленіи же стороннихъ, онъ, какъ нѣкоторымъ случалось подмѣчать, оставлялъ свою причудливость,—и они проводили время въ душеспасительныхъ разговорахъ, и бесѣда ихъ часто растворялась обильными слезами; появлялись сторонніе, и Коробочкинъ опять становился Иванушкою. Для многихъ эта дружба тогда казалась странною и смѣшною.

Кругъ дѣятельности о. Мельхиседека не ограничивался только словомъ назиданія другихъ. Замѣчательная черта изъ его душевныхъ свойствъ была любовь къ нищимъ. Раздавая милостыню, онъ не взиралъ на лица и количества подаваемого: одинъ получалъ больше, другой меньше, и, по наблюденію другихъ, такое повидимому случайное различіе въ раздаваніи соотвѣтствовало нуждамъ и нравственнымъ качествамъ просящихъ. Отъ щедраго посильнаго подаянія милостыни рука Мельхиседека не оскудѣвала. Многіе достопочтенные христіанцы, зная состраданіе его къ бѣднымъ, приносили ему значительныя пожертвованія, — одни явно, другіе тайно, — для раздачи бѣднымъ, прося его молитвъ о здравіи или упокоеніи своихъ родственниковъ; съ усердіемъ это они дѣлали въ томъ убѣжденіи, что поданная ими милостыня чрезъ его руки будетъ имѣть болѣе значенія предъ очами Божиими. Самое раздаваніе милостыни иногда представляло зрѣлище довольно трогательное. Едва только о. Мельхиседекъ выходилъ изъ храма, тотчасъ окружали его угнетенные бѣдностію, смиренно кланяясь и простирая къ нему свои руки, а онъ, пробираясь среди нихъ и низводя на нихъ своею десницею благословеніе Божіе, удѣлялъ отъ избытковъ своихъ каждому на его потребу, и, останавливаясь почти съ каждымъ, съ сердечнымъ участіемъ вступалъ въ разговоръ и примѣнительно положенію каждаго, одному давалъ совѣты, другого укрѣплялъ надеждою на помощь Божію, иного взоры обращалъ къ жилищу небесному, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія. Находясь между ними, какъ отецъ между дѣтьми, онъ утолялъ голодъ и тѣлесный, и душевный.

«Въ темницѣ бѣхъ, и приидете ко Мнѣ». Твердо помнилъ Мельхиседекъ и эти слова Спасителя. А потому въ свѣтлый день Воскресенія Христова онъ съ первымъ поздравленіемъ отправлялся къ заключеннымъ въ тюрьму преступникамъ, со всѣми ими христосовался и давалъ каждому, что могъ, съ словами утѣшенія и надежды на исправленіе и лучшую жизнь.

Подобнымъ образомъ поступалъ и въ праздникъ Рождества Христова и въ другихъ случаяхъ. Въ подобномъ случаѣ, по недостаточности своихъ средствъ, онъ самъ не разъ обращался къ извѣстнымъ ему благотворителямъ, которые, по его внушенію и просьбѣ, давали ему возможность облегчить участь несчастныхъ, одному ему извѣстныхъ.

Въ отношеніи образа своей жизни Мельхиседекъ во всемъ наблюдалъ строгую умѣренность и простоту. Поставляя достоинство человѣка не во внѣшнемъ мишурномъ блескѣ, а въ душѣ, сіяющей добродѣтелями, Мельхиседекъ, несмотря на то, что былъ казначеемъ и исправляющимъ должность настоятеля монастыря, носилъ одежду очень простую. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ достаточныхъ людей, полагая что онъ по случаю своей нестяжательности и нищелюбія не имѣлъ возможности имѣть у себя хорошей одежды, жертвовали ему довольно цѣнныя рясы и подрясники; онъ же, чтобы не оскорбить чувство любви своихъ благотворителей, принималъ, но никогда таковыхъ не одѣвалъ, а отдавалъ ихъ другимъ. Въ отношеніи пищи Мельхиседекъ соблюдалъ строгую умѣренность и былъ постникъ; онъ употреблялъ самую простую, приносимую ему изъ трапезы, пищу въ незначительномъ количествѣ, и то не каждый день. Восходя отъ воздержанія къ воздержанію, онъ дошелъ до такого безстрастія къ пищѣ, что довольствовался въ день одною просфорою. Посѣщая, по приглашенію, дома нѣкоторыхъ благочестивыхъ гражданъ, онъ предлагаемое вкушалъ въ незначительномъ количествѣ только для одной видимости, — для сокрытія своихъ подвиговъ. Соблюдая самъ строгій постъ, Мельхиседекъ, по обязанности казначея и впоследствии правящаго должность настоятеля монастыря, заботился, чтобы по имѣвшимся средствамъ, для братіи приготавлилась пища достаточная и доброкачественная. Мельхиседекъ по нѣскольку ночей проводилъ безъ сна; для одного вида въ келліи имѣлъ постель, но никогда на нее не ложился; нѣсколько лѣтъ не спалъ на

боку; если же нужно было уступить требованіямъ природы— смежить очи сномъ на краткое время, обыкновенно садился на стулъ, при чемъ надѣвалъ на свою голову шапку, скованную изъ желѣза на подобіе вѣнца, толщиною болѣе полувершка.

Богослуженіе, особенно литургію, о. Мельхиседекъ всегда совершалъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, которое выражалось даже во виѣшнихъ его дѣйствіяхъ, во взорахъ, въ поступи и во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ; а о внутреннемъ настроеніи его духа свидѣтельствовали обильныя слезы. Одинъ изъ келейныхъ Мельхиседека рассказывалъ, что онъ вставалъ иногда ночью съ намѣреніемъ узнать, что дѣлаетъ Мельхиседекъ и, подсматривая сквозь щелку перегородки, отдѣлявшей его комнату отъ келейной, съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ этотъ человѣкъ при слабомъ свѣтѣ лампы стоитъ на коленяхъ въ молитвенномъ положеніи. Келейникъ, иногда очень долго простоявъ въ наблюдательномъ положеніи, не могъ выждать, когда его учитель ляжетъ спать. Однажды, когда этотъ келейникъ захотѣлъ еще посмотреть на молящагося ночью Мельхиседека, то послѣдній, не видя келейника глазами, сказалъ ему: «зачѣмъ всталъ; ложись спать»! Съ тѣхъ поръ келейникъ прекратилъ свои наблюденія.

Изнуряя плоть свою со всѣми ея страстями и похотями бдѣніемъ, молитвою и постомъ, Мельхиседекъ всѣ свои подвиги считалъ ничтожными и несовершенными. Онъ еще возложилъ на себя тяжелыя желѣзныя цѣпи, вѣсящія около 30 фунтовъ, и опоясывался желѣзнымъ поясомъ, запаявъ связъ наглухо, и, вмѣсто рубашки, надѣвалъ на себя черкесскую стальную кольчугу. Объ этихъ веригахъ знали только 2—3 особенно близкихъ къ нему лица.

При такомъ крестоношеніи, Мельхиседекъ не оставлялъ обычныхъ своихъ занятій. По смерти настоятеля обители, архимандрита Стефана, съ 9 мая 1846 года, управляя монастыремъ, онъ съ особеннымъ рвеніемъ занимался дѣлами

монастырскими, и постоянно находился при производимыхъ постройкахъ; самъ велъ всю отчетность по управленію; принималъ посѣтителей; неопустительно бывалъ въ храмѣ и совершалъ богослуженіе; словомъ, — онъ жилъ и дѣйствовалъ какъ всякій обыкновенный хорошій настоятель.

«Духъ бодръ, плоть же немощна». Мельхиседекъ почувствовалъ себя больнымъ; тѣлесныя силы его начали ослабѣвать; приключившаяся болѣзнь болѣе и болѣе развивалась въ немъ отъ напряженныхъ подвиговъ и трудовъ. — Но еще прежде заболѣлъ другъ его юродивый Коробочкинъ. Лежа на смертномъ одрѣ и чувствуя приближеніе своей кончины, Коробочкинъ пожелалъ, чтобы Мельхиседекъ напутствовалъ его въ загробную жизнь Святыми Тайнами Тѣла и Крови Христовой и чтобы, при совершеніи надъ нимъ елеосвященія, онъ занималъ первое мѣсто между другими священниками. По совершеніи христіанскаго обряда надъ Коробочкинымъ, Мельхиседекъ, по случаю предстоящей разлуки, съ умиленіемъ и душевнымъ прискорбіемъ смотрѣлъ на своего друга. Сочувствуя слезамъ и скорби своего духовнаго отца и друга, и желая утѣшить Мельхиседека въ предстоящей разлукѣ, Коробочкинъ въ присутствіи окружавшихъ его одрѣ, съ обыкновенною причудливостію и какъ бы грозно сказалъ ему, чтобы онъ и самъ готовился: онъ увидится съ нимъ черезъ шесть недѣль. Мельхиседекъ ясно понялъ и сказанное сложилъ въ сердцѣ своемъ. Коробочкинъ скончался. Мельхиседекъ находился при погребеніи и преданіи праха его землѣ. При погребеніи Коробочкина удивительная была картина. За гробомъ Коробочкина шли цѣлыя сотни народа, нигѣмъ не званнаго; на пути къ храму и могилѣ гробъ былъ постоянно оставляемъ усердствующими отслужить объ усопшемъ панихиду; у многихъ на глазахъ были непритворныя слезы. Впослѣдствіи городское общество, по единодушному усердію, воздвигло надъ могилою юродиваго памятникъ.

Мельхиседекъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ослабѣ-

валъ; это хорошо видѣли сторонніе, видѣвшіе его, и предлагали ему, для восстановленія здоровья, прибѣгнуть къ медицинскимъ средствамъ; но онъ не внималъ этому. При всемъ своемъ изнеможеніи не оставлялъ посѣщать храмъ Божій, самъ служилъ и приносилъ безкровную жертву; и только за три дня до смерти своей онъ не могъ удовлетворить влеченію горящаго любовію сердца витать въ дому Божиємъ: три дня эти онъ провелъ въ келліи.

День шестинедѣльнаго срока, по смерти юродиваго Коробочина, наставалъ. Мельхиседекъ, по крайнему своему изнеможенію, не могъ удовлетворить своему желанію почтить память друга своего присутвіемъ на сорокадневномъ помяновеніи его. Онъ послалъ родного брата своего, іеромонаха Палладія въ Харлампіевскую владбищенскую церковь, отслужить литургію за упокой юродиваго Іоанна. За три дня до смерти снялъ онъ вериги. Въ 40-же день друга, самъ безъ всякой посторонней помощи перемѣнилъ на себѣ всю одежду, начиная отъ сорочки до сапогъ, и одѣвшись, какъ бы собираясь въ какой-либо путь, пожелалъ выдти изъ келліи. Стоя на крыльцѣ, онъ взоры свои въ слезахъ обращалъ то на храмъ, то на келлію, то на небо. Потомъ, положа три земныхъ поклона, возвратился въ келлію и, сѣвши на стулъ, сказалъ предстоящимъ: «сегодня шесть недѣль; не обмануль-ли насъ Иванушка»; и началъ пѣть на любимый имъ напѣвъ: Милость мира,—Достойно есть,—Тебе поемъ,—но, не успѣвъ допѣть послѣднее, сталъ кончаться. И еще братъ его Палладій не успѣлъ окончить раннюю литургію, какъ о. Мельхиседекъ, сидя на стулѣ, тихо и безболѣзненно предалъ духъ свой 10 сентября 1846 года.

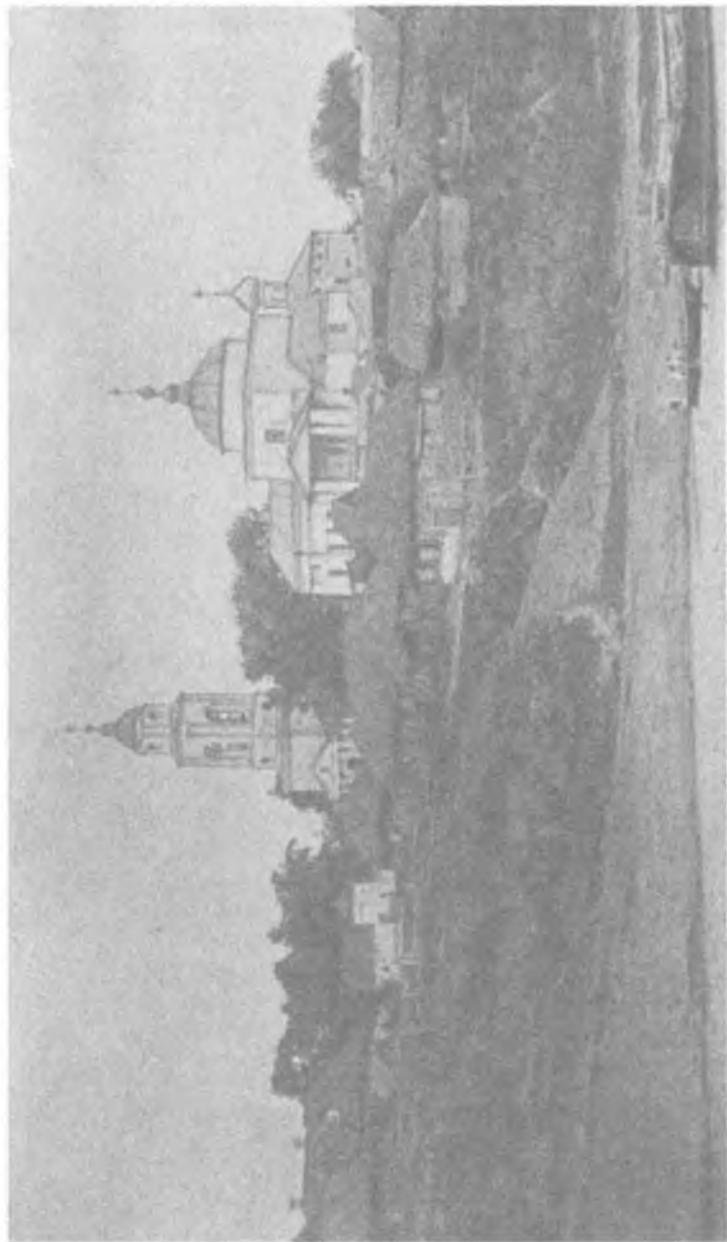
Звонъ колокола, раздавшійся въ обители, возвѣстилъ о кончинѣ Мельхиседека. Всѣ монашествующіе поспѣшили въ келлію почившаго; одни, взирая на него, плакали, другіе молчали, и только ихъ блѣдныя лица и неподвижный взоръ краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, какъ мрачно и пусто

было въ ихъ душѣ, и какая тяжкая скорбь угнетала ихъ сердце.

Вѣсть о кончинѣ Мельхиседека скоро пронеслась по городу, — и чрезъ нѣсколько часовъ вся обитель наполнилась народомъ, а ко дню погребенія его такое было стеченіе народа, что не только въ храмѣ, но и въ самой оградѣ съ большимъ трудомъ можно было добраться до желаемого мѣста. Тѣло Мельхиседека лежало во гробѣ три дня; въ продолженіе всего этого времени, начиная съ ранняго утра до поздней ночи, служеніе панихидъ объ упокоеніи почившаго, по желанію усердствующихъ, не прекращалось ни на одну минуту. Многострадальное тѣло Мельхиседека было предано землѣ 14 сентября 1846 года за алтаремъ Александро-Невскаго придѣла соборно-монастырской Покровской церкви. Искреннее усердіе г.г. Шеншиныхъ не охладѣло къ Мельхиседеку и по смерти его: они оградилъ могилу его чугунною рѣшеткою, и по ихъ желанію, пока они находились въ своемъ имѣніи Мценскаго уѣзда, въ продолженіе двадцати лѣтъ совершалось въ храмѣ монастырскомъ поминовеніе объ упокоеніи его. Въ рѣдкомъ помянникѣ городскихъ жителей не значится имени Мельхиседека. Прошло со времени кончины Мельхиседека уже много лѣтъ, а могила его часто посѣщается богомольцами, и память о немъ у жителей города и окружающихъ селеній жива и переходитъ изъ рода въ родъ.

Жизнь Мельхиседека была непродолжительна: онъ жилъ около 28 лѣтъ, монашествовалъ только 7 лѣтъ *).

*) „Странникъ“ 1877 г. и „Мценск. Петропавл. монастырь Орлов. епархіи“ 1856 г. (А. Л. К.).

Мценский Петропавловский монастырь

Екатеринославскій архієпископъ Амвросій

Екатеринославскій архієпископъ Амвросій (Серебренниковъ), мѣстоблюститель Молдо- Влахійской экзархіи *).

(Память 13 сентября).

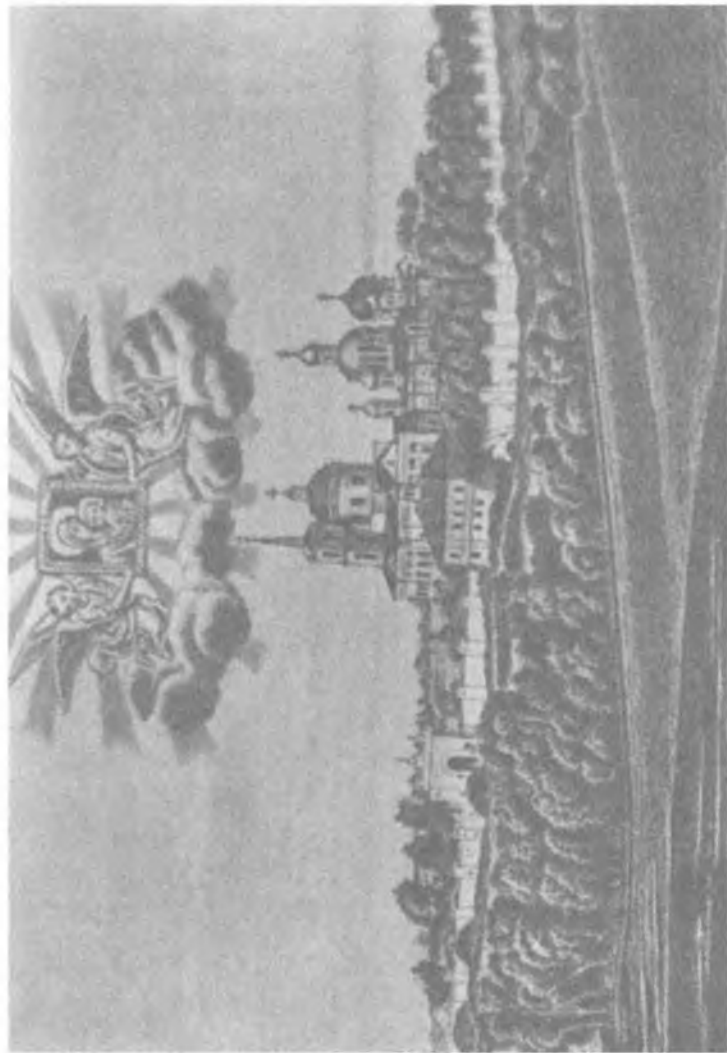
Архієпископъ Амвросій, около трехъ лѣтъ завѣдывавшій дѣлами церковнаго управленія Румынскихъ княжествъ, въ качествѣ мѣстоблюстителя Молдо-Влахійской экзархіи, въ жизни своей прославился строгимъ благочестіемъ и подвижничествомъ, а послѣ своей смерти—нетлѣніемъ своихъ останковъ.

Происходя изъ богатой крестьянской семьи села Отчина, Вятской губерніи, архієпископъ Амвросій родился въ 1745 г. и въ мірѣ назывался Антоніемъ Серебренниковымъ. Грамотѣ онъ научился въ домѣ отца и съ малолѣтства любилъ читать и пѣть въ церкви. Своею набожностью и хорошимъ голосомъ онъ обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго приходскаго священника, который, видя дарованіе мальчика, началъ уговаривать родителей отдать своего сына въ школу. Послѣ долгихъ убѣжденій, родители согласились на это, и Антоній на 11 году отъ роду поступилъ въ Вятское духовное училище. Послѣдовательно онъ прошелъ курсъ въ этомъ училищѣ и затѣмъ въ духовной семинаріи, откуда онъ поступилъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію. Блестательно окончивъ въ 1768 году курсъ академіи, Антоній Серебренниковъ былъ назначенъ преподавателемъ Виѣанской семинаріи. Вскорѣ послѣ того онъ принялъ монашество съ именемъ Амвросія и вслѣдъ затѣмъ былъ посвященъ въ іеромонахи. Въ 1778 году назначенъ префектомъ славяно-греко-латинской академіи. Своими педагогическими способностями, тщательнымъ исполненіемъ лежавшихъ на немъ обязанно-

*) „Бессарабія“. Историческое описаніе П. Н. Батюшкова. С.-Петербургъ. 1892 года.

стей и учеными сочиненіями іеромонахъ Амвросій привлекъ въ себѣ вниманіе Московскаго митрополита Платона (Левшина), который опредѣлилъ его въ 1782 году ректоромъ Новгородской духовной семинаріи. 26 декабря 1783 г. ректоръ Амвросій былъ хиротонисанъ въ санъ епископа, съ назначеніемъ викаріемъ Олонецкой епархіи. Здѣсь мѣрами благочестія и кротости епископъ Амвросій водворилъ миръ и любовь и многихъ раскольниковъ обратилъ въ православіе. Возведенный 28 ноября 1786 г. въ санъ архіепископа Екатеринославскаго, Амвросій поселился въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Въ то время Новороссійскій край заселялся колонистами и старообрядцами и требовалъ духовно-нравственнаго попеченія и руководства. Со всею энергіей архіепископъ Амвросій принялъ на себя новый миссіонерскій трудъ и многихъ старообрядцевъ возвратилъ въ лоно Православной Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился о правильномъ воспитаніи духовнаго юношества, о благоустройствѣ церквей, о возвышеніи нравственного уровня священниковъ и устраненіи безпорядковъ и злоупотребленій въ церковномъ управленіи. При немъ были учреждены Николаевская пустынь, близъ г. Новомосковска, и Корсунскій мужской монастырь.

Когда, послѣ взятія княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ, въ 1788 году, Очакова, Русско-турецкая война распространилась на румынскія княжества, управленіе церковными дѣлами въ нихъ было ввѣрено архіепископу Амвросію, который былъ вызванъ для этого 22 декабря 1789 г. въ г. Яссы. Въ качествѣ мѣстоблюстителя Молдо-Влахійской экзархіи архипастырь много потрудился здѣсь надъ приведеніемъ въ порядокъ крайне разстроеннаго положенія дѣлъ Церкви, находившейся подъ мусульманскимъ игомъ, а своимъ милосердіемъ, благотворительностью и готовностью оказать всякому помощь привлекалъ подъ свою защиту единовѣрцевъ изъ Греціи, Сербіи и другихъ православныхъ земель,

Сезеновский Иоанно-Казанский монастырь

Сезеновская игуменія Серафима

оставшихся во владѣніи Турціи. Потемкинъ-Таврическій былъ очень расположенъ къ Амвросію и любилъ его умную бесѣду. Когда, со вступленіемъ русскихъ войскъ, въ 1790 г., въ Молдавію, Амвросій прибылъ въ Яссы, то онъ, наслышавшись о блаженной жизни старца Паисія Величковскаго, посѣтилъ Немець и во время литургіи возвелъ о. Паисія въ архимандриты.

Архіепископъ Амвросій Серебренниковъ пользуется извѣстностью и въ духовно-русской литературѣ. Кромѣ печатныхъ проповѣдей и привѣтствій, а также трехъ рѣчей, произнесенныхъ надъ гробомъ кн. Потемкина, литературная дѣятельность его выразилась въ переводѣ (съ французскаго перевода) «Потеряннаго рая» Мильтона, въ участіи въ составленіи словаря Россійской академіи (въ которой онъ состоялъ членомъ) и проч. Нѣкоторыя не изданныя рукописи его сохраняются въ Синодальной библіотекѣ и Петербургской духовной академіи.

Въ іюнь 1792 г., окончивъ возложенное на него порученіе, архіепископъ Амвросій возвратился въ Екатеринославскую епархію и въ томъ же году, *13 сентября*, скончался. Тѣло его погребено въ г. Полтавѣ, въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ главнаго храма. Останки архипастыря доселѣ остаются нетлѣнными, и надъ ними благочестивые почитатели его совершаютъ панихиды *).

Сезеновская игуменія Серафима, въ схимѣ Евѣимія.

(Память 14 сентября).

Въ селѣ Нижне-Ломовомъ, въ 7 верстахъ отъ уѣзднаго города Раненбурга, Рязанской губерніи, жилъ государственный крестьянинъ Ефимъ Семеновъ Моргачевъ, семейство

*) Изъ сочиненія Батюшкова „Бессарабія“.

коего состояло изъ жены Прасковьи Петровой, трехъ сыновей: Алексѣя, Андрея, Игната, и двухъ дочерей: Авдотьи и Евѣиміи.

Ефимъ Семеновичъ по состоянію своему, а равно по ласковому обхожденію, считался однимъ изъ лучшихъ въ селѣ. Онъ не отказывался помочь бѣднымъ, приходившимъ къ нему за помощію. Даже самъ старался узнать о бѣдномъ и спѣшилъ къ нему съ помощію. И за это его любилъ приходскій священникъ, который нерѣдко посѣщалъ Ефима и удѣлялъ съ нимъ время на бесѣды. А въ былыя времена, если кого любить и отличаетъ отъ другихъ приходскій священникъ, тотъ считался въ общественномъ мнѣніи за человека благочестиваго и добродѣтельной жизни.

Въ день Воздвиженія Креста Господня, 14 сентября 1806 г. у Ефима Семеновича родилась дочь, названная во св. Крещеніи Евѣимією. Во время повиванія новорожденной Евѣиміи, у повивальной бабки спустился съ шеи крестъ и коснулся ребенка. Ребенокъ вдругъ ухватился рученками за крестъ и сильно прижалъ его къ груди, что продолжалось нѣсколько минутъ, такъ что должны были разнять ручки, чтобы освободить крестъ. Это событіе, небывалое еще у бабки, повивавшей болѣе ста дѣтей, передавалось ею, какъ особое чудо, роднымъ ея и знакомымъ. Сдѣлалось извѣстнымъ и приходскому ихъ священнику отцу Василию. Тотъ сдѣлалъ отсюда такое заключеніе: «младенецъ родился въ день, когда православный міръ празднуетъ Воздвиженіе Креста Господня, на коемъ былъ распятъ Господь. Въ этотъ же день младенецъ, только что родившійся, слабыми своими рученками схватилъ крестъ и прижалъ къ груди. Этотъ крестъ былъ изъ рукъ взятъ силою. Слѣдовательно, родившаяся возлюбитъ Господа и до послѣдняго издыханія, не оставитъ предназначеннаго ей свыше крестнаго пути».

Евѣимія въ дѣтствѣ своемъ отличалась отъ сверстницъ смиреніемъ, кротостію, незлобіемъ, уступчивостію и убѣгала

дѣтскихъ игръ. вмѣсто этого она, съ 12 лѣтъ, стала нянчить родного своего брата, грудного ребенка Игната. Ухаживать за малюткою угадывать его желанія Евѣиміи доставляло такое удовольствіе, что она на предложеніе матери и родной бабушки старицы Марьи Васильевой поиграть въ праздничные дни съ дѣтьми, всегда отклоняла, съ дѣтскою невинною любовью отзываясь, что она лучше займется съ братомъ Игнатомъ, котораго Евѣимія любила болѣе всѣхъ за его кроткій нравъ.

За Евѣимію на 18 году ея возраста сватались женихи, но она отъ замужней жизни отказалась, желая служить одному Богу. Родители ей не препятствовали.

Сватанье это было осенью. Евѣимія послѣ отказа начала въ теченіе наставшей зимы болѣе уединяться и въ свободное время отдаваться молитвѣ. Весною она отправилась вмѣстѣ съ другими для богомолья въ Кіевъ.

На пути зашла она въ Сезеново къ затворнику Іоанну, попросить его благословенія на дорогу. Іоаннъ, зная, что Евѣимію будутъ оставлять въ Кіевѣ и то, что ей предназначено жить для жизни умной, дѣятельной на мѣстѣ его молитвы, благословилъ ее идти на богомолье, но совѣтовалъ ей не оставаться въ Кіевѣ, даже если будутъ просить, говоря, что скоро разведутся индѣйки, куры, будутъ цыплятки и она съ палкой должна будетъ ихъ караулить, чтобы не разбѣжались и не разворовали ихъ. Это предсказаніе затворника сбылось впоследствии, когда Евѣимія назначена была настоятельницею Сезеновской обители.

Въ Кіевѣ Евѣимія обошла монастыри и зашла въ женскій монастырь. Настоятельница, отличивъ ее отъ другихъ богомолковъ, пригласила къ себѣ и предлагала остаться въ ихъ монастырѣ. Евѣимія вспомнила совѣтъ затворника Іоанна и со смиреніемъ отказалась отъ предложенія настоятельницы.

По возвращеніи домой Евѣимія пожелала выучиться грамотѣ, для чего она отправилась въ село Юсово, Раненбург-

скаго уѣзда, за 8 верстъ отъ своего села къ проживавшей тамъ черницѣ Дарьѣ Харлампьевой, у которой, проживъ цѣлую зиму, выучилась читать книги церковной печати. И съ тѣхъ поръ она каждую свободную минуту занималась чтеніемъ книгъ Священнаго Писанія, въ особенности Псалтири, не оставляя вмѣстѣ съ этимъ заботъ о братѣ Игнатѣ.

Евѣимія съ лѣтами мужалась въ духѣ вѣры и любви къ Богу. Она, не оставляя обычныхъ крестьянскихъ работъ, свободное отъ нихъ время употребляла на чтеніе книгъ духовнаго содержанія и на душеполезныя размышленія. Она находила душевное утѣшеніе въ домѣ своего духовнаго отца, приходскаго священника о. Петра, любившаго ее. Онъ своими духовными наставленіями болѣе и болѣе укрѣплялъ ее въ жизни духовной, приучалъ ее къ терпѣнію, смиренію, послушанію и тѣмъ избавлялъ ее отъ всѣхъ козней дьявольскихъ. Также часто прибѣгала она за совѣтами и къ Сезе-новскому затворнику Іоанну.

Родители Евѣиміи, люди благочестивой жизни, сердцемъ своимъ чувствовали, что ихъ дочь назначена для жизни не мірской, а духовной. Слѣдуя совѣту приходскаго священника, они не мѣшали ей заниматься молитвою и чтеніемъ; еще способствовало такому отношенію чудное исцѣленіе ея отъ болѣзни неизвѣстнымъ человѣкомъ. Собаки искусаѣи двѣушкѣи ноги, и она до того разболѣлась, что родители уже не надѣялись на ея выздоровленіе. А Евѣимія была у нихъ единственною дочерью, такъ какъ старшая дочь, выданная замужъ, умерла. Въ одно время, въ рабочую пору, семейные Евѣиміи были всѣ въ полѣ; Евѣимія оставалась въ домѣ одна и изнуренная болѣзнію лежала въ амбарѣ. Вдругъ явился неизвѣстный человѣкъ, сказалъ, чтобы она выздоравливала отъ болѣзни и тутъ же скрылся. Евѣимія тотчасъ же почувствовала облегченіе, силы возвратились такъ, что когда къ вечеру семейные ея пришли домой, они нашли

Евѣимію уже ходившею и не жаловавшеюся на прежнюю боль ногъ.

Въ 1825 году, когда односельцы Ефима Моргачева задумали выселиться на новыя мѣста въ Самарскую губернію, записался съ ними и Ефимъ, имѣя въ числѣ записавшихся много родныхъ и близкихъ. Вмѣстѣ съ Ефимомъ Моргачевымъ должна была отправляться и дочь ихъ Евѣимія; но для нея это отправленіе было не по сердцу. Здѣсь привыкла она къ уединенной жизни, сроднилась съ лучшими собесѣдниками о путяхъ къ спасенію: приходскимъ священникомъ отцомъ Петромъ и Сезеновскимъ затворникомъ Іоанномъ. Чтобы рѣшить остаться на родинѣ или ѣхать съ семьею, Евѣимія ночью пришла къ затворнику Іоанну, открыла свою скорбь и просила указанія, на что ей рѣшиться. «Идти мнѣ не хочется», говорила Евѣимія: «но и оставаться боюсь; быть можетъ, я буду грустить, плакать и тосковать къ роднымъ». На это затворникъ ей отвѣчалъ: «не ходи, оставайся здѣсь на родинѣ, а тамъ и безъ насъ много. Скучать ты здѣсь не будешь, ты нужна здѣсь. Найдутся люди, дадутъ тебѣ пріютъ, и здѣсь проживешь».

Послѣ этого она рѣшилась остаться на родинѣ. Ни просьбы, ни слезы, ни самыя угрозы родителей не могли заставить Евѣимію переимѣнить своего намѣренія; наконецъ, хотѣли взять ее силою, не для того, чтобы мѣшать ей предаваться молитвѣ, но по чувству родительскому, которое никакъ не могло рѣшиться оставить свою дочь еще въ молодыхъ лѣтахъ, неопытную въ жизни, одну, безъ пріюта, безъ своей помощи. Оставалась послѣдняя рѣшительная минута, и въ эту-то роковую минуту Евѣимія обратилась съ молитвою къ Создателю всяческихъ въ сосѣдственной горницѣ. Ея слезная молитва услышана: невѣдомый голосъ возвѣстилъ ей три раза: «не бойся», и въ то же время пришелъ въ домъ отца Евѣиміи приходскій священникъ отецъ Петръ, который отслужилъ напутственный молебенъ, пожелалъ отправлявшимся всѣхъ

благъ, а Евѳимію посовѣтовалъ оставить на родинѣ и предоставить ее водительству Промыслителя благъ.

Родители Евѳиміи, хотя не безъ слезъ, не безъ сердечной грусти, однако послушались совѣта своего духовнаго пастыря. Они благословили Евѳимію на невѣдомый для нихъ, для самой Евѳиміи путь, но на путь благочестія, и рѣшились оставить ее одну, безпріютную, неопытную въ жизни единственно подъ особымъ покровительствомъ Божиимъ.

Настала и минута разлуки, минута самая горькая для чувствъ родственныхъ. Слезы, рыданія отправлявшихся въ далекій путь, остававшейся на родинѣ, благопожеланія путникамъ родныхъ ихъ, знакомыхъ, смѣнялись одно другимъ. Много и очень много въ эту тягостную минуту успѣли перенести сердца путниковъ и юной Евѳиміи оставшейся безъ крова, безъ опоры.

Евѳимія рѣшилась любимыхъ своихъ отца, мать, братьевъ проводить до Козлова.

Въ Козловѣ, наконецъ, они разстались. Отецъ съ женою и тремя сыновьями отправился въ путь, а Евѳимія, молодая дѣвица, осталась одна въ чужомъ городѣ, никѣмъ не знаемая. Много и очень много горькихъ слезъ она пролила, разставшись съ родною семьею, быть можетъ, навсегда, не зная даже, гдѣ они должны поселиться. Много и очень много она перечувствовала: разныя мысли смѣнялись одна другою, и все кончалось тѣмъ, что она одна, безъ крова, на чужбинѣ. Здѣсь никто не старался отереть ея горькія слезы, никто не внялъ ея воплю и никто не пріютилъ подъ своимъ кровомъ отъ осенней стужи.

Евѳимія, занятая мыслями о вѣчной разлукѣ съ тѣми, кому обязана жизнію, съ которыми жила неразлучно 20 лѣтъ—безутѣшная, одинокая, отправилась изъ Козлова, не заходя даже домой, въ Сезеново къ затворнику Іоанну высказать ему всю скорбь души и выпросить благословеніе его на путь новой жизни, какую онъ укажетъ. Іоаннъ встрѣтилъ ее не съ сѣтованіемъ, а съ радостію, и восклицалъ: «наша взяла»;

укрѣпивъ ее въ вѣрѣ, приказалъ ей отправиться жить въ родное ея село.

Она, безропотно повинувшись велѣнію затворника, возвратилось на родину, гдѣ встрѣтила то же одиночество; сердце ея предалось еще большей горести, видя владѣльцами родного ея дома чуждыхъ для нея, не имѣя крова, а между тѣмъ наступила глубокая осень.

Въ эту осень крестьяне рубили свой общественный лѣсъ. Одни изъ нихъ, соболѣзнуя о горькой долѣ Евѣмїи, дали ей лѣску на келлію, другіе изъ этого лѣсу, хотя и сырого, срубили ей келейку, и поставили около приходской церкви. Эта келейка была маленькая, 4-хъ аршинъ; оставалось покрыть и сложить печь. Евѣмїя собственными своими руками покрыла свое жилище кое-какъ дерномъ и съ радостію переселилась въ новый свой домъ, несмотря на то, что печи не было и даже по какому то случаю невозможно было ее сложить въ эту зиму. И Евѣмїя цѣлую зиму прожила въ своей келліи безъ печи, согрѣваемая благодатію Божіею, по молитвамъ затворника. Съ наступленіемъ весны келлія ея была покрыта соломой, и въ ней сдѣлали печь.

Евѣмїя въ своей келліи, казалось, живо похоронила себя и оставляла ее лишь въ крайнихъ случаяхъ: въ церковь для молитвы во время Божественной службы, въ Сезеново къ затворнику Іоанну для духовныхъ бесѣдъ, въ хижину бѣдняка, гдѣ случится покойникъ, для чтенія по немъ Псалтири, а въ келлію къ себѣ, по заповѣди затворника Іоанна, не принимала. Пропитывалась большею частію трудами своими: пряла и вязала своимъ односельцамъ, не требуя никакого вознагражденія, а брала, что дадутъ. Порою помогалъ ей и о. Петръ, любившій ее, и другіе, которые приносимую пищу ставили на обно келліи и давали знать о томъ стукомъ въ стѣну.

Въ рабочую пору нерѣдко односельцы, скудные рабочими руками, приходя утромъ на работу, находили, что на пашнѣ

ихъ кто то жалъ, и сжатый хлѣбъ въ копнахъ стоялъ здѣсь же. Стали слѣдить, кто это тайный безкорыстный помощникъ и застали на пашнѣ за работою Евѣимію. Хотя и просила она объ этомъ молчать, но тайный работникъ былъ открытъ въ селеніи. Это возбудило къ ней общую любовь и уваженіе односельцевъ.

Евѣимія, уединивъ себя такъ, желала принять на себя самый трудный подвигъ—юродства Христа ради, но затворникъ не далъ ей на этотъ подвигъ своего благословенія, а заповѣдывалъ ей держаться уединенія, почему она, уединивъ себя еще болѣе такъ, что никого къ себѣ въ келлію не принимала и думала было провести всю свою жизнь въ маленькой келліи, которая ей была по сердцу; но Провидѣніе готовило ее не для одинокой келейной жизни. Евѣимія, оставшись на родинѣ одна и уединивъ себя въ маленькой келліи, очень часто хаживала къ затворнику Іоанну для своихъ духовныхъ бесѣдъ; въ 1827 г. въ праздникъ Вознесенія Господня сверхъ обыкновенія она пришла довольно рано утромъ и стала подъ дубкомъ, ожидая съ свойственнымъ ей смиреніемъ той минуты, когда затворникъ будетъ свободенъ, а котомочку сняла и положила около себя на пенькѣ.

Въ этотъ день Іоаннъ занимался разсаживаніемъ около своей келліи деревьевъ и, увидѣвъ стоявшую около дубка Евѣимію въ простой крестьянской одеждѣ, сказалъ пророчески: «пусть она стоитъ, больше вырастетъ, вырастетъ съ дубокъ, и тѣмъ снова предрекъ ея будущее служеніе.

Въ этотъ день тамъ, приглашенные Бирюковымъ, по приказанію затворника, 16 человекъ изъ села Троекурова разсаживали около келліи затворника деревья; въ числѣ разсаживающихъ была и сестра Бирюкова, Марѳа. Она, увидѣвъ Евѣимію, сказала брату Ивану, что какая-то женщина стоитъ у дубка. Двое посланныхъ Бирюковымъ не могли узнать отъ Евѣиміи подробно, откуда она и зачѣмъ пришла, наконецъ, онъ самъ, узнавъ отъ нея о ея имени, званіи и о цѣли при-

хода, посовѣтовалъ ей подождать нѣсколько, потому что затворникъ былъ занятъ въ келліи съ купцомъ Кузьмою Абрамовымъ Ангеловымъ, а самъ отправился къ келліи затворника, чтобы передать ему о Евѣиміи. Лишь только онъ дошелъ до келліи, затворникъ вышелъ изъ оной съ Ангеловымъ и, приказавъ чрезъ Бирюкова бывшимъ для поливки деревъ женщинамъ спрятаться, чтобы не видали лица затворника, и какъ бы не замѣчая стоявшей Моргачевой и осматривая посаженные деревья, обратился съ вопросомъ къ Ангелову: «хорошо ли они посажены?» Ангеловъ отвѣчалъ: «хорошо, да поздно, не примутся; деревья обыкновенно сажаютъ или раннею весною, или позднею осенью».

Іоаннъ на это отвѣчалъ: «если не примутся, то вѣсто ихъ мы съ Иванушкой (это Бирюковъ) насажаемъ новыхъ». Затѣмъ, взглянувъ къ дубу, у коего стояла Евѣимія Моргачева, въ простой крестьянской одеждѣ и, увидѣвъ ее, Іоаннъ спросилъ, обращаясь къ Бирюкову: «а это кто такая?» Бирюковъ отвѣчалъ, что это Евѣимія Ефимова, дѣвица изъ Раненбургскаго уѣзда и притомъ добавилъ, что она, пришедъ на зарѣ, стоитъ на одномъ мѣстѣ. «Кузьма, пусть она стоитъ», сказалъ тогда Іоаннъ, обращаясь къ Ангелову, и прибавилъ: «больше вырастетъ, велика Афимья вырастетъ, съ дубокъ».

Затворникъ, чтобы или испытать, насколько послушница его, Евѣимія, крѣпка, къ исполненію его заповѣдей, или, быть можетъ, поощрить ее къ болѣе труднымъ подвигамъ, баковыя она должна выполнить впослѣдствіи, пришелъ однажды къ келліи Евѣиміи въ видѣ странника съ закрытымъ лицомъ и въ страннической одеждѣ и измѣненнымъ голосомъ просилъ ее, чтобы она впустила его. Евѣимія, не подозрѣвая въ этомъ странникѣ затворника, никакъ не хотѣла его впустить въ свою келлію. «Мнѣ, говорила она, ни отецъ мой духовный—священникъ, ни отецъ Іоаннъ не благословили никого впускать въ келлію». Странникъ неотступно

просилъ, и Евѳимія, не находя отговорокъ, должна была впустить его. Затворникъ вошелъ, стараясь не показывать своего лица и, отвѣдавъ неочищенного картофеля, вышелъ изъ келліи. Проходя мимо церкви, онъ остановился и обычнымъ своимъ голосомъ запѣлъ: «О, всепѣтая Мати» и проч. Евѳимія, вышедшая проводить бывшего у нея странника, услышала пѣніе и только тутъ по голосу узнала, что это самъ затворникъ, что это тотъ самый, который запрещалъ пускать къ себѣ въ келлію постороннихъ, который руководилъ ее въ духовной жизни. «Ахъ, батюшка», воскликнула Евѳимія, и съ этимъ словомъ побѣжала за нимъ, оставивъ и келлію незапертою, и дверь растворенною. Какъ на крыльяхъ летѣлъ затворникъ, сначала слышался его голосъ и самъ былъ видѣнъ ею, а потомъ не стало голоса слышно, и самъ скрылся. Не замѣтила Евѳимія, какъ и сама уже прибѣжала въ Сезеново, и когда старица Дарія сказала затворнику, что Евѳимія пришла, онъ и слышать не хотѣлъ объ ней. Только послѣ неотступной просьбы, позволилъ ей подойти къ своей келліи. Едва только приблизилась она, какъ затворникъ сталъ ей высказывать ея же слова, произнесенныя ею въ то время, когда она не пускала его въ свою келлію, и послѣ другихъ совѣтовъ и назиданій, высказанныхъ ей, сказалъ: «такъ и надо; такъ и держи себя, — таковою и пробудь до конца жизни»

Евѳимія, пользуясь совѣтами затворника Іоанна, прожила въ своей келліи до 1833 года. Въ этомъ году она, вмѣсто старой келліи, выстроила другую болѣе обширную, и пригласила къ себѣ въ сотоварищество старушку, съ которой и прожила до 1840 года.

Келейныя ея занятія заключались въ постоянной молитвѣ, трудахъ для пропитанія себя и борьбѣ съ исконнымъ врагомъ.

Затворникъ Іоаннъ 8 сентября 1838 года заложилъ въ Сезеновъ семипрестольный храмъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери, избралъ помощниками въ начатомъ имъ дѣлѣ

старицу Дарію и Евѣимію. Дарія оставалась въ Сезеновѣ помогать въ трудахъ затворнику, Евѣимію же онъ назначилъ съ сборною книгою, на строящійся храмъ, для чего исхода-
тйствована была на ея имя книга въ 1839 году.

Евѣимія безропотно приняла на себя возложенную обязан-
ность; пока она ходила съ сборною книгою, спутниками ея
были: молитва на устахъ и посохъ въ рукахъ.

14 декабря того же 1839 года скончался затворникъ Іоаннъ;
Евѣимія горько оплакала кончину своего наставника.

Заботы о постройкѣ храма затворникъ Іоаннъ возложилъ
на старицу Дарью, которая съ усердіемъ принялась за вы-
полненіе порученнаго; но эта ея дѣятельность была прервана
на нѣкоторое время; по недоброжелательству она была отъ
постройки устранена, и дѣло это поручили другимъ. Дарья
изъ Сезенова выѣхала въ Бѣлогородскую женскую пустынь,
а Евѣимія, сдавъ сборную книгу и деньги новымъ строите-
лямъ, возвратилась въ свою келлію. Но когда Дарья верну-
лась къ дѣлу, Евѣимія осенью 1840 года снова оставила
свою келлію и переселилась въ Сезеново, гдѣ и помѣстилась
въ маленькой келліи, выстроенной изъ плохого осинового
лѣса съ такими же сѣнями, крытыми соломой. Евѣимія по-
селилась въ Сезеновѣ пятая.

Евѣимія испытала келейную сначала одинокую, потомъ
вдвоемъ, жизнь, и на 34 году ея жизни для нея открылся
новый путь труженической и страннической. Она, испросивъ
у общества увольненіе для поступленія въ монашество, въ
1840 же году отправилась съ сборною книгою для устрой-
ства храма.

Прикрывая свой трудъ покровомъ юродства, Евѣимія пере-
бывала во многихъ городахъ и селеніяхъ Россіи, и большею
частью пѣшкомъ. Собирая тамъ на храмъ, она бывала и въ
хижинахъ бѣдняковъ, и въ чертогахъ знатныхъ вельможъ,
у коихъ успѣла заслужить такое уваженіе, что ея желаніе,

было для нихъ законъ. Это очень способствовало къ быстрому устройству обители.

Евѣимія за свою простоту, прямодушіе, ласковое обхожденіе со всѣми, не обращая вниманія ни на званіе, состояніе, возрастъ, была величаема простымъ названіемъ: «наша Фимуша!» Она всѣми знакомыми ея была причисляема къ числу своихъ; но и Евѣимія нѣкоторыхъ особенно любила и называла своими и имъ то иногда иносказательно, а иногда и прямо высказывала о томъ, что должно случиться. Подобныхъ случаевъ рассказывали много; одинъ же былъ весьма знаменательный. Это было такъ. Евѣимія, въ 1841—1842 г., находилась съ сборною книгою въ г. Козловѣ. Здѣсь очень часто бывала въ домѣ богатой вдовы купца Придорогиной; у купчихи была дочь дѣвица, лѣтъ 20, Анна Николаевна. Евѣимія любила ее за ея кроткій нравъ и, какъ бы предсказывая ей ея будущность, называла своею «казначейшею». Евѣимія по обыкновенію мѣшочекъ съ сборными деньгами держала на шнуркѣ у крючка палки, съ которою постоянно хаживала. По приходѣ въ домъ Придорогиной Евѣимія мѣшочекъ съ деньгами и съ палкою всегда отдавала Аннѣ Николаевнѣ, поручая ей сосчитать деньги и спрятать, говоря: «на, милая моя казначейша, сочти деньги и спрячь». Прешло послѣ того лѣтъ 13.

Въ 1855 году Анна Николаевна поступила въ Сезеновскій монастырь; при постриженіи въ монашество названа Аняфиною, и во все время управленія ею монастыремъ была при покойной казначеею. (Впослѣдствіи настоятельница Троекуровскаго монастыря).

Любовь къ Евѣиміи была у многихъ прямо таки безгранична. Даже высокопоставленныя личности считали за особое удовольствіе выполнить ея просьбу. Губернскій секретарь Ѳеодоръ Дмитріевичъ Муравьевъ, извѣстный своимъ усердіемъ къ Сезеновскому монастырю почти съ самаго начала устройства храма, въ 1848 году имѣлъ дѣло, по которому нужно было хлопотать въ Петербургѣ; знакомыхъ у него тамъ ни-

кого не было. Старица Дарія посовѣтовала ему обратиться въ Петербургѣ къ Евѣиміи, къ которой дала отъ себя письмо и сообщила г. Муравьеву адресъ Евѣиміи. По приѣздѣ Муравьева въ Петербургъ онъ передалъ письмо Евѣиміи, которую прежде не зналъ и передалъ ей, въ чемъ заключается дѣло. Евѣимія назначила ему время, когда прибыть къ ней, обѣщаясь между тѣмъ, съ кѣмъ нужно переговорить. Г. Муравьевъ явился въ назначенное время, а вскорѣ за нимъ приѣхалъ князь Голицынъ, статсъ-секретарь Его Величества по принятію прошеній, которому Евѣимія начала жаловаться на свое здоровье. Князь предлагалъ ей къ услугамъ своего домашняго доктора. Евѣимія, отказываясь отъ такого предложенія, сказала, что она будетъ здорова, когда онъ приметъ участіе помочь г. Муравьеву. Князь разспросилъ г. Муравьева о его дѣлѣ и обѣщалъ исполнить просьбу Евѣиміи, что и исполнилъ въ самое непродолжительное время, и тогда Евѣимія сказала князю, что она теперь выздоровѣла.

Въ 1826 году Евѣимія проводила свою родную семью въ Самарскую губернію, не зная, удастся ли еще когда ихъ видѣть. И что же? Въ 1843—1844 г., Евѣимія была съ сборною книгою въ Самарской губерніи и, собирая на храмъ въ томъ самомъ селеніи, гдѣ поселился отецъ Евѣиміи, зашла въ одинъ домъ и тамъ встрѣтила свою родную семью. Объятія, слезы, спросы, рассказы,—все это слилось въ одно. Послѣдствіемъ этого свиданія было то, что любимый Евѣиміею братъ Игнатъ, еще неженатый, отказался отъ брачной жизни и отправился странствовать по святымъ мѣстамъ. Въ 1853 году былъ онъ при открытіи въ Сезеновѣ монастыря и самъ поступилъ въ Петропавловскую пустынь близъ Раненбурга, Рязанской губерніи (потомъ іеромонахъ Дмитріевскаго мужского монастыря Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи).

Евѣимія первые четыре года находилась съ сборною книгою въ разныхъ городахъ, и послѣдніе восемь лѣтъ почти

безъ выѣзда находилась въ Петербургѣ, откуда высылалось ею собираемое на храмъ въ Сезеново.

Она въ 1845 году подала въ св. Синодъ прошеніе объ учрежденіи въ Сезеновѣ женскаго монастыря, возлагая надежду на молитвенную благодатную помощь покойнаго затворника Іоанна. Предпріятіе Евѳиміи сначала не увѣнчалось успѣхомъ, но она не смутилась и дѣла не бросила. Переимѣнивъ планъ, она въ 1846 году просила св. Синодъ открыть въ Сезеновѣ общину, объяснивъ при этомъ, что строительница каменной приходской церкви Дарія Кутукова пріобрѣла 25 десятинъ земли для устройства на ней келлій, ограды и нужныхъ зданій. По этому прошенію собирались требуемыя Синодомъ справки. А между тѣмъ старица Дарія желала, чтобы иконы главнаго иконостаса строившейся въ Сезеновѣ церкви были писаны лучшими художниками, выполнение чего возложила на Евѳимію. Евѳимія при полученіи письма, имѣя въ сборѣ только 30 руб. на ассигн. денегъ, съ несомнѣнною надеждою на помощь Божію, усердно принялась за исполненіе возложеннаго на нее порученія и въ короткое время выслала въ Сезеново до 70 образовъ большого размѣра, писанныхъ художественно; ими украсили иконостасъ и другія видныя мѣста главнаго храма. Изъ этихъ иконъ болѣе замѣчательныя въ алтарѣ: на горнемъ мѣстѣ снятіе со креста Спасителя, надъ жертвенникомъ моленіе о чашѣ, въ иконостасѣ Рождество Спасителя, Рождество Богородицы; изображеніе Антонія и Ѳеодосія и многія другія; на стѣнѣ явленіе Воскресшаго Спасителя Маріи Магдалинѣ. Затѣмъ церковная утварь, священные одежды и прочее было выслано изъ Петербурга въ какіе-нибудь три года.

По Высочайшему соизволенію ходатайство Евѳиміи объ открытіи въ Сезеновѣ общины уважено, и община открыта 10 октября 1849 года,

Въ быстромъ устройствѣ храма видимо помогалъ Самъ

Господь за молитвы затворника Іоанна. Много рассказывала покойная случаевъ явнаго покровительства: такъ нужно было приобрести въ Сезеново Евангеліе, крестъ, сосуды, ковчегъ и прочее». Я, говорила покойная, зашла въ магазинъ, отобрала, какіе мнѣ болѣе понравились, сторговалась и попросила отложить, обѣщаясь принести деньги, когда наберу слѣдующее количество, а въ сборѣ денегъ не было. Случилось мнѣ на другой же день идти мимо того магазина. Хозяинъ попросилъ меня войти и предложилъ получить отобранныя мною вещи. Я отказывалась ихъ взять, говоря, что еще денегъ не уплатила. На это хозяинъ утвердительно сказалъ, что вслѣдъ за мною былъ у нихъ какой-то господинъ немолодыхъ лѣтъ и отдалъ за все деньги, почему я, благодаря невѣдомаго благодѣтеля, взяла все». Еще рассказывала она такой случай. «Не помню,—говорила она—въ какомъ именно году обмѣнивали старые государственные билеты въ пять и десять рублей на новые. Срокъ обмѣна прошелъ, старыя бумажки перестали уже ходить, и ихъ не вѣдно было принимать. Въ это время неизвѣстный мнѣ человѣкъ, идя со мною по улицѣ и узнавъ о цѣли моего пребыванія, далъ цѣлую кипу связанныхъ бумажекъ съ словами: «на, вотъ тебѣ, быть можетъ, пригодятся». Мы долго шли съ нимъ вмѣстѣ и, отставая понемногу, я не замѣтила, куда скрылся мой благодѣтель. Кто онъ такой, не знаю и нигдѣ болѣе не встрѣчала. Обрадованная, я обратилась къ моимъ благодѣтелямъ и по ихъ ходатайству обмѣняла данную мнѣ кипу старыхъ бумажекъ на ходячія, коихъ выдали 3000 руб. серебромъ.

По открытіи въ Сезеновѣ общины оставалось исполнить послѣднюю мысль и желаніе покойнаго Іоанна: утвердить на прочныхъ основаніяхъ устроившееся общежитіе, открыть монастырь. По ходатайству той же старицы Евѣмїи 11 апрѣля 1853 года по Высочайшему соизволенію Сезеновская община переименована въ заштатный третьеклассный монастырь подъ именемъ Іоанно-Казанскаго.

12 іюля 1853 года послѣдовало открытіе монастыря благочиннымъ игуменомъ Лебедянскаго Троицкаго монастыря Сергіемъ, скончавшимся на покоѣ по принятіи схимы въ томъ же монастырѣ.

По окончаніи торжества открытія монастыря было приступлено къ избранію настоятельницы. Начальница общины, старица Дарія отъ предложенія сестеръ быть начальницею обители отказалась, ссылаясь на старость своихъ лѣтъ, почему по общему желанію старицы Даріи и сестеръ обители жребій палъ быть начальницею на Евѣимію.

Съ этого времени для Евѣиміи открылся новый подвигъ, подвигъ начальственный, сопряженный тоже съ немалыми трудами.

На новую настоятельницу монастыря, уже старицу около 50 лѣтъ, не бывшую никогда въ монастырѣ, возложена была великая обязанность. Она должна была устраивать храмы вещественные, украшать ихъ извнѣ и внутри, устраивать келліи для приходящихъ насельницъ обители, устраивать сердечные ихъ храмы для жизни новой духовной, установить правила монастырскія, съ которыми насельницы, какъ не жившія въ монастыряхъ, а приходившія прямо изъ міра, совершенно не были знакомы, поселить между сестрами обители, собравшимися изъ разныхъ сословій, странъ, любовь и послушаніе.

Евѣимія въ новомъ своемъ званіи, 20 декабря 1853 года была пострижена въ монашество съ именемъ Серафимы, 22 ноября 1855 года утверждена игуменьей, а 14 мая 1860 года Всемилоствѣйше ей былъ пожалованъ наперсный крестъ.

Въ новомъ званіи она неослабно прилагала къ трудамъ труды: устроила ограду съ восточной стороны, отнеся монастырь съ этой стороны далѣе (съ остальныхъ трехъ сторонъ была устроена старицею Дарьею).

Храмъ во имя Рождества Христова пяти-престольный, начатый постройкою въ 1849 году старицею Даріею, Сера-

фима отдѣлала въ изящномъ вкусѣ, иконы въ немъ написаны въ С.-Петербургѣ лучшими художниками, въ немъ освящены два престола: по правую сторону главнаго престола придѣльный, во имя Срѣтенія Господня, 26 сентября 1859 года, бывшимъ архимандритомъ Козловскаго Троицкаго монастыря Серафимомъ; антиминсъ на этомъ престолѣ освященъ бывшимъ преосвященнымъ Тамбовскимъ Теофаномъ. Главный же престолъ во имя Рождества Христова былъ освященъ самимъ преосвященнымъ Теофаномъ 3-го іюня 1860 года. Храмъ этотъ, для большаго удобства монашествующихъ и приходящихъ богомольцевъ въ зимнее время, устроенъ теплый, а въ избѣжаніе тѣсноты во время стеченія народа, несмотря на обширность его, устроены кругомъ хоры.

Въ 1864 году игуменія заложила новый шести-престольный храмъ, въ два этажа, мѣрою въ длину его 13 и ширину 11½ сажень въ имя Св. Троицы, вмѣсто начатаго старицею Дарьею и отдѣланнаго Серафимою въ 1853 году, который она разобрала.

При закладкѣ новаго храма оказалось, что надъ колодеземъ, устроеннымъ стараніемъ старицы Даріи, въ 1854 году, долженъ быть лѣвый алтарь, поэтому надъ колодеземъ устроены съ арками своды и арки украшены приличествующими изображеніями: съ правой стороны исцѣленіе водою разслабленнаго, а съ лѣвой бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою при колодезѣ; въ срединѣ же надпись: «въ 1854 году вырытъ сей колодезь благословеніемъ затворника Іоанна, трудами старицы Даріи и по предсказанію затворника Іоанна, что сей колодезь будетъ цѣлительнымъ и дѣйствительно оказалось прореченіе его такъ»; а въ 1864 году при строеніи новаго храма возобновленъ сей источникъ иждивеніемъ игуменьи Серафимы.

Храмъ этотъ отдѣланъ совершенно.

Въ нижнемъ этажѣ этого храма, называемаго пещернымъ, въ склепахъ погребены блаженные устроители: по лѣвую

сторону алтаря затворникъ Іоаннъ а по правую старица Дарія.

Вообще внутреннее украшеніе всѣхъ трехъ храмовъ самое стройно-художественное и дорогое; несмотря на то, что иконы безъ окладовъ, онѣ цѣнны сами по себѣ. Здѣсь въ храмахъ хранятся частицы мощей многихъ св. угодниковъ Божіихъ.

Къ этому нужно присовокупить, что нижній этажъ Троицкаго храма, называемый пещернымъ, какъ углубленный въ землю по окна, темень, и освѣщаютъ его три неугасаемыя лампы, горящія надъ останками строителей обители.

Храмы окружаютъ келліи монахинь, построенныя симметрично, трапезная, сиротскій пріютъ. За оградю устроены двѣ большія двухъэтажныя гостинницы для отдохновенія приходящихъ богомольцевъ.

Благосостояніе монахинь, коихъ обычно съ послушницами около 400, игуменія обезпечила пріобрѣтеніемъ земли, которой теперь принадлежитъ монастырю до 700 десятинъ. На этой землѣ устроила сельское хозяйство и каменную вѣтряную мельницу лучшей механики.

Серафима посильными своими трудами выполнила заповѣдь затворника Іоанна: открыла, устроила монастырь и теперь онъ стоитъ на ряду съ лучшими монастырями Россіи.

Для Серафимы и этого не доставало. Она до самой блаженной кончины своей, несмотря на болѣзненное состояніе, заботилась единственно объ устройствѣ монастыря и о благѣ сестеръ обители, въ пріемѣ коихъ не отказывала.

Она желала построить колокольню, съ келліями подъ ней.

Насельницы обители вообще строили для себя келліи на свой счетъ и по своему вкусу; нѣкоторымъ менѣе достаточнымъ игуменія оказывала помощь чрезъ своихъ благодѣтелей, которые по просьбѣ покойной жертвовали нуждающимся матеріаломъ или деньгами; а нѣкоторыя размѣщены ею въ монастырскихъ зданіяхъ.

Принимала она въ насельницы не только взрослыхъ, но и

малолѣтнихъ, которыя или жили въ келліяхъ у своихъ родныхъ, или у нея въ домѣ. И эти-то малолѣтнія по достиженіи возраста дѣлались постоянными насельницами.

Для круглыхъ же сиротъ устроила дѣтскій пріютъ, и дѣти воспитывались на монастырскіи средства. Ихъ обучали Закону Божію, русскому языку, вообще по курсу уѣзднаго училища трехъ классовъ, вмѣстѣ съ этимъ обучали и разнымъ работамъ.

Выше было сказано, что покойная, бывши еще сама ребенкомъ, находила удовольствіе ухаживать за малюткой-братомъ своимъ Игнатомъ. Сдѣлавшись начальницею обители, Серафима съ тою же любовью, можно сказать непогрѣшимо, дѣтски-невинною, обращалась и съ насельницами. Она своею кротостію умѣла пріучить всѣхъ къ должному послушанію, такъ что каждая данное ею послушаніе выполняла не только безъ ропота, но съ видимымъ удовольствіемъ.

Серафима была внимательна и выражала свою любовь не только насельницамъ обители, но и всѣмъ. Она горе каждаго сама оплакивала, старалась всегда плачущаго утѣшить, въ нуждахъ бѣдняку помочь.

Однако этотъ многотрудный подвигъ свой старица проходила не безъ искушеній со стороны лукаваго и, кромѣ молитвы наединѣ, въ часы искушеній, она находила большое утѣшеніе въ чтеніи Псалтири. За этимъ упражненіемъ заставляли ее иногда самые приближенные ея, тѣ, конимъ она повѣряла свою духовную борьбу съ діаволомъ, и рассказывала про этотъ свой подвигъ.

Постническіе труды несла игуменья Серафима не для всѣхъ доступные, и они нерѣдко доводили ее до изнуренія, что было особенно замѣтно въ посты. Постничество же ея было тайное, такъ что посторонніе и не подозрѣвали этого, и иногда физическое расслабленіе доходило до того, что она не могла уже ходить, и тогда, прикрываясь христіанскимъ смиреніемъ, говорила: «со мною недугъ приключился». Да и самая пища

ея была болѣе растительная, не очень-то ласкающая вкусъ. Капуста была ея любимая пища, любила также нечищенный картофель.

Съ говѣніемъ покойная игуменія соединяла и молитву. Умная молитва Іисусова и къ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ не выходили почти изъ устъ ея. Съ четками никогда не разлучалась и что всего поразительнѣе: заведеть, бывало, разговоръ при сестрахъ или при постороннихъ о чемъ-нибудь, какъ-бы прося совѣта въ своихъ предпріятіяхъ, а сама, углубляясь въ умную молитву, уже не внимала никакимъ совѣтамъ и говору. Съ 6-ти часовъ вечера ей постоянно читали житія святыхъ. Это чтеніе продолжалось до полуночи и что всего труднѣе, это то, что читать нужно было громко и внятно. Съ 12-ти часовъ начинали читать правило, а когда она не бывала въ церкви, то вычитывали ей вечерню. Затѣмъ она оставалась одна и молилась Богу, часто по цѣлымъ ночамъ, даже и зимою, а нерѣдко ходила въ пещерную церковь и тамъ предавалась молитвенному воздыханію у гробовъ затворника Іоанна и старицы Дарьи, — подлѣ которыхъ нашла и себѣ мѣсто вѣчнаго покоя.

Серафима росту была средняго, лицо имѣла хотя и покрытое морщинами, но выразительное, ясное; глаза выражали кротость, смиреніе, мудрость и любовь.

Здоровье игуменіи Серафимы видимо начало ослабѣвать лѣтъ 6. Она хотя и лѣчилась, но медицинскія пособія мало дѣйствовали. Съ осени 1876 года она очень часто жаловалась на разстроенное здоровье. Послѣдній разъ она была въ храмѣ 23 ноября и съ тѣхъ поръ не выходила совершенно никуда. Въ теченіе зимы она нѣсколько разъ приобщилась Св. Таинъ Христовыхъ. Чувствуя приближавшуюся кончину, она въ субботу на сырной недѣлѣ пожелала принять таинство св. Елеосвященія, для чего были приглашены два приходскихіхъ священника и іеромонахъ Владиміръ, къ которому покойная питала особое уваженіе.

Съ половины 1-й недѣли поста монахини уже потеряли надежду на выздоровленіе Серафимы. Онѣ готовились къ разлуцѣ съ дорогою своею матерью.

Серафима въ субботу приобщилась Св. Тайнъ послѣ ранней обѣдни, приобщилась и въ воскресенье послѣ ранней обѣдни. Всѣ плакали, и всякому хотѣлось еще хоть разъ взглянуть на отходящую труженицу, которая съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія выслушивала поемый канонъ на исходъ души и молитвы. По окончаніи она попросила священника, отца Георгія Тихонравова, читавшаго канонъ, остаться, говоря: «зачѣмъ ты уходишь? Кто же останется тутъ? Вѣдь сейчасъ я отоюду, кто же отслужитъ панихиду? кто помолится вмѣстѣ съ моими сестрами и дѣтьми въ минуту моего отхода отъ міра сего?»

Послѣ канона было совершено надъ нею постриженіе въ схиму, съ именемъ Евѣиміи. Въ продолженіе всего постриженія Серафима была въ здоровомъ умѣ, на всѣ вопросы отвѣчала внятно, лишь на послѣдній вопросъ не могла уже отвѣчать внятно. Ея быстрый взглядъ началъ измѣняться. Поблагодаривъ постригавшаго, она попросила чего-нибудь съѣсть. Отвѣдавъ едва замѣтно поданнаго апельсина, какъ бы для того, чтобы возблагодарить небеснаго Отца за все земное, ниспосланное ей въ жизни, она стала приходить въ забвеніе.

Окружавшая умирающую толпа сестеръ и народъ никакъ не хотѣли разстаться съ своею матерью, несмотря ни на какія просьбы отступить и не беспокоить больную и самимъ не беспокоиться. Каждой хотѣлось еще разъ взглянуть на умирающую, еще разъ встрѣтить ласковой привѣтъ. Но она, полулежа на диванѣ съ закрытыми глазами, сдѣлала два наклона головою, и душа ея отлетѣла на небо.

Серафима скончалась въ 12 часовъ дня 13 февраля 1877 г., проживъ 70 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ *).

*) См. кн. „Сезеновскій женскій монастырь Лебедянского уѣзда, Тамбовской губ.“, въ 3-хъ ч. М. 1897 г.

Арсеній, іеромонахъ Московскаго Златоустова монастыря.

(Память 16 сентября).

Въ селѣ Новопавшинская слобода (нынѣ Новое Павшино), находящемся въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка былъ священникъ Иванъ Поликарповичъ; того же прихода пономарь Иванъ Ивановъ, сынъ (второй) священника, жилъ съ родителемъ въ одномъ домѣ, съ своей женой Натальею Семеновной. У нихъ родился въ 1784 году, 17 октября третій сынъ Андрей, такъ названный въ честь празднуемаго въ этотъ день св. преподобномученика Андрея Критскаго. Надъ младенцемъ въ самый день его рожденія, совершено дѣдомъ — священникомъ таинство крещенія. На шестомъ году жизни Андрей лишился матери. Пономарь, отецъ его черезъ нѣсколько времени вступилъ снова въ бракъ, и отъ второй жены, Марыи Петровны, имѣлъ дѣтей — шесть человѣкъ (четыре сына, изъ коихъ одинъ глухонѣмой, и двѣ дочери). Какую же бѣдность терпѣлъ Андрей въ дѣтствѣ! Неудивительно, что въ тогдашнее время, скудное просвѣщеніемъ, онъ не получилъ вовсе школьнаго образованія; впрочемъ, родитель или кто-нибудь другой обучилъ его не только чтенію и письму, но еще церковному уставу. Въ 1779 году, на 16-мъ году отъ рожденія онъ опредѣленъ былъ причетникомъ къ Успенской цевквп — въ селѣ Расинѣ, Одоевскаго уѣзда. Тогда же посвященъ и въ стихарь преосвященнымъ Меѳодіемъ, епископомъ Коломенскимъ и Тульскимъ, жившимъ въ Коломнѣ, которая въ то время еще не была причислена къ Московской епархіи. Въ бытность свою въ Коломнѣ, Андрей Ивановичъ гостилъ въ домѣ родственника — соборнаго діакона, впоследствии протоіерея, Михаила Ѳедоровича Дроздова, родителя Филарета, митрополита Московскаго. На новомъ мѣстѣ жительства, т.-е. въ селѣ Ра-

синѣ, бѣдность не отставала отъ него, но трудолюбіемъ и бережливостію онъ отчасти вознаграждалъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ въ жизни. Черезъ нѣсколько лѣтъ одиночества онъ вступилъ въ бракъ, но жена его недолго жила, оставивъ ему четверыхъ дѣтей. Вдовецъ, покорный волѣ Божіей, одинъ несъ на себѣ всю тягость заботы о воспитаніи сиротъ, самъ шилъ сорочки дѣтямъ, зимой ходилъ съ бѣльемъ на рѣчку. Въ 1826 ему удалось, по милости преосвященнаго Дамаскина, отличительную черту котораго составляло состраданіе къ бѣднымъ, въ особенности къ сиротамъ, пристроить двухъ дочерей за причетниковъ, изъ которыхъ одному сдалъ свое дьяческое мѣсто, другой же сдѣланъ пономаремъ въ томъ же селѣ. Пристроивъ дочерей, Андрей Ивановичъ, согласно давнему желанію, рѣшился поступить въ монастырь. Преосвященный не совѣтовалъ ему идти въ дальній монастырь, чтобъ дѣти, особенно сыновья, не стали скорбѣть о немъ или онъ о дѣтяхъ; и благословилъ ему быть въ числѣ послушниковъ Тульскаго архіерейскаго дома.

Послушаніе въ архіерейскомъ домѣ благочестивый мужъ началъ проходить 7-го февраля того-же 1826 года. Съ той поры онъ не употреблялъ мясной пищи, и вообще не отказывался отъ строгостей монашескихъ, несмотря на то, что не принадлежалъ ни къ какой обители; онъ жилъ въ мірѣ, но не былъ отъ міра. Преосв. Дамаскинъ обратилъ вниманіе на его многолѣтнюю опытность въ хозяйствѣ и назначилъ его смотрителемъ рабочихъ при загородномъ архіерейскомъ домѣ (въ трехъ верстахъ отъ города), надѣленномъ небольшимъ участкомъ земли. Послушаніе свое Андрей И—чъ проходилъ съ успѣхомъ, довѣріе къ нему преосвященнаго возросло, и ему поручено было, 13 іюня 1829 года, управленіе Тульскимъ подворьемъ, принадлежащимъ архіерейскому дому и находящимся въ Москвѣ, возлѣ Златоустова монастыря. Но эта должность, соединенная со многими житей-

скими заботами, въ частности, самая поддержка большого дома, сдача въ наемъ квартиръ и т. п.,—не ослабила въ немъ наклонности къ жизни духовной. Каждодневно въ со-сѣдней обители и за всякой церковной службой онъ молился, пѣлъ и читалъ; онъ имѣлъ звучный, пріятный голосъ. 19-го іюля 1833 года, въ домово́й Тульской архіерейской церкви онъ постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Арсенія (въ честь Арсенія Великаго); въ томъ же году 20 іюля рукоположенъ преосв. Дамаскинымъ во іеродіакона, а 22-го числа во іеромонаха. По возвращеніи въ столицу, съ благо-словенія митрополита Филарета, которое было испрошено архимандритомъ Златоустова монастыря Данииломъ, о. Арсе-ній исправлялъ въ этомъ монастырѣ чередное священнослу-женіе, за что пользовался братскимъ доходомъ и столомъ, а жить продолжалъ въ Тульскомъ же подворьѣ, въ малой келліи съ однимъ окномъ. Разъ вотъ что случилось съ нимъ, въ зимній праздникъ св. Николая Чудотворца. Послышалъ онъ гдѣ-то на сторонѣ благовѣсть къ утренней службѣ и тотчасъ пошелъ въ Златоустовъ. Но врата монастырскія были заперты; Арсеній съ полчаса стоялъ на улицѣ, пока ихъ не отперли передъ благовѣстомъ въ монастырскій коло-коль, и очень озябъ. Черета была его, надобно было слу-жить. На литіи онъ почувствовалъ себя нехорошо, а на девятой пѣсни канона у него открылись въ ногахъ сильныя судороги. На его мѣстѣ другой іеромонахъ въ ту же бы ми-нуту разоблачился, но великую вѣру имѣлъ о. Арсеній! Онъ спросилъ пономаря: «гдѣ елей, нынѣ освященный» (вмѣстѣ съ хлѣбами). Узнавъ, что елей вылить въ лампадку, воз-женную предъ образомъ празднуемаго Святителя, онъ, хотя съ трудомъ, подошелъ къ св. образу, досталъ рукой нѣ-сколько капель масла, смѣшаннаго съ благословеннымъ елеемъ, и, незамѣтно для постороннихъ, отеръ свои ноги. Непосред-ственно затѣмъ ощутилъ на тѣлѣ обильный потъ и внезап-ное облегченіе, такъ что могъ спокойно окончить службу и

возвратиться въ подворье, безъ посторонней поддержки, какъ будто съ нимъ ничего не приключилось. 13 августа 1839 года за постоянную исправность въ управленіи подворьемъ и доброе поведеніе награжденъ (въ Тулѣ) набедренникомъ.

Тулское подворье съ 1-го декабря 1845 года отдано было въ аренду. Арсеній сталъ свободенъ отъ смотрѣнія за подворьемъ, почему и просилъ Московскаго митрополита опредѣлить его въ число братства Златоустова монастыря. Къ увольненію его изъ Тульской епархіи въ Московскую препятствій не оказалось, и онъ принять былъ въ этотъ монастырь, 24 апрѣля 1846 года, въ настоятельство архимандрита Филовея. Въ слѣдующемъ году, 28 ноября, ему поручено было исправлять должность казначея, впредь до усмотрѣнія, а 30-го іюня 1851 года Его Высокопреосвященствомъ было предписано: «считать іеромонаха Арсенія дѣйствительнымъ казначеемъ со времени порученія ему должности». Способный къ послушанію, на него возложенному, опытный по части хозяйственной, Арсеній былъ въ то же время отлично честенъ. Бережливость его, которую легко понять, какъ скоро припомнимъ его первоначальный бытъ, простиралось до того, что онъ почти всегда ходилъ пѣшкомъ по улицамъ города, не тратя денегъ монастырскихъ на наемъ извозчика. Неудивительно, что иной разъ онъ неохотно открывалъ въ монастырѣ работы или постройки, казавшіяся на его простой взглядъ излишними. Отношенія его къ архимандриту были самыя миролюбивыя и благонамѣренныя: у архимандрита Евстаѣя келейную должность нѣсколько времени исправлялъ послушникъ Іона, родственникъ казначея. Послѣдній строго наказывалъ ничего не передавать ему о настоятелѣ. «Если и обо мнѣ что-нибудь будетъ говорить отецъ архимандритъ,— не хочу слышать отъ тебя», внушалъ благоразумный старецъ.

За братіей монастыря о. Арсеній имѣлъ ближайшій нравственный надзоръ, особенно въ отсутствіе настоятелей, рек-

торовъ Виѳанской семинаріи, въ послѣдствіи преосвященныхъ, Евгенія и Леонида. Замѣчая въ комъ-нибудь лѣность къ церковной молитвѣ или разсѣянность среди богослуженія, казначей, въ назиданіе брата, говорилъ: «Богу молиться, всегда пригодится». Одинъ изъ монашествующихъ, поздно пришедшій въ церковь, послѣ утренней службы извинялся передъ нимъ. Старецъ снисходительно отвѣчалъ: «ну, хоть сзади, но все въ томъ же стадѣ». Безъ уважительной надобности онъ никого не отпускалъ изъ монастыря и на короткое время, и о себѣ говорилъ: «я во всю жизнь только три раза былъ въ гостяхъ». Когда кто-либо обнаруживалъ тщеславное желаніе преждевременно получить какой-нибудь знакъ отличія монастырскаго,—онъ произносилъ: «не спѣши ѣздой, сзади будешь». Не терпѣлъ старецъ, чтобы въ присутствіи его осуждали брата или ближняго, и какъ скоро слышалъ подобную рѣчь—прерывая ее, замѣчалъ: «мы сами хуже всѣхъ!» За общей трапезой никто не смѣлъ произнести празднаго слова: въ противномъ случаѣ онъ повелительно требовалъ замолчать и внимать предлагаемому за трапезою чтенію. Арсеній, обыкновенно, пилъ чай съ кѣмъ-нибудь изъ братіи и въ это время, по большей части, велъ разговоръ о предметахъ монашеской жизни или объ угодникахъ Божіихъ и нелѣпнымъ подражаніемъ имъ. Иногда въ словахъ его обнаруживалась прозорливость. Въ 1852 году, по собственному прошенію, перемѣщенъ въ Тихвинъ монастырь Златоустовскій іеродіаконъ Димитрій. Прощаясь съ нимъ, казначей говорилъ: «жаль мнѣ съ тобой разстаться, но и тамъ ты нуженъ будешь». Помолчавъ немного, присовокупилъ: «ты какъ уже надѣвалъ (примѣривалъ) архимандричью шапку, то и носить будешь ее». Дѣйствительно, названный іеродіаконъ былъ потомъ возведенъ въ санъ архимандрита въ одинъ изъ третьеклассныхъ монастырей Новгородской епархіи.

По назначенію Его Высокопреосвященства, Арсеній былъ духовникомъ (съ 1849 года) инокинь Рождественскаго и

Страстнаго монастырей, и наставлялъ ихъ простымъ, но опытно-мудрымъ словомъ.

Онъ внушалъ имъ христіанское смиреніе, говоря: «смерть всѣхъ сравниаетъ».

Умиротворяя враждующихъ, напоминалъ имъ: «въ одну церковь ходите, вмѣстѣ молитесь». Сестры всегда относились къ нему съ искреннимъ уваженіемъ и особенно довѣрчивостью. Изъ московскихъ гражданъ нѣкоторые имѣли его отцемъ духовнымъ, иные приходили къ нему за совѣтомъ или утѣшеніемъ,—и ненапрасно. Расскажемъ одинъ случай. Купецъ С. М. Г-нъ скорбѣлъ по причинѣ недостатка въ деньгахъ, нужныхъ для устройства сына и дочери, уже пришедшихъ въ возрастъ. Арсеній, которому онъ открылъ свою скорбь, въ утѣшеніе его прочиталъ нѣсколько строкъ изъ житія святителя Тихона Задонскаго; потомъ сказалъ: «теперь помолимся», и, надѣвши на себя эпитрахиль, прочелъ вслухъ трогательную молитву къ Пресвятой Богородицѣ, надежной Помощницѣ христіанъ. Успокоенный и ободренный купецъ возвратился домой; здѣсь ожидалъ его человѣкъ одного съ нимъ званія, только болѣе его зажиточный. «Вы ко мнѣ по какому-нибудь дѣлу?» спросилъ хозяинъ дома. Тотъ отвѣчалъ: «не пожелаете ли взять мой товаръ за умѣренную цѣну, а деньги я готовъ подождать». Предложеніе было принято съ глубокой благодарностью: отъ товара, взятаго въ распродажу, выручено прибыли полторы тысячи р. сер., и всѣ нужды были справлены!

Благочестіе старца о. Арсенія проявлялось въ различныхъ видахъ. Ревностный къ богослуженію, онъ нерѣдко и немощный шелъ въ церковь; и въ будничные дни вызывался служить св. литургію, вмѣсто череднаго іеромонаха. Пѣть или читать во храмѣ такъ любилъ, что этого не оставлялъ вовсе и будучи казначеемъ. Въ понедѣльникъ Страстной седмицы, одинъ прочитывалъ на часахъ все Евангеліе отъ Матѣея. По его настоянію введено въ каждую пятницу, во время

малаго повечерія, пѣніе акаѳиста въ честь Богоматери предѣ Ея Знаменской иконой, прославленной (съ 1848 года) въ Златоустовѣ монастырѣ многими чудесами, уже въ бытность его казначеемъ. Его келейное молитвенное правило состояло изъ акаѳиста съ канонамъ Спасителю и Успенію Божіей Матери (послѣднее чтеніе въ память того, что былъ причетникомъ Успенской церкви); къ этому онъ присоединялъ еще одну главу изъ Евангелія. Имѣя острое зрѣніе, при которомъ не было надобности и въ очкахъ, онъ прилежно посвящалъ свободные часы занятію книгами духовнаго содержанія; въ особенности любилъ читать Добротолюбіе, творенія св. Ефрема Сирина и Тихона Задонскаго. Любя воздержаніе, онъ всегда довольствовался простою монашеской пищею въ маломъ количествѣ и ради собственнаго угощенія ни къ кому не ходилъ. На первой недѣлѣ Великаго поста вкушалъ немного растительной пищи и то раза два (обыкновенно въ среду и субботу) — не болѣе; пить чай не позволялъ себѣ до самой субботы. Подобно этому проводилъ онъ и Страстную седмицу, вкушая немного въ четвертокъ и субботу. Бережно соблюдавшій монастырскія деньги, онъ не жалѣлъ своихъ на помощь роднымъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1853 года Арсеній сдѣлался нездоровъ и недѣли двѣ не выходилъ изъ келліи. Въ это время онъ возымѣлъ рѣшительное намѣреніе снять съ себя казначейскую должность. «Надо, батюшка, и о душѣ своей подумать», говорилъ онъ архимандриту Евстаѳію. На прошеніе его митрополитъ 4-го мая написалъ: «совѣтуется казначею по возможности продолжать служеніе въ сей должности, по крайней мѣрѣ до совершенія нѣкоторыхъ дѣлъ, которыя настоятель вмѣстѣ съ нимъ началъ и въ которыхъ вмѣстѣ съ нимъ долженъ дать отчетъ». Начальству тогда не былъ еще представленъ отчетъ по дѣлу о возобновленіи внутренности соборной церкви, на сумму 10313 р. Но и послѣ сдачи отчета, Арсеній продолжалъ быть казначеемъ. Благочинный

монастырей, архимандритъ Платонъ, сказалъ ему: «Златоустъ прогнѣвается, если оставишь свою службу».

15-го іюля 1856 года, ровно за два мѣсяца до кончины, старецъ снова заболѣлъ (геморроидальная болѣзнь), и послѣ краткаго облегченія 1-го числа августа слегъ въ постель, съ которой рѣдко сходилъ. Приглашенъ былъ врачъ; но, не видя пользы отъ лѣкарствъ (піявокъ), старецъ сказалъ: «вѣрно, Господь къ Себѣ зоветъ меня», и пересталъ лѣчиться. Такъ какъ положеніе его, дѣйствительно, было довольно безнадежное, то посовѣтовали ему отказаться отъ должности казначея. Передавая настоятелю монастырскія деньги, бережливый старецъ сказалъ: «возьмите отъ меня этихъ червей, чтобъ не беспокоили меня». Къ замѣщенію вакантной должности настоятель признавалъ способными іеромонаховъ М—на и А—ія. Затруднясь, кому изъ этихъ лицъ отдать преимущество, архимандритъ пожелалъ слышать отъ старца отзывъ о нихъ. О первомъ Арсеній сказалъ, что онъ возгордится, если будетъ казначеемъ; касательно другого выразился, что онъ спутается. Такъ и случилось съ послѣднимъ по слову старца. Нѣкоторые изъ преданныхъ ему духовныхъ дѣтей исповѣдались у него въ келліи (былъ Успенскій постъ). Помышляя о загробной жизни, больной и самъ исповѣдался, и причастился св. Христовыхъ Таинъ. 13-го августа, настоятель съ братіей совершилъ надъ нимъ таинство елеосвященія. По окончаніи соборованія, Арсеній смиренно просилъ у всѣхъ прощенія и подалъ архимандриту свое духовное завѣщаніе, составленное во время болѣзни, которое и было подписано отцемъ духовнымъ и двумя іеромонахами. Любвеобильный, онъ старался, по возможности, наградить не только родныхъ своихъ, но и братію монастыря и нищихъ.

Въ завѣщаніи ничего, однакожъ, не назначено для выдачи старшему сыну Арсенія (сельскому діакону). Какъ скоро жена младшаго сына (причетника сел.), вызванная къ больному по его приказанію, напомнила о Герасимѣ, старецъ от-

вѣчалъ: «ему не надобно». Непонятныя тогда эти слова, получили совершенную ясность 3-го числа сентября, когда въ Златоустовъ было доставлено письмо, извѣщавшее о кончинѣ Герасима, послѣдовавшей 29-го августа. Прозорливый Арсеній предвидѣлъ его близкую смерть. Въ домѣ младшаго сына онъ совѣтовалъ помѣстить старшую дочь—бездѣтную вдову. Какъ прежде, такъ особенно во время болѣзни, послужилъ старцу родственникъ ему рясофорный монахъ Іона. Каждодневно онъ читалъ больному обычное его молитвенное правило; въ это время Арсеній или сидѣлъ на кровати, или, когда могъ, стоялъ на колѣняхъ. Къ общественному богослуженію старецъ отпускалъ келейника въ церковь и оставался одинъ. Въ какой-то день, послѣ ранней обѣдни, говорить Іонѣ: «убери келію получше, ко мнѣ гость будетъ». И точно, въ 12 часовъ дня, безъ всякаго предварительнаго извѣщенія, посѣтилъ благочестиваго подвижника преосвященный Филофей. Преосвященный, еще будучи настоятелемъ Златоустова мон. (съ 15-го января 1846 по 8-го іюня 1847 года), глубоко уважалъ Арсенія; когда же былъ епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ Московскимъ, имѣлъ его своимъ духовникомъ. Умиравшаго старца, согласно его желанію, святитель благословилъ постричься въ схиму; но благое намѣреніе, неизвѣстно почему, осталось безъ исполненія. Въ продолженіе болѣзни, онъ три раза исповѣдался и всякую недѣлю съ благоговѣніемъ принималъ Св. Тайны. Кроткій и благодушный, онъ ниоднажды не поскорбѣлъ, не пожаловался никому на свой продолжительный недугъ, на постоянное безпокойство отъ пролежней, и спокойно почивалъ онъ на ложѣ. 15-го сентября, въ 11 или—12-мъ часу ночи, у одра болѣзненнаго Арсенія былъ прочитанъ канонъ на разлученіе души отъ тѣла. Арсеній былъ въ то время при полномъ сознаніи и твердой памяти, но крайне изнемогалъ. Онъ предалъ чистую свою душу Богу 16-го сентября 1856 года. Никто не былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ его

жизни. Всего житія его было 72 года и три мѣсяца; въ монашествѣ провелъ 23 года и два мѣсяца.

Въ келліи казначея Златоустова монастыря есть портретъ (поколѣнный) Арсенія, снятый въ послѣдній годъ его жизни и писанный красками. Старецъ представленъ идущимъ, съ палкой въ рукѣ; онъ высокаго роста, сѣдой (прежде имѣлъ свѣтлорусые волосы), худощавъ и довольно сутуловатъ (сгорбленъ). Лице его пріятное, имѣетъ бѣлизну и какую-то моложавость, но съ печатью постоянного углубленія въ себя, слѣдовательно, на видъ болѣе строгое, нежели ласковое. Въ положеніи тѣла есть что-то очень напоминающее преподобнаго Серафима Саровскаго *).

ВѢра — молчальница.

(Память 17 сентября).

Много поучительнаго представляетъ жизнь спасавшейся въ окрестностяхъ Новгорода, въ Сырковскомъ монастырѣ, молчальницы Вѣры Александровны.

Происхожденіе ея осталось неизвѣстнымъ. Есть преданіе, что она императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Александра Благословеннаго, но по сему случаю слѣд. сказать, что было ранѣе сказано о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ. Въ 1834 году она пришла въ Тихвинъ подъ видомъ странницы и прожила три года у одной благочестивой женщины, занимающейся молитвою, чтеніемъ Св. Писанія и ежедневно посѣщая церковь. Затѣмъ цѣлый годъ прожила она въ Олонецкой губерніи, гдѣ прислуживала недвижимою, скорченной отъ недуга, женѣ дьячка. Всякій постъ она говѣла, и однажды, когда она приобщалась, смотрѣвшій изъ алтаря на приступавшихъ къ св. чашѣ помѣщикъ М. видѣлъ ее озаренною особымъ свѣтомъ.

*) „Душеполезное Чтеніе“ 1867 года.

Такъ какъ слухи о благочестіи Вѣры Александровны привлекли къ ней общее уваженіе, — она по смиренію рѣшилась оставить Тихвинъ. По дорогѣ въ Валдай остановилась она въ погостѣ «Березовскій Рядокъ», и ей такъ понравился порядокъ службы въ мѣстномъ храмѣ, что она согласилась на просьбу одной крестьянской семьи погостить у нихъ, поучить ихъ жить по-христіански. Раба Божія поселилась въ особой избушкѣ, выходила только въ церковь и принимала къ себѣ однихъ малолѣтнихъ дѣтей. Она учила ихъ крест-

Вѣра-молчальница

ному знаменію, молитвамъ, грамотѣ, рисовала для нихъ изображенія Спасителя и Божіей Матери.

Становой приставъ потребовалъ отъ нея паспортъ, котораго у нея не было, и ее засадили въ острогъ. Никакими допросами не могли у нея вынудить признаніе, кто она, и послѣднее ея слово слѣдователю было: «если судить по небесному, то я прахъ земли; а, если судить по земному, то я выше тебя!»

Продержавъ полтора года въ Новгородскомъ острогѣ, Вѣру Александровну отправили въ домъ умалишенныхъ. Наконецъ, по ходатайству графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесмен-

ской, извѣстной своею безграничною благотворительностью дѣлу церковному и сочувствіемъ къ Божьимъ людямъ—она была помѣщена въ Сырковъ дѣвичій монастырь, въ 6 верстахъ отъ Новгорода. Какъ же переносила она свою тяжкую долю? Она благословляла Бога за страданія, и потомъ такъ вспоминала объ этомъ времени: «мнѣ хорошо тамъ было; я блаженствовала тамъ; благодарю Бога, что Онъ удостоилъ меня пожить съ заключенными и убогими. Господь не то еще терпѣлъ за насъ грѣшныхъ!»

Когда Вѣрѣ Александровнѣ объявили объ опредѣленіи ея въ монастырь, она сдѣлала нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ иконою Спасителя; потомъ пала въ ноги настоятельницѣ. Но лицо ея оставалось неизмѣнно: соблюдая молчаніе, она не допускала себя ни до одной улыбки радости, ни до слезы горя. Въ монастырѣ Вѣра Александровна вся, всѣми мыслями, отдалась Богу. Любовь къ Нему до того переполняла ея душу, что иногда отъ избытка сердца она писала въ своихъ келлейныхъ записочкахъ: «Ты ми еси, Боже дражайшій, желательнѣйшій. Люблю Тя паче неба и земли и всего, яже на нихъ!»

Изъ келліи Вѣра Александровна выходила лишь въ церковь, къ себѣ же никого не принимала. Иногда лѣтомъ уходила изъ монастыря и укрывалась въ кустарникѣ. Ее часто находили тамъ или читавшею книгу, или стоящею на колѣняхъ въ горячей молитвѣ. Ежегодно въ Пасху, если Пасха была теплая, молчальница выходила изъ ограды монастыря на мѣсто, съ котораго открывается видъ на Новгородъ, на его храмы, и откуда виденъ тотъ острогъ, въ которомъ она нѣкогда была заключена. Здѣсь она оставалась по-долгу на молитвѣ, и потомъ въ глубокой думѣ тихими шагами возвращалась въ свою келлію.

Смирала свое тѣло молчальница безмѣрно. Разъ въ день ей приносили изъ трапезной самую малую долю пищи и хлѣба и ставили въ окошко. Но и изъ этого незначитель-

наго количества она большую часть удѣляла нищимъ. Если же нищихъ не было, она вечеромъ выходила въ садикъ и кормила слетавшихся къ ней птичекъ.

Если кто приносилъ подвижницѣ деньги, она немедленно раздавала ихъ бѣднымъ сестрамъ монастыря, странникамъ, убогимъ. Одеждою ея служило бѣлое коленкоровое платье съ такимъ же чепцомъ. Въ церковь она надѣвала черный салонъ и черную коленкоровую шапочку. Въ келліи ея не было ничего лишняго: нѣсколько иконъ, шкафъ съ книгами, аналойчикъ для чтенія, два простыхъ стула, маленькій самоварчикъ, убогая кровать. При скудости обстановки, Вѣра Александровна соблюдала во всемъ величайшую чистоту.

Занятія ея состояли въ молитвѣ и въ чтеніи Божественныхъ книгъ. Сну она предавалась самое короткое время. По бокамъ кровати ея лежали полѣнья дровъ, — вѣроятно, какъ напоминаніе о гробѣ, а подъ подушками кирпичъ. Далеко за полночь изъ оконца келліи ея чрезъ ветхія занавѣски свѣтился огонь, и видно было молчальницу, стоявшую на молитвѣ на колѣняхъ, или читавшую у аналая. Въ часы отдыха она вязала четки изъ гаруса или клеила изъ бумаги коробочки, которыя раздавала съ кусочками сухарей на память богомольцамъ. Большую любовь она выказывала къ странникамъ, нищимъ, убогимъ и особенно къ дѣтямъ.

Въ воскресенья и праздники она принимала и посѣтителей. Сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ передъ иконою Спасителя, она низко кланялась входившему и сажала его. Если кто просилъ ея молитвъ, она вставала и долго молилась. Если просили совѣтовъ, то имъ знаками показывала, что имъ дѣлать или подавала раскрытую книгу, или давала раскрыть ее посѣтителю и всегда открывались мѣста, дававшія отвѣтъ на вопросъ. Эта безмолвная бесѣда охватывала душу, укрѣпляла вѣру въ Бога, утѣшала въ скорби; часто при этомъ открывалась прозорливость молчальницы. Такъ одна полковница привезла ей больного малолѣтняго сына. Она долго молилась,

Новгородский Сырковъ Девичий монастырь

Архимандритъ Иннокентій

поцѣловала ребенка въ голову, затѣмъ правою рукою указала на икону Спасителя, а лѣвою на землю. Черезъ мѣсяць ребенокъ скончался.

Къ службѣ приходила она раньше всѣхъ, прикладывалась къ иконамъ, ставя передъ ними свѣчи, а затѣмъ становилась на свое мѣсто, въ дальнемъ углу храма. Ежедневно она исповѣдывалась, принося духовнику исповѣдь, написанную на бумагѣ, и приобщалась св. Христовыхъ Таинъ.

Время смерти своей она знала заранее, о чемъ и написала духовнику предъ послѣднею исповѣдью. Въ началѣ 1861 года, выйдя, какъ дѣлала всякій годъ, взглянуть на Новгородъ, Вѣра долго сидѣла, смотря на городъ.

На Ѳоминой недѣлѣ она окончательно ослабѣла. Послѣ послѣдняго причастія ея, въ ту минуту, какъ келейница въ сосѣдней комнатѣ просила священника приобщить ее на слѣдующій день, — она вдругъ явилась на порогѣ и, сложивъ руки, показала на иконы и на землю. Всѣ поняли, что завтра ея не станетъ. Предъ кончиною ея лицо освѣтила радостная улыбка, какой никогда не видали у нея при жизни *).

Архимандритъ Иннокентій, настоятель Глинской пустыни.

(Память 17 сентября).

Архимандритъ Иннокентій, въ мірѣ дворянинъ Старооскольскаго уѣзда, Курской губерніи, Яковъ Фирсовичъ Степановъ, поступилъ въ Глинскую пустынь въ 1845 году и былъ подъ духовнымъ руководствомъ извѣстныхъ высокою жизнію Глинскихъ старцевъ. По своимъ блестящимъ способностямъ, тихому нраву и усердію къ благочестію, онъ обратилъ на себя

вниманіе монастырскаго начальства и скоро занялъ должности писмоводителя и библіотекаря обители. Имѣя подъ руками обильный источникъ свято-отеческой мудрости, онъ сумѣлъ почерпнуть оттуда *воду живую* и ею потомъ во имя любви обильно напоить приходящихъ къ нему. Этому много способствовала отличная память. Въ должности писмоводителя и повѣреннаго монастыря, отецъ Иннокентій былъ правою рукою трехъ настоятелей Глинской пустыни: Евстратія († 1855), Авксентія († 1857), и Іоасафа († 1862 г.), и прекрасно ознакомился съ многотрудными и разнообразными обязанностями аввы большого общежительнаго монастыря. Ему въ 1862 году врученъ былъ настоятельскій посохъ. Въ должности настоятеля первую и главную заботою о. Иннокентія былъ соборный храмъ, начатый перестройкою еще при игуменѣ Евстратіи. Обширный храмъ, почти весь заново передѣланный, требовалъ внутренней отдѣлки. При неусыпныхъ заботахъ о. Иннокентія она была закончена въ два года, и храмъ освященъ въ сентябрѣ 1864 года и сдѣланъ цѣлый рядъ новыхъ построекъ и хозяйственныхъ улучшеній.

Время принятія настоятельства о. Иннокентіемъ совпало съ послѣдними годами жизни его старца-руководителя іеросхимонаха Макарія († 1864), слава котораго постепенно переходила къ достойному ученику его. Братія удивлялась мудрому управленію о. Иннокентія, посторонніе славили его за любовь, привѣтливость, милосердіе, прозорливость и исцѣленія. Монахъ Г., много лѣтъ бывший подъ мудрымъ начальствомъ о. Иннокентія, говорилъ про своего незабвеннаго авву: «Отецъ Иннокентій свои подвиги скрывалъ. Это былъ великій старецъ, выше всѣхъ другихъ, хотя его считали за обыкновеннаго. Принесутъ ему молока, только попробуетъ; пищу часто брали назадъ нетронутой. Въ трапезѣ тоже вкушалъ очень мало, только показывалъ видъ, что ѣлъ.

Утромъ отецъ Иннокентій долго молился. Велика была забота духовнаго отца и пастыря о великомъ семействѣ

Глинскаго братства, которое надобно было не только пропитать, но еще держать въ мирѣ, любви, богоугожденіи, по возможности всѣхъ представить Богу достойными Его милосердія на страшномъ судѣ. Приходилось мирить ссорящихся, покорять непокорныхъ, поддерживать слабыхъ и изнемогающихъ, возбуждать къ ревности охладѣвшихъ, распоряжаться во всѣхъ отрасляхъ большого хозяйства... Все желалось совершить по волѣ Божіей. Приходилось отъ постороннихъ выслушивать раздирающія душу скорби, несчастія, несправедливости; всѣмъ хотѣлось дать добрый совѣтъ, помощь и проч... Почерпнувъ въ теплой молитвѣ силу и крѣпость къ перенесенію всего находящаго, отецъ Иннокентій выходилъ какъ бы на брань вооруженный и на все готовый.

Вотъ входитъ молодая барыня, хочетъ что-то сказать, — не можетъ, — слишкомъ взволнована; цѣлуетъ благословляющую руку о. Иннокентія и, тронутая его ласкою, съ истерическимъ рыданіемъ падаетъ на диванъ. Отъ мужа и родныхъ она давно не видала такой ласки!.. Прошла минута, слезы облегчили горе и дали возможность объяснить цѣль своего прихода. — Молодой мужъ днемъ на службѣ, вечеръ и ночь въ клубѣ за картами, а она должна сидѣть дома. Молодая жизнь, полная силъ и здоровья, — проходитъ напрасно. Выходя замужъ, она ожидала дѣятельности, жизни, свободы; но, обманутая ожиданіемъ, приходитъ въ отчаяніе, не знаетъ, что дѣлать... Отецъ Иннокентій совѣтуетъ все переносить терпѣливо, молиться Матери Божіей съ упованіемъ, что все измѣнится къ лучшему. Хорошо зная, что праздное время есть первый пособникъ скуки и унынія, батюшка, умудренный опытомъ иноческой жизни, велитъ употреблять свободные часы на чтеніе духовно-нравственныхъ книгъ, на прогулки съ цѣлю помочь бѣднымъ и т. д. Получивъ въ благословеніе икону и книгу, барыня уходитъ вполнѣ успокоенная. На мѣсто ея является простая старушка. Какъ увидала батюшку, сейчасъ и повалялась ему въ ноги. — «Встань, ба-

бушка: кланяться въ ноги надо Богу, а не мнѣ грѣшному». Старушка встаетъ; отецъ Иннокентій ее благословляетъ. «Садись, да скажи, какое у тебя горе». — «Три было сына: одного въ солдаты отдали, другой умеръ, а младшій обижать сталъ: пьетъ, ругается... Больно мнѣ, батюшка»!.. И слезы ручьемъ полились изъ потухшихъ глазъ бѣдной старушки. «Потерпи, матушка,—все пройдетъ. Жени сына, невѣстку къ себѣ возьми, и заживешь припѣваючи. Молись Богу, Господь все ко благу нашему дѣлаетъ. Сперва накажетъ насъ, а потомъ и помилуетъ». Старуха радостная пошла отъ батюшки и также въ благословеніе отъ него получила иконочку Царицы Небесной. — Входить мужичекъ, истово крестится на иконы и также кланяется въ ноги. У него жена-работница при смерти, дѣти малыя какъ онъ безъ хозяйки въ домѣ останется, или какъ къ дѣтямъ другую возьметъ. Горе невыносимое!..

Старецъ посовѣтовалъ отслужить молебенъ Матери Божіей съ припѣвомъ цѣлителю Пантелеимону, взять отъ Глинской чудотворной иконы маслица. «Помажь больныя мѣста, и Царица Небесная воздвигнетъ съ одра болѣзни жену твою. Не отчаявайся, надѣйся, будетъ здорова»... Крестьянинъ вышелъ отъ батюшки съ надеждою въ непреложность исполненія словъ прозорливца. Приходили другіе, съ вѣрою и упованіемъ говорили старцу все наболѣвшее у нихъ на сердцѣ. При видѣ этихъ слезъ, этой раздирающей душу картины, что чувствовала добрая, впечатлительная душа о Иннокентія?!.. Много надо было силы все перенести, все выслушать, не теряя присутствія духа! Послѣ такихъ приемовъ, о. Иннокентій дѣлалъ перерывы, — ему необходимо было самому успокоиться, чтобы быть готовымъ опять выслушивать всякое человѣческое горе. Во время перерыва батюшка оставался одинъ, молился о всѣхъ этихъ несчастныхъ; онъ ихъ любилъ, жалѣлъ, готовъ былъ имъ все отдать!.. Въ эти минуты самъ утѣшающій, искалъ утѣ-

шенія свыше—отъ Св. Духа, Утѣшителя плачущихъ, скорбящихъ, болящихъ...

Управляя многочисленнымъ и разнохарактернымъ братствомъ, принимая множество посѣтителей всѣхъ званій, о. Иннокентій немало имѣлъ поводовъ къ огорченію. Въ первые годы своего управленія о. Иннокентію приходилось немало бороться съ пылкостью своего характера, ревновашаго о спасеніи подчиненныхъ. Ревность эта брала перевѣсъ надъ любовію и снисхожденіемъ къ немощамъ немощныхъ братій, пока, мало-по малу, истинный духъ Христовъ совершенно не возобладалъ имъ. Всякій порывъ раздражительности и гнѣва о. Иннокентій научался подавлять молитвою. Какъ только былъ поводъ къ гнѣву, онъ начиналъ усиленно перебирать четками, творя молитву Іисусову, и именемъ Побѣдителя смерти и ада разрушалъ козни духа злобы. Когда гнѣвъ не унимался, отецъ Иннокентій молчалъ, иногда удалялся въ свою спальню для молитвы, пока Господь не водворялъ въ немъ тишины и кротости. Иногда батюшка утомлялся приѣмомъ до полного изнеможенія, языкъ его уже не могъ говорить, — онъ прекращалъ приѣмъ. Но, видя массу народа, жаждущаго его благословенія и наставленія, чрезъ нѣсколько минутъ опять начиналъ принимать. Однако, удовлетворить всѣхъ было невозможно, и подвижники объ этомъ немало скорбѣли. Поэтому со всѣми, желавшими видѣть или слышать его, принять благословеніе, онъ отправлялся въ лѣсъ на прогулку и дорогой велъ душеспасительную бесѣду. Всѣ назидались, всѣ были довольны. Съ нѣкоторыми говорилъ отдѣльно.

Ежедневно съ утра до полуночи о. Иннокентій отдавалъ себя на служеніе ближнимъ.

Вечеромъ, отпустивъ отъ себя всѣхъ посѣтителей, о. Иннокентій иногда оставлялъ у себя кого-либо одного изъ братій, съ кѣмъ намѣренъ былъ продолжать бесѣду о молитвѣ и бго по внутреннему своему устроенію и усердію

могъ заняться непрестаннымъ внутреннимъ трезвеніемъ отъ постороннихъ помысловъ. Благодатная рѣчь его лилась непрерывно, неудержимо; время незамѣтно переходило за полночь. Покойный батюшка говорилъ: «надо молиться, безъ молитвы нельзя ничего начинать. О всякомъ дѣлѣ прежде помолись и успѣхъ его предай Богу».

Когда о. Иннокентій не велъ вечерней бесѣды о молитвѣ, то самъ молился и бдѣлъ за спящихъ братій. Вратарь, приходящій въ полночь просить благословенія будить братскаго будильщика, всегда заставлялъ о. Иннокентія одѣтымъ и бодрствующимъ. Окончивъ бдѣніе за братій, которые должны сейчасъ встать на утреннее молитвенное славословіе, архимандритъ Иннокентій отправлялся въ лѣсъ, и тамъ въ ночной тишинѣ, на лонѣ природы, бдѣлъ за себя, подкрѣпляясь молитвою на дневной подвигъ. Душа подвижника жаждала уединенія, но не могла его нигдѣ найти, кромѣ лѣса и только въ ночное время. Днемъ онъ нигдѣ не могъ укрыться отъ народа.

Кромѣ слова духовной мудрости, о. Иннокентій широко пользовался даннымъ ему отъ Бога даромъ прозрѣнія или, какъ говорить Священное Писаніе, «проявленіемъ духа на пользу» (I Кор. 12, 7). Приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ случаевъ. Купчиха В. К—ова говорила намъ: «отецъ Иннокентій, увидѣвъ меня въ первый разъ, до мельчайшей подробности рассказалъ мою жизнь,—лучше, чѣмъ я сама могла рассказать, и напоминалъ давно забытое; мнѣ приходилось только соглашаться и подтверждать слова батюшки».

Пелагія Р—тъ немало скорбѣла, что имѣетъ мужа лютеранина. Однажды въ 1873 г. она видитъ во снѣ: будто за веревочку тянетъ своего мужа въ Глинскую пустынь. Сонъ этотъ ей показался замѣчательнымъ: она рассказала его о. Иннокентію. Батюшка на это сказалъ: «передъ смертію вашъ мужъ въ Глинской пустыни приметъ православіе». Ровно чрезъ двадцать лѣтъ предсказаніе о. Иннокентія исполнилось.

Мужъ Пелагеи Р—тъ пріѣхалъ въ Глинскую пустынь, ходилъ въ храмъ на всѣ Богослуженія и слушалъ православное ученіе. Убѣдившись въ истинѣ его, присоединился къ православію и чрезъ нѣсколько лѣтъ скончался смертію праведника.

Однажды о. Иннокентій былъ въ г. Сумахъ. Въ толпѣ пришедшихъ просить благословенія была гимназистка. «Пойдите сюда,—сказалъ ей батюшка,—пропустите ее». Она подошла. Онъ, благословляя, спрашиваетъ: «на экзаменъ готовитесь»?—«Да, батюшка, прошу помолиться о благополучіи».—«Дайте книжечку».—Она подаетъ. Онъ открываетъ и читаетъ ей вслухъ, а затѣмъ говоритъ: «это хорошо выучите, это у васъ спросятъ на экзаменѣ, вы получите пять». Цыфру «пять» написалъ на лбу дѣвочки. Все случилось въ полнѣйшей точности. Объ этомъ въ то время много говорили въ г. Сумахъ.

По дару прозрѣнія многіе обращались къ о. Иннокентію. Кажется ни одинъ молодой человѣкъ, желающій жениться, ни одна невѣста, имѣющая жениха, ни ихъ родители, знавшіе или слышавшіе про батюшку, не рѣшались на бракъ безъ благословенія Глинскаго настоятеля. И замѣчательно, что кого онъ благословлялъ, тѣ жили счастливо, кого не благословлялъ, тѣ всегда каялись, что не послушали прозорливаго старца. Такъ одной госпожѣ о. Иннокентій совѣтовалъ погодить годикъ до брака дочери, но мать не послушалась. Дочь ея умерла въ страшныхъ мукахъ первой беременности.

Ненапрасно отца Иннокентія называли «благоутробнымъ, чадолюбивымъ, сострадательнымъ, милосерднымъ». Качества сія въ немъ выражались разнообразно. Милостыню батюшка выдавалъ, не считая, явно и тайно; никто не уходилъ безъ помощи.

Однажды послѣ обѣда у о. Иннокентія была одна игуменія. Въ это время батюшка, какъ и всегда, раздавалъ бѣднымъ свою помощь. Кромѣ того велейникъ приходилъ нѣ-

сколько разъ и тоже просилъ денегъ для раздачи. Отецъ Иннокентій давалъ серебро, не считая. — Видя такую щедрость, игуменія говоритъ: «я думаю, что вы раздали рублей пятнадцать». — «Болѣе, — отвѣчаетъ ей о. Иннокентій, — роздано восемнадцать рублей». — «Можно-ли такъ»? — «На нихъ, матушка, намъ Самъ Богъ посылаетъ. Въ этомъ я убѣжденъ и опытомъ, и словомъ Божиимъ». Въ это время подають пришедшую почту. Тамъ было двѣ повѣстки на 700 рублей. О. Иннокентій, показывая ихъ матушкѣ, говоритъ: «вотъ вамъ доказательство». Иногда нуждающимся о. Иннокентій отдавалъ свой подрясникъ, сапоги или рубашку.

По тому же состраданію къ ближнимъ, онъ помогалъ больнымъ. Преимущественно исцѣлялъ помазаніемъ масломъ изъ лампы отъ Глинской чудотворной иконы. Это знаютъ почти всѣ иноки Глинскаго братства, жившіе при отцѣ Иннокентіи. Келейникъ батюшки монахъ Иліодоръ говорилъ: «однажды къ отцу Иннокентію пришли двѣ женщины, одна изъ нихъ была съ дѣвочкой на рукахъ и объяснила, что дочь ея одинъ годъ видѣла глазами, а два года совсѣмъ не открываетъ глазъ, постоянно стонетъ, киваетъ головой, точно разслабленная, и потому она пришла просить помолиться о болящей. На это архимандритъ сказалъ: «я ничего не могу, а вотъ только помажу глаза масломъ изъ лампы Царицы Небесной, а ты иди въ скитъ и молись Богородицѣ, потомъ приходи ко мнѣ». Сказавъ это, отецъ Иннокентій благословилъ дѣвочку, помазалъ ей глаза крестообразно масломъ. Въ ту-же минуту она перестала кивать головою. Батюшка сказалъ: «вотъ уже и головой кивать перестала». Послѣ обѣда женщины снова пришли, дѣвочка была совершенно здорова, весело смотрѣла глазами и улыбалась. На благодарность матери исцѣлившейся дѣвочки, о. Иннокентій сказалъ: «это дѣло милосердія Матери Божіей».

Болящій іеродиаконъ Іоанникій, рассказывая про бывшія съ нимъ исцѣленія по молитвамъ отца Иннокентія до и послѣ

смерти незабвеннаго покойнаго аввы, въ заключеніе сказалъ намъ: «при батюшкѣ мы мало болѣли. Какъ только увидѣть, сейчасъ же узнаеть болѣзнь. Э, братъ,—обыкновенно говорилъ о. Иннокентій,—на, помажь, или выпей, и пройдетъ. Дастъ или маслица, или травки. Болѣзнь дѣйствительно проходила». Выдаваемую траву материнку, мяту и другія о. Иннокентій называлъ «успокоительными травками». По молитвѣ благодатнаго старца травки дѣйствительно оказывали благотворное дѣйствіе на душу и тѣло. Головные боли о. Иннокентій исцѣлялъ прикосновеніемъ или сжатіемъ руками головы. Монахиня Знаменскаго монастыря Валерія между прочимъ говорила про о. Иннокентія: «однажды батюшка былъ на Покровскомъ хуторѣ. Я съ другою матушкою и Марьей Д-овной отправилась къ нему. Во время чая батюшкѣ докладываютъ объ ожидающемъ народѣ. О. Иннокентій досталъ изъ саквояжа баночку лѣкарства, даетъ мнѣ и говоритъ: «иди—помажь».—Я была въ недоумѣніи, народъ вѣрилъ батюшкѣ, а не мнѣ, но, не желая ослушаться, пошла. Ко мнѣ подходитъ одна женщина съ страшною гнойною раной за ухомъ. Я не могла смотрѣть, вернулась и сказала о. Иннокентію: «не могу исполнить вашего порученія». Батюшка пошелъ самъ. Помазалъ за ухомъ, потомъ сталъ осматривать другихъ и мазалъ больныя мѣста. У больныхъ ногами о. Иннокентій своими руками разматывалъ онучи (пришедшіе были обуты въ лапти), ноги натиралъ мазью, снова помогалъ обуться и говорилъ: теперь иди съ Богомъ. Такая любовь, такое вниманіе батюшки къ страждущимъ бѣднякамъ,—кого не тронетъ?! Всѣ были ему благодарны и уходили съ молитвою на устахъ».

Но, исцѣляя другихъ, самъ о. Иннокентій не принималъ никакихъ лѣкарствъ, и при слабомъ тѣлосложеніи почти всегда былъ боленъ. Болѣзни переносилъ благодушно, съ благодарностію Господу, въ болѣзняхъ тѣла видѣлъ здравіе души. За 8—10 лѣтъ до кончины, онъ взялъ на себя осо-

бый подвигъ никогда не отворять ставней у своей спальни и днемъ находился тамъ съ огнемъ. 21 іюля 1888 г., послѣ выноса въ Глуховъ Глинской чудотворной иконы, о. Иннокентій заболѣлъ предсмертною болѣзнью, страшно страдалъ, но никому не подавалъ виду. За мѣсяцъ до смерти, о. Иннокентій принялъ къ себѣ благодѣтельницу М. Ѳ. П. Она вошла, остановилась, всплеснула руками и сказала: «Батюшка! я къ вамъ»!.. Лицо ея какъ-то особенно измѣнилось. Потомъ госпожа П. говорила гостиннику приблизительно слѣдующее: «какъ только я вошла, увидѣла вокругъ головы батюшки золотой вѣнецъ, и лицо его было, какъ у Ангела; я вся измѣнилась и трепетала отъ страха. Прощаясь, я хотѣла сказать о своемъ видѣніи и только упомянула:—я видѣла... О. Иннокентій, улыбаясь, перебилъ меня словами: «молись и ты то же получить можешь».

17-го сентября 1888 г. вечеромъ въ субботу, когда на бдѣніи пѣли: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко», о. Иннокентій на 64 году своей жизни тихо, блаженно скончался, напутствованный таинствами елеосвященія, исповѣди и причащенія. Тѣло его не измѣнялось, не предавалось тлѣнію, окоченѣлости и не издавало никакого запаха. Народъ массами стекался къ одру почившаго, каждый спѣшилъ отдать ему послѣдній долгъ уваженія. Рыданія не прекращались и нарушали тихое чтеніе Святаго Евангелія. 20 сентября, во время литургіи, плачъ народа усилился. При отпѣваніи плакалъ первоприсутствующій архимандритъ Іоасафъ, плакалъ весь многочисленный сонмъ священнослужащихъ, никто не могъ удержаться отъ слезъ. Это была послѣдняя дань любви всѣхъ любящему отцу архимандриту. Погребенный тѣломъ, онъ живъ безсмертною душою, и многимъ являлся во снѣ, утѣшалъ скорбящихъ, исцѣлялъ болящихъ и давалъ наставленія. Видѣвшіе его дѣйствительно переставали скорбѣть, болѣзни недугующихъ проходили, и исполнившіе его совѣты имѣли въ дѣлахъ своихъ успѣхъ. Объ этомъ

въ обители записано много заявленій.—Гробъ о. Иннокентія находится въ усыпальницѣ подъ теплымъ храмомъ Глинской пустыни. Почитатели его служатъ панихиды *).

Іеросхимонахъ Агапитель Задонскій.

(Память 17 сентября).

Іеросхимонахъ Агапитель былъ ученикомъ и сподвижникомъ старца Митрофана. Онъ родился въ 1750 г. въ с. Боркахъ

Агапитель Задонскій

Задонскаго уѣзда, при крещеніи былъ названъ Алексіемъ. Отецъ его, священникъ Ѳеодоръ Болховитиновъ, впоследствии скончался въ Задонскомъ монастырѣ іеромонахомъ съ именемъ Ѳеофана. Юный Алексій первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца своего, а затѣмъ обучался въ Воронежской семинаріи и поступилъ въ Задонскій монастырь, куда еще въ дѣтствѣ хаживалъ съ родителями и гдѣ потомъ нѣ-

которое время былъ келейникомъ у святителя Тихона, а затѣмъ жилъ въ келліи схимонаха Митрофана. Послѣ опредѣленнаго времени искуса онъ было постриженъ въ монашество съ именемъ Аввакума и вскорѣ былъ рукоположенъ въ іеродиакона, а затѣмъ въ іеромонаха.

Отецъ Митрофанъ искренно любилъ о. Аввакума за благоразумную строгость къ себѣ и горячее усердіе къ Богу.

*) Изъ „Жизнеописанія Арх. Иннокентія“, изд. Гл. пуст.

Однажды будучи въ духѣ озаренія духовнаго, о. Митрофанъ, возложивъ на главу Аввакума обѣ руки свои, благословляя его, сказалъ: «да почиеть на тебѣ Божіе благословеніе и мое схимонашеское.... Тецы, братъ, о Господѣ—да постигнеши небесное отечество, которое Богъ общалъ любящимъ Его! Доброе дѣло отъ добраго конца познается». Не просто схим. Митрофанъ совершилъ крестное знаменіе надъ главою о. Аввакума: послѣдствія показали, что знаменательное дѣйствіе это пророчески указывало тогда на грядущія скорби и тѣсноту жизни, возводящей истиннаго инока на высшую степень духовнаго совершенства. По возникшему отъ братіи гоненію, онъ вынужденъ былъ оставить Задонскъ и поступилъ въ Алексіевскій Акатовъ монастырь (въ Воронежѣ), и впослѣдствіи перешелъ въ Предтечевъ—Трегуляевъ (близъ Тамбова), гдѣ принялъ схиму съ именемъ Агапита. Но жить и умереть въ Задонскомъ монастырѣ, гдѣ положилъ начало своему иночеству, было всегдашнимъ желаніемъ Агапита, и въ 1817 г. исполнилось его желаніе: онъ переселился въ Задонскую обитель.

Принялъ же онъ схиму по особенному Божію призванію, о чемъ впослѣдствіи, при искреннемъ собесѣдованіи, повѣдалъ слѣдующее: «любилъ я взирать на схимниковъ, на ихъ ангельскую жизнь, уединенную и высокую, и на ихъ ангельское облаченіе, а самъ воспріять на себя схиму и думать не смѣлъ, считая себя недостойнымъ и неспособнымъ къ сему трудному подвигу; впрочемъ, молился усердно, да будетъ со мною и въ семъ по волѣ Господней. Что же однажды во снѣ вижу? Благолѣпнѣйшую и величественную Дѣву и слышу отъ Нея: «схима (такому-то) готова, да онъ не дождется ея, ты же прими ее». А въ это время, нужно сказать, представленъ былъ къ схимѣ нѣкоторый іеромонахъ Трегуляевскаго монастыря, который, дѣйствительно, еще до разрѣшенія на постриженіе епархіальнаго начальства, скончался. Между тѣмъ, благословеніе архипастырское послѣдовало и на-

стоятель разсуждалъ съ братією: кого посвятимъ въ схиму? Къ удивленію моему, братія указала на меня. Когда объявили мнѣ это, я съ благоговѣніемъ покорился волѣ Богоматери, изреченной устами настоятеля, и началъ готовиться къ принятію великаго ангельскаго чина. Помолившись и принявъ благословеніе настоятеля, опредѣлилъ я себѣ сорокадневное говѣніе. Двадцать дней провелъ безъ тягости—въ молитвѣ, безъ сна и пищи, но ослабѣлъ и, по совѣту настоятеля скушавъ гривенную просфору, около фунта вѣсомъ, и испивъ чашу воды, продолжалъ говѣніе, которое только съ помощію Божією совершилъ. Предпоследніе дни были чрезвычайно тяжки: я весь горѣлъ, изнеможеніе одолѣло, я впалъ, такъ сказать, въ забытѣе тонкаго сна, и вижу опять оную Дѣву, Которая, напомнивъ мнѣ о немощи моей, приказала съ опасеніемъ и надеждою не на себя, а на Господа Бога, приниматься за особенные подвиги, и произнесла: «крѣпись и надѣйся на Меня». Затѣмъ благословила подкрѣпиться пищею и питіемъ. Подкрѣпленный таковымъ духовнымъ утѣшеніемъ Богоматери и пищею, я уже бодрственно совершилъ говѣніе. Такъ Богоматерь привѣтливо воззвала и благословила меня недостойнаго къ подвигамъ жизни ангелоподобной. Это благодатное видѣніе ободрило мой духъ, укрѣпило во мнѣ тѣлесныя упавшія силы, и я въ радостномъ трепетѣ палъ тогда предъ иконою Богоматери и излилъ горячую благодарственную молитву мою благой Утѣшительницѣ и Покровительницѣ всѣхъ христіанъ».

По виѣшнему виду старецъ казался строгимъ; но главныя черты его характера были—незлобіе и простота евангельская. «Простосердечіе» же, по изъясненію Іоанна Златоуста, «есть превеликая добродѣтель души»... Ростъ имѣлъ высокій, желѣзныя вериги, кои носилъ онъ на себѣ до самой кончины, онаясывали его на подобіе діаконскаго препоясанія ораремъ предъ св. причастіемъ, и сжимали плеча, поясницу, но объ атомъ вѣдалъ только одинъ Всевѣдецъ—Богъ. Бы-

вало, старецъ станеть на молитву и, несмотря на трудность своего положенія, совершаетъ частые земные поклоны съ изумительною и для молодого человѣка неподражаемою легкостію. И всегда почти молитва его орошалась обильными слезами сокрушенія, умиленія и той крѣпкой вѣры, которая во всякихъ душевныхъ состояніяхъ, припадая къ Спасителю своему, держится края ризы Его и вопіеть: Господи, хочу или не хочу, спаси мя!

Воздержаніе о. Агапита было разумно-строгое. Въ среды и пятки онъ ничего не вкушалъ, а въ дни св. Четырнадцатницы говѣлъ и по цѣлымъ недѣлямъ. Самъ упражнясь въ воздержаніи, боголюбивый старецъ требовалъ того и отъ келейника своего и всѣмъ совѣтовалъ, по крайней мѣрѣ, не вкушать рано; ибо начало дня, говорилъ старецъ, должно быть срътаемо по долгу христіанскому молитвеннымъ возношеніемъ къ Богу. Однажды придя изъ церкви въ свою келлію, онъ взялъ просфору въ лѣвую руку и, прикрывъ ее правою, сказалъ, обратившись къ келейнику: «кто предварилъ день молитвою и не завтракалъ, тотъ будетъ кушать благословенный хлѣбъ». Келейникъ смутился при сихъ словахъ, но, желая оправдаться скрытностью, возразилъ: «а кто же завтракалъ?» и сталъ запирается... «Лжешь, не такъ глядишь!» отвѣчалъ о. Агапитъ. Когда виновный искренно признался въ своей невоздержности, онъ простилъ его и снова, во избѣжаніе своеволія, повторилъ ему заповѣдь свою, смиренно умолая:—«Господа ради не ѣшь рано до литургіи, отъ сего умъ будетъ свѣтлѣе и тѣло здоровѣе... Скоты рано ѣдятъ... Старца же не обманывай! тогда благословіе Божіе пребудетъ съ тобою во всю жизнь. Божественный духъ истины, присовокупилъ онъ, влечетъ насъ въ рай—вѣчное блаженство, а преисподній духъ лжи влечетъ въ адъ—вѣчную муку».

О. Агапитъ обладалъ даромъ прозорливости. Такъ однажды пришелъ къ нему какой-то чиновникъ, очень растол-

стѣвшій, и едва могъ пройти въ узкую дверь келліи. Келейникъ, проводивъ его, сказалъ съ улыбкою: «экій толстый!»! но старецъ иначе разсудилъ: «толстый! да; ибо горячей любви полный. Едва въ келлію зашелъ и зарыдалъ, слышитъ, вспоминаетъ о жизни и льетъ обильныя слезы, а мы съ тобою тонкіе, сухіе, перепостились и нѣтъ слезъ о грѣхахъ. Никогда не суди по взгляду о ближнемъ, присовокупилъ старецъ. Не лучше ли каждому слѣдить за самимъ собою и учиться познавать ближе самого себя»?!!

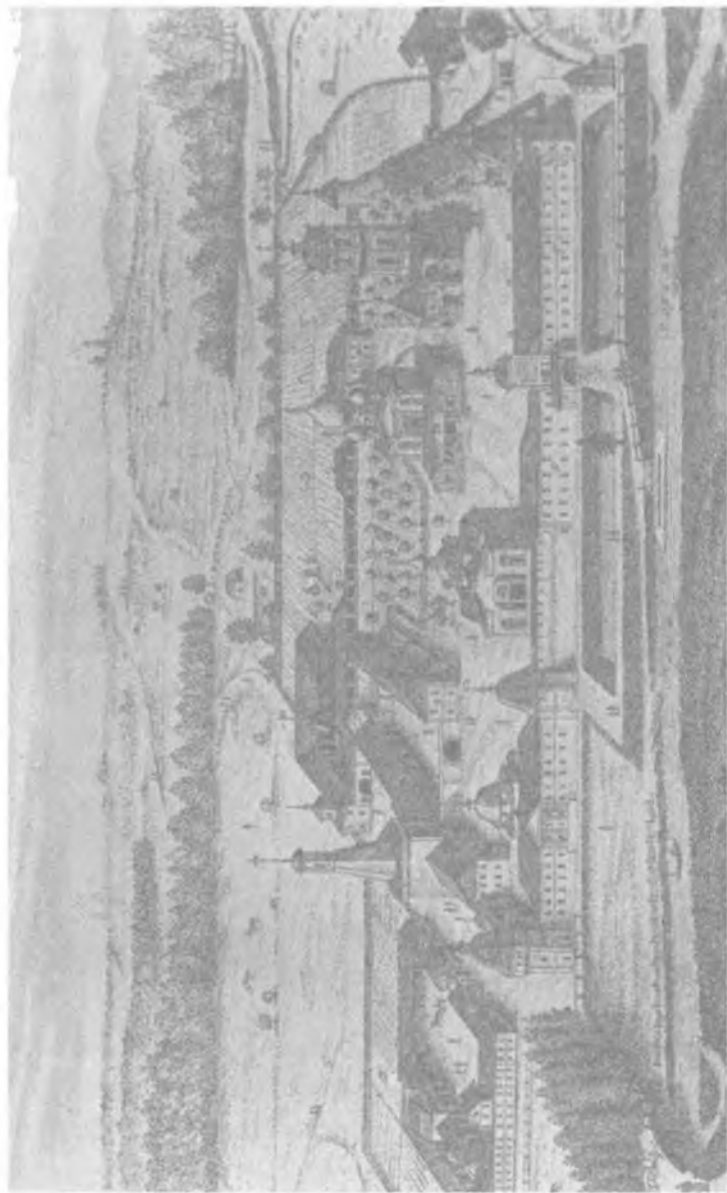
Добродѣтельная и подвижническая жизнь о. Агапита, несмотря на всю его скромность, была извѣстна многимъ. При посѣщеніи Задонскаго монастыря, благочестивые поклонники долгомъ считали видѣть о. Агапита, принять отъ него благословеніе и насладиться душеспасительными его наставленіями. За 8 лѣтъ до кончины Агапитъ затворился въ келліи по любви къ уединенію; впрочемъ, допускалъ къ себѣ искавшихъ его благословенія.

Нѣкто о. Іоаннъ, благочестивый священникъ г. Ельца, Преображенской церкви, хорошо зналъ о. Агапита, зналъ его истинное благочестіе и сокровенную подвижническую жизнь, и свидѣтельствовалъ о немъ. Это подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Въ 1818 году пришелъ сюда Георгій Алексѣевичъ Машуринъ, проведшій жизнь свою въ затворѣ до конца. Но какъ дѣло спасенія безъ искушеній не бываетъ, то то же самое случилось и съ Георгіемъ. Однажды смутился онъ духомъ и пожелалъ перемѣнить монастырь, что нерѣдко бываетъ съ новоначальными, съ каковою мыслию отправился въ Елецъ за совѣтомъ къ дивному по жизни вышеупомянутому священнику о. Іоанну, благочестивая жизнь котораго была извѣстна многимъ, и который, дабы скрыть свои добродѣтели, между прочимъ, представлялся юродивымъ. Особенность его въ этомъ отношеніи была та, что онъ нерѣдко служивалъ молебны съ звономъ, иногда и въ ночное время; жилъ въ чуланѣ, ночевалъ въ притворѣ церковномъ. И вотъ,

къ этому то человѣку направилъ свой путь Георгій; но едва успѣлъ подойти къ дому о. Іоанна, какъ тотъ выбѣжалъ къ нему на крыльцо и, никогда прежде его не видѣвъ и не зная, встрѣтилъ слѣдующими словами: «а я, братъ, сейчасъ только отслужилъ молебенъ со звономъ Пресвятой Богородицѣ. Она не велитъ монахамъ давать наставленій, особенно смущеннымъ и хотящимъ оставить свой монастырь. Ступай-ка, братъ! ступай! У васъ есть схимникъ Агапитъ, онъ тебѣ скажетъ, что дѣлать». Поразила Георгія эта прозорливость о. Іоанна, и онъ, возблагодаривъ Бога за полученное желаемое наставленіе, возвратился снова въ Задонскій монастырь. На этотъ разъ познакомившись ближе съ о. Агапитомъ, Георгій Алексѣевичъ дѣйствительно нашелъ въ немъ себѣ ангела-утѣшителя и, послѣ откровенной сердечной бесѣды, признавъ свои мысли за искушеніе отъ діавола, не смѣлъ болѣе думать объ оставленіи монастыря Задонскаго.

Однажды братія, разговаривая между собою въ присутствіи іеросхимонаха Агапита о высокой жизни о. Іоанна Елецкаго, услышали о немъ слѣдующій отзывъ о. Агапита: «Великій столбъ въ мірѣ сіяетъ; благодарите, братіе, Господа! Живетъ въ мірѣ, а какъ подвизается! Есть еще просвѣщеніе ходящимъ во тьмѣ, но жаждущимъ свѣта».

Старецъ тщательно искавшій царствія Божія, наконецъ, приблизился къ рубежу вѣчности. Онъ таялъ, какъ свѣча; дыханіе его все болѣе и болѣе стѣснялось;—онъ все видимо слабѣлъ тѣломъ... «Кончина о. Агапита, какъ человѣка отдающаго свой долгъ закону природы, по словамъ Георгія затворника, была не безболѣзненна и очень томительна, но непостыдна, мирна, какъ смерть истиннаго христіанина». Чувствуя приближеніе смертнаго часа, онъ благословилъ келейника своею иконою Божіей Матері съ обѣтованіемъ, что Она не оставитъ его ни въ сей, ни въ будущей жизни, только бы молился и жилъ богоугодно, и велѣлъ попросить къ себѣ любимаго своего духовника о. Димитрія.

Николаевскій Пыснoжскій монастырь

Схимонахъ Стефанъ

О. Агапѣтъ скончался 76 лѣтъ, 17 сентября, 1825 года. Погребенъ въ усыпальницѣ. Надъ его гробомъ усердіемъ Над. М. Тиньковой устроенъ катафалкъ съ начертаніемъ на верхней доскѣ его изображенія *).

Схимонахъ Стефанъ.

(Память 17 сентября).

Въ 1808 г. о. Стефанъ былъ постриженъ въ монашество въ Пѣсношскомъ монастырѣ и въ томъ же году впалъ въ разслабленіе. Принялъ великую схиму и двадцать два года безропотно несъ крестъ тяжелаго недуга, служа братіи примѣромъ терпѣнія. Скончался 17 сентября 1830 г. на 82 году жизни.

Іерей Евменій.

(Память 18 сентября).

Священникъ заштатнаго гор. Коропа о. Евменій Якубовскій скончался 77 лѣтъ и въ самыя послѣднія годы, опираясь на посохъ, едва двигаясь ногами, онъ почти каждый день совершалъ литургію съ живою ревностію. Смиранный и кроткій, онъ съ ласковою любовію вразумлялъ грѣшниковъ, и въ короткую предсмертную болѣзнь, сидя на постели, преподавалъ онъ совѣты, какъ надобно жить и готовиться къ доброй жизни. Скончался тихо въ 1814 г. **).

* По книгѣ арх. Геронтія „Краткій очеркъ жизни почивающаго въ Задонскомъ Богородицкомъ монастырѣ іеросхимонаха Агапита“ изданіе 2-е.

** Изъ ист. статист. опис. Черн. епар.

Блаженная Ирина Зеленогорская.

(Память 18 сентября).

Спасо-Зеленогорскій общежительный женскій монастырь находится при селѣ Зеленыя Горы, Нижегородскаго уѣзда, близъ рѣчки Пасмуровки, въ 35 верстахъ отъ г. Арзамаса.— На мѣстѣ, гдѣ теперь женская обитель, первоначально былъ мужской Спасо-Бѣлогорскій монастырь, основанный въ половинѣ XVIII столѣтія инокомъ Іоною. Послѣ введенія штатовъ, монастырь обнищаль и скоро былъ упраздненъ.—Но, по милости Божіей, съ 1800 года на мѣстѣ бывшаго монастыря зачалась и постепенно образовалась женская община. Возстановленіе древней обители близко связано съ именемъ преподобнаго Серафима Саровскаго.—Въ годы монастырскаго послушанія преподобный Серафимъ почти ежегодно посѣщалъ Зеленогорскую ярмарку для закупки меду, воску, овчинъ и другихъ необходимыхъ для Саровской пустыни предметовъ. Бывая тамъ, онъ не могъ не замѣтить полуразрушенной монастырской ограды съ ветхимъ деревяннымъ храмомъ, оставшимся отъ упраздненной обители. Не разъ онъ обходилъ это мѣсто и скорбѣлъ о запустѣніи его...—Однажды во время такого посѣщенія преподобный Серафимъ замѣтилъ въ углу монастырской ограды небольшую келлію, въ которой нѣкто уединился для спасенія души. Радостно привѣтствовалъ Преподобный поселившихся здѣсь подвижницъ и благословилъ ихъ. Онъ прозрѣвалъ уже грядущее возрожденіе древней обители, которое мало-по-малу и осуществилось, при его помощи, трудами новыхъ насельницъ этого зарождавшагося гнѣзда отшельницъ.—Съ 1800 года здѣсь стали жить пять женщинъ-вдовъ и дѣвицъ, полюбившихъ уединеніе и богомысліе, преданныхъ молитвѣ и труду. Жизнь этихъ первыхъ насельницъ, по сказанію современниковъ, отличалась необыкновенною простотою и слагалась по укладу ке-

Блаженная Ирина Зеленогорская

лейной монастырской жизни. Не имѣя собственныхъ средствъ, убогія сестры первоначально жили подаяніями Христа-ради. Саровскій старецъ, преп. Серафимъ содѣйствовалъ имъ своими благодатными молитвами, совѣтами, наставленіями, матеріальною и иною разнаго рода помощію до самой блаженной кончины своей.—Руководимая и вспомошествоваемая преп. Серафимомъ съ первыхъ дней своего существованія, юная богдѣленная общинка на Зеленыхъ Горахъ скоро окрѣпла, стала расти и устроиться въ иноческую женскую обитель. Число насельницъ увеличивалось, въ оградѣ монастырской стали вырастать и другія келліи. Въ 1893 году Зеленогорская община преобразована въ общежительный монастырь 3-го класса.—Такимъ образомъ, на мѣстѣ древняго мужскаго монастыря возникла женская обитель.—Въ монастырской же оградѣ, близъ храма, находится и могила одной выдающейся по своей духовной жизни сестры Зеленогорской обители—Ирины Лазаревой, возлюбленной духовной дочери преподобнаго Серафима Саровскаго. Мѣстное преданіе сохраняетъ память о ней, какъ о замѣчательной по своей святой жизни старицѣ.—Изъ хранящагося въ монастырѣ рукописнаго жизнеописанія старицы Ирины Лазаревой извѣстно, что она—дочь крестьянина деревни Муратовки, Сергачскаго уѣзда, Нижегородской губерніи и родилась въ первыхъ годахъ XIX ст. На второмъ году отъ рожденія она лишилась матери, которая была убита грозой въ Ильинъ день, и поступила на попеченіе мачихи, женщины сварливаго характера, а спустя еще нѣкоторое время потеряла и отца. Съ этого времени началась для Ирины тяжелая жизнь. Мачиха сильно не влюбила свою падчерицу и всячески старалась выразить ей свое нерасположеніе...—Двѣнадцати лѣтъ отъ роду Ирина вступила въ бракъ съ сыномъ одного крестьянина своей деревни, но тотчасъ же послѣ брака удалилась въ лѣсъ, гдѣ и скрывалась до поступленія ея мужа въ рекруты, выходя только тайно на работу въ помощь любимой свекрови. Начало сво-

ихъ иноческихъ подвиговъ она полагала въ Кіевѣ, при мощахъ святыхъ угодниковъ, поступивъ въ число сестеръ Флоровскаго женскаго монастыря. Тамъ она трудилась девять лѣтъ, неся разнаго рода налагаемыя на нее послушанія: носила воду, караулила сады, пекла и продавала просфоры и т. под. — По истеченіи девяти лѣтъ, Ирина перешла въ Дивѣвскую женскую общину, въ Ардатовскомъ уѣздѣ, находившуюся тогда подъ непосредственнымъ покровительствомъ и руководствомъ Саровскаго старца, преподобнаго Серафима. Своимъ безпрекословнымъ повиновеніемъ и точнѣйшимъ выполненіемъ налагаемыхъ на нее послушаній, она обратила на себя особенное вниманіе блаженнаго Старца, который называлъ ее единственной своею духовной дочерью... Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Серафимо-Дивѣвской обители Ирина, по благословенію отца Серафима, перешла въ Зеленогорскую общину, гдѣ и подвизалась до своей кончины въ особой убогой келліи. Безпрерывно находясь въ трудѣ, она глубочайшимъ смиреніемъ и своимъ неизмѣнно веселымъ настроеніемъ, съ какимъ исполняла всѣ возлагавшіяся на нее работы, воодушевляла къ трудамъ и прочихъ сестеръ обители, мірянъ же особенно увѣщевала быть милостивыми. Кромѣ келейныхъ и общественныхъ молитвъ, Ирина, неся крестъ юродства, цѣлыя ночи въ лѣтнее и зимнее время посвящала молитвенному подвигу, находя неизъяснимую уладу въ непрестанной сокровенной молитвѣ и располагая къ ней инокинь: ее видѣли на молитвѣ и въ башнѣ, и въ колодцѣ, и подъ церковью, и въ другихъ потаенныхъ мѣстахъ. Благочестивая старица Ирина, перенесла немало горя отъ неразумныхъ на своемъ вѣку, тихо скончалась за молитвою, будучи почти ста лѣтъ отъ роду *).

*) См. „Церк. Вѣд.“ 1904 г., 1163 стр. и „Краткое Жизнеописаніе Р. Б. Ирины Лазаревой и главныя ея свойства. Спасо-Зеленогорскаго монастыря, Нижегородской губерніи и уѣзда“.

Первоначальницы Мензелинскаго Пророко-Ильинскаго женскаго монастыря игуменія Евгенія и Филарета.

(Память 21 сентября).

Въ 1905 году исполнилось 50 лѣтъ со времени официального открытія Мензелинской Пророко-Ильинской женской общины (въ 1855 году). За этотъ періодъ времени настоятельницами и руководительницами обители состояли: игуменія Евгенія, въ мѣръ Евфросинія Θεодорова Собина, и игуменія Филарета, въ мѣръ Домника Александрова Реутова, трудами и заботами которыхъ и создана и благоустроена эта обитель.

Игуменія Евгенія

Дѣятельность этихъ двухъ труженицъ по устроению обители такъ тѣсно связана, что говоря объ одной изъ нихъ, нельзя умолчать и о другой. Онѣ проходили свой жизненный путь рука объ руку; совершали свое дѣло

совмѣстно, такъ что трудно даже опредѣлить, которая изъ нихъ понесла больше или меньше трудовъ по созиданію обители. Несомнѣнно, что первой принадлежала инициатива, а созиданіе было общимъ дѣломъ.

Начало обители положено въ 1836 году мѣщанской дѣви-

цей г. Мензелинска Евфросиніей Θεодоровой Собиной. Эта избранница Божія трехъ лѣтъ лишилась своего отца, и мать ея вступила во второй бракъ съ крестьяниномъ деревни Юртовой. Но недолго она пользовалась любовью и ласками и матери. Послѣдняя, будучи обременена большимъ семействомъ второго мужа, 8-лѣтнюю Евфросинію отдала на воспитаніе своей сестрѣ. Въ домѣ тетки любознательной и трудолюбивой Евфросиніи удалось научиться грамотѣ, что въ то отдаленное время было величайшей роскошью не только для деревенской дѣвочки, но и для мальчика. Извѣстно, что тогда какъ самое обученіе, такъ и дальнѣйшее развитіе грамотея, было строго религіознымъ. Учились по Часослову и Псалтири, читали больше слово Божіе и книги религіознаго содержанія. Божественное сѣмя пало на добрую почву и принесло обильный плодъ. Свѣтъ божественнаго ученія проникъ въ душу юной Евфросиніи и зародилъ въ ней стремленіе ко спасенію, къ жизни для Бога. Живя еще въ міру, она старалась удаляться міра и дала обѣтъ дѣвства. Въ годы первой и цвѣтущей еще молодости она неоднократно предпринимала паломничество ко святымъ мѣстамъ. Не разъ побывала въ Кіевѣ, Саровѣ и Соловецкомъ монастырѣ. Во время этихъ путешествій въ душѣ ея созрѣла и окрѣпла мысль оставить міръ и воспринять благое иго Христово. Въ 1831 году, 30 лѣтъ отъ роду, она, будучи въ Саровѣ, была по благословенію, у старца Серафима, который, провидя будущее, благословилъ ее на собираніе обители. И вотъ, въ 1831 г., слѣдуя завѣту старца Серафима, дѣвица Евфросинія на свои средства пріобрѣтаетъ въ г. Мензелинскѣ домъ—келлію и начинаетъ собирать около себя дѣвицъ, желающихъ посвятить себя иноческому житію. Эта келлія съ ея первыми насельницами и была подготовительнымъ разсадникомъ настоящаго монастыря.

Въ 1843 году подъ руководство Евфросиніи поступаетъ будущая ея сотрудница—14-лѣтняя мѣщанская дѣвица г.

Мензелинска, Домника Александрова Реутова*). Въ первые же годы даровитая и трудолюбивая Домника обращает на себя вниманіе какъ руководительницы, такъ и другихъ сестеръ. Всѣ скоро горячо и искренно полюбили ее и тщательно занялись ея воспитаніемъ въ духѣ иночества. Будучи религіозно настроена съ дѣтства, Домника, приходя въ возрастъ, съ вѣротностію и терпѣніемъ проходила всѣ послушанія

Игуменія Филарета

и удивляла сестеръ силою своего характера въ трудахъ и подвигахъ иноческихъ. Она безропотно исполняла самыя трудныя и часто непосильныя работы.

Строгое исполненіе иноческихъ правилъ въ келліи, ежедневное постѣніе богослуженія въ соборѣ, чтеніе и пѣніе при богослуженіи и приготовленіе просфоръ составляли ихъ главные труды и занятія. Съ тою же цѣлью—безпрепятственнаго, постояннаго служенія Господу, стали присоединяться къ нимъ и другія женщины и дѣвушки, такъ что число ихъ достигло 12-ти. Перво-

начальная келлія оказалась уже тѣсною и неудобною, и нужно было прискаты новое помѣщеніе и, въ виду возрастающаго количества желающихъ присоединиться къ трудамъ отшельницъ, необходимо было устроить иноческую общину и упрочить законное существованіе ея.

Въ 1855 году Правительствомъ духовнымъ и граждан-

*) Домника Реутова родилась въ 1829 году, января 7 дня.

скимъ, разрѣшена была къ открытію въ городѣ Мензелинскѣ, на отведенномъ городомъ мѣстѣ, иноческая Пророко-Ильинская община, подъ управленіемъ самой основательницы этой общины инокини Евгеніи, впослѣдствіи игуменіи. Съ этого времени сколько горя, сколько заботъ и трудовъ выпало на долю какъ игуменіи, такъ и ея ближайшей сотрудницы; почившей инокини Филареты. Нужно было обнести оградой отведенное общинѣ мѣсто, устроить келліи, создать храмъ Божій, испросить священника для постоянного совершенія богослуженія; на все это нужны были средства, а ихъ-то всегда и недоставало юной общинѣ. Но отшельницы не падали духомъ; онѣ усердно молились и еще усерднѣе трудились. А трудились онѣ едва-ли не болѣе всякаго рабочаго крестьянина: онѣ сами рубили дрова, возили бревна, кирпичъ, воду и все необходимое для постройки и содержанія начинающейся обители. Обладая физическою силою, молодая монахиня Филарета всегда была первою работницею, первою трудницею. Въ этомъ не всегда посильномъ для женщины трудѣ, — при неблагоприятныхъ условіяхъ, при дождѣ и холодѣ, кроется причина того тяжкаго недуга, которымъ усопшая страдала всю свою жизнь и который, осложнившись другими старческими немощами, свелъ ее въ могилу. И мы видимъ, что труды и дѣятельность ея были оцѣнены достойнымъ образомъ. Такъ, по открытіи общины, въ 1855 г., когда инокиня Евфросинія была избрана и утверждена настоятельницей, Домника Александрова въ возрастѣ 24—25 лѣтъ, призывается на должность казначей. Въ слѣдующемъ 1856 году утверждается въ этой должности и состояла въ оной до 1878 года, а съ 1878 года, т.-е. еще при жизни игуменіи Евгеніи, до дня смерти состояла въ должности настоятельницы. Созиданіе монастыря началось съ 1855 года, т. е. съ того времени, когда пріобрѣтенъ былъ первый участокъ земли около Ильинской кладбищенской церкви и эта церковь передана въ собственность общины. Съ этого

момента дѣятельность общины, руководимая Собиной, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и при живомъ участіи во всѣхъ трудахъ Домники Реутовой, приняла самый живой и кипучій характеръ. Строились храмы, дома и службы. Настоящій свой видъ монастырь принялъ въ послѣднее десятилѣтіе. Послѣдними капитальными постройками были дома причта. Такимъ образомъ, вступила на путь иночества игуменія Филарета въ убогую келлію, а по смерти своей оставила вполне благоустроенный монастырь, въ которомъ 4 довольно благолѣпныхъ храма, гдѣ совершаютъ свое спасеніе до 350 сестеръ и къ которому принадлежатъ четыре земельныхъ дачи (всего до 800 десятинъ земли).

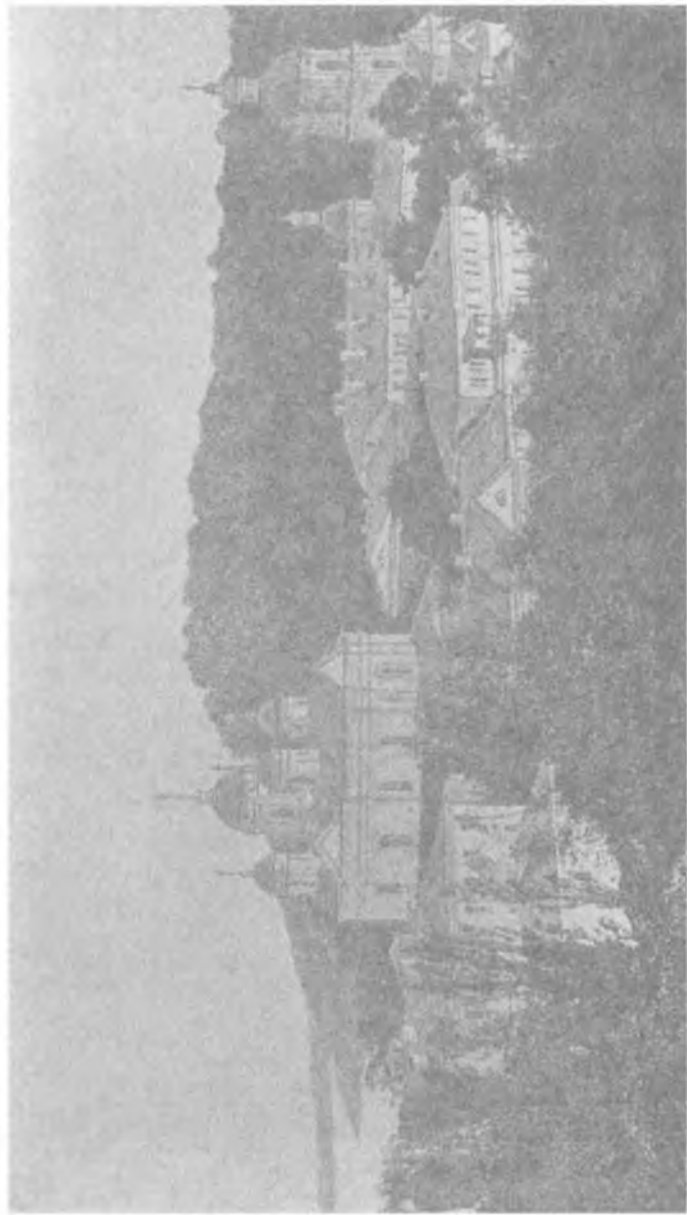
Когда игуменія Евгенія, вслѣдствіе своего болѣзненного состоянія, устранилась отъ управленія монастыремъ, и монахиня Филарета, какъ ближайшая его сотрудница, заняла ея мѣсто, физическіе труды уже не обременяли ея, но зато тяжкимъ бременемъ легли на нее труды нравственные по управленію обителью. И сколько заботъ, хлопотъ и огорченій выпало на ея долю! Количество сестеръ все умножалось, расходы по содержанію ихъ и монастыря все увеличивались. Нужно было изыскивать средства и на пропитаніе этихъ 350 монастырскихъ жилищъ, и поддерживать въ приличномъ видѣ храмы, келліи и другія монастырскія зданія. Если требовались заботы о матеріальномъ, экономическомъ состояніи обители, то еще большихъ заботъ и попеченій требовало нравственное, душевное состояніе насельницъ обители. Нужно было каждой изъ нихъ дать дѣло, чтобы никто изъ нихъ не жилъ праздно, чтобы всѣ онѣ были полезны себѣ и обители; нужно было слѣдить за точнымъ исполненіемъ ими иноческаго устава; нужно было принять мѣры и противъ искушеній и паденій, которыя вездѣ возможны и всегда были. Такія разнообразныя, трудныя обязанности, принятыя инокинею Филаретою по званію игуменіи, особенно при существованіи долготѣшняго тяжбаго недуга, осложнявшагося въ

старости другими немощами, все болѣе и болѣе расшатывали ея подорванное здоровье и, наконецъ, свели въ могилу. Прибожанная къ болѣзненному ложу, усопшая, какъ истинная инокиня, прямо смотрѣла въ глаза смерти и постоянно готовилась къ ней. Многократно, въ теченіе своей болѣзни, общалась она Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, освятилась таинствомъ св. Елеосвященія и мирно и тихо предала духъ свой Господу.

Съ 1868 года при монастырѣ существуетъ женская церковно-приходская школа, въ которой обучаются дѣти горожанъ. Съ 1899 года школа помѣщается въ особомъ зданіи и всецѣло содержится на средства монастыря. За свою неутомимую дѣятельность игуменія Филарета была награждена въ 1879 году благословеніемъ Св. Синода съ выдачею грамоты; въ 1880 года возведена въ санъ игуменіи; въ 1885 г. награждена наперснымъ крестомъ; въ 1898 году—медалью въ память Императора Александра III-го; въ 1898 же году былъ поднесенъ ей сестрами и почитателями наперсный крестъ съ украшеніями и въ 1899 году награждена Библию, отъ Св. Синода выдаваемою. Все это само собою говоритъ о многоплодной дѣятельности почившей. Скончалась м. Филарета на 76 г. жизни 14 апрѣля, въ 2 часа пополудни.

14-го и 15 апрѣля по почившей игуменіи Филаретѣ совершались панихиды всѣмъ градо-Мензелинскимъ духовенствомъ во главѣ съ протоіереемъ В. В. Уводскимъ. 15 апрѣля, въ 6 часовъ вечера, былъ совершенъ выносъ тѣла почившей изъ настоятельскихъ покоевъ въ Вознесенскій храмъ, гдѣ 16 апрѣля, послѣ литургіи, при громадномъ стеченіи горожанъ и жителей ближайшихъ селеній совершено отпѣваніе всѣмъ составомъ градо-Мензелинскаго духовенства. При отпѣваніи сказаны рѣчи и поученія: протоіереемъ В. В. Уводскимъ и священниками Ѳ. В. Комаровымъ и В. И. Веселіцкимъ.

Погребена игуменія Филарета на южной сторонѣ ограды

Межигорский Спасо-Преображенский монастырь

Архимандритъ Иона

Вознесенскаго храма. А игуменія Евгенія почилъ на 82 г. жизни 21 сентября 1881 г. Память этихъ труженицъ-первоначальницъ благоговѣйно чтится признательною обителію *).

Архимандрить Іона (схимонахъ Петръ).

(Память 22 сентября).

Архимандрить Іона, въ схимонасѣхъ Петръ, основатель и благоустроитель Кіевскаго Свято-Троицкаго монастыря, бывшій настоятель его, происходилъ изъ мѣщанъ посада Крюкова Полтавской губерніи. Время рожденія его съ точностію неизвѣстно, день ангела 22-го сентября. Несомнѣнно, что старецъ почилъ въ глубокой старости, около 100 лѣтъ. Въ раннемъ возрастѣ почившій оставилъ родительскій кровъ и удалился въ Саровскую обитель, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставался въ качествѣ келейника и послушника у преподобнаго Серафима Саровскаго. Окрѣпнувъ духомъ, подъ руководствомъ строгаго подвижника, и утвердившись въ рѣшеніи отречься отъ міра, Іоаннъ Мирошниченко (мірское имя и званіе почившаго) въ 1836 году уволился изъ мѣщанскаго общества и поступилъ въ Брянскую Бѣлобережскую пустынь (Орловской губерніи) послушникомъ, гдѣ оставался около 15 лѣтъ и гдѣ удостоился постриженія въ монашество (1843 г. 19 декабря) и рукоположенія во іеродіакона (1845 г. 26 іюля).

Въ 1851 г. о. Іона переселился въ Кіевъ, который съ того времени сталъ мѣстомъ постоянной подвижнической жизни его. Обою десяти лѣтъ о. Іона пребывалъ въ Кіевскихъ монастыряхъ: Пустынно-Никольскомъ (1851—1856 г.), Братскомъ (1856—1857 г.), Греческомъ Екатерининскомъ (1857—1860 г.), гдѣ 29-го іюля 1858 года былъ посвя-

*) См. „Игуменія Филарета, настоятельница Мензел. Прор.-Ильинск. жен. мон. Уфа“. Г. тип. 1905 г.

щенъ и во іеромонаха, наконецъ, въ Кіево-Выдубицкомъ (1860—1866 г.).

Еще со времени пребыванія почившаго старца въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ начинается новый періодъ въ его жизни. Онъ задумываетъ и затѣмъ начинаетъ постепенно готовиться къ устроению своего общежительнаго монастыря. Мѣстомъ для новой обители онъ избралъ участокъ земли, который былъ расположенъ рядомъ, нѣсколько выше Выдубицкаго монастыря, и который былъ пріобрѣтенъ почившимъ, при содѣйствіи и на средства духовной дочери старца кн. Е. А. Васильчиковой. Въ 1864 году старецъ положилъ начало будущему монастырю устройствомъ небольшой деревянной церкви во имя Пресвятой Троицы и малой келліи для себя при ней. Подвижническая жизнь старца привлекла къ нему учениковъ, изъ которыхъ и образовалась, на началахъ строгаго общежитія, малая обитель, утвержденная въ 1866 г. Строителемъ обители тогда же былъ назначенъ ея основатель, который и оставался ея настоятелемъ до 1889 г., будучи удостоенъ званія игумена въ 1872 г. и архимандрита—въ 1886 г.

Во все это время продолжалась непрерывная и неутомимая работа старца надъ благоустройствомъ основанной имъ обители: въ 1871 былъ сооруженъ новый обширный (сравнительно съ прежнимъ, оказавшимся слишкомъ тѣснымъ и для обители, и для посѣщавшихъ ее богомольцевъ) каменный храмъ во имя Пресв. Троицы; въ 1897 году этотъ храмъ былъ еще болѣе расширенъ пристройкою боковыхъ придѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ почившій старецъ неутомимо трудился надъ обезпеченіемъ будущности своего духовнаго дѣтища посредствомъ увеличенія недвижимой собственности монастыря, въ чемъ ему усердно помогали его многочисленные почитатели и духовныя дѣти. Заботами старца были устроены въ обители больница для лѣченія иноковъ и богомольцевъ, а также школа для обученія дѣтей окрестнаго бѣднаго населенія. Рядомъ съ этимъ шли еще болѣе важныя, хотя незри-

мая для міра, заботы старца о внутреннемъ благоустройствѣ созданной имъ обители. Старецъ въ послѣдніе годы своей жизни имѣлъ утѣшеніе видѣть свою обитель совершенно благоустроенною съ виѣшней и внутренней стороны: обеспеченною недвижимою, довольно значительною, собственностію, украшенною благолѣпнымъ храмомъ и удобными помѣщеніями для братіи, наполненною многочисленною братією ревностно трудившеюся, подъ руководствомъ своего старца, въ служеніи Богу и созиданіи спасенія своего и другихъ, привлекавшею къ себѣ богомольцевъ со всей Россіи, которые стремились сюда затѣмъ, чтобы видѣть старца-подвижника, получить его благословеніе, спросить совѣта въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни, а также видѣть его обитель съ ея благоговѣйнымъ, истовымъ, уставнымъ совершеніемъ богослуженія.

Почившій старецъ, кромѣ того, немало потрудился надъ возстановленіемъ и благоустройствомъ Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, настоятелемъ котораго онъ состоялъ въ теченіе 1886—1896 г.

Въ послѣдніе годы почившій старецъ сталъ болѣть особенно ногами, и силы его начали замѣтно ослабѣвать. Обнаружившаяся въ послѣднее время водянка предвѣщала близкій конецъ земной жизни его. Въ послѣдніе дни больной почувствовалъ приближеніе смерти, пересталъ принимать пищу и только ежедневно причащался Св. Таинъ. 8 января 1902 г. покойный принималъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ изъ числа братіи, а также и постороннихъ лицъ, желавшихъ получить отъ него благословеніе, затѣмъ попросилъ одѣть его въ одежды схимника, чтобы, какъ онъ выразился, быть готовымъ, и въ полномъ сознаніи ночью на 9 января тихо скончался среди глубоко опечаленной братіи монастыря. Въ ту же ночь около 3 часовъ была отслужена первая панихида надъ почившимъ, совершенная архимандр. Выдубицкаго монастыря Евлогіемъ. На другой день панихиды были совер-

шены, между прочимъ, преосвящ. Сильвестромъ, епископомъ Каневскимъ, и преосвящ. Димитріемъ, епископомъ Чигиринскимъ, въ сослуженіи архим. Платона, инспектора Кіевской духовной академіи, управляющаго монастыремъ іером. Мельхиседека и монастырской братіи. 10-го января гробъ съ тѣломъ почившаго былъ перенесенъ изъ его келліи въ соборный храмъ, при чемъ вечеромъ того же дня парастасъ и 11 января заупокойная литургія были совершены архим. Платономъ, инспекторомъ Кіевской духовной академіи.

Погребеніе почившаго совершилось, по особо составленному церемоніалу, 12 января. Всю ночь подъ этотъ день совершалось заупокойное богослуженіе въ храмѣ, гдѣ стоялъ гробъ съ тѣломъ почившаго. 12 января въ 9¹/₂ часовъ утра началась торжественная заупокойная литургія и отпѣваніе, которое и продолжалось около 5 часовъ. Послѣ отпѣванія гробъ съ тѣломъ почившаго былъ обнесенъ, въ сопровожденіи крестнаго хода, вокругъ храма, и затѣмъ состоялось преданіе тѣла землѣ. Могила почившаго старца находится въ соборномъ храмѣ, подъ арками, отдѣляющими среднюю часть храма отъ праваго бокового его корабля. Могила представляетъ обширный склепъ, къ которому ведутъ ступеньки.

Въ дополненіе къ жизнеописанію о. Іоны нужно сказать, что объ основаніи Св.-Троицкаго Іоновскаго монастыря еще за много лѣтъ предсказалъ блаженный іеросхимонахъ Теофилъ. Дѣло было такъ.

Жила въ Китаевской пустыни (на Самургскомъ хуторѣ) послушница Пелагія. Питая къ старцу искреннее благоговѣніе и почтительную любовь, она безпрекословно исполняла все то, что блаженный ей приказывалъ: велить вымыть рубаху,—вымоетъ, велить запечь быка,—идетъ запрягать, пошлетъ на Днѣпръ вымыть «чоботы» (сапоги),—исполняетъ и это. За такія постоянныя услуги и безотчетное послушаніе—любилъ Пелагію и старецъ и не разъ ограждалъ ее отъ разныхъ искушеній и бѣдъ. Пришелъ однажды

въ Лавру изъ Аѳона нѣкій старецъ-іеросхимонахъ и предложилъ Пелагiи и тремъ другимъ послушницамъ хутора постричься тайно въ монашество. Не желая принимать сего заманчиваго предложенiя безъ благословенiя старца Теофила, послушницы отправились къ нему на совѣтъ. Блаженный, ни слова не говоря, вынесъ имъ булку безъ мякиша и сказалъ: «ваши мысли такъ же пусты, какъ этотъ хлѣбъ», и запретилъ Пелагiи смущаться тщеславными помыслами... Въ другой разъ призываетъ ее старецъ къ себѣ и даетъ бутылку: «иди купи себѣ меду, ладану да свѣчей,—говорить онъ,—да помни 12-е число». Пелагiя купила и принесла. Старецъ встрѣтилъ ее на гребнѣ, окруженный множествомъ народа и спрашиваетъ: «ну что, купила?»—«Купила, батюшка»,—отвѣчаетъ Пелагiя.—«Ну такъ начинай молиться за моего отца, а я буду сейчасъ молиться за твоего батьку». И сталъ посреди улицы поклоны выбивать. Пелагiи—стыдно: кругомъ народъ стоитъ, словно на диво смотреть. Но, поборовъ смущенiе, стала выбивать поклоны и она... Прошло нѣсколько дней. Вдругъ получаетъ Пелагiя съ родины письмо, что 12-го числа того же мѣсяца—отецъ ея отъ болѣзни скончался...

Но возвратимся къ цѣли нашего разсказа. Встрѣчаетъ однажды старецъ Теофилъ Пелагiю на дорогѣ и приказываетъ ей взять бычка на веревку и вести его къ Лаврѣ, а самъ повернулся на телѣгѣ къ востоку и принялся за обычное чтенiе Псалтири. Когда они проѣзжали за Звѣринцемъ, по той мѣстности, гдѣ нынѣ находится Св.-Троицкiй Іоновскiй монастырь, блаженный остановилъ бычка и велѣлъ своей спутницѣ дать ему сѣна, затѣмъ подозвалъ ее къ себѣ и говорить:

— Пелагiя!.. Если бы ты забросила на глубину Днѣпра большой неводъ, то что вытащила бы имъ?

— Да все, батюшка,—отвѣчала, подумавъ, Пелагiя,—и большихъ рыбъ и малюсенькихъ... Были бы въ немъ и

щуки, и караси, и плотва... Были бы въ немъ и ракушки, и лягушки...

— Ну такъ вотъ, знай... На семъ мѣстѣ скоро возсіяетъ благодать Божія и на немъ выстроятъ большой монастырь. И какъ въ сѣти ловителя—рыбака попадаетъ всякая всячина, такъ и въ сей юной обители не всѣ будутъ одинаковы по своему духовному росту... Будутъ появляться въ ней и «щуки» высокой подвижнической жизни, станутъ прокрадываться въ нее и ничтожныя «раковины», мало пекущіяся о чистотѣ души.

И возрѣвъ глазами на небо, старецъ благословилъ сіе мѣсто на всѣ четыре стороны и, помолившись здѣсь съ полчаса, продолжалъ свой путь въ Лавру.

И вотъ нынѣ, когда предреченіе блаженнаго старца сбылось во всей точности, и, вмѣсто сыпучихъ песковъ, передъ нашими глазами красуется цвѣтушій, благоустроенный монастырь, невольно приходятъ на память пророческія слова: Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцвѣтетъ, какъ нарциссъ. Великолѣпно будетъ цвѣсти и радоваться... и увидить славу Господа, величіе Бога нашего... *).

Іеросхимонахъ Іеронимъ Соловецкій.

(Память 23 сентября).

О. Іеронимъ, въ мірѣ Іеромей Лукинъ, сначала состоялъ въ гражданской службѣ съ 1782 по 1795 годъ; потомъ поступилъ въ Новгородскій Хутынъ монастырь, гдѣ въ 1799 году постриженъ въ монашество. Въ іеромонаха онъ рукоположенъ въ 1808 году въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, послѣ чего служилъ при Московскомъ синодальномъ домѣ. Во время нашествія французовъ Іеронимъ трудился

*) См. Жизнеописаніе іеросхимон. Оеофила о. Вл. Зноско.

при отправленіи изъ Москвы патріаршей ризницы и, выѣхавъ съ нею, не имѣлъ времени сохранить свое имущество. По окончаніи войны онъ перешелъ въ Черноморскую Николаевскую пустынь Екатеринославской епархіи, а черезъ четыре года перемѣстился въ Новгородскую епархію. Будучи близко знакомъ съ Фотіемъ, впоследствии Юрьевскимъ архимандритомъ, а въ то время законоучителемъ кадетскаго корпуса, Іеронимъ узналъ отъ него о распространеніи въ обществѣ масонства и противныхъ православію ученій, и рѣшился донести правительству. За это донесеніе онъ посланъ былъ въ Петропавловскую крѣпость, изъ которой въ 1830 году переведенъ подъ строгій надзоръ въ Соловецкую обитель. Іеронимъ со слезами принялъ объявленіе о выводѣ его изъ Петропавловскаго каземата. «О чемъ ты плачешь»? спросилъ его комендантъ. «Повѣрьте», отвѣчалъ узникъ: «я не нашелъ лучше сего мѣста для иноческаго подвига». Хотя Іеронимъ не учился въ школахъ, но, при обширномъ умѣ, онъ самъ образовалъ себя духовнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ духовными старцами, съ которыми приходилось ему встрѣчаться на жизненномъ пути. Онъ имѣлъ увлекательный даръ слова и рѣдкую силу убѣдительности; совѣты его были особенно полезны для боримыхъ помыслами и смущаемыхъ совѣстію. Наставленія его, основанныя на опытѣ, были истиннымъ врачевствомъ духовнымъ. Вотъ что говорилъ онъ о современныхъ монахахъ строгой жизни:

«Не мни кто-либо, чтобы нынѣ не было сподобившихся дара умной молитвы. Въ Гороховскомъ Николаевскомъ монастырѣ жилъ монахъ о. Амвросій, бывшій ученикъ Паисія Молдавскаго. Амвросій, недалеко отъ монастыря, въ селеніи, имѣлъ друга, художествомъ иконописца, именемъ Аѳанасія. Однажды Амвросій ночевалъ у Аѳанасія, расположившись для сна во дворѣ. Аѳанасій ночью, выйдя на дворъ, увидѣлъ Амвросія стоящимъ на колѣняхъ и молящимся, и лице его сіяло необыкновеннымъ свѣтомъ. Аѳанасій ужаснулся; когда

же замѣтилъ это Амвросій, закричалъ: «не вѣрь, не вѣрь: это прелесть»; потомъ не велѣлъ сказывать видѣннаго никому. Это слышалъ я отъ самого Аѳанасія. У Амвросія въ томъ же монастырѣ былъ также сподвижникъ и ученикъ Паисіевъ, имѣвшій не меньшую благодать, именемъ Аѳанасій.

Излишнимъ считаю говорить о богоудной жизни схимонаха Василиска Валаамскаго. Василискъ былъ представленъ митрополиту Гавріилу, желавшему видѣть его.

Я зналъ въ Москвѣ простого мужа Гр. Ѳед—ча, по прозванію Гончара. Онъ былъ знакомъ митрополиту Платону и пользовался его расположеніемъ. Однажды между разговорами о спасеніи, Гончаръ сказалъ владыкѣ: «научи меня молиться». Платонъ велѣлъ ему творить молитву Иисусову. Послушалъ Гончаръ, началъ творить молитву и потомъ просилъ у Платона дальнѣйшихъ наставленій. Владыка послалъ его въ Пѣсношскій монастырь къ іеромонаху Самуилу. Пошелъ къ нему Гончаръ, посовѣтовался и возвратился домой въ крайнемъ молчаніи; оставилъ всю домашнюю заботу; устроилъ себѣ въ домѣ укромный чуланецъ; поставилъ въ ономъ образъ съ лампадкою и началъ безмолвствовать. Въ церковь же ходилъ всегда и былъ до смерти церковнымъ старостою. За смиреніе и милосердіе къ нищимъ, Богъ явилъ ему его кончину.

Въ Оптинскомъ Новгородскомъ монастырѣ былъ извѣстный мнѣ любитель безмолвія и сердечнаго трезвенія, монахъ Патермуфій. Онъ жилъ въ Отнѣ, пока народу ходило туда мало; когда же провели туда новую широкую дорогу отъ Новгорода, Патермуфій бѣжалъ и началъ жизнь юродственную. Митрополитъ Гавріилъ, уважая его, позволилъ пребывать, гдѣ захочетъ. И жилъ онъ въ Новгородѣ и Петербургѣ, гдѣ попало, и часто по ночамъ при церквахъ молился. Ходилъ, въ чемъ попало; я видалъ его сидящимъ на распутияхъ съ нѣсколькими въ рукахъ копѣйками, какъ бы милостынею; но, что ему давали, все раздавалъ нищимъ. Иногда видалъ

въ Хутынскомъ Орѣховскомъ саду, сидящаго сутокъ трое и сильно искусаннаго комарами. Онъ тридцать лѣтъ ни съ кѣмъ не говорилъ. Все Священное и отеческое Писаніе зналъ вполнѣ; имѣлъ даръ прозорливости и разсужденія. Кто съ вѣрою спрашивалъ о чемъ, отвѣчалъ минами и вѣрно. Скончался и погребенъ въ Невской лаврѣ.

Знаю и нынѣ богоугодныхъ подвижниковъ, въ трезвеніи сердечномъ занимающихся Іисусовою молитвою; но Испытующій сердца и утробы и Исчитай множество звѣздъ, знаетъ и видитъ ихъ лучше меня».

Іеросхимонахъ Іеронимъ почилъ съ миромъ о Господѣ въ Анзерскомъ скиту 1847 года, сентября 23 дня, 82 лѣтъ *).

Игуменія Евпраксія.

(Память 23 сентября).

Староладожскій Успенскій женскій монастырь С.-П.-Бургск. епархіи—одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей епархіи—много пережилъ въ теченіе своей болѣе чѣмъ пятивѣковой жизни и видѣлъ немало горестныхъ событій, но бывали и радостные дни въ его судьбѣ, являлись личности, которыя своею жизнію и дѣятельностью надолго оставляли по себѣ свѣтлый слѣдъ, вызывали по себѣ благодарную память, свѣтлыя воспоминанія.

Такою свѣтлою личностью и была въ недавнія времена игуменія Евпраксія, скончавшаяся 23 сентября 1823 года, о которой мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Игуменія Евпраксія въ мірѣ называлась Евдокією; она родилась въ 1734 году. Родители ея были: отецъ—купецъ, а мать изъ священническаго рода, жившіе въ С.-Петербургѣ, гдѣ ея дядя былъ придворнымъ протоіереемъ, а сестра и

* Изъ Соловецкаго Патерика.

племянницы были въ замужествѣ за дворянами. Рано оставшись сиротою, Евдокія, желая избѣжать супружества, удалилась изъ дома дяди въ г. Арзамасъ, гдѣ десять лѣтъ прожила въ Алексіевскомъ женскомъ монастырѣ въ трудахъ и молитвенныхъ подвигахъ. Не сразу далась легко юной подвижницѣ иноческая жизнь. Крѣпкаго здоровья она не имѣла, и первое время скудная монастырская трапеза вредно отозвалась на ея здоровьѣ. Евдокія заболѣла разслабленіемъ и, горько плача, просила у Божіей Матери помощи и возстановленія силъ. И дивная помощь скоро явилась. Однажды, во время праздничной всенощной, когда больная лежала въ изнеможеніи, вдругъ она услышала стройное пѣніе и увидѣла, какъ ея келлія вдругъ открылась, и въ нее вошли два свѣтлыхъ мужа, неся икону Успенія и поя тропарь этого праздника. Больная молитвенно устремила свой взоръ къ иконѣ. Ликъ Пречистой на иконѣ ожилъ, Богоматерь поднялась съ ложа и сказала болящей: возстань и укрѣпляйся, ты должна послужить Миѣ еще много. Евдокія тотчасъ стала здоровою, видѣніе скрылось. Когда пришли сестры и увидали Евдокію здоровою, умилились и прославили Бога. Къ концу десятаго года жизни въ Арзамасѣ Евдокіи, стало ея пребываніе извѣстно ея дядѣ, который и потребовалъ выслать племянницу въ С.-Петербургъ. Возвратилась Евдокія къ дядѣ, но ненадолго. Скоро она удалась въ Староладожскій монастырь, а съ провожавшимъ вѣрнымъ слугою наказала дядѣ, что она въ міру жить не будетъ, сколько бы ее къ этому ни склоняли. Тогда и дядя оставилъ ее въ покоѣ, и жизнь ея потекла по возлюбленному пути...

Игуменія Евѳимія приняла Евдокію благосклонно и отвела ей отдѣльную келлію, гдѣ Евдокія и проводила дни свои въ строгомъ воздержаніи, питаясь только хлѣбомъ и квасомъ, который разъ въ недѣлю приносила ей одна Ладожская женщина. Особымъ послушаніемъ Евдокіи въ эти годы было чтеніе Псалтири по усопшимъ. Будучи тверда духомъ,

она одна ходила по покойникамъ и, нѣсколько болѣе должнаго полагаясь на свои силы, пренебрегала осторожностью и получила вразумленіе. Однажды она въ церкви, глухою осеннею ночью читала надъ покойникомъ изъ мірянъ, который, какъ ей показалось, вдругъ поднялся и, ужасный видомъ, бросился на нее. Испуганная Евдокія бросилась въ келлію и замертво упала на ея порогъ. На утро нашли ее въ глубокомъ обморогѣ. Съ тѣхъ поръ она уже не полагалась слишкомъ на свои силы. Въ декабрѣ 1777 года Евдокія была пострижена съ именемъ Евпраксіи, а 2 февраля 1779 года была преосвященнымъ владыкою С.-П.Б. Гаврииломъ возведена, въ лаврской Благовѣщенской церкви, въ санъ игуменіи Староладожскаго монастыря. Съ этого времени въ жизни подвижницы наступилъ новый и самый трудный періодъ, когда она подвигомъ пустынножительства дивно сумѣла сочетать съ подвигомъ управления обителью.

Какъ игуменія, блаженная Евпраксія была дивно-мудрою. Главное вниманіе она обратила на благолѣпіе храмовъ и истовое и благолѣпное совершеніе богослуженія. Въ частности она любила и всячески заботилась, чтобы во время службы храмъ всегда былъ обильно освѣщенъ. На храмовые праздники въ ея игуменство всегда пріѣзжали архимандриты изъ Лавры, которыхъ игуменія встрѣчала звономъ церковныхъ колоколовъ, сама всходя на колокольню; въ другіе праздники собиралось окрестное духовенство. Она много потрудилась надъ благоустройствомъ и украшеніемъ храмовъ, ограды и колокольни. И благодатная помощь свыше не разъ являлась ей въ минуты затрудненія. Однажды, во время постройки колокольни не хватало для продолженія дѣла средствъ. Блаженная весьма скорбѣла,—и вотъ ей въ сонномъ видѣніи явилась св. великомученица Варвара и обѣщала помощи свыше. И на другой же день отъ помѣщицы Желтухиной явилась посыльная женщина и принесла конвертъ съ потребною суммою. Въ другой разъ, когда везли колоколъ изъ С.-П.-Б-га и

настигла ихъ буря, Евпраксія, не оставивъ колокола, въ холдѣ усердно молилась Богу, прося дать конецъ бурѣ, а ея спутники были въ деревнѣ. Евпраксіи явились преподобные Сергій и Германъ Валаамскіе и Александръ Свирскій и утѣшили: колоколъ скоро былъ привезенъ, и сама Евпраксія, на блокахъ поднявшись съ крестомъ, водрузила его надъ колокольнею. Строя монастырской жизни она не измѣняла на общежительный, но всячески заботилась о благополучіи жизни сестеръ, принимала же ихъ съ большою осторожностью и иногда ихъ строго испытывала. Такъ, когда пришла къ ней ея въ послѣдствіи любимая ученица Елпидифора, Евпраксія сначала ее не приняла и даже строго приказала уйти, но потомъ, когда непреклонность Елпидифоры явно обнаружилась, приняла ее съ радостью. Въ жизни отъ монахинь игуменія требовала строгаго исполненія правилъ иноческой жизни, и неудивительно, если въ ея время жизнь монахинь стояла на рѣдкой высотѣ. Пересудамъ, зависти, лѣности не было мѣста. Сама игуменья подавала высокій примѣръ воздержанія и трудолюбія. Многія были истинными подвижницами. Но особенно любовь Евпраксіи выражалась къ сестрамъ во время ихъ болѣзни, когда блаженная сама ухаживала за ними и всячески облегчала ихъ страданія. Такъ, когда была опасно больна Елпидифора, и ей въ видѣніи было показано, что получить исцѣленіе послѣ посѣщенія часовни на Абрамовщинѣ, игуменія, только что туда сходявшая, опять, несмотря на непогоду, сходила и тамъ помолилась о болящей, и та скоро поправилась, умывшись водою изъ колодца при той часовнѣ. Когда ею овладѣвалъ духъ раздраженія, и блаженная не могла сдержаться, по минованіи его, она первая просила прощенія и умоляла потерпѣть. Такъ, когда врагъ возмущалъ долгое время духъ раздраженія противъ Елпидифоры, Евпраксія всегда первая потомъ колѣнопреклоненно искала примиренія и умоляла усердиѣ молиться. И по слезной молитвѣ духъ раздраженія оставилъ ее, и благодатный миръ водво-

рился между ними. Игуменію всегда и глубоко уважали и такіе люди, какъ С-Петербургскіе Владыки, подвижники благочестія: Ѳеофанъ Новоезерскій, Ѳеодоръ Санаксарскій, Назарій Валаамскій и другіе. Ее хотѣли назначить начальницею Смольнаго монастыря, но она отказалась, предпочитая быть лучше въ бѣдной обители. Для обители она средствъ просьбами, хожденіями, разыскиваніемъ благодѣтелей—не изыскивала, но молилась, и по своей молитвѣ скоро получала потребное. Нерѣдко рыбаки, закидывая мрежу на счастье Евпраксіи, получали обильный уловъ; было много и другихъ подобныхъ случаевъ. Но въ то же время Евпраксія отличалась великимъ смиреніемъ. Когда ей хотѣли дать наперсный крестъ, она отказалась и отъ сей награды. Въ то же время она отличалась и крайнимъ нестяжаніемъ, и когда умирала какая-либо изъ монахинь, блаженная Евпраксія, раздавая сестрамъ имѣнныя покойной, себѣ никогда ничего не брала. Ходила она скромно одѣтою. Однажды привелось ей быть въ пріемной митрополита, когда тамъ дожидались пріема двѣ знатныя игуменіи. Онѣ спросили важно Евпраксію: зачѣмъ она тутъ, а когда услышали, что есть дѣло къ Владыкѣ, сухо замѣтили, что ея не приметь, за болѣзнію, а только ихъ. Каково же было ихъ смущеніе, когда секретарь объявилъ, что митрополитъ приметь только одну Евпраксію. Такъ смиренныхъ Самъ Господь превозноситъ, несмотря на ихъ видимое униженіе. Самый видъ благолѣпной старицы, сіявшей красотою внутренняго благообразія, сила и сладость кроткаго ея слова,—все возбуждало неизъяснимое влеченіе къ старицѣ. Дѣятельная, распорядительная, блаженная старица Евпраксія управляла монастыремъ 43 года (1779—1822 г.) и 22 іюля 1822 года испросила увольненіе на покой.

Одновременно съ подвигомъ управленія обителью она, какъ сказано выше, несла еще подвигъ пустынночскій. Устроивъ въ трехъ почти верстахъ отъ обители часовенку, крестъ, перенесенный изъ обители послѣ паденія съ Успенской цер-

бви, колодезь въ Абрамовскомъ лѣсу, Евпраксія часто утромъ удалялась туда на молитву до поздняго вечера и тамъ усердно молилась. Въ дождь, вѣтры, снѣга, бури, распутицу, темною ночью—ходила туда Божія избранница и ничего не боялась. Истерзанная терніями, комарами, мошками, зноемъ, холодомъ она возвращалась въ нетопленную комнату и опять молилась. Не разъ въ пути ей сопутствовалъ дивный свѣтъ, волки бѣгали съ нею, что ручныя собачки, галки привели ее къ дереву, около котораго блаженная обронила свой ковчежець съ св. мощами, дивный столпъ огненный спасъ ее отъ ножа бѣглаго солдата, который ея молитвами потомъ, принеся покаяніе, вновь былъ принятъ на службу и зажилъ прекрасно. Придя съ сломанною рукою на Абрамовщину, Евпраксія получила послѣ молитвы полное исцѣленіе. Вода изъ колодца на Абрамовщинѣ и по смерти блаженной источаетъ исцѣленія: такъ исцѣлились двѣ дѣвицы отъ разслабленія. За нѣсколько времени до смерти блаженная приняла въ Великій Четвергъ елеопомазаніе и узрѣла надъ собою распростертую десницу, въ другой же разъ она видѣла Спасителя на облакахъ, и предсказала скорое возвращеніе съ отечественной войны одного помѣщика слегка раненымъ. Такъ еще при жизни раба Божія вѣрная труженица была свыше прославлена Самнымъ Господомъ. Оставивъ бремя правленія, Евпраксія остатокъ дней своихъ проводила въ строгомъ затворѣ, не вмѣшиваясь въ дѣла и только изрѣдка смиренно ходатайствуя за сестеръ и смиренно перенося суровое обращеніе новой игуменьи. Въ дни немощи она вкушала также умѣренно, принимая и чай или кофе. Незадолго до смерти, Евпраксія удостоилась предуказанія времени кончины. Среди многихъ видѣній, какихъ удостоивалась блаженная, она часто видала древнюю инокиню Агилину, возобновительницу обители послѣ смутнаго времени. Блаженная древняя старица, являясь въ мантии и съ посохомъ, обходила ночью монастырь и всегда скрывалась въ стѣнѣ соборной церкви, гдѣ подъ крайнимъ

Кієво-Китаєвская пустынь

Кієво-Печерський затворникъ Досифей

окномъ, какъ полагала или знала по откровенію Евпраксіа—находятся мощи ея. Эта то избранница Божія, явившись Евпраксіи, постоянной молитвенницѣ за нее, сказала: готовься, ты скоро соединишься со мною. И, дѣйствительно, принявъ Св. Тайны, блаженная почилъ 23 сентября 1823 г. По смерти ея оказалось, что она была пострижена въ схиму; эта схима и была положена съ нею въ гробъ. Когда омывали тѣло почившей, оное дивно само собою оказалось въ сидячемъ положеніи. Погребли ее на пятый день по преставленіи, но и тогда не было замѣтно тлѣнія, а исходило нѣкое благоуханіе. Погребена блаженнопочившая Евпраксіа за окномъ главнаго Успенскаго алтаря. На ея могилѣ плита съ изсѣченною собственноручно почившею надписью. Многіе съ вѣрою притекають къ могилѣ почившей старицы и молятся объ упокоеніи ея сердобольной, благоговѣйной души въ вѣчныхъ райскихъ селеніяхъ. Годы быстро несутся, и приближается грозный судъ Христовъ. Но память подвижницы благочестія не умираетъ, и ея величавый образъ всегда живъ въ сердцахъ ревнителей благочестія. Видъ старицы былъ таковъ: невысокаго роста, тонкаго тѣлосложенія, въ шапочкѣ, мантии и съ жезломъ въ рукахъ.

Ей, глаголетъ духъ: блаженіи мертвіи, умирающіе о Господѣ: почіють отъ трудовъ своихъ *).

Кіево-Печерскій затворникъ Досиоей.

(Память 25 сентября).

Въ 1721 году, въ богатой и знатной семьѣ Рязанскихъ дворянъ Тяпкиныхъ родилась дочь. Младенецъ былъ крещенъ, и наречено было имя ему Дарья. Незадолго до появленія Дарьи на свѣтъ, бабушка ея, желая посвятить остатокъ

*) Сост. по кн. „Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-П.-Б. епархіи,“ вып. 2, 1871 г., стр. III отд. 217—238.

дней своей жизни на служеніе Богу, отправилась по общанію въ Московскій Вознесенскій монастырь и тамъ постриглась въ монахини съ именемъ Порфиріи. Монастырь этотъ первоначально построенъ великою княгинею Евдокіею, супругою Дмитрія Донскаго, а сама княгиня, во инокиняхъ Евфросинія, нетлѣнно почиваетъ въ главномъ храмѣ воздвигнутаго ею монастыря. Монахиня Порфирія не пожелала нигдѣ болѣе удалиться на покой, какъ только подъ кровъ и заступничество той, отъ мужа которой ея давнишніе предки, за свою вѣрную и честную службу, получили большое богатство и высокую знатность рода.

Когда малюткѣ Дарьѣ исполнилось два года, благочестивые родители ея рѣшили отправиться въ Сергіевскую лавру на богомолье. Не желая оставлять Дарью на попеченіе слугъ, они взяли ее съ собой. По пути они заѣхали въ Москву и, поклонившись Кремлевскимъ святынямъ, остановились въ Вознесенскомъ монастырѣ, чтобы погостить нѣсколько дней у старицы Порфиріи. Когда бабушка въ первый разъ увидѣла свою маленькую внучку, то до того привязалась къ ней всей душой, что ни за какія блага не пожелала разстаться съ маленькой Даріею.

«Нѣтъ,—сказала она,—я ни за что не отпущу ея! Пускай эта малютка будетъ для меня здѣсь свѣтлымъ ангеломъ, покоящимъ исходъ моей старости... Я отдамъ ее на попеченіе блаженной княгини Евфросиніи, и она, своими святыми молитвами и материнскимъ хотѣніемъ, поведетъ ее благимъ путемъ жизни».

Долго не рѣшались родители разстаться съ маленькой Дарьей, но, видя неотступныя просьбы богобоязненной старицы Порфиріи, съ глубокимъ сожалѣніемъ оставили Дарью въ Москвѣ.

Съ этого времени маленькая Дарья поселилась у бабушки въ келліи. Изрѣдка только, когда бабушка Порфирія праздновала день своего ангела, собирались къ ней съ поздравле-

ніємъ почтенныя старицы-монахини, да и то ненадолго. Бабушка со внучкой почти все время бывали въ келліи одні.

Дарья отъ природы была дѣвочка кроткая, вдумчивая, памятливая, умная. Каждое движеніе бабушки не ускользало отъ вниманія ея пытливыхъ очей, каждое мудрое слово и ласковый совѣтъ глубоко западалъ въ ея чуткое сердце.

Рано приучила бабушка Дарью къ послушанію и порядку. Чуть только солнышко заглянетъ, Дарья словно трудолюбивая пчелка съ постельки поднимается, помолится и скорѣе за работу.

Всѣ образа отъ пыли насухо перетреть, лампадки передъ ними заправить, постельку бабушкѣ прибереть, келлійку подмести; всюду чистоту да порядокъ наведетъ. И любили онѣ другъ друга; все вмѣстѣ. Не разъ бывало, проснувшись ночью, и не видя въ постели близъ себя любимой бабушки, Дарья подымала съ тревогой голову и спрашивала: «Бабушка, гдѣ ты?» А въ это время бабушка безмолвствовала. Углубившись въ молитву, она стояла на колѣняхъ въ углу и, ежеминутно осѣняя себя широкимъ крестомъ, полагала передъ образами безчисленные поклоны.

«Бабушка, да гдѣ же ты?»—снова безпокоилась Дарья.—«Мнѣ страшно бабушка... Я боюсь одна»...—«Спи, мое дитячко... Спи, родимое... Милость Господня съ тобой»,—отвѣчала ей, услышавъ ея голосъ, бабушка и успокоивъ малютку, снова углублялась въ молитву. Но Дарья не спала, внимательно слѣдила она за движеніями бабушки. Большія разноцвѣтныя лампы ярко теплились передъ дорогими образами, едва освѣщая окружающіе предметы и распространяли по келліи пріятный полусвѣтъ. Кругомъ была мертвая тишина. Только изрѣдка слышно было, какъ старческія губы богобоязненной Порфиріи шепотомъ твердили святыя слова вдохновенной молитвы. Добрымъ сѣменемъ запали они въ дѣтское сердце ея внучки.

Монахиня Порфирія давно видѣла благія стремленія по-

нѣтливой внучки и со всѣмъ рвеніемъ многоопытной души спѣшила посвятить маленькую Дарью въ тайну величія Божія.

Съ глубокимъ вниманіемъ слушала маленькая Дарья мудрыя наставленія бабушки Порфирія. Дѣтское сердце ея, объятое огнемъ божественной любви, отъ всей чистоты своей возлюбило Распятаго Господа. Храмъ Божій сдѣлался для нея съ этихъ поръ самымъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ.

Дарья росла и крѣпла тѣлесно, развивалась и совершенствовалась духовно. Грамотѣ Дарья научилась въ монастырѣ и къ 7 годамъ знала наизусть много молитвъ. Много труда и мудрости употребила бабушка, чтобы воспитать ее въ страхъ Божию. Увидала, напримѣръ, однажды, что Дарья по нерадѣнію не подала милостыни бѣдняку, тотчасъ позвала его въ келлію и заставила внучку служить ему за столомъ.

Бабушка приучала ее къ бережливости и труду.

Когда Дарья исполнилось 9 лѣтъ, родители порѣшили взять ее изъ монастыря. Не по сердцу пришлась такая вѣсть благонаправной юницѣ. Честь дворянскаго рода, къ которому принадлежала Дарья, требовала отъ нея свѣтскаго воспитанія и разносторонняго образованія въ наукахъ. Объ этомъ-то больше всего и беспокоились ея родители, для этой цѣли они и пріѣхали за нею въ Москву. Кромѣ того, бабушка Порфирія, чувствуя ослабленіе силъ и приближеніе смерти, возымѣла ревностное желаніе облечься въ великій ангельскій образъ—схиму. Благословивъ внучку маленькимъ образкомъ, старица Порфирія разсталась съ нею навсегда. Прошло недѣли 2—3, и юная подвижница Дарья переступила порогъ родительскаго дома!..

Жутко показалось Дарья на первыхъ порахъ ея новой, неизвѣданной жизни. Дарья вышла изъ монастыря совершенно монахиней. Въ среду и пятницу она не принимала ровно никакой пищи. Да и въ прочіе дни ни мяса, ни молока, ни яицъ совсѣмъ не вкушала. Какъ истая христіанка, Дарья

была смирна и незлобива: кроткая поступь, кроткое сидѣнье, кроткій взглядъ, кроткое слово. Съ высшими и низшими по званію была одинаково ровна, никому не противорѣчила и никого не оскорбляла ни словомъ, ни дѣломъ. Только и старалась объ одномъ, чтобы не досадить чѣмъ-нибудь ближнему своему. Даже крѣпостная дѣвушка, приставленная къ Дарьѣ для комнатныхъ услугъ, получала отъ нея одну лишь сердечную усладу и большое душевное утѣшеніе. Несмотря на окружавшую ее роскошь и богатство, Дарья не искала земной пышности, славы и блеска. Она и теперь старалась быть утѣшительницею печальныхъ: вводила бѣдняковъ въ свою комнату и раздѣляла съ ними хлѣбъ и питіе.

Постелью служила ей узкая доска, а изголовьемъ подушка изъ сѣна.

Много натерпѣлась юная подвижница. Много тайныхъ слезъ пролила она. Ужъ очень не нравилось ей жить съ родными дома въ семьѣ. Слишкомъ шумно да весело было тамъ. Ей было въ то время 15 лѣтъ. И хотя тѣло ея было измощено суровымъ постомъ и молитвою, однако это не могло лишить ее природной красоты. А родные только того и ждали, чтобы поскорѣе ее отдать замужъ. Она же ждала только удобнаго случая, чтобы покинуть навсегда родительскій домъ и міръ.

Наступилъ 1736 годъ. Стоялъ май, когда, оставивъ родительскій домъ тайно, Дарья направилась къ Москвѣ. Съ трепетомъ, вся преисполненная духовной жажды, молилась она тамъ. Оставалось избрать мѣсто для начала иноческихъ подвиговъ. Дарья направилась было въ Вознесенскій монастырь. Войдя въ церковь, она увидѣла бабушку, которая спокойно молилась передъ образомъ Богоматери. Посмотрѣвъ на старицу, Дарья вышла изъ монастыря, остригла волосы, приобрѣла на базарѣ мужское крестьянское платье и, передѣвшись въ него, направилась въ Троице-Сергіевскую лавру.

Трудно было признать въ Дарьѣ дѣвушку, да еще благороднаго, знатнаго рода. Блѣдное, исхудалое лицо, загорѣлое

отъ солнца и долговременнаго путешествія, измѣнило нѣжныя очертанія красиваго дѣвичьяго лица и сдѣлало ихъ болѣе грубыми и мужественными. Низкій голосъ и степенная равномерная походка также не могли вызвать никакого подозрѣнія. Монастырское начальство приняло Дарью весьма благосклонно. Но, провѣдавъ о томъ, что Досиѳея—такимъ именемъ назвалась Дарья, по прибытіи въ Лавру, не кто иной, какъ бѣглый юноша-крестьянинъ, отказалось наотрѣзъ постричь его въ иноческій образъ. Долго разсуждали старцы объ этомъ и наконецъ разрѣшили Досиѳею пребывать въ Лаврѣ тайно, на послушаніи.

Оставаясь непрестанно на стражѣ вниманія, Досиѳея,—такъ будемъ называть ее,—хранилъ глаза и уши свои, чтобы не услышать чего-либо могущаго осквернить душу. Наблюдая чрезвычайную скромность и строжайшую умѣренность, уклонялся отъ непутныхъ, даже самыхъ необходимыхъ разговоровъ съ мужескимъ поломъ и, чувствуя себя совершенно безпомощнымъ находится безъ присутствія благодати Божіей, безпрестанно моилъ Господа о неоставленіи и помилованіи его.

Прошло три года. Изнемогшіе отъ горя родители, испытавъ всѣ способы къ отысканію пропавшей дочери, потеряли всякую надежду на ея возвращеніе и, наконецъ, рѣшили попытать счастья: лично пріѣхали искать Дарью по Москвѣ. На вопросы ихъ у схимницы Порфиріи,—старица, конечно, не могла дать никакого отвѣта. Тогда въ большемъ отчаяніи и сердечной тревогѣ родные отправились въ Лавру преподобнаго Сергія и тамъ усердно просили Бога и святыхъ угодниковъ Его, дабы имъ былъ открытъ слѣдъ пропавшей дочери. Молитва родителей была услышана. Когда мать со своею старшею дочерью стояли въ церкви около солеи, мнимый послушникъ Досиѳея часто проходилъ около нихъ, зажигая и погашая предъ иконами свѣчи. Долго и внимательно разглядывала его родная сестра и, приковавшись вниманіемъ,

замѣтила въ лицѣ его удивительное сходство со своею пропавшею сестрою, о чемъ и сказала матери.

Въ это самое время Досиоей оглянулся на толпу. Съ глубокимъ вниманіемъ устремила мать свой пылливый взоръ въ родное дѣтище, и какое-то внутреннее чутье тотчасъ подтвердило ей предположеніе старшей дочери.

Вблизи проходилъ знакомый іеромонахъ. Старшая сестра тотчасъ остановила его и, указывая глазами на Досиоея, попросила привести его къ нимъ на гостинницу. Іеромонахъ утвердительно бивнулъ головой и, не спрашивая о причинѣ этого желанія, пошелъ дальше.

Когда обѣдня окончилась, и люди стали выходить изъ церкви, іеромонахъ подошелъ къ Досиоею и, указывая перстомъ на шедшихъ въ толпѣ народа мать и сестру его, ничего не подозревая, передалъ ихъ приглашеніе.

Досиоей же мгновенно угадалъ, что это были за люди.

Наскоро, зайдя въ келлію и собравъ свои вещи и накинувъ на плечи котомку, Досиоей немедленно вышелъ за монастырскія ворота и направился въ Кіево-Печерскую лавру.

Тяжелъ и дологъ былъ его путь. Но, наконецъ, путникъ достигъ Кіева. Съ великою радостью вошелъ Досиоей подъ кровъ обители и, поклонившись св. мощамъ угодниковъ Божіихъ, направился къ настоятелю Лавры архимандриту Иларіону. Представъ передъ нимъ, Досиоей сказалъ:

«Отче святой! Я крестьянинъ нѣкоего изъ великороссійскихъ бояръ. Зовутъ меня Досиоей. Съ юныхъ лѣтъ возымѣлъ я желаніе быть монахомъ и рѣшилъ посвятить себя на служеніе Распятому Христу. Не оставь моей скудости. Прими меня подъ кровъ Небесной Владычицы. Вѣрь, что я буду трудиться здѣсь до послѣдняго издыханія и ни единымъ жестомъ не посмѣю осквернить благодатной святыни».

Настоятель осмотрѣлъ Досиоея и, не рѣшаясь лично пріютить бѣглеца, доложилъ объ этомъ митрополиту Рафаилу.

Благочестивый архипастырь тотчасъ призвалъ Досиоея къ

себѣ и, видя предъ собою благообразнаго юношу-крестьянина, удивился его начитанности и обширному уму. Долго бесѣдовалъ онъ съ удивительнымъ бѣглецомъ и, хотя принялъ его благосклонно, однако тоже отказался исполнить его завѣтное желаніе.

Разсудивъ обо всемъ, Досиѳей рѣшился на послѣднее средство. По примѣру начальника русскаго иночества преп. Антонія, онъ избралъ себѣ древній видъ отшельничества—пещерное житіе. Досиѳей сталъ обходить Кіевскія обители, ища себѣ подходящаго убѣжища. Но, не найдя ничего въ самомъ Кіевѣ, отправился за городъ, въ Китаевскую пустынь, и тамъ, обходя окрестныя горы и лѣса, нашелъ большую высокую гору «Китай». Гора эта, окруженная съ юга и сѣвера лѣсами, находится на двѣ съ половиной версты отъ Днѣпра, и съ вершины ея видна окрестность на большое разстояніе, даже до Триполя... Осмотрѣвъ ее съ разныхъ сторонъ, Досиѳей нашелъ на Китай-горѣ много пещеръ, по которымъ видно было, что кіевскіе подвижники издавна приходили сюда на подвигъ уединенія. Не желая пользоваться плодами чужихъ трудовъ, Досиѳей собственноручно вырылъ у вершины горы небольшую пещерку и тайно поселился въ ней.

Никто не обратилъ на него вниманія. Никто не преслѣдовалъ его здѣсь.

Нѣсколько лѣтъ прожилъ Досиѳей въ пещерѣ, проводя строгую, суровую жизнь, всю посвященную подвигамъ самоиспытанія, очищенія сердца и устремленія ума къ Господу Богу и вѣчному блаженству. Питался онъ только хлѣбомъ да водою, которую приносилъ ему одинъ инокъ Китаевской пустыни. Когда же наступалъ Великій постъ, Досиѳей затворялся наглухо и выходилъ только по ночамъ, чтобы набрать мху и корней, которые служили для него тогда постоянною пищею. Вещественнымъ огнемъ Досиѳей также не согрѣвался въ пещерѣ. Когда его спрашивали объ этомъ, Досиѳей со вздохомъ отвѣчалъ:

— «Господи, Господи! во свѣтѣ лица Твоего узримъ свѣтъ. Бѣдные мы грѣшники. Укрываясь отъ глазъ человѣческихъ темнотою ночи, мы все думаемъ, что насъ не замѣчаетъ никто. А Богъ? Не на всякомъ ли мѣстѣ очи Господни смотрятъ злыя и благія? Ибо даже адъ и пагуба явны предъ Господомъ: како не и сердца человѣковъ? Итакъ, око Божіе видитъ все. Ангель-хранитель да человѣческая совѣсть суть свидѣтели всякаго рода мыслей и дѣлъ. Сознавая сіе, для меня все равно:—горитъ ли огонь въ моемъ жилищѣ или нѣтъ, я всегда могу лицезрѣть своимъ умомъ Вышняго, Который стоитъ близъ меня и внимаетъ моимъ словамъ».

Другимъ Досиоей говорилъ:

— «Не говори о пищѣ, жилищѣ и другихъ маловажныхъ вещахъ, а со страхомъ и трепетомъ проходи житіе свое. Какъ райскую птичку береги страхъ сей, чтобы не улетѣлъ. Улетитъ—не поймашь. А для сего затвори двери своей келліи, собери мысли и свяжи чувства вниманіемъ. Утѣхи минутны, а добродѣтель безсмертна. Коли ты обладаешь разумомъ,—выбирай любое».

И дабы сохранить слезы умиленія и любви ко Христу, онъ разными способами умерщвлялъ свою плоть, ни давая ей ни отдыха, ни покоя. И чѣмъ больше Досиоей побѣждалъ себя, тѣмъ скорѣе пріобрѣталъ миръ.

Однако, недолго скрывался любитель безмолвія отъ взовъ человѣческихъ. Какъ ни избѣгалъ Досиоей человѣческой славы, какъ ни затворялся наглухо отъ любопытства людей,—сталъ прославляться среди окрестностей Кіева; по времени онъ сдѣлался извѣстенъ и самому Царствующему Дому.

Въ 1744 году Кіевъ посѣтила Императрица Елисавета Петровна съ наслѣдникомъ престола Петромъ Ѳеодоровичемъ и его невѣстою Екатериной Алексѣевной.

Въ продолженіе всего своего пребыванія въ Кіевѣ, Государыня неоднократно посѣщала Ближнія и Дальнія пещеры, бывала въ Софійскомъ соборѣ, Михайловскомъ и Флоровскомъ

монастыряхъ, также и въ другихъ Кіевскихъ храмахъ и святыхъ мѣстахъ.

Наслышавшись изъ разсказовъ окружавшихъ ее лицъ о живописной мѣстности Кіево-Китаевской пустыни, она видимо заинтересовалась ею и пожелала немедленно посѣтить ее.

Прибывъ туда со многими духовными и свѣтскими особами и поклонившись святому мѣсту, гдѣ жилъ нѣкогда предокъ ея, великій князь Андрей Боголюбскій, Государыня услышала о богоугодно жившемъ на Китаевской горѣ пещерникѣ Досиѣѣ и пожелала видѣть его.

Съ изумленіемъ открылъ Досиѣей отверстіе своего пещернаго жилища и, выйдя на свѣтъ, увидѣлъ предъ собою царицу. Сознавая, что передъ нимъ стоитъ сама Императрица, окруженная блестящею свитой, Досиѣей поклонился ей до земли и низко потупилъ свой взоръ.

— Давно-ли спастись сталъ, рабъ Божій?—ласково спросила его Елисавета Петровна.

— Съ тѣхъ поръ, Государыня, когда душа моя стала навязать вниманію... Съ тѣхъ поръ началась моя духовная, внутренняя жизнь, которая не покидаетъ меня даже доселѣ.

О многомъ разспрашивала Императрица Досиѣю и, послѣ долгихъ разговоровъ узнавъ, наконецъ, что Досиѣей до сего времени не постриженъ и о причинѣ этого, повелѣла немедленно постричь его въ рясофоръ и даже сама, на другой день, присутствовала при обрядѣ постриженія. Имя Досиѣей пожелалъ оставить прежнее, безъ измѣненія.

Разставаясь съ Досиѣею, Государыня вручила ему кошель, наполненный золотомъ. Но затворникъ, проводя Императрицу, золота въ пещеру не внесъ, а положилъ его въ глиняномъ черепкѣ у дверей, пока по его совѣту знакомый крестьянинъ не отнесъ кошелекъ въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ и представилъ Духовному Собору.

Съ общаго совѣта Соборныхъ старцевъ и съ согласія мо-

наха Досиоея, рѣшено было на эти деньги выстроить въ селеніи Пироговъ церковь, что и было сдѣлано.

Долгое время, послѣ постриженія въ рясофоръ, прожилъ Досиоей въ пещерѣ, проводя время въ алчбѣ и жадѣ, терпѣливо перенося тѣсноту, холодъ и различныя страхованія отъ бѣсовъ.

Одаренный отъ природы свѣтлымъ и обширнымъ умомъ и имѣя въ себѣ великую духовную опытность, Досиоей привлекалъ къ себѣ сердца многихъ православныхъ; всякаго рода нищіе духомъ и больные сердцемъ являлись къ нему цѣлыми толпами за совѣтомъ и утѣшеніемъ. Досиоей нигуда не выходилъ изъ своего убѣжища и никого не принималъ къ себѣ. Желавшіе получить отъ него благословеніе и наставленіе, могли бесѣдовать съ нимъ только черезъ маленькое окошечко.

Совѣты его были мудры; онъ обладалъ даромъ прозрѣнія и читалъ въ сердцахъ людей.

— «Батюшка,—сказалъ разъ Досиоею одинъ знатный Кіевскій вельможа,—помогите!.. У меня случилось большое несчастіе... Видно Богъ оставилъ и не слушаетъ меня».

— «А ты зачѣмъ затыкаешь уши свои отъ рѣчей, коими умоляютъ тебя нуждающіеся?—возразилъ ему затворникъ. Вотъ потому то не слушаетъ и тебя Господь. «Иже затыкаетъ ушеса своя еже не послушати немощнаго: и той призоветъ и не будетъ услышанъ»... Но ты не скорби... Это не бѣда еще... А будетъ горе, если Господь не послушаетъ тебя, когда станешь молиться Ему объ отпущеніи грѣховъ».

Досиоей утверждалъ всѣхъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ и умѣлъ примѣнять свою рѣчь къ положенію, званію и состоянію каждаго человѣка. Со старцами говорилъ о молитвенномъ упражненіи и постоянномъ богомысліи, съ молодыми—объ опасности страстей и прихотей, съ отцами—о воспитаніи дѣтей, съ дѣтьми—о страхѣ Божиємъ и проч. Онъ обличалъ тайныя прегрѣшенія, возбуждалъ къ покаянію и предостерегалъ отъ будущихъ бѣдъ и искушеній. Замѣчали, что

когда Досиѣей давалъ просфору или жезлъ, то этимъ означалось выздоровленіе и благоденствіе, а когда ладонь, то этимъ предвѣщалась смерть..

Въ это то самое время, какъ разъ въ полный расцвѣтъ Досиѣевой славы, сталъ приготавливаться Богомъ къ возженію новый свѣтильникъ земли Русской преп. Серафимъ Саровскій. И отъ этого великаго затворника онъ получилъ совѣтъ рѣшившій всю его дальнѣйшую жизнь.

Поисповѣдавшись и приобщившись Святыхъ Таинъ, узнавъ Прохоръ о замѣчательномъ подвижникѣ старцѣ Досиѣѣ и съ великою радостію направился къ нему.

Послѣдній, видя предъ собою юношу, съ вполне опредѣлившимся духовнымъ складомъ, и съ распаляемою божественнымъ желаніемъ, чистою, рвавшеюся къ Богу душою, одобрилъ намѣреніе Прохора быть инокомъ и указалъ ему на Саровъ.

— Гряди, чадо Божіе, въ Саровскую обитель и пребудь тамъ. Мѣсто сіе будетъ тебѣ во спасеніе. Съ помощію Божіею скончаешь тамъ свое земное странствованіе. Только старайся стяжать о Богѣ непрестанную память и постоянно призывай имя Его тако: «Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго»... Въ томъ да будетъ все твое вниманіе и обученіе. Ходя и сидя и стоя въ церкви да будетъ сіе непрестанное твое во устахъ и въ сердцѣ. Съ нимъ найдешь покой и приобрѣтешь душевную и тѣлесную чистоту. И тогда вселится въ тебя Духъ Святой, и управишь жизнь свою во всякомъ благочестіи и чистотѣ...

Отпуская его старецъ прибавилъ:

— Тамъ, въ Саровѣ, настоятелемъ о. Пахомій. Онъ богоугодной жизни и послѣдователь преп. отецъ нашихъ Антонія и Феодосія...

Этому совѣту и послѣдовалъ Саровскій чудотворецъ.

Спустя двадцать лѣтъ со дня удаленія Досиѣея въ затворъ, онъ вторично увидѣлъ предъ собою родную сестру. Родители

Досиѡея давно уже скончались, а удрученная тоскливымъ одиночествомъ сестра его рѣшила посѣтить Кіевъ. Помолившись здѣсь Богу, она пришла къ затворнику Досиѡею и стала рассказывать ему о семейныхъ несчастіяхъ и о безвѣстно пропавшей сестрѣ, которая не разыскана до сего дня. Она не узнала его, ибо, бесѣдуя съ родною сестрою, старецъ Досиѡей не показалъ своего лица. Прощаясь съ нею, онъ далъ совѣтъ не допытываться, если кто-либо изъ родныхъ скрылся изъ дому ради Господа.

Когда же послѣдовалъ указъ, чтобы «отшельникамъ не быть нигдѣ», по причинѣ послѣдовавшихъ на Руси нѣкоторыхъ злоупотребленій, лаврскіе старцы, не желая быть нарушителями Царскаго указа, предложили Досиѡею переселиться въ Лавру. По прибытіи сюда, старецъ избралъ себѣ мѣсто на Дальнихъ пещерахъ и, не измѣняя своихъ обычаевъ и жизненныхъ правилъ, продолжалъ жить тамъ уединенно—затворникомъ. Пищу онъ получалъ по желанію отъ Лавры, которую ему приносилъ одинъ послушникъ тогда, когда подвижникъ считалъ нужною къ употребленію.

Имя келейнику старца Досиѡея было Теофанъ. Много душевной пользы принесло Теофану сближеніе со старцемъ Досиѡеемъ и подъ вліяніемъ этого вскорѣ у Теофана возгорѣлось желаніе посѣтить св. мѣста Іерусалима. Придя къ Досиѡею, онъ сталъ просить у него благословенія на дальній путь. Но прозорливый старецъ такъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ тебѣ пути ни въ Іерусалимъ, ни въ Святую Гору. Тебѣ предстоитъ въ свое время другой путь... А теперь, если желаешь, отправляйся въ Молдавію... Это путешествіе тебѣ будетъ на пользу. Ступай сейчасъ на Подолъ, тамъ найдешь двухъ молдавскихъ иноковъ, которыхъ и приведи сюда.

Теофанъ безпрекословно повиновался. Пришедши на Подолъ, онъ дѣйствительно нашелъ тамъ двухъ иноковъ, которые пришли въ Кіевъ изъ Молдавіи. Одинъ изъ нихъ, по имени Софроній, оказался не кто иной, какъ другъ и спостникъ Ве-

ликаго Паисія, и былъ впослѣдствіи архимандритомъ. Теофанъ сталъ усиленно звать къ старцу Досіею. Пришедши къ Досіею и услыхавъ отъ него просьбу взять съ собою Теофана, иноки охотно согласились на это, и всѣ трое немедленно отправились въ путь. Во все время длиннаго путешествія Теофанъ прислуживалъ имъ.

По сердцу пришлась Теофану эта жизнь, и онъ сталъ упрямивать Паисія оставить его въ Молдавіи. Но старецъ ему сказалъ:

— Иди въ Россію и еще немного послужи своему старцу, имѣющему скоро скончаться. А потомъ, по благословенію его, иди спасаться, куда онъ тебѣ укажетъ.

Снабженный на дорогу всѣмъ потребнымъ, Теофанъ возвратился въ Кіевъ и снова сталъ тамъ прислуживать своему старцу Досіею.

Однажды Досіею послалъ Теофана къ пономарю Великой церкви и велѣлъ принести ему херувимскаго ладану. Ученикъ исполнилъ приказаніе. Тогда Досіею положилъ ладанъ у себя на окнѣ и сталъ раздавать его по кусочку каждому изъ приходящихъ къ нему за благословеніемъ кіевлянъ.

— На, возьми,—говорилъ онъ,—да покури хорошенько у себя на дворѣ... Скоро будетъ страшное несчастіе... Люди станутъ падать на дорогѣ и умирать, какъ мухи... Но вы не унывайте... Не падайте духомъ, дѣти... А молитесь, молитесь...

И что же вышло? Въ концѣ 1770 года дѣйствительно появилась въ Малороссіи моровая язва, которая, быстро приближаясь къ Кіеву, окончательно появилась въ немъ 3-го сентября. Язва свирѣпствовала день ото дня все съ большею силою. Особенно страдали дома, гдѣ было много жильцовъ. Пострадала отъ нея и Кіево-Печерская лавра, ибо немало вымерло въ ней тогда иноковъ и пришлыхъ людей. Что же творилось съ тѣми людьми, которые получили наканунѣ отъ Досіеи ладанъ? Говорили, что они остались невредимыми, и страшная болѣзнь миновала ихъ дома.

Прошло съ тѣхъ поръ 4 года. Неудобно стало жить Досиѣю на Дальнихъ пещерахъ. Ужъ слишкомъ одолѣвалъ его простой народъ, громадными толпами окружавшій его келлію и постоянно тѣснившійся у окна. Желая остатокъ дней своихъ посвятить исключительно молитвѣ и воздержанію, Досиѣей въ 1775 году, сталъ просить настоятеля Лавры архимандрита Зосиму о перемѣщеніи его снова въ Китаевскую пустынь. Существуетъ преданіе, что Досиѣей, въ послѣднее время своего пребыванія въ Лаврѣ, состоялъ лѣкаремъ и когда ему стали предлагать санъ іеродіакона, отказался, и чтобы насильно не посвятили, воспринявъ на себя подвигъ юродства, началъ бѣгать по городскимъ улицамъ и обличать народъ, почему Лаврское начальство и предложило ему переселиться снова въ Китаевскую пустынь. А потому, вскорѣ, съ благословенія митрополита Кіевского Гавріила поселился тамъ въ уединенной келейкѣ, при прудѣ. Цѣлый годъ провелъ тамъ старецъ Досиѣей въ великомъ воздержаніи, молитвѣ и постѣ.

Чувствуя ослабленіе силъ и приближеніе смерти, Досиѣей вышелъ изъ затвора и, опираясь на палку, пошелъ по всѣмъ келліямъ прощаться съ братією. Немало удивились иноки Китаевской пустыни, видя, что ихъ любимый старецъ появлялся у каждаго изъ нихъ внутри келліи и, отворивъ дверь, со смиреніемъ падалъ на колѣни.

Обойдя всѣхъ, о. Досиѣей возвратился въ свою келейку и снова затворился. До самаго утра пѣлъ Досиѣей псалмы и, въ ожиданіи предсмертнаго исхода, читалъ каноны—и, такъ, съ молитвою на устахъ, предалъ, на разсвѣтѣ, свой духъ въ руцѣ Божіи.

На утро Теофанъ пришелъ къ нему, чтобы спросить о чемъ-то, но старецъ не откликался... Когда отворили дверь, то глазамъ всѣхъ представилась умилительная картина: передъ образомъ, предъ которымъ теплилась лампада, стоялъ на колѣняхъ Досиѣей и, казалось, будто весь застылъ на молитвѣ.

Въ лѣвой рукѣ своей онъ держалъ длинную записку, на которой были слова: «Тѣло мое приготовлено къ напутствованію вѣчной жизни; молю васъ, братія, не касаясь предать его обычному погребенію». Теофанъ подошелъ къ Досифею поближе и дотронулся до руки, но рука старца похолодѣла. Всѣ поняли тогда, что душа любимаго подвижника воспарила къ Богу.

Завѣщаніе Досифея было исполнено въ точности: никто не сталъ обмывать его многотрудное тѣло, никто не посмѣлъ прикоснуться къ нему; съ благоговѣніемъ предали останки его погребенію.

Только по смерти Досифея, когда сестра его во второй разъ пріѣхала въ Кіевъ и, не заставъ старца въ живыхъ, стала освѣдомляться о его жизни и взглянула на его портретъ,—всѣмъ стало извѣстно, что затворникъ Кіево-Печерской лавры Досифей былъ не монахъ, а дѣвица Дарья изъ рода Рязанскихъ дворянъ Тяпкиныхъ.

Скончался Досифей 25 сентября 1776 года на 56 году своей жизни и погребенъ въ оградѣ Кіево-Китаевской пустыни, близъ Свято-Троицкой церкви, на сѣверной сторонѣ *).

Іеросхимонахъ Матѣей Соловецкій.

(Память 25 сентября).

Матѣей былъ изъ купцовъ города Вологды и родился въ 1777 году. Сорока пяти лѣтъ онъ поступилъ въ Соловецкій монастырь. Но, еще живя въ міру, онъ проводилъ благочестивую жизнь, хранилъ себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи, любилъ принимать странниковъ и съ любопытствомъ разспрашивалъ ихъ о св. обителяхъ и монастырскомъ подвижничествѣ. Занимаясь торговлею, онъ не пропускалъ ни одной

*) См. Жизнеописаніе, сост. свящ. Вл. Зноско.

службы церковной; съ первымъ ударомъ колокола запирая свою лавку, отправлялся въ церковь. О честности его, чуждой малѣйшаго лихоимства, знали даже отдаленные деревенскіе жители, и съ терпѣніемъ ожидали его выхода изъ церкви для покупки у него необходимыхъ предметовъ. «Вотъ придетъ Матөей изъ церкви, и у него купимъ сходиѣ и безъ обману», — говорили простолюдины.

Много лѣтъ онъ состоялъ церковнымъ старостою и въ это время изучилъ въ совершенствѣ церковный уставъ, такъ что каждую службу по Постной и Цвѣтной Тріодямъ твердо зналъ на память. По вступленіи въ монастырь сперва проходилъ должность пономаря, потомъ, какъ опытный въ торговыхъ дѣлахъ, былъ сдѣланъ закупщикомъ, а по принятіи священства былъ опредѣленъ въ должность казначея, которую и проходилъ 10 лѣтъ. Отъ юности пріучивъ себя къ воздержанію онъ во всю жизнь не употреблялъ вина и чаю, не мылся въ банѣ и вкушалъ пищу однажды въ день, и всегда въ трапезѣ. Никогда не случалось, чтобы онъ опустилъ какую-либо и малую церковную службу, даже и въ преклонной старости; приходилъ въ церковь всегда къ началу и никогда не выходилъ до окончанія; во время чтенія каѳизмъ никогда не садился, несмотря на монастырскій обычай. Отъ продолжительныхъ стояній церковныхъ и келейныхъ ноги его опухали, и раны на нихъ не заживлялись. По этой причинѣ онъ не могъ носить и сапоговъ, а ходилъ въ широкихъ башмакахъ; но никогда не лѣчилъ своихъ ногъ и никому не говорилъ о своей болѣзни. Въ келліи своей постоянно занимался душеспасительнымъ чтеніемъ и списываніемъ того, что казалось достойнымъ вниманія и памяти. Многіе десятки книгъ аскетическаго содержанія, въ то время еще не изданныя печатью, онъ списалъ своею рукою и полууставнымъ почеркомъ. Этими книгами и послѣ его смерти пользовались ищущіе спасенія. Исполняя въ точности келейное правило, онъ имѣлъ обычай полунощное время посвящать на чтеніе

Евангелія. Постоянно проникнутый благочестивыми чувствами, онъ имѣлъ умиленный видъ, стоялъ при церковныхъ службахъ съ поникшею головою, внимая чтенію и пѣнію.

Матѳей былъ строгимъ ревнителемъ церковныхъ законоположеній и убѣждалъ поющихъ и читающихъ совершать службы со всею точностію и должнымъ благоприличіемъ.

Всѣ настоятели обращались къ нему съ уваженіемъ и пользовались его опытностію и благоразуміемъ; а братія смотрѣли на него, какъ на образецъ подвижничества. Въ 1849 году онъ постригся въ схиму, и съ того времени оставилъ священнослуженіе; причащался Св. Тайнъ въ ряду съ прочею братією, предъ алтаремъ; даже не благословлялъ никого по-священнически. Любя протяжное столповое пѣніе, онъ ходилъ на службы въ соборъ, не тяготясь, но радуясь ихъ продолжительности. За нѣсколько лѣтъ до кончины у него закрылся одинъ глазъ, вслѣдствіе чего, не имѣя возможности заниматься списываніемъ книгъ, во избѣжаніе праздности, сталъ вязать шерстяные четки для братіи и богомольцевъ. Во всю жизнь не пользуясь братскими услугами, онъ молилъ Бога, чтобы и при кончинѣ своей не беспокоить кого-либо, и желаніе его исполнилось. За два дня до смерти, онъ былъ еще на утреннемъ пѣніи въ соборѣ, но отъ крайняго изнеможенія вышелъ изъ церкви до окончанія службы. На другой день братія пришли въ келлію для совершенія надъ нимъ таинства Елеопомазанія. «Меня уже соборовали», сказалъ старецъ, видя въ келліи приготовленіе къ Елеопомазанію. «Кто же тебя соборовалъ?»—«Вотъ недавно приходили изъ собора іеромонахи молодые и благообразные и меня соборовали». — «И мы особорuemъ; вѣдь это таинство повторяется», возражали ему братія, и совершили надъ нимъ Елеопомазаніе. Старецъ могъ еще стоять на ногахъ. Приготовляясь на утро къ принятію Св. Тайнъ, онъ не допустилъ ученику своему, монаху Палладію, остаться на ночь въ его келліи, желая самъ, и безъ свидѣтелей, прочесть послѣдованіе ко

Соловецкий Преображенский монастырь

Старица Параскева

Св. Причащенію; но утромъ найденъ лежащимъ въ епитрахили предъ аналоемъ. Съ благоговѣніемъ стоя на ногахъ, онъ причастился Божественныхъ Таинъ и чрезъ нѣсколько часовъ почилъ съ миромъ о Господѣ, въ 1857 году, 25 сентября, имѣя отъ рожденія свыше 82 лѣтъ *).

Старѣца Параскева.

(Память 25 сентября).

Блаженной памяти старѣца Параскева Ивановна Ковригина родилась въ октябрѣ 1816 года, въ семьѣ крестьянина небольшого села Тушевина, Костромской губерніи; дни дѣтства ея и юность протекли въ обычной сельской обстановкѣ, гдѣ дѣтямъ приходится немного видѣть красныхъ дней беззаботной жизни, но часто еще съ неокрѣпшими силами знакомиться уже съ работами по дому и въ полѣ. Такая доля выпала и Ковригиной: ей пришлось рано взять на себя и вести все домашнее хозяйство, всѣ тяжелыя работы по дому многочисленной крестьянской семьи.

Въ 13 лѣтъ она развилась въ чудную дѣвушку, рѣдкой красоты, съ добрымъ мягкимъ характеромъ, съ симпатичнымъ свѣтлымъ взоромъ, и ей уже начали пріискивать жениха, ибо въ крестьянской средѣ выходятъ замужъ и женятся рано. Да, къ тому-же, за выдачею замужъ Параскевы, въ домъ можно было взять другую работницу, женивъ одного изъ сыновей, а эта послѣдняя, конечно принесетъ съ собою что либо въ домъ—увеличить хозяйство, увеличить достатокъ, но, къ общему удивленію, молодая Ковригина отказалась отъ замужества, говоря, что она и не помышляла даже о немъ.

И это было истинно... Сердце ея горѣло любовью не къ

*) „Солов. Патерикъ“.

брачной жизни, но любовью къ «селеніямъ горнимъ», къ небесному Жениху—Христу.

Еще маленькою дѣвочкою она въ глазахъ родныхъ казалась какою-то странною, «не отъ міра сего», удалялась игръ, стараясь уйти куда-нибудь въ лѣсъ, поле или на берегъ сельскаго ручья и тамъ одиноко предавалась своимъ думамъ. О чемъ—Богъ вѣсть!

Ставши уже дѣвушкою взрослою и научившись грамотѣ, она пристрастилась къ чтенію духовно-нравственныхъ книгъ, которыя ухитрялась какъ-то доставать и которымъ отдавала все свободное время. Особенно увлекалась она житіями святыхъ, стараясь подражать имъ своею жизнію.

Попрежнему не вела особеннаго знакомства съ подругами, не любила ихъ веселыхъ собраній, предпочитая имъ бесѣды съ монахинями и странниками, съ которыми она дѣлилась часто послѣднимъ, чѣмъ могла.

Разсказы посѣтившаго село паломника ей были дороже хороводовъ и посидѣлокъ, съ неизбѣжными пѣснями и смѣхомъ.

Единственнымъ ея развлеченіемъ было посѣщеніе храма. Она не пропускала ни одного праздничнаго дня, чтобы не побывать у литургіи, и не могли ее удержать отъ этого ни ненастная погода, ни хозяйственные заботы и труды, ни недовольный ропотъ въ родной семьѣ.

Тебѣ-бы только изъ дому или дома съ книжками да нищими возиться!

Обѣдъ ея составляли — остатки... Платье долго не знало обновленія... Отдыхъ и лѣтомъ, и зимою—тѣсный уголокъ у дверей избы...

Но молча переносила все Ковригина, называя невзгоды эти — крестомъ своимъ, и наболѣвшая душа ея отдыхала только въ церкви да тогда, когда она уходила на богомолье къ мѣстнымъ святынямъ.

Такъ протекла добрая половина ея жизни. Особенно часто любила посѣщать Ковригина Рѣшминскую пустынь, гдѣ под-

визался тогда извѣстный строгою благочестивою жизнію старецъ іеромонахъ Иларіонъ, любимый ученикъ Серафима Саровскаго.

Бесѣды съ Иларіономъ имѣли громадное вліяніе на Ковригину. Подвижникъ, видя ея стремленіе, къ возвышенному, немірскому, къ спасенію души, объяснилъ ей многое не выполнѣвшее усвоенное и понятое ею изъ Священнаго Писанія, познакомилъ съ твореніями учителей Церкви.

Послѣ бесѣды со старцемъ, Ковригина какъ-бы обновлялась духомъ; «суета суетъ міра сего» ей казалась еще пагубнѣе. Она съ радостью-бы покинула міръ и посвятила себя иночеству, но тяжелая доля ея въ семьѣ не позволяла ей осуществить этого желанія.

Со слезами рассказывала она Иларіону, какъ тяжело ей дома, какъ нерадостно сложилась ея жизнь и какъ-бы желала она уйти отъ нея навсегда въ тихую обитель.

«Потерпи, дочь моя, — утѣшалъ ее подвижникъ, — неси безропотно крестъ свой. Ты и не въ монастырѣ найдешь спасеніе для своей души, да и для многихъ».

Недоумѣвала Ковригина словамъ старца, но не пыталась спрашивать его о ихъ значеніи, а, между тѣмъ, слова эти были пророческими: они исполнились впоследствии надъ Ковригиной всецѣло.

Недолго наслаждалась Ковригина духовными наставленіями подвижника: обремененный годами и болѣзнію онъ угасалъ. Незадолго до смерти, бесѣдуя съ нею, онъ, какъ-бы осѣненный даромъ прозорливости, сказалъ.

— «Пришло время тебѣ идти на путь добра, оставивъ домъ свой. Иди въ Кронштадтъ, тамъ возсіяло новое свѣтило Церкви Христовой — о. Іоаннъ! Иди и служи ему! — мое благословеніе да будетъ съ тобою»!...

Скоро Иларіонъ отошелъ въ вѣчность, и Ковригина свято исполнила волю своего духовнаго наставника. Оставивъ родину, она поспѣшила въ далекій, незнакомый ей городъ.

Тогда еще начиналась многоплодная, многотрудная пастырская дѣятельность о. Іоанна, въ которой многіе видѣли только что-то новое, рѣзко бьющее, на первый взглядъ, въ глаза, чего не встрѣчалось еще среди священно-служителей. Удивлялись его безкорыстію, его отзывчивости на горе бѣдника, его неустанной энергіи.

Тогда не оцѣнили еще вполне, вѣрнѣе, не понимали этого выдающагося труженика на нивѣ духовной.

Но какъ радостно забилося сердце у Ковригиной, когда она увидала впервые этого дивнаго пастыря за вечернею службою въ Андреевскомъ соборѣ, когда встрѣтила его строгій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ласково ободряющій взглядъ.

Съ какимъ-то особеннымъ религіозно-восторженнымъ чувствомъ слушала Ковригина вечерню, казалось, никогда не молилась она такъ пламенно, такъ искренно, какъ теперь, забывъ о мірѣ, о его тревоженіяхъ.

Отрывистые, но громкіе и ясные возгласы о. Іоанна каждый разъ вызывали въ ея душѣ непонятный трепеть.

Послѣ вечерни, Ковригина, подходя подъ благословеніе о. Іоанна, просила принять ее на исповѣдь и удѣлить время для духовной бесѣды. Никому не отказывающій въ просьбахъ ради душевной пользы, о. Іоаннъ не отказалъ и ей.

Этою бесѣдою и затѣмъ послѣдующими началось ея знакомство съ о. Іоанномъ.

Однако недолго прожила Ковригина на этотъ разъ въ Кронштадтѣ, всего только шесть недѣль... Родные настойчиво звали ее на родину, и какъ ни жаль ей было уѣзжать, но было надо, ибо все-же она зависѣла во многомъ отъ родной семьи, отъ родного крова.

Съ грустью покидая Кронштадтъ, Ковригина рѣшила въ душѣ, что ѣдетъ на родину въ послѣдній разъ, ненадолго, а затѣмъ уже навсегда вернется сюда — служить батюшкѣ о. Іоанну.

— Не пришлось теперь, думала она, исполнить завѣщаніе

о. Иларіона, зато, когда вернусь, буду исполнять его до конца дней моихъ.

Но не скоро пришлось вернуться Ковригиной въ Кронштадтъ. Прошло 3 года, когда она вновь оказалась вблизи любимаго батюшки.

Сопровождая, какъ мы уже видѣли о. Іоанна повсюду, она привлекла на себя вниманіе Кронштадтцевъ и въ разговорахъ съ ними все болѣе и болѣе знакомила ихъ со свѣтлою личностью пастыря, рассказывая о его дѣятельности среди больныхъ, среди заключенныхъ, среди обездоленной нищеты; рассказывая, какъ нерѣдко съ большимъ трудомъ разыскивалъ онъ въ труппахъ какого-нибудь несчастнаго, опустившагося до нравственнаго паденія, до того, что самому и не подняться бы было, если-бы сердобольный батюшка не пришелъ къ нему самъ со словомъ всепрощающей любви и матеріальною помощію...

Зналъ объ этихъ разказахъ о. Іоаннъ, и не нравилось ему это, ибо онъ всегда избѣгалъ извѣстности и старался дѣлать добро тайно, какъ поступалъ онъ всегда и раньше, и никто, до пріѣзда Ковригиной, не зналъ его высокихъ христіанскихъ дѣлъ, кромѣ лицъ благодѣтельствованныхъ имъ.

Не разъ онъ пытался отстранить отъ себя Ковригину, уговаривалъ ее даже вернуться на родину, но она только отмалчивалась и какъ тѣнь слѣдовала за нимъ.

Разыскивая, въ свою очередь, тѣхъ, кто нуждался въ совѣтѣ или помощи о. Іоанна, или стѣснялся, или по болѣзни, а иногда и за невозможностью выбрать свободный день, не могъ посѣтить пастыря, она говорила о нихъ о. Іоанну, и онъ или назначалъ время, или шелъ самъ по ея указанію.

Находила Ковригина и такихъ, которые съ ненавистью смотрѣли на добраго пастыря, но, убѣжденные ея словами, сами шли къ нему и дѣлались ревностнѣйшими его почитателями.

Немало переносила Ковригина непріятностей и насмѣшекъ отъ тѣхъ людей, которые рады каждаго или осмѣять, или обругать, хотя-бы и напрасно, но и ихъ нерѣдко приводила она кроткими овцами въ соборъ, помолиться и получить наставленіе и благословеніе о. Іоанна.

Знакомясь постепенно съ жителями Кронштадта, Ковригина была принимаема, какъ дорогая гостя, во многихъ домахъ, а особенно, гдѣ витали болѣзнь, горе или семейныя распри; соболѣзнуя, она указывала на «скараго помощника и молитвенника» о. Іоанна, и его приглашали, и онъ являлся ангеломъ-утѣшителемъ скорбящихъ, примирителемъ враждующихъ и облегчителемъ страждущихъ.

Ковригина не останавливалась однако только на подобномъ «служеніи батюшкѣ», она, жажда, чтобы неоскудѣвающее благодатію слово о. Іоанна раздавалось не только подъ сводами соборнаго храма или у ложа скорбящаго, убѣдила его устроить духовныя бесѣды въ частныхъ домахъ, и бесѣды открылись, привлекая народныя массы.

Почти десять лѣтъ пробыла Ковригина въ Кронштадтѣ, исполняя завѣтъ Иларіона, но неутомимая старушка недовольствовалась «сіяніемъ свѣточа въ своемъ только градѣ», — какъ говорила она, — а рѣшилась побывать въ Петербургѣ, «дабы и тамъ скорбныя и нуждающіеся узнали о любвеобильномъ помощникѣ».

Въ столицѣ она скоро нашла и именно этихъ «скорбныхъ», и людей съ отзывчивою душою къ церкви и съ твердою вѣрою, но «нуждающихся» въ назидательномъ совѣтѣ и помощи духовной.

Имя о. Іоанна стало чаще и чаще произноситься среди столичныхъ обывателей, и Кронштадтъ увидалъ немало Петербуржцевъ, пріѣхавшихъ помолиться, получить благословеніе о. Іоанна, послушать его бесѣдъ, просить его молитвенной помощи, пригласить къ болящимъ.

«Удаляясь славы, онъ не избѣгъ ея», говорится въ жизне-

описаніи одного подвижника; такъ и скромный Кронштадтскій пастырь не могъ сокрыть въ тайнѣ служеніе свое милосердію, не могъ посвятить себя только своей паствѣ, но долженъ былъ спѣшить и къ другимъ «обремененнымъ невзгодами и болѣзнями».

Скоро въ Петербургѣ заговорили о многихъ благодатныхъ исцѣленіяхъ «по молитвѣ о. Іоанна Кронштадтскаго», о его щедрой помощи и матеріальной, и духовной неимущимъ, обдѣленнымъ судьбою, разбитымъ суровостью жизни.

Объ одномъ изъ этихъ исцѣленій, о которомъ долго говорили въ Петербургѣ, приведенъ разсказъ земляка Ковригиной, обязаннаго, благодаря именно ей, о. Іоанну многимъ въ своей семейной жизни.

«Это было въ 1883 г. У моего собрата по занятіямъ Т., жена болѣла ногами болѣе четырехъ лѣтъ, не находя себѣ исцѣленія отъ помощи медиковъ. Болѣзнь перешла въ страданія. Несчастные были полны отчаянія. Но, прослыша про силу молитвъ о. Іоанна, Т. возымѣлъ искреннее желаніе пригласить сего добраго пастыря къ себѣ на квартиру, и только не зналъ, какъ приступить къ выполненію своего благаго желанія. Однако, нашлись добрые люди, посовѣтовавшіе предварительно повидаться съ Ковригиной, которая вскорѣ-же и посѣтила ихъ, одобрила это намѣреніе, вызвалась сама посодѣйствовать скорому пріѣзду о. Іоанна и въ то же время предупредила, чтобы они внимательно относились ко всѣмъ совѣтамъ протоіерея, который въ тотъ-же день и пріѣхалъ. — Помолившись объ ихъ исцѣленіи и побесѣдовавъ въ духѣ назиданія и спасенія души, о. Іоаннъ предложилъ болящимъ пріѣхать въ Кронштадтъ, на что они съ радостію изъявили свое согласіе. Но, почувствовавъ облегченіе, каждый разъ откладывали поѣздку, то задерживаемые своими дѣлами, то чѣмъ-либо другимъ. Болѣзнь все-же не прекращалась. Опять они вспомнили объ обѣщаніи быть въ Кронштадтъ, у о. Іоанна, но-порѣшили, что и въ Петербургѣ есть священники... Объ

этомъ узнала Ковригина и, придя къ Т., настояла, чтобы они немедленно ѣхали въ Кронштадтъ. «Если хотятъ исцѣленія, то сдержали бы данное батюшкѣ слово».—Т. отправились. Каково-же было ихъ удивленіе, когда они, подойдя къ благословенію о. Іоанна, были кротко обличены имъ въ сомнѣніи, нерадѣніи и невнимательности къ себѣ и къ обществу! Т. поспѣшили раскаяться и, получивъ прощеніе и наставленіе о. Іоанна, сподобились приобщиться св. Христовыхъ Таинъ. Послѣ этого, напутствуемые благословеніемъ пастыря, они возвратились въ Петербургъ уже совершенно исцѣленными отъ недуга. Болѣзнь, мучившая ихъ четыре года, внезапно прекратилась».

Много и долго потрудились Ковригина, исполняя свое «служеніе» завѣту своего духовнаго наставника Иларіона и она вполнѣ исполнила его, посвятивъ для этого цѣлыхъ семнадцать лѣтъ, послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

Весьма яркую характеристику Ковригиной въ послѣдніе годы ея жизни дѣлають два лица, близко стоявшія при ея жизни къ ней и свидѣтели ея трудовъ.

«Неоднократно, говорилъ одинъ, посѣщая меня по своимъ богоугоднымъ дѣламъ, Ковригина съ перваго же раза буквально приковала мое къ ней вниманіе, и надо было имѣть ослѣпленныя душевныя очи и окаменѣлое сердце, чтобы не ощутить чего-то особеннаго, возвышеннаго, всмотрѣвшись въ эту почтенную старицу. Я съ величайшимъ и радостнымъ удовольствіемъ жертвовалъ ей нѣсколько, хотя и занятыхъ, часовъ, дабы продлить ея присутствіе у меня и побесѣдовать съ ней попросту, по душѣ, раскрывая свои сердечныя, больныя язвы и ожидая отъ нея безхитростныхъ, но преисполненныхъ духовности совѣтовъ врачеванія.

Да и нельзя было не прилѣпиться всѣмъ сердцемъ къ этой благочестивой старушкѣ,—съ какой стороны ни разсматривать ее.

Такъ, напримѣръ, во всѣхъ ея движеніяхъ, манерахъ,

походѣ — замѣчалось невозмутимое спокойствіе и степенность. Все существо ея проникнуто было глубокимъ, неличнымъ смиреніемъ, но безъ малѣйшей тѣни ханжества, старческое благообразное лицо, лицо дѣвственницы, рѣзко бросалось въ глаза даже и неопытного наблюдателя своимъ отпечаткомъ долголѣтнихъ, нравственно-душевныхъ и сердечныхъ страданій, великаго горя и житейскихъ невзгодъ. Взоръ выражалъ полнѣйшую покорность и преданность своей судьбы волѣ Бога. Рѣчь самая безыскусственная, простая, но плавная, ровная, проникнутая духомъ любви, смиренія и терпѣнія, и въ то же время пронизывающая глубину души, надолго оставляла въ собесѣдникѣ благотворное, сладостное и невыразимое во многомъ настроеніе духа.

Жизнь старицы была и трудна, и полезна, и горька, и благочестива, и преисполнена любви къ ближнимъ.

Только Ковригина и могла, кажется, послужить путеводнымъ указателемъ такого великаго свѣтила въ духовномъ мірѣ, каковъ глубокоуважаемый о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ».

«Но, особенное вниманіе, пишетъ другой, привлекалъ къ Ковригиной несомнѣнно имѣвшійся въ ней даръ прозорливости, благодаря которому весьма часто предупреждались и вовсе устранялись разные несчастія, или же имѣли успѣхъ такіа предпріятія, какіа на первый разъ казались буквально несбыточными. Въ иныхъ случаяхъ эта прозорливость отличалась загадочностью, которая разъяснялась только впоследствии. Вообще, прозорливость старицы была неразлучна съ вѣрой, которой она обязательно требовала и отъ обращавшихся къ ея посредничеству. Большинство фактовъ ея прозорливости послужили къ прославленію дѣятельности о. Іоанна.

Въ октябрѣ 1884 года исполнилось тридцатилѣтіе служенія о. Іоанна въ священномъ санѣ. День этотъ былъ днемъ духовнаго торжества для Кронштадтскаго пастыря.

«Тысячи почитателей его» отъ сильныхъ міра до обездо-

ленного бѣдняка собрались въ Кронштадтѣ вознести молитву за «пастыря добраго».

Торжествовала и Ковригина; она дождалась того дня, когда тотъ, кому она посвятила остатки дней своихъ, былъ почитенъ сердечною любовью и «славою духовною» отъ всего словеснаго стада.

Но это были послѣдніе дни ея для земного радованія, — уже настало время ея отшествія въ «другой, лучшій міръ».

Несмотря на частыя недомоганія, Ковригина не оставляла своего «служенія», но старческія силы и грустно прожитая, полная труда жизнь въ семьѣ—приковали старицу къ постели.

Съ полнымъ спокойствіемъ ждала она смерти, чисто было ея сердце передъ Богомъ и передъ людьми; давши обѣтъ дѣвства, она отходила въ вѣчность—невѣстою Христа, прощая всѣмъ обиды и зло. Принявши подвигъ «служенія батюшкѣ», —она довела его до конца, ничто въ мірѣ не удерживало ее. Бѣдною пришла она въ Кронштадтъ, такою же осталась и на смертномъ ложѣ.

Послѣдніе дни своей жизни она проводила или въ бесѣдахъ съ любимымъ своимъ «батюшкою», посѣщавшимъ ее ежедневно, или въ чтеніи Священнаго Писанія, за которымъ тихо, съ молитвою и скончалась, пріобщенная о. Іоанномъ Св. Таинъ.

27 сентября 1886 г., въ день похоронъ Ковригиной, Кронштадтъ былъ полонъ богомольцами, пришедшими дать «послѣднее цѣлованіе» той, которая научила ихъ любить св. Церковь, ея пастырей и только къ нимъ прибѣгать въ дни печали и у нихъ искать благодатной помощи.

Отпѣваніе Ковригиной состоялось въ церкви при «Кронштадтскомъ Домѣ Трудолюбія». О. Іоаннъ простился со старицею глубокопрочувствованною рѣчью.

«Не только жизнь твоя, говорилъ, между прочимъ, досточтимый пастырь, но и смерть твоя для всѣхъ, знавшихъ

тебя, весьма назидательна и поучительна. Ты своимъ словомъ и примѣромъ многихъ привлекла къ святой Церкви и благочестивому житію: многихъ научила чаще исповѣдываться и пріобщаться Святыхъ Таинъ для укрѣпленія въ христіанской жизни. И скончалась ты мирно и назидательно съ молитвою на устахъ и въ твердомъ упованіи на милость Божию къ тебѣ и по смерти. Ты не боялась смерти: ты торжествующимъ духомъ встрѣтила ее, какъ благовѣстницу Божию».

«Оставивши давно свои житейскія попеченія,—сказалъ въ надгробномъ словѣ другой изъ выдающихся столичныхъ проповѣдниковъ, глубокоуважавшій почившую,—она, измлада прилѣпившись къ Господу, узнала въ смиренномъ дѣятелѣ Христовомъ раба Божія, сильнаго передъ Богомъ, и стала среди вѣрующихъ и не вѣрующихъ, но страждущихъ указывать на этого служителя Божія, по молитвамъ котораго Господь видимо помогаетъ лицамъ всякаго положенія, съ вѣрою пріемлющимъ молитвенное участіе благоговѣйнаго пастыря.—И вотъ мы видимъ: больные исцѣляются; грѣшные каются; вѣрующіе радуются силѣ Божіей, въ мірѣ являющейся, и укрѣпляются; маловѣрные вразумляются; невѣрующіе поражаются видимыми чудесными знаменіями, смиряются, замыкаютъ уста свои и задумываются о своемъ лжеученіи, а иные изъ нихъ и прямо приходятъ въ послушаніе вѣрѣ Христовой.

«Да, усопшая дѣвственная старица Параскева была не знатна, скромна, тиха. но возгрѣла вѣру въ тысячахъ. Не будь Параскевы Ивановны, въ городѣ семъ, быть можетъ, долго бы горѣлъ здѣшній свѣтильникъ подъ спудомъ; многіе, очень многіе не познали-бы Христа, не пришли-бы въ покаяніе, не обновились-бы духомъ».

Такова была жизнь приснопамятной старицы Параскевы Ковригиной: трудъ для семьи въ первые годы и служеніе для пользы ближнимъ въ послѣдніе годы жизни *).

*) Изъ „Р. П.“.

Священникъ Симбирскаго Спасскаго монастыря о. Василій Архангельскій.

(Память 25 сентября).

Благоговѣнно чтимый и незабвенный для многихъ, о. Василій Архангельскій родился 29 декабря 1815 года въ Симбирскѣ отъ священника Симбирской Вознесенской церкви о. Іакова Архангельскаго. Младенчество его ознаменовано было особеннымъ благоволеніемъ Божиимъ, котораго нельзя было не видѣть въ чудесномъ исцѣленіи его отъ каменной и не уступавшей искусству очень опытныхъ врачей болѣзни.

Съ самаго юнаго возраста, при всей живости характера и рѣзвости, замѣтна была въ немъ набожность. Когда докторъ, при видѣ отчаяннаго положенія больного родителя его, отказался однажды лѣчить его, а мать неутѣшно рыдала; то о. Василій, будучи 3-хъ лѣтъ, всталъ на колѣни подлѣ одра больного родителя и молился предъ иконами до тѣхъ поръ, пока не заснулъ; потомъ, пробудившись, вдругъ вскрикнулъ: «мама! мама!—живъ будетъ тятя: мнѣ приказалъ кто-то сказать тебѣ объ этомъ, чтобъ ты не плакала». И, къ общей радости семьи, отецъ его дѣйствительно вскорѣ выздоровѣлъ.

Кончивъ курсъ въ Симбирскомъ училищѣ съ успѣхомъ, онъ отправленъ былъ въ Казанскую семинарію, гдѣ, не взирая на глазную болѣзнь, которою страдалъ очень часто, шелъ въ числѣ первыхъ и былъ любимъ начальствомъ. Предъ окончаніемъ семинарскаго курса онъ было желалъ поступить въ университетъ; но оставшаяся съ многочисленнымъ семействомъ и возлагавшая на него всю надежду—мать настоятельно требовала, чтобы онъ былъ кормильцемъ родной семьи... Поэтому онъ, по окончаніи курса въ 1834 г., былъ опредѣленъ учителемъ высшаго отдѣленія Симбирскаго духовнаго училища. Въ томъ же году декабря 9-го рукоположенъ, согласно прошенію, Анатоліемъ, архіепископомъ Симбирскимъ

и Сызранскимъ, во священника къ домово́й церкви генерала Ивашева. Въ 1836 г. 19 сентября Казанскимъ семинарскимъ правленіемъ опредѣленъ помощникомъ инспектора Симбирскихъ училищъ; и 17 января 1837 г. неожиданно переведенъ былъ къ Симбирской Вознесенской церкви, лучшей тогда по доходамъ въ городѣ. Въ семь же году, 1 февраля, Казанскимъ семинарскимъ правленіемъ отъ должностей по Симбирскому училищу, согласно прошенію, уволенъ; а марта 10-го возложена на него должность депутата по все́мъ присутственнымъ мѣстамъ города Симбирска...

Богослуженіе въ храмѣ, какъ и все церковныя требы, о. Василій отправлялъ благоговѣйно. Нерѣдко самъ пѣвалъ на клирошѣ, читывалъ каноны и шестопсалміе,—къ истинному удовольствію и усладѣ богомольцевъ. Въ 1837 г. одна благочестивая жена, Ал. П. Андр., призванная на путь спасенія чудомъ святителя Митрофана, прибыла изъ своего помѣстья съ мужемъ въ Симбирскъ для излѣченія, и въ первую же ночь видитъ во снѣ какого-то священника, и слышитъ голосъ: «вотъ твой руководитель!» Пробудившись, пошла она помолиться въ приходскую церковь и, во время великаго выхода, нечаянно взоры ея встрѣтились съ о. Васи́лемъ, въ коемъ и узнала она показавшаго ей руководителя. Поэтому о. Василій вскорѣ долженъ былъ познакомиться съ нею, и въ отвѣтъ на вопросъ ея при этомъ: «не странно ли ему видѣть ее при встрѣчѣ въ слезахъ?»—отвѣчалъ: «нѣтъ! нисколько это не удивляетъ меня: Самъ Господь ублажаетъ плачущихъ. Да и какъ не плакать намъ, утопающимъ въ грѣхахъ?» И А. П., припавши къ стопамъ его, какъ посланника Божія, просила его, съ согласія мужа, быть руководителемъ ея на трудномъ пути спасенія...

Кромѣ А. П., вскорѣ съ нимъ сблизились жившіе въ Вознесенскомъ же приходѣ — сестры Андреевы. Разъ онѣ пригласили его отслужить молебенъ на дому и вызвали его на духовную бесѣду. О впечатлѣніи, какое произвела на нихъ

эта бесѣда о. Василя, одна изъ сестеръ сообщила намъ слѣдующее: «повязка самообольщенія, скрывавшая доселѣ путь спасенія, спала съ глазъ нашихъ, и мы увидѣли, что живемъ очень худо и идемъ широкимъ путемъ челоукоугодія—къ гибели вѣчной! Весь этотъ незабвенный вечеръ пролетѣлъ для насъ, и мы нехотя разстались съ благовѣстникомъ мира, радости и спасенія уже въ 1-мъ часу ночи, умоляя его посѣщать насъ грѣшныхъ; затѣмъ единодушно рѣшились мы, несмотря ни на какія препятствія, говѣть на первой же седмицѣ Великаго поста...» Послѣ причастія Св. Таинъ онъ совѣтовалъ сестрамъ Андреевымъ—продолжать посѣщать храмъ Господень; а когда это показалось имъ неудобоисполнимымъ, потому что пѣшкомъ онѣ почти никогда, или мало, хаживали, а беспокоить людей не хотѣли, о чемъ и сказали ему тутъ же: то, выслушавъ эту отговорку, онъ какъ бы со властію, данною ему свыше, сказалъ имъ: «да я вамъ не совѣтую беспокоить людей; всего лучше, вставши пораньше, тихонько собраться и идти пѣшечкомъ въ храмъ Божій». Онѣ же однажды говорятъ ему, что ѣздили съ визитами и очень рады, что нигдѣ ихъ не приняли.—«Радость о томъ, что не приняли васъ», отвѣтилъ о. Василій: «доказываетъ, что вы поневолѣ ѣздили бѣдные! А я все думалъ, что *господа* вы во всей силѣ сего слова; а теперь вижу противное: вы рабы міра и обычаевъ его». Несмотря, однакожъ, на такія и подобныя сему рѣчи, знакомые любили его и дорожили его совѣтами.

Въ іюлѣ 1839 г., о. Василій, съ супругой своей, въ сопровожденіи сестеръ Андреевыхъ отправился для поклоненія мощамъ св. Митрофана въ Воронежъ. Вставши рано утромъ, пока закладывали экипажи, уходилъ онъ съ ними впередъ, и прочитывалъ вслухъ утреню и часы. Въ экипажахъ же сидя, молились каждый особо, по данной имъ заповѣди. Случалось и то, что, во время остановокъ, оправившись отъ дороги, въ какой-либо свѣтелѣ или порожнемъ

имбарѣ, затепливъ свѣчку предъ дорожной иконой Спасителя или Богоматери, молились всѣ вмѣстѣ при чтеніи имъ ака-
оиста; когда же спутницы его садились за работу, онъ чи-
талъ вслухъ Евангеліе или изъ Четыи-Миней, съ прилич-
нымъ нравственнымъ приложеніемъ.

По прибытіи 28 іюля 1839 г. въ Воронежъ, о. Василій тотчасъ же отправился въ монастырь и—въ храмъ къ Свя-
тителю. «Признавая все величіе и обиліе благодати, осѣняю-
щей нетлѣнные останки Святителя, я», пишетъ онъ въ днев-
никѣ своемъ: «молился ему, чтобы сподобилъ насъ всѣхъ
облобызать эти святыя останки, проникнутые благодатію, и
призрѣвъ съ высоты небесной на лежащаго близъ нихъ, не-
достойнаго священника,—далъ душѣ моей силы противустоять
умерщвляющимъ ее страстямъ и соблазнамъ отъ міра. По
окончаніи вечерни, я рѣшился нечистыми устами прикоснуться
къ существу сосуду благодати—къ нетлѣннымъ мощамъ Святи-
теля, и отслужилъ ему молебенъ».

Однажды, въ свободное отъ службы церковной время, о.
Василій ходилъ съ спутницами своими къ одной, юродство-
вавшей тогда, рабынѣ Божіей Ксеніи. Юродивая, выглянувъ
изъ окошка, закричала: «зачѣмъ настухъ пришелъ сюда? Не-
кого здѣсь пасти: иди съ Богомъ!»

«Не пасти, а самъ упасть пришелъ я», отвѣчалъ сми-
ренно служитель Божій: «и не отойду отъ дверей твоихъ,
пока не отопрешь ихъ». Услышавши отвѣтъ этотъ, Ксенія
отперла калитку, пригласила къ себѣ пришедшихъ гостей и
назвала по имени супругу его, и, усадивъ всѣхъ по стар-
шинству на лавочкѣ, много утѣшительнаго говорила о. Васи-
лію. На желаніе же, имъ заявленное, имѣть отъ нея четки—
сказала, съ указаніемъ на пришедшихъ съ нимъ духовныхъ
дѣтей: «вотъ твои четки!—другихъ тебѣ не нужно; не по-
скачай только тѣми, которыя Самъ Господь даруетъ тебѣ. Со
всѣхъ сторонъ побѣгутъ къ тебѣ овечки, такъ что и не пе-
речеешь ихъ... мужайся только и крѣпись!»

При выѣздѣ изъ города 10 августа, о. Василій съ спутниками остановился около собора, изъ коего выносили икону Скорбящей Божіей Матери. Въ это время подбѣжалъ къ экипажамъ его спутницъ юродивый Иванъ Андреевичъ и, заглядывая въ тарантасъ, сказалъ: «хорошо, что вы такъ путешествуете: царская фамилія всегда съ духовникомъ ѣздитъ», и тотчасъ же скрылся.

Во время сего путешествія, одна изъ спутницъ о. Василія была нездорова; на пути же въ Задонскъ сдѣлались съ ней судороги въ рукахъ и ногахъ, а въ груди воспаленіе, отъ коего едва она переводила духъ. О. Василій, по пріѣздѣ 12 августа въ Задонскъ, отслужилъ панихиду на гробъ святителя Тихона, приобрѣлъ икону и сталъ осѣнять ею болящую, давъ при этомъ и святой воды съ чайной ложечки. Съ больной сдѣлалась сильная испарина, и часа черезъ два она уже не чувствовала боли.

По состраданію доброй души своей къ страждущимъ о. Василій нерѣдко брался отчитывать бѣсноватыхъ. Одною изъ такихъ личностей была жена квартальнаго надзирателя, страдавшая до 15-ти лѣтъ и никогда не приходившая въ себя. О. Василій цѣлыя ночи проводилъ въ храмѣ, и отчитывалъ ее въ придѣлѣ св. великомученика Іоанна Воина у Вознесенія.

22 октября, предъ обѣдой, пришелъ изъ Воронежа странникъ, за годъ предъ симъ приведенный туда слѣпымъ изъ Оренбурга одною боголюбивою старицею, и, прикладываясь въ первый разъ къ многоцѣльнымъ мощамъ угодника Божія, почувствовалъ, что какъ бы песокъ высыпался изъ глазъ его, и—онъ прозрѣлъ. Возвращаясь на родину, несъ онъ съ собою икону св. Митрофана, рукавички съ шапочками отъ многоцѣльныхъ мощей его и крестъ животворящій. Всѣ эти вещи, во время служенія молебновъ, давалъ о. Василій надѣвать страждущимъ, которые, по вѣрѣ къ святынямъ, исцѣлялись. Однажды о. Василій пригласилъ странника до утрени

сѣздить къ отчитываемой имъ больной, не предваривъ ни страждущую, ни живущихъ съ ней. И, однакожь, бѣснотая кричала: «отворяйте ворота, отворяйте ворота! святитель Митрофанъ ѣдетъ!» А когда о. Василій возложилъ на нее воздухъ съ мощей св. Митрофана, то въ болящей открылась сильная рвота и ужасные судороги, послѣ коихъ страдальца осталась едва дышущею; но вскорѣ какъ бы оживилась и просила напоить ее чаемъ. Мужъ, дѣти и всѣ домашніе окружили одръ ея, и она, пришедши въ полное сознаніе, обрадовалась имъ, какъ бы послѣ долговременной разлуки. О. Василій немедленно возвратился домой съ странникомъ, не говоря никому о случившемся ни слова. Но вскорѣ тайна эта сдѣлалась явною, и вотъ какимъ образомъ. О. Василій служилъ разъ всенощную съ благодарственнымъ молебномъ въ квартирѣ означенной выше А. П. Андр. Квартальный, обрадованный исцѣленіемъ жены, явился сюда же и со слезами изъявлялъ благодарность свою за чудесное исцѣленіе отъ бѣснованія своей страдальцы. Это неожиданное заявленіе о совершившемся чудѣ всѣхъ взволновало. Всякій желалъ узнать: о какомъ чудотвореніи онъ говорить такъ торжественно? Услыхавъ же отъ простодушнаго бѣдняка, въ чемъ было дѣло, всѣ присутствующіе здѣсь дамы на другой же день утромъ отправились въ домъ квартальнаго цѣлымъ поѣздомъ. Взошедши въ маленькія комнатки, съ трудомъ пробрались чрезъ толпу сошедшихся сосѣдей, знакомыхъ и родныхъ до одра торжествующей страдальцы, которая, хотя была въ совершенной памяти, за всѣмъ тѣмъ походила болѣе на ожившаго мертвеца или на скелетъ, обтянутый кожей, и—отъ слабости лежала почти недвижима; увидѣвши же въ числѣ другихъ посѣтителей и благодѣтеля своего о. Василія, она со слезами благодарила его за благодѣянія и просила отслужить молебенъ святителю Митрофану. Молебенъ былъ отслуженъ, для утѣшенія страждущей, и—она съ миромъ отошла ко Господу.

Вскорѣ, послѣ сего, служившій съ о. Василиемъ діаконъ, безъ всякой видимой причины, до того возмущился противъ него, что не давалъ молиться ему, насмѣхался надъ нимъ, когда тотъ стоялъ у престола и воздѣвалъ свои руки,—вырывалъ у него Св. Евангеліе,—называлъ фарисеемъ и другими неподобными словами. Мало сего: по совѣту недоброжелателей о. Василия, діаконъ сдѣлалъ доносъ на о. В., какъ на опаснаго сектанта. Но Господь не допустилъ торжествовать злобѣ: о. Василий оправдался, а рывшій ему яму діаконъ вскорѣ попалъ самъ въ нее: его перевели въ село, и онъ спился тамъ съ круга, и все семейство довелъ до крайней нищеты. О. Василий какъ за него, такъ и за прочихъ своихъ недоброжелателей молился, по заповѣди Господней, и всегда благодушный, на всякаго, смотря по недугу души, изливалъ бальзамъ утѣшенія. И за это старый и малый изъ знавшихъ его любили и уважали. Гдѣ преподавалъ онъ уроки по закону Божію, тамъ какъ праздника ожидали его класса—дѣти; при чемъ не скучали сидѣть и старшіе, даже самыя матери ихъ. Многіе изъ симбирской знати избрали его духовникомъ. Но, такъ какъ смуты, возбужденныя врагомъ спасенія противъ него, время отъ времени вновь возставали, то о. Василий непрочь былъ, уступя обстоятельствамъ, перейти уже въ другую епархію, и просилъ совѣта и благословенія на это у преосвященнаго архіепископа Воронежскаго Антонія. Но послѣдній не совѣтовалъ ему уклоняться отъ возлагаемаго на него Господомъ креста, и писалъ ему терпѣть до послѣдней крайности.—Нѣкоторые изъ преданныхъ о. Василию при встрѣчѣ однажды съ юродивымъ Иваномъ Андреевичемъ, просили его помолиться за терпящаго напасти, боголюбиваго пастыря... Юродивый, плюнувъ имъ въ глаза, сказалъ: «все за васъ дураковъ». Потомъ, назвавъ о. Василия, неизвѣстнаго ему по имени, присовокупилъ: «зачѣмъ вы за него только одного молитесь? Молитесь и за творящихъ напасть ему». Въ заключеніе совѣтовалъ вынимать за нихъ части, ставить

свѣчи ученику любви св. Іоанну Богослову и отслужить молебенъ первомуч. архидіакону Стефану. Все это въ точности было исполнено на другой же день со стороны любящихъ о. Василия, и они вскорѣ, къ удивленію своему, узнали, что молитва вѣры послужила какъ бы громоотводомъ отъ собравшейся было и едва не разразившейся бѣды надъ главою духовнаго отца ихъ и благодѣтеля...

О. Василій, несмотря на слабое здоровье, проводилъ иногда цѣлыя ночи безъ сна, чтобы или приготовить поученіе для прихожанъ, или утѣшить стекавшихся къ нему изъ селъ для назиданія, или, наконецъ, напутствовать Св. Тайнами отчаянно болящихъ, коихъ, по бѣдности ихъ, не хотѣли иногда посѣщать приходскіе священники.—Такъ однажды пришелъ за нимъ ночью одинъ бѣднякъ изъ-подъ горы, и просилъ къ умирающей женѣ своей, находящейся въ ужасномъ страхованіи отъ приближающейся смерти. Хотя о. Василій и самъ былъ нездоровъ въ это время, однако немедленно отправился къ лютой страждущей рабѣ Божіей Екатеринѣ, которая, держа его за руку, умоляла дождаться исхода души ея. И онъ провелъ у одра ея всю ночь,—до самой кончины ея.

Со вступленія на епархію Симбирскую преосвященнаго Θεодотія прекратились видимыя гоненія на о. Василия; но тайныя козни противъ него не прекращались, а это еще тяжелѣе было для о. В., связаннаго такимъ образомъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. По временамъ отпрашивался онъ, особенно въ лѣтнее время, для свиданія съ престарѣлымъ своимъ дѣдомъ, замѣнившимъ ему по любви—родителю; а по дорогѣ къ нему заѣзжалъ въ извѣстныя ему и руководимыя имъ общины въ селахъ.

Ничто такъ не крушило его сердце, какъ раздоры чадъ его, не въ любви пребывающихъ, а въ соровнованіи взаимномъ, или пристрастіи къ своей личности.

Въ сентябрѣ 1844 года епархіальнымъ начальствомъ о. Василій определенъ былъ катихизаторомъ въ своей приходской

церкви на годъ. И эту должность проходилъ онъ съ обыкновеню ему ревностію и словомъ назиданія многихъ трогалъ до глубины души.

Въ этомъ же году Вознесенская церковь переименована городскимъ соборомъ, съ переводомъ сюда изъ Спасскаго монастыря и главнаго протоіерея А. В.—О. Василій ѣздилъ въ это время въ Казань, откуда, между прочимъ, писалъ: «какъ-то красуется нашъ соборъ съ новымъ настоятелемъ и братствомъ? Между ними не скоро замѣтите меня; развѣ крайняя уже необходимость заставитъ меня явиться посредѣ ихъ. Блирось, аналой съ книгами, хоры,—вотъ мое убѣжище, гдѣ я буду чаять Бога, спасающаго мя отъ малодушія собственнаго и отъ бури виѣшней—посторонней!..»

Впрочемъ, опасенія о. Василія были напрасны: о. протоіерей А. Степановичъ, узнавъ покороче о. Василія, нашелъ въ немъ самаго усерднаго сотрудника, который притомъ исполнялъ за него всѣ требы по приходу и служилъ нерѣдко даже въ его чередныя недѣли. Тронувшись смиреніемъ труженика Божія, А. Степановичъ смирился, и при всемъ причтѣ въ храмѣ поклонился однажды ему въ ноги, сознавшись притомъ, что много виноватъ предъ нимъ. Вслѣдъ за симъ и отношеніе прочихъ сослужителей къ нему измѣнилось почти до подобострастія: одинъ, на примѣръ, бросался снимать съ него шубу, другой—калоши, а иной бралъ трость, чтобъ поставить ее на мѣсто. Но, служитель Божій, уклоняясь отъ такого вниманія, просилъ ихъ объ одномъ лишь, чтобъ они исполняли съ должнымъ благоговѣніемъ свои обязанности въ храмѣ...

Декабря 20 дня, 1846 г., опредѣленъ онъ законоучителемъ Симбирскаго баталіона военныхъ кантонистовъ; а 21 числа, того же мѣсяца и года, перемѣщенъ, по просьбѣ игумена Серафима, въ Спасскій дѣвичій монастырь. При чемъ онъ немало тужилъ о разлукѣ своей съ любящими его прихожанами и даже съ самымъ храмомъ, гдѣ отдыхала душа

его отъ всѣхъ бурь и напастей—во дни печали, которые какъ бы миновали уже по благодати Божіей.

Съ мая и до октября мѣсяца 1864 г., по указу духовной консисторіи, онъ находился при комиссіи, учрежденной для изслѣдованія о покражѣ изъ Симбирскаго уѣзднаго казначейства денегъ и документовъ. Того же года, для безпрепятственнаго прохожденія должности законоучителя кантонистовъ, отъ должностей — депутата и увѣщателя, по собственному прошенію, уволенъ. Проходя должность законоучителя кантонистовъ, онъ просвѣтилъ крещеніемъ до 47 кантонистовъ изъ евреевъ, и 13 апрѣля 1864 г. Высочайше награжденъ фіолетовою скуфьею.

Часто о. Василій здѣсь, какъ и въ Вознесенской церкви, любилъ проповѣдывать, и слово его всегда было полно жизни и силы, такъ что многіе забывали о пищѣ, желая слушать его и не наслушаться. Особенно же трогательны были поученія его о покаяніи, которыя онъ иногда писывалъ на первомъ попавшемся въ руки лоскуткѣ бумаги, какъ въ приходскомъ прежде храмѣ, такъ и здѣсь во святой обители Спасской.

Предчувствуя, видно, близкій конецъ жизни своей, онъ спѣшилъ все дѣлать, и ничто, повидимому, не радовало сердца его, которое рвалось въ небесное отечество. При всей молодости своей казался онъ старцемъ—не числомъ лѣтъ, а разумомъ и самособранностію.

О событіяхъ предсмертной жизни о. Василя и о послѣднихъ дняхъ его вотъ что приходилось слышать:

Болѣе чѣмъ за годъ до кончины своей видѣлъ онъ, къ изумленію своему, какъ бы себя самого въ снѣяхъ, при выходѣ изъ дома, и хотя былъ твердаго духа всегда, однако на первыхъ порахъ испугался сего необычайнаго явленія, и принялъ его за предвѣстіе близкой кончины.

29 августа 1847 г. святитель Христовъ Николай, къ коему питалъ онъ особенное благоговѣніе и вѣру, оказалъ ему не-

ожиданно благовременную помощь. «По случаю перестройки обветшавшаго дома и постройки флигеля, надобно мнѣ было», говорилъ онъ близкимъ ему: «сходить на ярмарку и посмотреть лѣсу; а между тѣмъ на покупку его не имѣлъ я достаточной суммы. Увидѣвъ же на торжищѣ стоящую икону св. Николая, помолился усердно предъ нею, и положилъ, по ошибкѣ, въ кружку, стоящую подлѣ него, вмѣсто маленькой лепты, находящейся въ карманѣ,—последній полтинникъ.

«Сначала, какъ бы пожалѣлъ я объ этой ошибкѣ; но потомъ, укоривъ себя и перекрестившись, со слезами на глазахъ сказалъ: «о, милостивый святитель Христовъ! не отринь того, что отдано тебѣ, хотя нехотя мною. Не жалѣю я о томъ болѣе,—вѣруя, что ты не оставишь меня—грѣшника въ нуждѣ моей»... И что же?—Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ г. Тепловымъ, который говоритъ ему: «батюшка! вы, кажется, застроили новый флигель, и домъ перестраиваете; такъ не угодно ли у меня взять лѣсу: я жертвую вамъ безъ денегъ 170 бревенъ».

Нужно ли говорить, что удивленный такою неожиданностію, о. Василій со слезами благодарилъ скорого помощника въ бѣдахъ, великаго чудотворца Николая, сторицею воздавшаго ему за убогую лепту?

5 сентября того же 1847 г., о. Василій пришелъ посѣтить одну близкую ему именинницу, и рассказалъ при этомъ видѣнный имъ сонъ наканунѣ. «Мнѣ представилось», говорилъ онъ: «что меня готовятъ къ постригу монашескому въ большомъ храмѣ обители, и уже привели и поставили предъ царскими дверями; недоставало только ножницъ, чтобы постричь. Около меня, будто, стояли близкія моему сердцу—чада духовныя, изъ коихъ никто не соглашался на то, чтобы постригли меня, и слышалось мнѣ отовсюду одно лишь: «не надо, не надо!» Особенно же противилась сему супруга моя,

которую видѣлъ я впереди всѣхъ стоящую и въ невыразимой тоскѣ». Хотя не былъ онъ суевѣренъ, но сонъ этотъ принялъ за предвѣстіе близкой своей кончины. И съ сей поры онъ не на шутку сталъ собираться *домой*. Только и рѣчей у него было къ почитавшимъ его: не забудьте меня, друзья мои, и молитесь объ упокоеніи души моей».

Однажды же, раздавъ имъ по грошику, сказалъ: «вѣдь за милостыньку-то молятся: такъ и вы за меня помолитесь».

На обязанности, между прочимъ, о. Василия лежало назидать престарѣлыхъ инвалидовъ,—что и исполнялъ онъ, во славу Божию, съ радостію, удѣляя на это занятіе всякую свободную минуту отъ службы. Ужъ какъ хотите сердитесь на меня», говаривалъ онъ своимъ друзьямъ: «а я не могу оставлять для васъ сытыхъ вѣренныя попеченію моему голодныя души. Посмотрѣли бы вы, какъ эти престарѣлые младенцы, при появленіи моемъ, сбѣгаются, обступаютъ меня со всѣхъ сторонъ, и, снявъ фуражки, глотаютъ слова мои со слезами!»

14 сентября, вечеромъ, отслуживши молебенъ животворящему Кресту въ белейкѣ монахини Паисіи, и томимый предчувствіемъ, просилъ списать раздаваемые предписанія насчетъ предосторожностей противъ холеры и послать друзьямъ Павловскимъ, жившимъ въ деревнѣ...

Одна изъ сестеръ подала ему тогда выписку изъ проповѣди митрополита Московскаго Филарета съ словами: прочитайте батюшка,—это портретъ вашъ. «Для успѣха въ духовномъ послушаніи», пишетъ святитель Филаретъ: «поколику можешь, поколику внутренно чувствуешь особенную нужду, избери себѣ особеннаго наставника, свѣдущаго и опытнаго въ сей наукѣ, благословеннаго на сіе служеніе, котораго слово сильно жизни, свѣтло молитвою, охранено отъ заблужденія смиреніемъ. Покори ему свою волю ради Бога: и воля Бога небеснаго сойдетъ къ тебѣ на землю, и твое простое, земное послушаніе будетъ достигать до неба, по реченному

къ истиннымъ и законнымъ наставникамъ отъ Дающаго пастырей и учителей: *слушай васъ, Мене слушаетъ*».

Но о. В., прочитавши выписку эту, поникъ долу и, прослезившись, просилъ молиться за него далекаго отъ такого образца, по грѣхамъ своимъ, и, благословивши всѣхъ, спѣшилъ уйти.

Обычнымъ привѣтомъ его было всегда, когда онъ посѣщалъ кого-либо изъ близкихъ его сердцу, животворное слово Спасителя: *миръ вамъ!* Послѣ каждой литургіи подавалъ милостыню нищей братіи, которая и называла его отцомъ роднымъ.

Послѣ 17 сентября ѣздилъ онъ съ преосвященнымъ Θεодотіемъ на освященіе храма въ с. Подъячевкѣ; а оттуда, съ его благословенія, прибылъ къ родному брату, и схоронилъ за него до 15-ти человѣкъ, умершихъ холерой. Въ среду, вечеромъ, 24 сентября возвратился онъ домой, и едва успѣлъ оправиться и переодѣться, какъ прислалъ къ нему г. Мещериновъ отслужить всенощную и принести Иверскую икону изъ Спасской обители; поэтому, не взирая на чувствуемую уже боль, 25 сентября о. Василій выходилъ прочитать канонъ преподобному Сергію, и такъ твердо и внятно выговаривалъ слова, что нельзя было и замѣтить, что нездоровъ онъ... Послѣ утрени и молебна въ келліяхъ игуменіи онъ готовился служить и позднюю; но во время ранней сказалъ, что не можетъ служить отъ ужасныхъ внутреннихъ страданій. Черезъ нѣсколько времени, по уходѣ его изъ церкви, застали его дома въ судорогахъ, и онъ говорилъ не безъ скорби: «боюсь, что неготовъ я», и, обращаясь къ одной посѣтителницѣ, сказалъ: «пошлите скорѣе за духовникомъ; а если умру, то положите меня съ родителемъ». Долго исповѣдывался, и затѣмъ, прерывающимся отъ страданій голосомъ, приглашалъ близкихъ его сердцу возблагодарить съ нимъ Господа премилосердаго, сподобившаго его въ послѣдній часъ причаститься Св. Таинъ,—и просилъ ихъ остаться съ нимъ. «Какъ хорошо мнѣ съ вами», говорилъ страдалецъ: «вы съ

ангелами пришли утѣшить меня. И впредь не забывайте меня, Бога ради, а молитесь о душѣ моей». Вскорѣ подошла къ нему одна духовная его дочь, причинявшая много горя ему, и первая стала просить благословенія его послѣдняго. «Благословляю тебя», сказалъ онъ, собравши послѣднія свои силы; и, осѣнивъ ее крестнымъ знаменіемъ, присовокупилъ: «живи хорошенько и помни, что за всякую мысль и слово отвѣтишь предъ Богомъ. Молись за меня и прости!»...

Черезъ нѣсколько минутъ, собравшись съ силами, началъ и другихъ изъ присутствовавшихъ благословлять каждую особу, и благодарилъ за утѣшенія въ жизни сей; при чемъ воспоминалъ по именамъ близкихъ сердцу отсутствующихъ чадъ своихъ, особенно Павловскихъ, говоря: «передайте имъ мое послѣднее благословеніе, а А. Андреевичу—родителю ихъ—скажите: «много я любилъ его въ жизни сей, и въ вѣчности не хотѣлось бы разстаться съ нимъ; потому и молю его присоединиться къ нашей православной Церкви, чрезъ таинство мѣропомазанія; это послѣдняя моя просьба предъ смертію, которую жду всякую минуту. Васъ же молю, други мои, творите поминовеніе о душѣ моей, и всякій день воспоминайте». Тутъ подошла супруга его, и, заливаясь слезами, сказала: «и меня съ дѣтьми благослови въ послѣдній разъ, другъ мой!»...—«Хорошо, и тебя благословлю», отвѣчалъ страдалецъ.—«А у дѣтей ужъ не будетъ отца», продолжала она, съ рыданіемъ!—«Нѣтъ; у нихъ останется отцомъ—Отецъ небесный», отвѣчалъ бодрый духомъ и вѣрою страдалецъ; затѣмъ присовокупилъ: «я поручаю тебя Самой Заступницѣ и покойно оставляю васъ, только молитесь о душѣ моей!»

Скоро пришелъ духовникъ его съ братствомъ, и началось соборованіе умиленное; всѣ обливались теплыми слезами, даже и священнослужители, слушая, какъ прерывающимся голосомъ, но съ воплемъ крѣпкимъ, молился страдалецъ Божій, несмотря на то, что и руки, и ноги ломало судорогами:

«о, Господи милостивый!»—громко взывалъ онъ. «Я знаю, что Ты не хочешь смерти грѣшника, Спаситель мой! Итакъ, хотя еще на лѣто едино остави мя, какъ смоковницу! обаче не моя, но Твоя да будетъ воля». Многое множество приходило къ нему во весь этотъ день изъ чадъ духовныхъ за послѣднимъ благословеніемъ. Къ вечеру ему становилось все хуже и хуже: судороги въ боку прерывали дыханіе такъ, что безъ тяжбаго вздоха не могъ онъ и духъ перевести.

26 числа, въ пятницу, предъ утреней, когда ему съ 3-го часа ночи стало легче, онъ пожелалъ, чтобъ принесли ему изъ Спасскаго монастыря икону Иверской Божіей Матери. Съ небесною радостію встрѣтилъ онъ ликъ Ея; но привстать не могъ уже отъ слабости. Во время молебна едва слышнымъ голосомъ и лежа, припѣвалъ онъ со слезами: «Пресвятая Богородице, спаси насъ!» По окончаніи молебна, поднесли икону къ страдальцу; онъ обнялъ ее, и долго-долго не сводилъ глазъ съ изображенія Заступницы... Вскорѣ затѣмъ сдѣлалась съ нимъ сильная икота, которая, часъ отъ часу усиливаясь, совершенно изнурила его. Прихожане, молча уже, кланялись ему до земли, видя, что отъ упадка силъ онъ лежалъ, не открывая глазъ, и, приложившись къ плечу его, со слезами уходили.

Сестра его, у коей въ хижинкѣ лежалъ о. Василій, рассказывала, что за недѣлю предъ симъ, когда собирался онъ съ преосвященнымъ Θεодотіемъ на освященіе храма, пришелъ къ ней проститься, и прилегши на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежалъ, сказалъ ей, какъ бы шутя: «Ахъ, сестрица! какъ вѣдь коротко мнѣ будетъ лежать на вашей постелькѣ, ежели придется мнѣ умереть у васъ въ хижинѣ! Вѣдь по смерти вытянусь еще». Затѣмъ, пропѣвъ стихъ— «со святыми упокой», ушелъ.

Незадолго до кончины, устремивъ взоры на свѣтъ Божій, о. Василій сказалъ: «блаженъ путь, въ онъже идеши, душе христіанская!» и пожелалъ еще приобщиться. Его одѣли въ

чистое бѣлье, и бѣлымъ покрываломъ покрыли. Потомъ... онъ подавъ руку рыдающей супругѣ и сказалъ: «блаженъ, кто терпитъ все на землѣ Бога ради!»

Наконецъ, въ 1-мъ часу принесли Св. Дары; и надо было видѣть его въ эту самую минуту: казалось онъ, весь былъ въ небѣ, и всѣ предстоящіе плакали отъ умиленія... Духовникъ спросилъ болящаго: «не припомнилось ли еще что-либо ему, чтобъ исповѣдать? И больной привсталъ самъ, сѣлъ на постели, и громко, вслухъ всѣхъ, съ трудомъ выговорилъ: «согрѣшилъ — словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, во дни и нощи!» Потомъ съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами воззвалъ: «Господи, въ послѣдній часъ съ разбойникомъ помяни мя во царствіи Твоемъ!» Причастившись же Св. Таинъ, благодарилъ священнослужителей и прощался съ ними, прося творить поминовеніе о душѣ его. Послѣ сего подошла къ нему старушка-мать и осѣняла его крестнымъ знаменіемъ съ сими словами: «да благословить тебя Сама Пресвятая Богородица—Матерь Божія за доброту твою, другъ мой!—Христосъ съ тобою!» Онъ цѣловалъ руки ея, а старушка-мать цѣловала его руки,—что всѣхъ умилило до слезъ.

Часу въ 6-мъ вечера пріѣхала навѣстить больного крестная мать его и привезла страдальцу, коего любила, икону св. Митрофана, съ золотымъ вѣнцемъ, въ благословеніе... Это еще ободрило его на минутку: онъ прикладывался къ иконѣ Святителя съ слезами; обнялъ добрую старицу и, цѣлуя, благодарилъ ее.

Въ 1-мъ часу ночи прекратилась съ нимъ икота, и—онъ успокоился совершенно. Потомъ, собравшись съ силами, чистымъ голосомъ, не произнося словъ, пропѣлъ Херувимскую пѣснь, и тихо воспарилъ духомъ ко Господу...

Предъ исходомъ души іерея Божія Василия видѣлъ его во снѣ діаконъ Спасскаго монастыря П. А. начинающимъ божественную литургію, и что едва будто успѣлъ онъ сказать: «благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа», какъ три

удара въ колоколъ разбудили сновидца, и онъ, перекрестившись, сказалъ: «ахъ, вѣрно, батюшка скончался?! Царство ему небесное!» *).

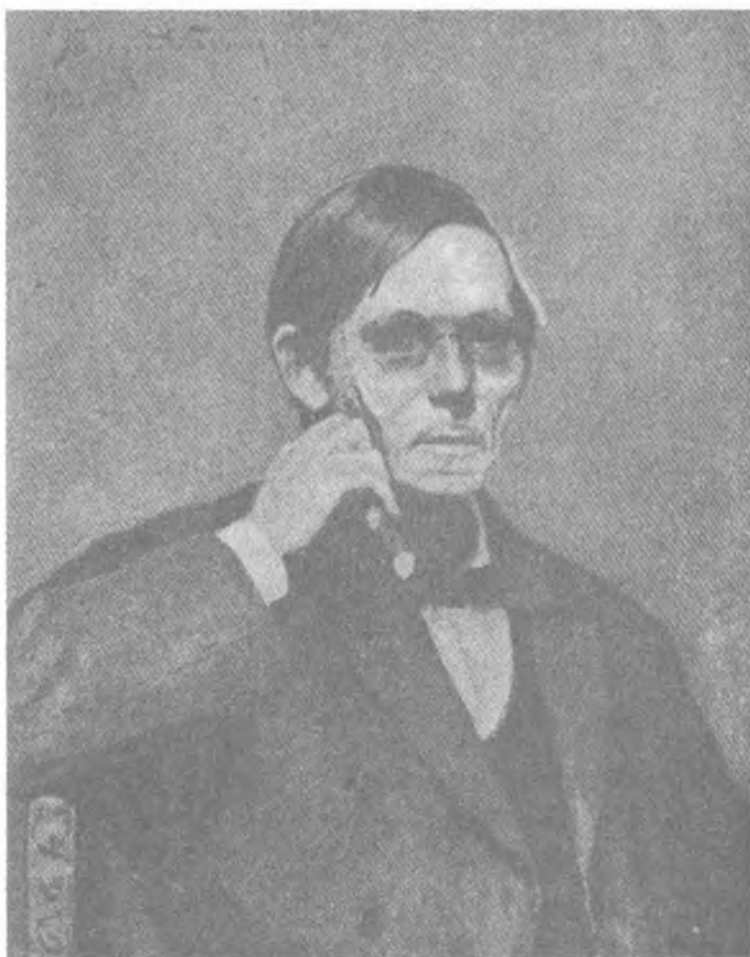
Сергѣй Александровичъ Рачинскій.

(Память 25 сентября).

Сергѣй Александровичъ родился въ 1833 году и по родственнымъ связямъ и отношеніямъ принадлежалъ къ знатному дворянству. Между прочимъ, онъ приходился роднымъ племянникомъ извѣстному поэту Е. А. Баратынскому. Окончивъ въ 1853 году Московскій университетъ по естественному факультету, онъ избралъ своею спеціальностію изученіе ботаники. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ удостоенъ степени магистра за сочиненіе: «О движеніи высшихъ растений» и занялъ въ университетѣ каѳедру ботаники. Какъ профессоръ, онъ заявилъ себя учеными трудами, каковы: «О нѣкоторыхъ химическихъ превращеніяхъ растительныхъ тканей» (докторская диссертация), «Цвѣты и насѣкомыя», а также перевелъ на русскій языкъ извѣстное сочиненіе Дарвина: «О происхожденіи видовъ» и Шлейдена «Жизнь растений». Но, погружаясь въ изученіе своей науки, Сергѣй Александровичъ не сдѣлался одностороннимъ специалистомъ. Напротивъ, онъ живо интересовался вопросами литературы и философіи, былъ прекраснымъ классикомъ и знатокомъ искусствъ, въ особенности живописи и музыки. По своимъ убѣжденіямъ, онъ принадлежалъ къ славянофиламъ и былъ человѣкъ искренно-религіозный.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Сергѣй Александровичъ оставилъ профессорскую каѳедру и перенесъ свою просвѣтительную дѣятельность въ деревню, въ среду сельскаго на-

*) Изъ запис. преосвящ. Герасима, епископа Самарскаго. („Странникъ“).

Сергей Александрович Рачинский

селенія, поселясь, почти безвыѣздно въ своемъ родовомъ «Татевѣ».

Здѣсь онъ основалъ образцовую, въ полномъ смыслѣ этого слова, «Татевскую» школу, въ которой преподавалъ цѣлую четверть вѣка, въ которой многіе годы безотлучно жилъ, раздѣляя съ учениками ея столъ и весь образъ ихъ жизни.

Впослѣдствіи вокругъ Татевской школы, и по образцу ея, возникла цѣлая сѣть другихъ школъ, основанныхъ Сергѣемъ Александровичемъ или при его ближайшемъ участіи. Таковы—Глуховская школа, построенная на средства, предоставленныя Сергѣемъ Александровичемъ, двѣ—мужская и женская—школы въ с. Меженингахъ, въ имѣніи близкихъ родственницъ Сергѣя Александровича, школа Покровская, Новосельская, при стекольномъ заводѣ Ю. С. Нечаева-Мальцева, а также школы въ селахъ Тарховѣ, Верховѣ, Сопоти, въ д. Вязовахъ и Михѣевѣ. Въ послѣдніе годы, при содѣйствіи Сергѣя Александровича, открыты второклассныя школы въ селахъ Дунаевѣ и Большевѣ. Наконецъ, Сергѣемъ Александровичемъ была вызвана къ жизни цѣлая сѣть школъ грамоты. Въ большинствѣ этихъ школъ учительствовали и учительствуютъ ученики и питомцы Сергѣя Александровича. Всѣмъ этимъ школамъ Сергѣй Александровичъ помогалъ, по мѣрѣ, или лучше сказать, выше мѣры своихъ средствъ. Въ былые годы, когда позволяли ему силы, онъ нерѣдко посѣщалъ эти школы, наблюдалъ за ихъ постановкою, давалъ цѣнные совѣты и указанія.

Какъ педагогъ, Сергѣй Александровичъ не придавалъ особеннаго значенія методамъ, или техническимъ приѣмамъ, преподаванія, а обращалъ главное вниманіе на характеръ или внутренній строй школы. Онъ началъ и кончилъ свою педагогическую дѣятельность съ твердымъ убѣжденіемъ, что русская школа всѣмъ своимъ существованіемъ, всѣмъ укладомъ должна входить въ жизнь народа, которому она принадлежитъ: а такъ какъ русскій народъ есть народъ право-

славный, воспитанный въ завѣтахъ Церкви, то такова должна быть и его школа. Эта школа, по его глубокому и искреннему убѣжденію, должна стоять подъ руководствомъ Церкви православной и въ ея духѣ воспитывать подрастающіе поколѣнія. Въ такую именно тѣсную связь съ Церковію и съ добрыми воспитательными началами древне-русской церковной школы поставилъ онъ Татевскую и другія созданныя имъ школы. Татевскую школу нельзя и представить безъ Церкви, какъ трудно, съ другой стороны, представить и Татевскую церковь безъ ближайшаго участія Татевской школы, во главѣ съ ея основателемъ, въ ея службахъ и заботахъ объ ея благолѣпіи. «Я какъ сейчасъ вижу передъ собою Татевскую школу, пишетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» одинъ изъ знакомыхъ С. А. Рачинскаго—Павловъ. Просторная, свѣтлая, съ широкимъ террасой-крыльцемъ, она расположена какъ разъ противъ церкви, отъ которой ее отдѣляетъ широкая улица. Надъ входомъ въ школу икона благословляющаго дѣтей Христа. Внизу школьнаго зданія просторные классы и помѣщеніе для учениковъ, нерѣдко живущихъ при школѣ; на верху—двѣ крохотныя комнатки Сергѣя Александровича, заставленныя книжными шкафами, завѣшанныя картами и картинами. Ходъ въ нихъ черезъ школу. Великолѣпная Татевская усадьба, со всѣми удобствами просвѣщенной богатой жизни, всего въ какой-нибудь верстѣ и даже меньше отъ школы,—и Сергѣй Александровичъ, конечно, могъ бы жить здѣсь, въ семейномъ домѣ Рачинскихъ, пользуясь привычнымъ отъ рожденія комфортомъ, но онъ не пожелалъ жить отдѣльною, хотя бы и внѣ классовъ, жизнью отъ своего дѣтища—школы и предпочелъ ея двѣ убогія комнатки роскошнымъ покоемъ Татевского дома. Мало того, живя подъ одной кровлей со своими милыми школьниками, онъ,—по крайней мѣрѣ въ мое время,—раздѣлялъ съ ними и ихъ скромный столъ, довольствуясь тою простою пищею, которую приготавлила на всю школьную

«артель» баба-стряпуха. Совершая утреннюю прогулку, онъ перѣдко собиралъ щавель для обихода школьной кухни.

Сергѣй Александровичъ при первой встрѣчѣ просто поражалъ своею скромною внѣшностью. Видѣть на немъ одежду заштопанную и зашитую, быть-можетъ, руками той же стряпухи-бабы, единственной школьной прислуги, было далеко не-рѣдкостью. Но за то этого человѣка и нельзя было поразить и подкупить какою бы то ни было блестящею внѣшностью. Въ оболочкѣ онъ прежде всего искалъ содержанія».

А вотъ какъ описываетъ другой почитатель и послѣдователь Сергѣя Александровича, г. Горбовъ, внутренній строй Татевской школы. «Вставали школьники въ 6 часовъ. Послѣ молитвы, до классныхъ занятій, дѣти рубили дрова, возили съ рѣки воду, убирали школу. Въ 9 часовъ начинались классы и продолжались до 12 часовъ, въ 12 часовъ обѣдъ и до 2 часовъ перерывъ. Въ эти часы школьники играли на дворѣ или занимались какими-либо легкими физическими работами. Отъ 2 до 4 уроки. Въ 4 часа за столъ (полдничанье). Съ 6 часовъ новыя занятія; часто вечеръ проходилъ въ спѣвкахъ, въ которыхъ принимали участіе не только мальчики, но и дѣвочки, составлявшіе прекрасный церковный хоръ. Въ 8 ужинъ и молитва на сонъ грядущій. Одинъ изъ учениковъ возглашалъ начальныя молитвы, потомъ пѣли «Отче нашъ» и затѣмъ учитель читалъ одну изъ вечернихъ молитвъ. Но въ послѣдствіи ученики упросили прочитывать всѣ вечернія молитвы. Все заканчивалось пѣніемъ тропаря «Кресту». Это, говоритъ г. Горбовъ,—выходило довольно продолжительно, но не замѣчалось никакого утомленія, никакого разсѣянія. Серьезно и сосредоточенно стояли дѣти предъ иконою съ горящею лампадою, послѣ цѣлаго дня усиленныхъ и разнообразныхъ занятій, и какъ хороши, какъ милы были они въ это время».

Такъ же поставлены были и другія школы, основанныя Сергѣемъ Александровичемъ. Во всѣхъ этихъ школахъ лѣ-

томъ занятія прекращались, но они продолжались въ Татевской школѣ. Сергѣй Александровичъ занимался лѣтомъ съ лучшими учениками, приготавливая ихъ къ учительству или къ поступленію въ другія—болѣе высшія школы. Кромѣ того, къ нему съѣзжались на лѣто бывшіе его ученики—учителя основанныхъ имъ школъ. Это были своего рода учительскіе курсы, на которыхъ происходилъ обмѣнъ мыслей и впечатлѣній и обсуждались разные вопросы. Субботнія бесѣды обычно завершались спѣвкой къ обѣднѣ и чтеніемъ воскреснаго Евангелія. Читалъ самъ Сергѣй Александровичъ, и его чтеніе и бесѣды производили глубокое впечатлѣніе на слушателей.

Кромѣ широты образованія и горячей вѣры въ свое дѣло, Сергѣй Александровичъ внесъ въ свою педагогическую дѣятельность самую теплую, самую преданную любовь къ дѣтямъ. Онъ былъ для своихъ учениковъ не учителемъ только,—этотъ рѣдкій по душевной чистотѣ и мягкости любвеобильнаго сердца человѣкъ былъ для своихъ питомцевъ скорѣе любящею матерью, жившею однѣми съ ними радостями и горевавшею ихъ неудачами и печалями. Школа—была его домомъ, школьники—его семьею, для которой онъ работалъ, не покладая своихъ рукъ. И какъ радовался онъ, какою радостію свѣтились его добрые глаза, когда изъ его «дѣтей» выходилъ прокъ, когда они, съ его ближайшею духовною и матеріальною помощію, выбивались на торную дорогу. Съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ Сергѣй Александровичъ за индивидуальными наклонностями и способностями своихъ учениковъ! Каждый изъ нихъ онъ зналъ такъ, какъ въ наше время рѣдкій отецъ знаетъ своего единственнаго сына. И стоило только мальчику обнаружить хотя какой-нибудь талантъ, чтобы чуткій отецъ-учитель сейчасъ же пришелъ на помощь его развитію.

Сергѣй Александровичъ «выводилъ» многихъ крестьянскихъ юношей въ учителя, священники, художники и пр. Одинъ изъ его учениковъ извѣстный нынѣ художникъ Н. П. Богда-

повѣ-Бѣльскій и всѣ его школьные жанры, столь извѣстные, происходятъ именно въ Татевской школѣ, всѣ дѣйствующія въ нихъ лица—портреты съ членовъ Татевского школьнаго міра; на двухъ картинахъ («Умственный счетъ» и «Воскресное чтеніе») является и самъ Сергѣй Александровичъ.

Сергѣй Александровичъ обладалъ необычайнымъ даромъ привлекать людей и былъ окруженъ цѣлымъ рядомъ лицъ—духовныхъ и свѣтскихъ, горѣвшихъ огнемъ, отъ него полученнымъ, идущихъ беззавѣтно за учителемъ. И это не только въ непосредственной близости. Трудно представить себѣ, говорить г. Горбовъ, какую громадную переписку (тщательно имъ хранившуюся) велъ онъ со всѣми концами Россіи; отовсюду, и знакомые, и незнакомые, обращались къ нему за совѣтомъ, указаніемъ, поддержкой. И всѣмъ онъ находилъ время отвѣчать, всѣмъ сказать полное любви слово. Образцомъ такой переписки можетъ служить печатный сборникъ его писемъ о трезвости къ студентамъ одной изъ духовныхъ академій.

Говоря о Сергѣѣ Александровичѣ Рачинскомъ, нельзя умолчать о его литературно-педагогической дѣятельности. Сборникъ его педагогическихъ статей—«Сельская Школа» выдержалъ 4 изданія. Въ нихъ, въ художественной формѣ, Сергѣй Александровичъ излагаетъ свои завѣтные мысли о значеніи и характерѣ русской народной школы. Статьи его написаны горячо, искренно, съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Приведемъ изъ этой интересной книги краткія отрывки, гдѣ Сергѣй Александровичъ говоритъ о преимуществахъ школы приходской и именно церковной. «Наша школа, сдѣлавшись приходскою», пишетъ онъ: «тѣмъ самымъ пріобрѣтеть характеръ церковный въ широкомъ смыслѣ этого слова, станетъ дѣломъ всѣхъ церковныхъ элементовъ сельскаго населенія, духовныхъ и свѣтскихъ, безъ различія состоянія и сословія. Прежде всего, она станетъ дѣломъ самихъ священниковъ. Они уже имѣютъ предъ собою слишкомъ рѣдкіе до

сихъ поръ примѣры школъ, возникшихъ въ селахъ исключительно по почину ихъ священниковъ, живущихъ ихъ неусыпными попеченіями, пользу и важность котораго они не могутъ не понять. Между тѣмъ, уже теперь всякій сельскій священникъ, дѣйствуя съ терпѣніемъ, безкорыстіемъ и энергіею, можетъ собрать въ своемъ приходѣ средства, необходимыя для содержанія школы. Но не всѣ одинаково одарены этими свойствами. Помощь въ большинствѣ случаевъ необходима.

«Распространеніе у насъ приходскихъ школъ, — продолжаетъ Сергій Александровичъ, — будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для нашего духовенства. Жизнь нашихъ сельскихъ батюшекъ пуста. Лѣто ихъ кое-какъ наполняется хозяйственными заботами. Но зимою самое добросовѣстное исполненіе службъ и требъ оставляетъ широкіе пробѣлы, поневолѣ наполняющіеся разѣздами по гостямъ, игрою въ карты, пошлыми общественными развлеченіями... Пора вытянуть ихъ изъ болота, затягивающаго ихъ.

«Искреннимъ, дѣятельнымъ участіемъ священника въ школъ разрѣшается и вопросъ о контролѣ за преподаваніемъ, о томъ ежедневномъ доброжелательномъ контролѣ, который ей нуженъ. Право на этотъ контроль принадлежитъ всему приходу, но имъ во многихъ отношеніяхъ не могутъ пользоваться родители учениковъ, за недостаткомъ времени и свѣдѣній. Оно на дѣлѣ, по необходимости, переносится на компетентнаго человѣка, пользующагося довѣріемъ прихода, а таковымъ... является священникъ, стоящій на высотѣ своего призванія...

«Наконецъ, мы должны предвидѣть тѣ случаи, въ которыхъ приходская школа станетъ слишкомъ тѣсною для всѣхъ, желающихъ въ ней учиться, и потребуетъ себѣ въ помощь содѣйствіе подготовительныхъ деревенскихъ школъ. Единственнымъ человѣкомъ, который можетъ въ этихъ мелкихъ школахъ придать ученію желательное направленіе, кто мо-

жетъ служить связующимъ звеномъ между ними и школою приходскою, опять-таки является священникъ. Придаю этому соображенію особую важность. Не вытѣснить нашу самородную деревенскую школу призваны возникающія у насъ школы болѣе совершенныя, но поднять ее, устроить и дополнить».

Вопросамъ школьной методики Сергѣй Александровичъ не придавалъ особеннаго значенія. Но и въ этой области онъ оставилъ послѣ себя цѣнный памятникъ. Разумѣемъ составленный имъ учебникъ: «1001 задача для умственного счета». Имъ же издана «Псалтирь» съ объясненіями нѣкоторыхъ выраженій.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 14-го мая 1899 года, данномъ на имя почетнаго попечителя церковно-приходскихъ школъ IV благочинническаго округа, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, С. А. Рачинскаго, отмѣчена многолѣтняя дѣятельность его по устройству обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей въ неразрывной связи съ церковію и приходомъ, т.-е.,—выражаясь другими словами,—дѣятельность на поприщѣ воспитанія и обученія подрастающихъ поколѣній въ православно-русскомъ направленіи. Но та же цѣль, тѣ же основы указаны и для нашихъ церковно-приходскихъ школъ. Педагогическія воззрѣнія Сергѣя Александровича были таковы: школа всѣмъ своимъ существованіемъ, всѣмъ своимъ укладомъ должна входить въ жизнь народа, своего народа; а такъ какъ русскій народъ есть народъ православно-церковный, то и школа должна быть таковой же. Тѣхъ же воззрѣній держатся сторонники и поборники церковно-приходскихъ школъ. Было бы крупнымъ заблужденіемъ думать, что, оставляя профессорскую кафедру въ Московскомъ университетѣ для того, чтобы всецѣло отдать себя дѣлу народнаго просвѣщенія, Сергѣй Александровичъ имѣлъ въ виду создать какой-нибудь новый типъ школы, доселѣ не бывшій. Да, типъ школъ С. А. Рачинскаго былъ для своего времени новъ, но лишь потому, что былъ хорошо позабытъ. Въ дѣйствительности же, школы

Сергѣя Александровича были старыми школами. Эти школы существовали на Руси отъ временъ равноапостольнаго князя Владиміра и если были заброшены, такъ совсѣмъ не потому, что не имѣли въ себѣ жизненной силы, или были непригодны духу и складу русскаго народа, а единственно потому, что сильное, чрезмѣрное увлеченіе Западомъ, заставлявшее насъ отбрасывать все непригодное для историческаго роста русскаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ долгое время мѣшало намъ разобраться и по достоинству оцѣнить и то хорошее, что оставила намъ до-Петровская Русь. Въ области народнаго просвѣщенія С. А. Рачинскій былъ первымъ человѣкомъ, освободившимся отъ гнета западно-европейской народной педагогики. Его свѣтлый умъ, европейски, какъ говорятъ, просвѣщенный, но чуждый односторонняго увлеченія иноземнымъ, не захотѣлъ призывать инославныхъ и иностранныхъ учителей, да князять и володѣють умами и характерами подрастающихъ поколѣній русскаго народа; онъ обратился къ историческому прошлому родного народа и тамъ нашелъ тотъ типъ школъ, который нынѣ извѣстенъ подъ именемъ школъ Рачинскаго. И какъ тѣ до-Петровскія школы были православно-русскими церковными школами, такъ и школы Сергѣя Александровича, возникшія задолго до того времени, когда въ нашемъ офиціальномъ языкѣ появилось названіе «церковная школа»; хотя въ началѣ своего существованія и не носили этого наименованія, но по духу, методамъ преподаванія, по всему своему складу были православными церковно-приходскими школами. Въ томъ и заключается особенная заслуга С. А. Рачинскаго, что онъ первый выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ воспитанія и обученія народа въ неразрывной связи съ Церковію и приходомъ, и затѣмъ личнымъ примѣромъ, на своихъ дѣйствительно образцовыхъ школахъ, показалъ и возможность и неоцѣнимую полезность такого воспитанія и обученія. Школы С. А. Рачинскаго, скажемъ словами Высочайшаго рескрипта, состоя въ числѣ

церковно-приходскихъ, стали разсадникомъ въ томъ же духѣ воспитанныхъ дѣятелей, училищемъ труда, трезвости и добрыхъ нравовъ и живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учреждений. И какая глубокая вѣра, какое могучее непоколебимо-твердое убѣжденіе въ жизненности церковно-приходской школы, въ ея полной приспособленности и полезности для русскаго народа должно было руководить и, дѣйствительно, руководило Сергѣемъ Александровичемъ, когда онъ рѣшился промѣнять блестящую профессуру на скромное учительство въ сельской церковной школѣ! Та же вѣра побудила его всей своей чистой, искренней, православно-русской душой примкнуть къ дѣятелямъ церковно-приходской школы, когда послѣдняя, во время необычайнаго подъема русскаго самосознанія при въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, получила государственное значеніе. Сергѣй Александровичъ, можно сказать, жилъ жизнью этой школы, радовался ея успѣхамъ и огорчался ея неудачами. Такъ вотъ то дѣло, которому посвятилъ свою чудную душу, весь богатѣйшій запасъ своихъ дарованій почившій С. А. Рачинскій: это — церковно-приходская школа.

Удалившись изъ шумной Москвы въ благодатную тишь родного Татова, С. А. Рачинскій жилъ тамъ совершеннымъ отшельникомъ: изрѣдка бывалъ въ Москвѣ, еще рѣже въ Петербургѣ. Большая часть нашей печати, по выходѣ его изъ Московскаго университета, о немъ молчала, самъ Сергѣй Александровичъ рѣшительно уклонялся заявлять о себѣ и особенно въ той шумной, трескучей формѣ, которая такъ нравится и заставляетъ говорить толпу. И выходило такъ, какъ будто никому нѣтъ дѣла до того, какъ живетъ и что дѣлаетъ въ своемъ сельскомъ уединеніи бывший Московскій профессоръ. Другимъ, знавшимъ, какому дѣлу посвятилъ себя С. А. Рачинскій, отшельничество его давало поводъ думать, что его не понимаютъ, что онъ, положившій душу свою за народное образованіе въ духѣ вѣры и Церкви, стоитъ оди-

ноко на избранномъ имъ пути и что въ силу такого постыднаго равнодушія общества святое дѣло Сергѣя Александровича обречено на умираніе. Но отшельничество С. А. Рачинскаго не было отшельничествомъ строгаго затворника, разъ навсегда порвавшаго связь съ міромъ и всецѣло сосредоточившагося на личномъ усовершенствованіи, на личномъ спасеніи. Нѣтъ, уединеніе Сергѣя Александровича скорѣе напоминало отшельничество тѣхъ сильныхъ духомъ мужей, которые, удаляясь для укрѣпленія своихъ духовныхъ силъ въ пустыню, чистотою своей нравственной личности и высокими подвигами самоотверженія собирали вокругъ себя множество учениковъ, разнесившихъ затѣмъ славные завѣты своихъ учителей во все концы земли. Такой именно ожившей пустыней было село Татеево за время жизни въ немъ С. А. Рачинскаго. Не было здѣсь ученыхъ профессоровъ-сотоварищей, не было слушателей-студентовъ; были здѣсь одни крестьянскіе ребяташки, дѣлившіе со своимъ учителемъ и трудности обученія, и скудное пропитаніе. Тѣсная дружба, горячая любовь связывали воспитателя съ воспитанниками. Сергѣй Александровичъ любилъ своихъ малышей, какъ своихъ дѣтей. «Вы для меня и отецъ, и мать, и семья и все», — задумчиво и со слезами на глазахъ говаривалъ онъ имъ. Не понимали этихъ словъ малыши, но чуткимъ дѣтскимъ сердцемъ чувствовали, что горячая любовь говорить имъ эти слова, и на любовь отвѣчали любовью же: слова и завѣты учителя глубоко врѣзывались въ сердца, внутренняя связь учителя и учениковъ съ каждымъ днемъ росла и крѣпла и не прерывалась затѣмъ уже на всю жизнь. Основанныя Сергѣемъ Александровичемъ школы выпустили цѣлыя сотни дѣятелей по народному образованію: сельскихъ учителей и пастырей Церкви, ревностныхъ учениковъ почившаго и пламенныхъ проповѣдниковъ его педагогическихъ воззрѣній. Эти ученики до самой смерти ихъ отца-учителя не прекращали съ нимъ живого духовнаго общенія. Кромѣ того, беззавѣтная преданность и горячая любовь С. А.

Рачинскаго въ дѣлу, мастерское умѣнье вести его были причиною того, что въ село Татевое направлялось множество учителей, не бывшихъ учениками почившаго, но желавшихъ видѣть живой примѣръ образцоваго педагога, получить отъ него цѣнныя совѣты и указанія и въ задушевной бесѣдѣ съ мудрымъ старцемъ почерпнуть новыя силы для труднаго служенія на нивѣ народнаго образованія. Но изустной, такъ сказать, непосредственной бесѣдой не ограничивалось общеніе Сергѣя Александровича съ его многочисленными учениками и послѣдователями. Обширная переписка почившаго съ различными дѣятелями на поприщѣ воспитанія и обученія въ томъ духѣ и направленіи, представителемъ которыхъ былъ самъ Сергѣй Александровичъ, показываетъ, что на его маленькое Татевое были обращены взоры всего церковно-школьнаго міра. И неудивительно. Имя С. А. Рачинскаго было извѣстно и дорого дѣятелямъ церковно-приходской школы не только по тому обаянію, какое производило непосредственное общеніе съ нимъ, но и по литературно-педагогическимъ трудамъ его, ставшимъ вскорѣ же по выходѣ ихъ въ свѣтъ достояніемъ церковной школы. Его записка «Объ образцовыхъ школахъ при духовныхъ семинаріяхъ» въ 1884 году была разослана для ознакомленія всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ. Результатомъ ознакомленія съ этой запиской, составленной на основаніи глубокаго знанія и долготѣхнихъ практическихъ опытовъ, было открытіе съ осени 1885 года образцовыхъ начальныхъ школъ при нѣкоторыхъ духовныхъ семинаріяхъ, а нынѣ едва ли найдется хоть одна духовная семинарія или епархіальное женское училище, гдѣ бы не было образцовой школы. Та же записка была затѣмъ напечатана въ повременномъ сборникѣ «Церковная Школа» (1887 г. № 2). Въ 1891 году издана г. Горбовымъ, съ его предисловіемъ, «Сельская Школа» — сборникъ педагогическихъ статей С. А. Рачинскаго. Въ томъ же году этотъ сборникъ разосланъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ въ

епархіальные совѣты для безмезднаго снабженія образцовыхъ и двухклассныхъ школъ. Въ 1898 году «Сельская Школа» издана уже Училищнымъ, при Святѣйшемъ Синодѣ, Совѣтомъ. Въ 1901 году тѣмъ же Совѣтомъ издана брошюра С. А. Рачинскаго «Школьный походъ въ Нилову пустынь». Для школьнаго употребленія изданъ интересный задачникъ Сергѣя Александровича «1001 задача для умственнаго счета». Такъ, находясь въ своемъ Татевскомъ уединеніи, С. А. Рачинскій ни на одну минуту не прерывалъ общенія съ церковно-школьнымъ міромъ: до самой его смерти и онъ самъ училъ, и у него учились и словомъ, и дѣломъ, и литературнымъ перомъ.

По выходѣ въ отставку и до самой смерти С. А. Рачинскій, какъ было сказано, почти безвыѣздно прожилъ въ Татевѣ. Но сельская тишь не давала ему отдыха: все свободное время онъ отдавалъ Татевской и другимъ лично имъ основаннымъ школамъ и тѣмъ училищамъ, которыхъ онъ былъ попечителемъ. Всего подъ его непосредственнымъ покровительствомъ было 12 школъ. Большая часть этихъ школъ открыта С. А. Рачинскимъ до обнародованія Высочайше утвержденныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ 13 іюня 1884 года и содержалась почти исключительно на средства Сергѣя Александровича. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ получали, правда, скудное вспомошествованіе отъ мѣстнаго земства и числились земскими, но по духу и направленію, по всему складу своему онѣ были строго церковно-приходскими. И самъ С. А. Рачинскій въ послѣдніе годы своей жизни настойчиво ходатайствовалъ о передачѣ этихъ мнимыхъ земскихъ школъ въ духовное вѣдомство. Открытымъ и руководимымъ имъ школамъ Сергѣй Александровичъ отдавалъ и весь свой ограниченный матеріальный достатокъ, и весь запасъ своихъ душевныхъ силъ. Ежегодно онъ истрчивалъ на содержаніе школъ до 5,000 рублей, не считая другихъ расходовъ: на починку зданій, на возведеніе новыхъ и проч. Эти случайные, но неизбѣжные расходы также покрывались нерѣдко изъ

средствъ С. А. Рачинскаго. На тѣ же школы шла и назначенная ему пенсія, и потому онъ не безъ основанія шутливо говорилъ, что со времени назначенія ему этой пенсіи его жизнь стала драгоценною. Не жалѣя матеріальныхъ средствъ, Сергѣй Александровичъ не щадилъ и своихъ духовныхъ силъ на пользу любимыхъ школъ. Ни преклонные годы, ни обычные недомоганія не могли сломить энергію старца-педагога. Онъ не зналъ усталости. Съ ранняго утра и до поздней ночи онъ весь былъ въ работѣ. Ученики его удивлялись, когда онъ отдыхаетъ, а на предложеніе отдохнуть получали бладушный отвѣтъ: «вамъ, молодымъ, нужно отдыхать, а мнѣ, старику, какой отдыхъ»...

Но въ тѣсныхъ рамкахъ попечительства о церковныхъ школахъ IV благочинническаго округа Бѣльскаго уѣзда (такое было официальное званіе С. А. Рачинскаго) не замыкалась педагогическая дѣятельность почившаго. Изъ своего тихаго уголка Сергѣй Александровичъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось въ области церковно-школьнаго дѣла, былъ прекрасно освѣдомленъ о всѣхъ начинаніяхъ, касающихся воспитанія и обученія подрастающихъ поколѣній въ духѣ православной Церкви, и принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ распространеніи и укрѣпленіи въ сознаніи общества идеи такого воспитанія и обученія чрезъ устройство церковно-приходскихъ школъ. Не было ни одного болѣе или менѣ важнаго мѣропріятія, касающагося этихъ школъ, которое было бы задумано и проведено въ жизнь безъ совѣта и одобренія С. А. Рачинскаго. Вотъ почему и настоящее, и будущее церковныхъ школъ тѣсно связано съ именемъ Сергѣя Александровича, не только какъ перваго возстановителя древне-русской системы воспитанія и обученія народа въ неразрывной связи съ церковію и приходомъ, но и какъ дѣятельнѣйшаго сотрудника и мудрѣйшаго совѣтника въ правильномъ устройствѣ церковной школы. По этой сторонѣ дѣятельности,—можно, не преувеличивая, сказать,—скром-

ный попечитель церковно-приходскихъ школъ IV благочинническаго округа Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, вырастаетъ въ попечителя церковныхъ школъ всей Россіи. Время надлежащей оцѣнки жизни и дѣятельности С. А. Рачинскаго еще не наступило. Богатѣйшіе матеріалы для его характеристики, разсѣянные въ многочисленнѣйшихъ письмахъ почившаго къ дѣятелямъ церковной школы, ученикамъ и почитателямъ, еще не собраны. Было бы весьма желательно, чтобы ни одинъ изъ этихъ цѣнныхъ листковъ, написанныхъ рукою Сергѣя Александровича, не былъ утерянъ для потомства. Было бы желательно, чтобы живые свидѣтели его жизни и дѣлъ, ученики его, повѣдали намъ о томъ, что сохранила ихъ благодарная память объ отцѣ-учителѣ.

И какъ неожиданно подошла къ нему смерть. Еще за два дня видѣли его по обычаю дѣятельнымъ; по обыкновенію шли къ нему посѣтителы, преимущественно изъ учебнаго сельскаго міра, попрежнему велъ онъ свою обширную переписку,—и вдругъ внезапная вѣсть о кончинѣ! 2-го мая въ 9 часовъ утра С. А. не стало.

Едва огласилась печальная вѣсть о смерти С. А., какъ отовсюду двинулись въ Татевѣ многочисленные питомцы его и народныя массы. Всѣ желали еще разъ видѣть дорогія черты незабвеннаго учителя и поклониться его праху.—Панихиды смѣнялись панихидами; ученики Татевской и другихъ школъ читали Псалтирь день и ночь. Въ Татевскомъ храмѣ ежедневно совершалась литургія. Ко времени погребенія прибыли и дальніе почитатели С. А.: директоръ придворной пѣвческой капеллы С. В. Смоленскій, бывшій воспитанникъ С. А. — художникъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, священникъ Кресто-Воздвиженской общины сестеръ милосердія А. П. Васильевъ, командированные для погребенія преосвященнымъ владыкою Петромъ — ректоръ Смоленской духовной семинаріи архимандритъ Алипій и епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ, родственники почившаго и

другія лица. Дровнинская учительская школа прислала два металлическихъ вѣнка художественной работы отъ учителей и учащихся.

Наканунѣ отпѣванія при гробѣ о. ректоромъ семинаріи въ сослуженіи всего прибывшаго духовенства, въ числѣ 8 священниковъ, совершена была заупокойная всенощная. Въ виду совпаденія службы съ навечеріемъ воскреснаго дня и продолжающимся празднованіемъ Пятидесятницы, въ богослуженіе внесены были: воскресное Евангеліе, пасхальная стихира «Воскресеніе Христово видѣвше» и пасхальный канонъ. Пѣлъ хоръ изъ учителей Татевской и сосѣднихъ школъ. «Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесъ воскресшу Тебѣ, сраспинахся Тебѣ вчера: Самъ мя спрослави, Спасе, во царствіи Твоемъ». Послѣ всенощной, уже позднимъ вечеромъ, прибывшими ученицами Тарховской земской школы, которая также считаетъ С. А. своимъ основателемъ, съ участіемъ окрестныхъ учителей, совершена была послѣдняя панихида. Прекрасное пѣніе дѣвочекъ, тихая, сосредоточенная молитва и вся вообще обстановка, полная торжественности, производили на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

На слѣдующій день съ ранняго утра началось необычное движеніе. Массы народа подходили больше и больше, и всѣ направлялись къ знакомому дому. Въ половинѣ девятаго раздался благовѣстъ. Изъ храма прослѣдовалъ крестный ходъ. Собравшееся духовенство, во главѣ съ о. ректоромъ, совершило въ домѣ литію, останки почившаго были переложены въ гробъ и началось печальное шествіе. Гробъ поднимали священники и несли большую часть пути. При выходѣ изъ дома, изъ предѣловъ усадьбы и на мѣстахъ, гдѣ особенно любилъ останавливаться для отдыха среди бесѣдъ съ посѣтителями покойный С. А., совершались литіи; во все остальное время—неумолкаемая пѣснь «Святый Боже». Поровнявшись съ церковію, крестный ходъ повернулъ къ школѣ, находящейся противъ нея. Вслѣдъ за крестомъ внесенъ въ школу и гробъ.

Классная комната, гдѣ столько лѣтъ трудился С. А., снова встрѣтила своего учителя, чтобы отдать ему послѣдній прощальный привѣтъ. «Дорогой и незабвенный отецъ»!—съ такими приблизительно словами обратился къ нему о. Александръ Васильевъ: «долгіе годы мы жили трудомъ твоимъ и любовію, душа наша полна тобою, но что мы скажемъ теперь? Пораженное сердце безмолвствуетъ, да и какое слово въ состояніи выразить всю нашу любовь къ тебѣ? Прими отъ насъ хотя эту слабую дань благодарности», — и всѣ присутствующіе, вслѣдъ за священникомъ, сдѣлали земной поклонъ гробу.

По прибытіи шествія въ церковь, началась божественная литургія. Совершалъ ее о. ректоръ въ сослуженіи епархіальнаго наблюдателя школъ и семи священниковъ сосѣднихъ селъ. Народная волна плотною массою наполняла храмъ, придѣлы и хоры и широкимъ кольцомъ окружала его, расходясь по погосту. Чинно и стройно совершалась божественная служба. Умилительныя пѣснопѣнія литургіи, величественныя священныя дѣйствія, самая обстановка богослуженія, столь необычайныя, невольно захватывали душу. Ни одинъ посторонній звукъ, ни одно неумѣстное слово не нарушали священныхъ минутъ тайнодѣйствія. Одни только моленія, возглашаемыя священно-служителями, и одни пѣснопѣнія слышались въ храмѣ; молитвенное настроеніе господствовало нераздѣльно. Послѣ причастнаго стиха на амвонѣ взошелъ бывшій воспитанникъ С. А., о. Александръ Васильевъ,—и вся толпа колыхнулась.

Проповѣдникъ посвятилъ усопшему прекрасное, вдохновенное слово. Вложивъ въ уста его текстъ изъ первосвященнической молитвы Господа: *дѣло совершившхъ, еже далъ еси Миѣ да сотворю* (Іоан. 17, 4), онъ послѣдовательно раскрылъ, какіе свѣтлые завѣты истины, правды и любви были началомъ всей жизни усопшаго и какъ они должны быть священны для всѣхъ, кому дорога его память. Долго и сво-

боднымъ потокомъ лилось, полное любви и благоговѣнія къ почившему, слово, и горячо воспринималось оно слушателями. Литургія кончилась. Ко времени погребенія прибыли уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ и еще 6 священниковъ, которые, облачившись, также приняли участіе въ отпѣваніи. Предъ началомъ отпѣванія о. ректоръ вышелъ на амвонъ и произнесъ слово.

«Всѣ мы въ томъ твердо убѣждены, — говорилъ о. ректоръ, — что въ твоёмъ лицѣ вся наша Россія лишилась одного изъ доблестнѣйшихъ сыновъ своихъ, наука — одного изъ своихъ представителей и подвижниковъ, общество лишилось гражданина честности неподкупной, энергіи необъятной, стремленій высокихъ и идеальныхъ, дѣятеля ко благу и просвѣщенію народному, во дни переживаемой нами злобы нашей безпримѣрнаго и незамѣнимаго.

«Какъ древніе русскіе подвижники, онъ давно уже ушелъ отъ міра и его суеты. Въ молодые свои годы блестяще окончившій научное образованіе, профессоръ Московскаго университета въ хорошее его время, уже извѣстный въ Европѣ ученый, онъ добровольно отказался отъ извѣстности, почета и славы, ушелъ въ деревню, глушь, къ тому простому темному русскому народу, который такъ нуждается въ просвѣщеніи, но не въ томъ, какое хотятъ навязать ему самозванные народолюбцы, а въ просвѣщеніи истинномъ, въ просвѣщеніи въ духѣ православной Церкви, въ постоянномъ ближайшемъ общеніи съ которою онъ видѣлъ краеугольный камень воспитанія русскаго народа. И въ этомъ своемъ святомъ дѣлѣ онъ нашелъ полное удовлетвореніе — десятки лѣтъ трудясь. Онъ погрузился въ этотъ міръ темнаго народа, своею истинно русской душой восчувствовалъ связь съ его коренными міровоззрѣніями и стремленіями. Въ потемкахъ народной жизни ему свѣтила правда глубокой вѣры и любви, единеніе земли родной въ крупную силу подъ властію Царя Самодержавнаго и святое стремленіе къ подвигу. Онъ пошелъ

навстрѣчу этому родному общенію чувствъ и освѣщалъ другимъ путь къ правдѣ всею силою знанія, ума, всею благодатію своего любящаго сердца; душою вѣрующею и художественною онъ проникъ въ глубину торжественной красоты церковной службы, постигъ вполнѣ святыню руководства Церкви православной, отъ колыбели до могилы ведущей человѣка къ добру вѣроу, любовію...

И какъ прославилъ Господь имена великихъ русскихъ отшельниковъ, изъ глуши пустыни просіявшихъ свѣтомъ своихъ подвиговъ по всей православной Руси, такъ же прославилъ онъ и имя отшельника-педагога Сергія Александровича Рачинскаго, ушедшаго отъ славы въ деревенскую глушь, но и оттуда прославившагося своею непримѣнною просвѣтительною дѣятельностью не только въ горячо любимой имъ Россіи, но и далеко за ея предѣлами.

«Вознесемъ же нашу усердную молитву къ Богу, да приметъ Онъ, небесный Домовладыка, сего преставляшагося отъ насъ раба Своего—болярина Сергія нынѣ въ Свои обители, какъ *сосудъ освященъ и благопотребенъ* (2 Тим. 2, 21), и да упокоитъ душу его, *идѣже лица святыхъ и праведницы сіяютъ, яко свѣтила*.

«Иди же съ миромъ въ обитель мира, безкорыстная, честная, благородная, любящая, русская душа!»! Послѣ рѣчи начался обрядъ отпѣванія. Усердно и благоговѣйно совершалась молитва. Священные пѣснопѣнія чина, то живописующія бренность и бѣдствія жизни или слабость и виновность человѣка предъ Высшею Правдою, то окрыляющія духъ надеждою на милосердіе Божіе, невольно обращали сердце и умъ къ дорогому покойнику, призывая всѣхъ къ горячей молитвѣ. Какъ мигъ, проносилась въ мысли свѣтлая жизнь его, смиренная глубокая вѣра, любовь къ тому самому храму, куда онъ вошелъ нынѣ въ послѣдній разъ, его самоотверженный трудъ и неизсякаемая любовь къ людямъ. По 6 пѣсни канона слѣдовала рѣчь епархіальнаго наблюдателя.

«Есть имена, говорилъ о. наблюдатель, значеніе которыхъ не можетъ быть вполне оцѣнено современниками и опредѣляется только впоследствии, когда точнѣе уясняется глубина идей и плодотворность ихъ въ жизни. Къ числу такихъ дѣятелей принадлежитъ и почившій Сергѣй Александровичъ. Большая часть его жизни прошла въ деревенской тиши и чужда была громкой общественной дѣятельности. Но, и не занимая служебнаго положенія, онъ имѣлъ громадное вліяніе и, оставаясь частнымъ лицомъ, создалъ нѣчто великое.

«Цѣлый рядъ народныхъ училищъ считаетъ Сергѣя Александровича своимъ основателемъ; для многихъ онъ былъ единственною опорою и вѣрнымъ хранителемъ. Его заботливое сердце входило во всѣ духовныя и матеріальныя нужды ихъ и всегда было готово на помощь. Не одинъ воспитанникъ, изъ болѣе одаренныхъ натуръ, былъ поставленъ имъ на вѣрный жизненный путь, и нынѣ служатъ они въ званіи пастырей Церкви, наставниковъ школъ и другихъ полезныхъ дѣятелей.

«Самъ глубоко вѣрующій, онъ былъ убѣжденъ, что народное просвѣщеніе только тогда можетъ быть истинно и плодотворно, когда находится подъ постояннымъ благодатнымъ руководствомъ Церкви Христовой. Онъ вѣрилъ, что такая именно, а не другая, школа можетъ быть основаніемъ нравственной стойкости и духовнаго совершенствованія. По такому высокому идеалу онъ и сталъ устроить жизнь школъ. Все въ его школѣ: и самая внѣшность, и обученіе, и весь вообще внутренній строй—носило религіозно-воспитательный характеръ, и это придавало ей глубокое жизненное значеніе. Вполнѣ отвѣчая духовнымъ запросамъ народа, исторически-окрѣпшимъ вѣрованіямъ и всему складу жизни его, она явилась дѣйствительно народною и стала прототипомъ другихъ. По образцу ея устроятся десятки тысячъ другихъ школъ; имъ оказано высшее довѣріе, даны матеріальныя средства и объявлено покровительство закона. Отнынѣ цер-

ковная школа, взлелѣванная Сергѣемъ Александровичемъ, получила всѣ залого для дальнѣйшаго развитія. Свѣтлый праздникъ любимаго дѣла еще засталъ его, и надо ли говорить, съ какою радостію былъ встрѣченъ имъ!... Вѣчная память тебѣ, поборникъ народнаго просвѣщенія, и глубокій благодарный поклонъ отъ Смоленской земли, для которой прежде всего ты потрудился, не жалѣя ни почестей, ни славы ученаго, ни богатыхъ духовныхъ талантовъ, ни твоего видимаго достоинства»...

По 9 пѣсни канона приблизился ко гробу представитель Дровнинской учительской школы, учитель В. А. Лебедевъ, и произнесъ рѣчь.

«Лично мнѣ выпало на долю, сказалъ, между прочимъ, проповѣдникъ, необычайное счастье: я цѣлыхъ полтора года былъ учителемъ въ Татевской школѣ и училъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Александровичемъ. Это было счастливѣйшее время въ моей жизни. Работы въ школѣ было много, но она не страшила и не тяготила насъ: впереди насъ шелъ дорогой учитель. Онъ, уже престарѣлый и больной, одушевлялъ насъ своимъ примѣромъ, ободрялъ словомъ, руководилъ въ нашихъ начинаніяхъ и въ то же время не стѣснялъ нашей свободы. Всѣ учителя Татевской школы преклонялись предъ дорогимъ учителемъ. Его удивительная душевная чистота обаятельно дѣйствовала на насъ; его подвижническая жизнь, свидѣтелями которой мы были, поражала насъ и влекла къ себѣ; его горячая любовь къ дѣтямъ, его сердечная вѣра въ Бога, въ добро, въ торжество правды, — трогали насъ и овладѣвали душой...

«Молю Бога, чтобы Онъ далъ намъ, ученикамъ С. А., силу продолжать дѣло своего учителя, помочь воспитать достойныхъ дѣлателей на той нивѣ, воздѣлывать которую началъ дорогой усопшій. Пусть яркій образъ учителя сіяетъ въ нашихъ сердцахъ».

Послѣ стихиръ самогласныхъ подошелъ ко гробу священ-

никъ села Глухова о. Философъ Бородовскій и, обратившись къ усопшему, горячо благодарилъ его за отеческія заботы о школахъ, за добрыя, сердечныя отношенія и передалъ, между прочимъ, памятный разговоръ 5 іюля 1901 г., когда почившій предложилъ своимъ собесѣдникамъ прискаты къ слѣдующему году эпитафію на его могильную плиту и самъ же разрѣшилъ затрудненіе, назначивъ для надписи слово Господа: *не о хлѣбъ единомъ живъз будетъ челоувѣкъ* (Мѣ. 4, 4).

Предъ прощаніемъ сказана была рѣчь священникомъ села Дунаева о. Димитріемъ Березкинымъ.

Началось цѣлованіе. Тихо, безшумно проходили народныя массы, чтобы проститься съ покойнымъ, еще разъ взглянуть на дорогое лицо, когда-то свѣтившееся неизмѣнною для всѣхъ добротой и привѣтомъ, сдѣлать послѣдній поклонъ, и такъ же отходили, уступая мѣсто другимъ.

Пропѣли послѣднія пѣснопѣнія, прочитаны были прощальная и разрѣшительная молитвы, и останки почившаго двинулись къ выходу. Фамильный склепъ близъ церкви, съ гробами матери и старшаго брата С. А., далъ въ себѣ мѣсто и новому члену семейства. Послѣ краткой литіи гробъ былъ задѣланъ и поставленъ на приготовленное мѣсто.

Вотъ и конецъ твоего земного пути, Сергѣй Александровичъ!

Почивай мирно въ своемъ священномъ убѣжищѣ, оскняемый святымъ крестомъ церкви, благодатною силой молитвъ и безкровной жертвы, въ ней приносимыхъ, до дня, когда услышишь гласъ Сына Божія и обновленную плотію воссоединишься съ духомъ твоимъ.

Послѣ богослуженія духовенство и гости были приглашены въ домъ къ поминальной трапезѣ, а учащіеся направились въ школу, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ обѣдъ. Тѣ же длинные столы, накрытые чистыми скатертями, какіе по праздникамъ устроились въ былые дни Сергѣемъ Александровичемъ, та же класная обстановка, тѣ же знакомыя лица, но не видно было оживленія и подъема счастливаго чувства,

обычныхъ спутниковъ Сергѣя Александровича при посѣщеніи школы: поняли и дѣти, хотя еще смутно, дорогую потерю.

День склонился къ вечеру. Дальніе гости отъѣзжали, народъ расходился. Тише и тише становилось въ Татевѣ. Но до поздняго часа все еще были видны то отдѣльные лица, то небольшія группы, которыя, прежде чѣмъ оставить село, направлялись къ церкви и тамъ молились надъ свѣжей могилой *).

Глинскій подвижникъ схимонахъ Архиппъ.

(Память 27 сентября).

При святомъ крещеніи отецъ Архиппъ нареченъ былъ Аванасіемъ. Родиной его была пригородная слобода Ъздоцкая, Старооскольскаго уѣзда, Курской губерніи. Въ родной купеческой семьѣ его называли «Аөоней». Разъ—восьми лѣтъ Аөоня попросилъ отца своего подождать продавать хлѣбъ. Тотъ послушался и имѣлъ хорошую прибыль. Съ тѣхъ поръ слова Аөони въ дѣлахъ торговли исполнялись; не послушаютъ—прогадаютъ. Но, помогая совѣтомъ, самъ онъ въ торговлѣ приносилъ только убытокъ: часто, оставшись одинъ въ лавкѣ, онъ отпускалъ бѣднымъ товаръ безъ денегъ; жизнью своей онъ выдѣлялся и въ семьѣ: хорошо не одѣвался, чай пилъ безъ сахара, деньги ненавидѣлъ и называлъ ихъ желѣзомъ, удовольствій не любилъ, спалъ безъ подушки, любилъ храмъ Божій и уединеніе. За такую жизнь немало несъ онъ оскорбленій.

За три года до поступленія въ монастырь, Аванасій пересталъ кушать скоромное, отростилъ волосы и вообще пока-

* См. „Церк. Вѣд.“ 1902 г. №№ 20, 24 и 32.

Время составленія полной біографіи С. А. Р. еще не настало и изъ отд. изданій, посвященныхъ его памяти, наиболѣе интересной является книжка Н. М. Горбова „С. А. Рачинскій“ С.-П.-Б. 1903 г. Изд. О. Р. Р. Н. Просвѣщенія, в. VIII.

Схимонахъ Архиппъ

зывать склонность къ монашеству. Однажды онъ тайно ушелъ въ Кіевъ. На третій день его догнали, побили и насильно возвратили домой.

Мірская жизнь ему была немила. «Цѣлый годъ меня били», говорилъ самъ старецъ: «и, наконецъ, сказали: «толку изъ тебя не будетъ»».

Чтобы вынудить согласіе родныхъ на увольненіе въ монастырь, Аѳанасій четыре дня скрывался въ погребѣ своего родственника. Старшій братъ искалъ его. «Дашь Аѳонъ бумагу, скажу гдѣ онъ», говорилъ родственникъ. Согласіе было дано, Аѳанасій вышелъ изъ своего заключенія. На этотъ разъ его уже не задерживали.

Такъ подготовленный скорбною жизнію къ иночеству, двадцатисемилѣтній Аѳанасій Шестаковъ въ 1852 году пришелъ на гостиницу Глинской пустыни съ намѣреніемъ поступить въ монахи. Оттуда его вмѣстѣ съ нѣсколькими другими богомольцами послали помогать на пекарню. Окончивши дѣло, всѣ разошлись, остался одинъ онъ. «Отчего ты нейдешь?» — спрашиваютъ его. — «Куда я пойду, отвѣтилъ незнакомецъ, я пришелъ въ монастырь. Я сюда пришелъ служить Богу». Съ тѣхъ поръ онъ остался на пекарнѣ и исполнялъ самыя трудныя работы.

Молча дѣлая свое дѣло, смиряясь и подвергаясь униженію, братъ Аѳанасій мало обращалъ на себя вниманія, а если и обращалъ, то какъ юродивый. Потому онъ постриженъ былъ въ мантию на 18-мъ году по поступленіи въ Глинскую пустынь, при чемъ нареченъ былъ Архиппомъ.

По терпѣнію своему о. Архиппъ выдѣлялся отъ многихъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ даже одно то, что на послушаніи въ пекарнѣ онъ пробылъ 33 года подъ рядъ. Ему нѣсколько разъ предлагали быть старшимъ, но любитель смиренія предпочиталъ лучше подчиняться, чѣмъ повелѣвать. «Я ничего не смыслю, простите меня неразумнаго, говорилъ онъ, падая въ ноги, назначьте другого». Десятками лѣтъ

позже его поступившіе рясофорные послушники были старшими, а онъ, манатейный монахъ, покорно повиновался имъ, оставаясь младшимъ. Лишь съ принятіемъ схимы въ 1885 г. онъ освобожденъ былъ отъ этого послушанія и сталъ читать только Псалтирь по благодѣтелямъ. Чтеніе Псалтири по очереди онъ несъ съ 1874 года. Но и послѣ увольненія изъ пекарни о. Архиппъ не переставалъ добровольно трудиться на прежнемъ послушаніи; нерѣдко его можно было видѣть ночью мѣсящимъ хлѣбъ вмѣстѣ съ послушниками. Когда некому было замѣнить отсутствующаго брата, просили о. Архиппа; онъ безпрекословно шелъ на послушаніе въ пекарню. Отецъ Іосифъ, старшій на пекарнѣ, говаривалъ: «однажды некому было выкладывать хлѣбъ изъ дежи. Пошелъ я къ о. Архиппу и говорю ему: «Батюшка, некому хлѣбъ выкладывать». Старецъ соскочилъ и побѣжалъ въ пекарню, засучилъ рукава и началъ выкладывать тѣсто съ особеннымъ усердіемъ и силою. Всѣ ему удивились. Окончивъ трудную работу, молча отдохнулъ и пошелъ въ свою келлію».

Въ 1890 году о. Архиппа, какъ высокаго подвижника, назначили въ ближній скитъ для принятія посѣтителей, ищущихъ духовнаго совѣта. Для строгаго аскета такое послушаніе было весьма тягостно, но онъ, привыкшій во всемъ повиноваться, не прекословилъ. Въ скоромъ времени о. Архиппа перевели на дальнюю монастырскую пасѣку, мѣсто пустынныхъ подвиговъ схи-архимандрита Иліодора. Тамъ не было храма. Отцу Архиппу, привыкшему къ церковнымъ богослуженіямъ, это было великимъ испытаніемъ. Онъ искалъ также уединенія, но не нашелъ: то братія, то посторонніе приходили за совѣтомъ. Отсюда о. Архиппъ снова переселился въ ближній скитъ, а черезъ два года опять въ пустыньку схи-архимандрита Иліодора, гдѣ былъ уже выстроенъ храмъ и началъ основываться Спасо-Иліодоровскій скитъ. Подъ руководствомъ о. Архиппа и началась скитская жизнь Глинскихъ иноковъ, пока не назначенъ былъ скитоначаль-

никъ-іеромонахъ. Но и послѣ того до января 1896 года о. Архиппъ оставался въ скиту на покой, по болѣзни и старости, продолжая всегда быть примѣромъ послушанія, смиренія и терпѣнія. Слово «покой» здѣсь разумѣется только въ томъ смыслѣ, что старецъ не несъ обычнаго монастырскаго послушанія, но не переставалъ трудиться въ подвигахъ, добродѣтеляхъ и пріемѣ посѣтителей. Тогда многимъ сталъ извѣстнымъ его даръ прозрѣнія и сила молитвъ. По благословенію отца настоятеля старца просили на монастырскую гостинницу и возили на монастырскіе хутора; онъ повиновался, какъ дитя, готовый на всякое послушаніе. Даже видя явную опасность для своей жизни, о. Архиппъ не отрекался быть исполнителемъ воли начальниковъ. За два года до смерти онъ былъ очень слабъ. Отецъ настоятель думалъ, что лучше ему будетъ, когда провезетъ его по свѣжему воздуху. Съ этою цѣлю онъ предложилъ о. Архиппу ѣхать съ нимъ въ г. Путивль. О. Архиппъ не противился. Прощаясь съ келейникомъ, онъ сказалъ: «можетъ не увидимся». Поѣхали. На поворотахъ дорогъ лошади пять разъ сами собою сворачивали назадъ, точно имъ кто заграждалъ дорогу. Кучеръ съ большимъ усиліемъ направлялъ на дорогу; проѣхавъ немного, лошади снова сворачивали. Усматривая въ этомъ волю Божию, препятствующую поѣздѣ, отецъ игуменъ приказалъ вернуться въ обитель. Тамъ старецъ сказалъ настоятелю: «Ты бы меня не привезъ обратно живого».

Будучи въ схимѣ, старецъ продолжалъ ходить въ братскую трапезу, но воздерживался отъ насыщенія, стараясь, впрочемъ, не показать и виду. Когда всѣ кушали, онъ весьма медленно, не торопясь, понемногу принималъ пищу; хлѣбъ кушалъ крошками. Отецъ П—ій, бывшій нѣкоторое время съ о. Архиппомъ на пекарнѣ, рассказывалъ, что старецъ не употреблялъ рыбы, и для него никакихъ разрѣшеній не существовало. До конца поздней обѣдни онъ ничего не вкушалъ и иногда прямо изъ храма шелъ на трапезу. Никто

не могъ его заставить измѣнить это правило, не говоря о болѣе важномъ. Такъ подвижникъ твердъ былъ въ исполненіи принятаго обѣта воздержанія.

Благообразіе души отца Архиппа невольно сказывалось въ лицѣ: оно сіяло блѣдностью святаго воздержанія. Въ посты старецъ былъ особенно воздерженъ. Однажды въ Петровъ постъ въ 2 часа пополудни онъ пришелъ изъ скита въ «киновію» и признался отцу Михаилу, что еще не кушалъ, отъ чая отказался, взялъ небольшой кусокъ чернаго хлѣба и половину огурца. Съ переходомъ въ Спасо-Иліодоровскій скитъ онъ усилилъ свой постъ. Началъ причащаться ежедневно, а если на недѣлѣ былъ праздникъ, то и чаще. Поэтому у него было всегда сухоястіе, безъ масла. Горячую пищу подвижникъ употреблялъ по субботамъ и воскресеньямъ, а въ остальное время для него пищею были: хлѣбъ, сырая капуста, огурцы, рѣдька, картофель. Разъ на первой недѣлѣ Великаго поста, видя о. Архиппа сильно отощавшимъ, братъ Леонидъ предложилъ старцу подкрѣпиться пищею. Строгій воздержникъ побѣждалъ отъ него. Такъ боялся онъ нарушить постъ.

Чай пилъ о. Архиппъ однажды въ день послѣ обѣда. Въ чаю онъ какъ бы не нуждался. Налитый стаканъ у него стоялъ долго; выпьетъ одинъ, два глотка, выплеснетъ на полъ и проситъ снова налить. Онъ часто заваривалъ особую траву или клалъ ее цѣлою горстью въ стаканъ съ чаемъ. Самый горькій травяной настой пилъ безъ сахара. Этой травой онъ угощалъ братію. За послушаніе старцу едва-едва выпивали одинъ стаканъ. Иногда подвижникъ заваривалъ сосновыя шишки, иногда сушеную жгучую крапиву и совѣтовалъ другимъ пить: «такого чаю ни у кого нѣтъ», говорилъ онъ.

Заботясь, насколько возможно, поддержать здоровье подвижника, отецъ настоятель въ 1895 году благословилъ о. Архиппу распарить больныя ноги въ банѣ. Старецъ, какъ по-

ступилъ въ обитель, 43 года не былъ въ банѣ и, неизвѣстно, бывалъ ли когда. Другой, пожалуй, сталъ бы просить не ходить, и для такого старца, какъ онъ, достаточно было сказать одно слово, чтобы не нарушить своего правила, но не такъ сдѣлалъ непрекословный послушникъ: онъ не осмѣлился и однимъ словомъ пререкать своему пастырю. Келейникъ невольно высказалъ удивленіе: «Столько лѣтъ вы, батюшка, не ходили!» — «А послушаніе?.. Отецъ игуменъ благословилъ», сказалъ отецъ Архиппъ. Тутъ не знаешь, чему удивляться: или великому воздержанію, или непрекословному послушанію.

При раздѣваніи старца келейникъ увидѣлъ, что о. Архиппъ туго опоясывался по бѣлью толстою веревкой. Большой узелъ веревки упиралъ въ желудокъ подвижника.

Отецъ Архиппъ такъ же былъ крайне воздерженъ въ зрѣніи. На женщинъ онъ вовсе не смотрѣлъ, въ ихъ присутствіи взоръ обращалъ на другіе предметы или внизъ. Если необходимость заставляла сидѣть съ женщиною, онъ садился далеко, голову опускалъ и отвѣчалъ на вопросы собесѣдницы, не обращая къ ней лица своего.

Желая положить храненіе устамъ своимъ и не согрѣшавъ языкомъ, сей мудрый у Бога и безумный у людей, въ началъ подвиговъ своихъ, предъ тѣмъ, какъ на пекарню собираться братіи на послушаніе, клалъ въ ротъ щепку, пока не навѣкъ молчать или говорить только кратко одно полезное. Когда заговаривали о душеполезномъ, онъ оживлялся, при чемъ глаза его начинали искриться какою-то не земною радостію, и на устахъ появлялась улыбка.

Пустословіе другихъ старецъ прекращалъ громкимъ произнесеніемъ молитвы Иисусовой или заставлялъ кого-либо читать Священное Писаніе. Когда спрашивали у него не должное, онъ отвѣчалъ: «прости, Бога ради, я ничего не знаю», и громко начиналъ повторять: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго». Вообще надобно

сказать, что у него въ словахъ, дѣлахъ, движеніяхъ, а главное въ сердечномъ чувствѣ, всегда былъ страхъ Божій.

Отецъ Архиппъ еще послушникомъ вполне оправдалъ священные слова, кои вышиваются на схимническихъ одеждахъ: *плечи моя вдахъ на раны и ланиты моя на заушеніе: лица же моего не отвратихъ отъ стыда заплеваній.* Такое добровольное преданіе себя на злоключенія при незлобіи на оскорбителей свойственно только совершеннымъ, но отецъ Архиппъ, какъ мы уже говорили, и поступилъ въ обитель испытаннымъ въ терпѣніи. Однажды на пекарнѣ онъ сталъ просить новоначального брата мѣсить хлѣбы. Тотъ въ гнѣвѣ бросился на него и закричалъ: «какъ ты смѣешь меня заставлять?» и билъ его до тѣхъ поръ, пока самъ не умирался. И что же?—не бившій, а битый поклонился въ ноги и просилъ прощенія. Послѣ этого о. Архиппъ нѣсколько дней былъ боленъ. Другой разъ тотъ же братъ, въ пылу напраснаго гнѣва, схватилъ о. Архиппа за бороду и вырвалъ у него клокъ волосъ. Смиранный и кроткій труженикъ огладилъ бороду и, падая въ ноги обидчику, сказалъ: «прости меня, вѣрно я тебѣ не понравился». Кто-то на пекарнѣ сильно ударилъ о. Архиппа въ високъ; онъ четверть часа лежалъ безъ памяти на грязномъ, мокромъ каменномъ полу, а, очнувшись, всталъ и молча взялся за свое дѣло, какъ будто съ нимъ ничего не случилось. Разъ его сильно побилъ одинъ братъ за то, что ему не понравилось пѣніе отца Архиппа на клиросѣ.

По поступленіи въ обитель о. Архиппъ пять лѣтъ не имѣлъ у себя келліи. Спалъ онъ или на грязномъ каменномъ полу въ пекарнѣ и на угольяхъ, лицомъ въ уголъ, или на полкѣ подъ столомъ, при самомъ входѣ въ пекарню. Иногда нарочно разсыпалъ муку, разливалъ воду или ронялъ тѣсто. Начнутъ его ругать, а онъ кланяется и у всѣхъ прощенія просить. Такимъ образомъ, онъ заставлялъ выходить наружу скрывающіяся внутри страсти, уничтожалъ ихъ

собственнымъ смиреніемъ и униженіемъ себя отъ другихъ. Одежду подвижникъ носилъ порванную, грязную. Отъ простуды и долгаго стоянія въ храмѣ у него на ногахъ образовались отеки, обыкновенныхъ сапогъ одѣть было невозможно. Онъ нѣкоторое время носилъ на одной ногѣ сапогъ, на другой валенокъ, потомъ ходилъ въ опоркахъ, которые по виду были настолько плохими, что никто не поднималъ бы ихъ на дорогѣ. Впослѣдствіи отецъ Архиппъ ходилъ или въ большихъ валенкахъ, или въ особо для него сшитыхъ просторныхъ сапогахъ. Часто старецъ теръ лицо руками или ерошилъ волосы на головѣ. Все это подавало поводъ называть его юродивымъ, безумнымъ, прельщеннымъ. Онъ не отрицалъ этихъ названій, умѣя искусно ими укрыться отъ тѣхъ, которые не искали у него совѣта и не желали принести ему душевной пользы. Посему о. Архиппъ говаривалъ: «лучше всего дуракомъ быть, да надо умѣть имъ сдѣлаться».

Не желая по невѣдѣнію вводить братію въ грѣхъ осужденія и оскорбленія, о. Архиппъ поступающимъ на пекарню, которые чаще другихъ относились къ нему по послушанію, такъ характеризовалъ свой образъ жизни: «путей спасенія много, каждый идетъ своимъ путемъ. Нашъ игуменъ идетъ открытымъ прямымъ путемъ; отецъ Игнатій также идетъ открытымъ прямымъ путемъ; Іеронимъ идетъ закрытымъ путемъ смиренія, а я сдѣлалъ себя дуракомъ, и дуракъ на самомъ дѣлѣ. Трудны всѣ пути, но дуракомъ себя не всякій можетъ сдѣлать. Трудно не обижаться, когда оскорбляютъ, а надобно все терпѣть. Мальчики (молодые послушники) мнѣ говорятъ: Архиппъ, ты дуракъ; и я говорю: дуракъ. Ты, говорятъ, не такъ сдѣлалъ: простите, я—дуракъ, не понимаю».

Незлобіе, прощеніе обидъ, добровольное юродство и вся жизнь о. Архиппа свидѣтельствуетъ о его глубокомъ смиреніи. Въ началѣ своихъ подвиговъ въ обители онъ руководился совѣтами братскаго духовника іеромонаха Анастасія, а послѣ его смерти обращался къ извѣстному старцу схи-

архимандриту Іліодору, съ которымъ нѣкоторое время жилъ въ одномъ коридорѣ. Старецъ Іліодоръ полюбилъ Архиппа за строгую жизнь и смиреніе и отзывался о немъ высоко. Однажды, указывая на него своему ученику, отцу И., схи-архимандритъ Іліодоръ говорилъ: «вотъ мы видимъ образецъ живаго святаго». Другимъ монахамъ схи-архимандритъ Іліодоръ, указывая на о. Архиппа, не разъ говорилъ: «это одинъ изъ древнихъ старцевъ живетъ въ наше время». Недовѣріе къ своему разсужденію о. Архиппъ сохранилъ до самой смерти. Будучи уже прославленнымъ подвижникомъ и старцемъ, руководителемъ въ духовной жизни Глинскихъ схимниковъ, а также, давая другимъ наставленія, онъ не переставалъ повѣрять себя вопрошеніемъ другихъ: «такъ ли я сказалъ?» и при этомъ прибавлялъ: «я ничего не знаю». Несмотря на всѣ благодатные дары, старецъ Божій не превозносился. Когда заходилъ разговоръ про кого-либо, особенно съ осужденіемъ поступковъ, отецъ Архиппъ обыкновенно говорилъ: «онъ выше (достойнѣе) меня».

По смиренію своему о. Архиппъ не считалъ себя достойнымъ уваженія старцемъ, иногда удивлялся, зачѣмъ къ нему идетъ народъ. «Огарокъ догораетъ, смерть на носу, глаза оловянные, глупый»... Такъ онъ называлъ себя. Иногда онъ скрывался отъ народа, а разъ въ ближнемъ скиту вылъзъ въ окно, когда келлію его окружило много народа, и келейникъ объявилъ, что старца нѣтъ въ келліи. Нѣкая почитательница подвижника во что бы то ни стало хотѣла видѣть старца, который въ то время никого не принималъ; уступая настойчивой просьбѣ, о. Архиппъ надѣлъ на себя чугунный тяжелый крестъ, открылъ двери келліи и говорить: «вотъ, какъ я живу, вотъ камень, вотъ, какъ я молюсь: раба Божія, раба Божія, раба Божія»... Старецъ крестился и очевидно старался показать себя безумнымъ. Почетные посѣтители иногда сопровождались къ о. Архиппу кѣмъ-либо изъ братій. Это видимо стѣсняло смиреннаго подвижника. Тогда

онъ, вмѣсто совѣтовъ, говорилъ разныя несообразности, и многіе оставались въ недоумѣніи относительно хваленаго старца, который не умѣетъ толкомъ сказать двухъ-трехъ словъ. Однажды о. Архиппъ высказался такъ: «вы ученые, а я малограмотный, что скажу вамъ? Молитесь Богу... Хорошо, что посѣтили нашу обитель... Ваше имя какъ? Помогимся». Начинаетъ молиться съ поклонами: «Помяни, Господи, раба Твоего (имя), помяни, Господи»... Такъ до 10 разъ. «Даруй ему, Господи, здравіе и спасеніе... Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ; Пресвятая Богородице, спаси насъ!» Опять дѣлаетъ нѣсколько поклоновъ. Съ нимъ молились всѣ присутствовавшіе. Молитва старца всегда выручала. Въ одно время отецъ Архиппъ, казалось, такъ много наговорилъ лишняго, что монахъ М., сопровождавшій посѣтителей, вынужденъ былъ просить старца въ будущемъ ничего подобнаго не говорить, но не помогло; на другой разъ подвижникъ при томъ же М., какъ бы нарочно, еще болѣе наговорилъ посѣтителямъ, чего бы говорить не слѣдовало. Отецъ М. скорбѣлъ и не зналъ, что дѣлать. Ему не желалось, чтобы все это продолжалось далѣе. Придя въ тотъ день къ вечерни, онъ боролся съ помыслами по поводу словъ старца и рѣшился такъ или иначе доложить отцу настоятелю. Въ это время отецъ Архиппъ быстро соскакиваетъ съ своего мѣста, бѣжитъ къ М. и говоритъ ему: «прости меня, я много наговорилъ, не говори отцу игумену»; братски лобызается въ плечи. М. сталъ доискиваться причины, почему отецъ Архиппъ такъ поступаетъ и, кажется, нашелъ ее. Желая выйти изъ неловкаго положенія, онъ доложилъ отцу настоятелю, что старецъ стѣсняется принимать посѣтителей въ присутствіи постороннихъ: ни его не могутъ спросить, ни онъ не можетъ сказать что-либо откровенно. Послѣ этого, ищущихъ духовнаго совѣта отецъ настоятель сталъ посылать къ о. Архиппу безъ провожатыхъ и даже просилъ не говорить ему, гдѣмъ они посланы.

Въ обитель пріѣхали почетные посѣтители. NN расхвалилъ имъ прозорливость о. Архиппа и, между прочимъ, говоритъ: «онъ имена ваши угадаетъ». Старецъ, дѣйствительно, называлъ нѣкоторыхъ по именамъ, не зная ихъ и видя ихъ въ первый разъ. Гости къ подвижнику пріѣхали съ NN. Отецъ Архиппъ обращается къ одному изъ нихъ и спрашиваетъ: «Васъ зовутъ Петръ»?—«Нѣтъ».—«Иванъ»?—«Нѣтъ». Другаго также назвалъ двумя не его именами и потомъ съ улыбкою поворачивается къ NN и спрашиваетъ его: «а что, угадалъ»?

Смиренный подвижникъ, бѣгавшій всякой славы и келлію имѣлъ смиренную. Въ ней не было никакихъ украшеній; иконы съ лампадкою предъ ними, подставка съ Слѣдованною Псалтирью, столъ, стулъ, табуретка и кровать. Все это было старое и самое простое. На кровати побитый войлокъ и чѣмъ-то жестко набитый толстый мѣшокъ, вмѣсто подушки; на закоптѣлыхъ стѣнахъ въ беспорядкѣ прибиты листы бумаги различной величины съ молитвами и изреченіями. Видно, вся забота старца была не о внѣшнемъ убранствѣ жилища, а о внутреннемъ украшеніи души. Въ послѣднее время келлія о. Архиппа имѣла нѣсколько лучшей видъ, но только потому, что келейники ее убирали, а старецъ ни во что не вѣшивался. Почитатели заботились о возможномъ упокоеніи немощного подвижника и посылали ему,—кто мягкое кресло, кто коврикъ. Онъ, не желая оскорблять отказомъ, принималъ все съ благодарностью, но, привыкнувъ къ простотѣ, видимо всѣмъ этимъ тяготился. Все время внѣ храма и послушанія отецъ Архиппъ проводилъ въ молитвѣ или чтеніи Священнаго Писанія. Кто-бы ни пришелъ къ старцу изъ братій, онъ заставлялъ прочесть главу—двѣ изъ Апостола, Евангелія или каѳизму изъ Псалтири. Иногда онъ приходилъ самъ къ кому-либо живущему съ нимъ въ одномъ коридорѣ и также просилъ почитать Псалтирь или Евангеліе. Кромѣ того, любилъ читать или слушать акаѳисты и

Кіево-Печерскій Патерикъ. Изъ послѣдняго—преимущественно житія Марка Пещерника, Пимена Многоболѣзненнаго и Прохора Лободника. Нерѣдко о. Архиппъ заставлялъ кого-либо читать акаѳистъ св. Тихону Задонскому. Старець питалъ благоговѣніе въ Святителю особенно за то, что тотъ поклонился въ ноги ударившему его юродивому. Смиренію Святителя подражалъ о. Архиппъ и также падалъ въ ноги своимъ оскорбителямъ, прося у нихъ прощенія. Святителей Митрофана Воронежскаго и Тихона Задонскаго отецъ Архиппъ ставилъ въ примѣръ подражанія одному послушнику: «Ученость не спасетъ, говорилъ онъ, а послушаніе и смиреніе». Желая всякую минуту употребить на служеніе Богу, старецъ Божій на себя лично, для обѣда, ужина, чая, старался употребить какъ можно менѣе времени. Онъ весьма также мало спалъ. Когда жилъ въ монастырѣ, говорилъ одинъ изъ учениковъ его, то спалъ большею частію, сидя на узкомъ выступѣ печки, а, чтобы не упасть, протянулъ веревку и во время сна держался за нее. Можно представить себѣ, каковъ былъ сонъ подвижника въ такомъ неловкомъ положеніи. Иногда о. Архиппъ спалъ, сидя на стулѣ.

Въ юности старецъ не любилъ денегъ и, будучи монахомъ, о. Архиппъ остался вѣрнымъ обѣту нестяжанія и, если имѣлъ при себѣ небольшое количество денегъ, присылаемыхъ братомъ или подаваемыхъ впослѣдствіи посѣтителями, то не прилагалъ къ нимъ сердца, употребляя ихъ на чай для угощенія братій, приходившихъ къ нему за духовнымъ совѣтомъ, на траву, раздаваемую народу, и на нужды обители. Старець никогда не запиралъ денегъ; жившіе близъ него всегда знали, гдѣ находятся его деньги. Ихъ онъ вложилъ въ щели стѣнъ своей келліи, по угламъ или на полу, и не скрывалъ этого, а разъ положилъ бумажникъ въ щель и замазалъ тѣстомъ. Можетъ быть и тутъ, какъ и во всѣхъ поступкахъ, у него была своя нравоучительная цѣль. Однажды о. Архиппъ пришелъ въ просфорню взять булку. Про-

сфорникъ удивился приходу подвижника, который прежде никогда не бралъ булокъ. Видя удивленіе отца Ѳ—а, онъ сказалъ: «братъ пріѣхалъ, чай придетъ пить, надо хотя булку взять. Все не понравилось брату у меня: живешь, говорить, небрежно, паутины много»... Послѣ отъѣзда брата о. Архиппъ угощалъ братію чаемъ, сахаръ клалъ въ стаканъ горстью и приговаривалъ: «пей, у меня много теперь сахару: братъ голову привезъ». А тому-же отцу Ѳ—ту говорилъ: «братъ спрашивалъ: не надо-ли денегъ. Я ему отвѣчалъ: на что мнѣ деньги; чаю и сахару ты привезъ, хлѣбъ, пища, одежда монастырскіе.—Пригодятся, говорить, нужда будетъ. Я ихъ у него не взялъ, онъ на столъ оставилъ».

Зная, что страдающій плотію перестаетъ грѣшить, отецъ Архиппъ для сохраненія блаженнаго безстрастія безъ всякаго сожалѣнія изнурялъ себя разными способами, и когда былъ совершенно больной, лично не принималъ никакихъ мѣръ къ излѣченію, напротивъ того, какъ бы еще искалъ случая понести большій вредъ своему здоровью. Но это происходило у него не отъ пренебреженія жизнію, а отъ полного упованія на Бога, безъ воли Котораго и волосъ съ головы человѣка не спадеть. Старецъ очень туго подтягивался по бѣлью. Отецъ Н., келейникъ его, говорилъ: «жаль было смотрѣть на о. Архиппа. Тѣло у него было очень сухое, точно скелеть, обтянутый кожей».

Иногда зимою, въ морозъ, уже будучи въ дальнемъ скиту прославленнымъ старцемъ, о. Архиппъ больными ногами становился на снѣгъ по колѣно и стоитъ. «Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!.. не хочешь? стой»!.. Такъ укорялъ онъ плоть свою, противящуюся требованіямъ духа.

Когда по послушанію отцу Архиппу необходимо было ѣхать изъ скита въ обитель, онъ проситъ запретъ лошадей, а самъ идетъ пѣшкомъ или еще побѣжить. Запрягутъ лошадей и нагоняютъ его гдѣ-либо лежащаго въ снѣгу или въ грязи, едва переводящаго духъ.

Иногда старецъ давалъ особые уроки труда и терпѣнія. Разъ осенью схимонахъ Архиппъ пригласилъ отца N помочь ему обмазать келлію. Для обмазанія стѣнъ онъ бралъ не глину, а грязь, которая была тутъ же, у келліи; грязь не прилипала и отваливалась. Такъ немало потрудились. Наконецъ, о. Архиппъ говоритъ: «пойду самоваръ ставить», и ушелъ, а инока оставилъ работать. Тотъ и подумалъ: «руки зябнуть, грязь не пристаётъ, только напрасный трудъ, лучше бы старикъ пригласилъ штукатуровъ,—они сдѣлали бы все, какъ слѣдуетъ». Въ это время о. Архиппъ позвалъ его на чай и говорилъ: «руки зябнуть, грязь не пристаётъ», и повторилъ все, что тотъ думалъ. Потомъ добавилъ: «рабъ Божій, не скорби; Матерь Божія каждый шагъ твой видитъ и запишетъ, ничего не пропадетъ». Послѣ этого уже не работали, келлія осталась необмазанной. Для старца, какъ видно, нужна была не обмазка келліи, а урокъ. Въ дальнемъ скиту старецъ однажды послѣ вечерни легъ на полъ храма головою въ уголъ и не вставалъ. Братъ Иванъ говоритъ ему: «Батюшка, тутъ жестко». — «За мои грѣхи и этого мало», отвѣтилъ подвижникъ.

Еще болѣе было ревности у старца къ посѣщенію храма Божія. Все божественное онъ изучалъ не словами, а трудами, ибо хорошо понималъ, что не словъ, а дѣлъ потребуютъ отъ него во время исхода. До поступленія въ обитель онъ спѣшилъ въ храмъ по первому звуку церковнаго колокола,—ничто не могло задержать его дома. Тѣмъ болѣе такъ подвижникъ поступалъ въ монастырѣ, если былъ свободенъ отъ послушанія. Съ освобожденіемъ отъ обязательнаго послушанія на пекарнѣ, о. Архиппъ всегда находился въ церкви, пока храмъ былъ открытъ. Можно сказать, что онъ жилъ болѣе въ храмѣ, чѣмъ у себя въ келліи. Съ 12½ часовъ ночи до 3—4 часовъ утра онъ былъ на утрени, а въ праздники на бдѣніи съ 7 часовъ вечера, 4—6 часовъ подъ рядъ; днемъ старецъ находился тамъ съ ранняго утра до

обѣда, пока не отслужить двѣ литургіи, акаѳистъ и не отбудутъ всѣ требы; часъ на вечерни, часъ на повечеріи, а иногда и болѣе. Кажется не было случая, чтобы о. Архиппъ проспалъ утреню или не выстоялъ ея до конца; если и могли быть исключенія, то не по его винѣ. Последнія лѣта жизни о. Архиппа особенно памятны инокамъ. Бывало посмотреть на него и невольно подумаютъ: не отъ міра сего сей небесный человѣкъ или ангелъ во плоти. Не видѣли старца Божія разговаривающимъ въ храмѣ или смѣющимся, но всегда внимательнымъ; поистинѣ онъ достигалъ спасенія со страхомъ и трепетомъ. Были случаи, когда о. Архиппъ заболѣвалъ, едва могъ идти, но хотя ползкомъ, какъ говорилъ про него одинъ почтенный старецъ, а все же направлялся въ церковь. Эту ревность ко храму Божию онъ сохранилъ до смерти. Въ последнее время жизни о. Архиппъ былъ совершенно слабъ, особенно ногами, вотъ, кажется, сейчасъ умереть; но—заблаговѣстили, онъ напрягалъ послѣднія силы и не шелъ, а бѣжалъ къ богослуженію, показывая другимъ примѣръ, какъ надо монаху спѣшить на церковную службу. «Зазвонятъ въ церкви,—какъ на пожаръ бѣги», говорилъ онъ другимъ. Находясь въ дальнемъ скиту, совершенно больной, онъ лежитъ и едва дышитъ. Но вотъ зазвонили къ богослуженію, онъ говоритъ келейнику: «веди, веи меня»! И идетъ, едва передвигая ноги, поддерживаемый келейникомъ, и еще укоряетъ себя за нѣжность. Въ послѣдній годъ старца носили или возили въ храмъ; стоять онъ не могъ, а сидѣлъ или лежалъ, не желая оставаться въ келліи во время богослуженій. Вообще старецъ Божій побуждалъ себя на всякое дѣло благое; благочестіемъ поборалъ разлѣненіе, молитвою, терпѣніемъ и трудомъ прогонялъ уныніе, обычное на долгомъ иноческомъ пути.

Отецъ Архиппъ въ отношеніи богослуженія былъ строгъ и къ своимъ приближеннымъ и ученикамъ. Ихъ онъ велъ тѣснымъ путемъ труда, терпѣнія и смиренія. Когда ему за

послушаніе благословлено было принимать посѣтителей, то ему назначили келейника. Иногда при немъ жилъ кто-нибудь изъ братій. Имъ онъ благословилъ дѣлать все необходимое, не спрашивая каждый разъ благословенія, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, и требовалъ, чтобы они всегда были чѣмъ-либо заняты. Если видѣлъ кого празднымъ, былъ недоволенъ и немедленно назначалъ какое-либо дѣло.

Отецъ Архиппъ былъ старцемъ преимущественно Глинскихъ схимниковъ. Приведемъ здѣсь примѣры его отношеній къ ученикамъ. Однажды о. Архиппъ пришелъ въ больницу къ ученику своему, схимонаху Варнавѣ, и спрашиваетъ его, почему не ходитъ въ церковь. Тотъ отговаривался болѣзнію ногъ. «Надо принуждать себя», замѣтилъ о. Архиппъ и показалъ ему свои ноги. Онѣ, по выраженію бывшаго тутъ инока, были толстыя, какъ бревна, багроваго цвѣта и въ ранахъ; страшно было смотрѣть на нихъ.

Отецъ Архиппъ, находясь на послушаніи въ пекарнѣ, болѣе двадцати лѣтъ подчинялся монаху Лонгину, а, по принятіи послѣднимъ схимы съ именемъ Луки, сдѣлался его старцемъ. Они потомъ одновременно жили въ ближнемъ и дальнемъ скитахъ и помогали другъ другу идти тѣснымъ путемъ. Для постороннихъ и не понимающихъ сокровеннаго ихъ подвига, взаимныя отношенія сихъ старцевъ казались чуть-ли не враждебными, но это была своего рода духовная мудрость. Отецъ Архиппъ неопустительно посѣщалъ службы, а схимонахъ Лука, такой же ревнитель посѣщенія храма Божія въ обители, съ переводомъ въ Спасо-Иліодоровскій скитъ, держалъ себя какъ бы въ затворѣ и не всегда посѣщалъ храмъ Божій, но вычитывалъ всѣ службы у себя въ келіи. Отецъ Архиппъ говорилъ: «я хожу въ церковь, а Лука не ходитъ, посмотримъ, кто изъ насъ выгадаетъ». Схимонахъ Лука находилъ тоже кое что сказать про старца. Подъ обычными слабостями осужденія и пересудъ другъ друга (а не постороннихъ) они скрывали свои добродѣтели. Не-

опытные этимъ соблазнялись, высказывали нездоровое состояніе своей души и уврачевывались или совѣстію, или самими старцами. Такъ однажды старецъ увидѣлъ идущаго къ нему о. Луку и говоритъ: «глухой идетъ». Находящійся у старца одинъ братъ сталъ осуждать идущаго. «Я говорю. а ты про него говорить не можешь, онъ выше меня», замѣтилъ брату о. Архиппъ и заставилъ осуждающаго класть поклоны. Другой разъ о. Лука ночью пришелъ къ своему старцу, палъ ему въ ноги и просилъ прощенія, о. Архиппъ палъ въ ноги ученику. Такъ они нѣсколько разъ падали другъ другу въ ноги. Келейнику, умиленному смиреніемъ старцевъ, они запретили объ этомъ кому-либо говорить. Разъ идутъ старцы мимо иконы святыхъ Митрофана и Тихона Воронежскихъ, находящейся съ наружной стороны собора Глинской пустыни. Отецъ Архиппъ говоритъ: «клади поклоны». Лука спрашиваетъ: «какіе»? — «Земные». — «Сколько»? — «Три». «Батюшка, поддержите палку». Архиппъ беретъ палку, а Лука при народѣ кладетъ земные поклоны за послушаніе своему старцу.

Молитва смиреннаго, говоритъ слово Божіе, проникаетъ облака (Сир. 35, 17). Молитва смиреннаго о. Архиппа даже за другихъ была дѣйствительна предъ Богомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Юный послушникъ Петръ просилъ старца помолиться, чтобы ему во снѣ увидѣть загробную участь еще живыхъ его родныхъ. О. Архиппъ отвѣтилъ: «увидишь, не спи до 12 часовъ». Братъ Петръ, уснувъ послѣ 12 часовъ, увидѣлъ отца, мать и другихъ родныхъ веселящимися въ какомъ-то красивомъ домѣ, а бабушка въ это время ругалась, была мрачная, черная. Сонъ свой послушникъ передалъ старцу. О. Архиппъ велѣлъ 40 дней молиться за бабушку, а бабушкѣ на 40 дней затвориться и поститься, чтобы избѣжать участи грѣшныхъ за гробомъ.

Самымъ главнымъ доказательствомъ силы молитвъ о. Архиппа и его святости надобно считать чудесное освѣщеніе дороги въ 1882 или 1883 году. Это было такъ:

Однажды іеромонахъ Глинской пустыни, отецъ N, хотѣлъ побывать въ сосѣдней Софроніевской обители. О своемъ желаніи онъ сказалъ Архиппу и спросилъ, не желаетъ ли онъ съ нимъ ѣхать? «Скажи отцу игумену», отвѣтилъ старецъ. Отецъ N сталъ проситься и сказалъ про Архиппа. Настоятель отпустилъ ихъ на 3 дня. Чтобы собраться въ дорогу и проѣхать 35 верстъ требовалось немало времени, также и на обратный путь; пробыть въ Софроніевой пустыни пришлось немного. На третій день ихъ задержали до вечера и просили остаться на ночь, они не согласились: отецъ Иннокентій не любилъ просрочекъ. Поѣхали ночью, желая явиться во время. Ночь была темная, дорога проходила по краю глубокаго оврага. Кучеръ предлагалъ сойти, и священно-инокъ соглашался, но о. Архиппъ не хотѣлъ; онъ сказалъ: «молись Богу, на Него надѣйся: насъ сохранятъ Ангелы Его». Съ этими словами старецъ склонилъ голову на правую сторону и мысленно сталъ молиться. Отцу N страшно было ѣхать въ полномъ мракѣ, при ежеминутной опасности ринуться въ пропасть; онъ мысленно осуждалъ о. Архиппа и хотѣлъ снова сойти. Прозрѣвая мысли его, старецъ сказалъ: «сиди, я отвѣчаю; вѣруй, Господь не попуститъ»,—взялъ отца N за руку и держалъ.—«Не придется отвѣчать, когда ринемся головой внизъ, не соберешь и костей нашихъ», помышлялъ отецъ N, но покорился. Вдругъ появился какой-то лучъ и освѣтилъ лошадей, повозку и оврагъ, а все остальное окружающее пространство осталось въ прежнемъ мракѣ. Отецъ N указалъ кучеру на чудесное освѣщеніе; тотъ молча кивнулъ головой, чтобы не прерывать молитвы старца, глаза котораго были закрыты. Но какъ только миновала опасность, о. Архиппъ открылъ глаза, перекрестился и громко прославилъ Бога, а кучеръ сказалъ: «проѣхали, батюшка!» Съ окончаніемъ молитвы старца лучъ свѣта исчезъ, и воцарилась прежняя непроглядная тьма. Луны вообще не было видно всю дорогу до Глинской пустыни. Это еще болѣе

убѣдило спутниковъ богобоязненнаго старца въ чудесномъ освѣщеніи имъ дороги по святымъ молитвамъ о. Архиппа.

Съ даромъ памяти смертной несовмѣстимы смѣхъ и пусто-словіе. И не видѣли о. Архиппа когда-либо смѣющимся, видѣли же только серьезнымъ и плачущимъ. Особенно онъ часто плакалъ, когда пѣлъ погребальную стихирѹ: «пріидите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему». Пѣлъ онъ ее довольно часто, и слезы текли по исхудалому лицу его.

Съ 1890 года о. Архиппу за св. послушаніе благословлено было принимать постороннихъ посѣтителей. Тяжело было ему бесѣду съ Богомъ мѣнять на бесѣду съ людьми, но, повинувшись волѣ своего аввы, старецъ принялъ возложенное послушаніе, какъ назначенное ему свыше. Для большаго удобства и чтобы не стѣснять братій, о. Архиппа перевели въ ближній скитъ. Пріемную составляла галлерей, прилегающая къ братскому корпусу, въ которой по стѣнамъ были поставлены иконы, священные картины, различныя таблицы и листки духовно-нравственнаго содержанія. Несмотря на болѣзнь и старческія немощи, о. Архиппъ часто выходилъ въ пріемную къ народу, выдавалъ листики и книжки изданія Глинской пустыни и траву. Тутъ онъ молился за приходящихъ и ихъ сродниковъ живыхъ и умершихъ.

На богослуженія подвижникъ ходилъ въ обитель. Келейникъ его говорилъ: «старецъ въ 11 часовъ вечера тихо встанетъ, одѣнется и пойдетъ на утреню въ монастырь, не беспокоя меня, а, когда желалъ, чтобы и я шелъ, кричалъ: «погибла моя душа!» Это онъ, конечно, относилъ ко мнѣ. Или же говорилъ: «я пойду въ адъ и ты за мною». Съ утрени о. Архиппъ не возвращался въ скитъ, а до ранней обѣдни находилъ себѣ успокоеніе гдѣ-либо въ коридорѣ или на пекарнѣ. Нерѣдко ложился въ углу на полъ и такъ проводилъ время болѣе въ бдѣніи, чѣмъ во снѣ.

Изъ ближняго скита старца дважды переводили на мѣсто пустынныхъ подвиговъ схи-архимандрита Иліодора, гдѣ о.

Архиппъ, какъ преуспѣвшій въ духовной жизни, поставленъ былъ во главѣ братій. Сначала подвижникъ занималъ ту келлію, которая построена была на мѣстѣ сгорѣвшей пустынной келліи старца Иліодора. Во время житія въ ней о. Архиппа, она служила какъ бы гостинницей для приходящихъ. Тутъ временно помѣщались послушники, тутъ пили чай,—отцу Архиппу не было покоя, но не ропталъ онъ. Для неразвлеченной молитвы онъ уходилъ въ лѣсъ и укрывался въ какой-либо ямѣ. Празднымъ старецъ никогда не былъ и не любилъ видѣть, когда другіе были безъ дѣла. При устройствѣ Спасо-Иліодоровскаго скита онъ самъ копалъ колодезь, вырывалъ корни, бустарники и т. д. То же заставлялъ дѣлать послушниковъ, свободныхъ отъ обязательныхъ послушаній. Иногда со своими сподвижниками онъ ходилъ собирать травы или хворостъ. Идетъ и читаетъ Іисусову молитву, показывая другимъ примѣръ. Этимъ онъ многихъ приучалъ къ молитвѣ и отвлекалъ отъ празднословія. Братія, видя маститаго подвижника первымъ на богослуженіи и въ дѣлѣ, соревновали старцу и другъ другу. Всѣ ходили по буднямъ въ скитъ на утреню, обѣдницу, вечерню и повечеріе и не выходили до окончанія службы. Даже несущіе послушаніе на кухню не составляли исключенія; по малому числу братства они управлялись со своимъ дѣломъ, не оставляя общей молитвы. Всѣ единодушно работали, всѣ разомъ шли къ столу и опять на дѣло внѣшняго послушанія. При управленіи братіей о. Архиппъ, кромѣ личнаго примѣра, не употреблялъ никакой строгости, ничего не взыскивалъ, со всѣми обходился отечески ласково, но все братство, уважая его, боялось оскорбить чѣмъ-либо небогоугоднымъ и его молитвами охранялось отъ неумѣстныхъ поползновеній. Впрочемъ, нѣтъ правилъ безъ исключенія. Такое прискорбное исключеніе было и среди братій Спасо-Иліодоровскаго скита. Одинъ братъ въ іюнѣ мѣсяцѣ обрѣзывалъ сухія вѣтви у плодовыхъ деревьевъ скитскаго сада. Много-

кратно братія, даже схимники, говорили ему, что время обрѣзванія прошло. Братъ отвѣчалъ дерзостью. Наконецъ, отецъ Архиппъ, какъ старшій, сдѣлалъ ему кроткое замѣчаніе. Братъ грубо отвѣтилъ: «ты, схимникъ, знай свое дѣло, въ чужое не суйся». Послѣ этого всѣ молчали, а непослушный братъ продолжалъ трудиться, можетъ-быть, въ увѣренности, что благодаря его уходу, нынѣшній годъ яблокъ будетъ много. Во всякомъ случаѣ старецъ прозрѣвалъ его мысли и сказалъ: «напрасно трудишься: яблоки всѣ осыплются». Яблоки, дѣйствительно осыпались преждевременно, и вмѣсто сотни мѣрокъ, обыкновенно собираемыхъ со всего сада, было собрано не болѣе сотни яблокъ. Такъ наказано было ослушаніе и оскорбленіе начальника.

Помимо руководства братій, о. Архиппу и здѣсь, въ Спасо-Иліодоровскомъ скиту, благословлено было принимать посѣтителей за скитскою оградою въ особой пристройкѣ, по обстановкѣ похожей на часовню.

Съ посѣтителями, искренно ищущими совѣта и спасенія, онъ уединялся. Послѣ тайныхъ бесѣдъ съ нимъ, всѣ отзывались о подвижникѣ высоко. Праздно любопытствующихъ отецъ Архиппъ не любилъ, старался отъ нихъ уклоняться.

У старца былъ тяжелый чугунный крестъ, фунтовъ въ 5, съ тяжелою желѣзною цѣпочкою. Иногда онъ его надѣвалъ на себя или на другихъ и приговаривалъ: «тяжелъ крестъ, но спасителенъ».

Безъ всякаго лицепріятія старецъ иногда обличалъ ближнихъ. Обличеніе его приносило благотворные плоды. Еще рясофорнымъ послушникомъ о. Архиппъ показалъ это нелицепріятіе. Архимандритъ Т., бывшій на покоѣ въ Глинской пустыни, просилъ настоятеля помѣстить съ нимъ въ одномъ коридорѣ такого монаха, къ которому бы никто не ходилъ. Назначенъ былъ Архиппъ (тогда еще Аѳанасій). Архимандритъ полюбилъ простого и смиреннаго сосѣда, часто ходилъ съ нимъ на прогулку и былъ весьма разговорчивъ. При много-

словіи, говоритъ Премудрый, не избѣжишь грѣха; такъ случилось и тутъ. Молчаливому спутнику многое казалось лишнимъ. Разъ онъ не утерпѣлъ и въ простотѣ своей сказалъ: «не слѣдовало бы тебѣ говорить этого, ты третье лицо въ Россіи: первый—митрополитъ, второй—архіерей, а третій—архимандритъ».

Одинъ благодѣтель обители, несмотря на свои старческія лѣта, ходилъ въ скюртукѣ и носилъ накрахмаленную рубашку. Отецъ Архиппъ говоритъ ему: «скюртукъ замѣни длинной свиткой и подпояшься поясомъ; рубашку носи простую: къ чему тебѣ наряжаться, ты старикъ,—тебѣ надо къ смерти готовиться».

Отецъ Архиппъ, несмотря на свой претрудный образъ жизни, не только самъ всегда благодушевствовалъ, но, движимый любовію къ ближнему, то рано утромъ, то поздно вечеромъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ являлся утѣшать скорбящихъ и малодушныхъ. «Чудный онъ у насъ, говорилъ про него скитянинъ отецъ В., самъ едва ходитъ, а когда надобно утѣшить другого, прибѣжитъ веселый, запоетъ о смерти, ободритъ словомъ; видя его, невольно самъ ободрись». «Веселое сердце благотворно, какъ врачество, а унылый духъ сушитъ кости» (Прит. 17, 22). Однажды того же отца В. обвиняли въ самовольной ловлѣ рыбы. Дѣло это имѣлъ разобрать благочинный. В., по малодушію своему, сильно скорбѣлъ. Вдругъ къ келліи его—внѣ скита, пришелъ отецъ Архиппъ, сѣлъ на скамейку и началъ пѣть погребальную священную пѣснь: «Привидите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему». В. пригласилъ старца въ келлію. вмѣсто привѣтствія отецъ Архиппъ проситъ его не скорбѣть, и онъ успокоился. Пріѣхалъ благочинный. Отецъ Архиппъ спрашиваетъ его: «говорятъ, меня тутъ за начальника поставили, могу ли я распорядиться однимъ человѣкомъ?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: «я благословляю В. рыбу ловить, пусть и теперь сходитъ; я съ тобой

поѣмъ рыбы».—В. пошелъ, скоро поймалъ большую щуку, и для старцевъ была приготовлена хорошая уха. Другой разъ во время богослуженія въ скитскомъ храмѣ старецъ подходитъ къ монаху Г. и говоритъ ему: «не скорби», а потомъ спрашиваетъ: «ты не скорбишь?»—«Нѣтъ, батюшка, теперь особенныхъ скорбей не имѣю».—«Ну, такъ будутъ скорби, только ты не скорби, на свѣтѣ все перевертывается и измѣняется. Тебѣ бы лучше отказаться отъ старшинства». Сказавъ это, старецъ пошелъ на свое мѣсто и схиму, которая у него была одѣта наизнанку, перевернулъ на правую сторону. По нѣкоторомъ времени отца Г. смѣнили со старшинства и назначили на другое послушаніе.

Отецъ Архиппъ предсказывалъ предстоящія перемѣны иноковъ на послушаніяхъ, предупреждалъ о несчастіяхъ и вообще многимъ говорилъ будущее.—Разъ на пекарню пришелъ послушникъ. Отецъ Архиппъ сказалъ: «у этого голосъ, какъ у отца Иннокентія, онъ будетъ игуменомъ». Тогда словамъ Архиппа не придавали никакого значенія. 17 сентября 1888 г. скончался архимандритъ Иннокентій, и въ настоятели избранъ іеромонахъ Исаія, тотъ самый, которому старецъ предсказалъ игуменство болѣе, чѣмъ за 20 лѣтъ.

Инокъ Тимофеей видѣлъ во снѣ, будто отецъ Архиппъ его исповѣдуетъ. Утромъ, возвращаясь отъ ранней обѣдни изъ ближняго скита, подходитъ къ нему старецъ и велитъ читать псалмы предъ исповѣдью, молитвы и повседневное исповѣданіе въ грѣхахъ. Въ тотъ же день отецъ Тимофеей по послушанію своему пошелъ въ темную кладовую, чрезъ открытый люкъ упалъ въ погребъ и разбился, но могъ бы убиться до смерти.—«Исповѣдными молитвами, говорилъ онъ, старецъ приготовилъ меня къ смерти, и помилованъ я, можетъ быть, только за его молитвы».

Къ одной дѣвицѣ сватался богатый женихъ. Она спрашивала о. Архиппа: «выходить ли ей за богатаго?» Старецъ сказалъ: «будетъ пить да бить. Лучше бѣдный, да бла-

гочестивый». Но ее уговорили выйти за того, который сватался. Онъ сталъ пить и жену бить. Тогда эта дѣвица вспомнила слова прозорливца и горько раскаялась, что не послушалась его совѣта. Прошло нѣсколько лѣтъ, она была въ Глинской пустыни и объ этомъ рассказывала отцу настоятелю.

Монахъ Іосифъ по смерти о. Архиппа говорилъ, что 6 лѣтъ тому назадъ, старецъ, указывая на каменный больничный корпусъ Глинской пустыни, говорилъ: «повыше больницы, гдѣ ограда, будетъ хорошая кухня». На томъ мѣстѣ въ 1897 году (годъ спустя по смерти старца) построень былъ новый деревянный больничный корпусъ. Больничная кухня помѣщается въ концѣ, ближнемъ къ каменному корпусу. Слова подвижника сбылись въ точности.

Отецъ Архиппъ предсказывалъ время кончины отцевъ и братій Глинской пустыни и постороннихъ. Благодаря этому, многіе имѣли возможность заблаговременно, насколько могли, приготовиться къ лучшему переходу въ жизнь загробную.

Въ августѣ 1888 года старца видѣли лежащимъ и плачущимъ между главнымъ и лѣвымъ алтарями соборнаго храма. На вопросъ о причинѣ плача старецъ отвѣчалъ: «скоро всѣ будете плакать». Черезъ мѣсяцъ всѣ должны были оплакивать смерть любимаго архимандрита Иннокентія. Замѣчательно, что почившій первоначально погребенъ былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ плакалъ отецъ Архиппъ.

При легкой начавшейся болѣзни братскаго духовника іеромонаха Аполлонія, отецъ Архиппъ за 20 дней предсказалъ смертный исходъ.

Послушникъ Семенъ Викторовъ поступилъ въ Глинскую пустынь въ 1891 году и началъ работать Господу со страхомъ и усердіемъ. Это не могло нравиться врагу человѣческаго спасенія, и вотъ онъ употребляетъ свою обычную хитрость: любовью матери хотѣлъ поколебать любовь къ Богу: «Похорони мать и тогда безпечально подвизайся въ

отреченіи отъ міра». Семенъ спросилъ отца Архиппа; тотъ, несмотря на здоровый видъ брата Семена и представительную наружность, прозрѣвалъ краткость жизни вопрошающаго и совѣтовалъ остаться въ монастырѣ. «Спѣши, не медли, говорилъ онъ, куй желѣзо, пока горячо, послѣ будетъ поздно». Семенъ послушался старца и приложилъ особенное усердіе къ прохожденію иноческаго житія. Прошло 4 года; Семенъ заболѣлъ и на другой годъ, постриженный въ мантию съ именемъ Смарагда, блаженно скончался, вполне подготовленный къ переходу въ жизнь вѣчную.

Много было случаевъ, доказывающихъ, что о. Архиппъ познавалъ чужіе помыслы. Однажды къ нему въ дальній скитъ шли четыре инокини. Одна изъ нихъ говорить: у меня голосъ перерывается, хорошо попросить у старца травки пить. Только подошли къ скиту, выходитъ отецъ Архиппъ, подаетъ ей траву: «вотъ тебѣ травка, пей». Ея спутницамъ далъ по сухарику и всѣхъ одѣлилъ книжечками. «Святой батюшка, сказала получившая траву, сейчасъ узналъ, что я говорила».

Послушникъ-живописецъ лѣтомъ расписывалъ внутри теплую церковь. Входитъ туда о. Архиппъ. Послушникъ подумалъ: «хорошо бы, если бы старецъ сказалъ что-либо на пользу». Прозорливецъ подошелъ къ нему и говорить: «мы не можемъ подвизаться и поститься, какъ древніе: будемъ ѣсть, трудиться и смиряться, и Богъ помиуетъ насъ».

Благочестивая дѣвица N, желая болѣе угождать Богу, отказалась отъ должности учительницы и хотѣла спросить: хорошо ли она поступила? Старецъ, какъ только вышелъ къ ней, не дожидаясь вопроса, говорить: «дома лучше, себя учи, а потомъ въ монастырь», и далъ ей одинъ изъ Глинскихъ листковъ. Та читаетъ и говорить: «хорошо, что я пошла къ старцу: этотъ листокъ открылъ всю мою душу».

Однажды, во время богослуженія отецъ Архиппъ подошелъ къ одному брату и, отвѣчая на его мысли, говорить:

«да, иди въ Н—скую пустынь, тамъ тебя ждутъ, тамъ лучше».

Кромѣ духовной мудрости и другихъ благодатныхъ даровъ, о коихъ мы уже упомянули, отецъ Архиппъ имѣлъ еще даръ цѣленія. Въ подтвержденіе этого укажемъ нѣкоторые случаи.

Инокъ Михаилъ выздоровѣлъ по молитвамъ схимонаха Архиппа 20 марта 1894 года и тогда же на память записалъ слѣдующее: «Около мѣсяца я постоянно чувствовалъ слабость во всѣхъ членахъ, ломоту рукъ, ногъ, спины и боль въ груди. Нѣсколько дней лежалъ въ больницѣ. Стало легче, поторопился выписаться, чтобы не запускать дѣлъ своихъ по послушанію, но недѣли черезъ двѣ болѣзнь возобновилась. Послѣдніе четыре дня (съ 16 марта) меня стало тошнить: я не могъ принимать никакой пищи, кромѣ булки и киселя, въ самомъ маломъ количествѣ. Отъ этого слабость моя еще болѣе усилилась: при малѣйшемъ движеніи меня бросало въ потъ. Голова страшно болѣла, а ноги, одѣтые въ двѣ пары теплыхъ чулокъ и подъ теплымъ одѣяломъ, не согрѣвались, несмотря на высокую температуру въ келліи. Вечеромъ въ субботу, 19 марта, я совершенно ослабѣлъ и не могъ идти на воскресную крестопоклонную утреню. Послѣ обѣда мой сподвижникъ по послушанію братъ Димитрій просилъ благословенія пойти въ дальній скитъ къ о. Архиппу. Давая позволеніе, я сказалъ ему: «кланяйтесь старцу и попросите его помолиться за меня. Скажите, что я боленъ». Въ 4 часа дня я сразу почувствовалъ облегченіе: ознобъ въ ногахъ совершенно прекратился. «Вѣрно о. Архиппъ помолился за меня», подумалось мнѣ. Это было дѣйствительно такъ. Въ 7 часовъ вечера я почувствовалъ себя настолько здоровымъ, что вышелъ подышать чистымъ воздухомъ и прошелся впередъ и назадъ сажень 30. По окончаніи вечера, братъ Димитрій пришелъ изъ церкви и передалъ мнѣ: «передъ вечерней отецъ Архиппъ надѣлъ схиму и сталъ

власть поклоны, мнѣ съ братомъ Иваномъ велѣлъ также молиться. Потомъ говорить: «будетъ здоровъ». Значить, Господь послалъ мнѣ облегченіе во время молитвы старца, желая показать, что исцѣляетъ не ради меня, но ради ходатайства Своего угодника. Теперь 8 часовъ вечера. Я радуюсь облегченію болѣзни и, благодаря Бога, описываю свое исцѣленіе».

У брата Петра развилась въ сильной степени чахотка; дни его были сочтены; онъ самъ готовился къ смерти. Въ одно время отецъ Архиппъ подозвалъ его къ себѣ и говорить: «поправишься и поживешь еще». Въ скоромъ времени по молитвамъ старца онъ сталъ поправляться.

Съ переходомъ старца о. Архиппа въ дальній скитъ въ 1894 году въ ближнемъ скиту (гдѣ старецъ ранѣе жилъ) перестали выдавать народу траву. По нѣкоторомъ времени отецъ Архиппъ говорилъ отцу Н.: «надо сказать раздающему листки (въ ближнемъ скиту), чтобы онъ раздавалъ траву: чрезъ нее исцѣленія бывають, потому-что она дается по благословенію и съ молитвою. Она (трава) для меня, какъ хлѣбъ, напьюсь, и ѣсть не хочется. Другіе говорятъ, она горькая, а мнѣ она сладкой кажется. Пусть также выдаютъ сухари или хлѣбъ. Въ хлѣбѣ тоже молитва и благословеніе. Многіе мнѣ говорили, что нашъ хлѣбъ помогаетъ въ болѣзняхъ, вѣру къ нему имѣють. Теперь хлѣбъ недорогъ, что значить раздать по кусочку 2—3 пуда? О себѣ отецъ Архиппъ не думалъ, хотя хлѣбъ и трава имѣли цѣлебное свойство для другихъ по его же молитвѣ. Въ составъ травы, раздаваемой старцемъ, входила небольшая часть мяты, Богородицкой травы, болѣе же всего материнка и смородинный листь. Отъ малой щепотки травы, положенной въ чайный стаканъ, настой дѣлался очень горькимъ, а отецъ Архиппъ для себя клалъ въ стаканъ цѣлую горсть или же заваривалъ траву въ чайникѣ. Настой получался густой, и пить его для непривычнаго было невозможно.

Отецъ Архиппъ считалъ себя великимъ грѣшникомъ, а исцѣленія приписывалъ благодати Божіей; иногда нѣкоторымъ онъ простодушно рассказывалъ, что и какъ у него случилось.

Однажды говорилъ онъ намъ: «на дняхъ была одна женщина, взяла меня за схиму и говорить: «ахъ, батюшка, я отъ васъ исцѣлилась, рукой владѣть не могла, а теперь владѣю». «По вѣрѣ подалъ ей Господь», крѣпко прибавилъ старецъ.

Исцѣляя другихъ, самъ отецъ Архиппъ, какъ видно, не молилъ Бога о своемъ исцѣленіи. Напротивъ, будучи больной, онъ не жалѣлъ своего здоровья, зная, что, если Богъ не дастъ смерти, то и больной не умретъ, а если пошлетъ смерть, то и крѣпкое здоровье не воспрепятствуетъ ей. Отъ долгихъ стояній въ храмѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, ноги старца, наконецъ, совершенно отказались служить. Это стало особенно замѣтно года за два до смерти подвижника. Не желая упасть, онъ, какъ дитя, перебѣгалъ отъ одного мѣста къ другому, гдѣ ему можно было за что-либо задержаться, или же шелъ при помощи постороннихъ. Часто его беспокоили посѣтители; для нихъ онъ жертвовалъ малымъ своимъ отдыхомъ и, несмотря на полное изнеможеніе, ради св. послушанія выходилъ къ нимъ.

Однажды, съ цѣлію узнать, гдѣ отецъ Архиппъ изберетъ мѣсто своего погребенія, келейникъ водилъ старца по скиту и вокругъ скита, прося указать, гдѣ будетъ скитское кладбище. Много мѣстъ было указано, и ни одного подвижника не назначилъ для кладбища. А потому предположили, что о. Архиппъ не умретъ въ скиту. Такъ и случилось. Силы отца Архиппа постепенно слабѣли. Съ 10 декабря 1895 года онъ особенно началъ готовиться къ смерти, пожелалъ пособороваться и говорилъ: «скоро умру». Предъ праздникомъ Рождества Христова старецъ былъ очень слабъ; желудокъ его уже не могъ переваривать сухой, грубой пищи. Для

большаго ухода за старцемъ и большаго его успокоенія отецъ игуменъ благословилъ о. Архиппу перейти въ монастырь. Передъ выѣздомъ въ обитель старца соборовали. Онъ едва стоялъ, но не хотѣлъ ложиться; отъ внутреннихъ страданій у него не разъ невольнo выходилъ болѣзненный стонъ.

13 января 1896 года подвижникъ перешелъ въ монастырь и былъ помѣщенъ въ угловой келліи іеромонашескаго корпуса. Здѣсь старецъ нѣсколько оправился. Опять начали водить или, правильнѣе, носить его въ церковь, гдѣ онъ болѣе сидѣлъ, вставая только въ важные моменты богослуженія. Въ церкви оставался попрежнему все время, пока совершалось богослуженіе съ ранняго утра до обѣда. Въ дни причащенія о. Архиппъ послѣ утрени оставался въ храмѣ до утра, пока не заблаговѣстятъ утромъ къ акаѣисту. Въ это время старецъ обыкновенно выполнялъ свое келейное правило. Сномъ подкрѣплялся подвижникъ два—три часа вечеромъ. Въ февралѣ о. Архиппъ занемогъ еще сильнѣе и по нѣскольку дней не вставалъ съ постели.—Въ концѣ апрѣля, по совѣту доктора, старца помѣстили въ киноіи среди сосноваго лѣса. Тутъ старцу стало легче, и онъ даже принималъ нѣкоторыхъ посѣтителей.

Въ сентябрѣ о. Архиппу сдѣлалось хуже. Однажды вечеромъ его посѣтилъ о. настоятель; утѣшая, онъ между прочимъ спросилъ: «въ чемъ еще онъ нуждается и просить у Бога»? О. Архиппъ, показавъ на звѣздное небо, отвѣтилъ: «хочу звѣздочки», и потомъ прибавилъ: «Богъ намъ всѣмъ приготовилъ звѣздочки, а получить ихъ отъ насъ зависитъ». Подъ звѣздочкой о. Архиппъ разумѣлъ райскія обители святыхъ. Чувствуя себя весьма слабымъ, онъ часто сталъ посылать келейника за духовникомъ. Приходилось 1½ версты идти ночью лѣсомъ и въ монастырѣ многихъ беспокоить не въ урочное время. Отъ этого замедлялось пріобщеніе. Въ виду такого неудобства, о. Архиппъ пожелалъ перейти въ обитель. Объ этомъ онъ 18 сентября просилъ одного инока

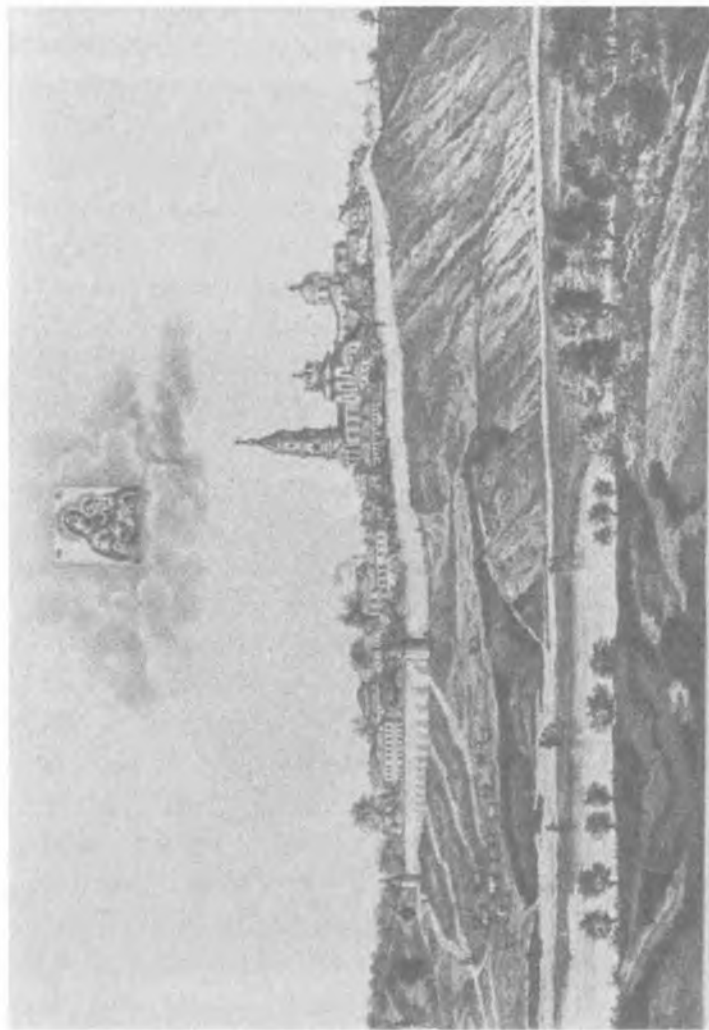
передать о. игумену, но тотъ просьбу его передалъ на другой день, а ночью старецъ во снѣ явился о. игумену и просилъ его перевести въ монастырь. Утромъ 19-го числа старецъ уже занималъ прежнюю свою келлію, гдѣ жилъ до «киновіи». Отрадно было видѣть старца, который на исходѣ изъ видимаго міра спокойно взиралъ на неизбѣжную для всѣхъ смерть: она не страшна была ему, а радостна.—21, 23, 24 и 25 сентября старца причащали Св. Таинъ. 22-го числа отецъ Архиппъ сказалъ келейнику: «умру въ пятницу. Въ пятницу меня особоруйте». Такимъ образомъ, онъ за пять дней точно предсказалъ день своей кончины.

Но вотъ наступила пятница 27-го сентября 1896 года. Начали хлопотать о соборованіи. Старецъ въ этотъ день утромъ ходилъ и говорилъ; никто не думалъ, что сегодня предсказаніе его исполнится. Наканунѣ этого дня келейникъ о. А. думалъ: «старецъ умретъ; надо попросить у него благословенія». Сказать этого однако не осмѣлился. Ночью видитъ во снѣ: будто о. Архиппъ благословилъ его иконой Божіей Матери «Умягченіе злыхъ сердецъ» и говорить: «ну вотъ я тебя благословилъ». Утромъ отецъ А., не упоминая о снѣ, сказалъ: «Батюшка, благословите меня». Старецъ отвѣчаетъ: «вотъ икона, я благословилъ». При этомъ указалъ на ту икону, которою во снѣ благословлялъ просящаго.

Въ 11 часовъ утра подвижника особоровали. Задолго до смерти старца отецъ настоятель приказалъ келейнику дать знать, когда будетъ умирать отецъ Архиппъ. Тотъ просилъ подвижника сказать о времени смерти. И вотъ 27-го сентября послѣ соборованія о. Архиппъ велѣлъ идти и сказать о. игумену, что онъ умираетъ, а самъ легъ и уже не открывалъ устъ своихъ для какого-либо слова, только на вопросъ о причащеніи тихо отвѣтилъ: «причастить». Сейчас же были принесены Св. Дары, и его причастили за полчаса до перехода въ жизнь вѣчную. Одръ умирающаго окружили отецъ настоятель и многіе изъ братіи. — Принесена была

явленно-чудотворная икона Пресвятой Богородицы; ею настоятель оѣбнилъ крестообразно подвижника, потомъ читали акаѣистъ св. великомученицѣ Варварѣ и пѣли отходную. Во время отходной дыханіе старца становилось все рѣже и тише, наконецъ, онъ безъ всякой агоніи, тихо, едва замѣтно испустилъ духъ, точно заснулъ, въ 3¹/₂ часа пополудни.

Еще при жизни старца одинъ благочестивый инокъ видѣлъ во снѣ о. Архиппа стоящаго на молитвѣ въ свѣтлой и прекрасной обители безъ оконъ и дверей. По смерти отца Архиппа нѣкоторые изъ братій видѣли почившаго старца или возставшимъ изъ гроба, или живымъ и радостнымъ, или вдругъ явившимся, свѣтящимся и благообразнымъ. Монахъ Маркеллъ при погребеніи отца Архиппа усомнился въ его угодности Богу, хотя хорошо зналъ подвижническую жизнь старца. За нѣсколько дней до сороковой памяти почившаго онъ видитъ сонъ, будто отецъ Архиппъ лежитъ въ гробу посреди бѣлой большой залы; многіе шли туда, въ числѣ другихъ и Маркеллъ. Отецъ Архиппъ сѣлъ; поздравилъ его къ себѣ. Лицо его было бѣлое, благообразное, «какъ у святого». Подойдя къ ожившему, Маркеллъ поцѣловалъ гробъ и подумалъ: «удивительно, нѣтъ никакого запаха». На эти мысли старецъ сказалъ: «обо мнѣ ничего не думай, не сомнѣвайся, давай поцѣлуемся». Нѣсколько разъ они поцѣловались. На сердцѣ отца Маркелла стало отрадно. «Потерпи немного, тебѣ будетъ хорошо, а обо мнѣ не думай, не думай, что я грѣшникъ», еще подтвердилъ отецъ Архиппъ. Монахъ Маркеллъ проснулся съ чувствомъ особенной радости и сталъ вѣрить въ святость почившаго старца. Отецъ А., бывшій келейникъ старца, чувствовалъ боль въ груди; ему во снѣ явился отецъ Архиппъ съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ: «ничего не употребляй, кромѣ масла отъ лампадки Царицы Небесной». Когда боль усилилась, отецъ А. помазалъ грудь деревяннымъ масломъ отъ явленно-чудотворной иконы Божіей Матери, и боль прошла.

Тихвинская Борисовская пустынь

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ

29 сентября, въ воскресенье, послѣ литургіи отпѣваніе въ Бозѣ почившаго схимонаха Архиппа совершалъ отецъ настоятель и соборъ священниковъ. По ночамъ на могилѣ отца Архиппа, какъ «звѣздочка» горитъ лампадка и напоминаетъ о старцѣ, который, живя на землѣ, подобно звѣздочкѣ горѣлъ любовію къ Богу. Свѣтомъ своимъ лампадка возбуждаетъ братію молиться о почившемъ подвижникѣ и самимъ, подобно ему, желать въ небесахъ получить «звѣздочку». *).

Основатель Борисовской пустыни генераль-фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и его дочь княгиня Наталія Долгорукая.

(Память 27 сентября).

При Петрѣ Великомъ мыслящее русское общество дѣлилось на двѣ части: одна безусловно отстаивала необходимость и пользу всѣхъ нововведеній, отъ ремеслъ, художествъ, наукъ до законовъ и обычаевъ иноземныхъ; другая, принимая охотно все полезное въ ремеслахъ, художествахъ, наукахъ, не желала перемѣнъ въ порядкѣ Русской законности и добрыхъ обычаяхъ народныхъ. Сильный, миротворный умъ Петра умѣлъ мирить эти противоположности и неуклонно шелъ къ своей цѣли: иноземная сторона при немъ не обнаруживала явно своего торжества; Русская сторона, изъ безпредѣльной любви и уваженія къ Государю, молча и терпѣливо слѣдовала за нимъ по пути его быстрыхъ преобразованій; съ готовностію и послушаніемъ усвоивала себѣ полезныя, вещественныя и научныя заимствованія и подражанія, заботливо устраняясь въ то же время отъ заблужденій иноземныхъ обычаевъ, образа жизни и философіи, которые со времени

*) См. Жизнеописаніе. Изданіе Глинской пуст.

Петра начали посягать на обладаніе умомъ и сердцемъ Русскаго человѣка.

Къ числу главнымъ представителей Русской стороны принадлежалъ и Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Старшій сынъ боярина Петра Большаго Васильевича Шереметева (р. 25 апрѣля, 1652), возведенный царевною Софіею на степень боярина 1688 года, а Петромъ Великимъ въ званіе генералъ-фельдмаршала и кавалера Св. Апостола Андрея 1702 года, за сраженіе при Эррестферѣ 1-го генваря, въ которомъ онъ первый изъ русскихъ одержалъ верхъ надъ Шведами, и въ графское достоинство 1706 года; первый російскій графъ (ибо Головинъ и Меньшиковъ получили въ 1702 году графскій титулъ отъ римскаго императора), Борисъ Петровичъ Шереметевъ, сочетавъ всѣ добродѣтели гражданина съ дарованіями великаго полководца, и тонкость дипломата съ мудростію мужа думнаго, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ Россіянъ своего вѣка, совѣтникомъ и другомъ Великаго Петра, и пользовался его неизмѣннымъ благоволеніемъ до самой своей кончины.

Оставляя въ сторонѣ обзоръніе его общеизвѣстныхъ заслугъ на военномъ поприщѣ, обратимъ вниманіе на его личныя свойства, какъ человѣка и христіанина. Сдѣлавъ имя свое извѣстнымъ въ Россіи на поприщѣ военномъ, Борисъ Петровичъ въ 1697 году испросилъ у государя позволеніе отправиться въ чужіе края, съ разумною цѣлью обогатить свой умъ новыми свѣдѣніями, въ особенности по части военной. Возвратясь на родину въ 1699 году, Борисъ Петровичъ явился къ государю въ нѣмецкомъ платьѣ, съ мальтійскимъ командорскимъ крестомъ, полученнымъ отъ гросмейстера, и съ драгоцѣнною шпагою, подаренною ему отъ императора Леопольда, и былъ принятъ съ восторгомъ юнымъ монархомъ.

Но, отложивъ изъ угожденія царю русскій кафтанъ и бороду, и обогативъ свой умъ положительными свѣдѣніями, въ особенности по части военного искусства, Борисъ Петро-

вичъ не увлекся ложнымъ блескомъ иностраннаго просвѣщенія и до конца своей жизни остался истымъ русскимъ бояриномъ, по уму и сердцу. Воздавая кесарева кесареви, а Божія Богови, онъ, съ пламенною любовію къ царю и отечеству, соединилъ любовь къ Православной Церкви и ея уставамъ, и уваженіе къ добрымъ обычаямъ предковъ; былъ благочестивъ, милостивъ, щедръ и великодушенъ. Обозрѣвая военное поприще Бориса Петровича, исполненное ряда самыхъ блестящихъ успѣховъ, становится очевиднымъ, что рука Божія была съ нимъ, и фельдмаршалъ благодарно признавалъ это въ своихъ дѣйствіяхъ: основаніе Борисовской Тихвинской пустыни, которую онъ устроилъ въ кивотъ досточтимой имъ иконѣ Богоматери, своей заступницѣ и пособницѣ, богатые, серебровкойанныя царскія врата, принесенныя имъ въ даръ любимой имъ Кіево-Печерской лаврѣ, суть дань благодарности Побѣдодавцу, за оказанныя Имъ милости и вмѣстѣ незыблемое свидѣтельство праотческаго благочестія фельдмаршала.

Вотъ какія сохранились свѣдѣнія объ основаніи имъ Борисовской обители.

Преданіе повѣствуетъ, что когда, по предложенію фельдмаршала, государь рѣшился дать Шведамъ генеральное сраженіе подъ Полтавой, то назначилъ оное на 26 іюня, то-есть въ день, посвященный Церковію празднованію явленія чудотворной иконы Тихвинской Божіей Матери, а благочестивый фельдмаршалъ, имѣя особенную вѣру и усердіе къ сей Богородичной иконѣ, сопровождавшей его во всѣхъ походахъ, упросилъ государя отсрочить битву на одинъ день, желая почтить оный приличнымъ празднованіемъ Божіей Матери, дабы наканунѣ рѣшительной борьбы, которой должна была рѣшиться судьба двухъ царствъ, испросить себѣ и ввѣренному ему воинству молитвенный покровъ и заступленіе Царицы Небесной.

Упованіе не постыдило благочестиваго военачальника: предводительствуя въ достославный день Полтавской битвы цент-

ромъ Россійской арміи, находившейся подъ личнымъ наблюденіемъ самого монарха, Борисъ Петровичъ отличился примѣрною храбростію, являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и испыталъ надъ собою очевидный знакъ небеснаго заступленія, ибо, находясь въ жесточайшемъ огнѣ, остался невредимъ, даже и тогда, какъ пуля, пробивъ латы и платье, задѣла рубашку, выказавшуюся изъ-подъ разстегнутаго камзола. У государя также въ сей достопамятный день была пробита пулею шляпа.

Обрадованные благодарванною побѣдою и относя какъ ее, такъ и чудесное сохраненіе своей жизни, заступленію Божіей Матери, «осѣнившей надъ главою ихъ въ день брани», монархъ и его полководецъ молебнo праздновали день сей, «восписуя благодарственная Единой, имущей державу непобѣдимую». По свидѣтельству того же мѣстнаго преданія, на обширномъ пути изъ подъ Полтавы, монархъ посѣтилъ своего полководца въ любимой имъ Борисовкѣ, которая въ то время, какъ новоустроенная, была еще невелика и небогата постройкою. Державному гостю имѣла честь послужить для отдыха небольшая горница сельскаго (съ дубовымъ столомъ и лавками) домика, благоговѣнно сохраняемаго и донинѣ владѣльцами Борисовки, въ память высокаго посѣтителя.

Здѣсь-то Борисъ Петровичъ объявилъ Монарху сердечный обѣтъ, данный имъ передъ битвой Полтавской Матери Божіей, если останется побѣдителемъ, основать въ Борисовкѣ, въ честь чудотворной Тихвинской иконы иноческую дѣвическую обитель. Государь, одобливъ сію благочестивую мысль своего полководца, самъ избралъ мѣсто для построенія обители. Онъ, какъ утверждаетъ преданіе, обозрѣвая, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ, живописныя окрестности Борисовки, обратилъ особое свое вниманіе на ту гору, которую занимаетъ нынѣ обитель и, повелѣвъ сдѣлать большой деревянный крестъ, собственноручно водрузилъ оный на вершинѣ горы, назначая тѣмъ мѣсто то для церкви, во имя любимого

имъ праздника—Преображенія Господня, что по времени и было исполнено построениемъ въ ней теплаго храма сего наименованія; главная же церковь, согласно первоначальному намѣренію графа Бориса Петровича, была устроена въ честь Тихвинской Богоматери; отчего и самая обитель получила наименованіе Борисовской-Тихвинской.

Всякій, кто посѣщалъ Борисовскую обитель, неоспоримо долженъ сознаться, что выборъ для нея мѣста дѣлаетъ честь вкусу Государя, указавшаго оное.

Гора эта, будучи выше другихъ, стоитъ отвѣсно надъ рѣкою, возвышаясь надъ нею, какъ неприступная скала: она почти отдѣлена отъ цѣпи проходящихъ здѣсь холмовъ: съ юго-востока обтекаетъ ее рѣка Ворскла, живая свидѣтельница славной битвы Полтавской; на противоположномъ берегу ея привольно раскинута Борисовская слобода; на югѣ, подъ горою разстилаются на дальнее пространство живописные луга, прорѣзанные ручьями. Съ запада горы и дебри, покрытыя густымъ лѣсомъ; лишь съ сѣвера гора эта соединяется небольшимъ перешейкомъ съ грядою холмовъ, также покрытыхъ лѣсомъ.

Началомъ обители послужила, по словамъ того же преданія, деревянная часовня, построенная, какъ полагаютъ въ 1711 году, въ которую графъ Борисъ Петровичъ тогда же пожертвовалъ копію съ принадлежащей ему иконы Тихвинской Богоматери, въ сребропозлащенномъ окладѣ; часовня эта по времени была обращена въ церковь въ честь Тихвинской Божіей Матери. Когда именно это случилось, неизвѣстно; но въ завѣтѣ, писанномъ рукою самого фельдмаршала 1 января, 1714 года, гдѣ обитель Тихвинская называется новопостроенной, упоминается о церкви, и повелѣно «неотмѣнно» въ теченіе 1714 года пристроить къ ней небольшую деревянную колокольню, по данному для сего чертежу. Теплая церковь въ честь Преображенія Господня, вѣроятно, построена въ то же время, или нѣсколько послѣ (не позже 1719 г.);

о ней упоминается впервые въ надписи на напрестольномъ Евангеліи.

Первое письменное свѣдѣніе о Борисовской пустыни составляетъ, такъ называемый, Завѣтъ, писанный собственною рукою генераль-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Этотъ драгоцѣнный для обители актъ есть безмолвный, но краснорѣчивый, памятникъ христіанской любви и попеченія о ней ея приснопамятнаго основателя и замѣчательнѣе въ біографическомъ отношеніи, потому что служить выраженіемъ нравственнаго характера одного изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ нашей переходной поры (см. Краткую біографію графа Бориса Петровича въ приложеніяхъ къ «Историч. описанію Борисовской Тихвинской пустыни»).

«1714 года генваря 1-го дня. Завѣтъ блаженныя памяти Генераль-Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева о содержаніи монастыря дѣвическаго, Тихвинской Пресвятой Владычицы Богородицы, на каковомъ основаніи оному быть и какую ругу производить, Его Высокографскаго Сіятельства властною рукою надписанъ, и много своею рукою изволилъ писать, который въ Архивѣ слободы Борисовки между прочими дѣлами, по листочкамъ въ разныхъ мѣстахъ, едва собранъ, для бережи, чтобъ отъ небреженія и совсѣмъ не утратился, отданъ на сохраненіе въ сей Богоматери монастырь, для вѣчнаго соблюденія потомству, который хранить за печатью въ ризницѣ, на вѣчное поминовеніе имени Его Сіятельства».

«Генваря 1-го дня. Завѣтъ, или артикулъ, какъ содержать новопостроенную обитель въ слободѣ Борисовкѣ, нарицаемую Пресвятая Богородицы Тихвинскія.

Имѣтъ въ той обители двѣнадцать сестеръ, третьюнадесятъ Игуменью, и всѣ бѣ старицы умѣли грамотѣ, кромѣ старухи, которая принята съ крылошанкою, а протчіе, которые иные обрѣтаются въ Борисовкѣ, а крылоса править не умѣютъ, тѣмъ отказать; а какъ зберутца всѣ старицы,

и имъ велѣтъ межъ себя выбрать въ Игуменѣи, ково Духъ Святый избереть, и бить челомъ Архіерею, чтобы ее посвятилъ; ѣхать тотъ часъ неотлагательно къ Архіерею, и бить челомъ о Священникѣ-монахѣ, которому быть у нихъ Духовникомъ, и здѣлать ему келью въ монастырѣ у Святыхъ воротъ съ каморою и огородецъ малый, а у того Священника быть келейнику старому человѣку и въдомому, добраго житія, а инымъ никакимъ мужчинамъ въ монастырѣ отнюдь не быть, и мущинъ кромѣ Воскресныхъ дней, къ литургіи не пускать; а кромѣ обѣдни, ни къ вечерни, ни къ заутрени, ни въ какія дни отнюдь не пускать, и къ свойственницамъ къ черничкамъ и свойственныхъ людей, кромѣ обѣдни, не пускать.

1714 года. Также въ Пономаряхъ, ни въ Дьячкахъ, ни на крылосѣ мужчинамъ не быть, а отправлять пономарство и на крылосахъ стоять черничкамъ, и такихъ прибирать, чтобъ всѣ умѣли читать и воспѣвать; также бы старочки не держали при себѣ хлопцовъ въ кельяхъ для ученія грамоты, а кто похочетъ держать у себя въ кельяхъ дѣвчинъ, для услугъ и для ученія. И быть той Святой обители общинѣ, и по вся дни сходится за трапезу, а не по кельямъ ѣсть; также изъ монастыря не только что куда отъѣхать, или пойтить, ни на рынокъ отнюдь не ходить безъ благословенія Духовника и Игуменѣи; ходить куда съ благословеніемъ для покупокъ монастырскихъ, или для какихъ нуждъ съ благословенія по двѣ, съ старою молодая, и нигдѣ не ночевать и не въ потребные дома и въ шинки не входить отнюдь; а которыя будутъ ходить безъ благословенія, таковыхъ смирать: класть подъ порогъ и шелепами бить и изъ обители вонъ высылать, а таковыхъ отнюдь не держать, и другимъ соблазна не чинить, и регулу не нарушать; только быть въ обители Святой воротнику одному, пастуху, водовозу, и всего того смотрѣть Шафару (ключнику) и выбрать Шафара миломъ, доброва и смиреннова, и набожнова, изъ всѣхъ слобо-

жанъ, и довольствовать ему, какъ положено въ Инструкціи ниже сего, какъ содержать Игуменью съ сестрами въ какомъ довольствѣ, а что надобно, имать у Комендантовъ, кто будетъ въ Борисовкѣ, а ему, Коменданту, по сему моему Указу, не ожидаячи инаго Указу и не описываячи ко мнѣ, исполнять безъ всякія волокиты, и не чинить имъ ни малыя вспоны (препятствія).

Реестръ, что надлежитъ по сему моему предложенію имъ, законницамъ, давать денежной руги, и какову имѣть трапезу съ предъбудущаго 1714 года.

Игуменѣ на годъ по три рубли. Крылошанкамъ и Пономарю и всѣмъ 12 человекъ по два рубли, да въ четвертой годъ давать по десять овчинъ недѣланныхъ. Трапеза поставляется въ Воскресные дни: по два полумеска рыбы, какая случится; въ скоромные дни: каша съ масломъ, пироги съ сыромъ, борщъ съ забѣлою, или какая ярина, квась всегда съ перемѣшкою; въ посты во всѣ четыре и въ мясоѣдъ въ понедѣльникъ, въ среду, въ пятокъ, отнюдь не ставить никакой рыбы, но только борщъ и ярина, а въ протчія дни во всѣ съ алѣемъ по три стравы, чтобъ были довольны; а въ праздникъ на Живоносное Христово Воскресеніе и на всю недѣлю рыба, и яйца, и масло, по четыре стравы, пива и меду давать по порціи, а вина отнюдь не только давать, ни въ кельяхъ не держать и въ монастырь не вносить, а кто внесетъ, на такихъ имать штрафъ и бить нещадно.

Да имъ же въ монастырь (дать) пять коровъ, двѣнадцать овецъ, да барана, двѣ лошади. А воротнику, и пастуху, и келейнику Духовникову давать на свиты по рублю, да въ третій годъ по шубѣ, а питатца имъ тѣмъ же, что и старицы, а на всѣ выше писанныя расходы держать Прикащику деньги изъ моихъ наличныхъ доходовъ; а хлѣбъ и протчее, какой мой хлѣбъ собирается, выдавать по вся года безъ задержанія; только тово ему, Коменданту, смотрѣть накрѣпко, чтобъ лишнево не шло на сторону и приходящимъ

моимъ не дѣлилися, только бѣ сами довольствовались, и достовѣрить ему, Коменданту, что будетъ хлѣба на день расходитца и на квасъ, и что въ годъ съ рыбою, съ медомъ и съ пивомъ въ указные дни изойдетъ.

На двѣ лошади, кои имъ даны, давать по вся годы на шесть мѣсяцевъ овса по пяти четвертей, и смотрѣть того, чтобъ давано было тѣмъ лошадямъ по расположенію, чтобъ имъ стало та пять четвертей на шесть мѣсяцевъ, съ Октября по Апрѣль мѣсяцъ, а въ иныя мѣсяцы лѣтнія не давать; а пяти коровамъ и тринадцати овцамъ и вышеписаннымъ лошадямъ чтобъ было безъ нужды, отвезть пожню и косить миромъ, а въ монастырь привезти вдругъ миромъ же и скласть хорошенько, чтобъ не погноить. Сдѣлать двѣ коляски, и отдать имъ, ежели куда понадобится ѣхать Духовнику, или Игуменю, или куда пошлетъ старицу Игуменю, и два хомута дать ременныя не гнусныя и возжи воровенничіе, чтобъ не гнушно было ѣхать. Также въ зиму выше писанной скотинѣ сколько по потребу будетъ надобно соломы, собирать съ громады и отдавать безволокитно. Кухарку и кому хлѣбы печь и прачку выбрать изъ тѣхъ же изъ двѣнадцати старицъ, ково они изберуть; имъ же дать три скатерти на столъ, за которымъ могутъ всѣ усѣстца, да пятнадцать полумесокъ каменныхъ, двадцать тарелокъ деревянныхъ, двѣ солонки оловянныхъ, горшковъ давать съ потребу, три жбана, въ чемъ носятъ квасъ, шесть стакановъ скляныхъ, чемъ пить; а ножи и ложки, шалфетки имѣть свои, квашню и чемъ покрывать, и чашу, въ чемъ хлѣбы мѣшать, дать же, а хлѣбы печь такіе, чтобъ хлѣбъ четверемъ сестрамъ былъ, а не большіе, соли давать съ потребу.

А сходитца всѣмъ за трапезу въ одну келью, докуля будетъ особливая келья построена; и построить келью на весну неотлагательно съ пекарнею и кухнею, гдѣ мѣсто назначено и каковъ чертежъ данъ, также построить колокольню небольшую, каковъ данъ образъ ниже сего, здѣлать било по

обычаю монастырскому, и выбрать будильницу, и смотрѣть тово на крѣпко Коменданту и Шафару, чтобъ чинъ былъ монастырской и всякое благочиніе и смиреніе; а паче жъ, чтобъ изъ монастыря безъ благословенія не выходили отнюдь; а если кто изъ нихъ явитца дерзкая, и такихъ, не описавшись ко мнѣ, съ наказаніемъ высылать вонъ съ нечестью, чтобъ инымъ не повадно было; а которые будутъ высланы, въ то мѣсто принимать грамотныхъ, которые бъ могли крылось держать и читать; и принимать извѣстныхъ, а невѣдомыхъ не принимать, также и рукодѣльныхъ искать, чтобъ тѣмъ обитель святая расширялася. По вся воскресныя дни и по Господскимъ праздникамъ и Богородичнымъ ходить по церкви и собирать, кто что дастъ, и тѣ сборныя деньги собирать цѣлый годъ; какъ годъ минетъ и Шафару съ Комендантомъ при Игуменѣи тѣ деньги вынуть, и держать на монастырскія потребы и на выше писанные скатерти и всякую столовую посуду и на кухню, чтобъ тѣми деньгами удовольствоватца, а не изъ казны имать; а будетъ же сбору больши, а за выше писаннымъ расходомъ станетъ оставатца, то употреблять на свѣчи, на ладонъ и на церковное всякое украшеніе. А будетъ кто станетъ молебны пѣть, и на сорокоусты давать, или на монастырь милостыню, также собирать въ ящикъ погодно, и какъ годъ минетъ, по тому жъ распечатовать, и Коменданту съ Шафаромъ и съ Игуменьею раздѣлить половину всего сбора Духовнику, а изъ другой половины третью часть Игуменѣи, а достальныя крылошанкамъ съ прибавкою и Пономарю, а другимъ по чему достанетца, чтобъ никто изъ нихъ обиженъ не былъ.

Духовнику на платьѣ на годъ давать денегъ по пяти рублевъ, а пища, что будутъ сестры ѣсть; да сверхъ пяти рублевъ давать ему въ день Пресвятыя Богородицы Тихвинскія восемь алтынъ двѣ деньги, на праздникъ Ангела моего Бориса и Глѣба, три алтына двѣ деньги; на Ангелъ жены моей, тако жъ сына Михаила, сына Петра, дочери Анны

Борисовны, по три алтына по двѣ деньги. На праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія и Рождества Христова жъ по двѣ гривны; и того четыре гривны. Двѣ субботы вселенскія бываютъ въ годъ по восемь алтынъ двѣ деньги на панихиду, и пѣть панихиду большую, а по вся субботы, чтобъ были панихиды малыя, а въ протчіе дни, когда будетъ служба, были бы литіи. Сдѣлать книги, что всегда будетъ расходитца денегъ, хлѣба, и положить, что всего надобить по цѣнѣ.

Чтобы въ Воскресные дни и субботу, въ пятницу и въ среду были литургіи; будетъ не можетъ во всю недѣлю, по вся субботы были бѣ, межъ утрени и литургіи, Акаѣисты Пресвятыя Богородицы. На литургіи поминать за упокой: Боярина Василя, иноку схимницу Евпраксию, Боярина Петра, Боярыню Анну, Боярина Василя, Боярыню Параскеву, Боярыню Евдокію и чадъ ея, Боярина Петра и Грипену. Воскресные дни пѣть молебны о здравіи: Боярина Бориса, Боярыны Анны, Михаила, Евдокіи и чадъ ихъ; младенца Петра, Анны и чадъ ея, Боярыны Марѣи и чадъ ея, Князя Іакова, Александра, Князя Петра, Луки, Василя, и всѣхъ Православныхъ Христіанъ.

Подлинная по склейкамъ была подписана (въ началѣ): «Генваря 1-го дня 1714 года»... (въ концѣ): «рукою властною Борисъ Шереметевъ».

Приписка: Еще въ пополненіе штата писаннымъ пунктамъ, когда будетъ праздникъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія, праздновать и пѣть всенощныя и ходить со всѣми Священники съ процессією и соборнѣ молебствовать, и кто будетъ приходящихъ молебщиковъ, уготовать имъ трапезу и кормить въ трапезѣ съ медомъ и съ пивомъ довольно: водки бы отнюдь не было; старицъ выпускать изъ монастыря славить на Рождество Христово, на Воскресеніе Христово, на утрія Тихвинскія Богородицы со святынею, и что дадутъ мірскіе люди деньгами, надѣлять имъ по рукамъ, а что хлѣб-

нова, или что иное, то имать въ общину, а по рукамъ не давать.

Сдѣлать по четыре ризы съ четырьмя подризниками съ отдѣлкою обыкновенною, бѣлыя шитыя; поручи шитыя, красной шолкъ золотомъ.

Подвоскресныя ризы шить однимъ шолкомъ; по двѣ дневныя выбойчатыя бѣлыя; подъ панихидныя черныя, бѣлыя жъ съ чернымъ шолкомъ. Дать въ монастырь три топора».

Завѣтъ сей служить лучшимъ подтвержденіемъ справедливости вышеписаннаго преданія о началѣ обители; ибо изъ него легко можно усмотрѣть, что основаніе обители не было дѣломъ случайнымъ, или говоря языкомъ свѣтскихъ писателей, фантазіею, прихотью богатаго и щедраго вельможи. Нѣтъ, прочтите внимательно сей Завѣтъ и вы убѣдитесь, что для того, кто писалъ его, это было дѣло глубоко обдуманнаго сердечнаго совѣта возданіемъ Божію—Богови, по данному обѣту. Кромѣ уваженія къ предпринимаемому дѣлу, здѣсь видны заботливое вниманіе и любовь, отъ которыхъ не ускользнули и малѣйшія подробности быта тѣхъ, кого позоветъ Господь на служеніе въ созидаемую обитель. По христіанскому смиренію, считая себя лишь орудіемъ Промысла Божія, благочестивый основатель не взялъ на себя даже права избрать начальницу для основанной имъ обители: «а какъ сберутся всѣ старицы, пишетъ онъ въ своемъ Завѣтѣ, и имъ велѣтъ межъ себя выбрать въ Игуменни, ково Духъ Святый изберетъ, и бить челомъ Архіерею, чтобъ ее посвятилъ». Какой замѣчательный урокъ нынѣшнимъ благотворителямъ, которые иногда, пожертвовавъ Бога ради небольшую сумму на какую-либо монастырскую потребу, домогаются, чтобы она была исполнена непремѣнно по ихъ указанію, плану или проекту, считая всякое благое въ немъ измѣненіе за личную себѣ обиду.

Зато и начинаніе, основаніемъ которому послужило столь любимое Господомъ чувство, было утверждено благословеніемъ

свыше, и по слову Псалмопѣвца: «Пустыня процвѣла яко кринь». Разсматривая Завѣтъ сей, мы видимъ, что къ 1 Января, 1714 года, Борисовская обитель находилась въ слѣдующемъ видѣ: монастырь, занимая небольшое пространство, въ длину и ширину не болѣе 20 сажень, кругомъ былъ обнесенъ деревянною оградю. Въ немъ было двѣ церкви: одна лѣтняя, холодная, въ честь Тихвинскія Божія Матери, въ которой помѣщался и списокъ съ сей чудотворной иконы въ серебropозлащенной ризѣ, пожертвованной основателемъ обители на благословеніе и утвержденіе ея; вскорѣ и сія икона, по смотрѣнію Божію, прославилась знаменіемъ благодати Божіей, и въ монастырской описи 1799 года она уже прямо именуется «чудотворною», и исчисляется до 50-ти привѣсовъ къ ней, въ память различныхъ исцѣленій.

Вторая церковь въ честь Преображенія Господня, тоже деревянная, теплая. О существованіи сей церкви въ самые первые годы обители видно изъ собственноручной надписи графа Бориса Петровича на напрестольномъ Евангеліи (см. ниже при описаніи ризницы); въ томъ же 1714 году велѣно было, по данному самимъ графомъ чертежу, «неотлагательно» построить небольшую колокольню и трапезную келлію съ пекарнею и бухнею.

Но, выражая въ своемъ Завѣтѣ желаніе, чтобы новоустроенная св. обитель «разширялася», благочестивый основатель, конечно, не могъ тогда предвидѣть, что самъ же онъ положилъ препятствіе такому расширенію учрежденіемъ общей трапезы съ ограниченіемъ оной строгимъ запрещеніемъ не только отдѣльно не готовить, но и не держать по келліямъ никакой пищи. Это запрещеніе хотя и не могло быть исполняемо въ точности, но пока учрежденіе общины имѣло силу закона въ глазахъ содержателей обители, оно было главнымъ препятствіемъ ея расширенію; ибо при общей трапезѣ, поставляемой лишь на 13 человекъ, и при выше упомянутомъ запрещеніи, нельзя было принимать на искусь желающихъ,

ни на общее монастырское, ни на собственное свое содержаніе, и чрезъ то обитель была лишена одного изъ существенныхъ условій для своего расширенія и процвѣтанія: не имѣла возможности постепенно возвращать и воспитывать духовно у себя и для себя будущихъ чадъ своихъ. Мы еще должны будемъ возвратиться къ сему предмету, а теперь продолжимъ рассказъ нашъ. Устное преданіе называетъ первую настоятельницею обители въ санѣ игуменскомъ старицу Іустину, въ просторѣчии Устинью; второю—Іуліанію Данилевскую. Но сколько времени продолжалось настоятельство каждой, и чѣмъ особенно ознаменовано было, свѣдѣній о семъ нѣтъ. Общежитіе, какъ мы уже видѣли, по волѣ основателя, состояло изъ 12 старицъ, кромѣ игуменьи. Имена первыхъ насельницъ обители, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Первымъ духовникомъ былъ іеромонахъ, который, послѣ кончины его, послѣдовавшей въ 1719 году, по распоряженію мѣстнаго архіерея, былъ замѣненъ бѣлымъ священникомъ.

Въ декабрѣ 1714 года фельдмаршалъ, будучи позванъ Государемъ въ Петербургъ, самъ того не зная, простился навсегда съ Украиной и съ своей любимой Борисовкой, гдѣ онъ провелъ самые тихіе годы своей жизни, отдыхая въ своей семьѣ на свѣжихъ еще лаврахъ, будучи любимъ и почитаемъ отъ всѣхъ, его окружающихъ и подвластныхъ за благодѣянія, щедро имъ излитыя на Украину, въ предѣлахъ которой, какъ замѣчаетъ его жизнеописатель, графъ «съ юныхъ лѣтъ обращался и оказывалъ всегда Малороссіянамъ въ справедливыхъ ихъ требованіяхъ благосклонное пріятіе».

Въ слѣдующемъ 1715 году графъ получилъ приказаніе ѣхать къ арміи и, прибывъ къ полкамъ, поспѣшить съ ними въ Померанію, куда, по обстоятельствамъ, прибыли они не прежде весны 1716 года, зазимовавъ въ Польшѣ. 8-го апрѣля, 1716 года было совершено бракосочетаніе Государыни Цесаревны Екатерины Іоанновны съ Герцогомъ Мекленбургскимъ, при которомъ присутствовалъ и фельдмаршалъ со

всѣмъ генералитетомъ. Мы упомянули здѣсь о семъ обстоятельстве лишь потому, что съ нимъ имѣетъ связь послѣднее извѣстное намъ распоряженіе графа, относящееся къ основанной имъ Борисовской Тихвинской пустыни. Приводимъ здѣсь въ подлинникѣ этотъ любопытный документъ, отысканный въ Борисовскомъ Вотчинномъ Правленіи.

«Отъ Графа и Кавалера Генералъ-Фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Указъ мой, собственной руки моей, въ слободу мою Борисовку, Коменданту моему Степану Перяшнику и Громадѣ и всей Старшинѣ: Какъ сей мой Указъ получишь, и Ея Величества Государыни Цесаревны и Великой Княгини Екатерины Ивановны Горнея Ея Францимирка, дѣвица Марья Федоровна, Шведка, прибудетъ въ Борисовку, прійми ее съ честію великою и съ удовольствіемъ великимъ. А она, дѣвица, отъ Ея величества отпущена съ милостію, по желанію ея постритца, и будетъ она пожелаетъ въ монастырь Тихвинской Богородицы постритца, призови Архимандрита съ благословенія Архіерейскаго, Митрополита Бѣлоградскаго и Обоянскаго, и постригите ея, съ обыкновенною церемонією, и кто будетъ на постриженіи, какихъ властей и Священниковъ, всѣмъ уготовь трапезу со всякимъ удовольствіемъ, моимъ коштомъ, со всякою довольностію и съ почтеніемъ, и сыщи ей келейницу добрую и привычную и грамотную, также чехо не будетъ у тебя требовать, какихъ припасовъ для своего она обиходу и келейницы ея, не описываячи ко мнѣ, во всемъ довольствуй, чтобы ни чѣмъ не была скудна; а которой драгунъ съ нею посланъ въ провожатыхъ, вели ему быть въ Борисовѣ до Указу, и дать ему хлѣбъ и жалованья изъ моей суммы, чтобъ онъ не былъ по пропорціи своей и обладу скуденъ. А ежели она, дѣвица, пожелаетъ ѣхать къ Москвѣ, отпусти ея съ честію, и того драгуна съ нею, и удовольствуй на дорогу всѣмъ, что потребно будетъ, со всякимъ довольствомъ; а ежели она пострижется въ томъ Тихвинскомъ монастырѣ, попроси Игуменю и намѣстницы и

уставщицы, чтобы къ ней имѣли снисхожденіе и почтеніе и удовольствіе передъ другихъ сестеръ; а будетъ же Андрѣй Семеновичъ Бахрастовъ съ тою дѣвицею прибудетъ въ Борисовку, особливую ему учини честь и довольство; ибо онъ zostаетъ въ милости Государыни Цесаревны и мнѣ другъ добрый, и какъ онъ похочетъ ѣхать къ Москвѣ, проводи его

Домикъ Петра I-го въ Борисовскѣ, въ которомъ онъ останавливался послѣ Полтавской битвы въ 1709 г.

самъ до Бѣлгорода, и дай ему подводку, на чемъ надо быть до Бѣлгорода, и что ему будетъ въ дорогу потребно. Также я послалъ письмо Преосвященному Митрополиту о постриженіи выше именованной дѣвицы, и то мое письмо вручи ему, Архіерею Божію; пиши и мнѣ, что по семъ учинится, и о тамошнемъ состояніи, какъ моя состоитъ слобода хранима Богомъ и Пресв. Бож. Мат.»

Новоустроенной обители уже не суждено было болѣе видѣть своего знаменитаго основателя: онъ скончался мирною христіанскою кончиною 17-го февраля, 1719 года, отъ водяной болѣзни, проведя послѣдній годъ своей жизни въ Москвѣ, приготовляясь къ переходу въ вѣчность подвигами христіанскаго милосердія, прославившими имя его еще болѣе,

нежели извѣстныя всему свѣту его военныя доблести. Судя по словамъ жизнеописателя фельдмаршала, что онъ въ завѣщаніи своемъ «наипаче щедрымъ показалъ себя подаяніемъ въ монастыри и церкви», надобно полагать, что при этомъ графъ, конечно, не забылъ и о Борисовской пустыни. Хотя намъ и неизвѣстно, что именно сказано о ней въ его духовномъ завѣщаніи, но, судя по вниманію, которое оказывалъ обители наслѣдникъ графа и владѣлецъ Борисовки, сынъ его, графъ Петръ Борисовичъ, надобно предполагать, что фельдмаршалъ, въ лицѣ его, обязалъ своихъ потомковъ поддерживать и снабждать основанную имъ обитель.

Несмѣтное достояніе, ему принадлежащее, было приобрѣтено самымъ доблестнымъ образомъ: можно сказать, что не было пяди земли, ему пожалованной, которой бы не заслужилъ онъ усердіемъ и кровію, но по духу благочестія, памятуя, что «всякое даваніе благо и всякъ даръ совершенъ, свыше есть нисходяй отъ Отца свѣтовъ» онъ былъ Евангельски щедръ и милостивъ къ бѣднымъ, какъ благій и вѣрный рабъ ущедрившаго его Домовладыки Небеснаго. Особенно послѣдніе годы жизни своей, проживая въ Москвѣ внѣ службы, онъ, какъ бы искупая время, посвятилъ исключительно благотворительности: бѣдныя семейства толпились вокругъ палаты его. Вдовы съ дѣтьми, лишенныя надежды на пропитаніе, и слабые старцы, потерявшіе зрѣніе, получали отъ него всевозможное пособіе. Герой былъ отецъ сиротъ, принималъ ихъ подъ свое покровительство и по способностямъ опредѣлялъ къ мѣстамъ. Всѣ эти высокія черты милосердія и увлекательная общительность его характера, дѣлавшая его доступнымъ всѣмъ и каждому, доставили ему ту нелицемѣрную любовь народную, о которой между прочимъ упоминаетъ дочь его Наталія Борисовна въ своихъ запискахъ, какъ о вещи общеизвѣстной его современникамъ. «Вы довольно извѣстны, я надѣюсь, пишетъ она, что отецъ мой очень былъ любимъ народомъ, и до днесь его помнятъ». Привѣтливость

его въ обращеніи простиралась до того, что часто разѣзжая по Москвѣ, окруженный множествомъ скороходовъ и домовыми войсками, останавливался онъ на улицѣ и выходилъ изъ кареты, чтобы подать руку старому сослуживцу или оказать помощь просящему. Домъ графа былъ прибіжищемъ для всѣхъ неимущихъ: съ одной стороны угождая желанію любимаго имъ монарха, съ другой свято чтя наслѣдственную отъ предковъ добродѣтель хлѣбосоilstва, фельдмаршалъ жилъ открыто, но открыто именно по христіански, то есть, для всѣхъ и преимущественно для неимущихъ чѣмъ воздать за столъ его, на которомъ не ставилось менѣе 50 приборовъ даже въ походное время, садился всякій, званый и незваный, знакомый и незнакомый, только съ условіемъ, чтобъ не чиниться предъ хозяиномъ. Обѣды его, приготовленные лучшимъ образомъ, не обращались, изъ подражанія иноземцамъ и по ихъ примѣру, въ шумные пиры, но имѣли характеръ семейной простоты и вмѣстѣ чинности, основанной на той благочестивой мысли, что пища есть даръ Божій, и потому вкушеніе ея должно сопровождаться не глумленіемъ, а благочестивымъ настроеніемъ души. Фельдмаршалъ ненавидѣлъ излишества и не любилъ бесѣдъ, въ то время обыкновенныхъ, въ которыхъ кубки съ виномъ играли главную роль. Самъ Петръ столько уважалъ его, что никогда не принуждалъ пить, и во время праздниковъ государевыхъ Шереметевъ освобожденъ былъ отъ наказанія осушать кубокъ большаго орла. Будучи другомъ и совѣтникомъ царя, Борисъ Петровичъ любилъ его прямо русскою душею, безъ лести и рабскаго страха. Онъ мужественно перенесъ гнѣвъ государя, но осужденія царевичу Алексѣю Петровичу все таки не подписалъ. Великій умъ цѣнитъ эти рѣдкія свойства своего полководца и чрезвычайно уважалъ его, называя своимъ Боярдомъ и Тюренемъ, и между прочимъ всегда встрѣчалъ и провожалъ до двери своего кабинета—отличіе, котораго никому иному не оказывалъ.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ скончался 17 февраля, 1719 г. отъ водянки на 67 году отъ рожденія. Смерть его горько оплакана была и Петромъ, и всѣми русскими воинами, коихъ Шереметевъ такъ долго и такъ постоянно водилъ къ побѣдѣ, и всѣми бѣдными и нищими обѣихъ столицъ, для коихъ былъ онъ отцомъ милосердымъ. Огорченный монархъ, извѣстясь о чувствительной для него и Россіи потерѣ, приказалъ перевезти тѣло Шереметева въ С.-Петербургъ, несмотря на завѣщаніе усопшаго, чтобы его похоронили въ Кіево-Печерской лаврѣ. Оно было предано землѣ со всѣми почестями высшаго званія 10 апрѣля, въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры, въ присутствіи монарха и всего двора, иностранныхъ министровъ и генералитета. Фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ женатъ былъ два раза. Отъ первой супруги, Евдокіи Алексѣевны Чириковой, имѣлъ онъ сына графа Михаила, родоначальника старшей вѣтви графовъ Шереметевыхъ, имѣющей нынѣ пребываніе въ Москвѣ, и двухъ дочерей Софію и Анну. Отъ втораго брака со вдовою роднаго дяди Петра Великаго, боярина Льва Кирилловича Нарышкина, Анною Петровною Салтыковою, фельдмаршалъ имѣлъ двухъ сыновей: графа Петра, родоначальника младшей вѣтви, владѣющей огромнымъ Шереметевскимъ достояніемъ, и графа Сергія, родъ коего пресѣкся, и трехъ дочерей: Наталью, Вѣру и Екатерину. Средняя его дочь княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, родившаяся 17 января, 1714 года, и была одною изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ своей поры, женщина, память которой вѣчно будетъ служить образцомъ христіанскихъ добродѣтелей, и въ особенности самоотверженія, твердости духа, испытанной, по волѣ Божіей, многообразными искушеніями, въ коихъ она, по собственному признанію, подобно Іову, ни разу не дала безумія Богу ропотомъ на свою судьбу.

Она оставила по себѣ трогательныя записки о претерпѣнныхъ ею скорбяхъ, писанныя ею для сына и невѣстки.

Эти записки напечатаны были впервые внукомъ ея, княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ въ журналѣ «Другъ юношества», 1810 года, потомъ въ сказаніи о родѣ князей Долгорукихъ, кн. П. В. Долгорукаго (С.-П.-Б., 1840), и наконецъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1867 г., кн. I). Прослѣдивъ по нимъ и по другимъ правительственнымъ матеріаламъ жизнь этой незабвенной для сердца русскаго страдальцы, архимандритъ Леонидъ въ своемъ очеркѣ Борисовской обители говорить: «считаю ее въ особенности поучительною для тѣхъ, которые, посвятивъ себя жизни иноческой, почему-бы то ни было еще не вполне отрѣшились отъ мірскихъ пристрастій и обманчивости земныхъ надеждъ и счастья, и потому могутъ иногда увлекаться помыслами о нихъ. Слѣдующее мѣсто этихъ записокъ вполне обозначаетъ христіанскія чувства писательницы и показываетъ цѣль, которую она имѣла при описаніи своей скорбной жизни. «Господи! Дай силы, говорить Наталья Борисовна, изъяснить мои бѣды, чтобы я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобы, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствованія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похваюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда бы не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нынѣшнее мое состояніе». Надѣюсь, что выписка сего мѣста изъ записокъ Натальи Борисовны достаточно оправдываетъ насъ въ томъ, что мы нашли умістнымъ приложить краткую біографію этой добродѣтельной женщины къ исторіи дѣвичьей обители, основанной ея знаменитымъ родителемъ».

Оставшись по смерти своего отца пяти лѣтъ, Наталья Борисовна воспитывалась подъ крыломъ милостивой, какъ она

ее называетъ, матери, которая усердно старалась о нравственномъ воспитаніи ея и употребила все возможное къ умноженію ея природныхъ достоинствъ. Однако, пишетъ она, «все мое благополучіе кончилось, смерть меня съ нею разлучила, я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ. Это первая бѣда меня встрѣтила. Сколько я ни плакала, только еще все недоставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ». Дорожа паче всего добрымъ именемъ, молодая графиня рѣшилась вести жизнь уединенную въ домѣ брата своего, отказавшись отъ всякихъ удовольствій. Замѣчая причину этого, она говоритъ: «правда, что въ тогдашнее время (въ первой половинѣ XVIII столѣтія) не такое было обхожденіе въ свѣтѣ; очень примѣчали поступки молодыхъ, или знатныхъ, дѣвушекъ; тогда не можно было такъ мыкаться, какъ нынѣшній вѣкъ» (писано между 1757—1771 годами). «Я свою молодость плѣнила, продолжаетъ она, разумомъ, удерживая на время свои желанія, заранѣе пріучила себя къ скукѣ. И такъ я жила послѣ матери своей два года». Многія ли дѣвушки нашего времени, нерѣдко посмѣвающіяся старинѣ, такъ разсуждаютъ и столько заботятся о самовоспитаніи въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ!

Вскорѣ лучшій повидимому жребій представился для Натальи Борисовны: князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, любимецъ Императора Петра II, родной братъ его невѣсты, оберъ-камергеръ Высочайшаго двора, маіоръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго, 22 лѣтній юноша красивой наружности, ума пылкаго, ловкій, вкрадчивый, началъ искать руки и сердца княжны Наталіи и получилъ желаемое. Разсказывая объ этомъ, она замѣчаетъ: «и я ему отвѣтствовала, любила его очень, хотя и никакого знакомства не имѣла съ нимъ прежде, нежели онъ моимъ женихомъ сталъ: но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила». Императорская фамилія, иностранные министры, придворные чины, весь

генералитетъ присутствовали при обрученіи ихъ, которое совершалъ архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ, 24 декабря 1729 года. Перстень жениха былъ въ 12000 рублей, невесты въ 6000. Родственники Долгорукаго осыпали Наталью Борисовну богатыми дарами. «Мнѣ казалось, пишетъ она, по моему малодушію, что все это прочно и на цѣлый мой вѣкъ станетъ, а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, а все на часъ... Это мое благополучіе не болѣе продолжалось, какъ отъ декабря 24 дня по 18 день января. Тутъ моя обманчивая надежда кончилась; со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давыда, Іонаѳаномъ: лизнулъ медку, и за то пришлось было умереть; такъ и я: за двадцать шесть дней благополучныхъ или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придется безъ малаго!» 18 января, 1730 года, скончался отъ оспы Императоръ Петръ II въ цвѣтѣ лѣтъ, когда начиналъ жить для себя и для Россіи. Лишь только горестная вѣсть сдѣлалась извѣстною Натальѣ Борисовнѣ, сердце ея замерло, она упала безъ чувствъ, и когда опомнилась, повторяла только: «ахъ пропала, пропала!» какъ будто предвидя плачевную участь свою. Тщетно окружающіе старались ее утѣшить, нѣкоторые даже совѣтовали: «можно де, этому жениху отказать, когда ему будетъ худо». «Предложеніе это такъ мнѣ тяжело было, пишетъ Наталія Борисовна въ своихъ запискахъ, что я ничего не могла на то отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе: какая мнѣ это радость, и честная ли совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому совѣту согласія дать не могла; и такъ положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердцу, жить, или умереть, вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла, прибавляетъ къ сему, такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ

любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумію Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя мужа моего, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла». Такъ-то высоки и чисты были понятія древней русской женщины о своихъ семейныхъ обязанностяхъ! Но продолжимъ рассказъ о дальнѣйшей судьбѣ Наталіи Борисовны. Вечеромъ въ тотъ плачевный день, когда скончался Императоръ, пріѣхалъ Долгорукій къ невѣстѣ своей и проливалъ вмѣстѣ съ нею слезы о кончинѣ своего благодѣтеля. Тогда же женихъ и невѣста поклялись взаимно: «быть неразлучными до смерти своей». Предчувствія Наталіи Борисовны не обманули ее: «куда дѣвались искатели, друзья? Всѣ спрятались, «и ближніе отдалече мене сташа», говоритъ она, всѣ насъ оставили въ угодность новымъ фаворитамъ». Въ сіе время совершалось погребеніе Государя. Наталія Борисовна смотрѣла на погребальное шествіе изъ окна своего дома, обливаясь слезами. Вскорѣ Императрица Анна Ивановна имѣла торжественный въѣздъ въ Москву при громѣ орудій и съ колокольнымъ звономъ во всѣхъ церквахъ. Наталія Борисовна желала взглянуть на преемницу Петрову, въ рукахъ которой находилась участь ея, и когда Монархиня шествовала въ соборъ, дочь Шереметева, стоя у одного окна во дворцѣ, въ послѣдній разъ видѣла Долгорукаго на лошади, предъ Преображенскимъ полкомъ отдававшего честь Государынѣ. Радостныя восклицанія народа, военная музыка, бѣглый огонь изъ ружей, живо напоминали Наталѣ о погребеніи Императора, за нѣсколько дней предъ тѣмъ совершенномъ, о сѣтованіи того же самаго народа. Она послѣдила въ домъ свой, и на дорогѣ, проѣзжая мимо солдатъ, стоявшихъ въ строю, слышала утѣшительные отголоски: «Матушка наша! лишились мы своего Государя!» Но другіе кричали: «прошло ваше время, теперь не старая пора!» Слыша это, Наталія,

какъ изъясняется сама, «не взвидѣла тогда свѣта, и не знала отъ стыда, куда ее везутъ и гдѣ она?» Долгорукіе имѣли множество враговъ, да и какой любимецъ счастья не имѣетъ ихъ? Но главный врагъ дома Долгорукихъ былъ нѣмецъ Биронъ, любимецъ Императрицы, котораго пріѣзду въ Россію сопротивлялись они, человѣкъ жестокій, мстительный. Съ прибытіемъ его изъ Митавы возникли разнаго рода преслѣдованія противу Долгорукихъ. «Биронъ публично говаривалъ, пишетъ Наталія, дома той фамиліи не оставлю», что онъ не напрасно говорилъ, но и въ дѣло произвелъ». Сперва старался онъ узнавать ласками отъ бывшихъ друзей опальныхъ царедворцевъ, не причинили-ль Долгорукіе кому обидъ, не брали-ли взятокъ? Потомъ велѣлъ объявить Указомъ, чтобы всякій безъ опасенія подавалъ самой Государынѣ челобитныя на Долгорукихъ. Разнеслась тогда молва, что ихъ сошлутъ въ ссылку, лишатъ званія, чиновъ и орденовъ. Описывая свои нравственныя томленія по поводу этихъ слуховъ и событій, Наталія Борисовна краснорѣчиво замѣчаетъ о страшной и не для нея одной порѣ: «куда какое это злое время было! Мнѣ кажется, при Антихристѣ не тошнѣе того будетъ; кажется, въ тѣ дни и солнце не свѣтило...» Но посмотримъ, на что рѣшилась въ этихъ смутныхъ обстоятельствахъ доблестная Наталія. Вѣрная своей клятвѣ, она успѣшила соединить участь свою съ несчастливцемъ, несмотря на злобу, его преслѣдовавшую, на гибельныя предвѣщанія. Братъ ея Петръ Борисовичъ Шереметевъ былъ боленъ; изъ многочисленныхъ родственниковъ только двѣ свойственницы Наталіи, престарѣлыя вдовы, приняли участіе въ горестномъ положеніи ея, согласились проводить дочь Шереметева въ подмосковную Долгорукихъ, гдѣ все семейство ихъ имѣло въ то время пребываніе. Она пріѣхала въ одной каретѣ, какъ «бѣдная сирота». Ихъ обвѣнчали въ сельской церкви. На третій день послѣ свадьбы, молодые намѣревались ѣхать въ городъ къ родственникамъ «рекомендовать себя въ ихъ ми-

лость»; вдругъ объявляютъ, что прибылъ оберъ-секретарь сенатскій къ князю Алексію Григорьевичу. Сбылось горестное ожиданіе: Высочайшимъ Указомъ велѣно имъ чрезъ три дня отправиться въ дальнія деревни. Они выѣхали изъ Москвы на собственныхъ лошадяхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, во время самой распутицы, когда всѣ луга были потоплены водою, маленькіе разливы казались озерами. Одна только бывшая гувернантка Наталья Борисовны доказала свою привязанность къ своей воспитанницѣ, вызвавшись сопутствовать ей въ мѣсто ссылки, удаленное отъ столицъ на 800 верстъ. Не успѣли они отъѣхать 90 верстъ, какъ настигъ ихъ капитанъ гвардіи (Петръ Воейковъ), имѣвшій повелѣніе отобрать у Долгорукихъ ордена (по манифесту 14-го апрѣля, 1730 г.). Послѣ трехнедѣльныхъ странствій, исполненныхъ разныхъ непріятностей и опасностей, наконецъ они пріѣхали въ свою деревню, находившуюся на половинѣ дороги къ мѣсту ихъ назначенія (селище, въ 6 верстахъ отъ Касимова, на дорогѣ въ Елатьму). Три недѣли они прожили здѣсь и уже готовились отправиться въ дальнѣйшій путь, какъ прискакалъ къ нимъ офицеръ гвардіи (капитанъ-поручикъ Артемій Макшеевъ), сопровождаемый 24 солдатами, и тотчасъ у всѣхъ выходовъ поставилъ часовыхъ съ примкнутыми штыками. Нѣжная Наталья, не вѣдая, что съ ними послѣдуетъ, опасалась одного только: «чтобы не разлучили ее съ супругомъ, ухватилась за него, не отпускала отъ себя». Въ тотъ же день (24-го іюня) выѣхали они въ своихъ экипажахъ изъ деревни, сопровождаемые офицеромъ и солдатами; въ дорогѣ узнала Наталья отъ князя Ивана, что велѣно ихъ отправить въ Березовъ, за 4000 верстъ отъ столицы, и тамъ содержать подъ строжайшимъ карауломъ; не дозволено никуда ходить, исключая церкви, никого къ себѣ не принимать, переписки ни съ кѣмъ не имѣть, бумаги и чернила намъ не давать. «Вотъ любовь до чего довела, пишетъ Наталья въ своихъ запискахъ: все оставила, и честь, и бо

гатство, и сродниковъ; стражду съ нимъ и скитаюсь: этому причина—все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ былъ въ моемъ сердцѣ; мнѣ казалось, что онъ для меня родился, и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. Я по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что Онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнь свою заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и всякія бѣды сносить, могу сказать безпримѣрныя бѣды». Записки Натальи Борисовны, къ сожалѣнію, прекращаются съ пріѣздомъ ея въ Березовъ (на островъ между рѣкъ Сосвою и Вогулкою), по прибытіи въ который (24-го сентября) несчастное семейство помѣщено было, по распоряженію Бирона, въ острогѣ: княгинѣ Натальѣ съ супругомъ отведенъ былъ пустой амбаръ (по другимъ свѣдѣніямъ, въ просторномъ невысокомъ, деревянномъ домѣ, близъ каменной церкви Рождества Богородицы, въ островѣ), гдѣ дочь фельдмаршала графа Шереметева, 16-лѣтняя женщина, взросшая среди всѣхъ благъ міра сего, прожила 11 лѣтъ! Что она тамъ перенесла, можно себѣ вообразить, но описать трудно. Тамъ прижила съ Долгорукимъ нѣсколько дѣтей, изъ коихъ пережили младшій возрастъ только два сына: Михаилъ и Дмитрій. Послѣ 8-лѣтняго заключенія, когда Долгорукіе начали думать, что враги уже забыли объ ихъ существованіи, вдругъ неожиданно новый ударъ поразилъ чету, достойную сожалѣнія! Въ 1739 году князь Иванъ Алексѣевичъ схваченъ былъ неожиданно ночью, по приказанію мстительнаго Бирона, который считалъ необходимымъ стереть его съ лица земли, какъ опаснаго для кровожадной власти его. Быстро помчали несчастнаго изъ хладной Сибири, гдѣ забытый людьми, вкушалъ онъ жизнь безмятежную, пріобрѣтенную изнурительными испытаніями. Не свобода, не милосердіе, но тягчайшія оковы, смерть лютѣйшая, ожидали его въ Нов-

городѣ, куда онъ былъ перевезенъ: молодой князь умеръ подобно св. Іакову Персянину. Когда отрубили ему правую руку, страдалецъ сказалъ: «благодарю Тебя, Господи»; отсѣкли лѣвую ногу, и онъ продолжалъ: «яко сподобилъ мя еси»; съ отсѣченіемъ лѣвой руки окончилъ: «познать Тебя, Владыко».

Три года несчастная Наталья оплакивала мужа, не зная участи, его постигшей. Императрица Елисавета Петровна возвратила ей свободу и прежнее званіе, но не могла возвратить счастья: Долгорукаго не было уже на свѣтѣ! Узнавъ объ его мученической кончинѣ, неутѣшная супруга соорудила надъ могилою его, внѣ города, на крови, каменную церковь въ честь Рождества Христова.

По возвращеніи изъ Сибири, Наталья Борисовна проживала постоянно въ Петербургѣ, въ домѣ своего брата графа Петра Борисовича. Тщетно Государыня, для разсѣянія скорби неутѣшной вдовы, приглашала ее къ своему двору, принуждая раздѣлять увеселенія онаго. Наталья, вѣрная памяти своего супруга, казалась еще болѣе несчастною среди радостей и забавъ, чуждыхъ ея сердцу. Когда же и младшій сынъ ея подросъ и пришло время выпустить его въ свѣтъ, она сама свѣтъ покинула, удалилась въ Кіевъ (марта 20), и тамъ, во Фроловской дѣвичьей обители, пріяла Ангельскій образъ подъ именемъ Нектаріи (27 сентября 1753 г., на 45 году жизни своей). Повѣствуютъ, что наканунѣ постриженія, взойдя на высокій берегъ широкаго Днѣпра, она сняла съ руки своей обручальное кольцо и бросила его въ быстрыя волны Днѣпровскія. И въ монастырѣ предлагались ей почести: Нектарія смиренно ихъ отвергнула. Черезъ десять лѣтъ, испытавъ себя въ подвигахъ иноческихъ, монахиня Нектарія пожелала принять схиму 18 марта 1767 года, и въ ней провела остатокъ дней своихъ, приготовляя себя сугубыми трудами постничества къ переходу въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ печали, ни воздыханія. Когда Екатерина Великая вступила

на престолъ, и для Россіи начался новый вѣкъ, старица Нектарія изъ сѣни уединенія привѣтствовала новую Монархиню письмомъ, и получила въ отвѣтъ, отъ 26 іюня 1763 г. слѣдующій рескриптъ: «Честная мать! Письмо ваше, отъ 12-го іюня, я получила, за которое и за присланную при семь икону Пресвятой Богоматери, также за усердныя желанія ваши, много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ будьте увѣрены, что по справедливости милостію и покровительствомъ Моимъ оставлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и пребуду вамъ всегда благоклонна. Екатерина».

Наконецъ, и Нектарія достигла общаго предѣла нашего бытія. Кончина ея, послѣдовавшая 3-го іюля 1771 г., была тиха и величественна, какъ заря прекраснаго лѣтняго дня. Въ заключеніе приведемъ здѣсь послѣднее письмо ея къ сыну и невѣстѣ, писанное въ предсмертной болѣзни: оно ясно свидѣтельствуетъ о добромъ душевномъ устроеніи монахини Нектаріи, при конечномъ истощеніи физическихъ силъ: «не хотѣлось мнѣ, пишетъ она, пропустить почты, не давъ вамъ знать объ себѣ, что я еще жива. Благодаря Бога, хотя въ слабости, однако все съ радостію принимаю и васъ Богомъ прошу не тужить обо мнѣ. Богъ властенъ изъ мертвыхъ воскресить—вить, когда же нибудь надо умирать! Надо во всемъ повиноваться власти Божіей—только бѣ Богъ грѣхи мои отпустилъ. Великую нужду терплю въ питьѣ: всѣ сыропы сладкіе опротивили; когда бѣ можно достать, хотя лимоновъ пять прислать. Тоже моя бѣда, что кашлю нечѣмъ помочь: теплаго нельзя мнѣ пить».

Препоручаю васъ Богу, оставляю миръ и благословеніе.

Жизнь ея продолжалась 56 лѣтъ и была образцомъ всего, что можетъ добродѣтель, основанная на религіи, противъ гоненій человѣческихъ. Прахъ незабвенной страдальцы покоится въ Кіево-Печерской лаврѣ, при самомъ входѣ въ соборъ: такимъ образомъ она заняла для смертнаго покоя то

мѣсто, которое было предназначилъ себѣ въ завѣщаніи ея благочестивый родитель. Думалъ ли онъ объ этомъ, когда писалъ свое завѣщаніе? Могъ ли также предполагать, основывая въ своей любимой Борисовкѣ обитель для успокоенія посвятившихъ себя на служеніе Богу старицъ, что, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, блестящая умомъ и красотою дочь его также найдется вынужденною прибѣгнуть подъ кровъ иноческой обители, чтобъ сокрыть въ ней неразлучную спутницу своей жизни—печаль, и окончить многострадальную жизнь свою подъ именемъ схимонахини Нектаріи! Но кто уразумѣетъ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть? Мы знаемъ и вѣруемъ, что все путіе Его—милость и животъ взыскующимъ завѣта Его и хранящимъ заповѣди Его, а жизнь Натальи Борисовны доказываетъ, что она была изъ числа тѣхъ, которыя вѣру свою засвидѣтельствовали благими дѣлами, за что и «уготовася имъ, по слову Писанія, вѣнецъ живота »).

Памяти матери Нектаріи (княгиня Наталья Борисовна Долгорукая).

Изъ стиховъ И. И. Козлова.

Часть первая.

I.

Большой Владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница молодая;

*) См. „Историческое описаніе Борисовской Тихвинской Дѣвичей пустыни“, составленное по монастырскимъ документамъ и записямъ архимандритомъ Леонидомъ. Посвящается памяти незабвеннаго благодѣтеля сей обители, графа Д. Н. Шереметева, скончавшагося о Господѣ 12-го сентября, 1871 года. Изданіе Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва. 1872 года.

Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
«Какъ быть? Москва въ семи верстахъ;
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна».

II.

Она идетъ, и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,
И вотъ въ село тропинка вьется:
Она туда дойдетъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдется.
Уже, пылая между тучъ,
Зари багровой гаснетъ лучъ;
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонной,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумить;
Ея младенецъ полусонной
Озябъ, и плачетъ, и дрожить.
Она спѣшить въ пріютъ укропной,
Подходить скоро къ рощѣ темной,
Но, чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоить уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье,
Ей будто страшно то селенье;
Нейдетъ въ него, нейдетъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ.
«О, если тамъ!.. А миѣ таится
Велитъ судьба... быть можетъ... нѣтъ!
Кому узнать!.. и сколько лѣтъ!
Забыто все; но вечеръ тмится,
Пора!» И къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,

Потомъ пошла, махнувъ рукой,—
И скрылася въ тѣни густой.

III.

За рощей темною въ долинѣ,
При зеркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло;
Высокихъ липъ въ тѣни зеленой
Хоромы барскіе стоятъ;
Они видъ древности хранятъ;
Въ гербѣхъ подъ графскою короной
Щитъ красный въ полѣ золотомъ
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ
Съ двумя блестящими крестами,
А въ полѣ свѣтломъ мечъ съ копьемъ
И полумѣсяцъ вверхъ рогами.
Но садъ, и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты
Въ забвеньи долгомъ сиротѣли.
Хозяинъ, честь страны родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простяся съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живетъ наслѣдникъ молодой;
А здѣсь одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины,
И рода знатнаго преданья...
Священный отзывъ старины.

IV.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,

Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатѣ догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонила къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами,
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтель праведной душою;
Покойный графъ его любилъ;
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ святъ душѣ его смиренной;
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со Шведомъ воевалъ,
И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

У.

Но, полонъ важности старинной,
Святаго старца кротокъ видъ;
На немъ подрясникъ объяринной,
И катауръ широкой шить
Узорно яркими шелками,
И на груди его висить
Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ:

Одинъ монахъ съ Аѳонскихъ горъ
 Тотъ крестъ принесъ. Его обитель
 Была убога и скромна
 И, какъ ея радушный житель,
 Какой-то святости полна;
 Въ углу, въ серебряномъ окладѣ
 Икона Спасова блестить,
 И передъ ней огонь горить
 Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
 На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
 Бумага, перья подлѣ нихъ;
 У зеркала часы стѣнные,
 Портретъ, задержанный тафтой,
 Двѣ канарейки выписныя,
 И полотенце съ бахромой
 Виситъ на вербѣ восковой.

VI.

Уже готовъ идти молиться,
 Да сидеть тихъ грядущій сонъ,
 Бесѣды Златоуста онъ
 Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
 Легонько кто-то у воротъ,
 И кто-то на крыльцо идетъ,
 А дверь шатнулась: у порога
 Съ младенцемъ путница стоитъ,
 И голосъ жалобный дрожить,
 Прося ночлега ради Бога.

VII.

«Войди подъ мой убогій кровъ»,
 Сказалъ онъ ей: «пора ночная,
 Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ,
 И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;

Переночуй, ты съ новымъ днемъ
Пойдешь опять своимъ путемъ». .
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго крестить,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говорить;
Но, и блѣдна, и боязлива,
Она сидѣла молчалива,
На рѣчь привѣтную его
Полусловами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на темный садъ,
Какъ будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то;
И вдругъ, то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.

VIII.

Души встревоженной волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ,—и старца въ ней
Дивило все. «Не та осанка,
Не тѣ ухватки въ деревняхъ;
Видна не грубая крестьянка
Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;
Въ ней горестъ тихая пріятна,
И хоть блѣдна, но какъ опрятна
Одежда путницы простой!
На пальцѣ перстень золотой...
Куда-жъ теперь не въ часъ урочный
Одна дорогою большой?..
Ахъ, нѣтъ, какъ ангелъ непорочный

Она глядитъ, и за нее
Порукой сердце мнѣ мое!»

IX.

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить,
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Ее невольно помирить,
Онъ, какъ родной, ее ласкаетъ,
И веселить, и начинаетъ
Разсказъ любимой старины;
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній.
И думы, грустью стѣснены,
Далеко мрачныя летали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,
И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
«Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?»

Путница.— Я, мой отецъ?..

Священн. «Твоя тоска,
Повѣрь, къ душѣ моей близка;
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты; мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ».

Путница. — Ахъ, мнѣ тяжело жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

Священн. «Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!»

Путница. — И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова...

Священн. «Такъ Богъ велѣлъ; предъ Нимъ смиришь,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи—въ страданьи благодать!»

Путница.— Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются поневолѣ.

Священн. «Не бойся волю дать слезамъ;
Но только, слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ Небесамъ;
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ,
Сказалъ Господь».

Путница. — О, рѣчь святая!
Отраднѣе ты.

Священн. «И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя прожить!
Твой, мой другъ, молодые годы
Не расцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты блѣдна:
Тебя судьба не баловала,
Къ веселой участи она
Ничѣмъ тебя не приучала;
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ...
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ—бояринъ межъ бояръ,
Петровой правою рукою,
И прямо русскою душою
Отчизну и царя любилъ;
Былъ славенъ, въ золотѣ ходилъ,

И что же? Дочь его родная
 Не знает радости земной,
 И гибнетъ въ бурѣ роковой,
 Какъ гибнетъ травка полевая...
 Суди-жъ, дивна-ль судьба твоя?
 Она была не ты».

Путница.

— Не я!

Священн. «Давно отъ насъ она ужъ скрылась;

Но все живетъ въ душѣ моей.

Я расскажу тебѣ о ней:

Почти при мнѣ она родилась,

Я на рукахъ ее носилъ,

Ребенкомъ грамотѣ училъ,

И здѣсь куда, мой другъ, ни взглянешь,

Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.

Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ березъ,

Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:

Она сама его садила;

Онѣ цвѣтутъ... ее одну

Печаль такъ рано сокрушила:

Она одна свою весну

Отъ нихъ далеко погубила.

Теперь я вижу, есть у насъ

Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:

Она, забавы убѣгая,

Въ шуму роскошнаго села

Тиха, задумчива росла,

Какъ будто горя ожидая,

Покорна будущей судьбѣ.

Могу-ль я выразить тебѣ

Весь жаръ усердія святаго

Сыскать, утѣшить нищету?

Въ слезахъ ли видитъ сироту;

Родная бѣдствія чужаго,

Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогого,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ, лицо твое
Напоминаетъ мнѣ ее;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи темно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ.
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе;
Не диво: солнце и морозъ
Ее въ поляхъ не заставляли,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ..

X.

И дружно путницѣ смятенной
Священникъ руку протянулъ,
И ярко взоръ его блеснулъ,
Воспоминаньемъ оживленной.
Онъ разсказалъ о той порѣ,
Когда ей радость ложно снилась,
И какъ звѣздою при Дворѣ
Въ семнадцать лѣтъ она явилась.
Тогда чинами и красой,
Невѣсты царской братъ родной,
Сіялъ надменный Долгорукой;
Онъ межъ бояръ и межъ князей

Ея очамъ былъ всѣхъ милѣй.
 Съ нимъ бракъ надежною порукой
 Казался всѣмъ, что вѣчно ей
 Не знать ни слезъ, ни скорбныхъ дней.
 Невольно старецъ вздохъ тяжелой
 Стѣснилъ, и съ важностью веселой
 Завелъ онъ рѣчь про ихъ сговоръ,
 Какъ духовенство, пышный Дворъ
 Бояръ вельможныхъ посѣтили,
 Какъ царь пріѣхалъ, какъ при немъ
 Чету младую обручили,
 И какъ восточнымъ жемчугомъ
 Невѣсту милую дарили;
 Межъ тѣмъ, прелестная, она
 Стыдливо съ женихомъ сидѣла,
 И, тихой радости полна,
 То улыбалась, то краснѣла;
 А, другъ веселости живой,
 Кругомъ шелъ кубокъ золотой,
 Въ бесѣдѣ шумной и привѣтной,
 И щить зажегся разноцвѣтной,
 И хоръ гремѣлъ, и до утра
 Народъ, толпясь, кричалъ: ура!

XI.

«И кто бы, кто подумалъ прежде»,
 Такъ продолжалъ, вздохнувши, онъ:
 «Что радость измѣнить надеждѣ,
 Что счастье ихъ—минутный сонъ!
 Неумолимая гробница
 Схватила юнаго царя
 Отъ двухъ вѣнцовъ, отъ алтаря;
 Напрасно блещетъ багряница
 И ждетъ княжна: всему конецъ!..

Женихъ и царь уже мертвецъ!
Затмились вдругъ мечты златыя,
И Долгорукаго семья
Погибла съ нимъ; чины, друзья
Исчезли, степи ледяныя,
Изгнанья горестный предѣлъ,
Любимца падшаго удѣлъ;
Но, жизни узнавая цѣну,
Когда во всемъ онъ зрѣлъ измѣну,
Невѣста юная одна
Ему осталася вѣрна;
Его подругою, душою
Съ нимъ въ ссылки цѣлыхъ восемь лѣтъ
Она жила; но и съ женою
Онъ разлученъ...»

Путница. — И слуха нѣтъ
О немъ?

Священн. «Я помню, какъ родные
Тогда давали ей совѣтъ
Расторгнуть узы роковыя,
Покинуть друга своего.
И при Дворѣ не трудно-бъ снова
Найти ей жениха другого.
Нѣтъ, не покину я его,
Она въ слезахъ имъ говорила;
Я счастливымъ его любила,
Онъ и въ несчастьи все мнѣ милъ:
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ.
Но ты, я вижу, улыбнулась;
Такъ вѣрь, не вѣрь: ни вѣчныхъ слезъ,
Ни гордой мести, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась:
На все съ нимъ вмѣстѣ рѣшена,
И въ даль, и хладъ...»

Путница. — Она любила!

Не ссылка бѣдную убила;
 Была разлука ей страшна!..
 Скажи, гдѣ онъ?

Священн. «Какъ ты блѣдна!

Ты плачешь?»

Путница. — Плачу!.. Ахъ, она

О томъ лишь Небо умоляла,
 Чтобъ въ нищетѣ, въ глуши степной,
 Но вмѣстѣ жизнь ихъ протекала,
 Чтобъ счастье ихъ!..

Священн. «О, сонъ пустой!

Имъ счастье, тамъ?»

Путница. — Отецъ святой,

Нестрашно съ другомъ заточенье:
 Съ нимъ есть и въ горѣ наслажденье.

Священн. «Въ степяхъ лишь тотъ привыкнетъ жить,

Кому здѣсь не о чемъ тужить;
 Но ей, взлелѣянной на радость,
 Откинуть свѣтлыя мечты,
 Губить красу свою и младость,
 Подъ кровомъ душевною нищеты!
 Ей счастье?.. Нѣтъ»!

Путница. — Чѣмъ жертва болѣ,

Тѣмъ пламенной душѣ милѣй
 Сердечный спутникъ грустныхъ дней:
 И межъ снѣговъ, и въ низкой долѣ,
 Когда въ ихъ юртѣ недрѣ пылалъ,
 И другъ ей молча руку жалъ,
 Когда дѣтей она ласкала,
 Отъ ихъ младенческой игры,
 Когда душа въ ней расцвѣтала,
 Ужель она не забывала

Москву и царскіе пиры
И всѣхъ забавъ очарованья?

Священн. «Тебѣ какъ знать?»

Путница. —Гдѣ онъ? что съ нимъ?

Иль ждать за гробомъ ей свиданья,
И въ небесахъ назвать своимъ?

Священн. «Мы здѣсь въ тиши уединенья

И за нее, и за него
Льемъ къ небу жаркія моленья,
Но мы не знаемъ ничего».

Путница.—И не нашлося никого,

Кто-бъ защитилъ?

Священн. «Гдѣ правый сильный,

Кто-бъ за несчастье грудью сталъ?

О, если-бъ сонъ прервавъ могильный,
Бояринъ Шереметевъ всталъ!

Онъ злобу съ хитрой клеветою

Сразилъ бы истиной святою;

Онъ могъ изгнаннику помочь,

Онъ спасъ бы гибнущую дочь.

Но знай, и ты, ему чужая,

И ты, о, путница младая,

Когда-бъ онъ былъ еще въ живыхъ,

Недаромъ здѣсь бы ночевала;

Повѣрь, горячихъ слезъ твоихъ

При немъ бы ты не проливала,

И въ путь не нищею пошла

Изъ Шереметева села!»

XII.

Онъ говорилъ, она дрожала,

Сказала что-то, замолчала,

Во взорѣ тмился Божій свѣтъ,

Но старецъ кажетъ на портретъ,

Который въ рамѣ золоченой
Задержнута былъ тафтой зеленой.
Онъ снялъ тафту и молвилъ ей:
«Вотъ онъ, взгляни и пожалѣй!»
Написанъ кистью мастерскою,
За шпагу ухватясь рукою,
Въ мундирѣ, въ лентѣ голубой,
Фельдмаршалъ смотритъ, какъ живой.
Ей мнится, давняя могила
Подпору бѣдной возвратила;
Въ смятеньи робкомъ передъ нимъ
Она колѣна преклоняетъ,
Зоветь его отцомъ своимъ,
Къ нему младенца поднимаетъ;
Казалось, взоръ ея молилъ,
Чтобъ сына онъ благословилъ,
Ей мнится, будто къ ней несется
Привѣтъ любви издалика.
Но вдругъ мятежная тоска
Съ порывомъ новымъ въ душу льется.
Волнуясь грозною мечтой,
Она свой перстень золотой
Къ устамъ, рыдая, прижимала,
И распущенною косою
Лазурны очи отирала;
Невольный трепеть, дикій взглядъ
О чемъ то страшномъ говорить.
Безмолвно старецъ изумленной
Молилъ Творца о сокрушенной;
Онъ понялъ, что единый Богъ
Ея печаль утѣшить могъ;
И старца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой

Неукротимое страданье,
Гласило все о черныхъ дняхъ,
О дняхъ отравленныхъ бѣдою,
И безнадежностью земною
Въ священный приводило страхъ.
Одинъ, тревогамъ непричастный,
Младенецъ тихій и прекрасный,
Не зная, что и жизнь, и рокъ,
Грозой нетронутый цвѣтокъ,
Съ улыбкой, съ ясными очами,
На грудь родимую припалъ,
И влажными отъ слезъ кудрями,
Безпечный, весело игралъ.

XIII.

Но скоро стонъ ея метежной
Умолкъ, и грустью безнадежной
Залегъ въ сердечной глубинѣ;
И, при печальной тишинѣ,
Уже неволью часъ полночи
Сомкнулъ у всѣхъ усталы очи.
Младая путница одна
Разсвѣта ждетъ, не зная сна;
Стремится думою далеко:
Но что готовить рокъ жестокой?
Какую вѣсть она найдетъ
Нѣтъ силы ждать; она встаетъ,
Младенца будить поцѣлуемъ:
«Когда бъ ты зналъ, гдѣ мы ночуемъ,
Дитя мое!...» И въ томну грудь
Желанье новое тѣснится,
И передъ тѣмъ, какъ удалиться,
Еще ей хочется взглянуть
На то село, гдѣ ночевала,

Село... И тихо, тихо встала,
И начала собираться въ путь:
Иконѣ Спаса помолилась
И низко старцу поклонилась,
Который долго не смыкалъ
И самъ очей, но предъ зарею
Склоняся на плечо главою,
Въ широкихъ креслахъ почивалъ;
И вотъ стопою торопливой
Въ тѣнистый садъ она спѣшитъ,
И взоръ ея нетерпѣливой
Живѣе, пламенный горитъ.

XIV.

Чуть видная межъ облаками,
Луна послѣдними лучами
Свѣтила съ пасмурныхъ высотъ;
Березы надъ прудомъ дремали,
И тѣни шаткія дрожали
На зыбкомъ лонѣ сонныхъ водъ.
О, какъ у бѣдной сердце билось!
Въ какихъ терялося мечтахъ!
Но хоть страданьемъ утомилось,
Хоть очи грустныя въ слезахъ,
А все улыбка на устахъ.
Казалось, будто ей знакомы
Пустые мрачныя хоромы,
Что этотъ лугъ, что этотъ садъ
Не въ первый разъ встрѣчаетъ взглядъ;
Съ прудомъ, деревьями, цвѣтами,
Минувшимъ вдругъ оживлена;
Какъ съ незабытыми друзьями,
Опять увидѣлась она;
Хоть все печальнѣй, все небрежнѣй,

Но дышитъ все порою прежней,
Здѣсь все къ себѣ ее манить;
Привѣтъ нѣмой во всемъ находить;
Родную тѣнь лѣсокъ наводить,
Ручей знакомое журчить.
На барскій дворъ она бѣжитъ
И на крыльцо легонько входитъ,
Въ покои темные глядитъ.
Они стоятъ давно пусты;
Но лишь въ окно луна блеснетъ,
И тамъ какъ будто что мелькнетъ,—
То, мнится ей, въ часы ночные
Тамъ бродятъ признаки родные,
Тамъ дышитъ то, чего ужъ нѣтъ:
И все, чѣмъ сердце расцвѣтало,
И что сбылось, и что пропало,
Что обѣщалъ и не далъ свѣтъ,
Что было, есть, любовь, страданья,
Безвѣстность, ужасъ ожиданья,—
Все разомъ гибельной стрѣлой
Въ душевны раны проникаетъ,
И жжетъ, и холодъ гробовой
Въ убитомъ сердцѣ разливаетъ.
Безъ силъ, къ столбу прислонена,
Ужъ не тоскуя, не мечтая,
Сама въ себѣ погребена,
Она стоитъ полуживая...
Но святость горя и любви
Сильнѣе бѣдствія земнаго:
Струя румяная вдали,
Предтеча утра молодого,
Уже зажглась, и съ нею вновь
Рѣшимость, горе и любовь
Въ душѣ томящейся проснулись;

Всѣ думы разомъ встрепенулись.
 «Пора, пора! идемъ, идемъ!
 Я тамъ провѣдаю о немъ».
 И, за дубовыя перила
 Хватаясь трепетной рукой,
 Въ тѣнистый садъ она сходила;
 Уже тропинкой луговой
 Бѣжитъ, влекомая мечтой;
 Въ порывахъ быстрого движенья
 Замѣтны тайныя волненья:
 Садовникъ, спящій у воротъ,
 Ее спросонья окликаетъ;
 Она отвѣта не даетъ,
 Прощальный взоръ назадъ бросаетъ
 И въ поле темное спѣшить,
 Гдѣ путь проселочной лежитъ
 Къ Москвѣ и страшной, и желанной,
 И ужъ теряется въ кустахъ
 Съ младенцемъ милымъ на рукахъ,
 И не видна въ дали туманной.
 Но долго быть о ней молвѣ
 У Шереметева въ селѣ...

Часть вторая.

I.

Востокъ алѣя пламенѣть,
 И день заботливый свѣтлѣть;
 Проснулись пташки; въ тихій боръ
 Ужъ дровосѣкъ несетъ топоръ;
 Колосья въ полѣ подъ серпами
 Ложатся желтыми рядами;
 Заутрень сельскихъ дальній звонъ
 По рощѣ вѣтромъ разнесенъ;

Скрипитъ подъ сѣномъ возъ тяжелый,
И заигралъ рожокъ веселый.
О, если бѣ ты, прекрасный день,
Гналъ мрачныя души волненья,
Какъ гонишь ты ночную тѣнь
И сновъ обманчивыхъ видѣнья!
Зачѣмъ ты въ блескѣ молодомъ
Лелѣешь каждую зарю
И вишню солнечнымъ лучемъ,
И ландышъ утренней росой,—
Но сердца, полного тоской,
Не освѣжишь своей красой?

II.

Клубятся въ полдень черны тучи
По раскаленнымъ небесамъ,
И вихрь несетъ песокъ горючій
Съ дороги пыльной по холмамъ;
Въ томлени душномъ жнецъ лѣнивый
Лежитъ въ тѣни, оставя нивы;
Пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ;
Боръ темный шепчетъ и дрожитъ;
Сожженный листъ о стебель бьется;
Все притаилось, все молчитъ:
И вдругъ огонь по тучамъ вьется,
Грохочетъ громъ, съ нимъ дождь и градъ
Въ поляхъ встревоженныхъ шумять.

III.

Въ пріютѣ сторожа лѣсваго
Съ младенцемъ путница ждала,
Чтобъ туча бурная прошла.
Теперь до города роднаго
Ужъ недалеко; путь свершенъ:
Тамъ всѣхъ увидить, все узнать;

Но сердце больше замираетъ.
 Теперь ей снится грозный сонъ.
 Но какъ-то и надежда снится;
 А завтра... завтра все рѣшится;
 Быть-можетъ, завтра будетъ ей
 День страшный, всѣхъ страшнѣе дней:
 Быть-можетъ, завтра въ наслажденье
 Ей было-бъ мрачное сомнѣнье.

IV.

Утихла буря; сводъ небесъ
 Межъ дымныхъ тучъ уже синѣть,
 И ароматомъ дышитъ лѣсъ,
 И какъ свѣжо съ поляны вѣтъ!
 Цвѣты, омытые дождемъ,
 Блестятъ подъ влажнымъ жемчугомъ,
 И солнце вечера спокойно
 Бросаетъ ярко лучъ незнойный.
 Одна дорогою большой,
 Въ прекрасномъ мірѣ сиротой,
 Молитвой ужасъ отгоняя,
 Идетъ страдальца младая;
 Почти ей жаль, что конченъ путь;
 Бѣ ней въ душу страшно заглянуть:
 Прошла пора искать, какъ прежде,
 Минутной радости въ надеждѣ;
 Зіяетъ рокъ... Но вотъ она
 Стоить, дрожить: Москва видна...
 «Хранитель-Ангелъ, дай мнѣ силу!
 Веди меня... не на могилу»;
 И внѣ себя она глядитъ,
 А передъ нею болѣ, болѣ
 Москва видна въ широкомъ полѣ,
 И ужъ вдали замѣтенъ видъ

Стрѣлцкой башни полудикой,
Уже въ очахъ Иванъ-Великой,
Какъ жаръ, вѣнецъ его горитъ;
Глядитъ,—и въ сердцѣ онѣмѣли
Тоска и страхъ: чему нѣтъ словъ,
Что дышитъ тайностью гробовъ,
Напѣвомъ дѣтской колыбели, —
Прокралось въ грудь, и трижды въ прахъ
Передъ Москвой она склонилась,
И съ мрачнымъ пламенемъ въ очахъ
Къ заставѣ близко торопилась;
Но ужъ опять въ душѣ у ней
Волненіе прежнее страстей.
Взгляните, какъ она уныло
То чуть ступаетъ, то бѣжитъ,
И сколько въ грусти боязливой
Неизъяснимаго таитъ!
Нѣтъ, гордый умъ не разгадаетъ,
Что сердце робкое мечтаетъ:
Любовью созданный въ бѣдахъ,
Ее волнуешь новый страхъ.
Чья жизнь въ другихъ, тотъ поневолѣ
Примѣтамъ вѣрить въ темной долѣ:
Она боится, чтобъ монахъ
Ей не былъ встрѣчею печальной,
Чтобъ черный гробъ въ дыму свѣчей,
При звукахъ пѣсни погребальной,
Не испугалъ ея очей;
И голосъ милый, но прощальной,
Вездѣ во всемъ несется къ ней.

У.

Заря давно ужъ догорѣла,
Когда, печальныхъ думъ полна,

Въ родимый Кремль вошла она;
Кругомъ лишь въ сумракѣ бѣлѣла
Его зубчатая стѣна
И крестъ на башнѣ Годуновой
Сіялъ во тьмѣ звѣздою новой.
Идетъ... и въ сердцѣ, и въ мечтахъ
Нетлѣнныхъ раки, царскій прахъ;
Уже встрѣчаютъ тожны взоры
И златоглавыя соборы,
И древній княжескій дворецъ:
Здѣсь, другъ Петра, ея отецъ
Дѣлилъ съ нимъ мудрыя бесѣды,
И праздновалъ свои побѣды;
Тамъ мать ея, въ тиши ночей,
За дочь молилась у мощей;
А тамъ, невѣстой молодою,
Была она Двора красою;
Тогда женихъ... И вдругъ у ней
Ручьями слезы изъ очей.

VI.

Безмолвно бѣдная молилась,
Душой вѣтряясь небесамъ:
И теплой вѣрой оживилась,
Спѣшить въ заветный Спасовъ храмъ:
Нерукотворная икона
Отъ бѣдъ страдальца оборона...
Шагами робкими идетъ
Черезъ темный звучный переходъ,
За ту рѣшетку золотую,
Гдѣ при заботливыхъ отцахъ
Таили жизнь свою младую
Царевны въ свѣтлыхъ теремахъ;
И вотъ повергнулась въ слезахъ

Передъ иконою чудесной:
«Спаси его, Отецъ небесной,
Спаси его, а мнѣ дай знать,
Что съ нимъ, и какъ его искать!»
И мнилось: ангелы внимали
Ея таинственной печали.

VI.

Въ Кремлѣ святая тишина;
Въ Москвѣ на стогнахъ сонъ глубокой;
Уже надъ башнею высокой,
Въ дыму, туманна и красна,
Взошла полночная луна;
Но алый паръ предъ ней рѣдѣть
На темно-синей высотѣ;
Луна полночная свѣтлѣть
Во всей обычной красотѣ;
Сіянье томное трепещетъ
На бѣлокаменныхъ стѣнахъ,
И на соборахъ, на дворцахъ
Струями пламенными блещетъ;
Оно сребристой пеленой
Лежитъ на гладкой мостовой.
Бросаетъ въ стекла искры злата,
И Грановитая Палата,
Какъ бы, внутри освѣщена,
Чего-то дивнаго полна;
И ярко свѣтятся лампы
Сквозь окна узкія церквей,
И чуть замѣтно вдоль ограды
Мерцанье тусклыхъ фонарей.
Все тихо, все святыней дышетъ;
Травую воздухъ не колышетъ,
Лишь одинокій часовой

Прохожихъ глухо окликаеть,
 И только мѣди вѣщій бой
 Молчанье ночи прерываетъ;
 Но миръ ея не возмущенъ:
 Онъ святъ, какъ праведниковъ сонъ.

УШ.

Уныло путница младая,
 Младенца къ персямъ прижимая,
 Сходила съ Краснаго крыльца,
 Дрожала, плакала, блѣднѣла,
 И робкая на камень сѣла
 У озареннаго дворца.
 Невольно душу волновали
 И блескъ минутный юныхъ дней,
 И тѣ святыя дни печали,
 Которыхъ память намъ милѣй...
 Въ грозѣ, ничѣмъ не отразимой,
 Темницу друга раздѣлять,
 Съ нимъ вмѣстѣ плакать, съ нимъ страдать
 Ея надеждою любимой!
 Но сердце, сжатое тоской,
 Тонуло въ думѣ роковой:
 Навѣкъ-ли небо омрачилось?
 Гдѣ онъ? что съ нимъ? Ужель свершилось?
 И, въ немъ забывъ людей и свѣтъ,
 Съ душой, усталою отъ бѣдъ,
 Она сидѣла, чуть дышала,
 Одну мечту другой смѣняла...
 Томяся въ смутной тишинѣ
 Не на яву и не во снѣ...
 Къ ней что-то льнетъ, къ ней что-то вѣтся.
 Она вздрогнула; сердце бьется,
 По жиламъ холодъ пробѣжалъ;

Сквозь сонъ младенецъ закричалъ;
И что-то, будто бы, мелькнуло,
Пошевелилось и вздохнуло...
«Ты здѣсь? Творецъ!.. какой судьбой?
О! ты-ли, другъ, опять со мной?»
И прежнихъ дней товарищъ милой
Предъ ней, встревоженный, унылой,
На свѣтлой площади стоитъ;
Онъ къ ней нейдетъ, не говоритъ,
И зорко на нее глядитъ;
Онъ завернулся въ плащъ широкой;
Онъ въ думѣ мрачной и глубокой,
И чуденъ блескъ его очей,
И блѣденъ ликъ и видъ смущенной
И кольца черныя кудрей
Не вьются къ шеѣ обнаженной.
Сковаль ее внезапный страхъ;
Встаетъ: нѣтъ силъ,—на камень пала
И вѣвъ себя ему въ слезахъ
Младенца соннаго казала.
Какъ будто содрогнулся онъ,
Какъ будто непонятный стонъ
Въ устахъ сомкнутыхъ раздавался;
Недвижимъ, къ ней онъ приближался,
Ужаснымъ чѣмъ-то омраченъ.
Она глядитъ, дохнуть не смѣетъ;
А полная луна свѣтлѣетъ:
И плащъ откинулся слегка,
Выходить медленно рука;
Грудь обнажилась, кровь чернѣетъ
Рубашки бѣлой на краю;
Онъ тихо сталъ передъ женою
И, волосы собравъ рукою,
Съ плечъ поднималъ голову свою:

И, ярко озаренъ луною,
На шеѣ, призракъ роковой,
Темнѣль багровой полосой.

IX.

Творецъ судилъ: навѣкъ страданье
Ея удѣломъ, розно съ нимъ;
Ея земное упованье
Навѣкъ подъ камнемъ гробовымъ.
Съ несчастнымъ страшною разлукой
Печальной жизни цвѣтъ убить;
Одинъ ударъ ихъ двухъ мертвить:
И слезъ Натальи Долгорукой
Никто ничѣмъ не усладить.
Одна ужасная подруга
И въ темну ночь, и въ ясный день
Его страдальческая тѣнь,
Тѣнь мрачная младаго друга,
Неотразимая въ очахъ:
Въ ней жизнь и смерть, любовь и страхъ.
И слухъ ея тревожатъ звуки
Прощальныхъ стоновъ, вопли муки,
И ужасають томный взоръ
Оковы, плаха и топоръ;
Его кровавая могила,
Страша, къ себѣ ее манила;
И долгъ святой велить терпѣть;
Нельзя ни жить, ни умереть:
Она окована судьбою
Межъ мертвецомъ и сиротою.

X.

Промчались годы; но они
Душевной скорби не умчали,

И въ горѣ чувства замирали.
Ахъ, есть еще страшнѣе дни
Дней первыхъ пламенной печали!
Мятежной горести полна,
Какъ бы сражаясь съ судьбою,
Душа, терзанью предана,
Живетъ утратою самою;
Но есть пора: въ томлени бѣдъ
Ни силъ, ни думъ, ни чувства нѣтъ;
Безъ слезъ крушить воспоминанье,
Безъ пламя ѣдкаго страданья
Лишь раны сердца все хранить
Свой тайный, свой холодный ядъ.
Но долгъ завѣтный совершился;
Младенецъ взросъ, свободна мать.
Что дѣлать ей? какъ доживать
Печальный вѣкъ, который тмился
Суровой мглой? и гдѣ искать
Пріюта въ скорби одинокой!
Одинъ есть путь... Она летитъ,
Внушеньемъ вѣры, въ градъ далекій,
Гдѣ подъ Печерской Днѣпръ широкій
Волной священою шумитъ;
Тамъ, горе жизни вѣроломной
Стѣснивъ трудами и мольбой,
Она запрется въ кельи темной
До мирной сѣни гробовой.

XI.

Чей скорбный духъ воспринетъ къ Богу,
Кто вѣры пламенникъ зажжетъ
И бездны скользкую дорогу
Съ Крестомъ Спасителя пройдетъ;
Въ пучинѣ золь тотъ не погибнетъ.
Но, ахъ, когда въ груди у ней—

Когда остынетъ пылъ страстей,
Гроза сердечная утихнетъ!
То робкой думой въ небесахъ,
То, лишь отраду зря въ слезахъ,
Она, въ борьбѣ сама съ собою,
Дрожитъ предъ клятвою святою.
Она у волнъ въ раздумьи сѣла,
Склонила на руку лицо,
На Днѣпръ вздохнувши посмотрѣла,
Сняла вѣнчальное кольцо.
«Свершилось все, навѣкъ свершилось!
И страшной клятвой, съ новымъ днемъ,
Я поклянусь предъ алтаремъ—
Забуть все то, чѣмъ сердце билось.
Кольцо мое... залогъ живой
Межъ праха милаго и мной,
Тебя ждала моя могила!
Въ тебѣ страдальца я любила,
И Небесамъ (Творецъ прости)
Кольца печали и любви
Въ безумствѣ я-бъ не уступила;
Но онъ, онъ самъ въ чудесномъ снѣ,
Онъ въ эту ночь являлся мнѣ;
Онъ мнѣ сказалъ: «покинь земное!
Въ любви есть тайное, святое:
Ей нѣтъ конца; и тамъ я твой!»
То былъ не сонъ». И томны очи
Искали неба въ мракѣ ночи
Съ надеждой, страхомъ и тоской.
И было все покрыто мглой.
Но вдругъ изъ облака густаго
Надъ рощей мѣсяцъ засіялъ;
Нестрашенъ ей терновый путь;
Ей страшно небо обмануть,

Гдѣ свѣтлый міръ безъ разрушенія;
Тамъ живо все, тамъ нѣтъ забвенія:
Душа на вѣчность создана!
Любовь безсмертна, какъ она.
Духъ полонъ вѣры; онъ стремится
До гроба сердце умертвить:
Земной-ли жертвы ей страшиться!
Но какъ ей друга позабыть?

XII.

Настала ночь. Горой крутою
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ,
Кто сходить позднею порою
На склонъ несчастныхъ береговъ?
Она... Зачѣмъ ей одинокой
Идти на Днѣпръ въ ночи глубокой?
Бушуютъ волны на рѣкѣ;
Зарница блещетъ вдалекѣ,
И тучи мѣсяцъ застилаютъ,
И на туманныхъ небесахъ,
Какъ бы забыты въ облакахъ,
Двѣ только звѣздочки мелькаютъ.
Увы! душа ея мрачнѣй
Осеннихъ бурь и мглы ночей!
Онъ такъ свѣтилъ, онъ такъ игралъ,
Какъ радость сердца молодого;
И мракъ ночной предъ нимъ исчезъ,
И на краю родныхъ небесъ
Опять двѣ звѣздочки мелькнули —
И въ яркомъ свѣтѣ утонули.
«О, такъ и мы, душа съ душой,
Утонемъ въ радости святой!»
И вѣрой грудь ея дышала,
И жертва тайная въ мечтахъ...

Она кольцо къ устамъ прижала,
 Оно блеститъ, оно въ волнахъ...
 Въ волнахъ! Но что-жъ? рукой дрожащей
 Въ порывахъ сердца своего
 Она изъ-подъ волны шумящей
 Хотѣла выхватить его;
 Уже рука межъ водъ скользила,
 Но руку, тихо заструясь,
 Волна холодная отбила,
 И, можетъ-быть, въ послѣдній разъ,
 Но слезы хлынули изъ глазъ...
 И межъ кустовъ тропинкой мшистой
 Она пошла къ горѣ крутой,
 И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
 Какъ нѣкій призракъ гробовой.

XIII.

Звонъ громкій, вѣтромъ разносимый,
 Сзываетъ Кіевлянъ во храмъ:
 Навѣкъ сегодня въ жертвѣ зримой
 Земное горе честной схимой
 Передается небесамъ.
 И старъ и младъ съ душой смятенной
 Идутъ смотрѣть обрядъ священной;
 Всѣ разомъ набожной толпой
 Тѣснятся въ монастырь святой.
 Какъ на стѣнахъ его высокихъ,
 На мхомъ подернутыхъ рубцахъ,
 На переходахъ, на столбахъ
 Видна печать временъ далекихъ:
 Вѣка исчезли, храмъ стоитъ,
 Стоитъ незыблемый, огромный,
 И самъ, какъ вѣчность, тайный, темный!
 Граненый рядъ чугуновыхъ плитъ,

Подъ коимъ тлѣетъ прахъ могильный;
Старинной живописи видъ,
И тусклый свѣтъ паникадильный
Во мрагѣ сводовъ вѣковыхъ,
И будто тѣней гробовыхъ
Въ одеждѣ черной хоръ умильный
Поющихъ инокинь святыхъ:
Во всемъ понятенъ гласъ пророчій
Послѣдней нашей длинной ночи.
Однѣ какъ въ радужныхъ лучахъ
Иконы свѣтлыя съ мощами:
Ихъ ризы блещутъ жемчугами,
Алмазы, яхонты въ вѣнцахъ,
И, сыпя жаръ, скользятъ струями
Огонь лампадъ сквозь тонкій дымъ
По ихъ обладамъ золотымъ.
Но ужъ возносится моленье:
Начнется скоро постриженье;
Владыка здѣсь, готово все;
Уже во храмъ ведутъ ее;
Уже звучитъ по мертвыхъ пѣнье;
Въ вадилахъ пышетъ ароматъ;
Ведутъ... и въ храмъ на налоѣ
Крестъ и Евангеліе святое
Передъ иконою лежать,
Подъ ними ножницы блестятъ.

XIV.

Одѣта длинной власяницей,
И ликъ подъ черной пеленой,
Она вошла; уже гробницей
Взята отъ прелести мірской,
Стремяся къ жертвѣ невозвратно,
Посту, трудамъ обречена,

Передъ налосемъ троекратно
Распростиралася она.
Но, искушая страшной долей,
Ее спросилъ святой отецъ,
Стяжаетъ волей иль неволей
Суровый инокинъ вѣнецъ.
Онъ рекъ, да сердца правотою
Отвергнетъ ядъ лукавыхъ стрѣлъ,
Что вѣчный огонь ей будетъ мздою
Иль свѣтлый ангельскій удѣлъ,
И за нее святыя дѣвы
Молитвы теплыя творять;
Уже раскаянья напѣвы
Къ Судьѣ доступному летять.
Что я? кто я?—изгнанникъ рая,
Въ грѣховной безднѣ утопая.
Что жизнь, и разумъ, и краса?—
Цвѣтокъ увядшій, дымъ, роса.
Но Онъ Своей щедроты бездной,
Онъ милосердый Царь надзвѣздной,
Услышитъ вопль мой; Онъ меня
Спасетъ отъ вѣчнаго огня.
Но вотъ и ножницы блеснули,
Невольно въ храмъ всѣ вздрогнули;
И старецъ ихъ предъ ней держалъ:
«Возьми и даждь ми», онъ сказалъ.
Она свой взоръ на нихъ склонила,
Взяла и старцу возвратила,
Въ другой разъ тоже, въ третій разъ...
Вдругъ стонъ... и въ храмъ раздалась
Толпа,—и отрокъ неизвѣстный,
Дрожащій, какъ она прелестный
Не смѣя воли дать словамъ,
Бѣжить... упалъ къ ея ногамъ.

Цѣлуетъ, облилъ ихъ слезами...
Увы, что съ ней! Кто зрить сердца,
То видѣлъ все; она очами
Искала образа; съ лица
Холодный потъ, какъ градъ катился:
Но взоръ на образъ устремился:
Безмолвно отрока она,
Душой молясь, благословляетъ,
И старцу ножницы вручаетъ,
Онъ взялъ—и жертва свершена,
И кудри темныя, густыя
Летятъ на плиты гробовыя;
И поясъ крѣпкой правоты,
И риза дивная нетлѣнья,
И покрывало чистоты,
И знакъ блестящій искупленья,—
Ей все дано; она вняла,
Что мудрость вѣчная рекла:
«Кто хочетъ царствія Христова,
Блаженства отрекись земного,
И чрезъ долину слезъ и бѣдъ
Съ крестомъ гряди Ему во слѣдъ!»
Сей путь ея: и, ангелъ новый,
На небеса уже готовый,
Она стоитъ предъ алтаремъ
Въ рукѣ съ таинственнымъ крестомъ
Въ житейскомъ морѣ зря волненье,
Отъ бури гибельныхъ страстей
Я притекла искать спасенья
У тихой пристани Твоей.
И Ты, о, Свѣтъ незаходимый,
Божественный, непостижимый,
Отрада чистая сердець,
Небесный страждущихъ Отецъ!

Привлекъ Ты къ пристани надежной
Разбитый челнъ грозой мятежной:
Ты отдалъ жизнь, Ты усладилъ,
Мечтанье правдой озарилъ.
И днесъ, въ восторгѣ упоенья
Благословляя дни мученья,
Къ блаженству расцвѣтая вновь,
Она ужъ тамъ, гдѣ нѣтъ страданья,
Гдѣ брошенъ якорь упованья,
Гдѣ Ты, и вѣчность, и любовь!

XV

Летая думой вдохновенной
Въ завѣтный мракъ минувшихъ дней,
Опять узналъ мой духъ смятенной
Тревогу томную страстей.
Хоть свѣтлый призракъ жизни юной
Печаль и годы унесли,
Но сердце, но мечты, но струны,
Онѣ во мнѣ, со мной, мои.
Я вспомнилъ ночь, когда томимый
Тоской ничѣмъ не отразимой,
Въ Печерской лаврѣ я сидѣлъ
Надъ той спокойною могилой,
Надеждамъ страшной, сердцу милой,
Въ которой прахъ священный тлѣлъ;
Она душѣ была порукой
Невѣрной радости земной,—
И тѣнь Натали Долгорукой
Во тѣмѣ носилась надо мной.

Свіяжская схи-игуменія Анна.

(Память 28 сентября).

Игуменія Апфія, въ міръ Анна Константиновна Юмина, родилась въ 1846 году въ селѣ Юськахъ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи. Отецъ ея Константинъ Андреевичъ былъ скромнымъ сельскимъ священникомъ. Мать Марья Ивановна недолго раздѣляла нелегкую долю своего мужа. Въ 1854 году о. Константинъ скончался, оставивъ безъ всякихъ средствъ къ существованію матушку Марью съ малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ дочери Аннѣ было только 8 лѣтъ. Такимъ образомъ, сиротка Анна съ дѣтства раздѣляла тяжелое горе матери и своихъ малолѣтнихъ сестеръ и брата Василия, состоящаго нынѣ псаломщикомъ въ с. Никулицкомъ, Вятской епархіи, а сестры Елизавета и Вѣра живутъ въ с. Шарапгѣ, занимаясь просфоропеченіемъ.

Жизнь матери во вдовствѣ до глубокой старости (сконч. 1892 г.) и сестеръ въ сиротствѣ было нелегкимъ подвигомъ и испытаніемъ. Сирота Анюта избрала себѣ добровольный подвигъ—иноческій. Выучившись въ домѣ родителей читать и писать, съ самаго дѣтства она лелѣяла мысль поступить въ монастырь, гдѣ можно свободнѣе молиться и духовно развиваться. Но любящая мать не соглашалась отпустить отъ себя малолѣтнюю дочь и держала ее при себѣ, не препятствуя, однако, развиваться въ ней наклонностямъ къ иноческой жизни. Только, когда дочери Аннѣ исполнился 21 годъ, и мать замѣтила, что у дочери вполне сложились убѣжденія, благословила ее сходить въ Кіевъ и др. русскія святыя мѣста помолиться. Это было въ 1868 году.

Во время путешествія по святымъ мѣстамъ у дѣвушки Анны явилась окончательная рѣшимость поступить въ монастырь, но, въ какой, того она сама не знала и оставалась въ глубокомъ раздумѣ. На обратномъ пути юная паломница

вмѣстѣ съ товарками по путешествію зашла въ Макарьевскую пустынь близъ г. Свіяжска. Здѣсь она встрѣтилась съ начавшимъ (1862 г.) свой иноческій подвигъ Николаемъ Васильевичемъ Хрисогоновымъ, въ иночествѣ Ниломъ, строгимъ подвижникомъ и разумнымъ совѣтникомъ. Ему дѣвица Анна повѣдала свое искреннее желаніе поступить въ монастырь и просила указать этотъ монастырь. Николай Васильевичъ указалъ ей ближайшій Свіяжскій Іоанно-Предтеченскій монастырь, въ которомъ она помѣстилась въ 1868 году и оставалась до своей кончины.

Николай Васильевичъ, принявшій постриженіе въ Макарьевской пустыни въ 1876 году 18 декабря съ именемъ Нила, былъ постояннымъ руководителемъ и наставникомъ послушницы Анны; онъ, какъ любящій отецъ, не только руководилъ ею, но и матеріально помогалъ бѣдной сиротѣ, не имѣвшей копейки денегъ. Умѣя различать людей, покойный о. Нилъ сразу замѣтилъ искреннюю настроенность и природныя дарованія новой послушницы и постарался развить ихъ на благо ея самой и той обители, въ которую она поступила. Послушница Анна оказалась достойной ученицей достойнѣйшаго учителя. Воспроизводя духовный образъ покойной, нельзя, хотя кратко, не вспомнить ея духовнаго отца.

О. Нилъ, въ мірѣ Н. В. Хрисогоновъ, сынъ священника Казанской епархіи, по выходѣ изъ первыхъ классовъ семинаріи, поступилъ на службу въ Казанскую Казенную Палату; оставаясь холостымъ, онъ велъ уединенную и воздержную жизнь; будучи безкорыстнымъ, но экономнымъ, онъ слылъ на лучшемъ счету у начальства, но оставилъ службу со всѣмъ нестарымъ—35 лѣтъ отъ роду.

Оставивъ службу, Н. В. повелъ совершенно уединенную жизнь, пока не надумалъ путешествовать по святымъ мѣстамъ, сначала по Россіи, а затѣмъ побывалъ въ Іерусалимѣ, Італіи и Аѳонѣ, который такъ ему понравился, что онъ намѣревался навсегда остаться тамъ, но Аѳонская братія вну-

шила ему подвигъ—собирать пожертвованія на Аѳонъ. Много тысячъ прошло черезъ руки Николая Васильевича на Аѳонъ. Поступивъ въ Макарьевскую пустынь, напоминавшую собой Св. Аѳонъ, онъ началъ сборъ пожертвованій на достройку каменнаго храма въ обители; затѣмъ его благотворительный подвигъ былъ направленъ на сборъ пожертвованій въ пользу бѣдныхъ монастырей и особенно въ пользу бѣдныхъ вдовъ и сиротъ духовнаго званія, призрѣваемыхъ Казанскимъ попечительствомъ. Въ подвигъ благотворительныхъ сборовъ протекла вся жизнь безкорыстнаго іеромонаха Нила почти до самой кончины въ 1896 г. 3 іюня, 73 лѣтъ отъ роду. Не десятки, а сотни тысячъ благотворительныхъ денегъ прошло черезъ руки о. Нила, лично остававшагося «нищетою богатымъ». Къ этому бѣдняку, неизмѣнно ходившему въ зеленѣвшей отъ солнца и непогоды дешевой шерстяной ряскѣ, прикрывавшей зимой ватное полукафтанье, обращались за помощью нуждающіеся жители Казани, Свияжска, крестьяне окрестныхъ селъ и др. Онъ давалъ только убѣдившись въ дѣйствительной нищетѣ просителей: однимъ помогалъ едино- временно, другимъ ежегодно. О. Нила знали въ Москвѣ, Астрахани, Уфѣ, Симбирскѣ и др. мѣстахъ. Тысячи именъ благотворителей были записаны въ памятныхъ книжкахъ о. Нила, ходившаго въ послѣднее время и по селамъ, гдѣ въ праздничные дни говорилъ поученія въ храмахъ. О. Нилъ всюду былъ желаннымъ гостемъ и не потому только, что шелъ собирать на доброе дѣло и давалъ нуждающимся людямъ, а прежде всего потому, что въ лицѣ скромнаго и добраго инока скрывалась великая нравственная сила. Онъ былъ строгій постникъ, страннолюбивъ, благочестивъ, кротокъ, обходителенъ, услужливъ, благотворителенъ и учителенъ. Его келлію въ Макарьевской обители посѣщали люди различныхъ сословій и состояній и нѣкоторые изъ нихъ послѣ перваго посѣщенія о. Нила навсегда оставались его друзьями. Рѣчь о. Нила была тихая, мѣрная, убѣдитель-

ная, постоянно основанная и подкрѣпляемая текстами Св. Писанія, изреченіями изъ твореній св. отцевъ и примѣрами изъ житій святыхъ. Онъ то ободрялъ упавшаго духомъ, то примирялъ ссорящихся, то дѣлилъ горе ближняго, часто становясь на колѣни вмѣстѣ съ нимъ предъ образомъ и присоединяя свою теплую молитву къ молитвѣ обездоленнаго и кающагося. Предметами его наставленія были самые разнообразныя вопросы. Особенно онъ любилъ бесѣдовать о мирѣ въ семьѣ, милосердіи къ ближнимъ и упованіи на Бога. Все свободное время о. Нилъ посвящалъ молитвѣ, чтенію Свящ. Писанія, святоотеческихъ твореній, житій святыхъ, назидательныхъ книгъ и т. п.

Таковъ былъ наставникъ въ духовной и житейской мудрости сначала послушницы Анны, а затѣмъ монахини Апфіи.

Двадцать два года дѣвица Анна прожила въ Свѣжской обители въ качествѣ послушницы, проходя различныя послушанія и состоя клиросной пѣвчей со времени поступленія въ монастырь по 1889 годъ, когда была назначена казначеей монастыря. Предоставленіе такой высокой монастырской должности послушницѣ Аннѣ до постриженія и въ сравнительно молодыхъ лѣтахъ всецѣло объясняется выдающимися способностями и достоинствами ея. Прослуживъ около года казначеей, 6 октября, 1890 года она, съ именемъ Апфіи, была *пострижена* настоятелемъ Свѣжскаго Успенскаго монастыря архимандритомъ Веніаминомъ. Черезъ три года, въ 1893 г., она была избрана настоятельницей Іоанно-Предтеченскаго монастыря, а въ слѣдующемъ 1894 году 1 мая возведена въ санъ игуменіи.

Игуменія Апфія была выдающейся начальницей и настоятельницей старинной обители, которой она посвятила всѣ свои способности и мысли и которая, въ свою очередь, сдѣлалась для нея второй родиной и приютила ее—сироту навѣки.

Двадцати пяти лѣтъ, прожитыхъ покойной въ Свѣжской

обители до опредѣленія въ настоятельницы, было слишкомъ достаточно для того, чтобы ей сжитья съ монастыремъ, узнать внѣшнюю и внутреннюю жизнь обители и понять всѣ ея нужды. Понявъ эти нужды, она употребила всѣ усилія, чтобы удовлетворить имъ.

Въ бытность казначеей матушка Апфія много потрудилась при капитальномъ ремонтѣ двухъэтажныхъ корпусовъ настоятельскаго и общежительнаго, изъ которыхъ первый былъ расширенъ и обложенъ кирпичемъ въ 1899 году, а второй обложенъ кирпичемъ въ 1892 г.; въ 1890 г. усердіемъ баронессы А. Н. Жомини на юго-восточной сторонѣ монастыря выстроено двухъэтажное каменное зданіе для трапезы. При трапезѣ устроена хлѣбня, просфорня и отведено помѣщеніе для нѣсколькихъ келлій, вслѣдствіе тѣсноты общежительныхъ корпусовъ. Казначей Апфія положительно не знала себѣ отдыха при этой работѣ, которая являлась удовлетвореніемъ существеннѣйшей потребности обители.

Съ принятіемъ настоятельства въ монастырѣ для покойной наступила пора самой разносторонней и кипучей дѣятельности. Матушка-игуменія не только не знала, но и не мечтала объ отдыхѣ, и, какъ-будто, для нея не существовало естественнаго утомленія: она всюду была сама и все знала непосредственно. Настоятельство ея въ монастырѣ можно назвать самымъ труднымъ временемъ для самой покойной, но счастливымъ для обители.

Строительная дѣятельность матушки Апфіи прекратилась вмѣстѣ съ ея жизнію. Заботами ея въ 1896 году въ сѣверо-западной сторонѣ монастыря построенъ новый двухъэтажный деревянный общежительный корпусъ съ каменнымъ подваломъ; въ юго-западномъ углу, близъ скотнаго двора, въ 1897 году построенъ деревянный флигель для скотницъ, въ ея же настоятельство построено еще три небольшихъ флигеля для сестеръ, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивалось.

Съ увеличеніемъ числа сестеръ все болѣе и болѣе чувствовалась нужда въ «домѣ Божіемъ», гдѣ бы монашествующія и міряне могли едиными усты и единымъ сердцемъ славить Бога. Два тѣсныхъ монастырскихъ храма въ великіе праздники, особенно при стеченіи богомольцевъ, далеко не вмѣщали всѣхъ желающихъ помолиться за богослуженіемъ. Всѣ, начиная съ матушки-игуменіи и кончая младшей послушницей-бѣлицей, мечтали о просторномъ храмѣ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ и неотложныя нужды монастыря заставляли годъ за годомъ откладывать трудное дѣло. Приступать къ великому дѣлу безъ опредѣленныхъ и достаточныхъ средствъ было опасно. Только покойная игуменія Аппія, надѣясь на помощь Божію, препод. Сергія, древній чудотворный образъ котораго находится въ обители, и на добрыхъ людей, рѣшилась на трудное и святое предпріятіе. Имѣя въ распоряженіи совсѣмъ незначительную сумму, она въ 1897 г. испросила у покойнаго архіепископа Владиміра благословеніе на постройку новаго трехпрестольнаго каменнаго храма въ честь Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ Радости». Быстро началась заготовка матеріала и предварительныя работы при самомъ живѣйшемъ участіи игуменьи-строительницы. 17 мая 1898 г. храмъ былъ заложенъ, а черезъ три года вчернѣ былъ уже готовъ.

Надежды на помощь свыше и добрыхъ людей не посрамили игуменьи-строительницы: поступали и крупныя, и мелкія пожертвованія на постройку храма. Нынѣ остается поставить только иконостасъ, иконы для котораго уже почти написаны, по заказу покойной. По внѣшнему изяществу новый монастырскій храмъ можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ, если не самымъ лучшимъ храмомъ всего Поволжья. Расходы по постройкѣ его въ настоящее время приближаются къ 100,000 рублямъ.

Но неисповѣдны пути Промысла Божія... Основательницѣ и строительницѣ храма, который, можно сказать, былъ цѣлью

ея жизни, не суждено помолиться въ немъ вмѣстѣ съ своими сотрудницами и благотворителями. За то воздвигнутый храмъ, въ точномъ смыслѣ слова, явился памятникомъ надъ его строительницей, погребенной въ склепѣ подъ нимъ. О ней первой, хотя и за упокой, начали уже возноситься молитвы въ новомъ храмѣ, сдѣланшемся священнымъ для обители ранѣе освященія, такъ какъ подъ нимъ нашла себѣ «вѣчный покой» та, которая не знала покоя на землѣ въ трудахъ и заботахъ объ обители и сестрахъ и которая для всѣхъ нихъ была не только матушкой, но и матерью.

Покойная игуменія Апфія, подобно своему наставнику о. Нилу, умѣла находить благотворителей для обители. Въ 1896 г. А. И. Буликовъ пожертвовалъ монастырю постройки съ усадьбой, находящейся противъ св. вратъ, внѣ монастырской стѣны. Въ этомъ помѣщеніи покойная устроила странноприимный домъ, гдѣ бы могли найти себѣ пріютъ богомольцы и странники. Случается, что тутъ по недѣлямъ живутъ больные и разслабленные, пріѣзжающіе въ обитель поклониться чудотворному образу препод. Сергія, находя самый внимательный уходъ со стороны сестеръ обители.

Въ 1902 году благотворительница, дочь коллежскаго ассесора, Н. И. Иванова, пожертвовала монастырю двухъэтажный домъ съ надворными постройками, находящійся на Университетской улицѣ въ г. Казани. Въ пожертвованномъ домѣ покойная матушка устроила монастырское подворье и тѣмъ самымъ избавила себя и сестеръ отъ печальной необходимости скитаться по городу и искать отдыха и ночлега въ домахъ добрыхъ людей или даже въ гостинницахъ и на постоялыхъ дворахъ во время пріѣзда въ Казань по монастырскимъ дѣламъ. На новомъ монастырскомъ подворьѣ течетъ трудовая жизнь: тутъ устроена просфорня.

Получая щедрія и скромныя жертвы на нужды обители, матушка Апфія тотчасъ употребляла ихъ на дѣло. Каждая жертва у нея имѣла свое назначеніе и не тратилась на дру-

гое дѣло. Она, подобно своему наставнику, не обременяла жертвователей просьбами, напротивъ, когда видѣла нужду у своего прежняго благодѣтеля, сама, чѣмъ могла, помогала ему. Всегда ласковая и спокойная, она была желанной посѣтительницей многихъ семействъ въ г. Казани. Она очень радовалась, когда находила новыхъ добровольныхъ жертвователей, и, нужно прибавить, она умѣла располагать жертвователей тѣмъ, что въ скромныхъ ея разговорахъ о нуждахъ обители слышалась только одна правда, безъ всякихъ жалобъ на людскую несправедливость: у нея всѣ люди были добрыми. Она не знала, что такое собственная нужда и обогащеніе. Получивъ въ личный даръ, напр., фунтъ чаю, она, какъ почти не пившая его, несла подарокъ туда, гдѣ онъ нужнѣе; частые подарки, въ видѣ конфетъ и пирожныхъ, она несла туда, гдѣ есть дѣти. Покойная не отказывалась отъ добровольныхъ жертвъ, въ какомъ бы видѣ онѣ ни поступали, и всегда находила имъ мѣсто, весьма часто внѣ монастыря; многое она отдавала на нужды приходскихъ сельскихъ церквей. Покойная записывала въ особые памятные тетради имена всѣхъ своихъ жертвователей, иногда и всѣхъ ближайшихъ ихъ родственниковъ, съ указаніемъ мѣста жительства, званія, семейнаго положенія, рода занятій и краткой біографіи. Эти тетради и записи служили матушѣ личнымъ поминникомъ жертвователей, о которыхъ молились не только въ монастырскомъ храмѣ, но о которыхъ молилась и сама покойная, проводя цѣлыя ночи въ келейной молитвѣ. Въ случаѣ надобности по этимъ записямъ, она знала, къ кому обратиться за совѣтомъ въ своей разнообразной дѣятельности.

Принимая жертвы, покойная всегда оплачивала личный трудъ каждаго, часто повторяя: «трудивыйся, да ястъ», и что «достойнъ дѣлатель мзды своея». Эти великія—Евангельское и апостольское—правила покойная настоятельница старалась проводить въ монастырскомъ общежитіи и неуклонно проводила ихъ въ жизнь и дѣятельность сестеръ. Она принимала

всѣ мѣры къ тому, чтобы управляемая ею обитель, сохраняя характеръ строгаго общежитія, являлась вмѣстѣ съ тѣмъ приютомъ и домомъ трудолюбія для всѣхъ обездоленныхъ и одинокихъ. Къ своему утѣшенію, она вполне достигла этого въ своемъ самомъ многочисленномъ изъ всѣхъ казанскихъ женскихъ монастырей (до 400 сестеръ). Всѣ способныя къ труду знали свое дѣло, а сама матушка знала, кому поручить какое дѣло, или, выражаясь языкомъ иноческаго житія, кому какое дать послушаніе. Въ самой обители, на подворьѣ въ Казани, а лѣтомъ на огородахъ, скотныхъ дворахъ и монастырскихъ поляхъ шла трудовая жизнь сестеръ, исполнявшихъ самыя трудныя работы.

Всѣ многочисленныя жилия и нежилыя монастырскія постройки и помѣщенія, внутри и внѣ монастырской стѣны, тщательно охранялись заботливой рукой покойной матушки, вмѣстѣ съ трудящимися сестрами. Нечего говорить о храмахъ: въ нихъ, несмотря на тѣсноту и ветхость зданій, соблюдалась образцовая чистота, да и самый монастырскій дворъ, несмотря на постоянныя постройки и ремонты, сохранился въ порядкѣ, такъ какъ всюду заглядывалъ глазъ самой настоятельницы, бывшей для всѣхъ образцомъ порядка и аккуратности.

Труженица матушка при постоянныхъ хлопотахъ заботилась не объ одной пищѣ тѣлесной, но также и о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную (Іоан. 6, 27). Того же требовала она отъ своихъ духовныхъ сестеръ и дочерей; она требовала, чтобы всѣ онѣ въ молитвѣ, послушаніи и трудѣ содѣлывали свое спасеніе. Покойная сама твердо помнила и другимъ напоминала, что молитва и трудъ, успокоивая душу, отгоняютъ всѣ дурныя помыслы. Кто близко жилъ съ матушкой, тотъ хорошо знаетъ, какъ сама она трудилась и молилась до полнѣйшаго утомленія: день она проводила въ трудѣ, поѣздкахъ и бесѣдахъ съ посѣтителеми, а ночь—въ молитвѣ. Ея настоятельскія келліи рѣдко были свободны отъ

посѣтителей. Случалось, что во всѣхъ настоятельскихъ комнатахъ сидѣли посѣтители изъ широкаго круга ея знакомыхъ, благотворителей и людей, явившихся по дѣлу. Одновременно она успѣвала всѣхъ принять и со всѣми побесѣдовать: съ подрядчиками и мастерами она вела дѣловые разговоры, другихъ ободряла въ несчастіяхъ и давала совѣты, третьихъ принимала, какъ знакомыхъ. Покойная не любила многословія; совѣты и наставленія ея были кратки, но разумны, а главное жизненны. Наставленія ея учителя о. Ніла, опытъ лично пережитаго и наблюденія надъ людьми разныхъ званій, состояній, занятій и возрастовъ умудрили покойную и подсказывали ей то, что нужно сразу сказать каждому и про cadaго. Предъ гробомъ ея свящ. села Морквашъ о. Сергій Милоновъ въ трогательной рѣчи прерывающимся отъ слезъ голосомъ, вспомянувъ заботы усопшей о благоустройствѣ приходской церкви въ с. Морквашахъ, благодарилъ ее за тотъ богатый опытъ духовной жизни, которымъ матушка дѣлилась съ нимъ. Земнымъ поклономъ предъ гробомъ ея благодарилъ о. Сергій почившую за ея благодѣянія. Эти поклонъ и голосъ благодарнаго священника можно назвать общими отъ лица весьма многихъ, съ которыми матушка дѣлилась опытомъ своей духовной жизни.

Небольшая ростомъ, съ умными и живыми глазами, вдумчивымъ и привѣтливымъ лицомъ, съ кроткимъ взоромъ, съ задушевной, спокойной, краткой, сдержанной и простою рѣчью, съ чистымъ, совсѣмъ не старческимъ, голосомъ, простая въ обращеніи и одеждѣ, съ медленной, но твердой походкой, покойная матушка-игуменія не отличалась цвѣтущимъ физическимъ здоровьемъ; напротивъ, она выматривала нѣсколько утомленной, особенно въ послѣдніе годы своей кипучей дѣятельности въ качествѣ настоятельницы. Но какъ и не утомиться женщинѣ, отличавшейся трудолюбіемъ, не знавшей полнаго отдыха при строгомъ воздержаніи въ отношеніи пищи и сна! Питалась она всегда слишкомъ умѣренно

и тѣмъ самымъ, кажется, окончательно надломила свое здоровье. Браткій, нервѣко спокойный, сонъ подѣ напоромъ глубокихъ думъ и молитвеннаго настроенія, мало ободрялъ истомленное тѣло. Многіе, знавшіе покойную и принимавшіе ее у себя на домахъ, вѣроятно, имѣли возможность видѣть, какъ она послѣ бесѣды или даже во время разговора, какъ бы забывалась, закрывъ глаза, не будучи въ состояніи перенести естественнаго физическаго переутомленія.

Но въ слабомъ тѣлѣ всегда жилъ великій и бодрый духъ настоятельницы, обладавшей выдающимися административными способностями. Строгая къ себѣ, она требовала, чтобы всѣ сестры несли безропотно тотъ крестъ и иноческій подвигъ, которые сами добровольно избирали. Поступки сестеръ, несогласные съ правилами монашеской жизни и монастырскаго общежитія, всегда глубоко печалили матушку. Но она была счастлива тѣмъ, что сестры не позволяли себѣ въ этомъ отношеніи огорчать своей матушки, которая, зная немощи человѣческой природы, умѣла снисходить къ немощамъ инокинь и относилась къ сестрамъ милостиво—по-матерински. При больныхъ она была первой посѣтительницей и утѣшительницей. За то всѣ сестры любили ее и оплакивали ея кончину, какъ кончину родной и дорогой матери.

Еще задолго до смерти матушки было пролито много слезъ сестрами. Покойная почувствовала болѣзнь съ января мѣсяца 1906 года. Болѣзнь, на первыхъ порахъ не внушала опасенія, но съ іюня среди сестеръ стали распространяться слухи, что матушка опасно больна, а затѣмъ всѣ заговорили, что она больна безнадежно. Всѣмъ друзьямъ и почитателямъ больной матушки все же не вѣрилось, что развязка близка. Меньше всего это беспокоило опасно больную. Она продолжала молиться и работать на пользу обители, совершенно забывая свои немощи, даже тогда, когда ей необходимъ былъ полный покой. Тяжелая болѣзнь—ракъ желудка—совершенно истощила ее, но не убила бодрости духа до самаго послѣд-

него вздоха. Медицина положительно отказалась помогать больной, но она и не думала лѣчить тѣло, а лѣчила душу, причащаясь Св. Таинъ очень часто, а затѣмъ даже ежедневно. Для брэннаго тѣла она давно искала мѣсто покоя; но таила въ себѣ мысль и завѣтное желаніе найти и устроить это мѣсто упокоенія близъ памятника, который успѣла поставить себѣ въ оградѣ обители, въ которой подвизалась 37 лѣтъ, возглавивъ крестомъ величественный соборъ. По своей всегдашней скромности, матушка не осмѣливалась высказать своихъ завѣтныхъ желаній. Но за нее ихъ высказали другіе.

Во время своего пребыванія въ г. Свѣяжскѣ (21—24 іюля) Высокопреосв. Димитрій посѣтилъ и Свѣяжскій женскій Іоанно-Предтеченскій монастырь. Величественный монастырскій каменный трехпрестольный храмъ, составляющій красу всего г. Свѣяйска, поразилъ архипастыря. Узнавъ, что храмъ съ перваго камня воздвигнутъ стараніями достопочтенной игуменіи Апфіи, владыка раскрылъ завѣтныя мечты строительницы, указавъ посохомъ мѣсто, гдѣ было-бы пристойно сложить ей свои кости. Живо забилося горячее, но уже больное сердце строительницы. Лучшей награды для нея не могло быть. Теперь для нея было все ясно и, можно сказать, кончено. Ея тяжелыя думы облегчены; она знала, что и впредь тамъ, за гробомъ, ей не суждено разлучаться съ своимъ памятникомъ.

Устройство могилы-склепа подъ новымъ каменнымъ храмомъ, при личномъ наблюденіи больной, свидѣтельствовало о полнѣйшемъ спокойствіи ея въ ожиданіи часа смертнаго. Она сама заказала себѣ гробъ и надгробную плиту. Примѣръ матушки былъ поучителенъ для сестеръ, все еще не вѣрившихъ въ близость разлуки съ ней. Между тѣмъ сама матушка давно примирилась съ неизбѣжностью близкаго конца, но все же трудилась для новаго храма: вела переговоры съ подрядчиками, справлялась о ходѣ иконостасныхъ работъ, дѣлала расчеты, пока работала ея мысль и не подкосились

ноги, какъ будто, никогда не знавшія устали. Полнѣйшее истощеніе силъ отъ невозможности принять даже каплю пищи, наконецъ, приковало ее къ смертному одру.

Больная безъ всякихъ жалобъ на свою судьбу доживала послѣдніе дни и только повторяла, что, видно, Богомъ не суждено ей дожить до освященія новаго храма, отъ котораго нибакъ не могла оторваться мысль строительницы. Заботы о недоконченномъ храмѣ еще удерживали ее отъ мысли все порвать съ міромъ. Но, готовясь къ новой жизни, она рѣшилась и на это, принявъ 19 сентября схиму, съ именемъ Анны.

Черезъ два дня, 21 сентября, она пригласила въ свою келлію пѣвчихъ сестеръ и просила ихъ пропѣть погребеніе. Глубокое содержаніе пѣснопѣній, трогательные мотивы до слезъ растрогали всѣхъ. Только сама матушка съ каждымъ новымъ пѣснопѣніемъ какъ то особенно оживала.

Выслушавъ погребальныя пѣснопѣнія, больная совершенно ободрилась и даже воодушевилась, а затѣмъ обратилась къ сестрамъ съ послѣднимъ словомъ материнскаго назиданія... Она просила всѣхъ молиться о ней, не переставать молиться и обо всѣхъ, трудиться и жить въ любви и согласіи, возлагая всѣ надежды на Бога... Она, какъ будто, была увѣрена, что тамъ, за гробомъ, она снова встрѣтится съ своими сестрами, а поѣтому говорила и о своей скорби, если узнаетъ, что оставляемые ею сестры не окажутся на высотѣ своего иноческаго и монастырскаго послушанія... Въ то время, какъ слезы душили всѣхъ присутствующихъ, сама матушка становилась бодрѣе, а голосъ ея усиливался... Это, поистинѣ, былъ предсмертный горячій наказъ матери своимъ дѣтямъ, матери стоящей на краю могилы, желающей имъ только одного добра.

28 сентября въ 5 часовъ вечера шесть ударовъ большого монастырскаго колокола возвѣстили обители и всему г. Свіяжску о великомъ монастырскомъ горѣ: матушка схи-игуменія

скончалась. Неподдѣльные слезы полились у всѣхъ сестеръ, и рыданіями наполнилась не только келлія покойной, но и вся многолюдная обитель.

На телеграфное извѣщеніе о смерти игуменіи Апфіи, архі-епископъ, опечаленный безвременной утратой достопочтеннѣйшей настоятельницы, немедленно телеграфировалъ о своемъ желаніи быть въ монастырѣ и участвовать въ ея погребеніи. Это было выраженіемъ того уваженія къ заслугамъ покойной, которое пожелалъ оказать ей владыка, хорошо понявшій, какую утрату понесъ Іоанно-Предтеченскій монастырь въ лицѣ усопшей игуменіи Апфіи, а вмѣстѣ съ монастыремъ и онъ, какъ начальникъ епархіи. Послѣ перваго посѣщенія Свяжскаго Іоанно-Предтеченскаго женскаго монастыря, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда матушка уже серьезно была больна, владыка сразу понялъ, что во главѣ обители стоитъ далеко незаурядная настоятельница, и личное участіе его въ погребеніи было только послѣдней земной наградой достойнѣйшей инокинѣ и игуменіи, трудившейся на спасеніе души и общую пользу обители.

Трудясь для обители и сестеръ, какъ мать для дѣтей, она, какъ будто, забыла кровныхъ родныхъ. Она помнила только обитель и сестеръ, вела постоянную переписку только съ благодѣтелями монастыря. Передавъ своими руками болѣе 100,000 руб. на обитель, покойная изъ личнаго жалованья сберегла лишь самое необходимое для самаго скромнаго погребенія, чтобы и по смерти не обременять обители.

Внѣшними наградами ей за труды были медаль въ память Царствованія Императора Александра II и синодальный наперсный крестъ и тотъ крестъ, который она почти предъ кончиной успѣла поставить на выстроенномъ ею величественномъ соборѣ. Но послѣдней наградой ей были тѣ искреннія слезы, которыя пролили сестры при гробѣ матушки, и тѣ молитвы, которыя непрерывно въ храмѣ, въ могилахъ-склепѣ и келліяхъ возносятся о упокоеніи души схи-игуменіи Анны

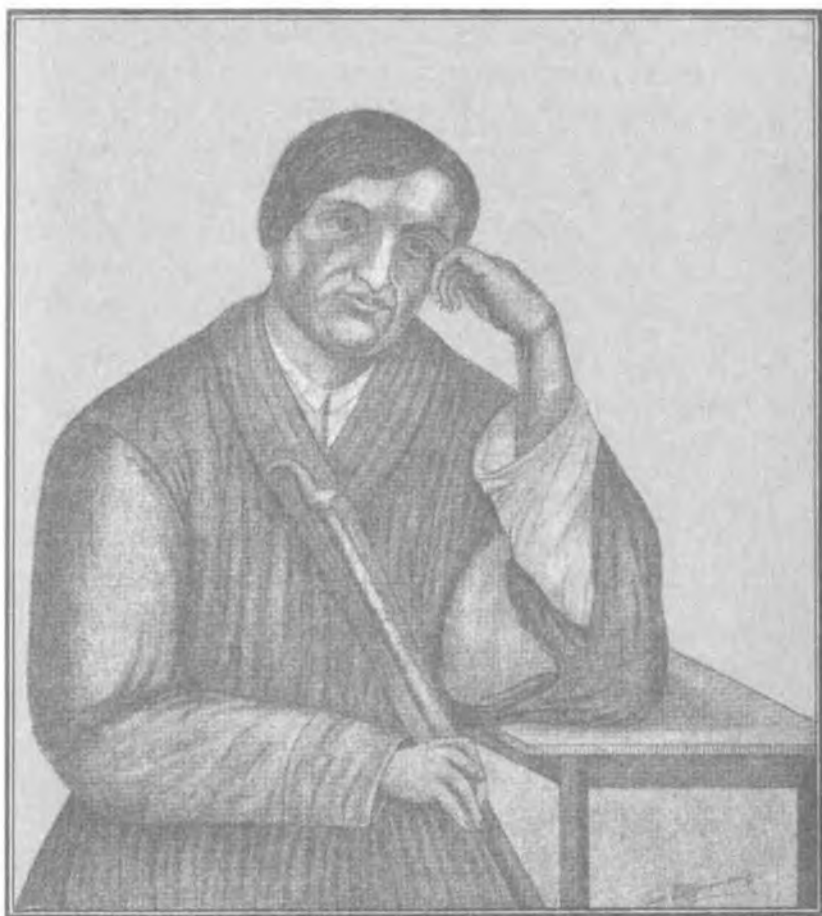
сестрами обители и всѣми знавшими покойную игуменію Апфію *).

Золотой Гриць — юродивый.

(Память 30 сентября).

Григорій Акиндиновичъ Мирошниковъ, или «золотой Гриць», какъ его называли, родился въ селѣ Кучиновкѣ Городнянскаго уѣзда, Черниговской губерніи, отъ казенныхъ крестьянъ Акиндина и Матрены Мирошниковыхъ 30 сентября 1821 года. Родители его были люди весьма бѣдные; жили въ убогой избушкѣ, при которой былъ огородчикъ величиною въ четверть десятины. Кромѣ Григорія у Мирошниковыхъ была еще дочь Евдокія, моложе Григорія на 2 года. Тяжело и безотрадно было дѣтство Григорія: когда онъ былъ еще ребенкомъ, цѣлый рядъ бѣдствій обрушился на его семью. Сначала заболѣла какою-то болѣзнію его мать, и хотъ поправилась, но отъ болѣзни потеряла зрѣніе; потомъ, когда Григорію было 6 лѣтъ, умираетъ его отецъ, а затѣмъ и сестра. Съ малолѣтнимъ сыномъ слѣпая мать поневолѣ избираетъ единственно доступный ей способъ существованія — нищенство, — и вотъ Григорій дѣлается «поводыремъ» матери въ хожденіи по селу за «кусочками хлѣба». Въ десять лѣтъ отъ роду Григорій теряетъ мать и остается круглымъ сиротою. Послѣ смерти матери Григорій нѣсколько лѣтъ жилъ и нищенствовалъ исключительно въ Кучиновкѣ; при чемъ постоянного мѣста пристанища не имѣлъ, а ночевалъ лѣтомъ подъ плетнями, а зимою — у кого случалось. Въ эти годы уже опредѣлились въ немъ тѣ черты характера, которыя впоследствии, развившись, прославили его, какъ юродиваго. Собраннымъ отъ подаваній деньгамъ Григорій неизмѣнно давалъ

*) Изъ брош. „Игуменія Апфія—въ схимѣ Анна, наст. Свяж. I -Предтеч. жен. мон.“. (Казань. 1906 г.).

Золотой Гриць — юродивый

одно назначеніе: бросалъ ихъ въ воду, приговаривая: «ѣшьте, карасики, моя копѣечки». Часто во время его странствованія по селу его рвали собаки, послѣ чего онъ всегда являлся къ теткѣ и, указывая на раны и сочившуюся изъ нихъ кровь, говорилъ: «посмотри,—дюцики подѣлали мнѣ кринички и вода зъ нихъ даже капле», и тетка, изъ сожалѣнія, перевязывала ему раны. Еще Кучиновскіе старожилы помнили одну особенность мальчика Гриця, отличавшую его отъ сверстниковъ, именно ту, что онъ, видя нарисованный на землѣ крестьянскими мальчиками крестъ, всегда останавливался предъ нимъ, клалъ земной поклонъ, цѣловалъ его и осторожно обходилъ кругомъ, чтобы не ступить на него ногою.

Жители Кучиновки считали мальчика Гриця только «простакомъ» (малоумнымъ) и смотрѣли на него, какъ на шута. Особенно досаждали ему уличные мальчишки, но онъ самъ ни съ кѣмъ не бранился, никого не преслѣдовалъ, только въ минуты сильнѣйшаго огорченія становился къ забору и бился о него головою.

Въ 1834 г. 13 лѣтъ отъ роду, Гриць пошелъ нищенствовать въ другія села, присталъ къ нищимъ за «поводыря» и пришелъ съ ними въ мѣстечко Седневъ. Вѣроятно, красивая мѣстность Седнева понравилась Грицю, и онъ избралъ его постояннымъ мѣстомъ своего жительства.

Сначала Гриць, какъ безпріютный, поселился на житье подъ колокольнею Покровской церкви, гдѣ прожилъ лѣто и зиму. Жилъ онъ здѣсь въ обществѣ собакъ, которыхъ любилъ и кормилъ: онѣ ходили за нимъ неотлучно; онѣ и согрѣвали его въ холодное зимнее время. Потомъ онъ переселился внутрь мѣстечка, подъ торговыя лавочки, гдѣ также проводилъ время въ обществѣ собакъ. Когда же ближе познакомился съ жителями Седнева, то избралъ постояннымъ своимъ пристанищемъ домъ Седневской казачки Анастасіи Шудрахи, у которой онъ жилъ на чердакѣ сарая. Здѣсь онъ устроилъ себѣ конурку, которую называлъ своимъ «кабине-

томъ». Кабинетъ его имѣлъ довольно странный видъ: тутъ лежали разныя вещи, которыя сносилъ сюда Гриць изъ разныхъ мѣстъ, какъ-то: чучела, деревянные и желѣзные молоты, различныя палки, камни, желѣзные обручи, оловянный крестъ вѣсомъ въ 10 фунтовъ и т. п. Особенно много бывало у него разныхъ книжечекъ съ описаніемъ жизни святыхъ и молитвами въ честь Богородицы, которыя онъ имѣлъ обыкновеніе раздавать встрѣчнымъ.

Внѣшній видъ Гриця былъ необычный, сразу останавливавшій на себѣ вниманіе каждаго: среднего роста, худощавый, съ продолговатымъ, бритымъ лицомъ, русыми волосами, глубокими, задумчивыми глазами, ходилъ онъ обыкновенно босой или цвѣтныхъ сапогахъ, съ палкою въ рукахъ, иногда въ мѣховой еврейской шапкѣ, одѣтый въ дырявый нанковый халатъ, накинутый на плечи. Но это былъ не единственный костюмъ, въ которомъ можно было видѣть Гриця. Однажды онъ пришелъ въ Кучиновку въ одеждѣ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и на недоумѣніе по этому поводу родственниковъ сказалъ имъ, что одинъ панъ сшилъ ему много разныхъ костюмовъ, но Гриць роздалъ ихъ «по людямъ»; тогда панъ спросилъ его, какой костюмъ нужно сшить, чтобы онъ, Гриць, самъ носилъ его. На это Гриць отвѣтилъ: «пошій мнѣ платье изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, щобъ я бувъ царь лоскутниковъ»; желаніе было исполнено и—«отъ я, заключилъ рассказъ Гриць,—якъ бачите, теперь царь лоскутниковъ». Грицю часто дарили хорошія и дорогія одежды, но онъ ихъ никогда не носилъ, а отдавалъ бѣднякамъ; равно какъ никогда не носилъ онъ и зимней одежды. Въ самые лютые морозы (при 20 град. и болѣе) онъ часто ходилъ босой и выстаивалъ въ холодной каменной церкви иногда по нѣскольку часовъ.

Характеръ у Гриця былъ рѣдкій: подъ личиною внѣшней грубости таялась вроткая, любящая, незлобивая дѣтская душа. Ко всѣмъ онъ относился съ любовію: богатый-ли то

былъ или бѣдный. Гдѣ была скорбь, туда являлся обыкновенно и Гриць и своимъ присутствіемъ, словомъ, а иногда и дѣломъ облегчалъ ея перенесеніе. Седневскій помѣщикъ Л. рассказывалъ, что онъ постоянно приглашалъ къ себѣ Гриця обѣдать, но тотъ никогда не являлся; только одинъ разъ Гриць приходитъ и самъ проситъ дать ему пообѣдать. Когда обѣдъ ему былъ поданъ, онъ забралъ его и отнесъ на конецъ села къ бѣдной больной вдовѣ, и такъ дѣлалъ ежедневно до ея выздоровленія. Незлобіе Гриця было паразитическое. Онъ не только самъ никогда никого не обидѣлъ, но и не отвѣчалъ на обиды, а въ минуты сильнаго огорченія, причиненнаго ему кѣмъ-либо, начиналъ биться лбомъ о стѣну, какъ и въ дѣтствѣ это дѣлалъ. Не разъ ему доставалось отъ базарныхъ торговцевъ-евреевъ за то, что онъ иногда сбрасывалъ съ ихъ столовъ деньги, но на эти побои Гриць отвѣчалъ обыкновенно только смѣхомъ, приговаривая: «эхъ, болятъ кулаки жидовскіе!» Было разъ, что Гриць бросилъ пескомъ въ глаза двумъ крестьянамъ и вотъ за что: были они на базарѣ; видятъ, два Кучиновскихъ мужика стали бить бродившаго по базару Гриця за то, что онъ не живетъ въ Кучиновѣ и за него приходится имъ платить подати. Тѣ заступились за Гриця и стали бить ихъ. Тогда Гриць схватилъ рукою песку и бросилъ его защитникамъ въ глаза. Но этотъ поступокъ Гриця былъ, безъ сомнѣнія не обидою защитниковъ, а имѣлъ у него свой глубокій внутренній смыслъ.

За то и любили же Гриця всѣ, знавшіе его; онъ былъ свой человѣкъ въ каждомъ седневскомъ домѣ: богатый ли то былъ или бѣдный. Окруженный общою любовію и уваженіемъ Гриць не возгордился, а, напротивъ, развилъ въ себѣ высочайшее христіанское смиреніе. Онъ не любилъ рѣшительно никакихъ похвалъ, огорчался ими и, если замѣчалъ, что ему гдѣ-нибудь даютъ предпочтеніе предъ другими, не выносилъ этого и убѣгалъ. Чтобы отклонить уваженіе, съ

которымъ въ нему всѣ относились, онъ часто позволялъ себѣ продѣлки, какихъ отъ него не ожидали, наприимѣръ: бралъ трубку съ табакомъ въ ротъ, папиросы, нюхалъ табакъ, иногда даже въ постные дни, которые очень чтилъ, позволялъ себѣ ѣсть скоромное, но дѣлалъ это при такихъ только случаяхъ, когда находилъ нужнымъ остановить чей-либо грязный поступокъ или злоязычность; «грѣхъ не въ молочѣ, а на языкѣ»,—приговаривалъ онъ.

Желая всѣмъ добра, Гриць иногда указывалъ, съ цѣлю исправленія, тѣмъ или другимъ лицамъ на ихъ порочную жизнь или дурные поступки, но дѣлалъ это обыкновенно прикровенно, иногда какъ бы въ шуточной формѣ. Разъ былъ такой случай. Ночевалъ Гриць, по дорогѣ въ Кіевъ, на постояломъ дворѣ съ однимъ знакомымъ. Гриць уже улегся спать, а послѣдній передъ сномъ сталъ молиться Богу, при чемъ пересчитывалъ всѣ свои добрыя дѣла, какія когда-либо сдѣлалъ; Гриць, желая, вѣроятно, показать непристойность его молитвы, замѣтилъ ему шуточно съ постели: «лохмотьевъ-то моихъ не заberi».

Юродствуя Христа ради и желая быть Христовымъ, Гриць «распивалъ плоть свою со страстьми и похотьми». Онъ велъ строго-воздержную жизнь, не употреблялъ мясной пищи и не пилъ вина. Кромѣ этого онъ прибѣгалъ еще и къ другимъ средствамъ. Такъ, бывая въ Кіевѣ, онъ избиралъ такой родъ самоуниженія. Проходя по кіевскимъ улицамъ и встрѣчая кого-нибудь изъ прохожихъ, кто казался ему чело-вѣкомъ сердитымъ и жестокимъ, онъ, ссрезеща зубами и сверкая глазами, дѣлалъ видъ, будто хочетъ ударить его; прохожій иногда билъ его, издѣвался надъ нимъ или же отводилъ его въ часть, гдѣ Гриця запирали вѣстѣ съ арестованными, морили голодомъ по нѣскольку дней и часто сѣкли розгами очень жестоко за его притворную грубость и безвредныя шутки, которыя онъ тамъ допускалъ. Вставая послѣ такихъ побоевъ, Гриць благодарилъ своихъ истязате-

лей и съ особенной похвалой отзывался о болѣе жестокихъ изъ нихъ. Предавалъ онъ себя такъ истязаніямъ иногда по нѣскольку разъ въ день, пока, наконецъ, не стали догадываться, что онъ вѣрно рабъ Божій, и перестали бить его за его шутки и оскорблять словами.

Кромѣ этого рода самоуниженія и изможденія плоти, Гриць на колѣнѣхъ постоянно поддерживалъ рану, неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ открывшуюся у него. Чтобы рана не заживала, онъ постоянно растравлялъ ее известью, истолченнымъ стекломъ, золою и другими ѣдкими веществами. Эта рана причиняла ему большія страданія, что ясно отражалось на лицѣ его, но онъ тщательно скрывалъ это отъ всѣхъ, даже отъ хозяйки своей квартиры. Только въ глубокую ночь, когда все спало, онъ иногда позволялъ себѣ стонать, но, когда разъ хозяйка спросила его, почему онъ стоналъ ночью, онъ отвѣтилъ: «я не стоналъ», и съ тѣхъ поръ удерживался отъ стонаній. Эта рана была у него тайной, которую онъ скрывалъ отъ всѣхъ. Только одинъ разъ, случайно, въ минуту откровенности, онъ сказалъ одному изъ знакомыхъ, что эта рана для него очень дорога: «дороже милліона». И унесъ эту тайну Гриць съ собою въ могилу, никому не сказалъ, — зачѣмъ онъ это дѣлалъ, поддерживалъ рану: распиналъ ли свою плоть со страстями и похотями, чтобы не могъ въ ней появиться и развиться какой-либо плотской грѣхъ; отвлекалъ ли чувствомъ боли свое сознаніе отъ какихъ-либо нехорошихъ мыслей и чувствъ, появившихся въ его умѣ и сердцѣ и смущавшихъ его чистую совѣсть; или этимъ отражалъ какое-либо изъ искушеній діавола, — все это осталось скрытымъ. Жизнь велъ Гриць простую, скромную, дѣтскую; опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, хотя всегда чѣмъ-то былъ занятъ. Любимѣйшимъ удовольствіемъ его было посѣщеніе храма Божія, гдѣ онъ предъ образами ставилъ много свѣчей, на покупку которыхъ собиралъ деньги, говоря: «позычь (дай взаймы) на золото». Изъ трехъ приходскихъ церквей онъ

постоянно ходилъ въ каменную Воскресенскую, гдѣ ставилъ предъ образами много свѣчей—фунтовъ по десяти и болѣе, особенно въ большіе праздники. Въ базарные дни Гриць обыкновенно ходилъ по базару, раздавалъ поселянамъ крестики, говорилъ многимъ изъ нихъ знаменательныя изреченія, имѣвшія отношеніе къ ихъ жизни. Такъ, обратясь къ одному селянину, вмѣстѣ съ другими окружавшему Гриця на базарѣ, онъ сказалъ: «тебе сегодні коза брыкне», что вызвало смѣхъ окружающихъ и самого селянина; но что же?—этотъ селянинъ, не доѣхавъ до дому, умеръ отъ удара.

Иногда посѣщалъ Гриць и свою родину, село Кучиновеу. Являясь къ родственникамъ, онъ обыкновенно заявлялъ, что пришелъ къ нимъ въ гости и при этомъ прибавлялъ, чтобы угощали его «яичкомъ и молочкомъ». И здѣсь онъ раздавалъ крестьянскимъ дѣтямъ крестики, а, бывая въ церкви, ставилъ предъ образами свѣчи. Нерѣдко посѣщалъ онъ и Кіевъ. Бывая въ Кіевѣ, онъ предавался подвигамъ самоуниженія или раздавалъ богомольцамъ крестики и образки, а нищимъ деньги и вещи, пріобрѣтенныя имъ подаяніемъ. Кіевскіе нищіе и дали ему, какъ думаютъ, названіе «золотого Гриця» за его любовь къ нимъ и щедрую милостыню.

Слывшій долгое время за глупца, Гриць въ дѣйствительности былъ очень уменъ, смѣтливъ и дальновиденъ. Взглядъ на вещи онъ имѣлъ здравый, сужденія высказывалъ вѣрныя, только обыкновенно въ такой формѣ, въ которой трудно было сразу понять ихъ. Хотя грамоты онъ не зналъ, но умѣлъ чертить кой-какіе предметы, цифры и даже подписывать кое-какъ свое имя. Письма, которыя ему приходилось посылать въ разныя мѣста, писали ему другіе, и въ этихъ письмахъ былъ видѣнъ тотъ же загадочный Гриць: вѣрныя мысли заключались въ пустыхъ, повидимому, фразахъ, ясный смыслъ которыхъ былъ понимаемъ только тѣми, кто получалъ ихъ.

Встрѣчаясь съ каждымъ, кто бы онъ ни былъ,—знакомый или незнакомый, Гриць обыкновенно подавалъ руку, только

подавалъ не всегда одинаково: иногда всю, иногда два только пальца, иногда одинъ, а иногда протягивалъ только руку и и сейчасъ же отводилъ ее назадъ.

Всѣ, кому приходилось слышать о Грицѣ, искали его знакомства, иногда въ надеждѣ узнать отъ него какую-либо тайну, но онъ принималъ у себя не всякаго; напримѣръ: одна знатная дама простояла у его хижины около двухъ часовъ, прося дозволенія поговорить съ нимъ, а онъ отвѣчалъ одно: «некогда мнѣ». Принимали Гриця у себя Черниговскій епископъ Павелъ и Кіевскій митрополитъ Филаретъ; оба оказывали ему особенное вниманіе, удостоивали своей бесѣды и дарили ему свои подрясники, которые Гриць также отдавалъ бѣднымъ.

Гриць видѣлъ во многихъ, иногда совершенно неизвѣстныхъ ему лицахъ, внутренній ихъ міръ и сообразно съ нимъ поступалъ. Придя однажды къ горничной седневскаго помѣщика Л., Гриць попросилъ «воды съ духомъ», какъ онъ выражался, т.-е. чаю; та про себя подумала: «эхъ, некогда мнѣ,—не во время пришелъ», однако заварила чай и подала Грицю, но онъ пить не сталъ, говоря: «некогда мнѣ,—не во время пришелъ», и съ этими словами вышелъ изъ комнаты.

Подвигами самоотреченія и любви душа Гриця возвысилась до прозрѣнія будущаго. Въ Седневѣ не было почти человѣка, которому Гриць не предсказалъ бы чего-нибудь знаменательнаго въ его жизни, что не исполнилось бы впослѣдствіи, хотя обыкновенно свои предсказанія прикрывалъ таинственностію, и ясный смыслъ ихъ открывался уже послѣ ихъ исполненія. Если же кто не довольствовался его загадочными словами и просилъ поясненій, онъ отвѣчалъ: «почемъ я знаю: чи я цыганъ, чи я жидъ?»

Въ 1852 году, когда о Крымской войнѣ не было еще и рѣчи, Гриць убралъ дворъ при своей квартирѣ разными предметами, которые изображали у него воинскіе снаряды. Онъ развѣсилъ разнаго рода флаги: красные, бѣлые и си-

ніе съ краснымъ, якори, шары разные, молотки желѣзные и деревянныя, булавы, головы человѣческія, выдѣланныя изъ дерева, пѣтуха, сдѣланнаго изъ листового желѣза и т. п. По временамъ онъ дѣлалъ перемѣны въ разстановкѣ этихъ вещей. Кромѣ того, на дворѣ изъ навозной земли сдѣлалъ курганъ на подобіе могилы и усыпалъ его цвѣтами. Все это для жителей Седнева долго казалось страннымъ и загадочнымъ, пока, наконецъ, не пріѣхалъ въ Седневъ курьеръ молодой офицеръ. Замѣтивъ странный видъ двора Гриця (квартира его была вблизи большой дороги), офицеръ завернулъ къ домику и, встрѣтивъ хозяйку его, спросилъ у нея, — «что это за выставка?» Хозяйка отвѣтила, что это шалости или забава одного дурачка, у нея живущаго. Офицеръ, разсмотрѣвъ все пристально, сказалъ ей: «нѣтъ это не шалости и не забава, а дѣло серьезное. Человѣкъ извѣстный у васъ за дурачка, — не дурачекъ: это указанія на войну, которая затѣвается съ турками. Я везу объ этомъ вѣсти». И, дѣйствительно, война съ Турціей въ скоромъ времени была объявлена.

Незадолго до смерти Императора Николая I-го, несмотря на то, что и слуховъ объ его болѣзни не было, Гриць неоднократно спрашивалъ: «чи здоровъ нашъ Государь?» — Въ скоромъ времени получена была вѣсть о кончинѣ Императора.

Изъ имѣвшихся у Гриця портретовъ защитниковъ Севастополя, онъ однажды снялъ портретъ Корнилова, бросилъ его на землю и разбилъ вдребезги. На вопросъ: «зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?» — отвѣтилъ: «ненуженъ онъ больше». И что же? Спустя нѣсколько дней получено было извѣстіе, что адмиралъ Корниловъ убитъ.

Особенно часто, какъ сказано выше, Гриць дѣлалъ предсказанія жителямъ мѣстечка Седнева. Такъ одинъ купецъ А. С. собирался ѣхать въ южныя губерніи покупать скотъ; въ это время пришелъ къ нему Гриць и сталъ уговаривать не ѣздить за покупкой скота и совсѣмъ оставить эту тор-

говлю. Купецъ не послушался Гриця, поѣхалъ, купилъ много скота съ тѣмъ, чтобы отправить его для продажи въ Петербургъ. Опять явился къ нему Гриць и убѣждалъ не гонять скота въ Петербургъ, а продать лучше здѣсь, предсказывая, что онъ продастъ его въ Петербургъ по 35 руб. за штуку. Это такъ смутило и разсердило купца, что онъ прогналъ Гриця. Но что же случилось? Отправленный въ Петербургъ скотъ на дорогѣ заболѣлъ, много его околѣло, а остальной такъ былъ худъ, что съ трудомъ былъ проданъ за безцѣнокъ и въ общемъ каждая штука обошлась не больше 35 руб., какъ и предсказывалъ Гриць. Купецъ совсѣмъ разорился; тогда Гриць сталъ утѣшать его, удерживать отъ ропота, предостерегать отъ отчаянія. Желая доказать, что все съ нами случающееся бываетъ по соизволенію Божію, онъ говорилъ скорбящему купцу: «ну, подавай жалобу на Бога, а когда видишь самъ, что это невозможно, лучше молись Ему почаще и по-усердѣе, Онъ не оставитъ тебя и дастъ тебѣ утѣшеніе въ дѣтяхъ». Смотри на дѣтей, Гриць говорилъ: «вотъ этотъ младшій сынъ будетъ уменъ и богатъ, будетъ жить подъ зеленой крышей; средній будетъ ѣздить на одномъ возу съ поповичами, а третій будетъ купчикъ-перекупчикъ». Все это такъ и исполнилось надъ дѣтьми купца: два изъ нихъ, по окончаніи курса въ гимназій, поступили въ университетъ и ѣздили на каникулы на одномъ возѣ съ поповичемъ, тоже учившимся въ университетѣ. По окончаніи курса въ университетѣ младшій получилъ мѣсто съ казенною квартирой и дѣйствительно жилъ подъ зеленой крышей; средній поступилъ на государственную службу въ Черниговѣ, а старшій занялся торговлей, но торговлей самой мелочной и на чужой капиталъ.

Одной дѣвушкѣ Гриць также предсказалъ, что она выйдетъ замужъ въ такой приходъ, гдѣ колокольня безъ верха. Это показалось тогда очень страннымъ и несбыточнымъ, такъ какъ вблизи нигдѣ не было недостроенной колокольни, а вдаль

отдавать невѣсть не было тогда въ обычаѣ. Но вотъ случайно прїѣзжаетъ въ это село вунецъ изъ Козлова, человѣкъ холостой, увидѣлъ эту дѣвушку, познакомился съ нею и женился на ней. Когда она прїѣхала въ Козловъ, то увидѣла, что тамъ колокольня, поврежденная бурей, стояла безъ верха. — Могъ ли это предвидѣть обыкновенный простой человѣкъ?

Зная прозорливость Гриця, нѣкоторые прибѣгали къ нему за помощью въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Такъ, у одного казака мѣстечка Седнева К. были украдены деньги, спрятанныя имъ въ погребѣ. Онъ рѣшился обратиться къ Грицю съ просьбою указать вора, только не зналъ, какъ завести рѣчь объ этомъ, такъ какъ Гриць не любилъ подобныхъ разспросовъ. Наступилъ праздникъ. Гриць, имѣвшій обыкновеніе собирать отъ присутствующихъ въ церкви деньги на покупку свѣчей, подошелъ къ К. и сказалъ: «Савва! давай копѣйки на золото», т.-е. на свѣчи. Тотъ съ грустью отвѣтилъ, что у него нѣтъ денегъ. «Развѣ у тебя пропало 100 рублей?»—сказалъ Гриць,—не безпокойся, ты получишь ихъ». К., послѣ обѣдни зашелъ въ домъ своего знакомаго П. попросить, чтобы тотъ разспросилъ Гриця, бывшаго воспріимникомъ дѣтей П., кто именно укралъ его деньги. П. обѣщалъ это сдѣлать и обратился къ Грицю съ просьбою указать вора; Гриць, почесывая голову, сначала сказалъ, по обыкновенію:—«чи я цыганъ, чи я жидъ», но потомъ добавилъ: «чертикъ маленькаго человѣчка научилъ, онъ и взялъ деньги». К., придя домой, сталъ допрашивать трехъ учившихся у него портняжеству мальчиковъ,—не бралъ-ли кто изъ нихъ его денегъ, и одинъ сознался, что, пряча свое оружье въ погребѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ были кирпичемъ накрыты деньги, взялъ ихъ и зарылъ въ землю въ саду,—и деньги были найдены.

Иногда предсказывалъ Гриць будущія событія посредствомъ рисунковъ. Такъ, придя разъ въ домъ своей хозяйки, казачки Шудрихи, Гриць схватилъ уголь, нарисовалъ на стѣнѣ,

только что выбѣленной, пожарную каланчу и тотчасъ ушелъ. Вслѣдъ за нимъ, черезъ нѣсколько часовъ загорѣлась въ трубѣ сажа и съ трудомъ была погашена. Когда хозяйка на другой день на него привякнула, почему онъ, зная о предстоящей опасности, не предупредилъ ее, онъ, свою очередь, сталъ на нее кричать: «почему я знаю будущее? Чи я цыганъ, чи я жидъ?—Не люблю я, что ты все за мною примѣчаешь!» Другой разъ, придя въ одинъ седневскій домъ, Гриць нарисовалъ на столѣ четыре гроба: три маленькихъ, одинъ большой. На вопросъ хозяйки: «что ты, Гриць, дѣлаешь?»—отвѣтилъ: «такъ будетъ», и ушелъ. И что же? Спустя нѣсколько времени помѣшанная сестра хозяйки дома утопила ночью троихъ своихъ дѣтей,—одного дома въ кадкѣ, а двухъ въ криницѣ, и сама утопилась.

Предвидѣлъ Гриць и день своей кончины, о которой сдѣлалъ предсказаніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ одномъ домѣ собралась седневская молодежь. Пришелъ сюда и Гриць; схватилъ съ головы одной дѣвушки А. К. платокъ, а съ парня К. шапку, снялъ ихъ вмѣстѣ, бросилъ и тотчасъ же ушелъ. Что же случилось? К. вскорѣ умеръ во время эпидеміи, а дѣвушка А. К. скончалась при слѣдующихъ обстоятельствахъ: когда она сговорена была за одного изъ молодыхъ людей, въ домъ ея родителей пришелъ Гриць и сталъ убѣждать ихъ не отдавать дочь замужъ. «Когда невѣстѣ исполнится 20 лѣтъ?»—спросилъ онъ у матери; та отвѣтила, что 20 лѣтъ ей будетъ 18 марта. «Вотъ увидишь, сказалъ на это Гриць, мы отдадимъ ее тогда за великаго генерала». Слова эти приняла мать за шутку, но все таки сватовство почему то разстроилось. Спустя немного времени, на первой недѣлѣ Великаго поста, Гриць, встрѣтившись съ тою же дѣвицею въ церкви, взялъ ее за руку, крѣпко сжалъ ее и сказалъ: «кажется, Саша, намъ сей годъ Пасха будетъ не въ модѣ». И, дѣйствительно, эта дѣвица 18 марта, въ тотъ день, какъ исполнилось ей 20 лѣтъ, заболѣла и вскорѣ

умерла. Да и самъ Гриць не дождался Пасхи: онъ скончался на третьей недѣлѣ Великаго поста, прежде означенной дѣвицы. Незадолго до своей кончины онъ болѣе точно, хотя также прикровенно, опредѣлялъ время своей кончины, говоря: «я скоро покачусь и на третьей верстѣ опухну» (по словамъ другихъ «умру»): въ этихъ словахъ видѣли потомъ указаніе на третью недѣлю Великаго поста, на которой умеръ Гриць.

Скончался Гриць 22 февраля 1855 года, а погребеніе его происходило 24 февраля. Рѣдко въ скромномъ сельскомъ храмѣ бывало такое стеченіе народа, какъ въ день его погребенія. Массы народа пришли отдать послѣдній долгъ своему любимцу. Всѣ провожали его со вздохами сердечными, прощались съ нимъ, какъ съ роднымъ, хотя ни одного родного ему здѣсь не было.

О томъ глубокомъ уваженіи, которое имѣли къ человѣку Божию знавшіе его, говорятъ не только тѣ толпы народа, которыя пришли проводить его въ могилу, но и то мѣсто, гдѣ онъ похороненъ,—на погостѣ Воскресенской церкви, и та приличная плита, которая положена на его могилѣ любящею рукою, и та надпись, какая сдѣлана на этой плитѣ: «здѣсь поконится прахъ добраго человѣка Григорія Мирошникова, умершаго 1855 года февраля 22 дня. Блажени нищій духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное»^{*)}.

Старцы: о. Паисій Величковскій и о. Макарій Оптинскій и ихъ литературно-аскетическая дѣятельность.

Великій старецъ о. Паисій Величковскій и о. Макарій Оптинскій своею литературно-аскетическою дѣятельностью оказали могучее вліяніе на развитіе и подъемъ иночества въ

^{*)} См. № 20 „Черн. Епарх. Изв.“ 1893 г.

нашемъ отечествѣ въ XIX столѣтіи. Жизнеописаніе о. Макарія нами помѣщено въ этой книжкѣ, а житіе о. Паисія будетъ въ ноябрьской книжкѣ. Чтобы еще болѣе освѣтить эту сторону въ жизнедѣятельности великихъ старцевъ мы и предлагаемъ здѣсь благосклонному вниманію нашихъ читателей свое изслѣдованіе по данному вопросу.

А. Н.

I.

Старецъ Паисій и его литературно-аскетическіе труды; о. Макарій Оптинскій и его отношеніе къ этимъ трудамъ.

Старецъ Паисій былъ родомъ изъ г. Полтавы. Онъ родился въ 1722 г. Его отецъ протоіерей Іоаннъ Величковскій служилъ при городской соборной церкви въ честь Успенія Пресвятой Богородицы и скончался, когда его младшему сыну Петру, —впослѣдствіи о. Паисій,—было еще около 4 лѣтъ только. Воспитанный благочестивою матерію Ириною, мальчикъ Петръ Величковскій на 14 году былъ опредѣленъ въ Кіевское училище. Но проучился здѣсь только 4 года. Въ жаждѣ иноческихъ подвиговъ онъ тайно оставилъ школу и поселился въ Любичкомъ монастырѣ, откуда въ скоромъ времени перешелъ въ Николю-Медвѣдовскій монастырь, гдѣ и былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Платона на 19 году своей жизни. Однако ревнитель иноческой жизни встрѣтилъ въ обителяхъ далеко не то, чего искала его идеально-настроенная душа. Вспоминая объ этомъ впослѣдствіи, старецъ писалъ одному изъ своихъ учениковъ: «Когда вышелъ я изъ міра съ невыразимою ревностью, что и самъ ты знаешь, чтобы усердно трудиться въ монашествѣ для Бога (Богъ вѣдаетъ, Отче, что не лгу), не сподобился я въ юности своей и въ началѣ монашествованія видѣть ни отъ кого даже слѣда здраваго и правильнаго разсужденія, совѣта и наученія по ученію святыхъ отцовъ, чтобы новоначальный и неопытный я могъ бы начать свое бѣдное монашество-

ваніе и какимъ разумѣніемъ. Вначалѣ я вошелъ въ нѣкоторый пустынный монастырь. Тамъ по неизреченному Божьему благоутробію удостоился я и принять начало монашескаго чина. Но даже слѣда здраваго наставленія отъ кого-либо не сподобился видѣть или уразумѣть: что есть послушаніе, и въ какой силѣ и разумѣніи совершается, и какую имѣетъ пользу сокровенною въ себѣ и приносить послушнику. Ни самъ игуменъ, ни воспріемный старецъ мой не дали мнѣ въ этомъ никакого наставленія. Постригли меня безъ всякаго необходимаго для новоначальнаго искуса, который выражается въ отреченіи своей воли и разсужденія. Они оставили меня жить безъ всякаго духовнаго окормленія. Мой воспріемный отецъ по моемъ постриженіи прожилъ въ обители только одну недѣлю. Потомъ ушелъ, но куда, это неизвѣстно мнѣ и понынѣ. Онъ сказалъ мнѣ только это: брате, ты еси письменный, яко тебе Богъ научить, тако и живи».

И это нисколько не удивительно при обстоятельствахъ того времени. Настоятелями монастырей были ученые иноки. Они далеко стояли отъ братіи. Богословская литература, которой они пользовались, почти вся была на латинскомъ языкѣ, который былъ къ тому же и языкомъ школьнаго преподаванія, и простымъ инокамъ она конечно была недоступна. Славяно-русская литература была скудна, да и то по большей части устарѣлая. Притомъ ученое монашество по большей части было направленія практическаго и привыкло заниматься только дѣлами церковно-общественнаго служенія. Нравственно-аскетическая дѣятельность не была у нихъ въ особенномъ вниманіи. И такія личности, какъ св. Дмитрій Ростовскій, св. Θεодосій Черниговскій, Лазарь Барановичъ, Іоаннаъ Максимовичъ, Іосафъ Горленко и нѣкоторые другіе были только единицами и, хотя страдными, но исключеніями. Понятно, что при такихъ условіяхъ настоятели монастыря—ученые иноки—не могли быть и не были настоящими руководителями монашествующихъ. И неудивитель-

но, что монашество все болѣе и болѣе приходило въ упадокъ.

Убѣдившись въ печальной дѣйствительности, о. Паисій, какъ натура могучая, однако не упалъ духомъ и не опустился, какъ то случилось со многими, но тѣмъ настойчивѣе сталъ добиваться своей цѣли.

«Итакъ, я, оставшись, какъ овца безъ пастыря, никѣмъ не окормляемый, началъ сбитаться, продолжаетъ онъ далѣе, и туда, и сюда, ища найти пользы своей душѣ, покоя и окормленія, и не находилъ, пока не достигъ тихаго и небурнаго пристанища въ святой горѣ, въ надеждѣ: не найду ли хотя тамъ нѣкоторую отраду душѣ своей?»

«Но я тамъ, когда я пришелъ, братіи изъ нашего русскаго народа и знающихъ Священное Писаніе, т.-е. грамотныхъ, оказалось мало. Итакъ, желательнаго для своей души окормленія не удостоился получить. Съѣзъ я въ нѣкоторой келліи, въ мнимомъ уединеніи, на нѣкоторое время и, положившись на Божіе промышленіе о моей бѣдной душѣ, началъ перечитывать помалу отеческія книги, доставая ихъ отъ своихъ о Богѣ благодѣтелей изъ Сербской и Болгарской обителей и читалъ внимательно»^{*)}). Скоро около него собрался кружокъ и другихъ ревнителей иноческихъ добродѣтелей, вмѣстѣ съ коими онъ и подвизался. Въ это-то время старецъ Паисій и пришелъ къ сознанію о необходимости для правильнаго теченія иноческой жизни какъ правильнаго старческаго руководства, такъ и соотвѣтствующаго задачамъ монашества духовно-аскетическаго просвѣщенія, почему и сталъ собирать святоотеческую аскетическую литературу. Объ этомъ онъ пишетъ:

«Когда я жилъ еще на святой горѣ Аѳонской, съ малымъ числомъ братіи, я твердо зналъ изъ ученія и заповѣдей нашихъ богоносныхъ отцевъ, что тому, кто имѣетъ въ своемъ

^{*)} (287—289 стр. Житія и Писанія старца Паисія изд. 1847 г.).

окормленіи *) братію, не должно учить и наставлять по своему разумѣнію и соображенію. А слѣдовало учить такъ, какъ слѣдовало бы согласно съ истиннымъ и правильнымъ пониманіемъ Священнаго Писанія, такъ, какъ учать получившіе просвѣщеніе отъ Святаго Духа, по благодати, божественные вселенскіе отцы и учителя, равно и учителя и наставники монашеской жизни. Зналъ еще и о своемъ скудоуміи и боялся и трепеталъ: какъ бы, какъ слѣпоцу въ яму погибели не пасть мнѣ самому, изъ-за моей неопытности, и не ввергнуть бы и тѣхъ, кто мнѣ слѣдовалъ. Поэтому въ основаніе непоколебимое для истиннаго и неуклоннаго и чуждаго обольщенія наставленія въ истинномъ пути для своей бѣдной души и для братіи я положилъ божественное писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта и толкованіе его по благодати Пресвятаго Духа истинное, т. е. ученіе богоносныхъ нашихъ отцевъ вселенскихъ учителей и наставниковъ въ иноческомъ житіи, святыя соборы, и всѣ соборныя, Апостольскія и святыхъ отецъ правила, которыя принимаетъ Святая, Соборная и Апостольская Церковь, и всѣ ея заповѣди и чинопослѣдованія. Все это, какъ уже сказалъ, я принялъ для наставленія себѣ и святой братіи. Такъ поступилъ я, чтобы какъ я, такъ и живущая со мною братія, будучи наставляемы ими, при содѣйствіи и вразумленіи Божіей благодати, не уклонились бы отъ правильнаго и соборнаго пониманія святой Церкви православной. И въ первыхъ я усердно сталъ, при помощи Божіей, но съ большимъ трудомъ и расходомъ, приобрѣтати отеческія книги о послушаніи и трезвеніи, вниманіи и молитвѣ.

*) Слово: „окормленіе“ мы оставляемъ безъ перевода потому-что русское слово, коимъ это слово нерѣдко переводится: „руководство“ не вполне выражаетъ кругъ тѣхъ идей, какія охватываются словомъ: „окормленіе“. Окормленіе есть такое воспитаніе опытнымъ инокомъ инока молодого, когда старецъ не только исправляетъ, учить, предупреждаетъ послушника, но и своею жизнію подаетъ примѣръ и своими наставленіями и совѣтами какъ бы питаетъ, кормитъ, какъ мать маленькое дитя, и духовно раститъ

То самъ своею рукою переписывалъ, то покупалъ и за деньги, что выручали мы трудами рукъ своихъ на необходимыя нужды. Изъ-за этого много разъ терпѣли даже добровольно скудость въ пищѣ и одеждѣ. На эти средства мы покупали вышеупоминаемыя книги на славянскомъ языкѣ: и считали ихъ за небесное сокровище, которое давалось намъ незаслуженно отъ Бога». Но и здѣсь для старца не обошлось безъ неожиданныхъ и глубоко прискорбныхъ препятствій. И текстъ имѣвшихся переводовъ былъ очень неисправенъ, а многихъ книгъ и совсѣмъ не было. «Когда же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я прочитывалъ, говоритъ старецъ, ихъ съ прилежаніемъ, то нашелъ во многихъ мѣстахъ поразительную неясность, нашелъ также и то, что во многихъ мѣстахъ не было даже грамматическаго смысла. Много разъ и съ невыразимымъ трудомъ и напряженіемъ я перечитывалъ и тѣмъ не менѣе не находилъ искомаго смысла. Одинъ Богъ знаетъ, какой печалью была полна моя душа. Я былъ въ недоумѣніи: что дѣлать?» Это и привело его къ сознанію необходимости исправленія переводовъ, а также и къ переводу заново. «Подумалъ, что славянскія отеческія книги можно хотя малость поисправить съ другихъ славянскихъ книгъ. И сталъ я своею рукою писать по четыремъ спискамъ книги Св. Исихія, пресвитера Іерусалимскаго, и святаго Филофея Синаита, святаго Θεодора Эдесскаго, въ надеждѣ, что, сопоставивъ текстъ четырехъ списковъ, увижу въ нихъ грамматическій смыслъ. Но напрасенъ былъ весь мой трудъ. И такимъ путемъ сопоставленія четырехъ списковъ не нашелъ полнаго смысла. Шесть недѣль день и ночь исправлялъ я книгу святаго Исаака Сирина по другой такой книгѣ, которая, по засвидѣтельствованію одного лица, во всемъ точна съ греческою, но и—этотъ трудъ мой былъ напрасенъ. По времени я убѣдился, что свой лучший списокъ я испортилъ

его. Поэтому, если уже переводить это слово, то ближе двумя словами: духовное воспитаніе.

по той худшей. Когда же такъ много разъ я потерпѣлъ, тогда понялъ я, что напрасно тружусь въ воображаемомъ исправленіи книгъ славянскихъ съ славянскихъ же. И сталъ я допытываться старательно: откуда такая неясность въ книгахъ и потеря смысла. И стараніемъ своего немощнаго ума я постигъ, что двѣ причины этого явленія. Первою причиною была неопытность переводчиковъ книгъ съ еллино-греческаго на славянскій языкъ. Вторая же причина—неосвѣдомленность и нерадѣніе неопытныхъ переписчиковъ. Тогда я уже совершенно отчаялся увидать въ славянскихъ отеческихъ книгахъ правильный и истинный смыслъ, какой находится въ подобныхъ книгахъ еллино-греческихъ. За время своего многолѣтняго пребыванія на Святой Горѣ я отчасти научился разговаривать на простомъ греческомъ языкѣ.

Тогда я принялъ самое усердное, съ болѣзнію сердца, намѣреніе искать еллино-греческихъ отеческихъ книгъ, въ надеждѣ по нимъ сдѣлать исправленіе славянскихъ. И во многихъ мѣстахъ и не одинъ разъ искалъ, и не могъ найти. Пошелъ также въ великій скитъ лавры святой Анны, и въ Капсокаливу, и въ скитъ Ватопедскій, св. Димитрія, и въ другія лавры и монастыри, и всюду спрашивалъ образованныхъ лицъ, и опытныхъ и престарѣлыхъ духовниковъ, и честныхъ иноковъ, о книгахъ отеческихъ поименно, но нигдѣ не сподобился найти такихъ книгъ. Зато отъ всѣхъ я получалъ единодушно такой отвѣтъ: такихъ книгъ мы не только не знали до сего времени, но даже и именъ такихъ святыхъ не слыхивали. Получивъ такой отвѣтъ, Богъ вѣдаетъ, въ какое пришелъ я недоумѣніе, уяснивъ, что даже и въ такомъ святомъ мѣстѣ и избранномъ отъ Бога для тихаго и безмолвнаго пребыванія иноковъ, гдѣ многіе и великіе и совершенные святые пожили, не только не удостоился найти столь желательныхъ мнѣ святыхъ тѣхъ книгъ, но даже не услышалъ я самыхъ именъ тѣхъ свя-

тыхъ отъ кого-либо! Вслѣдствіе сего я впалъ въ немалую печаль объ этомъ. Однако всю свою надежду объ отысканіи таковыхъ книгъ возложилъ на Бога и молилъ Его неизреченное милосердіе, да имже вѣсть судьбами удостоитъ меня, какъ всесильный и всемогущій, найти эти книги. Премилосердый же Богъ не презрѣлъ усерднаго моего желанія достать отеческихъ книгъ на единого-греческомъ языкѣ и по неизреченному Своему Промыслу сподобилъ меня найти такія книги, и нѣкоторую часть ихъ приобрести слѣдующимъ образомъ. Шелъ я разъ съ двумя братьями отъ святой великой лавры святаго Аѳанасія Аѳонскаго къ великому лаврскому скиту св. Анны. На пути находился превысокій холмъ св. пророка Іліи, который по высотѣ—третья часть святаго самаго высокаго Аѳона. Подъ этимъ холмомъ, со стороны моря, на весьма высокомъ мѣстѣ, есть одинъ скитъ св. Василія Великаго. Онъ устроенъ въ недавнее время пришедшими изъ Кесаріи Каппадокійской иноками. На прежестовомъ мѣстѣ не имѣется ни потока, ни источниковъ живой воды. Потому скитъ тотъ не имѣетъ ни винограда, ни масличныхъ деревьевъ, ни иного какого-либо утѣшенія міра сего. Одна только дождевая вода служить необходимымъ нуждамъ братія. И пришло намъ желаніе зайти въ этотъ скитъ, частью чтобы помолиться, а отчасти и самое мѣсто то посмотрѣть, тѣмъ болѣе, что еще тамъ не бывали. Когда же мы зашли въ этотъ скитъ и сѣли у церкви, увидалъ насъ одинъ благоговѣйный инокъ. Когда мы поклонились святымъ иконамъ въ той церкви и вышли изъ нея, онъ позвалъ насъ съ любовію въ свою келлію и вышелъ, чтобы приготовить намъ пищу и успокоить насъ отъ утомленія съ пути. Когда я взглянулъ на столикъ, что былъ у окна, увидѣлъ одну открытую книгу, которая лежала на немъ и съ которой онъ переписывалъ другую. Онъ былъ по занятію краснописецъ. Когда я посмотрѣлъ на книгу, то увидалъ, что то была книга св. Петра Дамаскина. Не могу сказать, какой невзъ-

яснимой духовной радости я исполнился, когда увидалъ ее. Я думалъ, что на землѣ вижу небесное сокровище. Когда же братъ возвратился въ келлію, сталъ я его спрашивать съ большою радостью и неописуемымъ удивленіемъ: откуда такая здѣсь книга у святыни твоей сверхъ ожиданія моего оказалась? Онъ сказалъ мнѣ, что есть еще и другая книга этого же святаго, заключающая 24 слова по алфавиту. Когда я спрашивалъ: нѣтъ ли у васъ другихъ такихъ книгъ, онъ отвѣтилъ, что есть такія: св. Антонія Великаго, св. Григорія Синаита, но не вся, св. Филофея, св. Исихія, св. Діадоха, св. Фалассія, св. Симеона, Новаго Богослова, слово о молитвѣ, книга св. Исаіи, и другія такія книги, святаго же Никиты Стифата только 22 главы, а цѣлой у насъ, сказалъ, не находится, развѣ только есть въ библіотекахъ великихъ монастырей. Я спросилъ его: «почему это я, столь долгое время съ болью сердца ища этихъ книгъ, не находилъ, и усердно многихъ честныхъ лицъ спрашивалъ, и не услышалъ?» Отвѣчая мнѣ, онъ сказалъ, что, по его мнѣнію, причина этому та, что книги эти написаны на самомъ чистомъ еллино-греческомъ языкѣ, который, кромѣ ученыхъ, нынѣ и изъ грековъ мало кто и отчасти понимаетъ. Большинство же и совсѣмъ не разумѣютъ. Почему такія книги чуть не совсѣмъ забыты. Потому-то, сказалъ, и ты не сподобился, спрашивая о такихъ книгахъ, даже и слышать что-либо о нихъ. Живущіе же въ этомъ скиту иноки, живя еще въ своей странѣ, въ Кесаріи Каппадокійской, довольно были наслышаны объ этихъ книгахъ, и, придя въ Святую Гору, по многому трудѣ и времени и по расходѣ отъ заработка своимъ руководѣніемъ, приобрѣтали и, платя образованнымъ лицамъ, научились не только простому и самому еллино-греческому языку, и съ Божіей помощью, найдя въ нѣкоторыхъ обителяхъ такія книги, переписываютъ, читаютъ, извлекаютъ пользу, и по силѣ своей принуждаютъ себя на подвигъ по наставленію ихъ. Слыша это, я порадовался

весьма радостью невыразимою о находкѣ такого небеснаго на землѣ сокровища. Началъ усердно его умолять, чтобы ради Божіей любви переписалъ бы и мнѣ такія книги, обѣщая за трудъ его дать ту цѣну, какую бы онъ захотѣлъ.

Онъ же, въ виду множества переписки, отказался и повелъ меня къ другому краснописцу, который жилъ въ томъ же скиту. Этому я также умолялъ съ большимъ усердіемъ о перепискѣ отеческихъ книгъ, обѣщая дать ему за трудъ тройную плату. Инокъ же, ради Божьей любви, видя мое большое стараніе о приобрѣтеніи книгъ, отъ тройной платы отказался. Хотя и много самъ имѣлъ письма, однако обѣщался переписать мнѣ нѣкоторую часть этихъ книгъ, насколько сможетъ и сколько подастъ ему руку помощи Господь. Итакъ, за два съ небольшимъ года до нашего выхода съ Святой Горы краснописецъ этотъ, начавъ переписку, сколько помогъ ему Господь, переписалъ мнѣ часть столь желательныхъ книгъ. Ихъ съ радостью, какъ съ неба посланный даръ, взявши, мы вышли изъ святой горы Афонской для болѣе удобнаго окормленія нашему собранію въ этихъ странахъ въ необходимыхъ нуждахъ». Такимъ образомъ были собраны старцемъ святоотеческія аскетическія творенія, которыя такъ были ему нужны, потому что въ этихъ то книгахъ и заключается отеческое ученіе: о молитвѣ, старцествѣ, общежитіи, обѣтахъ монашества и ихъ основаніе—что также нужно было о. Паисію. «Когда мы, пишетъ онъ далѣе, поселились въ святой Драгомирской обители, я сталъ со всѣмъ прилежаніемъ заботиться и думать: какимъ бы образомъ смогъ я начать дѣло исправленія отеческихъ славянскихъ переводовъ или новаго перевода съ еллино-греческаго. И встрѣтились тому большія препятствія, по нѣкоторымъ извинительнымъ причинамъ. Первое: переводчикъ книгъ долженъ быть вполне ученымъ и не только должно ему быть въ совершенствѣ знающимъ обоихъ свойства языковъ, не только что грамматику и правописаніе, но и самую высшую науку: пѣтику

и риторику, и философію, и быть не перстомъ только коснувшимся богословія. Я же, хотя въ юности моей и пробылъ четыре года въ Кіевскихъ училищахъ, но научился было только отчасти грамматикѣ латинскаго языка, а коснуться высшаго ученія не допустило желаніе иночествованія. Но и тѣ малыя знанія, послѣ прошествія столькихъ лѣтъ, чуть было советѣмъ не позабылъ. Тагъ и боялся и трепеталъ начинать столь великое дѣло. Второю причиною было отсутствіе у меня искусства въ орѳографіи, т. е. правописаніи. А кто неискусенъ если въ правописаніи и рѣшается переписывать святыя книги, по моему мнѣнію, тотъ сердцемъ вѣруеть въ правду, устами исповѣдуетъ во спасеніе, а тотъ рукою своею по причинѣ своего неискусства подвергаетъ ихъ хуленію въ вѣчное себѣ осужденіе, хотя бы въ устномъ произношеніи и не сознавалъ своего хуленія книгъ, какому онъ ихъ подвергъ. Потому и я, бывъ тогда еще неопытнымъ въ правописаніи, боялся, ужасался начинать такое дѣло. Третьею причиною было то, что не имѣлъ лексиконовъ для этого дѣла, кромѣ лексикова Варина, но и тотъ въ келліи брата Макарія почти никогда не находился, въ виду перевода книгъ на молдавскій языкъ. Переводъ же книгъ безъ лексиконовъ таковъ же былъ бы, какъ дѣло произведеніе художника, выполненное безъ приборовъ. Четвертая, что едва нѣкоторую часть зналъ, да и то самую малую, изъ словъ еллино-греческихъ, относительно же всего языка находился чуть не въ полнѣйшемъ незнаніи. Пятая: еллино-греческій языкъ превосходитъ всѣ языки вселенной мудростью, красотой, глубиной и невыразимымъ богатствомъ словъ и оборотовъ, глубину втораго и сами природныя греки, въ совершенствѣ люди ученые, только лишь отчасти могутъ достигать. Это меня приводило въ немалый страхъ: какъ я рѣшился бы съ самаго мудренаго языка начинать дѣло перевода книгъ? Шестая: я боялся начинать это дѣло, зная только самую малую часть изреченій, и не зная всего славянскаго

языка. А онъ—самый нашъ славянскій, славный языкъ, какъ мнѣ думается, несравнимо превосходить многіе языки по своей красотѣ, глубинѣ и изобилію оборотовъ, а также и поразительною близостью къ греческому языку. Эти поименованныя причины и еще иныя большія сихъ, имѣя въ мысли, то отъ безчисленныхъ духовныхъ тѣлесныхъ нуждъ, то несвободность отъ заботъ по внутреннимъ дѣламъ обители, то по внѣшнимъ обстоятельствамъ, едва я не отчаялся до того, чтобы и не начинать это дѣло, какъ самое неудобноисполняемое. Но, видя гладъ слова Божія въ нашемъ собраніи, отъ котораго души братьевъ вмѣстѣ съ моею бѣдною душою вконецъ истаявали, всю свою надежду возложилъ на Господа, Который умудряетъ слѣпцовъ; за молитвами святыхъ братій я и рѣшился на это дѣло, безусловно превосходившее мѣру силъ моихъ—начать его съ такимъ намѣреніемъ, соображеніемъ и, такимъ образомъ. Сознавая мѣру свою, я, что по причинѣ вышеизложенныхъ обстоятельствъ невозможно будетъ мнѣ это дѣло, т. е. исправленіе или и переводъ вновь славянскихъ отеческихъ книгъ съ еллино-греческаго, мною начатое разомъ исполнить съ такимъ совершенствомъ, чтобы въ ряду же были пригодны для пребывающихъ въ прочихъ обителяхъ братіямъ, къ перепискѣ ли или печатанію, и при томъ такъ, что не потребовался бы новый пересмотръ или исправленіе, и видя какъ бы въ зеркалѣ, что не однажды, но еще много разъ, по изысканіи лексиконовъ и по лучшемъ, хотя и маломъ усвоеніи еллино-греческаго языка и славянскаго, и познаніи правописанія и искусствъ въ наблюденіи свойствъ и грамматически-художественнаго строенія послѣдуетъ нужда крайняя опять ихъ по прилежномъ пересмотрѣ мнѣ самому или, если Богъ продолжитъ мою жизнь, или по моей смерти искусными братіями ихъ исправлять. Поэтому то, не не завидуя, какъ думаютъ нѣкоторые, хотящимъ спасенія, но надѣясь, что хотя и по многомъ времени имѣетъ быть многожеланное исправленіе

этихъ книгъ полное, я положилъ въ душѣ непоколебимымъ такой заветъ: пусть этотъ трудъ мой по исправленію или переводу отеческихъ книгъ, какъ въ семъ храмлющій и несовершенный, останется въ нашемъ собраніи ни подъ какимъ видомъ не выходящимъ, доколѣ Божіею помощію не будетъ исправленъ, и не придетъ пока въ должное совершенство». (Житіе и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго, изд. Опт. пустыни, 1847 г., 241—250 стр. «отъ письма Старца Паисія еже писа къ старцу Θεодосію»).

Въ частности старцу Паисію особенно было желательно достать списки твореній Варсануфія В. и Іоанна Пророка и Исаака Сирина. Но, наконецъ, и эти книги ему удалось найти. Исторія ихъ находженія и переводъ также не лишены глубокаго интереса.

Въ напечатанномъ Оптиною пустынею переводѣ книги св. Исаака Сирина о. Паисія, помѣщено «о переводѣ книги святаго Исаака Сирина съ еллино-греческаго на славянскій языкъ краткое изъясненіе» о. Паисія. О. Паисій пишетъ. Когда я находился на святой горѣ Аѳонской, еще съ малочисленною братіею, въ скиту святыхъ равноапостольныхъ царей Константина и Елены, что близъ Пандократорскаго монастыря, я имѣлъ одну книгу святаго Исаака Сирина. Часть ея я списалъ еще въ Кіевѣ, въ лаврѣ, въ дни своей юности. Закончилъ же ее мнѣ уже на Святой Горѣ, по моей просьбѣ, одинъ ревнитель своею рукою. Она и донинѣ у меня находится. Эту книгу на Святой Горѣ я перечитывалъ много разъ и съ вниманіемъ. Но въ многихъ мѣстахъ, гдѣ не было грамматическаго смысла, никакъ не могъ уразумѣть. Тамъ, на поляхъ, я и дѣлалъ отмѣтки нѣкоторыя, надѣясь исправить, если бы нашлась лучшая. По нѣкоторомъ времени нашлась у одного іеромонаха такая книга. Онъ утверждалъ, что его рукопись во всемъ сходна съ одною болгарскою, которой, какъ она писана, болѣе уже четырехсотъ лѣтъ. Болгарская же сходна съ греческою. Я повѣрилъ этому засвидѣтельство-

ванію. Желая свою исправить по ней, я выпросилъ у инока его книгу, и въ теченіе шести недѣль производилъ воображаемое исправленіе, съ трудомъ немалымъ, день и ночь работая. Но мѣста, мною отмѣченныя, не получили исправленія. Точно такъ же оказалось написаннымъ въ той книгѣ, какъ и въ моей. Такой же трудъ и усердное стараніе прилагалъ я и ради другихъ отеческихъ книгъ, какія у меня находились, исправляя ихъ съ болгарскихъ. Но, по времени и при томъ весьма значительномъ, я увидалъ, что и весь трудъ мой, на это положенный, и все воображаемое исправленіе, оказались напрасными и безъ всякой пользы. Тогда то я и понялъ вполнѣ, что отеческія мои книги славянскія, какія находились у меня, не иначе могли бы получить исправленіе, какъ только однимъ способомъ: только отъ первоисточниковъ, съ которыхъ сдѣланы были, т. е. съ книгъ еллино-греческихъ, съ которыхъ и были въ древности переведены на славянскій языкъ. Уразумѣвъ это, я и приложилъ все стараніе къ тому—чтобы, съ Божіею помощью, хотя отчасти узнать осмысленно еллино-греческій языкъ и пріобрѣсти отеческія книги на этомъ языкѣ писанныя или печатныя, въ цѣляхъ исправленія. Болѣе же всего я имѣлъ желанія пріобрѣсти писанную книгу святаго Исаака Сирина, еллино-греческую. А увидать печатную я и надежды въ жизни своей не имѣлъ. И желаніе мое это оставалось неудовлетвореннымъ и въ святой Аѳонской Горѣ, и по выходѣ съ Святой горы въ Молдовлахію, гдѣ находился я въ святой обители Сочествія Святаго Духа, что называется Драгомирнскою, въ теченіе двадцати лѣтъ.

По истеченіи же столькихъ лѣтъ, когда я сталъ приходить уже къ оставленію надежды пріобрѣсти эту книгу на еллино-греческомъ языкѣ, всемогущій Богъ, по благодати Своей, подвигъ святѣйшаго Іерусалимскаго патріарха киръ Ефрема издать эту книгу въ свѣтъ напечатаніемъ ея, для пользы всѣхъ иноковъ, кто желалъ бы изъ нея научиться истинному

безмолвію, по внутреннему челоѣку. Трудъ же и хлопоты по этому дѣлу онъ упросилъ принять на себя образованнѣйшаго іеродидаскала киръ Никифора, нынѣ преосвященнѣйшаго архіепископа Астраханскаго, который былъ тогда въ Царь-градѣ. Тогда же былъ въ Царь-градѣ и одинъ изъ нашего братства. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, сталъ умолять и святѣйшаго патріарха киръ Ефрема и іеродидаскала киръ Никифора, чтобы, когда эта книга будетъ издана въ печати, чтобы соблаговолили бы прислать мнѣ, въ Молдовлахійскій монастырь Драгомирскій. Онъ разсказалъ и о томъ, какъ давно я желаю уже приобрести эту книгу. Съ благосклоннаго согласія святѣйшаго патріарха киръ Ефрема, іеродидаскалъ киръ Никифоръ сообщилъ нашему брату, что, когда, при Божіей помощи, за молитвами святѣйшаго патріарха, лишь эти книги выйдутъ изъ печати, то, такъ сказалъ онъ: въ знакъ моей любви къ вашему старцу, въ первыхъ же пришлю въ даръ ему столь для него желательную книгу святаго Исаака. Это было въ 1768 г. Большую радость доставилъ мнѣ тотъ братъ, когда возвратился и разсказалъ про это. И сталъ я ждать съ доброю надеждою осуществленія этого начинанія. Еще же прежде полученія этого извѣстія, я поручилъ одному брату переписать свою книгу, чтобы она была готовою и приспособленною для исправленія. Въ посту предъ Рождествомъ Христовымъ 1770 года, іеродидаскалъ киръ Никифоръ, исполняя свое обѣщаніе, прислалъ мнѣ безцѣнный даръ—книгу святаго Исаака Сирина греческую печатную. Ее, какъ даръ божественный, ниспосланный съ небесъ отъ Бога, принялъ я съ неописуемою радостью, и со слезами благодарилъ Бога, Который изволилъ столь многолѣтнее объ этой книгѣ желаніе. Немедленно, безъ какого-либо замедленія, при содѣйствіи благодати Божіей, сталъ я прочитывать для того приготовленную славянскую свою книгу, пословно сопоставляя съ еллино-греческою, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сдѣлать нѣкоторое исправленіе въ славянской и чтобы тѣ мѣста, что

были мною отмѣчены, гдѣ не было грамматическаго смысла, получили бы должное разъясненіе, а не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать новый переводъ. Тогда еще, частью, незначительныя познанія я имѣлъ въ еллино-греческомъ языкѣ, частью, не было у меня нужныхъ для этого книгъ, т. е. словарей, кромѣ одного только Верина. Потому то тогдашній мой трудъ и нельзя назвать переводомъ,—это было лишь нѣкоторое исправленіе. Когда же эта книга была переведена съ еллино-греческаго на молдавскій языкъ, тогда я и этотъ переводъ внимательно прочиталъ въ сопоставленіи съ славянскимъ. И гдѣ увидѣлъ нужнымъ, въ славянскомъ текстѣ еще сдѣлалъ исправленія. Такъ какъ при этомъ оказалось въ славянскомъ текстѣ болѣе изреченій, чѣмъ въ греческомъ, то я, по своему заключенію, нашелъ, что это—изреченія истинно самого святаго Исаака, то и оставилъ ихъ въ славянскомъ безъ исключенія, только отмѣтивъ нѣсколько ихъ. Этотъ мой трудъ, начатый по исправленію книги въ Драгомирскомъ монастырѣ въ 1770 г., былъ оконченъ въ 1771 г.*

По нѣкоторомъ же времени былъ найденъ греческій списокъ этой книги.

(Святаго отца нашего Исаака Сирина епископа бывшаго Ниневійскаго, слова духовно-подвижническія, переведенныя съ греческаго старцемъ Паисіемъ Величковскимъ, изд. Коз. Введ. Опт. п. 1854 г., VI—X стр. предисл.).

Объ этомъ о. Паисій пишетъ: «Сообщаю о томъ, какъ съ еллино-греческаго языка эта книга была вновь переведена, по печатной и рукописной еллино-греческой. Въ 1786 году принесли мнѣ рукописную еллино-греческую книгу св. Исаака съ святой горы Афонской, такъ какъ и тамъ было извѣстно давнее мое желаніе приобрѣсть эту книгу и усердная просьба въ ревнителямъ ея перевода. Къ тому же и братья изъ нашего собранія побуждали меня къ этому своими смиренными просьбами. Я же, съ одной стороны, имѣлъ въ виду свою старость и крайнюю тѣлесную слабость, также и величину книги, и

трудность этого дѣла, превосходящую мѣру моихъ силъ, и неизвѣстность часа исхода моего отъ этой жизни, и потому было отлагать намѣреніе свое о переводѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Но, съ другой стороны, видѣлъ я и неисповѣдимый Божій Промыслъ, сподобившій меня увидѣть и еллино-греческую книгу святаго Исаака рукописную, принесенную съ святой горы Аѳонской исключительно для перевода, столь желательную для меня; еще же принималъ во вниманіе и то, что и въ еллино-греческомъ языкѣ чрезъ столько лѣтъ я пріобрѣлъ и большія познанія, къ тому же незадолго до принесенія книги пріобрѣлъ и книги необходимыя къ производству перевода, т.-е. лексиконы, и имѣлъ лексиконы на ветхій и новый завѣтъ; къ тому же, когда эта книга была принесена, въ душѣ моей зародилось непонятное какое-то влеченіе къ переводу вновь книги святаго Исаака Сирина. Этого я не могъ не видѣть. Истинно говорю, что и мысли я совсѣмъ не имѣлъ о новомъ переводѣ книги этого Святаго, если бы не пробудила этого желанія вновь принесенная книга. Видѣлъ же и то, что и ревнители и братія нашего собранія усердно просили меня объ этомъ и побуждали къ этому. Поэтому, возложивъ всю свою надежду на Божію помощь, я началъ новый переводъ книги святаго Исаака Сирина въ томъ же 1786 году въ постъ предъ Рождествомъ Христовымъ.

«По обстоятельному разсмотрѣніи обѣихъ книгъ, въ основаніе перевода я положилъ еллино-греческую печатную, а рукописную имѣлъ при переводѣ въ помощь. И, поистинѣ, большую помощь имѣлъ я при переводѣ отъ нея. Безъ нея и при печатной мой переводъ, при всемъ стараніи, какое прилагалъ бы я, чтобы перевести, въ немаломъ хромалъ бы. Во многихъ мѣстахъ, какъ славянской, такъ и рукописной греческой находятся такіа нѣкоторыя изреченія, какихъ недостаетъ въ печатной. Отсюда можно догадываться, что при славянскомъ древнемъ переводѣ была въ употребленіи подобная греческая рукопись. Переводя эту святую книгу, въ

основаніи имѣлъ греческую печатную, но слово въ слово просматривалъ и греческую рукописную, и давнюю славянскую, и исправленную въ Драгомирѣ. Со вниманіемъ разсматривалъ по силѣ своей пмена и глаголы по лексиконамъ, наблюдая, сколько было возможно, и за свойствами обоихъ языковъ еллинно-греческаго и славянскаго. Я исполнялъ этотъ многожеланный для моей души трудъ, со всею духовною радостью, оставляя безъ вниманія всю болѣзненность свою внутреннюю и вѣшнюю моего грѣшнаго тѣла. Итакъ, по Божіей благодати и по всемогущимъ молитвамъ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, и многомогущими молитвами преподобнаго отца нашего Исаака Сирина, истиннаго учителя, дѣйствующей въ сердцѣ чрезъ умъ, молитвы и безмолвія, былъ законченъ этотъ переводъ мой въ 1787 году.

Объ обстоятельствахъ же находенія книги Варсануфія и Іоанна сообщаютъ уже ученики о. Паисія.

Нашъ блаженной памяти старецъ Паисій, писали они, имѣя неусыпное попеченіе въ собираніи и подаваніи намъ благовоспитательной душевной пищи, прочитавъ въ извѣстной книгѣ Никона Черногорца, на славяно-сербскомъ языкѣ, немногіе отвѣты этихъ богоносныхъ отцовъ Варсануфія и спостника его аввы Іоанна, удивился ихъ боговдохновенному и превосходящему пониманію ихъ разуму въ постническомъ обученіи, и возымѣлъ большое желаніе: какъ бы еще при своей жизни найти полную книгу святаго Варсануфія и перевести бы ее на славянскій и молдавскій языки, ради душевной пользы для насъ, своихъ дѣтей. Часто и съ умиленіемъ напоминалъ онъ и намъ, говоря, что тѣмъ, кто усердствуетъ течь проводить свою жизнь путемъ добродѣтельнаго постничества неуклонно и вѣрноцѣлая книга святаго Варсануфія содержитъ великое сокровище духовнаго разума. Возлагая всю надежду объ отысканіи ея, онъ, нашъ блаженный отецъ, на Бога, исполняющаго всѣ прошенія по благому совѣту сердца, получалъ эту книгу изъ святой горы Аѳонской, стараніемъ

бывшаго тогда тамъ въ древнѣйшей лаврѣ, называемой Ватопедской, преосвященнаго архіепископа Коринесскаго Макарія. Макарій же, испросивъ увольненіе отъ престола, остальное время своей жизни проводилъ въ желательномъ для него безмолвіи въ той лаврѣ, въ которой была и библіотека богатѣйшая, сравнительно съ другими библіотеками монастырей, отеческими книгами. Этотъ Коринескій архіепископъ, отъ схимонаха Григорія, который случился у него изъ-за переписки разныхъ еллинско-греческихъ книгъ, а былъ онъ изъ нашей обители и зашелъ на Аѳонскую гору по благословенію нашего покойнаго отца и по обѣщанію для поклоненія и ознакомленія съ тамошнимъ аѳонскимъ монашескимъ житіемъ, и услышалъ о великомъ желаніи нашего блаженнаго старца и о порученіи ему схимонаху всевозможно постараться отыскать эту книгу святаго Варсануфія. Это онъ принялъ какъ указаніе услужить нашему покойному старцу отысканіемъ и доставленіемъ ея. Тѣмъ болѣе, что онъ слышалъ тамъ, что многіе духовные отцы, постники и начальствующіе въ управленіи церковію имѣли въ пользу для своей души и бывшее на Аѳонской горѣ житіе блаженнаго нашего отца Паисія и его духовныя бесѣды. Ради этого онъ со всѣмъ стараніемъ поискалъ этой книги и нашелъ: одну въ той Ватопедской библіотекѣ, другую же особо въ скиту святой Анны. Онѣ были писанныя на пергаментѣ. Въ нихъ по древности письма многія во многихъ мѣстахъ слова и цѣлыя выраженія изгладились, и далъ ихъ для переписки тому схимонаху. Изъ нихъ тотъ схимонахъ, всматриваясь въ вытершіяся мѣста, старательно переписалъ, а гдѣ нѣкоторыя строки, немногія, въ обѣихъ рукописяхъ не оказались, оставилъ незаполненными, почему и въ переводѣ этой книги остались пустыя мѣста. Переписавъ онъ въ усердный даръ отъ того архіепископа Макарія принесъ въ нашу обитель блаженному нашему старцу Паисію. Старецъ же, принявъ эту книгу, возблагодарилъ Бога за такое духовно-дорогое самое сокровище, и

отдалъ снова переписать на еллино-греческій и молдавскій языки для нашей обители. На славянскій же языкъ онъ, по желанію и просьбѣ всей братіи, самъ блаженный старецъ пожелалъ перевести ее, такъ какъ былъ опытенъ и въ славяно-русс. и еллино-греческомъ языкахъ. Но уже крайнее изнеможеніе его тѣлесныхъ силъ попрепятствовало ему приступить къ этому переводу. Поэтому онъ, блаженный старецъ, чрезвычайно одолѣваемый братією касательно перевода книги, поручилъ это дѣло честному іеромонаху Дороею, который, если и былъ немощнымъ по тѣлу, но, поистинѣ, привыченъ былъ въ послушаніи. За благословеніемъ старца, въ надеждѣ на Божію помощь, онъ взялся за дѣло для пользы своей братіи, и если и часто бывалъ одержимъ болѣзнями, хотя и не скоро, но перевелъ книгу въ славу Христа Спасителя. Но исправить ему ее блаженный старецъ могъ только до половины, разъясняя ему сущность еллино-греческихъ словъ въ отношеніи къ свойствамъ славяно-русскаго языка. Окончилъ же этотъ іеромонахъ Дороей переводъ книги, любовно убѣждаемый нынѣ начальствующимъ у насъ старцемъ Софроніемъ.

(Преподобныхъ отцевъ Варсануфія Великаго и Іоанна руководство къ духовной жизни, въ отвѣтахъ на вопрошенія учениковъ, изд. Коз. Введ. Опт. пустыни, 1852 г., Москва, III—VI стр.).

Переводя отеческія книги о. Паисій глубоко постигъ свойства, какъ славянскаго и греческаго языковъ и тѣ наблюденія, какія онъ сдѣлалъ, и тѣ приемы, какихъ онъ держался, онъ записалъ для памяти. Съ ними по его запискамъ мы и познакомимся здѣсь.

Старецъ по этому поводу писалъ такъ.

а) «Послѣ того, какъ я долго потрудился надъ исправленіемъ отеческихъ книгъ на славянскомъ языкѣ, въ древности переведенныхъ съ еллино-греческихъ, равно и въ переводѣ вновь тѣхъ, вторыя, какъ я полагаю, еще не были пере-

ведены, и донынѣ, и при переводѣ этой книги я, послѣ опыта и старанія, усмотрѣлъ, что всѣ книги на еллино-греческомъ языкѣ несравненно яснѣе обрисовываютъ грамматическій смыслъ, чѣмъ переведенныя съ него славянскія. Это потому, что еллино-греческій языкъ имѣетъ и предшествующія и послѣдующія «арфры» *), которыми грамматическій смыслъ очень много выясняется. Нашъ же славянскій, если и по неисповѣдимымъ невыразимою красотою и чрезвычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ оборотовъ и превосходитъ многія языки, и самый ближайшій къ еллино-греческому по сочетанію именъ и глаголовъ и по строю и свойствамъ болѣе другихъ, тѣмъ не менѣе не имѣетъ не малой доли арфровъ.

Хотя эти мѣстоименія: который, тотъ, тотъ, сей въ славянскомъ языкѣ и служатъ вмѣсто арфровъ, еще имѣетъ и естественныя арфры, коими превосходить и еллино-греческій которыя находятся только въ именахъ прилагательныхъ и причастіяхъ, тѣмъ не менѣе все вышеозначенное только отчасти въ славянскомъ языкѣ замѣняютъ арфры, и не могутъ быть прилагаемы ко всѣмъ оборотамъ и падежамъ, какъ въ еллино-греческомъ, кромѣ звательнаго, и при переводѣ не могутъ быть употребляемы во многихъ мѣстахъ, какъ въ еллино-греческомъ, чтобы дѣлать болѣе яснымъ смыслъ. Но выражается рѣчь несравненно темнѣе. (Тамъ же XII стр.).

б) «Разсмотрѣвъ подробно это и подобное, и желая, чтобы и въ этой книгѣ святаго Исаака, и въ другихъ моего перевода была бы нѣкоторая ясность, приближающаяся, насколько возможно, къ ясности, какая есть въ еллино-греческихъ книгахъ, я усмотрѣлъ, что и въ книгахъ этого премудрѣйшаго и преглубочайшаго еллино-греческаго языка старательно хранится со всей основательностью и положительностью во всѣхъ именахъ правописаніе. Хотя этотъ языкъ и имѣетъ

*) Арфронъ то (кор. ар. араріско)—составъ, членъ. Арфроо—сочленять, соединять. Араріско—задавать, прилаживать, спланивать (греческо-русскій словарь Вейсмана, 188 и 192 стр. 2 изд. С.-П.-Б. 1882) *Арфра*—членъ.

весьма много словъ, которыя и въ единственномъ и множественномъ числѣ произносятся одинаково, тѣмъ не менѣе, какъ это ясно знающимъ его ученіе, этимъ одинаковымъ произношеніемъ не удовлетворяются, но всякое слово еще отмѣчается соответствующимъ правописаніемъ. Усмотрѣвъ это и отсюда взявъ приѣмъ, при переводѣ этой книги и прочихъ, для достиженія желательной ясности взялъ за основаніе, первымъ долгомъ: старательно во всѣхъ словахъ единственного и множественнаго числа сохранять надлежащимъ образомъ правописаніе, не оставляя ни одного слова безъ правописанія, развѣ по ошибкѣ или забвенію. Увѣряю читателей, что въ моемъ переводѣ слова, помѣщенные въ единственномъ числѣ, должно и разумѣть безъ всякаго сомнѣнія въ единственномъ числѣ, а что во множественномъ — съ полнымъ утвержденіемъ. Такое старательное соблюденіе правописанія словъ сдѣлалось въ этомъ переводѣ славянскомъ чистомъ причиною наибольшей ясности.

в) Въ переводѣ этой книги и въ другихъ моихъ трудахъ подобныхъ, всегда пользуюсь тѣмъ видомъ перевода, который именуется дословнымъ. Этимъ способомъ переведены съ греческаго на славянскій Божественное Писаніе и всѣ церковныя и другія книги. Этотъ видъ перевода, какъ надежнѣйшій повелѣлъ употреблять и царь Юстиніанъ Великій Греческій. Этимъ способомъ, весьма мнѣ любимымъ, переводя эту книгу, насколько было можно, я соблюдалъ свойства старательно обоихъ языковъ, какъ общихъ, такъ и нужныхъ для изясненія, употребляя въ славянскомъ языкѣ глаголы: я есть, и бываю, и вмѣсто арфровъ эти мѣстоимѣнія: онъ, тотъ, сей; это же все, употребляемое по нуждѣ въ славянскомъ переводѣ, придаетъ глазамъ нужную для смысла ясность въ переводѣ.

Естественныя же, свойственныя же славянскому языку арфры, о чемъ упомянули выше, которыхъ нѣтъ въ греческомъ, оказывающіяся въ произношеніи именъ прилагатель-

ныхъ и причастій, такъ бываютъ узнаваемы. Имена прилагательныя, когда произносятся естественно удлинненными, тогда проявляютъ свои арфры, напримѣръ: благословенный, святой. Когда же короче, тогда безъ арфры, т. е: благословенъ, святъ. Также и причастія, произносимыя удлинненными, проявляютъ свои естественныя арфры, напримѣръ: творящій, сокращенно же излагая: творя, или творящъ, бываютъ безъ арфровъ. Помѣщаемыми по сочетанію съ греческимъ языкомъ съ арфрами и безъ нихъ даютъ переводу немалую ясность.

г) Еще. Въ еллино-греческомъ *) языкѣ чуть не всѣ слова мужескаго и женскаго рода, поставляемыя съ арфрами или безъ арфровъ, въ именительномъ и винительномъ падежахъ имѣютъ различное произношеніе, чѣмъ весьма яснымъ дѣлается смыслъ. Въ славянскомъ же языкѣ, слова мужескаго рода (неодушевленные) оканчивающіяся на ѣ и ѣ, и женскаго рода неодушевленные, оканчивающіяся на ѣ, въ именительномъ и винительномъ падежахъ имѣютъ одинаковое произношеніе. Поэтому много темнѣе, чѣмъ въ еллино-греческомъ обнаруживается смыслъ.

Также, въ еллино-греческомъ и славянскомъ языкахъ, если и всѣ имена среднего рода въ именительномъ, винительномъ и звательномъ падежахъ, и въ единственномъ и множественномъ числѣ, имѣютъ одно и то же произношеніе. Но такъ какъ въ еллино-греческомъ языкѣ многія имена женскаго рода въ славянскомъ языкѣ бываютъ мало не всѣ рода среднего, поэтому то, изъ-за однообразнаго произношенія въ именительномъ и винительномъ падежахъ, также смыслъ дѣлается неяснымъ.

д) Слѣдуетъ знать и о томъ, что въ моемъ переводѣ этой книги и другихъ, въ словахъ изъ Священнаго Писанія я

*) О. Палсій языкъ аскетическихъ греческихъ писаній называетъ еллино-греческимъ въ отличіе отъ простаго разговорнаго греческаго языка въ очень многомъ отличающагося отъ того языка.

слѣдую тому, какъ изложены въ греческомъ подлинникѣ, никакъ не дерзая измѣнять, полагаю же такъ: какъ въ Святомъ Писаніи находятся, опасаясь обвиненія въ самочиніи, но чтобы былъ переводъ мой вѣрнымъ, какъ нахожу въ греческой книгѣ, такъ и излагаю.

И въ заключеніе прибавляетъ:

«Все это, что о моемъ переводѣ этой книги, по силѣ своего немощнаго ума изложилъ и если гдѣ въ ней мнѣ, какъ человѣку, случилось погрѣшить, прошу всеусердно прощенія и умоляю исправить то съ любовью и духомъ кротости. Трудившійся въ этомъ переводѣ Свято-Вознесенскаго Нямецкаго и Предтечева Секульскаго Молдавлахійскихъ монастырей архимандритъ Паисій Величковскій, родимецъ Полтавскій».

Сколько и какихъ аскетическихъ писаній перевелъ старецъ Паисій, также—что самъ, а что вмѣстѣ съ нѣкоторыми учениками—теперь еще сказать нельзя: по недостатку для того научныхъ данныхъ. На основаніи вышеприведенныхъ выписокъ изъ автобіографическихъ записокъ старца Паисія, изъ состава «Добротолюбія», изд. 1793 и 1822 гг., изъ предисловій и по нѣкоторымъ изданіямъ Оптинской пустыни изъ жизнеописаній старца можно сдѣлать лишь приблизительно-вѣрные, слѣдующіе выводы. 1) Старцемъ Паисіемъ то лично, то съ учениками переведены аскетическія писанія тѣхъ 24 отцовъ, каковыя и составили первое изданіе «Добротолюбія». Въ составъ же «Добротолюбія» входятъ писанія: Антонія Великаго, Григорія Синаита, Діадоха, Иліи Эвдика, Исаіи отшельника, Исихія Іерусалимскаго, Іоанна Карпафскаго, Петра Дамаскина, Каллиста и Игнатія, Каллиста, І. Кассіана, Марка подвижника, Максима Капсоваливита, Никиты Стифата, Никиты монаха, Нила Постника, Петра Дамаскина, Сѹмеона Новаго Богослова, Филофея Синайскаго, Филимона, Теолипта, Теодора Эдесскаго и Теофана.

Всѣ эти писанія главнымъ образомъ имѣютъ своимъ содержаніемъ—«умное дѣланіе» и его приемы,—т.-е. наставле-

нія объ очищеніи души отъ страстей, средствахъ и способахъ къ этому и въ особенности о молитвѣ Иисусовой. Это главное содержаніе отмѣчено и въ самомъ заглавіи изданія. Первые два изданія «Добролюбія» носятъ названіе: «Добролюбіе, или словеса главизны священнаго трезвенія, собранныя отъ писаній святыхъ и богодухновенныхъ отцевъ, въ немже нравственнымъ по дѣянію и умозрѣнію любовіи умъ очищается, просвѣщается и совершенъ бываетъ». Къ изданію есть и предисловіе, въ которомъ и разъясняется подробнѣе то же самое, что кратко выражено въ только что приведенномъ заглавіи.

Къ этой группѣ примыкаютъ и тѣ еще переводы старца о молитвѣ, которые изданы Оптиною пустынею въ «Восторгнутыхъ Класахъ».

II) Старцемъ Паисіемъ еще сдѣланъ рядъ переводовъ такихъ аскетическихъ твореній, кои охватываютъ и весь строй иноческой жизни въ монастырѣ, говорятъ о старческомъ окормленіи, добродѣтеляхъ общежитія вообще, а особенно о смиреніи, его порядкахъ и строѣ и о конечныхъ цѣляхъ этого рода жизни. Такъ имъ были переведены: Варсануфія и Іоанна вопросы и отвѣты, Аввы Дороея, Исаака Сирина, Іоанна Лѣстничника, Максима Исповѣдника, Сѹмеона Новаго Божьего слова, Аввы Ѳалассія и Теодора Студита.

Этотъ послѣдній отдѣлъ переводовъ знаменитаго старца остался безъ изданія при его жизни. Издательницею этихъ трудовъ и явилась Оптиная пустынь, въ которой скоплено и много списковъ старческихъ переводовъ, и нашлись люди и средства для этого святого дѣла.

И если по всей справедливости старцу Паисію принадлежитъ честь обновителя русской иноческой жизни и перваго русскаго инока—наставника и руководителя въ аскетическомъ чтеніи, то и Оптиной пустыни слѣдуетъ приписать ту великую заслугу, что она явилась лучшею и единственною въ Россіи продолжательницею дѣла Паисіева. И ея литературно-

издательская дѣятельность — прямое продолженіе переводческихъ трудовъ старца Паисія. За полустолѣтіе въ этомъ отношеніи Оптиная пустынь сдѣлала такъ много, что оставить эту дѣятельность безъ вниманія было бы большою несправедливостью. Эта дѣятельность настолько содержательна, научно-интересна и практически-жизненно полезна, что на довольно таки тускломъ фонѣ монастырскаго просвѣщенія XIX вѣка является свѣтлымъ и отраднымъ исключеніемъ.

Началась эта литературно-издательская дѣятельность спустя 50 лѣтъ по смерти о. Паисія, когда его ученики воспитали цѣлый сонмъ новыхъ русскихъ подвижниковъ и чрезъ нихъ распространили списки переводовъ старцевыхъ по всей Россіи.

Когда самъ старецъ Паисій пришелъ на Аѳонъ, тамъ въ разныхъ монастыряхъ онъ засталъ уже многихъ выходцевъ изъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напримѣръ, Василій Поляномерульскій, Мисаилъ, Онуфрій, Θεодосій и др.) уже не малое время тамъ подвизались и славились, какъ опытные духовные старцы. Въ концѣ 50-хъ годовъ у Паисія на Аѳонѣ собралось братство изъ 64 человекъ, большею частью русскихъ. По введеніи же штатовъ 1764 г., число выходцевъ изъ Россіи стало сильно увеличиваться, такъ что въ то время отъ Св. Синода были безчисленныя публикаціи объ отысканіи скрывавшихся. Впослѣдствіи въ монастыряхъ архимандрита Паисія Величковскаго, по свидѣтельству Θεοφана, арх. Новоезерскаго, бывшаго въ Валахіи въ 1778 г., собралось братій изъ всѣхъ націй до 1000 человекъ, въ числѣ которыхъ особенно много было русскихъ. Притомъ должно замѣтить, что Паисіевское братство отличалось не одною численностью, но и нравственными достоинствами; видно, что въ то время изъ Россіи удалялись не кое-какіе, а многіе изъ лучшихъ иноковъ и мірскихъ людей, замѣчательныхъ по высотѣ и чистотѣ своихъ духовныхъ стремленій. Многіе изъ этихъ выходцевъ окончили свою жизнь вдали отъ своего отечества; а нѣкоторые Промысломъ Божиимъ возвращены

были въ Россію, одни въ 1779 г. (послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира), другіе въ 1787 г., а больше всего — въ 1801 г., вслѣдствіе всемилостивѣйшаго манифеста, изданнаго императоромъ Александромъ I по вступленіи своемъ на престолъ. И эти то иноки, возвратившіеся въ Россію изъ Аѳонскихъ и Молдавскихъ монастырей и усовершенствовавшіеся тамъ въ монашеской жизни подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, возобновили и возстановили многія русскія обители и вдохнули новую жизнь въ замиравшее до того русское иночество «по штатамъ». Кромѣ общихъ церковно-политическихъ обстоятельствъ того времени, приведшихъ монашество въ упадку, этому во многомъ содѣйствовала и та скудость въ Россіи религіозно-нравственной и аскетической литературы, какая была въ то время. Этому же во многомъ причиной были стѣснительные указа Св. Синода.

Со временъ Петра I печатаніе книгъ, относящихся къ вѣрѣ и духовной жизни, по силѣ духовнаго регламента, представлено было усмотрѣнію Св. Синода. Это подтверждено было Высочайшими указами 27 іюля 1787 г. и 9 февраля 1808 г. Въ цензурномъ же уставѣ, Высочайше утвержденномъ 9 іюля 1804 г., книги духовнаго содержанія могли быть печатаемы только въ духовныхъ типографіяхъ.

Одна только, какъ уже говорили, аскетическая книга «Добротолюбіе» въ первый разъ напечатана была по распоряженію Св. Синода на славянскомъ языкѣ въ 1793 году, и то по особому расположенію къ этому м. Гавріила.

Святоотеческія аскетическія писанія въ то время распространялись между любителями духовнаго просвѣщенія въ рукописныхъ экземплярахъ. Это были труды монашествующихъ и цѣнились очень дорого. Такъ, напримѣръ, одинъ экземпляръ книги Исаава Сиріана въ славянскомъ переводѣ можно было съ трудомъ достать за 30 рублей (нынешнихъ, а по тогдашнему счету 100 руб.).

Книги Священнаго Писанія изъ-за границы русской и сла-

вянской печати, безъ изъятія въ отношеніи содержанія сочиненій, воспрещены были ко ввозу въ Россію именнымъ указомъ 27 іюля 1787 года. Напечатанные о. Паисіемъ Величковскимъ въ Молдавскомъ Немецкомъ монастырѣ въ 1812 г. экземпляры книги Исаака Сирина, случайно попавшіе въ Россію, продавались также недешево: рублей по 15 за экземпляръ.

Переписка же, не говоря о медленности, была очень дорога. Въ этомъ отношеніи интересны письма, находящіеся въ архивѣ Оптиной пустыни, рисующія картину какъ того, какъ совершалась эта переписка и что стоили экземпляры переписанныхъ книгъ.

Между тѣмъ, жизнь передовыхъ сословій Россіи текла по проложенному Петромъ I руслу.

Подъ вліяніемъ запада Европы печать въ Россіи породила громадное количество литературныхъ произведеній, дѣйствовавшая на читателей отъ неотразимыхъ вопросовъ духа человѣческаго, или рѣшающихъ оныя по скольку невѣрно, по стольку и дерзко, о томъ: откуда и кто—мы, отчего несчастны, гдѣ спасеніе, что должно дѣлать, чтобы быть мудрыми въ своей жизни и достигнуть счастія, и что ждетъ насъ впереди? Отвѣтовъ на эти вопросы ни одна наука дать не въ силахъ; между тѣмъ какъ на всѣ эти запросы, присутіе каждой человѣческой душѣ, уже данъ отвѣтъ свыше Создателемъ всего міра въ Откровеніи, и вѣра съ достаточною ясностію и убѣдительностію разрѣшаетъ эти вопросы. Кто самъ на себѣ испыталъ животворныя дѣйствія Божественной благодати, у того уже исчезаетъ всякое сомнѣніе въ цѣли жизни.

Итакъ, съ одной стороны—свѣтская литература своимъ количествомъ и содержаніемъ свободно подавляла и плѣнила мысли людей;—враги православія и христіанства свободно печатали свои книги, напр. въ 1806, 1813, 1817 годахъ и позже, съ дозволенія гражданской цензуры («Сіонскій

Вѣстникъ», «Тайнство креста» и пр.); съ другой стороны— даже готовые переводы старца Паисія Величковскаго лежали подъ спудомъ болѣе 50 лѣтъ.

Вся заслуга въ дѣлѣ выпуска въ свѣтъ этихъ переводовъ принадлежитъ о. Макарію. Пришло благоприятное время, и явились у о. Макарія ученые помощники, сотрудники и покровители.

Осуществленіе мысли о. Макарія имѣетъ свою исторію.

Наталя Петровна Кирѣвская, супруга философа Ивана Васильевича Кирѣвскаго, проживавшая въ с. Долбинѣ въ 40 верстахъ отъ Пустыни, познакомилась въ 1836 году со старцами ея и избрала себѣ въ духовники о. Макарія.

Въ 1845 году Иванъ Васильевичъ издавалъ въ Москвѣ учено-литературный журналъ «Москвитянинъ», и чрезъ свою супругу предложилъ о. Макарію помѣщать въ этомъ журналѣ статьи духовнаго содержанія. Старецъ отвѣтилъ, что предполагалъ бы помѣстить въ журналѣ описаніе жизни старца Паисія Величковскаго. Иванъ Васильевичъ, раздѣляя мнѣніе о. Макарія объ услугахъ, оказанныхъ старцемъ Паисіемъ всему православному русскому иночеству и славянской литературѣ вообще, съ удовольствіемъ согласился на предложеніе украсить этою статьею страницы издаваемого имъ журнала, читаемъ мы въ жизнеописаніи о. Макарія.

Статья сія была напечатана въ 12 книгѣ «Москвитянина» на 1845 годъ и украшена портретомъ старца Паисія.

Въ слѣдующемъ 1846 году, въ бытность свою въ гостяхъ у вышеупомянутыхъ гг. Кирѣвскихъ въ ихъ имѣніи, селѣ Долбинѣ, недалеко отъ Оптиной, старецъ въ радушной и искренней бесѣдѣ съ гостепріимными хозяевами, говоря о разныхъ духовныхъ предметахъ, коснулся о недостаткѣ духовныхъ книгъ, руководствующихъ въ дѣятельной христіанской жизни, и въ заключеніе бесѣды упомянулъ, что у него есть довольно рукописей твореній святыхъ отцевъ подвижниковъ перевода старца Паисія, исполненныхъ духовнаго разума

и пользы. Оказалось, что и у Н. П., которая была прежде духовною дочерью старца Филарета Новоспасскаго, сохранилось также нѣсколько подобныхъ рукописей, доставшихся ей въ наслѣдство отъ упомянутаго блаженнаго старца (смотри о семъ старецѣ въ предисловіи къ книгѣ «Жизнь и Писанія старца Паисія»). О томъ, какъ досталъ эти переводы о. Макарій, мы будемъ говорить ниже, при обзорѣ Оптинскихъ изданій. Со стороны И. В. и его супруги возникъ вопросъ: «что мѣшаетъ явить міру эти духовныя сокровища?» Старецъ съ обычнымъ своимъ смиреніемъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ себя къ тому недостаточнымъ, никогда этимъ не занимался и не дерзаетъ просить о напечатаніи, что видно на это еще нѣтъ воли Божіей и т. п.—И. В. и Н. П. сказали, что они попробуютъ просить о семъ владыку-митрополита и, если не будетъ удачи, тогда уже и они готовы признать, что нѣтъ воли Божіей на сіе благое дѣло. А для того, чтобы начать оное, тогда же положено въ общемъ совѣтѣ, что нужно прежде всего написать хотя бы краткое предисловіе. Принесена бумага и прочее, помолились Богу, хозяева оставили старца одного въ комнатѣ; черезъ часъ онъ позвалъ ихъ къ себѣ: первая страница была написана и прочтена. Н. П. и И. В. К—іе, какъ лично и близко знавшіе покойнаго старца о. Филарета Новоспасскаго, присоединили свѣдѣнія о его жизни. О. Макарій взялъ этотъ листокъ съ собою для показанія о. игумену Моисею, который также присоединилъ рассказъ о старцѣ архимандритѣ Александрѣ, и потомъ начали переписывать имѣющіяся у старца и у г-жи К—ой рукописи—для подготовленія ихъ къ печати, начиная съ писаній самого старца Паисія. К—іе написали въ Москву къ профессору Московскаго университета С. П. Шевыреву, прося, чтобы онъ испросилъ отъ нихъ благословеніе высокопреосвященнаго владыки-митрополита на напечатаніе переводовъ старца Паисія; владыка былъ столько милостивъ, что, вмѣстѣ съ благословеніемъ, обѣщалъ и свое покровительство этому благому дѣлу.

Переписанныя набѣло рукописи были посланы на цензуру къ Ѳ. А. Голубинскому, и до пріѣзда гг. К—ихъ въ Москву въ сентябрѣ 1846 года напечатано С. П. Шевыревымъ 8 листовъ книги жизни и писаній старца Паисія, которая вышла въ свѣтъ въ началѣ 1847 года,—подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Жизніе и Писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго* (съ портретомъ старца), съ прибавленіемъ противъ напечатаннаго въ «Москвитиниѣ»: а) предисловія, заключающаго въ себѣ краткое сказаніе о жизни и иноческихъ подвигахъ учениковъ старца Паисія и нѣкоторыхъ современныхъ ему старцевъ духовной жизни, съ которыми онъ былъ въ духовномъ единомысленномъ общеніи и б) всѣхъ извѣстныхъ писаній старца Паисія.

Таково было малое начало дѣла, продолжавшагося почти до самой кончины старца,—дѣла, на которое старецъ смотрѣлъ очами вѣры, называя оное всегда «дѣломъ Божиимъ» и почитая его таковымъ въ чувствѣ души своей. Въ доказательство приведемъ здѣсь одинъ изъ многократныхъ его отзывовъ въ отвѣтъ на не менѣе многочисленныя благодаренія и похвалы, коими понимающіе дѣло ублажали старца за изданіе свято-отеческихъ писаній. «Вы одобряете наши изданія, отвѣчалъ старецъ (въ письмѣ отъ 5 января 1857 года, къ одному ученому духовному лицу, съ которымъ старецъ находился въ постоянномъ духовномъ письменномъ общеніи, несмотря на дальность раздѣлявшаго ихъ пространства): отеческихъ книгъ, а паче въ русскомъ переводѣ. Но тутъ нашего ничего нѣтъ, а все Божиимъ благоволеніемъ для пользы желающихъ и ищущихъ душевной пользы совершилось! Какъ бы мы могли приступить къ столь важному и необычному для насъ дѣлу? Но Богъ воздвигъ людей благомыслящихъ къ содѣйствію въ дѣлѣ семъ; а болѣе всего благоволеніе и благословеніе милостиваго архипастыря послужило къ изданію лежавшихъ подъ спудомъ въ рукописяхъ блаженнаго старца Паисія Молдавскаго переводовъ; а св. аввы Дорофея книга

также скрывалась под спудомъ въ концѣ книги св. Ефрема Сирина и по древности славянскаго языка недоступна была многимъ, но, благодареніе Господу, и оная теперь стоитъ на свѣщницѣ. Дай Богъ, чтобы чтущіе и слушающіе обрѣли душевную пользу!..

О покровительствѣ сему дѣлу высокаго покровителя духовнаго просвѣщенія въ отечествѣ нашемъ мы уже упомянули выше. Благомыслящіе люди, которыхъ по вышеприведенному отзыву старца, воздвигъ Самъ Господь для содѣйствія сему полезному дѣлу, были: во-первыхъ, покойный **Θ. А. Голубинскій**, цензоръ и профессоръ Московской духовной академіи, который, по любви своей къ духовному просвѣщенію и по личной неисчерпаемой добротѣ своего сердца, оказалъ незабвенныя и всегда искренно цѣнимыя старцемъ услуги святому дѣлу (см. въ приложеніи его переписку со старцемъ и гг. Кирѣевскими); ему помогалъ временно бывший ректоръ Московской духовной семинаріи о. архимандритъ **Леонидъ** (послѣ епископъ, викарій Московской епархіи). Подобно **Θ. А. Г—му**, бывший о. инспекторъ Московской духовной академіи архимандритъ **Сергій** (пот. епископъ Курскій) также усердно содѣйствовалъ успѣшному ходу изданій. Гг. Кирѣевскіе, и въ особенности **Н. П.**, приняли на себя заботу о всей матеріальной сторонѣ изданія, и за услугу, оказанную ими обоими въ этомъ дѣлѣ, силенъ воздать лишь Тотъ, Кто, обѣщая не оставить безъ мзды и чашу холодной воды, поданной ближнему во имя Его, тѣмъ паче не забудетъ труда, любви, усердія и терпѣнія, явленныхъ въ этомъ общепользномъ дѣлѣ достойной четой.

Гдѣ же, спросятъ, взяли издатели сумму, потребную на изданіе такого числа книгъ (всего 15 отдѣльных изданій)? Не обвиняясь отвѣчаемъ словами старца: «Богъ послалъ на благое дѣло черезъ добрыхъ людей» Ибо, кто, какъ не Онъ, внушалъ людямъ достаточнымъ, получа душевную пользу отъ одной книги, посильно помогать изданію другой. Во время

самыхъ занятій (изданіемъ и переводомъ трудовъ старца Паисія) многіе сочувствовавшіе этому дѣлу спрашивали: «скорѣ ли будетъ готовъ начатый трудъ?» — и стоило лишь старцу сказать, что вотъ, слава Богу, оканчивается, — недостатка въ усердствующихъ помочь его изданію, по милости Божіей, не было. Изъ переписки о. Макарія съ Н. П. Кирѣевскою, между прочимъ, видно, что на это дѣло жертвовали и иноки, вышедшіе изъ Оптиной, но не порывавшіе съ нею связи. Такъ игуменъ Алексій Бочковъ (Череменецъ, — настоятель руководитель игуменія Теофанія С.-П.-Б. монастыря и ея сестеръ) пожертвовалъ 100 р. Достаточно будетъ замѣтить, что старецъ, просмотрѣвъ при концѣ изданій счетъ денежнымъ издержкамъ, за все время оныхъ, самъ пришелъ въ удивленіе, какъ совершилось все сіе, и откуда собралась израсходованная за все время немалая сумма? — и могъ только выразить свои чувства слезами благодарности къ Щедродавцу, воскликнувъ: «дивныя дѣла Твоя, Господи!»...

Всѣми занятіями, какъ по приготовленію къ печатанію славянскихъ переводовъ старца Паисія (съ подстрочными пояснительными примѣчаніями неудобопонятныхъ словъ и выраженій), такъ и при переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на русское нарѣчіе, — руководилъ непосредственно самъ старецъ, а помогали ему въ ономъ ученики его изъ скитской братіи: іеромонахъ о. Амвросій, монахи: (манатейный) о. Ювеналій, Половцевъ, (рясофорные) о. Леонидъ Кавелинъ и о. Анигита. Для сихъ занятій всѣ вышеупомянутыя лица ежедневно собирались въ келліи (въ приѣмной комнатѣ) старца, который, не прекращая своихъ обычныхъ занятій съ братією и приходящими, посѣщая въ опредѣленное время и гостинницу, тѣмъ не менѣе принималъ самое дѣятельное участіе въ сихъ занятіяхъ: можно утвердительно сказать, что ни одно выраженіе, ни одно слово не было вписано въ отсылаемую въ цензуру рукопись безъ его личнаго утвержденія... Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была, поистинѣ, изумительна: старецъ, одаренный отъ

природы живымъ энергическимъ характеромъ, въ этихъ занятіяхъ точно забывалъ себя, почасту жертвуя для нихъ и тѣмъ краткимъ отдыхомъ, который былъ очевидно необходимъ его утружденному и немощствующему тѣлу. Хотя и у всѣхъ участвовавшихъ въ сихъ трудахъ не было недостатка въ усердіи, но вѣдь не сознаваться, что, если кто чувствовалъ по временамъ изнеможеніе отъ усиленныхъ занятій, то отнюдь не старецъ,—онъ былъ неутомимъ. Но зато, какъ щедро были награждены мы за малые труды наши! Кто изъ внимающихъ себѣ не отдалъ бы нѣсколькихъ лѣтъ жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это объясненія старца на такіа мѣста писаній отеческихъ, о которыхъ, не будь этихъ занятій, никто изъ насъ не посмѣлъ бы и спросить его, а если бы и дерзнулъ на сіе, то несомнѣнно получилъ бы смиренный отвѣтъ: «я не знаю сего, это не моей мѣры, можетъ быть ты достигъ ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрѣти моя прегрѣшенія! Очисти сердце—тогда и поймешь!» Кто изъ насъ въ состояніи будетъ забыть, съ какою снисходительностію выслушивалъ онъ, ущедренный отъ Господа даромъ духовнаго разсужденія, наши дѣтскія вѣмотствованія и дѣлалъ уступки, въ желаніи изяснить или яснѣе выразить мысль, тамъ, гдѣ не видѣлъ нарушенія духовнаго смысла, прикрывая оныя приличной отеческой шуткой, наприкладъ: «пусть будетъ такъ, я новѣйшей литературы не знаю, а вѣдь вы народъ ученый!» Если возникало разногласіе въ пониманіи, старецъ немедленно устранялъ оное, или предлагалъ на среду свое собственное мнѣніе, или, смиряясь и смиряя насъ, оставлялъ такое мѣсто вовсе безъ поясненія, говоря: «это не нашей мѣры. Кто будетъ дѣлать, тотъ пойметъ, а то—какъ бы не поставить наше гнилое, вмѣсто его высокаго духовнаго пониманія».

При переводахъ, т.-е. провѣркѣ и дополненіяхъ въ трудахъ старца Паисія Величковскаго соблюдалась особенная осмот- рительность и не разъ изъ-за одного слова долго вели раз-

сужденія о пересмотрѣ. Установленіе точной аскетической терминологіи было поставлено здѣсь на первое мѣсто. Въ этомъ отношеніи есть одно очень интересное мѣсто изъ писемъ И. В. Кирѣевскаго. Онъ пишетъ о. Макарію: «позвольте мнѣ сказать мое мнѣніе о двухъ словахъ въ вашемъ переводѣ: «*созерцаніе*» и «*доброе*». Для чего предпочитаете Вы *созерцаніе* слову *видѣніе*, *зрѣніе*? — Первое — новое, любимое западными мыслителями, и имѣетъ смыслъ болѣе *разсматриванія*, чѣмъ *видѣнія*. Потому нельзя, напримѣръ, сказать, что умъ отъ состоянія молитвы возвышается въ *степени созерцанія*, такъ же, какъ нельзя сказать, что онъ возвышается въ *степени разсматриванія*. Если же одинъ разъ необходимо греческое слово *θεορία* перевести *видѣніе*, то не худо бы, кажется, и всегда одному слову усвоить одинъ смыслъ. — Такимъ образомъ, можетъ у насъ составиться вѣрный философскій языкъ, согласный съ духовнымъ языкомъ словенскихъ и греческихъ духовныхъ писателей. Второе слово: *доброе*, которое на словенскомъ языкѣ, кажется, значить то же, что на русскомъ *прекрасное*, Вы вездѣ изволите и на русскомъ языкѣ переводить словомъ: *доброе*. Отъ этого, мнѣ кажется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходитъ неполный смыслъ. Напримѣръ, въ концѣ 27 слова Исаакъ Сиринъ, кажется, приписываетъ второму чину разума совершеніе и *добраго* (по естеству) и изящнаго. По словенски первое названіе *благое*, а второе *доброе*. — Поэтому, всю дѣятельность изящныхъ искусствъ можно отнести къ области разума этой степени. — Если же слово *изящное*, или *прекрасное*, замѣнить словомъ *доброе*, то весь этотъ смыслъ пропадетъ».

Митрополитъ Филаретъ не только вообще сочувствовалъ этому дѣлу (по его настоянію Св. Синодомъ въ 1822 году вторично было издано и Добротолюбіе) и содѣйствовалъ какъ могучій администраторъ того времени. Нѣтъ, онъ несъ и самъ кропотливый трудъ провѣрки рукописей. Объ этихъ подроб-

ностяхъ есть интересное въ мѣсто перепискѣ Кирѣевскихъ. Такъ Н. П. Кирѣевская писала однажды: «вотъ бесѣда со мною владыки (митрополита Московскаго). Онъ принесъ листокъ написанный и сказалъ: «читалъ я нашъ академическій переводъ книги Св. Исаака; нѣтъ, переводъ еще темнѣе, не хорошо. Я написалъ къ ректору, чтобы онъ прислалъ мнѣ греческій текстъ: онъ прислалъ, я сличалъ ихъ вмѣстѣ (да и греческій переводъ не очень хорошъ: вѣроятно, переводчикъ не былъ изъ ученыхъ, т.-е. не зналъ грамматическихъ правилъ, и потому мѣшалъ слова и вмѣсто должнаго выраженія ставилъ неправильно и темныя слова, да и отъ переписчика быть можетъ вкрались ошибки и невѣроятности) и такъ сличая 18-ю главу, нашелъ переводъ темнѣе подлинника, и подлинникъ неяснымъ. Я попробовалъ самъ перевести немного, вотъ переводъ мой, а списать его не нашелъ кому, опасаясь, разберутъ ли мой почеркъ старцы?—И прошу Васъ: перешлите старцу, мнѣ желательно слышать, какъ они найдутъ мой переводъ; попросите, чтобы старецъ сличилъ его и съ славянскимъ и съ переводомъ академическимъ и сказали бы свое мнѣніе».

Да и вообще во всѣхъ лучшихъ русскихъ людяхъ первой половины XIX вѣка издательская дѣятельность Оптиной пустыни встрѣтила полное одобреніе. Труды духовныхъ питомцевъ о. Паисія Величковскаго во главѣ съ о. Макаріемъ и славянофиловъ Кирѣевскихъ были вѣрно поняты и оцѣнены еще современниками.

Въ началѣ 1847 года была напечатана 1-я книга: «Житіе и Писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго».

По выходѣ въ свѣтъ этой книги, издатель Петербургскаго журнала «Маякъ» С. Бурачекъ написалъ о. Макарію 7 апрѣля 1847 года слѣдующее: «я тысячекратно благословляю Господа, внушившаго разумному о. Голубинскому пропустить эту книгу. Здѣшняя цензура запретила бы, какъ мечтаніе и мистицизмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ покойный митрополитъ

Серафимъ, о. Фотій, Аракчеевъ и Шишковъ свергли Голицына (и по дѣлу) за размноженіе лжемистическихъ книгъ западныхъ, по академіямъ и семинаріямъ, всѣ наши св. отцы подвижники обречены въ лжемистики и мечтатели. И умная сердечная молитва уничтожена и осмѣяна, какъ зараза и пагуба. Въ семинаріяхъ и академіяхъ не только ей не учатъ, но еще сызмала предостерегаютъ и отвращаютъ. Вотъ только годъ, какъ въ здѣшней академіи надумались читать аскетическую, т.-е. правила подвижничества, и поручили весьма подвижному отцу іеромонаху Теофану *), да укрѣпить его Господь вашими святыми молитвами.—Выходъ (книги) отца Паисія—знаменіе величайшей милости Божіей, и произведетъ переломъ въ нашихъ обителяхъ и семинаріяхъ».

Извѣстный духовный писатель и паломникъ Андрей Васильевичъ Муравьевъ писалъ въ Оптину.

«Хорошо подвизается пустынь ваша въ изданіи душеспасительныхъ книгъ и оставить по себѣ благую память въ иноческомъ мірѣ. Одно мнѣ жаль, что языкъ о. Паисія не во всемъ удобопонятенъ, особенно въ отвѣтахъ Варсануфія, несмотря на то, что я привыкъ къ духовнымъ письмамъ, хотя и не столь глубокимъ мыслями; есть мѣста, гдѣ невольно останавливаюсь и доискиваюсь уразумѣть, а это затрудняетъ чтеніе.

Отклонить этотъ трудъ легко. Впрочемъ, если уже нельзя на русскомъ, то великое сокровище и на славянскомъ, хотя и немногимъ доступно, особенно изъ мірскихъ. Скоро ли составите вы Патерикъ Русскій—житія учениковъ Паисіевыхъ,—много бы утѣшили всѣхъ насъ.

Простите. Поручая себя св. молитвамъ вашимъ, остаюсь съ душевнымъ уваженіемъ вашъ покорн. слуга А. М.

О. Макарію со всею свѣтскою братією поклоны и привѣтствіе».

Успѣху этого дѣла также много содѣйствовала рѣдкая от-

*) О комъ будетъ рѣчь въ заключеніи.

зывчивость на это и всегдашняя готовность, когда чѣмъ можно, помощь со стороны самого настоятеля о. игумена Моисея.

Искренній и великій любитель духовнаго чтенія о. архимандритъ Моисей любилъ и приобрѣтать книги преимущественно нравственнаго содержанія. Бывая въ Калугѣ, старался и на базарѣ, и въ лавкахъ, и гдѣ только могъ, приобрѣтать полезныя книги и во множествѣ привозилъ ихъ въ обитель. Во время его настоятельства выписывались въ Оптиной пустыни всѣ выходившіе тогда духовныя журналы, всѣ замѣчательныя книги духовнаго содержанія. Все это онъ старался прочесть самъ и потомъ уже сдавалъ въ монастырскую библіотеку, которая основана была имъ же въ 1854 году, а къ концу его настоятельства содержала около 5000 экземпляровъ (изъ коихъ болѣе половины поступило въ нее изъ келейной библіотеки о. архимандрита), и въ настоящее время, послѣ присоединенія келейной библіотеки о. игумена Антонія, заключаетъ въ себѣ болѣе 7000 номеровъ. Едва ли въ какомъ-либо изъ русскихъ общежительныхъ монастырей найдется такая обширная библіотека, какъ Оптиная; но и она, какъ все почти примѣчательное въ Оптиной пустыни, обязана своимъ существованіемъ о. архимандриту Моисею. Книгами изъ нея пользовались и еще пользуются для чтенія не только монастырская братія, но богомольцы и всѣ желающіе изъ сосѣдней обители.

Владыка Московскій Филаретъ благосклонно содѣйствовалъ этимъ изданіямъ и весьма интересовался ими. Средства для изданія были пожертвованы различными благодѣтелями. О. Моисей, при всемъ искреннемъ, полнѣйшемъ сочувствіи этому дѣлу, не могъ на него удѣлить изъ доходовъ обители, потому-что обитель сама нуждалась на каждомъ шагѣ. Ему оставалось только радоваться и благодарить Бога зато, что книги, которыя онъ нѣкогда съ великимъ трудомъ собственноручно переписывалъ и которыя составляли доселѣ такую драгоценную рѣдкость, печатаются теперь въ боль-

шомъ числѣ экземпляровъ и будутъ доступны многимъ жаждущимъ духовной пользы. Но какъ только множество этихъ экземпляровъ, привезенныхъ изъ типографіи, поступало въ распоряженіе о. архимандрита Моисея, онъ немедленно пользовался ими для духовной милостыни и, съ согласія старца о. Макарія, разсылалъ по почтѣ цѣлые тѣби этихъ книгъ въ видѣ пожертвованій въ разсадники будущихъ пастырей и учителей и многимъ частнымъ лицамъ. Такъ разослано было о. Моисеемъ по одному экземпляру всѣхъ Оптинскихъ изданій въ даръ: 1) во всѣ библіотеки какъ духовныхъ академій, такъ и семинарій, 2) почти всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ, ректорамъ и инспекторамъ духовныхъ академій и семинарій, 3) въ лавры и во всѣ общежительныя русскія обители, 4) на Аѳонскую гору въ монастыри: Русскій Св. Пантелеимона, Болгарскій Зографъ; въ скиты: Св. Пророка Іліи, Св. Андрея Первозваннаго и Болгарскій скитъ Пресвятыя Богородицы (Ксилургу). Сверхъ того, во многія приходскія церкви, въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, разосланы были безмездно изданныя въ обличеніе раскольническихъ заблужденій сочиненія вышеупомянутаго іеросхимонаха Іоанна. Также и посѣтителямъ Оптиной пустыни, всѣмъ знакомымъ, въ разныхъ ближнихъ и дальнихъ городахъ, раздавались и разсылались Оптинскія изданія. И кто могъ подумать, что обитель, изъ которой такъ много книгъ разсылалось щедрою рукою безмездно во всѣ концы Россіи, сама далеко не была обезпечена и часто очень затруднялась въ средствахъ къ существованію.

Кромѣ письменныхъ изъявленій благодарности отъ многихъ архипастырей, о.о. ректоровъ и инспекторовъ, о. архимандритъ Моисей, по представленію семинарскихъ начальствъ, удостоился въ 1857 году получить за эти приношенія благословеніе Св. Синода. Не сомнѣваемся, что и отъ Господа Бога о. Моисей получалъ великую награду зато, что матеріальныя заботы не подавляли его духа, не заставляли его

вещественную пользу обители и свою лично предпочитать духовной пользѣ ближнихъ. Отсюду извлекать и приносить послѣднюю, — было его главною заботою и первою цѣлью всей его дѣятельности. «Когда-нибудь, кто-нибудь прочтетъ ту или другую книгу, говаривалъ старецъ, и — душевная польза одного человѣка вознаградитъ всѣ наши труды. Наше дѣло — сѣять; Богъ дастъ, когда-нибудь будутъ и плоды». И плоды получились обильные.

Если обратимся къ разсмотрѣнію всѣхъ Оптиныхъ изданій, то увидимъ, что они распадаются на три отдѣльныя группы: изданія изъ свято-отеческой аскетической литературы, изданія — изъ русск. аскетической литературы и — церковно-историческія изданія. По этимъ тремъ отдѣламъ мы и будемъ разсматривать полувѣковую издательскую дѣятельность Оптиной пустыни.

II.

Переводныя аскетическія изданія Оптиной пустыни.

Почти всѣ святоотеческія аскетическія изданія Оптиною пустынею были сдѣланы при старцѣ о. Макаріи. Эти изданія представляютъ изъ себя по большей части тѣ переводы старца Паисія, которые не вошли въ составъ «Добротолюбія». Но есть нѣкоторые изданія и такихъ писаній, часть коихъ помѣщена въ «Добротолюбіи». Вообще же относительно святоотеческихъ аскетическихъ изданій Оптиной пустыни нельзя не замѣтить того, что Оптинскіе старцы, издавая ихъ, руководились какъ тою цѣлю, чтобы напечатать переводы о. Паисія, такъ и тѣмъ еще, чтобы дать по всѣмъ областямъ иноческой жизни нужныя руководства. А потому тамъ, гдѣ не было соотвѣтствующаго въ переводахъ о. Паисія, дѣлали сами новые переводы, какъ, напр., аввы Фалассія и Орися. Всѣхъ аскетическихъ изданій изъ святоотеческой литературы было сдѣлано 14. Разсмотримъ кратко каждое въ отдѣльности.

1) «Преподобныхъ отцевъ Варсануфія Великаго (сконч. въ

563 г.) и Іоанна руководство къ духовной жизни въ отвѣтахъ на вопрошенія учениковъ имѣется въ четвертомъ изданіи Тузова 1905 г. въ русскомъ переводѣ. Первое же изданіе этой книги, изданіе Оптиной Козельской Введенской пустыни, было сдѣлано въ 1852 году (издано въ Москвѣ въ Университетской типографіи), на славяно-русскомъ нарѣчій. Въ этомъ первомъ изданіи, кромѣ самаго текста книги, были помѣщены еще: сказаніе о жизни старцевъ Варсануфія Великаго, Іоанна и Никодима Святогорца, указатель, каковыя помѣщены и въ послѣднемъ изданіи 1905 года, и, что въ послѣднемъ изданіи уже опущено, особое предисловіе. Это предисловіе очень интересно въ библиографическомъ отношеніи, почему кратко его здѣсь и передадимъ. Старецъ о. Паисій Величковскій, ознакомившись съ книгою Варсануфія и Іоанна, въ краткихъ выдержкахъ у Никона Черногорца, очень желалъ имѣть полный текстъ этой книги, но долго не находилъ и скорбѣлъ и молился. Но вотъ, когда одинъ изъ его учениковъ схимонахъ Григорій пришелъ на Аѳонъ и тамъ, при случаѣ, сообщилъ о задушевномъ желаніи своего учителя пребывавшему на покой въ Ватопедѣ Коринфскому архіепископу Макарію библиофилу, тотъ занялся разысканіемъ нужной книги и скоро нашелъ два пергаментныхъ списка этой книги. Старецъ Григорій сдѣлалъ копія и отнесъ къ старцу Паисію. Тотъ съ радостью принялъ находку, но самъ переводить былъ уже не въ силахъ и поручилъ это дѣло ученику своему іеромонаху Дорофею и успѣлъ въ его трудѣ исправить только половину. Вторую половину книги іеромонахъ Дорофей перевелъ уже при преемникѣ о. Паисія старцѣ Софроніи. Начата была книга переводомъ 15 ноября 1792 года, а окончена 24 ноября 1795 г. Этотъ переводъ былъ сдѣланъ сначала о. Паисіемъ, а потомъ оптинцами былъ провѣренъ и исправленъ по греческой рукописи. Оптинскій же русскій переводъ и первое въ этомъ переводѣ изданіе было сдѣлано въ 1855 году.

Самъ митрополитъ Филаретъ, принимавшій столь близкое и дѣятельное участіе въ оптинскомъ издательствѣ, особенно высоко цѣнилъ книгу Варсануфія и Іоанна и высказывалъ не разъ въ свое время желаніе, чтобы оптинскіе иноки лучше остановили на время дѣло изданія другихъ книгъ, только бы поспѣшили съ этою. Объ этомъ Н. П. Кирѣвская писала, въ іюль 1849 г. о. Макарію слѣдующее: «Еще скажу вамъ, отецъ мой, что я переписала четко томъ переводовъ всѣхъ представленныхъ въ цензуру нами отъ васъ рукописей и привезла его къ Владыкѣ на разсмотрѣніе; сдѣлала отмѣтки, что напечатано, что печатается, что считаемъ нужнымъ теперь печатать. 1-е—окончить томъ переводовъ старца Паисія, должно быть листовъ 22—25, а теперь его еще 9-й листъ въ печати. Потомъ Феодоръ Студитъ. Особою книгою печатать теперь ничто не возбраняетъ и усердно желаемъ приступить за печатаніе книги Варсануфія Великаго, какъ нужнѣйшей. Вотъ отвѣтъ владыки на это. «Окончаніе тома хорошо, только не люблю я, что будетъ и первый и второй, и далѣе. Не нужно бы это, каждая книга должна быть отдѣльною, независящею отъ другой». Я просила, чтобы владыка приказалъ сдѣлать заглавіе, какое ему будетъ угодно, такъ какъ оно дѣлается послѣ всего. Онъ продолжалъ: «Феодоръ Студитъ книга не столько важная, ее и погодить можно бы. А мнѣніе мое прежде всего начать печатать Варсануфія Великаго, вотъ это бы лучше.» Я, конечно, согласилась съ мнѣніемъ владыки, и тутъ былъ довольно длинный разговоръ, окончившійся тѣмъ, что владыка взялъ на себя стараніе и попеченіе въ отсутствіе наше о напечатаніи книги Варсануфія, (слава Богу) и сдѣлалъ отмѣтку на моемъ реестрѣ о семъ себѣ для памяти, спросивъ напередъ: «вы хотите у меня реестръ оставить?» Я сказала, что затѣмъ его и привезла. Потомъ я показала владыкѣ книгу послѣднюю Каллиста Антиликуды г-на Кал. Тил. Онъ просмотрѣлъ ее и сказалъ: «эту покуда погодите посылать въ цензуру: мы займемся ею. Ее бы

лучше погодить теперь, а теперь Варсануфія». Иванъ Васильевичъ поручилъ спросить у владыки: нельзя ли Каллиста издать вмѣстѣ съ Катафигіотомъ? Онъ отвѣчалъ: «кажется, будетъ можно, я поищу греческое Добротолюбіе, и надобно будетъ этимъ заняться, такъ теперь погодите», и вторично обѣщалъ приложить попеченіе о Варсануфіи. (Рук. сб. опт. пуст. «Копія писемъ Н. П. Кирѣевской по изданію 1849 г.», л. обор. 12—13.). Въ письмѣ же отъ 19 сентября она писала: «Теперь о Варсануфіи владыка сказалъ мнѣ грѣшной: о книгѣ св. Варсануфія, бывши въ лаврѣ, я занялся. Нашелъ и греческій подлинникъ, и древній славянскій мы отыскали, и что странно: славянскій гораздо ближе и вѣрнѣе греческаго. Мы положимъ такъ: переводъ старца Паисія печатать такъ, какъ онъ есть, но какъ есть въ немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пропущенныя рѣчи и мѣста, то все и тому подобное изъ древле-славянскаго и частью свѣрясь съ греческою, будемъ выставлять внизу въ примѣчаніяхъ, какъ то сдѣлано и въ книгѣ св. Нила». Выслушавъ сіи радостныя слова, я поклонилась владыкѣ въ ноги съ глубочайшей признательностью и благодареніемъ... Я еще прибавила нѣсколько словъ о томъ, что боялась отвлекать Ф. А. теперь инымъ занятіемъ отъ книги св. Варсануфія. Владыка сказалъ: «да, я ему приказалъ исключительно ею заняться». (Тамъ же, об. 22—23 об.).

Изданіе этой книги у оптинцевъ одною изъ первыхъ, какъ и стараніе въ свое время о. Паисія ее отыскать и перевести, станетъ для насъ вполне понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на характеръ этой книги. Книга Варсануфія и Іоанна по своему существу есть не что иное, какъ *дневникъ старческій*, подневная записъ старческаго оковрмленія. Это и составляетъ отличіе данной книги отъ Лѣствицы, Сиріина, Дорооея, Студита. Тамъ: систематическое изложеніе ученія объ общежитіи (Студитѣ), послушанія и старческихъ (Дорооей) главныхъ обѣтахъ иночества и о покаяніи (Лѣстичникъ и Сиріинъ); здѣсь отвѣты *старцевъ* ученикамъ, по мѣрѣ «во-

прошенія». Отсюда отсутствіе стройности и порядка, но зато масса мелочей и подробностей. Въ Добротолубіи еп. Теофана (II, 555. Тамъ же въ предисловіи есть и оцѣнка этой книги), эта вопросо-отвѣтная форма уничтожена, а въ оптинскомъ изданіи сохранена. И это сдѣлано не безъ цѣли. Даже самая мелочность многихъ вопросовъ, ихъ постановка и отвѣты поучительны для всѣхъ старческихъ учениковъ въ томъ отношеніи, что даютъ понять, что въ духовной жизни важны и всѣ мелочи и что ничего не слѣдуетъ утаивать отъ старца такого, что такъ или иначе, но волнуетъ душу инока и нарушаетъ ея миръ и покой: такъ было прежде, такъ должно быть и теперь. Хороша эта книга для чтенія или по указателю по мѣрѣ надобности, или по малымъ частямъ ежедневно, или по указаніямъ старца-руководителя.

Издавая эту книгу въ переводѣ старца Паисія, Оптиная пустынь давала для старческой практики: для старцевъ пособие въ старчествеваіи, для окормляемыхъ же руководство къ вопрошенію. Епископъ Теофанъ въ своихъ письмахъ объ этой книгѣ даетъ такой отзывъ: «Для умноженія вашего вѣдѣнія о духовныхъ дѣлахъ читайте Варсануфія и Іоанна отвѣты. Это лучшая руководительная книга» (III вып. пис. 126 стр.). «Книга Варсануфія и Іоанна очень потребна для духовниковъ и руководителей, чаще читайте» (V вып. 200 стр.).

2) Въ 1849 году была издана книга подъ заглавіемъ: «Восторгнутые Класы въ пищу души», т.-е. нѣсколько переводовъ изъ святыхъ отцевъ старца Паисія Величковскаго изданіе Козельской, Введенской, Оптиной пустыни. Здѣсь вначалѣ помѣщено шесть словъ святаго Іоанна Златоустаго о молитвѣ. О молитвѣ Св. Григорія Паламы и Марка исповѣдника Галатійскаго, и Мелетія, исповѣдника Галисійскаго. Потомъ слѣдуютъ нравственно-подвижническія слова Марка подвижника. Далѣе: Аввы Аммона о вещахъ, возбраняющихъ ко спасенію, бесѣды душеполезны преподобнаго отца нашего Зосима.

Наконецъ: главы о дѣяніи и видѣніи святаго Теофноста и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Симеона митрополита Евхаетскаго посланіе къ иноку Іоанну и затворнику. Переводъ словъ Марка подвижника здѣсь темень, а потому уже въ 1858 году Оптиною пустынею былъ сдѣланъ новый ихъ переводъ на русскій языкъ и изданъ въ означенномъ году особо. (Москва, университет. типогр. 1858). Въ переводѣ епископа Теофана слова эти помѣщены въ первомъ томѣ Добротолюбія, стр. 467—562. Въ Добротолюбіи же можно читать и слово Григорія Паламы (V, 477—482 стр.), и главы о дѣяніи и видѣніи святаго Теофноста (III, 376—400 стр.). Поученія св. Іоанна Златоуста въ собраніи его твореній—въ изданіи С.-П.Б. Академіи. Аввы Аммона о вещахъ, возбращающихъ ко спасенію и бесѣды душеполезны преподобнаго отца нашего Зосимы, въ виду большой ихъ назидательности, были изданы Оптиною отдѣльно: сначала въ славянскомъ же переводѣ, второе изданіе 1887 года, подъ заглавіемъ: „Изъ книги Восторгнутые Класы въ пищу души“, и потомъ въ 1905 году, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ рускомъ переложеніи о. архим. Агапита.

Книга эта составлена съ большимъ умѣніемъ. Она—дополненіе къ изданію твореній старца Паисія Величковскаго: содержитъ въ себѣ большую часть тѣхъ свято-отеческихъ аскетическихъ писаній, на которыя ссылался старецъ въ ученіи объ умной молитвѣ и которыхъ не было въ Добротолюбіи. Съ другой стороны здѣсь есть и все то, что нужно къ поясненію его ученія о послушаніи старцамъ и смиреніи... И нельзя не пожелать, чтобы было сдѣлано новое изданіе этой книги, съ опущеніемъ словъ преподобнаго Марка подвижника. Эти послѣднія можно читать и въ отдѣльномъ Оптиномъ переводѣ, и въ Добротолюбіи. А всѣ остальные выдержки, что вошли въ составъ Восторгнутыхъ Класовъ, въ общей сложности, представляютъ прекраснѣйшее наставленіе къ молитвѣ вообще и молитвѣ Іисусовой въ частности.

Книга эта необходима каждому, кто вопросъ о молитвѣ считаетъ для себя однимъ изъ главнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ. Читать же эту книгу можно и такъ, но еще лучше—по прочтеніи тѣхъ отдѣловъ изъ книги писаній старца Паисія Величковскаго.

3) «Преподобнаго отца вашего аввы Дорофея († 620 г.) душеполезныя поученія и посланія съ присовокупленіемъ вопросовъ его и отвѣтовъ, данныхъ на оныя святыми старцами Варсануфіемъ Великимъ и Іоанномъ пророкомъ. Седьмое изданіе Козельской Введенской Оптиной пустыни 1895 г. (Калуга, тип. Михайлова)».

Въ началѣ книги помѣщены біографическіе очерки автора книги аввы Дорофея и его ученика Досифея, въ концѣ вопросы и отвѣты и алфавитный указатель къ книгѣ. Душеполезныя посланія и поученія аввы Дорофея касаются всѣхъ сторонъ монашеской жизни. Такъ какъ въ концѣ книги приложенъ указатель обстоятельный и подробный, то въ перечисленіе содержанія книги вдаваться не станемъ. Скажемъ только самое главное. Въ поученіяхъ и посланіяхъ Авва не оставляетъ безъ вниманія ни одного монастырскаго послушанія и разсматриваетъ поведеніе инока во всѣхъ обстоятельствахъ монастырской его жизни. Но въ то же время онъ умѣло и въ мелочахъ отдѣляетъ существенное, даетъ приемы лучшаго веденія дѣла. Отдѣляетъ пользу и цѣнность послушанія вообще, а особенно духовному отцу. Жизнеописаніе же ученика Дорофеева Досифея, который въ самое краткое время достигъ высокаго душевнаго устроенія и умеръ, обрѣта долю со святыми, и служить примѣромъ, наглядно убѣждающимъ въ пользѣ послушанія. Книга эта издавна называется азбукою монашескою. И это вполне справедливо. Трудно найти другую аскетическую книгу, гдѣ бы правила иноческой жизни излагались съ такою простотою и теплотою, какъ въ этой книгѣ. Особенно хороши здѣсь разные примѣры изъ жизни монашеской, коими Авва поясняетъ свои совѣты.

Въ виду такого характера книги неудивительно, что опытные въ духовной жизни Оптинскіе старцы и перевели ее одною изъ первыхъ, и эта книга выдержала уже семь изданій, что особенно знаменательно при обычной нашей общности и равнодушій къ вопросамъ нравственнаго развитія и самоусовершенствованія даже и въ монастыряхъ. (У преосв. Теофана въ II т. Добротолюбія, 599—642 стр.).

Первое изданіе въ русскомъ переводѣ о. Климента Зедергольма было сдѣлано Оптиною пустынею въ 1856 году. Переводъ дѣлали при пособіи еще такого изданія, какъ первопечатный славянскій переводъ К.-Печер. лавры 1617 года, изданіе же 1866 года, съ котораго и дѣлаются послѣдующія изданія, было выполнено о.о. Климентомъ и Анатоліемъ.

Эта книга должна бы быть обязательно настольною, если не у каждаго отдѣльно послушника, то, по крайней мѣрѣ, въ каждой послушнической келліи хотя въ одномъ экземплярѣ.

4) «Святаго отца нашего Исаака Сирина († въ концѣ VI в.), епископа бывшаго Ниневійскаго слова духовно-подвижническія, переведенныя съ греческаго старцемъ Памсіемъ Величковскимъ» въ изданіи Козельской Введенской Оптиной пустыни, были напечатаны въ 1854 году (университ. тип.). Здѣсь послѣ краткаго предисловія о переводѣ этой книги старцемъ Памсіемъ въ 1787 году и «примѣчаній съ сему изданію», о нѣсколькихъ частностяхъ касательно текста писаній Сирина, помѣщено самого отца Памсіа большое «о переводѣ книги святаго Исаака Сирина съ еллино-греческаго на словенскій языкъ краткое изъясненіе». Въ этомъ изъясненіи блаженный старецъ рассказываетъ, какъ онъ нашелъ рукопись Исаака Сирина и какъ переводилъ. Потомъ слѣдуетъ: «краткое сказаніе о святомъ Исаакѣ». Всѣхъ словъ помѣщено 91. Нынѣ ихъ можно читать въ прекрасномъ переводѣ русскомъ епископа Теофана во II томѣ Добротолюбія, стр. 645—760. Къ тексту словъ былъ приложенъ алфавитный, пространный и прекрасно составленный указатель,

составленный самимъ о. Макаріемъ. Изданіе это было сдѣлано на славянскомъ нарѣчїи, но напечатано русскимъ шрифтомъ. Книга была окончена печатаніемъ въ мартѣ 1854 г., и первый экземпляръ изданія былъ полученъ 13 апрѣля, въ день Св. Пасхи. Радость старца и его учениковъ была велика, и они, видя напечатанную книгу св. Исаака Сирина, славилъ Бога. Радость эта станетъ вполне понятна, если мы припомнимъ, что рукописные списки этой книги стоили по 100 р. и все-таки были рѣдки. А печатное изданіе этой книги Немецкой обители 1812 г. цензурою не было пропускаемо въ Россію. Въ минуту радости не забыли Оптицы и Немецкую обитель. Туда были посланы экземпляры новаго изданія. Немецкая же обитель прислала о. Макарію за это камлотовую рясу (греческаго покрою). Напечатана книга была по руководству рукописи о. Паисія, составлявшей собственность самого о. Макарія. А какъ эта рукопись досталась о. Макарію, сообщаетъ о. арх. Леонидъ въ жизнеописаніи старца. Онъ пишетъ:

Судьба этой рукописи особенно замѣчательна: она была прислана отъ старца Паисія къ высокопреосвященному митрополиту Гавріилу, съ таковымъ въ предисловіи (послѣ посвященія) собственноручнымъ подписаніемъ: «трудивыйся въ переводѣ семь Святвознесенскаго Немецкаго и Предтечева Секульскаго Молдо-влахійскихъ монастырей архимандритъ Паисій Велвчковскій, родицець Полтавскій». Она писана полууставомъ на бѣлой лощеной бумагѣ въ листъ, болѣе половины рукою ближняго ученика старцева схимонаха о. Теодора, а докончена писаніемъ другомъ его и сожителемъ въ Молдавскихъ и русскихъ обителяхъ—схимонахомъ о. Николаемъ.—Будучи отослана, какъ выше упомянуто, высокопреосвященному митрополиту Гавріилу, рукопись эта, по кончинѣ владыки (1801 году), перейдя, неизвѣстно какъ, въ частныя руки, наконецъ, привезена была на продажу въ Вазаамскій монастырь, по дошедшему до владѣльца ея барыш-

ника слуху, что тамъ пребываютъ старцы духовной жизни, которые вѣрно оцѣнять такую драгоценность. Можно себя представить радость, а вкупѣ и удивленіе, о. схимонаха Теодора о обрѣтеніи дѣйствительно столь драгоценной и въ особенности для него—рукописи, которую онъ не надѣялся, не только имѣть, но когда-либо и видѣть. Господь, устроивши столь чудесное обрѣтеніе рукописи, даровалъ смиренному и убогому старцу и средство возвратить оную изъ рукъ барышника. Это случилось между 1811—1817 годами. О. Теодоръ чрезвычайно дорожилъ изгнаннымъ и столь нечаянно обрѣтеннымъ сокровищемъ. Надобно замѣтить, что вообще онъ столько любилъ писанія св. Исаака, что во время постигавшихъ его лютыхъ скорбей, старецъ, гонимый злобою и завистію, будучи вынужденъ неоднократно переходить изъ монастыря въ монастырь, уносилъ съ собою лишь одну книгу св. Исаака. Послѣ блаженной кончины о. Теодора (въ 1821 году), книга сія досталась любимому ученику и спутнику всей его скорбной жизни іеросхимонаху о. Леониду (въ схимѣ Льву). Онъ подарилъ ее еще при жизни своей ученику своему схимонаху Антіоху, по кончинѣ коего она перешла къ другому ученику о. Леонида, жившему тогда въ Александро-Невской лаврѣ, о. Іоанникію (въ схимѣ Леониду). Сей отдалъ ее въ даръ благодѣтельницѣ той обители, гдѣ проживалъ довольно долгое время, духовной дочери о. Леонида, старицѣ Е. Т. Л—ой; а отъ нея книга эта въ 1849 году перешла къ іеромонаху той же обители о. Ефрему, который подарилъ ее духовному сыну своему монаху Авраамію, а сей послѣдній, отъѣзжая въ 1858 году на жительство въ св. Аѳонскую гору, принесъ сію рукопись въ даръ покойному старцу о. іеросхимонаху Макарію, который въ предсмертной своей болѣзни благословилъ ея, вмѣстѣ съ иконою св. Исаака Сиріана, меня многогрѣшнаго.

Не менѣе интересна и исторія самого изданія книги Оптиными. Вскорѣ же по полученіи экземпляровъ новаго изданія

о. Макаріемъ была сдѣлана памятная записъ слѣдующаго содержанія

О напечатаніи книги св. Исаака Сирина, мы не смѣли надѣяться предпринимать какія-либо средства, но Богъ судьбами Своими устроилъ неожиданно и даровалъ намъ имѣть духовное утѣшеніе велие—видѣть ее напечатанною въ 2400 экземплярахъ. Вотъ какъ это случилось: въ 1852 году, когда я былъ въ Москвѣ, говоря съ г.г. Кирѣевскими о русскомъ переводѣ сей книги, какъ бы хорошо и полезно было напечатать сію книгу на славянскомъ языкѣ перевода старца Паисія, предложилъ имъ при случаѣ предложить о семъ высокопреосвященному митрополиту Филарету. Бывши въ Троицкой лаврѣ въ то же время предложилъ о семъ о. намѣстнику архим. Антонію. По отъѣздѣ моемъ, онъ, улу-чивъ время, въ разныя времена при разговорѣ докладывалъ о семъ Его П—ву. —Онъ сказалъ, что и самъ желаетъ издать ее, но находитъ нужнымъ сдѣлать поясненія на нѣкоторыя темныя мѣста и слова, и не знаетъ, кому поручить это сдѣлать; да вѣдь, по настоящему, и не можно безъ Синода: да книга-то отеческая, я скажу, что я напечаталъ, а съ меня нечего взять. О всемъ этомъ насъ увѣдомили. —Мы писали къ Н. П. Кир—ой предложить владыкѣ, —не угодно ли будетъ Е. В. дозволить намъ заняться симъ дѣломъ; на это и получили его благословеніе и дозволеніе взять въ Московской духовной академіи греческую книгу св. Исаака Сирина. По полученіи оной въ послѣднемъ мѣсяцѣ 1852 года, начали мы дѣлать поясненія: о. Амвросій, я (отецъ Макаріи), а Павелъ Ст. Покровский въ греческой книгѣ неудобовразумительныя мѣста переводилъ намъ. Прошедши всю книгу, наки повѣрили съ о. Іоанномъ Половцевымъ и Львомъ Ал. Кавелинымъ; переписывали набѣло трое: Павелъ Степановичъ, Симеонъ Θεодоровичъ и о. Антоній Смирновъ. Надписаніе о безмолвіи оставили, о чемъ въ предисловіи объяснено. —По окончаніи представили оную рукопись высокопре-

освященному Филарету на разсмотрѣніе. Владыка принялъ оную благосклонно, и, отправившись въ Троицкую лавру, — находясь тамъ въ скиту, первую недѣлю Великаго поста занялся просматриваніемъ нашихъ поясненій и замѣчаній, нѣкоторыя поправилъ и своеручно о семъ удостоилъ меня писаніемъ отъ 3 марта 1853 года, и что онъ передалъ рукопись сію въ цензуру для разсмотрѣнія и дозволенія печатать, — которая и поручена цензору, о. инспектору академіи архимандриту Сергію, который съ любовію занялся разсматриваніемъ оной, и, по окончаніи, того же года въ іюлѣ мѣсяцѣ подписалъ дозволеніе печатать и доставить въ Москву къ г.г. Кирѣевскимъ. А они, съ благословенія архипастыря, приступили къ печатанію и продержали корректуру. — Между тѣмъ, Господь помогъ намъ сдѣлать на оную книгу алфавитный указатель, который также утвержденъ цензурою къ печатанію, и такъ сія Боговдохновенная книга, помощію Божіею, напечатана благословеніемъ владыки, и первые три печатныхъ экземпляра оной присланы къ намъ въ обитель на Свѣтлой недѣлѣ, 13 числа, — какъ самый приличный подарокъ для Свѣтлаго Праздника.

Въ послѣднемъ изданіи историческаго описанія Оптиной (о. Ераста) напечатана и вся почти переписка по дѣлу изданія аскетовъ, отсюда мы и заимствовали только что приведенную памятку. Въ этой перепискѣ еще болѣе вырисовывается то участіе, какое принималъ въ этомъ дѣлѣ м. Филаретъ. Когда онъ узналъ о намѣреніи Оптинцевъ издать книгу св. Исаака Сирина, отвесилъ съ большимъ сочувствіемъ и говоритъ: «радъ буду, если напечатаютъ отцы Оптинскіе книгу Исаака Сирина на славянскомъ, и для цензуры затрудненія не предвижу. Желательно было бы, чтобы при семъ на нѣкоторые мѣста сдѣланы были съ подлинника поясненія, какъ сдѣлано въ изданіи Варсануфія Великаго. Но если сіе окажется труднымъ, и безъ сего напечатать хорошо. А съ поясненіями славянскій текстъ по мнѣ лучше русскаго, по-

тому что по свойству языка переводъ ближе къ подлиннику. Новымъ переводамъ я меньше вѣрю». Когда же переводъ былъ приготовленъ, митрополитъ самъ пересмотрѣлъ его, сдѣлалъ рядъ поправокъ, которыя и были внесены въ текстъ, и, возвращая рукопись о. Макарію, писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее:

Помолитесь о насъ, борющихся съ волнами людей и дѣлъ, да не погрозимъ, но да касаемся, хотя нѣсколько, берега тишины и свободы. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло, доколѣ я нашелъ, наконецъ, время оторваться отъ дѣлъ неволи, чтобы заняться дѣломъ желаемымъ — чтеніемъ рукописи св. Исаака Сирина, приготовленной вами къ печатанію; но и теперь, не кончивъ сего, принужденъ возвратиться къ обрѣзающимъ меня неизбѣжнымъ дѣламъ должности. — Около половины книги читалъ я непрерывно, внимая учителю и Вашимъ толкованіямъ. Далѣе просматривалъ нѣкоторые мѣста: но, не могши продолжать и опасаясь еще надолго остановить дѣло, рѣшаюсь завтра послать рукопись въ цензуру. — Простите меня, что я дерзновенною рукою коснулся нѣкоторыхъ примѣчаній Вашихъ, не имѣя возможности предварительно изъяснить Вамъ, почему такъ коснулся.

Нѣкоторые мѣста книги темны въ греческомъ такъ же, какъ и въ славянскомъ текстѣ. Вѣроятно, сему причиною, между прочимъ, греческій переводчикъ съ сирскаго. Нѣкоторые примѣчанія на такія мѣста показались только догадочными и недовольно соотвѣтствующими греческому тексту. Въ такихъ случаяхъ мнѣ показалось лучшимъ — оставить темное темнымъ, нежели подвергаться опасности дать читателю нашу мысль, вмѣсто мысли св. Исаака Сирина.

Немалое содѣйствіе оказалъ митр. Филаретъ еще и тѣмъ, что облегчилъ цензурныя условія. Свой взглядъ по этому поводу онъ, между прочимъ, высказалъ въ разговорѣ съ Н. П. Кирѣевской. Та разъ спросила митрополита о цензурѣ рукописей. «Да, кажется, владыко, вновь потомъ надобно бу-

детъ отсылать ее въ Синодъ и оттуда ожидать разрѣшенія о напечатаніи»? Владыка отвѣчалъ: «нѣтъ, въ Синодъ посылать я не буду; вѣдь эта книга *святаго отца*, а отдамъ ее на разсмотрѣніе въ комитетъ, и если онъ не рѣшится пропустить, то потребую къ себѣ и самъ подпишу: пусть дѣлаютъ выговоръ мнѣ одному».

5) «Преподобнаго и богоноснаго отца нашего аввы Исаи, († 370 г.) отшельника Египетскаго, духовно-нравственныя слова» въ русскомъ переводѣ были изданы въ 1860 году, въ Москвѣ, въ университетской типографіи. Вначалѣ помѣщено «краткое историческое свѣдѣніе о преподобномъ отцѣ нашемъ Исаи отшельникѣ, аввѣ Нитрійскомъ, и о переводѣ твореній его», гдѣ сообщается, что данный переводъ сдѣланъ съ латинской рукописи, изданной Галландою, при сопоставленіи съ переводомъ старца Паисія. «При переводѣ, пишется въ предисловіи, была соблюдаема возможная точность, были удержаны болѣе употребительныя выраженія, какія встрѣчаются въ писаніяхъ отцовъ подвижниковъ, напр. тайное поученіе, невѣняемость, плѣненіе и пр.» Въ концѣ помѣщенъ назидательный разсказъ изъ жизни ученика старца Исаи Елиссея, который можно читать еще въ Прологѣ подъ 27 февраля. Въ книгѣ помѣщены 29 словъ Аввы. Содержаніе ихъ такое: много наставленій новоначальнымъ, совѣты и наставленія живущимъ въ общежитіи, отчасти пустынникамъ, о поведеніи монаховъ въ пути, о смиреніи, послушаніи, помыслахъ и т. п. Монашескія правила и главы о духовномъ дѣланіи и безмолвіи заканчиваютъ книгу. Въ настоящее время имѣется уже переводъ съ греческаго недавно найденнаго текста, который сдѣланъ епископомъ Теофаномъ и помѣщенъ въ первомъ томѣ русскаго перевода Добротолюбія (въ 3-мъ изданіи 1895 г. стр. 277—466).

6) Лѣствица святаго Іоанна Лѣстничника († 563 г.) теперь имѣется въ 7-мъ изданіи. Оптиною пустынью она была издана сначала въ 1851 году на славянскомъ языкѣ, потомъ въ

1862 г. на русскомъ. Надъ переложеніемъ въ славяно-русскомъ стилѣ потрудился о. Амвросій, надъ русскимъ же переводомъ о. Ювеналій (Пол.). Первое русское изданіе Оптинскаго носитъ такое заглавіе: «Преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы, Лѣствица, въ русскомъ переводѣ, съ алфавитнымъ указателемъ и примѣчаніями». Объ личномъ участіи отца Макарія въ приготовленіи къ изданію Лѣствицы о. архимандритъ Леонидъ въ жизнеописаніи старца писалъ: «съ 1845 по 1860 годъ вѣлчительно, подъ руководствомъ покойнаго старца издано въ свѣтъ 16 книгъ, изъ коихъ 5 на русскомъ нарѣчій, 1 на славянскомъ и русскомъ, а остальные на славянскомъ; тѣ и другія напечатаны гражданскими буквами съ объяснительными подстрочными примѣчаніями. Первое мѣсто между этими изданіями безспорно принадлежитъ творенію великаго учителя иноческой жизни св. Исаака Сирина; затѣмъ слѣдуетъ книга аввы Дорофея, которую старецъ справедливо называлъ «монашескою азбукою», особенно указывая на нее всѣмъ новоначальнымъ, желающимъ положить прочное начало въ дѣятельной жизни, которая, по ученію св. Іоанна Лѣствичника, слагается изъ послушанія и смиренія.

Старецъ также немало потрудился надъ твореніемъ другого великаго учителя жизни иноческой св. Іоанна Лѣствичника—подвизавшагося въ Синайской горѣ, гдѣ нѣкогда избранный народъ Божій получилъ заповѣди чрезъ боговидца Моисея и откуда чрезъ сего тайновидца, св. Іоанна, изыде духовный законъ для иноковъ—людей обыкновенія. Старецъ, высоко ставя твореніе св. Іоанна Лѣствичника въ ряду писаній святыхъ отцевъ подвижниковъ, изучалъ и сличалъ между собою всѣ извѣстныя донинѣ печатныя изданія и рукописныя переводы сего безсмертнаго творенія, и потомъ, принявъ въ основаніе переводъ старца Паисія, какъ мужа исполненнаго духовнаго разума, прошедшего опытомъ духовныя совѣты святаго отца, непостигаемые однимъ книжнымъ

обученіемъ, и будучи притомъ и самъ достойнымъ преемникомъ иноческихъ добродѣтелей великаго старца, — приложилъ особое усердіе, дабы пояснить упомянутый переводъ старца Паисія онаго съ другими рукописными позднѣйшими переводами (каковы, напримѣръ: переводъ бывшаго Алтайскаго миссіонера архимандрита Макарія), печатными изданіями и греческимъ текстомъ, съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать его доступнымъ не для одного лишь чтенія, но особенно для общаго практическаго руководства заключающимися въ сей книгѣ духовными наставленіями; изъ чего и составилъ переводъ Лѣствицы на полуславянскомъ нарѣчій, коимъ прилежно занимался самъ старецъ, при пособіи ближняго ученика своего іеромонаха А—ія. Къ этому переводу, по окончаніи его, старецъ самъ же составилъ алфавитный указатель предметамъ, содержащимся въ твореніи св. Іоанна Лѣстничника, и собственноручно переписалъ оный, забывая и немощь тѣла, и недосуги, жертвуя для сего временемъ краткаго отдыха.

Впослѣдствіи съ сего перевода, съ благословенія старца, сдѣлано переложеніе Лѣствицы на русское нарѣчіе, въ чемъ упражнялся, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ старца, другой ученикъ его о. Іоаннъ П—ъ (нынѣ іеромонахъ о. Ювеналій).

Экземпляры сихъ обоихъ переводовъ достаточно распространены въ спискахъ между братіею какъ скитскою, такъ и монастырскою, а чтеніе полуславянскаго перевода предлагается обоимъ братствамъ на церковныхъ службахъ въ теченіе Великаго поста. Въ то же время въ скиту читаются постоянно на общемъ келейномъ правилѣ оглашенія Феодора Студита.

7) Въ 1853 году было издано «Преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника († 662 г.) толкованіе на молитву Господню и его же Слово Постническое». Но переводъ славянскій былъ сдѣланъ Т. И. Флипповымъ съ соблюденіемъ и грамматической конструкціи подлинника, почему и является

очень тяжелымъ. Съ другой стороны преподобный толкуеть молитву очень сжато и мѣстами аллегорически. Поэтому толкованіе на молитву въ этомъ изданіи очень трудно для чтенія. Нѣсколько легче читается «Слово Постническое» (аскетическое), изложенное въ видѣ вопросовъ ученика и отвѣтовъ старца: о спасеніи, соблюденіи заповѣдей, ихъ единствѣ при видимой множественности, о смиреніи, трезвеніи, борьбѣ съ бѣсами и т. д. Эту книгу хорошо давать нѣкоторымъ молодымъ монахамъ для развитія въ нихъ вдумчивости при чтеніи аскетическихъ писаній, предупрежденія развитія привычки читать быстро и поверхностно.

8) Въ 1849 г. сначала въ «Восторгнутыхъ Класахъ», а потомъ въ 1858 г. особо были изданы «Духовно-подвижническія слова Марка Подвижника». Отъ Марка Подвижника (въ V в.) дошли: посланіе къ иноку Николаю, представляющее очеркъ подвижнической жизни отъ начала до конца ея; наставленія изъ словъ и 426 главъ, изъ коихъ 200—о законѣ духовномъ и 226 думающимъ оправдаться дѣлами. Въ новомъ переводѣ Добротолюбія еп. Теофана эти сочиненія помѣщены въ I т., 467—563 стр.

9) «Преподобнаго отца нашего Орсисія, аввы Тавеннисіотскаго, ученіе объ устроеніи монашескаго жительства въ рускомъ переводѣ изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни (Москва 1859 г.)» представляетъ изъ себя съ внѣшней стороны небольшую книжку въ 108 стр. Съ внутренней же стороны эта книжка очень богата своими достоинствами. Въ началѣ изданія помѣщено краткое сказаніе о преподобномъ Орсисіи, аввѣ Тавеннисіотскомъ, затѣмъ самое ученіе объ устроеніи монашескаго жительства и, наконецъ, статья «св. Орсисія о шести помыслахъ святыхъ». Краткое сказаніе очень интересно, какъ знакомящее нѣсколько съ бытомъ египетскаго монашества, и поучительно: жизнь св. Орсисія—примѣръ добраго настоятеля. Наставленіе о шести помыслахъ святыхъ подробное, въ сущности, толкованіе изреченія:

помни послѣдняя твоя и въ вѣки не согрѣшиши (о: Богъ, Христъ Спаситель, смерти, страшномъ судѣ, адѣ и раѣ). Самое же ученіе о монашескомъ жителствѣ раздѣлено на 56 главъ малыхъ. Въ этомъ ученіи въ первыхъ 18 главахъ излагаются обязанности монастырскихъ настоятелей. Въ слѣдующихъ до 51 главы изложеніе нравственныхъ обязанностей иноковъ къ братіямъ и монастырскому имуществу. Наставленія аввы Орсисія есть простая, сердечная рѣчь о томъ, какими мыслями и какими качествами долженъ сіять общежителной обители инокъ: будетъ ли онъ настоятель, или простой рядовой монахъ. Здѣсь освѣщается, съ точки зрѣнія иноческихъ идеаловъ, монастырскій общежителный бытъ. И Оптинскіе иноки весьма мѣтко отгѣнили то, что здѣсь рѣчь идетъ о монашескомъ бытѣ, переводя слово греческое не словомъ: жизнь (вообще), а словомъ: жителство, указывающимъ на жизнь въ извѣстныхъ мѣстно-матеріальныхъ условіяхъ. Это наставленіе заканчивается приглашеніемъ братіи прилежать чтенію слова Божія и общимъ наставленіемъ къ богоугодной жизни. Наставленія аввы Орсисія—это скорѣе предсмертное его завѣщаніе братіи, на что и указываетъ довольно ясно заключительное обращеніе старца, 56 глава, гдѣ онъ воспоминаетъ всю свою жизнь и приводитъ слова св. апостола Павла: «Азъ уже жренъ бываю, и время моего отшествія наста»...

Эта книжка очень полезна для чтенія преимущественно настоятельствующимъ въ обители и вообще занимающимъ въ монастыряхъ начальственные должности. Главное достоинство этой книги: простота, ясность и точность изложенія, душевный тонъ и обиліе мѣстъ изъ Священнаго Писанія какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. Переводъ былъ сдѣланъ о. Климентомъ Зедергольмомъ.

10) Въ 1874 году было сдѣлано Оптиной пустынью изданіе помѣщенного о. Паисіемъ въ III ч. Добротолубія труда—подъ заглавіемъ: «Творенія преподобнаго и богоноснаго отца

нашего священномученика Петра Дамаскина въ русскомъ переводѣ съ еллино-греческаго о. архимандрита Ювеналія Половцева. Въ первомъ томѣ, кромѣ предисловія издателей и предисловія къ подлиннику, съ указаніемъ свѣдѣній о жизни святаго Петра, помѣщены въ 37 отдѣлахъ наставленія преподобнаго о монашескомъ подвигѣ вообще, и приѣмахъ созиданія своего спасенія, а во второмъ томѣ двадцать четыре поученія о вѣрѣ, надеждѣ и любви и ихъ развѣтвленіяхъ. Наставленія этого аскета-писателя помѣщены въ греческой филокаліи, т. е. Добротолюбіи. Въ русскомъ же переводѣ Добротолюбія преосвященнымъ Теофаномъ они опущены, какъ онъ самъ писалъ въ предисловіи къ V тому, въ виду наличности этой книги въ переводѣ Оптиной пустыни. Трудъ преп. Петра—компилятивный сводъ отеческихъ твореній по даннымъ вопросамъ, но продуманный, серьезный и поясняемый размышленіями самого подвижника. О характерѣ своего труда преподобный самъ пишетъ такъ: «Написалъ я это напоминаніе бѣдной души моей въ обличеніе, и помѣстилъ въ немъ по именамъ всѣ творенія, жизнеописанія и слова святыхъ отецъ, которыя я прочиталъ съ тѣмъ, чтобы это служило мнѣ хотя отчасти воспоминаніемъ ихъ словъ. Самъ я не имѣлъ и не пріобрѣлъ для себя ни одной книги, но получалъ ихъ отъ христіанскихъ людей, такъ же какъ и все нужное для тѣла, ради любви Божіей. Прочитывая книги тѣ съ всевозможнымъ вниманіемъ, я возвращалъ ихъ владѣльцамъ. Это были книги: Ветхаго и Новаго Заветовъ и толкованія всего исчисленнаго. Отечественія и учительныя книги всѣ великихъ отецъ, какъ-то: Діонисія, Афанасія, Василия, Богослова, Златоуста, Григорія, Антонія, Арсенія, Макарія, Нила, Ефрема, Исаака, Марка, Дамаскина, Лествичника, Максима, Дорофея, Филимона и всѣхъ святыхъ жизнеописанія и слова. И удостоился я, недостойный, перечитать всѣ эти книги съ полною свободою и со вниманіемъ, ища начала спасенія и гибели человѣка».

Книга эта очень хороша для чтенія новоначальнымъ инокамъ непосредственно послѣ книги аввы Дорофея.

11) «Преподобнаго отца нашего Симеона, Новаго Богослова, († въ началѣ XI в.) игумена обители св. Маманта двѣнадцать словъ въ русскомъ переводѣ съ еллино-греческаго, изданіе Козельской Введенской Оптиной пустыни—1869 года».

Книга эта заключаетъ въ себѣ переводъ 12 словъ св. Симеона, Новаго Богослова, содержаніе которыхъ все, главнымъ образомъ, представляетъ изложеніе православно-христіанскаго ученія о покаяніи, какъ средствѣ спасенія грѣшниковъ вообще и монаховъ въ особенности. Каждому слову предложено подробное оглавленіе съ изложеніемъ главныхъ предметовъ рѣчи въ данномъ словѣ. Строго богословскаго отвлеченно-умозрительнаго характера здѣсь только рѣчь въ девятomъ словѣ,—это ученіе о Пресвятой Троицѣ. Главное же направленіе въ рѣчи—учительное. Св. Симеонъ особенно подробно и назидательно выясняетъ необходимость покаянія и указываетъ черты истиннаго покаянія, неразрывность покаянія съ вѣрою, вѣры же съ добрыми дѣлами, и цѣнность добрыхъ дѣлъ только при внутренней доброй настроенности. Поучительная вообще, эта книга особенно полезна для монаховъ. Что здѣсь дорого и что дѣлаетъ выборъ Оптинскихъ старцевъ удачнымъ, когда они взяли для перевода и изданія эту, а не другую книгу, такъ это то, что здѣсь много практически-учительнаго, необходимаго для иноковъ. Такъ, въ первомъ словѣ подробно описывается весь порядокъ монашеской жизни въ теченіе дня, съ ранняго утра и до поздней ночи во всѣхъ ея мелочахъ. И при этомъ всѣ эти мелочи и частности освѣщены и приведены въ тѣсное единеніе съ главными иноческими добродѣтелями, освѣщены съ главной точки зрѣнія иноческихъ идеаловъ. Указана необходимость и цѣнность монашеской дисциплины, указаны и приемы лучшаго исполненія этихъ частныхъ правилъ монашескаго общаго. Въ шестомъ словѣ подробно указаны тѣ уклоненія,

ошибки и паденія, какія часто случаются съ иноками, начавшими дѣланіе духовное, но ошибочное, только виѣшнее, и тѣмъ не менѣе уже считающихъ себя совершенными. Но еще болѣе важно здѣсь то, что содержится точное и обстоятельное ученіе о необходимости и пользѣ для иноческой жизни старчества. Это ученіе о старцествѣ содержится въ седмиомъ, восьмиомъ и девятиомъ. Въ первомъ изъ этихъ словъ выясняется характеръ истиннаго старческаго ученика, въ слѣдующемъ истиннаго настоятеля и въ послѣднемъ истиннаго духовника, т.-е. старца. Попутно отецъ выясняетъ и немало мѣстъ Священнаго Писанія, особенно хорошо также говорится о таинствахъ крещенія и мѣропомазанія—собственно печати Христовой. Переводъ 1869 г., новый былъ сдѣланъ о.о. Климентомъ и Анатоліемъ.

12) «Житіе же преподобнаго отца нашего Симеона, Новаго Богослова», было издано Оптиною пустынею въ 1856 г. въ Москвѣ. Глубоко интересное по своему содержанію это житіе очень поучительно еще какъ свидѣтельство того, какъ благодѣтельно старчество для иноковъ и какъ высоко можетъ подняться и молодой инокъ при опытномъ старческомъ руководствѣ. Жизнь святаго Симеона, Новаго Богослова—это картинка изъ жизни восточнаго старчества: преподобный Симеонъ былъ ученикомъ старца Симеона Благоговѣйнаго. Въ житіи и описаны многіе приемы руководства этого старца. Такимъ образомъ, въ свое время издавая писанія старца Симеона, Новаго Богослова, Оптина пустынь, естественно, должна была издать и самое житіе преподобнаго Симеона, которое и являлось лучшею иллюстраціею къ той части его 12 словъ, гдѣ идетъ рѣчь о старческомъ руководствѣ, и какъ бы естественнымъ предисловіемъ къ словамъ.

13) Авва Фалассій (въ половинѣ VII в.) былъ изданъ дважды, въ славянскомъ и русскомъ переводѣ, при чемъ окончательно редактированъ этотъ переводъ митрополитомъ Филаретомъ. Аввы Фалассія «Сотницы» въ 1894 году были вновь изданы

Оптиною, съ приложеніемъ всей переписки по этому дѣлу между митр. Филаретомъ, о. Макаріемъ и Кирѣевскими, надѣ чѣмъ потрудился о. Ерастъ. Переписка эта находится и при историческомъ описаніи Оптиной самаго послѣдняго времени. Въ Добротолубіи еп. Теофана авва Ѡалассій помѣщенъ въ III томѣ, стр. 289—317. Чтобы имѣть нѣкоторое представленіе о томъ, какъ близко принималъ къ сердцу издательское дѣло Оптиной митрополитъ Филаретъ, мы приведемъ здѣсь одну выдержку изъ указанной переписки. Сообщая о поднесеніи печатнаго экземпляра Варсануфія и Іоанна митрополиту Филарету, Н. П. Кирѣевская писала въ Оптину пустынь слѣдующее: «Владыка принялъ насъ отечески благосклонно. Я подала ему подносный экземпляръ отъ имени Вашего, Батюшка, благодарила отъ Васъ съ поклономъ земнымъ. Владыка съ большимъ удовольствіемъ принялъ книгу и сказалъ: «у старцевъ какъ все поспѣваетъ, удивительно! очень имъ благодаренъ». Я просила Владыку обратить вниманіе на печать, на алфавитъ, и Владыка все очень, очень одобрилъ. Любезно говорилъ. Я подала Владыкѣ (экземпляръ) 3-й сотницы перевода Ѡалассія. Владыка спросилъ: «что это?» — «Остальная сотница Ѡалассія — самыя послѣднія главы 4-й сотницы батюшка о. Макарій не перевелъ, потому что боялся погрѣшнть въ изложеніи сихъ высокихъ предметовъ Богословія и оставилъ это на волю В. В.—ва, и какъ Вамъ Господь возвѣститъ». — «Напрасно, лучше бы перевели, — мнѣ бы помогли. — Погодите, сейчасъ», — и пошелъ Владыка въ другую комнату; тутъ же при насъ былъ о. ректоръ и какой-то старый баринъ.

Владыка возвратился, держа въ рукахъ 1-ю сотницу св. Ѡалассія. «Вотъ 1-я сотница, я ее прочиталъ, нѣкоторое измѣнилъ, въ одномъ мѣстѣ думалъ, что догадался, переправилъ, а какъ здѣсь въ заврѣ нашелъ греческій подлинникъ, то увидѣлъ, что я ошибся, и измѣнилъ поправку. Въ другомъ же мѣстѣ было не такъ, вѣроятно потому, что пропущено

было одно слово въ подлинникѣ. Вотъ, отдайте отъ меня старцамъ и спросите, угодны ли будутъ имъ мои поправки? Я озабочивался и не зналъ, какъ мнѣ имъ переслать эту сотницу, очень радъ, что Вамъ могу отдать ее! Я очень благодарила и говорила, что Вы примите милость Владыки съ глубочайшимъ чувствомъ признательности, и что Ваши поправки—благодѣянія. Владыка сказалъ: «ну, это какъ старцы найдутъ». Потомъ я спросила: «когда старцы перепишутъ, то позвольте къ Вамъ обратно доставить?»—«Можно и въ цензуру отдать,—какъ хотите».

14) Въ 1853 году былъ издавъ переводъ о. Паисія Величковскаго Огласительныхъ поученій *преп. Θεοδωρα Στυδιτα*, († 826 г.), подъ заглавіемъ: «Огласительныя поученія Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Θεοδωρα Исповѣдника, Игумена Обители Студійскія, переведенныя съ греческаго Старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. Изданіе Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М. 1853 г.». Второе, переводъ уже русскій, изданіе было сдѣлано въ 1883 году. Надъ этимъ изданіемъ, подъ руководствомъ о. Амвросія потрудились о.о. Климентъ, Анатолій и Ювеналій. Съ него новое переизданіе было сдѣлано Оптиною въ 1896 г. въ Калугѣ. Отличительныя черты наставленій преподобнаго Θεοδωρα Στυδιτα точно отиѣтилъ епископъ Теофанъ, когда писалъ слѣдующее. «Чаете многого отъ Преп. Θεοδωρα, но онъ даетъ немного, но зато такое, чего никто не даетъ. Внутренней жизни у него только общіе очерки, или перечисленіе подвижническихъ добродѣтелей. Главное у него—порядки монастырской жизни. И у него тутъ всѣ святые: и привратникъ, и сапожникъ, и хлѣбопекъ, и пахарь, и столяръ. И цѣль у него та, чтобы всѣ лица монастырскія, исполняя послушанія по виду житейскія, по духу дѣлали сіе послушаніе путемъ въ царствіе. И онъ часто перечисляетъ всѣхъ и прихваляваетъ. Для монаховъ эти поученія всѣ—сокровище, ибо, о чемъ ни станетъ говорить, все сводитъ на монашескіе

чины, непрестанно напоминаетъ, что надо болѣе дѣлать монаху. И я полагаю издать сіи поученія не какъ поученія, а какъ наставленіе монахамъ, опредѣливъ 4-й т. Добротолюбія. (Собр. писемъ святит. Теофана, изд. Пант. мон. в. I, 84, в. VII, 226, 227—228 стр.). У преосв. Теофана Теодору Студиту и посвященъ 4-й т. Добротолюбія. Разница между изданіями преосв. Теофана и Оптинскихъ та, что у Оптинцевъ заключающіяся въ книгѣ поученія напечатаны каждое сполна, а у преосв. Теофана—въ выборкахъ. У преосв. Теофана хорошо читать по пунктамъ, когда въ чемъ нужда; когда же желательно въ свободное время послѣдовательно все прочесть и ознакомиться съ монастырскимъ общжитіемъ въ цѣломъ, лучше читать по Оптинскому изданію.

Предполагалось у старца о. Макарія сдѣлать и еще нѣкоторыя аскетическія изданія, но это не состоялось. Почему? сказать трудно. Очень можетъ быть, что здѣсь было поступлено по совѣту митрополита Филарета, который не находилъ полезнымъ особенно большое число изданій. Объ этомъ И. В. Бирѣвскій такъ писалъ о. Макарію, въ письмѣ отъ 5 ноября 1854 г.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Н. П. писала къ вамъ, что тому дней десять митрополитъ взялъ у меня для просмотра нѣкоторые рукописи изъ представленныхъ въ цензуру, т.-е. Сотницы аввы Фалассія и главы Каллиста Антиликуды.—Вчера я былъ у него съ Зедергольмомъ, желавшимъ получить его благословеніе, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что прочиталъ Сотницы А. Фалассія и думаетъ, что онѣ должны бы быть изданы особой книжкой, что въ нихъ много полезнаго, но что читатели вообще лѣнны на духовное чтеніе, и большой книги испугаются, а маленькую скорѣе прочтутъ;—но что въ переводѣ есть много темнаго, и онъ желалъ бы, чтобы вы поступали съ нимъ такъ же, какъ съ книгой Исаака Сирина, т.-е. приказали бы переписать ее четкимъ шрифтомъ, и, сличивъ съ

подлинникомъ, приложили бы краткія поясненія внизу страницъ, а гдѣ найдутся явныя ошибки переписчика словенской рукописи или переводчика, тамъ поправили бы въ самомъ текстѣ. Вообще онъ, кажется, очень доволенъ изданіемъ Исаака Сирина, и желалъ бы, чтобы и другія книги были изданы такимъ же образомъ! Что же касается до Каллиста Антипкуды, то онъ еще не успѣлъ прочитать, а только началъ, и, судя по началу, сомнѣвается, полезно ли будетъ его напечатать, потому что онъ кажется ему очень труденъ для пониманія, мысли сжаты и собраны многія въ одинъ клубокъ, такъ что не каждый распутаетъ ихъ. Я не знаю, прибавилъ онъ, для чего печатать много, не лучше ли ограничиться немногимъ, явно полезнымъ. Свѣтская литература представляетъ намъ невыгоды многого печатанія. Тамъ врагъ человѣческаго рода постарался устроить такъ, что хорошія книги задавлены грудой бесполезныхъ, такъ что до нихъ и не доберешься.—Не надобно-ли остерегаться, чтобы и духовная литература не подверглась такой же участи? Я отвѣчалъ ему, что Ваше желаніе преимущественно то, чтобы изданы были рукописи, переведенныя ст. Паисіемъ, какъ человѣкомъ, который, бывши глубоко знакомъ съ духовною литературою, выбиралъ изъ всѣхъ книгъ самыя полезныя.

И дѣйствительно, хотя Оптиной пустыняю было сдѣлано немного, но зато капитальныхъ изданій. Эти изданія охватываютъ всю монастырскую жизнь. Монастырская жизнь же составляется изъ взаимодѣйствія: настоятеля и братіи, духовника-руководителя и его учениковъ — духовныхъ дѣтей, окормляемыхъ и ихъ правильной жизни въ обществѣ, получающей главный смыслъ отъ той цѣли, какую преслѣдуютъ иноки: нравственное самоусовершенствованіе. И въ изданіяхъ Оптиной пустыни мы находимъ руководства: и для настоятеля—въ трудѣ аввы Орсісія, и для духовника—въ вопро-соотвѣтахъ аввы Варсануфія и Іоанна, и для послушника—

въ книгахъ аввы Дорофея, у аввы Исаіи и Симеона, Нового Богослова. У Феодора Студита же руководство всему общежителіи братству во всѣхъ его послушаніяхъ. Въ твореніяхъ Іоанна Лѣствичника, Исаака Сирина—иноческое руководство къ борьбѣ со страстями и возвращенію добродѣтели.

Въ твореніяхъ же Петра Дамаскина—сводъ главнѣйшаго изъ всей аскетической литературы. Славянское Добротолюбіе и Оптиноскія изданія, въ ихъ совокупности, такимъ образомъ, и составили полную аскетическую библіотеку, столь необходимую, особенно тогда, да и вообще во всякое время и каждому иноку въ отдѣльности, и цѣлому монастырю вообще.

Нѣкоторыя изъ изданій, какъ Восторгнутые Класы и Максима Исповѣдника, уже устарѣли, но большинство имѣетъ ту цѣну, какую и прежде. И если бы кто пожелалъ даже и изъ мірянъ выписать и читать эти изданія, то не напрасно потратился бы. Только читать слѣдовало-бы эти книги въ порядкѣ постепенности. Приблизительно можно указать такой порядокъ для чтенія: 1) Аввы Дорофея, 2) Варсануфія и Іоанна, 3) Феодора Студита, 4) Аввы Исаіи, 5) Симеона, Нового Богослова, 6) Аввы Орисія, 7) Петра Дамаскина, 8) Іоанна Лѣствичника, 9) Аввы Фалассія, 10) Исаака Сирина, 11) Марка Подвижника. И потомъ уже Добротолюбіе (слав. изданіе).

Въ Оптиной пустыннѣ есть еще цѣлая тетрадь неизданныхъ писемъ преимущественно Н. П. г. Кирѣевской, въ которыхъ содержится много интереснаго для исторіи Оптиноской издательской дѣятельности. Вотъ главнѣйшія мѣста изъ этой переписки.

8 апрѣля 1849 года... «О Нилѣ Сорскомъ Владыка сказалъ, что онъ представилъ въ цензуру давно, съ предложеніемъ напечатать книгу отъ Синода, опираясь, что она уже одивъ разъ была напечатана отъ Синода. Рѣшенія еще Владыка не знаетъ.

Владыка въ среду (6 ч.) приглашенъ былъ Императрицею

на обѣдъ, а Императоръ пригласилъ на освященіе Георгіевской залы и знамени.

Это все передалъ мнѣ Владыка самъ».

Отъ 2 мая 1849 года. «Начинаю письмо утѣшительнымъ для меня порученіемъ Владыки-митрополита (Филарета М.) къ Вамъ. Владыка посылаетъ Вамъ Божіе благословеніе и проситъ Вашихъ святыхъ молитвъ. И просилъ меня это написать къ Вамъ. Бывши у Владыки, въ пятницу, 29 апрѣля, я сообщала ему вашу признательность за его милостивое вниманіе и прочла ему нѣсколько строкъ изъ начала и конца письма, — гдѣ вы мысленно повергаетесь къ стопамъ его и испрашиваете св. молитвъ и благословенія. Онъ выслушалъ это съ чувствомъ и сказалъ: «напишите къ о. Макарію, что прошу Господа и посылаю ему Божіе благословеніе и прошу его св. молитвъ». «О Нилъ Сорскомъ справлялся, разрѣшили напечатать и не спрашивая Синода, и вскорѣ вы получите его книгу для печатанія». Это собственныя слова Владыки.

Я поблагодарила отъ души Владыку за сію радостную вѣсть и сказала, что сообщу ее, какъ утѣшеніе, вамъ (о. Макарію) и о. игумену».

«Митрополитъ Фил. Моск. поступилъ въ Троицкую Семинарію въ 17 лѣтъ возраста.

Пятница отъ 13 мая. «О надсловіи къ Нилу Сорскому только могу сказать, что сейчасъ вырѣзали его изъ перваго изданія книги бл. Павсія и теперь же при письмѣ посылаю, для цензуры, къ Ѳ. А. Голуб. — Буду просить его о поспѣшности, а у Владыки спрошу, гдѣ онъ благословитъ помѣстить: въ началѣ или въ концѣ книги Нила?—Это его на книгу надсловіе, такъ и будетъ исполнено. Грустно мнѣ, что нашедся значительный пропускъ въ 7 листѣ, иногда оттого быть можетъ недосмотръ, что первая корректура попадетъ къ Ив. В., у котораго слабое зрѣніе, не всю онъ просмотритъ; все же остается она на мою работу, а я, довѣряя его просмотру, правлю 2-ю и 3-ю по первой и ошибаюсь;

простите Бога ради, но если бы вы знали, о. мой, какъ мелко, разнообразно и тяжело весь день и всѣ дни моей жизни—разорваны, такъ что я не понимаю, еще какъ усиѣваю что-либо сдѣлать, а сдѣланное отношу, что только по вашему св. благословенію могла исполнить. Потомъ, какъ большая часть не зависитъ отъ меня, то часто встрѣчаются неожиданныя и непріятныя препятствія, уводящія время и проч. Почему усердно прошу вашего снисхожденія на мои недостатки, и еще прошу не останавливайтесь мнѣ приказывать, какъ усердной вашей послушницѣ, все, что вамъ угодно, ваше приказаніе доставляетъ мнѣ истинное утѣшеніе; я только прошу не другимъ, а мнѣ все приказывать, иначе вы огорчите меня.

Теперь усердно прошу вашего благословенія на устройство печатанія, въ отсутствіе мое, книги Нила Сорскаго; а продолженіе св. Марка останется до возвращенія моего, ибо оригиналъ не скоро выручишь теперь у Ѳ. А Гол. А желалось бы окончить этотъ томъ при себѣ.

Графъ Протасовъ говорилъ, у Троицы бывши, про Ѳ. А. Гол., «что дѣло цензуры отягощаетъ его и слишкомъ для него ничтожно». Изъ сего Ѳ. А. заключаетъ, что ему должно оставить Комитетъ, и говорить: «есть-ли и оставляю его чрезъ полгода или годъ, то, во всякомъ случаѣ, при себѣ наложу печати (т.-е. Цензурнаго Комитета) на всѣ рукописи Паисія и сверхъ того, хоть и выйду изъ цензуры, но этотъ трудъ не оставляю и всѣ самъ ихъ просмотрю, если же умру, то все уже къ выпуску ихъ не будетъ остановки, потому что печать ко всему приложена будетъ». Я сердечно его благодарилъ за сіе его доброе намѣреніе и обѣщаніе, и обѣщала написать о семъ къ вамъ. А посему думаю послать Максима Исповѣдника книгу, въ дополненіе имѣющихся у него рукописей, и тѣмъ окончить. Если же вы имѣете еще что изъ трудовъ переведенныхъ старца Паисія, то прошу приказать оныя появственнѣе переписать и извольте, собравъ все окон-

чительно, доставить ко мнѣ, для препровожденія къ Ѳ. А. Голубинскому, какъ заключеніе всего, что имѣется въ рукописяхъ трудовъ бл. старца Паисія. Благодареніе Господу покровительствующему сему дѣлу, конечно полезнѣйшему, для жаждущихъ спасенія. Рано или поздно, а съ помощію Господа нашего Іисуса Христа труды Его служителя появятся на свѣтъ, для всѣхъ благочестивыхъ».

Отъ 14 іюля. «О книгѣ св. Нила Сорскаго опять искушеніе: отправить во вторникъ нельзя было въ цензуру, несмотря что она печатаніемъ окончена, но начальника типографіи и его помощника не было въ Москвѣ, и потому некому сдѣлать подпись.—Что Господь дастъ завтрашній день; а хотѣлось бы мнѣ дожидаться и привезть съ собою къ вамъ сколько-нибудь экзмп.; признаюсь, корректурою Лаврова я крайне недовольна: множество ошибокъ пропущено имъ. Это непріятно. Надѣюсь у Виногр. будетъ иначе».

Отъ 16 іюля, пятница. «Вчера я имѣла счастіе быть у Владыки, но недолго; даже совѣстно было: всѣмъ было приказано дожидаться, чрезъ меня. Это меня заставило уѣхать и просить благословенія быть у Вл. въ другое время, послѣ воскресенія, а также просила благословить дѣтей; созволилъ на все.

Вамъ, отецъ мой, посылаетъ благословеніе. Спрашивалъ о здоровьѣ вашемъ; я просила его св. молитвъ о васъ.

Какъ для меня ни кратко было время, но наговорилаь довольно. Сказала о корректорѣ; объясняи все, получила благословеніе. О цѣнѣ на книгу Нила Сорскаго: назначено продавать по 50 коп. серебромъ, и, наконецъ, я сказала, что получила изъ типографіи книги, для представленія въ цензуру; о полученіи на выпускъ ихъ билета, который желала бы получить поскорѣй, пока мы здѣсь,—Владыка сказалъ: «что же, вамъ угодно, чтобы я ихъ послалъ въ цензуру? Кажется, тутъ нечего задерживать, я пошлю». Книги были со мною въ каретѣ, Владыка приказалъ келейнику ихъ при-

нести, взглянулъ, и, конечно, для него, Голубинскій поспѣшить поскорѣе»

24 іюля. Воскресеніе... «Разговоръ начался о книгахъ, ибо въ пятницу послѣ обѣда Владыка прислалъ мнѣ билетъ отъ Голуб., на выпускъ книги св. Нила Сорскаго. Но за пропускъ, на 7 стр. «Бога совершенна и человѣка совершенна», приказано перепечатать страницу. Это еще займетъ время нѣсколько дней, о чемъ я и Владыкѣ объяснила, и страницу показала, гдѣ пропущено въ подносномъ экземплярѣ. Владыка сказалъ: «это важный пропускъ», и, загнувъ уголокъ страницы, спросилъ, кто держалъ корректуру? Я сказ. Лавровъ, вами и нами любимый; онъ покачалъ головою; я просила, чтобы ему этого не говорить, потому что онъ очень огорчится».

Отъ 16 сентября... «Письмо ваше прочла, и на оное вотъ что доложу, что Погодинъ имѣетъ нѣсколько посланій Нила Сорскаго, которыя онъ хотѣлъ напечатать, но Шевыревъ увѣрялъ меня, что Погодинъ отдастъ ихъ мнѣ, для напечатанія, какъ изданія Оптиной пустыни, и я думала также, чтобы напечатать ихъ особою брошюрою, какъ прибавленіе къ книгѣ Нила Сорскаго. Теперь нужно: по полученіи вашихъ посланій съ почты, побывать у Ив. В.—чу у Шевырева, именно, если бы Богъ благ. завтра (день именинъ его жены) и сличить эти посланія съ Погодинскими и тогда основательно, по разсмотрѣніи тѣхъ и другихъ, рѣшить, и потомъ побывать уже у Владыки, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ на себя и попрежнему милостиво отправилъ къ Голубинскому».

Вотъ куда моя мысль, если ее одобрите, то и благословите начинаніе и успѣхъ по оной. Вчера послала къ Вамъ 8-й печатный листъ съ Мамоновымъ, который хотѣлъ быть у васъ; онъ друженъ съ Елагинымъ.

Отъ 19 сентября. Первое имѣю утѣшеніе сообщить Вамъ Божіе благословеніе отъ Владыки-митрополита. Вчера имѣла счастье быть у него часа два и предлагала ему о. Нила Сорскаго посланіяхъ, равно и о томъ передала, что имѣются

и еще у Шевырева, которые онъ намъ даетъ для напечатанія; то желательно бы издать ихъ брошюрою, въ видѣ прибавленія къ книгѣ св. Нила Сорскаго... Владыка сказалъ: «что же Вамъ такъ это хочется? Развѣ содержаніе посланій слишкомъ замѣчательно, что такъ спѣшить, да вѣдь и разобратъ то нужно хорошенько ихъ». Я поспѣшила сказать: «да позвольте, Владыка, Вамъ ихъ всѣ привезти». — «Вы хотите, чтобъ я рассмотрѣлъ. времени то у меня ужасно мало; впрочемъ, извольте. Прикажите ихъ списать (т. е. тѣ, которые у Шевырева), — просмотрю».

Я поблагодарила отъ всего сердца Владыку, извинилась, что много его утруждаю, и сказала, что переписавъ доставлю ему все. О семъ слава Богу.

Отъ 28 іюля 1849 г. Теперь позвольте съ Вами поговорить, посоветоваться и сказать нашу мысль объ книгахъ. Эта мысль пришла первому Ив. В—чу вчера, а мнѣ за нее хочется ухватиться, для исполненія, на что я прошу Вашего св. благословенія на успѣшную помощь. Вотъ въ чемъ дѣло: теперь отпечатывается 9-й листъ словъ св. Марка; остается 8-е его слово, которое переведено или переводится Ѳ. А. Голуб.; завтра желаю писать Голубинскому, чтобы онъ поспѣшилъ присылкою сего послѣдняго слова, и по отпечатаніи его, благословите выпустить эту книгу въ 10-ть листовъ. Содержаніе ея будетъ: слова Іоанна Златоустаго, Мелетія, Григорія Паламы о молитвѣ, и слова св. Марка. Богатая духовнымъ сокровищемъ книга, а между тѣмъ листы ея не будутъ мертвенно лежать въ типографіи и ожидать полученія послѣдующихъ отъ Голубинскаго, которыхъ неизвѣстно, когда дождутся.

Владыка желаетъ приступить къ Варсануфію, и дѣло будетъ свободнѣе и окончаниѣе, когда эту книгу мы выпустимъ при себѣ, и добрая причина, повременить отъѣздомъ для полезнаго.

Потомъ если оригиналы, для печатанія, будутъ полу-

чаться безъ насъ въ типографіи, то пусть ими начинаютъ новую книгу и лучше переимѣнить форматъ, и печатать уже всѣ въ большую 12 долю, такую, какъ напечатана теперь книга св. Нила. Что вы скажете на это, батюшка, а исполненіе этой мысли, при помощи (Божіей) вашими св. мол. просіяло бы радостію у меня на сердцѣ. Книжка такого содержанія, въ 10-ть листовъ,—предостаточно, только и будетъ расчетъ въ одной оберткѣ, это дѣло небольшое. Благословите мнѣ успѣшнѣе въ этомъ дѣйствовать, авось и наши обстоятельства отъ этого не потерпятъ, а вашею св. молитвою еще въ лучшее съ дарованіемъ устроятся.

Если возможно будетъ, благословите для сего побывать у Владыки и объяснить ему наше намѣреніе.

Книга Нила Сорск. оканчивается; сегодня и завтра, сколько успѣется экзempl., доставится для отправки къ вамъ, Ферапонтову, вмѣстѣ съ книгами (отъ Григоров.). Вамъ нужны къ посту; все я это понимаю, но если одинъ день замедлить для этого, чтобы получить вмѣстѣ съ книгами книги св. Нила, то вѣрно за это на меня не прогнѣваются и простите; я же истинно всѣ средства употребляю къ ускоренію дѣла, которое дѣлается не моими руками. Если бы типографія была поближе, я бы больше тамъ жила, чѣмъ дома.

31 іюля. Воскресенье, вечеръ. Милостивый отецъ мой!...

Получила его (м. Филарета) св. благословеніе на выпускъ книги по желанію нашему; спросилъ Владыка о заглавіи, какое думаемъ этой книгѣ дать. Я попросила Владыку дать, какое онъ самъ найдетъ приличнымъ и точнымъ. Владыка пошелъ за моимъ реестромъ; принесъ его, долго подумалъ, поговорилъ объ этомъ, не рѣшаясь еще; я предложила погодить, ибо еще 8-го послѣдняго слова не получено отъ Ѳ. А., а когда оное получится, то обертка еще послѣ всего будетъ печататься, почему заглавіемъ можно не спѣшить. Владыка сказалъ: «хорошо, такъ доставьте мнѣ заглавіе матерій, о чемъ именно слова св. Марка, тогда и заглавіе

сдѣлаемъ». Я поблагодарила его отъ души, и завтра съ помощію Божіею надѣюсь доставить Владыкѣ это заглавіе матерій черезъ Ив. В—ча, которому святитель назначилъ быть къ нему въ 5 час. пополудни до 6-ти, хотя никого не принимаетъ въ эту недѣлю, ибо готовится къ причащенію Св. Таинъ. Спаси его Господи за его милость, опять Богъ сподобилъ заняться съ нимъ цѣлый часъ. Слава Богу.

Отъ 15 августа. Сейчасъ получила отъ М. П. Ваше письмецо и св. просфору. Спаси васъ Господи, за милость и утѣшеніе Ваше; а сегодня у меня на сердцѣ особенно что то грустно и мрачно, и болѣзнь физическая и душевная въ борьбѣ.

У Владыки въ пятницу была, онъ посылаетъ вамъ благословеніе, и также благословлялъ мать Афанасію и Анну Ив. и Василія Петровича, о которомъ я сказала, что онъ желаетъ быть въ церкви у Владыки. На это Владыка сказалъ: «попросите его удостоить меня своимъ посѣщеніемъ зайти ко мнѣ», и Василій Петр., когда я ему передала, написалъ записки въ разныя мѣста, откуда сюртукъ, изъ другого мѣста нижнее платье и платокъ прислать, и на утро оэкипировался, какъ должно, и былъ у Владыки, сидѣлъ съ нимъ вдвоемъ довольно долго, до обѣдни, и Владыка звалъ его, когда угодно въ другой разъ зайти къ нему; по возвращеніи къ намъ, очень былъ доволенъ и все говорилъ: «вотъ благодать», и меня благодарилъ за одолженіе.

Съ Владыкою о книгахъ мы рѣшили, чтобы выпустить, какъ предполагали, по окончаніи 8-го слова св. Марка; я предоставила Владыкѣ настоящее замедленіе въ страничкахъ 8-го слова св. Марка; если же ожидать Симеона Евхаетскаго да Фалассія и проч., то года въ три не дожидаться. Владыка смѣялся и согласился, и сказалъ, что писалъ самъ съ Григоровымъ къ Ѳ. Голубинск. о Варсануфії и, что какъ будетъ въ Лаврѣ, то опять подтвердить Голубинскому. Это все слава Богу, авось Господь поможетъ.

Благословите мое грѣшное дѣйствіе, о. мой. Я слышала, что купецъ Поповъ, у котораго мы покупаемъ бумагу, весьма набожный и дѣлаетъ пособія монастырямъ; я написала къ нему письмо, прилагая всѣ изданія Оптиной пустыни, по 1 экземпляру, и предлагаю, и прошу его пожертвовать на изданіе бумаги, а если что и кромѣ ему угодно послать, то прилагаю ему вашъ адресъ, а къ нему пишу въ Рыбинскъ. Если Господь благословитъ, то слава Богу, а если такъ останется, то убытокъ будетъ невеликъ, а * можетъ и помочь.

Василій Петровичъ Брагузинъ, юрествовавшій.

Отъ 19 августа, пятница. Вчера вечеромъ довольно поздно, чрезъ какую-то даму, бывшую въ Лаврѣ, намѣстникъ о. Сергій, прислалъ мнѣ изъ скита благословенный хлѣбъ, 2 ложечки и 3 кипарисныхъ образочка. Письмо отъ Григорова, въ которомъ видно, что Владыка говорилъ съ Ѳ. А. Голубинскимъ; слѣдствіемъ разговора, прислано чрезъ о. Іосифа окончаніе 8-го сл. св. Марка, Аввы Аммона о возбраняющихъ вещахъ ко спасенію, и подписано, что завтра пришлются для печатанія бесѣды Зосимы. Вотъ уже слава Богу, только должно быть очень на меня непріятно Ѳ. Голубинскому. Я къ нему писала съ келейнымъ Владыки, и вѣрно Владыка о семъ зналъ, и благодареніе Господу, увѣчалось паче надежды успѣхомъ. Рано утромъ послано все въ типографію для набора. Дай Богъ и тутъ скоростію успѣть сдѣлать хорошо. Эту книгу, батюшка, нужно выпустить намъ, а будущія труды будутъ Шевыреву подъ надзоръ; теперь онъ въ деревнѣ, такъ опять безъ васъ дѣло станеть, а вапа молитва сильна намъ помочь во всѣхъ обстоятельствахъ, на нее уповаю сердцемъ.

Отъ 25 августа. 10-й листь 8 слова отданъ мною сегодня въ печать; аввы Аммона и бесѣда Зосимы составляютъ 11-й листь еще, и корректуру общаются принести завтрашній день; благословите—поспѣшное дѣйствіе во всемъ, по

сему дѣлу, и заблаговременно извольте прислать назначеніе, кому сколько раздавать экземпляровъ этой новой книги. «Восторгниутые Класы» печатается ихъ 1500 экз., сколько ихъ оставить у Ферапонтова на продажу и сколько къ вамъ доставить и кому сколько раздать, и сколько миѣ грѣшной благословите взять, ибо я тутъ на свою долю не припечатывала. П. А. Григоровъ просилъ на его бумагѣ отпечатать особой брошюрой бесѣды Зосимы 100 брошюръ; я велѣла вмѣстѣ тиснуть съ аввою Аммономъ и для всѣхъ и для себя 100. Какъ прикажете поступить: получить за 100 брошюръ съ Григорова, или отъ Васъ ихъ ему за комиссію пожертвовать. Онъ охлопоталъ въ Лаврѣ слѣдующее: Θεодора Студита отослалъ въ цензуру, инспектору Сергію (онъ также цензоръ), и тотъ обѣщалъ просмотрѣть всю книгу къ новому году. Это хорошо. И потомъ съ о. Іосифомъ попеременно надѣдалъ Ѳ. А. Г., и это весьма похвально. Хотя нашелъ Голубинскаго во гнѣвѣ, но его Владыка круто посадилъ за Варсануфія, уже это прекрасно, это милость Божія и Владыки нашего великая. Слава Господу Богу, поспѣшествующему благому дѣлу. Господь все устроить.

(Письмо Ѳ. А. Голубинскаго).

Почтеннѣйшая раба Господня, Наталья Петровна. Простите меня ради Христа. Я ничего противъ васъ не имѣю на душѣ, а только себя виню за свои неисправности. При первомъ случаѣ, или по первой почтѣ, (19 сент.) доставлю вамъ посланіе преподоби. Симеона Евхаитскаго. Искреннѣйшее почтеніе свидѣтельствую вамъ и Ивану Васильевичу. Преданный вамъ слуга, Θεодоръ Голубинскій. 16 сент. 1849 г.

(Письмо Н. П. Кирѣвской).

Отъ 1 сентября 1849 года. 10-й листъ сегодня поступилъ въ печать и 11-й будетъ набираться. Бумаги 100 стопъ купили у Полова; получила отъ него письмо, въ которомъ онъ приказываетъ прикащику не брать дороже 10 р. ассигн. за стопу теперь и на будущее время, для изданій

старца Пансія, и пожертвовалъ еще на изданіе 20 р. сер. Я благодарила ихъ письмомъ во вторникъ.

Приказаніе и назначеніе ваше надѣюсь исполнить съ помощію Божіею.

Отъ 4 сент. Отпечатанный 10-й листъ и типографскую записку въ доказательство ихъ несносной лѣности къ Вамъ препровождаю.

Отъ 5 сент. Скажу вамъ, батюшка, что вчера къ удивленію мы получили отъ Ѳ. А. Г. нѣсколько страничекъ Теогноста, но безъ окончанія, и потому, вчера же вечеромъ отослала ихъ въ типографію для набора, а завтра думаю написать къ Ѳ. А. и благодарность, и извиненіе, и просьбу прислать не мѣшая окончаніе Теогноста, для окончанія онымъ печатанія книги; иначе вѣдь опять только затянется. Лучше же если онъ будетъ присылать еще, то собравъ ихъ на нѣсколько листовъ издать, да и попросить лучше Ѳ. А. заняться безъ развлеченія, по желанію Владыки, книгою св. Варсануфія; благословите, о. мой, написать такъ, чтобы умиротворить его доброе, но оскорбленное чувство.

Отъ 12 сент. Василій Петровичъ (Брагузинъ юродивый) все у насъ пребываетъ и бунтуетъ порядочно, по временамъ. Занемогъ въ ночь на субботу сильно, посылали за частнымъ докторомъ; теперь опять слава Богу попрежнему поживаетъ.

Отъ 19 сент. О нашей книгѣ. Вчера получила окончаніе Теогноста и при запискѣ моей отправила, для набора, въ типографію. Письмо Ѳ. А. прилагаю (присланное при Теогностѣ). Владыка спросилъ и о этой книгѣ, я доложила все, какъ есть, до самой малости, прибавила я обѣщаніе Ѳ. А. прислать Симеона Евхаетскаго и мое желаніе окончить Теогностомъ книгу; ибо еще по отпечатаніи пробудетъ она въ Комитетѣ. Владыка все подробно разспросилъ, на долго ли теперь печатаніе и проч. и сказалъ: «я завтра или послѣ завтра поѣду въ Лавру, и мы васъ увѣдомимъ, или при-

шлемъ остальное». Батюшка, по сердцу моему, болѣе желать намъ ничего не остается, по милости Божіей нашъ покровитель—сотрудникъ силенъ и милостивъ, спаси его Господи, и воздай ему духовнымъ утѣшеніемъ. Я еще прибавила нѣсколько словъ о томъ, что боялась отыскать Ѳ. А теперь инымъ занятіемъ отъ книги св. Варсануфія. Владыка сказалъ: «да, я ему приказалъ исключительно ею заняться».

23 сент. Дѣятельность Владыки-митрополита по нашему дѣлу изумляетъ меня; сейчасъ получила Симеона Евхаетскаго съ предписаніемъ, чтобы этою статьею закончить книгу, и сію же минуту отправить въ типографію съ обѣщаніемъ благодарности денежной за скорое окончаніе, а корректуры еще не присылали Θεογνοста. Нынѣшній годъ медленность и безпорядокъ въ типографіи пренесносный.

Отъ 13 сент. Объ Арх. словахъ грустно. Теперь объясню вамъ кратко о милости Божіей къ грѣшной рабѣ. Помогъ Господь окончить дѣло изданія охлопотавши цензурныя экземпляры и всѣми силами ихъ выручивши изъ типографіи, во вторникъ въ 10-мъ часу, а въ 10 уже Николай былъ съ ними и съ письмомъ моимъ къ Ѳ. А. Г. на Троицкой дорогѣ, и вотъ возвратился съ билетомъ на выпускъ книги, который сейчасъ и отправила въ типографію. Слава Богу. Слава Милосердому Господу. Поздравляю васъ съ этою радостію нашею общеою, милостивый о. мой. Экземпляровъ 200-ти сегодня вечеромъ получить надѣюсь, также и для митрополита экземпляръ готовъ будетъ.

III

Русскія аскетическія изданія Оптиной пустыни.

На изданіи свитоотеческихъ аскетическихъ переводовъ Оптина пустынь, однако, не остановилась: ею былъ сдѣланъ затѣмъ рядъ прекрасныхъ изданій изъ русской уже аскетической литературы. И среди этихъ изданій изданія аскетическихъ опытовъ самихъ Оптинскихъ старцевъ занимаютъ самое глав-

ное мѣсто. Кромѣ самыхъ Оптиныхъ аскетическихъ изданій, изданій изъ русско-аскетической литературы, главнѣйшихъ было сдѣлано шесть. И—прежде всего—были изданы писанія самого старца Паисія.

1) Въ 1847 году Оптиною пустынью было издано «*Житіе и Писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго съ привоскупленіемъ предисловія на книги Св. Григорія Синаита, Филофея Синайскаго, Исихія Пресвитера и Нила Сорскаго, сочиненныхъ другомъ его и спостникомъ, старцемъ Василиемъ Поляномерульскимъ, объ умномъ трезвеніи и молитвѣ*». И это изданіе, безъ преувеличенія можно сказать, самое цѣнное и лучшее изъ всѣхъ аскетическихъ изданій Оптиной пустыни. Оно, мы называемъ такъ, самое цѣнное потому, что заключаетъ оригинальные труды аскетическіе лучшаго изъ русско-славянскихъ аскетовъ XVIII вѣка, старца о. Паисія, имѣвшаго громадное значеніе въ дѣлѣ обновленія нашего иночества въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Самымъ же лучшимъ слѣдуетъ считать въ виду той громадной практической примѣнимости, какую, какъ оказалось, имѣла и имѣетъ эта книга въ жизни самого монашества, служа настольною книгою всякаго инока-труженика и молитвенника. Громадная же ея примѣнимость обуславливается прежде всего хорошимъ, особенно для первой половины XIX вѣка, переводомъ, теперь, правда, когда мы избалованы прекрасными текстами даже и святоотеческихъ переводовъ, нѣсколько ставшимъ темноватымъ и трудноватымъ для пониманія. Затѣмъ—много значить умѣлое распредѣленіе самаго матеріала книги. Здѣсь сначала предлагается краткое предисловіе. Въ этомъ предисловіи выясняется значеніе для русскаго иночества дѣятельности старца Паисія Величковскаго. Дѣятельность эта была у старца двоякая: личный аскетическій подвигъ, служившій примѣромъ для подражанія многимъ русскимъ инокамъ, и его литературная дѣятельность, въ частности переводъ Добротолюбія. (Объ этой то двоякой дѣятельности и го-

ворится въ предисловіи: сначала указываются труды старца литературные, а потомъ указываются плоды его личной аскетической дѣятельности—какъ примѣра для подражанія: перечисляются русскіе подвижники-ученики старца. Указавъ многихъ послѣдователей старца, перечисливъ его свято-отеческіе переводные труды, издательница старческихъ твореній тѣмъ самымъ глубоко заинтересовываетъ читателя и далѣе знакомить съ жизнію и личностью уже самого старца Паисія.

Показать плоды дѣятельности извѣстной личности, а потомъ уже знакомить съ его жизнію—пріемъ оригинальный, но въ то же время и глубоко-практичный. Послѣ предисловія слѣдуетъ самое житіе съ краткимъ предисловіемъ объ авторѣ его. Житіе это въ настоящее время въ переложеніи на русскій современный языкъ, сдѣланномъ о. архимандритомъ Агапитомъ, издано отдѣльною брошюрою вновь Оптиною пустынею—въ 1906 году. Послѣ житія о. Паисія помѣщенъ и автографъ его, а въ самомъ началѣ прекрасный портретъ самого старца. Послѣ сего и слѣдуютъ уже самыя «писанія». Сначала помѣщены писанія друга и спостника старца Паисія старца Василія Поляномерульскаго, скончавшагося въ 1767 году. Это: предисловія на книги: св. Григорія Синаита, блаженнаго Исихія Іерусалимскаго, Филовея Синайскаго и Нила Сорскаго. Потомъ слѣдуютъ писанія самого «старца Паисія, архимандрита Молдовлахійскаго Немецкія обители». Это: толкованіе на Господи помилуй, изданное въ переложеніи на современное нарѣчіе о. арх. Агапитомъ въ видѣ листка въ самое послѣднее время. «Свитокъ сочиненія старца архимандрита отца нашего Паисія раздѣленъ на главы: «о умной молитвѣ», и «письма старца Паисія». Изданіе заканчивается «письмомъ старца Софронія Молдавскаго въ схимонаху Аванасію, жившему въ Свѣискомъ монастырѣ». Всѣ эти писанія глубоко поучительны и опытно-руководственны, почему книга и стала таѣ для русскихъ подвижниковъ дорога.

Начнемъ съ писаній старца Василія. Первымъ помѣщено «предисловіе или предпутіе хотящимъ чести книгу иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита, и не погрѣшати разума, въ ней лежащаго». Здѣсь имѣется въ виду помѣщаемое въ Добротолюбіи твореніе святаго Григорія Синаита, извѣстное подъ заглавіемъ: «главы о заповѣдяхъ и догматахъ, о молитвѣ и безмолвіи», помѣщенные въ русскомъ переводѣ Добротолюбія епископа Теофана, въ V томѣ, на страницахъ 179—237.

Затѣмъ слѣдуютъ предисловія: «на главизны блаженнаго Филовея Синайскаго (см. III т. Добротолюбія въ русск. пер. 400—420 стр.), «на книгу блаженнаго Исихія» (см. II т. 155—202 стр.) и послѣднее: «надсловіе на книгу блаженнаго отца Нила Сорскаго» (нынѣ твореніе преподобнаго Нила Сорскаго можно читать въ изданіи Афонскаго Пантелеимонова монастыря: «Преподобный и Богоносный отецъ нашъ Нилъ, подвижникъ Сорскій, и уставъ его о скитской жизни, изложенный епископомъ Іустиномъ, изд. 4., Москва. 1902 г.). Содержаніе всѣхъ этихъ предисловій общее: наставленіе объ умной молитвѣ Іисусовой—какъ необходимой и главной части иноческаго подвига. Главнѣйшія положенія, какія развиваются здѣсь, такія. Псаломѣніе—часть молитвеннаго подвига первая, а главная и самая существенная—совершеніе молитвы Іисусовой. Для нея не нужно непременно уединеніе. Примѣръ святыхъ, кои преуспѣли въ дѣланіи умной молитвы и не жили уединенными, удостовѣряетъ это. Не должны удерживать отъ подвига умной молитвы и предстоящія—большія въ этомъ случаѣ, искушенія и страхованія бѣсовъ: будетъ и помощь Божія. Малое число просіявающихъ въ этой молитвѣ не должно смущать. Нужно только воздержаніе, но не въ ущербъ силамъ и здоровью. Для прохожденія этого подвига нужны еще терпѣніе, непрерывность, смиреніе, память смертная и самоочищеніе. Самоочищеніе же и высокоуміе и бываютъ причиною, почему нѣкоторые начинаютъ этотъ подвигъ, но по-

томъ повреждаются. Страсти—вотъ главное препятствіе къ должному прохожденію этого молитвеннаго подвига. Эти предисловія—введеніе къ дальнѣйшему труду объ умной молитвѣ Іисусовой самого старца Паисія. Писанія старца Паисія, архимандрита Молдовлахійскія Нямедкія обители, начинаются толкованіемъ на Господи помилуй, каковое нынѣ издано Оптиною отдѣльнымъ листкомъ въ переложеніи о. архимандрита Агапита. За этимъ толкованіемъ и слѣдуетъ самое главное произведеніе старца—главы объ умной молитвѣ. Всѣхъ главъ шесть. Въ первой главѣ старецъ, указавъ, что въ древнія времена молитва Іисусова, какъ подвигъ, процвѣтала, и было много писаній о ней, далѣе высказываетъ ту мысль, что діаволъ, не терпя плодовъ этого подвига, поднялъ противъ него брань и достигъ умаленія и забвенія этого подвига монашествомъ. Средствами ему послужили: нашествія сарациновъ, сжегшихъ множество отеческихъ писаній, и ересь Варлаамитовъ. И приводитъ рядъ свято-отеческихъ свидѣтельствъ о молитвѣ внутренней.

Вторая глава даетъ обстоятельный отвѣтъ на вопросъ: откуда имѣетъ начало эта умная молитва и какія свидѣтельства изъ Священнаго Писанія приводятъ о ней Богоносные отцы?. Въ третьей главѣ объясняетъ, что умная молитва есть духовное искусство. Въ слѣдующей—о томъ, какое приготовленіе долженъ имѣть желающій проходить подвигъ умной молитвы; въ пятой—о томъ, что есть по своему составу и въ проявленіи эта молитва, а въ шестой старецъ даетъ правила и обучаетъ первымъ приемамъ этого подвига. Все изложеніе богато примѣрами и выписками изъ свято-отеческой литературы и отличается тонкимъ психологическимъ анализомъ душевныхъ состояній и ясностью въ выраженіи самыхъ сложныхъ сторонъ этого дѣла. Какъ предисловія, такъ и самый этотъ свитокъ объ умной молитвѣ есть прекрасное руководство при чтеніи святоотеческихъ писаній объ умной молитвѣ и въ самомъ прохожденіи этого труднѣйшаго подвига.

Писемъ старца далѣе помѣщенныхъ пять. Содержаніе ихъ разнообразное. Первое письмо, писанное къ старцу Θεодосію, — интересный рассказъ старца о томъ, какъ онъ собиралъ и переводилъ аскетическія книги. Это письмо — цѣнный памятникъ для исторіи духовнаго просвѣщенія и жизни монашеской въ XVIII вѣкѣ, интересный отрывокъ для біографіи знаменитаго старца и поучительный руководственный совѣтъ для всѣхъ, кто, такъ или иначе, но трудится въ области научно-богословской. Второе письмо братіи Поляномерульской Рождественской обители, по поводу выбора новаго настоятеля, содержитъ изложеніе взглядовъ подвижника на настоятеля по отношенію къ нему братіи. Въ третьемъ письмѣ другу священноіерею Димитрію старецъ выясняетъ то, что долженъ дѣлать рѣшающійся вступить на путь иноческой жизни человѣкъ семейный, а въ четвертомъ излагаетъ взглядъ на общежительное и уединенное монашеское житіе. Въ пятомъ же, писанномъ къ основателю Арзамасскаго монастыря, Маріи Петровнѣ Протасьевой, старецъ учитъ, преимущественно, о послушаніи и смиреніи. Письмо же старца Софронія — сподвижника Паисіева къ схим. Аванасію — отвѣтъ на нѣкоторые вопросы этого послѣдняго, но имѣющіе руководственный смыслъ и для каждаго общежительнаго инока.

Древнее монашество процвѣтало, пока были въ силѣ: послушаніе и старчество, духовное просвѣщеніе, общежительный строй, молитва Іисусова. Объ этомъ то и идетъ рѣчь во всѣхъ твореніяхъ Величковскаго подвижника, великаго обновителя Русской иноческой жизни, отца Пансія; но рѣчь опытно-провѣреннаго знанія, смиренная, правдивая и обстоятельная, вездѣ подтверждаемая словомъ Божиимъ и писаніями великихъ древнихъ аскетовъ. Эти же основы иноческой жизни и были заложены въ Оптиной пустынѣ старцами, въ ея скиту; объ этихъ основахъ лучшее, что было въ литературѣ, и поспѣшила издать обитель.

Письмо Марьѣ Петровнѣ Протасьевой, при первомъ изданіи,

было напечатано еще и отдѣльно въ количествѣ 50 экземпляровъ, которые и были отосланы въ Арзамасскую Алексѣевскую обитель. Свитокъ же объ умной молитвѣ былъ отдѣльно изданъ въ 1847 г., тогда же отдѣльно было издано и толкованіе молитвы: «Господи помилуй». Вся же книжка Житія и Писаній старца Паисія вторымъ изданіемъ была напечатана въ томъ же 1847 году, въ концѣ, и притомъ съ значительными добавленіями.

Такъ сдѣланы слѣдующія добавленія: «Старца Поляномурьской обители Василія о ошаяніи брашенъ, возбраненныхъ монахомъ». Въ частности эта прибавка распадается на: «Предисловіе, о еже коея ради вины собрашася отъ Священнаго Писанія сія отвѣты на разрѣшеніе вопросовъ о ошаяніи брашенъ, возбраненныхъ монашескому вольному общанію», и: «Исслѣдованіе о ошаяніи и невоспріятіи монахомъ мясъ: откуда бысть сему начало?» (стр. 138—164). Письма: старца Аванасія и Софронія къ М. П. Протасьевой, «Примѣчаніе къ XII страницѣ предисловія». Это примѣчаніе занимаетъ стр. 284—302. Къ этому изданію также приложены портретъ старца Паисія (въ началѣ) и его автографъ (въ концѣ). Автографъ взятъ изъ поднесенной митр. Гавріилу книги Исаака Сирина слѣд. содержанія: «трудивыйся въ переводѣ семъ Свято-Вознесенскаго Немецкаго и Предтечева Секульскаго Молдовлахійскихъ монастырей архимандритъ Паисій Величковскій Родимецъ Полтавскій». И еще другой изъ писъма старцу Θεодосію: «Паисій Старецъ». Отдѣлъ о «ошаяніи брашенъ» представляетъ изъ себя цѣлое разсужденіе, въ вопросо-отвѣтной формѣ, о томъ: когда, почему, для чего и къмъ установлено то, чтобы мясо не входило въ составъ монашеской пищи. Разсужденіе очень интересное, а для монаховъ, въ цѣляхъ осмысленности ихъ въ своихъ обѣтахъ, прямо таки необходимое. Письма къ Маріи Петровнѣ Протасьевой интересны, какъ библиографическій матеріалъ. Примѣчаніе же къ XII страницѣ заключаетъ въ себѣ: біографи-

ческія свѣдѣнія о старцѣ Александрѣ Арзамасскомъ, и его письма и наставленія *). Всѣхъ писемъ 12. Большинство писано о. Моисею, игум. Оптѣнскому, и его братьямъ: о. Антонію Малоярославецкому и Исаіи Саровскому. Имъ же писано и наставленіе. Остальные письма разнымъ лицамъ. Письма поразительно умны по своему содержанію и задушевы. Содержаніе ихъ учительско-аскетическое, но самое разнообразное по предметамъ. Выраженія ясны, точны, мѣтки и картинны, глубоко психологичны. Какъ аскетическо-учительный матеріалъ, эти письма—одни изъ лучшихъ аскетическихъ произведеній русскихъ. О. Александръ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ учениками старца Паисія и вполне усвоилъ его взгляды и духъ.

Такимъ образомъ, второе Оптѣнское изданіе писаній о. Паисія представляетъ изъ себя прекрасное собраніе наставленій о. Паисія и его учениковъ, а по богатству содержанія, жизненности и практичности наставленій—необходимое пособіе всякому иноку, которому дороги глаголы Живота Вѣчнаго. Повтореніе этого изданія было сдѣлано въ 1892 году.

2) Въ 1849 г. было отпечатано «Преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жителствѣ святскомъ», съ подстрочными примѣчаніями. Потомъ въ этому изданію было приложено и литографированное изображеніе преп. Нила Сорскаго—снимокъ съ изображенія его, присланнаго Нило-Сорскою обителію въ знакъ признательности за посылку ей Оптиною экземплярвъ этого изданія. Потомъ право изданія этой книги было взято Св. Синодомъ себѣ.

*) Для исторіи того, какъ появилась эта прибавка, интересно слѣдующее мѣсто изъ письма о. игумену Моисею о. Порфирію. Онъ писалъ:

„Записку объ о. архимандритѣ Александрѣ перелалъ Кирѣевскимъ, что угодно извлеките въ добавленіе. Это есть желаніе и Намѣстника, и Голубинскаго. Пожалуйста прибавьте о себѣ, хотя не называя имени, какъ московскій голова, когда брали увольненіе, бухнулся вамъ въ ноги, и Александръ предрекъ быть вамъ игуменомъ. Назидательныхъ писемъ его у васъ довольно. Не вздумаете ли чѣмъ-нибудь подѣлиться съ публикою. (Письмо о. Порфирія Григорова о. Моисею отъ 5 апрѣля 1847 г.).

А какъ это произошло, о томъ Кирѣевскій писалъ въ Опти-
ну слѣдующее:

Н. П. Кирѣевская была у Митрополита и имѣла съ нимъ,
между прочимъ, слѣдующій разговоръ касательно изданныхъ
Синодомъ: сокращенныхъ правилъ монашескаго житія и книги
Нила Сорскаго. Она замѣтила Владыкѣ, что батюшка очень
радъ, что книга эта издана въ большомъ числѣ экземпля-
ровъ и пущена по столь умѣренной цѣнѣ (15 к. ср.), имѣя
въ виду общую пользу. На это Владыка, улыбувшись, ска-
залъ: «а знаете ли, кто подорвалъ ваше изданіе?—это я;
и вотъ это какъ случилось. Синодъ спрашивалъ моего мнѣ-
нія, намѣреваясь издать нѣсколько книгъ для монашества,
и прислалъ ихъ на разсмотрѣніе ко мнѣ; я откровенно ска-
залъ, что думаю: книгу «сокращенныя правила монашескаго
житія», какъ давно мнѣ извѣстную, одобрилъ, а про двѣ
другихъ (которыя, какъ оказалось, были представлены пр.
Евгеніемъ Астраханскимъ, а написаны Иларіономъ, бывшимъ
настоятелемъ Коневскимъ) сказалъ, что врядъ-ли мы посту-
пимъ хорошо, дѣлая обязательнымъ для всѣхъ то, что на-
писано для одного мѣста, а вмѣсто сего предложилъ издать,
какъ полезную и давно извѣстную, книгу Русскаго подвиж-
ника св. Нила Сорскаго, перепечатавъ ее съ Оптинскаго
изданія и съ вариантами, а также отобрать необходимое и
составить особую книжечку изъ соч. Василія Великаго; вслѣд-
ствіе чего Синодъ, издавъ первую книжку, послѣдней занять-
ся поручилъ мнѣ».

Это Оптинское изданіе начинается сообщеніемъ краткихъ
историческихъ свѣдѣній о. преп. Нилѣ Сорскомъ, за кото-
рымъ слѣдуютъ: «Надсловеніе на книгу блаженнаго отца Нила
Сорскаго и пристеженіе» — перепечатка стр. изъ книги «Жи-
тіе и Писанія старца Паисія. 1847 г.». (Все это занимаетъ
I—XLVIII стр.—введеніе). Самое «Преданіе о жительствѣ
скитскомъ», послѣ братскаго указанія чтецу, начинается
предисловіемъ преп. Нила о побужденіяхъ, бывшихъ у него

въ составленію преданія, источникахъ для этого, и указаніемъ нѣкоторыхъ какъ частныхъ, такъ и основныхъ особенностей скитской жизни. Затѣмъ слѣдуетъ выясненіе необходимости внутренней сердечной самодѣятельности по очищенію сердца, или, что то же, объ умномъ дѣланіи и храненіи сердца.

Затѣмъ слѣдуетъ одиннадцать словъ, въ которыхъ, скажемъ кратко, въ виду легкости прочесть всю, сравнительно небольшую книжку и при томъ въ русскомъ переложеніи, — излагается отеческое аскетическое ученіе о борьбѣ съ главными 8 страстями (о 8 помыслахъ — объ этомъ подробнѣе см. 2-й т. Добротолюбія перев. еп. Теофана), о средствахъ и приемахъ этого рода дѣятельности.

Такъ какъ преп. Нилъ въ свое время немало лѣтъ прожилъ на Афонѣ и тамъ обстоятельно ознакомился съ аскетическою литературою, и съ другой стороны, если мы примемъ во вниманіе, что въ «преданіи» много дословныхъ выписокъ изъ этихъ писаній, то съ вѣроятностью можно предположить слѣдующее. Живя на Афонѣ преп. Нилъ сдѣлалъ немало нужныхъ аскетическихъ выписокъ, которые потомъ и объединилъ въ видѣ «преданія», чѣмъ далъ и нужное руководство инокамъ, и восполнилъ бывшую въ то время скудость въ аскетической литературѣ того времени въ Россіи. Книга преп. Нила очень близка по духу къ твореніямъ Паисія Величковскаго, и вмѣстѣ съ нею должна бы быть настольною у каждаго русскаго инока. Объ же эти книги: о. Паисія и преп. Нила для желающихъ читать «Добротолюбіе» должны служить непремѣннымъ пособіемъ и прочитываемы какъ введеніе въ Добротолюбіе, тѣмъ болѣе, что въ этихъ книгахъ есть и объясненіе главнѣйшей аскетическо-литературной терминологіи (у преп. Нила въ 1 словъ). Заканчивается «преданіе» завѣщаніемъ о погребеніи и позднѣйшею припискою о времени смерти преп. Нила 7 мая 1508 г.

Въ книгѣ говорится о молитвѣ Иисусовой и о старчествахъ. Въ этихъ мѣстахъ данная книга имѣетъ особенную близость

къ соответствующимъ мѣстамъ изъ писаній о. Паисія Величковскаго.

3) Въ 1850 году было сдѣлано изданіе подъ заглавіемъ: «Письма въ Бозѣ почивающаго затворника Задонскаго Богородичнаго монастыря Георгія, съ присовокупленіемъ краткаго извѣстія о жизни его, сост. изъ записокъ жившихъ при немъ белейниковъ, собранныя Козельской Введенской пустыни монахомъ Порфириемъ Григоровымъ, съ приложеніемъ портрета и факсимиле затворника, въ трехъ частяхъ.

Три тома въ общемъ составляютъ книгу въ 1669 страницъ самой убоистой печати. Содержаніе самое разнообразное. Общее настроеніе автора писемъ духовно-поэтическое, полное смиренной преданности въ волю Божию; слогъ изящный, чистый, легкій; изложеніе послѣдовательное, обстоятельное. Много есть стихотвореній затворника, не особенно удачныхъ въ художественномъ отношеніи, но проникнутыхъ теплымъ чувствомъ. Письма касаются самыхъ разнообразныхъ предметовъ христіанской вообще, и, въ частности монашеской нравственно-практической дѣятельности. Много есть размышленій при чтеніи слова Божія, выписки изъ святоотеческой литературы съ размышленіемъ самого автора, думы его и совѣты. Также есть интересныя и цѣнныя для его біографіи сообщенія. Эти послѣднія мы здѣсь и приведемъ. Они дають понятіе о самой личности затворника и его главныхъ чертахъ характера. Вотъ что сообщаетъ здѣсь блаженный затворникъ Георгій.

О дѣтствѣ своемъ о. Георгій пишетъ:

У меня была родная сестра Надежда Алексѣевна, двумя годами меня старше; мы съ ней вмѣстѣ начали учиться читать книги; тогдѣ мнѣ было четыре года; а когда она съ улыбкой на устахъ оставила видимый сей міръ, тогда мнѣ было десять лѣтъ. На 17-мъ году я оставилъ домъ и землю моего воспитанія, и, будучи въ объѣзтахъ сопровождавшей

меня слезами матушки моей, общался ей, къ ея утѣшенію, чрезъ годъ пріѣхать къ ней для свиданія. «Нѣтъ! не будетъ этого», возразила родная, улыбнувшись сквозь слезы, отъ сердца, прензливающагося любовію: «знай, что я съ тобой прощаюсь въ послѣдній разъ, и здѣсь тебя не увижу никогда; мы увидимся въ будущей вѣчной жизни: тамъ моя надежда и ожиданіе тебя!» При семъ словѣ облила меня всего горячайшими слезами, взглянула на небо и, благословивъ меня вторично, разсталась со мной... Бурныя лошади повесли меня тогда въ С.-Петербургъ... Предсказаніе родной оправдалось самымъ дѣломъ: походы и война далеко увлекли меня съ собой;—повсюду мы говорили межъ собой письмами; послѣднее жъ письмо ея нашло меня въ Крыму, надъ Чернымъ моремъ. Въ этомъ письмѣ еще разъ получилъ я материнское благословеніе и убѣдительнѣйшее увѣщаніе къ соблюденію истинной вѣры, право исповѣдуемой Восточною Греко-Россійскою Церковію. При семъ помянула она мнѣ, съ какою болѣзнію сердца пеклась о мнѣ; съ какою горячностью,—когда я былъ еще малолѣтенъ и часто боленъ,—молилась Богу и Божіей Матери, чтобы я былъ истинный христіанинъ, имѣлъ бы въ себѣ страхъ Божій, предохраняющій отъ всякихъ грѣховъ, и велъ бы жизнь безпорочную по вѣсьмъ отношеніямъ; чтобы всегда и вездѣ, гдѣ бы ни находился, съ сердечною вѣрою ради Христа благотворилъ нищимъ—въ такомъ истинномъ разумѣніи, что въ лицѣ нищаго пріемлетъ милостыню Самъ Христосъ; и чтобы о всякомъ человѣкѣ хранилъ мысль благую, и за какое-нибудь собственно противу меня злотореніе непремѣнно воздавалъ бы благотвореніемъ, чему свидѣтелемъ есть Самъ Богъ... Еще объявляла она мнѣ, что отходить отъ жизни сей, меня же совершенно поручаетъ покровительству Богоматери, и убѣждала, чтобы я усердно молился моею Владычицѣ, пока Господь продлитъ жизнь мою. Въ заключеніе писала она, что еще благословляетъ меня и прощается со мною до свиданія въ вѣчной жизни.

Сіи слова ея души пронесли всѣ мои чувства; сердце сокрушилось во мнѣ, и слезы пролились ручьями!!! Во блаженномъ успеніи подаждь, Господи, вѣчный покой усопшимъ рабамъ Твоимъ, родителямъ моимъ: убіенному Алексію и преставльшейся Аниѣ, и сестрѣ моей дѣвицѣ Надеждѣ, и сотвори имъ вѣчную память!

Теперь мнѣ припомнились лѣта моего дѣтства: любилъ я и тогда уклоняться отъ шума людской молвы; меня увлекала и плѣняла глубокая тишина; пріятно занимали меня виды Татарскихъ горъ и долинъ, и по нимъ быстро струящіеся ручьи; сладко бесѣдовала со мною и питала всѣ чувства мои природа, и что только я видѣлъ плѣняющее меня, то всегда снималъ на бумагу карандашемъ; и ничего не было такого, что бы оскорбляло меня. Одно только озабочивало сердце мое: строгій надзоръ и неусыпное попеченіе о мнѣ родной моей матери,—она строго наказывала мнѣ, чтобъ я страшился, безъ ея соизволенія, отлучаться одинъ и ходить тамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось. Ахъ, куда увлекся я мыслию своею въ воспоминаніе о моемъ давно прошедшемъ времени.

Вспоминая въ частности бесѣды матери, подвижники пишутъ:

Меня еще въ малолѣтствѣ спросила родная мать: «умѣешь-ли ты размышлять и разсуждать о вѣчности?.. Помысли о времени десять лѣтъ? не мало; а еще десять, еще сто лѣтъ? Это очень долгое время. А сто тысячъ лѣтъ? Какое долгое время! Милліонъ! сто тысячъ милліоновъ! и далѣе, и еще болѣе, и все число, сколько человѣческій умъ постигаетъ, и сколько можно вообразить песчинокъ при краѣ моря! Безчисленное множество!—Что-жъ думаешь? Вѣдь это только еще начало къ понятію о вѣчности; вѣчность же безъ конца!!! Разсуждай о мукѣ вѣчной и о Царствіи Небесномъ: хорошо быть въ радости и веселиться безъ конца; но каково будетъ плавать и мучиться безъ конца? Вотъ видишь: то и другое отъ воли твоей зависить. Чтобы избавиться отъ мукъ, нужно усердіе

молиться Господу и жить по заповѣди Его, какъ научаетъ Евангеліе кротости и смиренію:—въ сихъ пріобрѣтается душевный покой. А ежели не захочешь терпѣть и жить по заповѣдямъ Господнимъ и не будешь соблюдать ученія Христа;—то суди самъ себя: какъ же будешь и нехотящій претерпѣвать нестерпимое мученіе безъ конца? Теперь ты имѣешь волю избрать себѣ лучшее и послѣдовать Христу до самой смерти—и будетъ милость Божія съ тобой!..

Пишетъ также и о томъ, какъ онъ поступилъ въ болѣзни.

На вопросъ вашъ: употреблять-ли вамъ или нѣтъ лѣкарственныхъ составовъ для поправленія здоровья? скажу, что пользоваться пособіями врачей—нѣтъ грѣха; только нужно совершеннѣе распознавать болѣзнь свою; къ этому-жъ нужно и здравое разсужденіе о терпѣніи и вѣрѣ: потому что сила спасительная и цѣлебная даруется намъ вѣрою; дѣлайте, какъ вамъ лучше. Скажу вамъ о моей немощи: и я разболѣлся до такой крайности, что понудился потребовать помощи лѣкаря; только что изъявляя я это мое желаніе, лѣкарь пришелъ; я принялъ его кроткимъ словомъ и просилъ выдернуть у меня одинъ зубъ. Онъ конечно желалъ показать свое искусство и освободить меня мгновенно отъ болѣзни; скровенно бралъ орудіемъ мой зубъ и отводилъ мою мысль отъ страха, который онъ предполагалъ во мнѣ. Уже три раза принимался онъ явно ломать мой зубъ; мнѣ пріятно было въ это время воображать о св. мученицѣ Февроніи, которой всѣ зубы мучитель велѣлъ выломать: только она терпѣла съ радостію за имя Христово, а я, вообразивъ сіе, наслаждался ея терпѣніемъ, укоряя себя за малодушіе. Не могъ выломить лѣкарь изъ самаго корня зубъ мой, только отъ трехъ сильныхъ передомовъ мнѣ сдѣлалось немножко дурно; принялъ воды и склонился на нѣсколько минутъ, потомъ попросилъ лѣкаря поставить мнѣ пониже затылка мушку;—это средство облегчаетъ голову и глаза отъ крови. Лѣкарь

съ удовольствіемъ это исполнялъ и въ назначенное время готовъ былъ вновь приступить къ дѣлу, и съ тѣмъ простились. Тутъ я началъ себя укорять и бранить за малодушіе, и дѣлалъ себѣ вопросъ строгій для души и сердца: въ какой помощи состоятъ теперь моя надежда: въ Божіей-ли, или я уже уклонился невѣріемъ отъ Божіей помощи къ человеческой. Всемогущаго оставилъ и обратился къ немогущему о себѣ ничтоже сотворити. Я просилъ прощенія, каялся, что не хотѣлъ терпѣть съ благодарностью болѣзнь зубную: что же случилось со мной? И слѣда не осталось боли. Напрасно лѣкарь потрудился придти въ другой разъ меня лечить: ему келейный мой сказалъ отъ меня благодарность и прославилъ Господа за совершенное мое выздоровленіе. Слава Богу о всемъ! Спасайтесь о Господѣ!

Я въ случаѣ болѣзни моей припоминаю себѣ и князя Николу Святошу: онъ иногда отъ чрезмѣрнаго воздержанія и трудовъ разболится до смерти; искусѣннѣйшій его лѣкарь предлагаетъ ему принять лѣкарство и пойдетъ для составленія: приносить и видѣть князя своего уже совершенно здоровымъ.

Житія святыхъ прочитывать я нахожу удобное время тотчасъ послѣ трапезы.

Хотя прикровенно, но, думается, о себѣ же онъ говорить и слѣдующее.

Скажу вамъ истинную повѣсть: нѣкто изъ любомуудрствующихъ и уклоняющихся отъ женскаго пола, путешествуя по подсолнечной странѣ, внезапно встрѣтился въ собраніи съ знаменитымъ полководцемъ и прошенъ былъ къ домъ его. И когда онъ посѣтилъ его и вошелъ въ обстоятельные разговоры, внезапно быстрые глаза посѣтителя встрѣтились съ пріятнѣйшими взорами дѣвицы, сестры полководца. Въ ту минуту чрезъ умную проникаемость успѣлъ онъ познать ея дарованія, разумъ, глубокія мысли; однимъ словомъ, пре-

восходныя ея достоинства его плѣнили, влюбился, предложилъ руку, съ пріятностью былъ соответствующъ. И такъ со временемъ приблизилась часъ, который православно увѣнчиваетъ взаимно предавшихся—одному для другого жить. Женихъ заключаетъ себя въ кабинетъ, погружается въ глубокомысліе и говоритъ въ себѣ: я люблю ее; горитъ въ ней мое сердце; я плѣнился ея достоинствами и потому вдаюсь въ оковы супружества. О! сколь я счастливъ! Имѣю быть обладателемъ столь рѣдкихъ прелестей. Лишь только произнесъ сіи слова, вдругъ озаряется сердце его умнымъ свѣтомъ, и картина превратностей явилась отъ начала міра до конца: тутъ тысяча смертей, разлучающихъ другъ отъ друга, и оставшихся видится отчаяніе. Ужасаюсь! И въ этомъ ужасѣ мысль внезапно изрекаетъ въ душѣ моей: «несчастный! видишь суету сего міра! почто убиваешь свою душу страстію плотской любви? Ежели ты теперь не хочешь преодолѣть и побѣдить страсть свою, то зри тысячу смертей! Осмотрись въ сію минуту! Ты еще свободенъ отъ оковъ, готовыхъ заключить тебя въ суетное и тяжкое страданіе. Опомнись! Ты сотворенъ для неба, для вѣчнаго наслажденія. Страшишься сіе мѣнять на временное. Вообрази, сколько дѣвъ любомудрствующихъ въ чистотѣ и непорочности, предавшихся на служеніе единому Богу: и сколь радостно претерпѣвать Ангельскій подвигъ свой, чая вступить въ чертогъ Господа славы! Стыдись слабости своей! Предпочти лучшее и рѣшишься оному послѣдовать въ сію минуту неотложно». Сердце мое вѣрно билось въ такомъ сраженіи. Побуждаюсь открыть книгу, лежащую на столѣ, помышляя въ себѣ: что откроется мгновенно, тому послѣдую. Открылъ Августиново исповѣданіе. Читаю: «Оженившійся печется о женѣ, како угодить женѣ. А неженевшійся печется о Господѣ, како угодили Господеву». Виждь правоту. Какая разница! Разсуждай здраво, избери лучшее; не медли, рѣшись, слѣдуй; тебѣ не препятствуетъ ничто. Я рѣшился. Сердце исполни-

лось неизреченнаго веселія. Душа въ радости. И кажется умъ былъ весь въ небесномъ изступленіи. Въ тотъ же часъ мнѣ были поданы лошади. Я сѣлъ въ ботикъ и мгновенно скрылся, и вотъ, заѣхавши къ тебѣ, пересказалъ все мое приключеніе. Прощай! Только я его и видѣлъ, а гдѣ онъ нынѣ находится, кто его знаетъ. Это я пересказалъ вамъ для утѣшенія въ вашей печали.

Старецъ въ жизни пользовался большою нравственною поддержкою подвижницы Матроны Наумовны Поповой. О началѣ этого ихъ сближенія онъ пишетъ:

Господь любитъ выслушивать молящихся Ему, и не хочетъ, чтобы вы печалились о вещи, подлежащей тлѣнію. Полезиѣ и вѣрїѣ можно надумать, что нужно, послѣ утренней молитвы... Но кто много думаетъ, тотъ мало дѣлаетъ. — «Не того, что вамъ нужно?» Надобно необходимую свою нужду сознать предъ Владычицей и помолѣбствовать предъ чудотворной Ея иконой... Я сознаюсь вамъ: въ первые дни моего прибытія сюда я былъ въ большомъ смущеніи; со всѣхъ сторонъ меня бороли мысли, и, будучи въ церкви, глубоко размышлялъ я о вѣрѣ къ чудотворной иконѣ Божіей Матери Владимірской; я стоялъ въ теплой церкви съ нищими и приходилъ въ нѣкое мысленное изступленіе. Но только что помыслилъ, что «Царница твари видитъ мысленную войну мою; о когда бы милостиво рѣшила Она мое недоумѣніе!» какъ вдругъ является старица, беретъ меня за руку и съ суровымъ видомъ рѣшаетъ въ моемъ сердцѣ глубокую и тайную мысль мою, и это было явно, а не привидѣніемъ. Какая радость неизреченная тогда объяла меня всего! Въ тотъ день не могъ я ввусить пищи, питаюсь пищею чрезвычайнаго утѣшенія. Со временемъ сокровенную подъ дурными видами, какъ видятъ гордящіеся самомнительные, эту старицу милостью Своею Господь мнѣ явилъ въ ясной простотѣ ея сердца, и потомъ съ тѣхъ поръ я началъ пользоваться пра-

выни ея обличеніями. Промыслъ Божій святъ, и строеніе Его чудно! Господь о преданныхъ волѣ Его сердцахъ промышляетъ, вразумляетъ и спасаетъ ихъ такъ, какъ хочетъ! Онъ всегда научаетъ ихъ смиренію, кротости, дѣятельному исполненію заповѣдей Его и любви, которою покрывается множество грѣховъ. Такъ свидѣтельствуется св. апостолъ Павелъ: другъ друга любите прилежно, горяще духомъ.

О характерѣ же взаимныхъ ихъ отношеній писалъ такъ:

Исповѣдаюсь сущему истинною по совѣсти моей: вѣрь, мой другъ! Не по пристрастію, но по привязанности моей къ старицѣ Евѣиміи объявляю о ней мое слово. Въ самомъ началѣ вступленія моего въ монастырь, много смущался я мыслями; и однажды въ время обѣдни тяжело обуреваемъ былъ до изнеможенія. Я весь умъ обратилъ на образъ Чудотворной иконы Божіей Матери, и мыслию относился со страхомъ къ Самой Владычицѣ міра, прося Ее о рѣшеніи недоумѣнія моего. Въ это мгновеніе подошла ко мнѣ старица съ четками, взяла меня за руку и сказала: «молись по четкамъ, дуракъ! что бѣгаешь взадъ да впередъ?» и ушла отъ меня. Меня всего объяла неизреченная радость, слезы умиленія лились ручьями. Довольно времени я чувствовалъ радость сію. Потомъ въ своей келліи много задумывался я, впалъ въ уныніе, и скука страшная томила душу мою. Въ тотъ же часъ отворилась дверь келліи; входитъ старица, спросила меня: «чѣмъ ты занимаешься?» Я показалъ на книгу св. Дмитрія. «Это хорошо», сказала она: «ты не скучай, скоро все хорошо будетъ». И вся мрачность отошла отъ меня; мнѣ стало радостно. Не продолжая слова, совѣстію моею свидѣтельствую о сей старицѣ. Когда ни бывала она у меня въ разныя времена, я не видѣлъ ничего бѣсовскаго отъ нея ко мнѣ. Какъ бы громко и сурово ни обращалась она со мной, всегда чувствовалъ, какъ мнѣ легко было послѣ угрозъ ея, п мысли и скука убѣгаѣли отъ меня. Я благодарилъ Господа и Ма-

терь Божию, пославшую въ скудости моей такого добраго сторожа. Я не осуждаю ея, хотя другіе, кому что представится, заключаютъ и говорятъ о ней противное. Но я внимаю совѣсти и спасенію души моей, то какъ мнѣ и бываетъ; и еще смѣю сказать, что никто о ней не можетъ свидѣтельствовать, чтобы она кому какое зло сдѣлала, она только обличаетъ тайную мысль, отъ діавола на сердце кому-либо нанесенную. Это многіе воспользовавшіеся вѣрою свидѣльствовать могутъ. А что пристрастія или особой привязанности я не чувствую къ ней о себѣ, только чувствую долгъ и обязанность почитать ее за духовную добродѣтель, какъ мать, и что я истину о ней пишу, и не лгу касательно меня, въ томъ увѣряю гробомъ моимъ, въ который мнѣ надлежитъ положиться оправдану Богомъ.

(«Письма въ Бозѣ почивающаго затворника Задонскаго... Георгія»... М. 1850 г. II, 525—526; I, 257—258; III, 769—770; II, 300—302; II, 397—398 стр.)

Къ этому считаемъ излишнимъ прибавить еще слѣдующее. Затворникъ Георгій былъ въ близкомъ духовномъ общеніи и съ преосв. Филаретомъ, митр. Кіевскимъ, основателемъ Оптинскаго свита. Этотъ приснопамятный святитель-подвижникъ, другъ святителей-подвижниковъ: Антонія Воронежскаго и Іереміи Нижегородскаго, посѣтилъ блаженнаго Георгія 23 апрѣля 1836 г., о чемъ также воспоминаетъ блаж. Георгій въ своихъ запискахъ. (Подробное описаніе этой встрѣчи есть въ сочиненіи «Высокопр. Филаретъ въ схим. Θεодосій (Амфитеатровъ) М. К. и Г. и его время» арх. Сергія (Василевскаго, т. II, 1888 г. 305—324 стр.).

4) Изъ трудовъ епископа Петра Оптиною пустынею изданы: «Указаніе пути ко спасенію» (2-е изд. М. 1885 г.), «О монашествѣ» и нѣсколько малыхъ брошюръ. Въ настоящее время мы имѣемъ два сочиненія, посвященныя указанію «Пути ко спасенію», — преосвященныхъ: Петра и Θεοφана. Въ то время, какъ трудъ еп. Θεοφана представляетъ изъ себя

стройную систему, трудъ епископа Петра является просто рядомъ бесѣдъ на тѣ же темы, со множествомъ святоотеческихъ аскетическихъ выписокъ, примѣровъ и практическихъ совѣтовъ. Трудъ преосв. Теофана требуетъ отъ читателя большаго общенравственнаго развитія или по меньшей мѣрѣ пониманія, трудъ же епископа Петра болѣе доступенъ и простадамъ. По строю сочиненіе преосв. Петра имѣетъ очень много общихъ чертъ и качествъ съ писаніями Петра Дамаскина.

Книга эта хороша для чтенія всѣмъ вообще православнымъ, желающимъ идти по пути спасенія. Въ частности, книга эта болѣе всего соотвѣтствуетъ тому, чтобы быть настольною книгою преимущественно для мірянъ. Хороша она и для сельскаго духовенства. А то до сихъ поръ у насъ существуетъ, и что странно—не обращаетъ на себя вниманія, такое явленіе: священники—руководители паствы и исповѣдники ея, т.-е. руководители пасомыхъ въ духовной жизни, исправители уклоняющихся и врачи больныхъ; а науку самую этого руководительства, искусство врачеванія недуговъ души или, что то же, аскетическую литературу, обычно оставляютъ если не всѣ и не совсѣмъ, то въ большинствѣ безъ большого вниманія. Между тѣмъ, это крайне необходимо. И такіе труды, какъ «О пути спасенія» преосв. Петра и Теофана и «Невидимая брань» должны были бы быть настольными книгами пастыря.

5) «О монашествѣ», сочиненіе епископа Петра (третье изданіе Козельской Введенской Оптиной пустыни—Тр.-Серг. Лавра, собств. типогр. 1904 г.).

Книга преосвященнаго Петра начинается общимъ очеркомъ монашества и исторіи его происхожденія. Въ заключеніе введенія говорится: «чтобы правильно понять духъ монашества и достойно оцѣнить важность его, при руководствѣ опытныхъ подвижниковъ и святыхъ отцевъ, рассмотримъ: 1) что такое въ существѣ своемъ обѣты дѣвства, послушанія и не-

стяжательности; какое основаніе для нихъ въ духѣ человѣческомъ и Св. Писаніи. 2) Какія побужденія, цѣль и причины освященія обѣтами сихъ именно добродѣтелей. 3) Содержаніе, объемъ и предѣлъ обѣтовъ дѣвства, нестяжательности и послушанія. 4) Важность ихъ, какъ средствъ къ достиженію высшаго совершенства и какъ добродѣтелей. 5) Наконецъ, святость и ненарушимость ихъ сохраненія. По этому плану и ведется дальнѣйшая рѣчь.

Первая глава—обѣты въ своемъ существѣ. Опредѣляетъ обѣты епископъ-составитель книги такъ: «обѣтъ монашества, по цѣли своей, есть дѣятельное всецѣлое стремленіе духа путемъ самоотверженія достигать высшаго нравственнаго совершенства—возможно большаго уподобленія Богу и тѣснѣйшаго единенія съ Нимъ и высшаго блаженства». Указавъ основаніе обѣтовъ въ существенныхъ свойствахъ и потребностяхъ человѣческаго духа и въ Священномъ Писаніи авторъ въ частности въ Свящ. Писаніи указываетъ слѣдующія мѣста, какъ основанія для обѣтовъ: дѣвства — Ев. Матѳея 19 гл., 11—12 ст. и у Ап. Павла въ 1 Кор. 7, 7—8, 25. 40; нестяжательности—Ев. Матѳея 19 гл., 21 ст. и—послушанія—Филип. 2 гл., 6—8 ст. и Ев. Матѳея 16 гл. 24 ст. Потомъ въ 2 главѣ указываются: побужденія къ обѣтамъ (въ страхъ вѣчнаго мученія, желаніи достиженія большаго совершенства и любви къ Богу), цѣль обѣтовъ (въ распятіи плоти со страстями и похотями, возвышеніи духа богомыслиемъ), причина освященія обѣтами именно этихъ трехъ добродѣтелей, а не другихъ. Далѣе, въ 3 главѣ идетъ рѣчь о частностяхъ въ каждомъ обѣтѣ. Содержаніе, объемъ и предѣлъ дѣвства, нестяжательности и послушанія выясняется съ особенною тщательностью, ясностью и точностью. Вотъ, какъ, наприм., объясняется понятіе дѣвства: «дѣвство—цѣломудріе безбрачной жизни, а цѣломудріе—такая добродѣтель, которая, обуздывая чувственное пожеланіе и покоряя его разуму, хранитъ въ чистотѣ душу и тѣло».

Въ 4 главѣ о важности обѣтовъ, какъ средствъ къ достиженію высшаго духовнаго совершенства, рѣчь особенно богата примѣрами изъ жизни аскетической. Есть также выписки и изъ аскетовъ-писателей. Въ этомъ отношеніи данный отдѣлъ интересенъ и какъ историческая повѣсть касательно осуществленія обѣтовъ лучшими иноками, и какъ указатель того, какія на этомъ пути бываютъ сложныя задачи. Очень много обстоятельно и увлекательно говорится здѣсь о необходимости и пользѣ старческаго руководства въ жизни иноческой. Также заслуживаетъ большаго вниманія отдѣлъ, гдѣ говорится о значеніи монашества для міра, и христіанскаго общества особенно. «Монашество имѣетъ, говоритъ преосвященный Петръ, высокую важность по своему благотворному вліянію на духовную жизнь всѣхъ членовъ Церкви. Иноки полезны для всѣхъ: благими совѣтами и наставленіями, высокими примѣрами добродѣтелей и теплыми молитвами о всемъ мірѣ. Выясняя эти мысли подробнѣе, онъ говоритъ, приводя много примѣровъ, въ заключеніе: «но важность монашества со всѣми его плодами строго условливается вѣрнымъ исполненіемъ обѣтовъ его. Въ противномъ случаѣ монахъ будетъ только поруганіемъ монашества—на соблазнъ мірянамъ и на свою гибель». Последняя глава о ненарушимости обѣтовъ кратка, но выразительна: почти все изложено примѣрами наказанія за нарушеніе обѣтовъ.

Книжка по объему невелика: 155 страницъ. Но эта-то краткость изложенія есть и достоинство. Въ чтеніи этой книжки каждый, не только монахъ, но и каждый мірянинъ найдетъ себѣ много поучительнаго. Читающій эту книгу, прежде всего, получаетъ ясное и правильное пониманіе того явленія, которое называется монашествомъ и о которомъ такъ много говорятъ—такъ мало его знающіе. Въ этомъ отношеніи книга епископа Петра должна бы быть необходимой принадлежностью каждой бібліотеки при духовно-учебныхъ заведеніяхъ и второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ.

Что касается монастырей мужскихъ и женскихъ, то эту книгу слѣдовало бы имѣть по числу братскихъ и послушническихъ келлій: она дастъ каждому иночеству снѣдніи и вѣрное пониманіе той жизни, на какую вступаютъ они, и возможность разумно отвѣтить всякому вопрошающему ихъ объ ихъ упованіи. Если книга аввы Дорофея называется по справедливости азбукою монашеской жизни, то книга преосвященнаго Петра вполне можетъ быть названа катихизисомъ монаха. Для всѣхъ же вообще мірянъ эта книга поучительна и вообще своимъ содержаніемъ: здѣсь, какъ ранѣе сказали, есть много примѣровъ изъ подвижнической жизни, назидательныхъ по содержанію. Также назидательны и выписки изъ аскетическихъ и отеческихъ твореній, напр., Златоуста о пользѣ постѣнія монастырей мірянами. Чтобы дать нѣкоторое понятіе для желающихъ объ этой чертѣ данной книжки, написанной притомъ правильнымъ чисто-русскимъ языкомъ, въ хорошемъ изложеніи, мы приведемъ, въ заключеніе, одинъ изъ этихъ примѣровъ. Св. Димитрій Ростовскій, пишетъ епископъ Петръ, говоритъ, что молитвами иноковъ держится міръ. Хотя кому и маловажными кажутся молитвы иноческія, но онѣ весь міръ укрѣпляютъ. Міръ христіанскій въ Священномъ Писаніи уподобляется винограднику, какъ древле и Израиль. Посмотримъ: на чемъ держится виноградная лоза? На одномъ сухомъ безплодномъ колѣ. Отними отъ винограда колъ, лоза упадетъ на землю, остается безплодною и помирается. Отними отъ христіанскаго міра иноческій чинъ, какъ отъ винограда сухой безплодный колъ, что съ міромъ будетъ? Судите сами».

Первое же изданіе этой книги подъ заглавіемъ: «О монашествѣ», сочиненіе инспектора Иркутской Духовной семинаріи, Архимандрита Петра, было сдѣлано въ 1856 году. (Москва, въ тип. Готье). А еще ранѣе это же сочиненіе, болѣе сокращенное, было издано въ 1845 г. подъ заглавіемъ «О трехъ обѣтахъ».

6) Наконецъ, былъ изданъ «Царскій путь креста Господня, вводищій въ жизнь вѣчную», въ русскомъ переводѣ (о. Климента Зедергольма, сдѣланномъ въ 1877 году),—теперь этотъ трудъ есть въ пятомъ же изданіи Оптинскомъ 1904 года. Книга эта—аллегорическое толкованіе словъ Иисуса Христа: «иже хоцетъ по Мнѣ ийти, да отвержется себѣ и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ». Распадается эта книга, содержащая ученіе о несеніи жизненнаго креста, на три части: первая, изъ 15 главъ, о вступленіи на путь крестный; вторая о томъ, какъ проходить путь крестный, изъ 20 главъ, и третья—о плодахъ крестоношенія, изъ 12 главъ. Подлинникъ этого сочиненія не русскаго происхожденія, а латинскаго, переводъ же впервые былъ сдѣланъ блаженнымъ митрополитомъ Сибирскимъ Іоанномъ Максимовичемъ, но устарѣлъ, почему и сдѣланъ былъ вновь о. Климентомъ. Въ книгѣ выводится три сестры—дѣвушки, изъ коихъ двѣ, возлюбившія міръ, не пошли по крестному пути, а пошла только одна, которая и названа Ставрофилою—крестолюбиею. Она всю жизнь несла крестъ подъ руководствомъ и со-вѣтами ангела. Бесѣда ангела съ Ставрофилою и составляетъ содержаніе книги. Подобныя аллегорическія нравственно-учительныя изданія были въ ходу въ протестантскомъ мірѣ и весьма назидательны. Даже такой строгій ревнитель православія, какъ епископъ Теофанъ-затворникъ не былъ противъ подобныхъ переводовъ съ исправленіемъ въ нихъ вѣроисповѣдныхъ неправильностей автора. Этотъ взглядъ онъ высказалъ по случаю разсмотрѣнія другой подобной книги: Джона Буньяна, «Путь въ небесный Іерусалимъ». Относительно этой книги онъ писалъ: «Ивана Буяна (здѣсь святитель шутливо слово Буньянтъ—фамилію автора—переводить словомъ Буянъ по созвучію, а слово Джонъ соотвѣтствующимъ русскимъ произнесеніемъ имени Іоаннъ Иванъ) я давно, давно встрѣчалъ. Тогда онъ былъ потоньше, а теперь ишь какъ растолстѣлъ. Я пробѣжалъ наскоро. Селтаторская у него въ текстѣ

одна какая-то страничка. Въ объясненіяхъ побольше. Но вообще это незамѣтно, и можетъ не бросаться въ глаза, безъ особыхъ винушеній со стороны. Потому бѣды большой отъ сей книги нельзя ожидать. Само содержаніе книги показалось мнѣ несоотвѣтствующимъ содержанію заглавія. Путь въ небесный Іерусалимъ не совсѣмъ вѣрно изображенъ. Во время чтенія книги мнѣ приходило на умъ исправить ее и выдать подъ заглавіемъ: «Иванъ Буянъ, обратившійся въ православіе». (Собраніе писемъ святителя Θεοφана, вып. 7, изд. Пант. мон. М. 1901 г., 160—161 стр.).

Въ разсматриваемомъ же изданіи такія особенности автора были сглажены еще ея первымъ переводчикомъ, митрополитомъ Іоанномъ. О. Климентъ въ предисловіи къ «Пути» говорить слѣдующее:

Предлагаемая вниманію читателей книга «Царскій путь креста Господня» была издана на полу-славянскомъ и полумалороссійскомъ нарѣчій въ 1709 году архіепископомъ Черныговскимъ Іоанномъ Максимовичемъ *), и по назидательности своей была во множествѣ экземпляровъ распространена по всей Россіи; но по темнотѣ языка сдѣлалась впослѣдствіи для многихъ недоступною, такъ что многіе выражали желаніе, чтобы книга эта переведена была на русскій языкъ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія нѣсколько такихъ переводовъ «Царскаго пути креста Господня» было готовимо къ печати; но всѣ они не были одобрены къ напечатанію. Главною причиною сего было то, что въ нихъ, соотвѣтственно съ латинскимъ подлинникомъ, изображенъ былъ бесѣдующимъ со Саврофилою Самъ Господь Іисусъ Христосъ; вслѣдствіе чего рѣчи, вложенныя въ уста Христовы авторомъ книги, каковы бы онѣ ни были, получали авторитетъ высочайшей истины. Нынѣ издаваемый переводъ сдѣланъ съ особеннымъ тцаніемъ и вниманіемъ, и по воз-

*) Бывшимъ впослѣдствіи митрополитомъ Тобольскимъ и всея Сибіри. Скончался 10 іюня 1715 года.

возможности устранены всѣ причины, по которымъ прежніе переводы не были одобрены. Кромѣ того, что въ этомъ переводѣ сглажены всѣ оттѣнки, наложенные на подлинникъ римско-католическимъ исповѣданіемъ автора, — и непосредственная бесѣда Ставрофилы съ Господомъ замѣнена бесѣдою съ ангеломъ, посланнымъ отъ Господа, подобно тому, какъ св. Ерма, мужу Апостольскихъ временъ, посланъ былъ отъ Бога, для его наставленія и для общей пользы Церкви, ангелъ покаянія, котораго св. Ерма называлъ своимъ пастыремъ, т.-е. наставникомъ *). Должно, впрочемъ, знать, что людямъ обыкновеннымъ и частнымъ опасно довѣрять явленія ангельскимъ, какъ предостерегаетъ насъ отъ сего св. апостолъ Павелъ, говоря, что иногда *самъ сатана преобразуется въ ангела свѣта* (2 Кор. 11, 14) для обольщенія неопытныхъ.

Что святитель Іоаннъ Максимовичъ былъ мужъ твердо православный и истинно духовный, это засвидѣтельствовано его святою жизнію, его блаженною кончиною, многими благодатными знаменіями, совершившимися по его молитвамъ, а, наконецъ, и тѣмъ, что въ 1826 г., чрезъ 111 лѣтъ послѣ его кончины, при поправѣ стѣны Тобольскаго соборнаго храма, гдѣ погребенъ былъ святитель Іоаннъ, тѣло его найдено нетлѣннымъ и благоухающимъ **).

Предтечевъ Оптинъ скитъ.

23 апрѣля 1877 года.

Внутреннія достоинства книги очень высоки. Здѣсь множество мѣстъ изъ Священнаго Писанія, святоотеческихъ ихъ толкованій, картинныхъ сравненій и образовъ, очень поучительныхъ для пониманія отвлеченныхъ нравственныхъ и ре-

*) Смори книгу: „Пастырь Ерма“, въ „Писаніяхъ мужей Апостольскихъ“. Москва. 1862. Стр. 183--346.

**) См. въ „Душеполезномъ Чтеніи“ (1873 г. Мартъ) статью свящ. С. Путицева: „Святые Сибири“. См. также въ „Стражникѣ“ (1863 г., томъ II и 1864 г., томъ I) статьи Н. Абрамова и протоіерей Александра Сулоцкого.

лигіозныхъ истинъ вообще. Въ заключеніе, для поясненія только что сказаннаго, мы позволимъ здѣсь, для примѣра, привести одинъ вопросъ Ставрофилы и отвѣтъ ей ангела. Ставрофила спросила: «какъ, объясни мнѣ, крестъ и скорбь—это бремя, которое человѣкъ долженъ нести въ продолженіе всей жизни своей земной, могутъ вознести его на небо?

На это ангелъ отвѣчалъ: «представляю тебѣ для сего ясное подобіе. Птицы, пока ходятъ на землѣ, носятъ крылья свои на себѣ, а когда поднимаются на высоту, тогда уже крылья ихъ носятъ. Такъ и человѣкъ. Пока живетъ на землѣ, несетъ свой крестъ и скорби; а когда придетъ время разлученія его души съ тѣломъ, тогда скорби креста, претерпѣныя имъ въ сей многотрудной жизни, съ легкостью крыль вознесутъ его въ райскія селенія» (250 стр.).

Книга эта издавна была любимымъ чтеніемъ иноковъ, особенно въ южной Россіи. Первое упоминаніе о ней въ Оптиной пустынѣ относится къ 1767 г. Въ описи имущества плумена Аристарха, среди его книгъ значится и «Царскій путь креста иже и Ставрофила», въ полдесть, Кіевской печати съ кунцами 1 р. 50 к. («Историческое описаніе Коз. Введ. Опт. пустыни» 1847 г. I, 73 стр.).

Оцѣнку же какъ личныхъ, такъ и переводныхъ трудовъ о. Климента, можно читать въ брошюрѣ «Православный Нѣмецъ» Оптинской іеромонахъ о. Климентъ (Зедергольмъ) К. Леонтьева. (Варш. изд. книгопр. В. Истомина, въ пользу больницы при Введ. Опт. пуст.) 1880 г. (брошюра очень интересная).

Издано Оптиною пустынею еще немало и разныхъ брошюрокъ религіозно-нравственнаго содержанія. Такъ изданы слѣдующія книги: «Ученіе о благихъ дѣлахъ», «О вѣчныхъ мученіяхъ», «О вѣчномъ блаженствѣ праведныхъ», «О святыхъ постахъ», «О благотвореніи преставльшимся», «О св. Евхаристіи», «Объ адѣ и адскихъ мученіяхъ», «О послѣднихъ событіяхъ, имѣющихъ совершиться въ концѣ міра»,

«О покаяніи», «Предъ исповѣдію», «О Причащеніи», «О покаяніи», «О вредныхъ послѣдствіяхъ пьянства», «О препятствіяхъ къ спасенію», «Наставленіе и утѣшеніе въ болѣзни и въ предсмертное время», «Письмо въ утѣшеніе матери-вдовицѣ», «Беседа на шестой псаломъ Анастасія Синаита», «Наставленіе и утѣшеніе въ скорби», «Четыре огласительныхъ слова къ монахинѣ», «Слово Іоанна Дам. о страстяхъ и добродѣтеляхъ», «Три слова св. Симаона, Новаго Богослова, о препятствіяхъ къ спасенію», «Страдальческая жизнь Василиссы», «На службѣ Богу—на службѣ ближнимъ», «О молитвѣ: Господи помилуй», «Пятисотница» и др.

Одни изъ этихъ изданій представляютъ выдержки изъ свято-отеческихъ писаній, другіе—изъ «Камня Вѣры» Стефана Яворскаго, иные—труды епископа Петра, иные Никифора Θεотоки. А книжка «О препятствіяхъ къ спасенію» и толкованіе молитвы: «Господи помилуй»—изъ переводовъ о. Паисія Величковскаго (первая изъ «Восторгнутыхъ Класовъ», вторая изъ книги «Жизнь и Писанія о. Паисія Величковскаго»), «На службѣ Богу—на службѣ ближнимъ»—статья по письмамъ о. Анатолія. Страдальческая жизнь Василиссы—изъ записокъ о. Амвросія Оптинскаго. Послѣднія изъ упомянутыхъ книжекъ очень интересны. Книжка же «4 слова огласительныя къ монахинѣ» теперь имѣются въ 3 Оптинскомъ изданіи 1896 г. на русскомъ языкѣ. Это переводъ съ греческаго 4 словъ Никифора Θεотоки, архіеп. Астраханскаго. Она—прекрасное наставленіе монахинѣ въ день ея постриженія. Было бы весьма полезно держать эту книжку каждой монахинѣ въ день ея постриженія... Первое изданіе книжки было сдѣлано въ 1848 г. съ перевода о. Паисія Величковскаго.

Такъ какъ собственно-оптинскія аскетическія изданія въ общемъ представляютъ изъ себя одно цѣлое, то и скажемъ о нихъ всѣхъ вмѣстѣ нѣсколько словъ подробнѣе.

Оптинскіе, великіе своимъ духовнымъ опытомъ, старцы Леонидъ, Макарій и Амвросій и ихъ современники—игуменъ

Антоній, архимандритъ Моусей, духовникъ Иларіонъ, схи-
тоначальникъ о. Анатолій — оставили послѣ себя цѣлый рядъ
душеполезныхъ и спасительныхъ наставленій; какъ мы уже
и писали въ своихъ «Очеркахъ русско-аскетической литера-
туры XVIII—XIX в.» (См. Кал. еп. вѣд. 1905 г.).

О. іеросхимонахъ Леонидъ, скончавшійся 11 октября
1841 г., насадитель старчества въ Оптиной пустыни, былъ
первымъ Оптинскимъ старцемъ. Но до насъ изъ его наста-
вленій дошло сравнительно очень немногое и то почерпается
изъ книги: «Жизнеописаніе Оптинскаго старца іеромонаха Ле-
онида, (въ схимѣ Льва)». Изданіе Козельской Введенской
Оптиной пустыни. Одесса. Типографія Е. И. Фесенко, Ри-
шильевская улица, с. д. № 47. 1890 г.

Въ этомъ жизнеописаніи записаны слѣдующія изреченія
старца: «кому дается молитва» (стр. 17), польза старче-
ства (стр. 47), кто дойдетъ изъ посѣтителей до старца
(стр. 51), какова должна быть исповѣдь крестьянъ (стр. 51),
правильное понятіе о жизни монашеской (стр. 55), архіе-
рейское неудовольствіе (64—65), простота отношеній (69),
наставленіе игумену (стр. 72), самочинному ученику (72—73),
какъ стяжаются духовныя дарованія (77—78), чтецу (79),
пріемъ старцемъ богомольцевъ (93), исканіе добра въ душѣ
посѣтителя старца (94), у настоятеля нѣтъ «моего» (97—98),
посѣтители старца и ихъ пріемъ (100 стр.), ссора ново-
поступившаго со старымъ инокомъ (105), нѣтъ невыноси-
мыхъ скорбей» (131—132). И въ концѣ, въ приложеніи
«Вопросы и отвѣты старца двумъ ученикамъ», о коихъ тамъ
же сказано. Старецъ отвѣчалъ на слѣдующіе 22 вопроса
одного ученика:

1) Какимъ образомъ поступать, когда я, находясь въ кругу
братіи, не могу воздержаться отъ словъ, я когда говорю, то
кого-либо обижая словами?

2) Какъ поступать, когда я вижу въ другихъ вольное
выраженіе мыслей и соблазняюсь; равно какъ и въ тебѣ, отче,

иногда не видя старческой кротости въ обращеніи съ другими, также оскорбляюсь?

3) Я не вижу въ братіи любви, и для изслѣдованія какого-либо предмета изъ Свящ. Писанія не нахожу собесѣдниковъ?

4) Почему, въ теченіе пятилѣтняго жителства въ пустынной здѣшной обители, стараясь сколько-нибудь о собственномъ назиданіи, я чувствую, напротивъ, что дѣйствительно сдѣлался хуже, о чемъ свидѣлствуютъ неосмотрительные мои поступки, хладность сердца и недостатокъ великодушія?

5) Отчего это возникло, что я къ совѣтамъ вашимъ потерялъ вѣру и благоговѣніе, что назиданія ваши перестали дѣйствовать на мое сердце, а что все кажется для исполненія неудобнымъ?

6) Какимъ образомъ поступать тогда, когда бываю въ кругу первѣйшихъ обители нашей старцевъ, которые иногда между собою въ разговорахъ помѣщаютъ такіа происшествія, что, слыша оныя, трудно одержать побѣду надъ смѣхомъ?

7) Какъ избавиться отъ необыкновенно-сильныхъ ощущеній сладострастія не только въ собраніи съ женскимъ поломъ, но и при одномъ воображеніи о немъ?

8) Когда мой умъ насильно влекутъ за собою помыслы сладострастія, какъ избавиться отъ нападеній ихъ?

9) Какое средство употреблять противъ помысловъ, сильно влекущихъ меня въ осужденію ближняго и особенно того, который меня чувствительно оскорбляетъ, котораго поступки кажутся несообразными званію о Христѣ и дерзкими, и который также очевидно другихъ братій оскорбляетъ; на что взирая и приѣмля участіе въ ихъ неудовольствіи, болѣе раздражаюсь; не въ состояніи быть мирнымъ, а не быть покойнымъ въ духѣ, значить носить душевредную тяжесть?

10) Когда никакая святая мысль и представленіе не дѣйствуютъ на сердце раздраженное или предавшееся нечувствію, что должно дѣлать, дабы умягчить себя?

11) Какимъ образомъ согрѣвается охолодѣвшая душа?

12) Ощущая въ себѣ не только склонность, но и дѣйствія тщеславія и желая оного избавиться, какимъ образомъ можно успѣть въ томъ?

13) Когда я читаю книги Св. Писанія, то назидательнѣйшія изреченія отиѣчаю: должно ли такъ дѣлать и полезно ли?

14) Видя новоначального брата въ нѣкоторыхъ поступкахъ неосмотрительнымъ, или дѣлающимъ что-либо неблагопрістойно, должно ли поправить его?

15) На субботу должно ли исполнять келейное правило?

16) Если я, по случаю отлучки или какого послушанія, не могу имѣть другого времени для келейнаго правила, какъ самое позднее, какъ поступить?

17) Я весьма желаю исправить себя, но все увлекаюсь стремленіемъ страстей: что должно дѣлать для преодоленія ихъ?

18) Какимъ образомъ избавиться отъ разсѣянія мыслей и въ самой молитвѣ?

19) Сильно одолеваетъ меня лѣность: какъ избавиться отъ нея?

20) Какъ избавиться отъ угнетенія духа унынія?

21) Услышавъ я о представленіи въ монашество нѣкоторыхъ братій, особенно тѣхъ, кои вступили въ сію обитель послѣ меня: я, равно желая принять ангельскій образъ, и не имѣя на сіе благословенія начальника, весьма о томъ беспокоюсь и сѣтую, не достигая цѣли. Какимъ образомъ водворить въ себѣ потерянное чрезъ то спокойствіе духа?

22) Должно ли вѣрить снамъ, которые, повидимому, живо представляютъ будущность?

И еще 14-ть вопросовъ другого ученика и отвѣты старца, именно:

1) Что такое осужденіе, и почему отцы примѣняютъ осуждающаго къ антихристу?

2) Могу ли я на исповѣди говорить о согрѣшившемъ со мною въ словѣ или дѣлѣ?

3) Могу ли я предложить брату привести покаяніе старцу въ содѣланномъ вмѣстѣ словесномъ грѣхѣ?

4) Отцы говорятъ, что подробное изъясненіе блудныхъ помысловъ и дѣлъ напрасно, что довольно объяснять ихъ краткимъ общимъ словомъ, что воспоминаніе о нихъ сквернить уста и помыслы. Такъ ли это?

5) Поэтому злые и хульные помыслы на старца, на его жизнь и слабости, лучше умалчивать?

6) Какъ же узнать: какіе помыслы собственно наши, какіе отъ противнаго?

7) Нѣкоторые священники-богословы требуютъ тончайшаго исповѣданія для очищенія души?

8) Всѣмъ ли дается умная молитва?

9) Нѣкоторые, знаемые мною, отцы имѣютъ великую любовь къ Матери Божіей и хвалятся тѣмъ: мнѣ сомнительно въ нихъ такое усердіе.

10) Какія книги святыхъ отцевъ лучше читать: Лѣстничника, Исаака Сирина или аввы Варсануфія?

11) Что скажете объ акаѳистахъ, которыми иные переполняютъ свои правила?

12) Какъ легче спастись? Какимъ путемъ? Я о себѣ только спрашиваю.

13) Отчего я досажую на приходящихъ къ вамъ, на ихъ глупости, на ихъ невѣжество, хоть и знаю, что многіе пользуются вами?

14) Отчего я васъ иногда такъ люблю, какъ вотъ теперь (при этомъ у меня были слезы на глазахъ, и голосъ дрожалъ), а иногда на васъ досажую за множество къ вамъ приходящихъ и стужающихъ вамъ.

Наставленія старца отличаются особенною мѣткостью языка, кромѣ обычныхъ достоинствъ хорошихъ иноческихъ писателей. Письма его не изданы еще, къ сожалѣнію. Вообще же причина сравнительной скудости назидательныхъ трудовъ сего старца кроется въ томъ обстоятельстве, что сей ста-

рець писалъ сообща со старцемъ Макаріемъ, о которомъ послѣ и поведемъ рѣчь.

Отъ о. архимандрита Моисея письменныхъ назиданій и наставленій осталось очень мало и то только въ сочиненіи: «Жизнеописаніе настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея». Изданіе въ пользу св. обители. Москва. Типо-литографія «Московское товарищество». Уланскій пер., д. Куманина, 1882 г., гдѣ съ 199—222 стр. напечатано нѣсколько его писемъ, содержащихъ въ себѣ слѣдующія наставленія: о пустынномъ житіи (стр. 200), приглашеніе брату оставить міръ (201—202), міръ и благочестіе (203—204), дѣла и вѣчность (204—207), міръ во злѣ лежитъ (208—209), путь изъ міра ко спасенію (209—210), путь въ горній Іерусалимъ (211—212), вступающему на путь иночества (212—214), общее наставленіе (216), брань во спасеніе (216), совѣсть (216—217), чай (217), овца (218), да будетъ воля Твоя! (219), послушаніе (219—220), и духовное завѣщаніе (220—222).

Но зато отъ о. игумена Антонія остался уже цѣлый томъ писемъ.

Оптинскій старецъ игумень Антоній родился въ 1795 г. 9-го марта и скончался 7-го августа 1865 года; сначала подвизавшійся въ Рославльскихъ лѣсахъ, потомъ въ Оптиной, долгое время несъ послушаніе настоятеля Мало-Ярославцакаго Черно-Островскаго монастыря и скончалъ свое теченіе въ Оптиной же пустыни. Это былъ великій страстотерпецъ, смиренно перенесшій многолѣтнюю мучительную болѣзнь ногъ. Его наставленія напечатаны въ «Жизнеописаніи» въ письмахъ. «Жизнеописаніе настоятеля Мало-Ярославцакаго Николаевскаго монастыря, игумена Антонія», издано Оптиною пустынью въ 1870 г. (Москва. Синод. типогр.). А «Письма къ разнымъ лицамъ, игумена Антонія, бывшаго настоятеля Мало-Ярославцакаго Николаевскаго монастыря» изданы тою же Оптиною пустынью въ 1869 г. Всѣхъ наставленій о. игумена

Антонія, какія записаны въ его жизнеописаніи,—70. Богословскаго содержанія въ этихъ наставленіяхъ, кромѣ упоминанія о послушаніи ангеловъ (стр. 186) и о власти бѣсовъ (стр. 184), нѣтъ совсѣмъ, зато много изъ области нравственности полезныхъ практическихъ совѣтовъ. Здѣсь есть наставленія къ иноческой жизни: о постриженіи (стр. 20 и 185), объ отношеніи къ старцу (77, 85, 113, 118 и 185), о келейной жизни (стр. 60—62), о воздержаніи и невоздержаніи въ пищѣ (стр. 185—186), о духовномъ дѣланіи (стр. 188), о трудностяхъ служенія игуменскаго (38—39, 40—42, 56—57, 192).

Далѣе слѣдуютъ наставленія одинаково полезныя для монаховъ и мірянъ, а именно: о смиреніи (стр. 17, 112, 184, 189, 192), о страданіяхъ (64, 190), о немощахъ своихъ и ближнихъ (75, 31, 32, 98), объ исповѣди (78), о молитвѣ (67, 83, 120, 184—186, 189—190), о молчаніи (189), нестяжаніи (127), самоиѣніи (186), самоичніи (187), пустыхъ разговорахъ (189—190), ослушаніи (192, 199), празднословіи (193), о богомольяхъ (92), угощеніи (96), днѣ ангела (20), встрѣчахъ (16).

Также: о надеждѣ на спасеніе грѣшниковъ (191), о преданности въ волю Божию (186), о помощи Божіей (96), о смерти и приготовленіи къ ней (42, 124, 121), наконецъ о церковныхъ канонахъ (80, 191), о мѣрѣ подвиговъ (194) и о дуэли (185—186).

Наставленія старца болѣе изложены въ его думахъ и запискахъ, также даны были при разговорахъ съ вопрошавшими. Особенность этихъ наставленій—ясность и практичность. Языкъ же поражаетъ читателя картинностью, мѣткостью. Вотъ образчики наставленій старца:

а) «Что дѣлать? хотѣ жалъ, а надо батьву на погостъ нести» (стр. 121, XXXV наставл.).

б) «Вотъ теперь-то хорошо; а то скорлупку покажешь, самого же зернышка не покажешь» (стр. 78, наст. XII).

в) «Больному надо говорить: не хочется ли тебѣ какой похлебки, или чего другого? а не слѣдуетъ говорить такъ: я тебѣ дамъ такую микстуру, что глаза выпучить» (стр. 75, наст. XX).

г) «На молитву должно вставать поспѣшно, какъ на пожаръ» (стр. 67, XVIII).

Но большая часть наставленій старца находятся въ его письмахъ.

Въ предисловіи къ этому изданію Оптиной пустыни писала: «отецъ игумень Антоній, коего письма къ разнымъ лицамъ предлагаются здѣсь, происходилъ изъ благочестиваго купеческаго семейства. На 21-мъ году своей жизни (въ 1816 г.) онъ удалился изъ міра и болѣе пяти лѣтъ провелъ въ Рославльскихъ лѣсахъ, въ трудахъ и подвигахъ суроваго пустынножительства вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ о. Моисеемъ. Потомъ, опять вмѣстѣ съ нимъ же, былъ однимъ изъ первыхъ основателей и тружениковъ Предтечева скита при Оптиной пустыни, въ которомъ 14 лѣтъ былъ и начальникомъ, проживъ въ немъ всего лѣтъ 18-ть. Здѣсь постигла его страшная, мучительная болѣзнь въ ногахъ, утружденныхъ многолѣтнимъ подвижничествомъ, болѣзнь продолжавшаяся около 30 лѣтъ, т. е. до самой его кончины, и причинявшая ему жестокія страданія, которыя онъ переносилъ съ изумительнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ, не оставляя притомъ и добровольныхъ монашескихъ подвиговъ и трудовъ, и занятій по должности. Въ 1839 году, несмотря на болѣзненное его состояніе, онъ, къ великому своему прискорбію, былъ назначенъ игуменомъ Малоярославецкаго Николовскаго монастыря, и лѣтъ 13-ть несъ весьма тягостное для него бремя настоятельства. Последнія 12 лѣтъ своей жизни онъ провелъ на покой въ Оптиной пустыни, гдѣ почилъ о Господѣ въ 1865 году въ ночь на 8-е августа. Съ того времени еще, когда о. Антоній жилъ въ Оптиномъ скиту, многія лица какъ мірскія, такъ и монашествующія, 19 отечественные подвижники 18 и 19 вѣковъ.

смотря на жизнь его, стали обращаться къ нему за духовнымъ совѣтомъ. По смиренію своему, о. Антоній всегда, по возможности, уклонялся отъ высокой обязанности духовнаго руководителя; но, съ другой стороны, по любви къ ближнимъ, не могъ презирать ихъ просьбъ и душевныхъ потребностей; а потому не отказывался, сколько позволяли силы его, подавать какъ словесно, такъ и письменно духовныя свои назиданія тѣмъ, кто съ вѣрою къ нему прибѣгалъ. Получивъ въ дѣтствѣ недостаточное первоначальное образованіе (домашнее), о. Антоній впоследствии пополнялъ скудость онаго постояннымъ, внимательнымъ чтеніемъ отеческихъ и другихъ общепользныхъ книгъ, долголѣтнимъ опытомъ; притомъ обладалъ даромъ естественнаго краснорѣчія, или даже сладкорѣчія. Слово его какъ устное, такъ и письменное, по свойству своему простое, мягкое, всегда было растворено духовною солю и отличалось особенною какою-то мѣткостью и своеобразною выразительностію и силою; и часто въ простой или даже и шутиливой формѣ содержало высокое назиданіе. Всѣми чувствовалось, что поученія о. Антонія, устные и письменныя, были плодъ многолѣтнихъ иноческихъ трудовъ, опытнаго знанія отеческихъ писаній, личной внимательной наблюдательности всякаго рода людей и монашескаго дѣятельнаго житія и разумѣнія. Часто какъ въ письмахъ, такъ и въ бесѣдахъ онъ приводилъ въ примѣръ, въ шутиливомъ видѣ, себя и свои немощи; но знавшіе его хорошо понимали, что, прикрывая такимъ образомъ свою строго-монашескую жизнь, онъ при этомъ имѣлъ въ виду душевную пользу ближнихъ: говоря какъ бы о себѣ, онъ высказывалъ другимъ полезные уроки.

«Издаваемые нынѣ письма о. игумена Антонія, имъ самимъ, по всему вѣроятію, не предназначались къ печати. Но, зная по опыту, какъ полезны и дороги въ настоящее время истинное духовное вѣдѣніе и искреннее слово такого подвижника, мы считаемъ себя не въ правѣ скрыть въ безвѣст-

ности этих писемъ, и думаемъ, что, издавая ихъ, поступаемъ непротивно волѣ почившаго старца, потому что въ самой жизни его видимъ, что онъ всегда готовъ былъ сдѣлать все возможное отъ себя, въ чемъ видѣлъ душевную пользу ближнимъ, и желалъ благодѣтельствовать имъ даже и по смерти.

Изъ доставленныхъ намъ писемъ, при печатаніи ихъ, исключено то, что относится собственно къ частнымъ обстоятельствамъ тѣхъ лицъ, кому было писано и потому только для нихъ имѣетъ особенное значеніе; а помѣщается лишь то, въ чемъ, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ содержаться общее для всѣхъ духовное назиданіе. По перепискѣ писемъ оказалось, что нѣкоторыя приписки (Post scriptum) помѣщены не на своихъ мѣстахъ; но это ничему не мѣшаетъ».

Въ этомъ изданіи (въ стр. 424) напечатано 314 писемъ о. Антонія. Вышеприведенный отзывъ обители кратко, но мѣтко указываетъ отличительныя качества писемъ старца. Къ этому мы можемъ прибавить еще слѣдующее: въ письмахъ о. Антонія содержатся наставленія отчасти иночествующимъ, также не мало семейнымъ, но болѣе всего только что начинающимъ «дѣланіе духовное». Современные писатели часто (особенно фельетонистъ на брачныя темы Розановъ Василій) обвиняютъ наше монашество въ холодномъ и даже презрительномъ отношеніи къ семьѣ. Но не то бы они заговорили, если бы прочитали собраніе писемъ о. Антонія. Этотъ старецъ называетъ семью «святою семейною обителію» (стр. 134), строго порицаетъ намѣреніе нѣкѣихъ супруговъ, при наличности маленькихъ дѣтей, идти въ монастырь (стр. 144), даетъ наставленія супругамъ, приближающейся къ родамъ молодой женщинѣ (стр. 53) и, многоболѣе, пишетъ дѣткамъ о прилетѣ птичекъ (135, 136 стр. и др.). Наставленія дышатъ глубокимъ участіемъ и любовью къ семейной жизни. Бракъ онъ ставитъ на ряду съ иночествомъ. Наставленія вступающимъ на путь спасенія проникнуты глубокимъ зна-

ніемъ человѣческаго сердца и трогательною заботливостію какъ бы не огорчить того, кому онъ писалъ. Кромѣ того въ письмахъ есть цѣнныя въ историческомъ отношеніи отзывы о нѣкоторыхъ современныхъ событіяхъ и лицахъ. Такъ о. Антоній описываетъ кончину старца Макарія (стр. 164—166, 141 и 88), объ юродивыхъ Корейшѣ (26 п.) и Артеміи, о событіяхъ 19 февраля 1861 г., о польскомъ возстаніи и др. А разбирая книгу объ Аѳонѣ Благовѣщенскаго, высказываетъ слѣдующее правдивое сужденіе: «къ сему и тамошніе бѣдные иноки, посылаемые въ Россію для испрошенія милостыни ради Христа, обруганы зато, что они привозятъ съ собою части святыхъ мощей и животворящее древо Спасителя, и, по желанію благочестивыхъ людей, служатъ молебны и святятъ воду, и за это изъ Россіи вывозятъ тысячи золотыхъ полунимперіаловъ, которые ругатель православія Благовѣщенскій пересчиталъ. А о томъ, что иностранные музыканты, актеры и актрисы и отличныя пѣвицы пріѣзжаютъ въ Россію, задаютъ музыкальные вечера, разныя представленія и дѣйствительно вывозятъ многія тысячи изъ Россіи, никто справедливой критики объ этомъ не писалъ, кромѣ чрезвычайной похвалы, что они удивили своими талантами глупую публику» (стр. 31).

Насколько живъ и при шутливости безопасенъ юморъ старца, можно судить по слѣдующему письму: «госпожа игуменія ваша благоволила представить тебя въ монашество, съ какоюю милостію Божіею и приношу вамъ поздравленіе мое. Пріятно то, что вы усердно молились Покрову Божіей Матери и благовѣрной княгини Евфросиніи, но непохвально то, что госпожѣ игуменѣ своей не поклонились вы въ ножки: деревья плодовые, то есть яблони, вѣтвями своими съ плодами приклоняются до земли, а горькая и безплодная осина и ель вздырается съ вѣтвями своими кверху, такъ и ты, возлюбленная моя, по скудости смиренія похожа немного на осину, то есть не хочешь поклониться въ ножки госпожѣ

игуменьѣ своей; и если игуменьѣ не поклонишься, то кому уже будешь кланяться?—Никому. А почему, если желаешь ты видѣти дни свои благи, то смирай себя предъ Богомъ и предъ людьми благоговѣйными, и обрящеши благодать предъ всѣми и спасешися» (смотри. письмо 313-е).

Всего же болѣе осталось наставленій отъ о. Макарія, жизнь коего подробно описана въ сочиненіи: «Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженнаго памяти старца Оптиной пустыни іеросхимонаха Макарія, составленное оной же пустыни І. Л.» 2-е изданіе Введенской Оптиной пустыни. Москва. Типографія М. И. Лаврова и К^о, Леонтьевскій пер., собственный домъ 1881 года.

Изъ писемъ Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія «Собраніе писемъ блаженнаго памяти Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія—письма къ мірскимъ особамъ» (2-е изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни, съ алфавитнымъ указателемъ. Москва. 1880 г. Типографія М. И. Лаврова) есть какъ бы введеніе къ остальнымъ пяти томамъ его писемъ къ монашествующимъ. Письма эти составляютъ томъ въ 770+XII стр. (стр. текста 748, I—XII—предисловіе, съ 749—770—указатель).

Писаны они къ разнымъ лицамъ—мірянамъ. Но мірянамъ, для которыхъ «дѣланіе духовное» не пустой звукъ, а нѣчто родное, дорогое. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ, — какъ видно изъ сопоставленія тѣхъ же писемъ,—и закончили свою жизнь въ монашествѣ.

По содержанію своему эти письма раздѣляются на двѣ группы: въ одной старецъ говоритъ о созиданіи своего спасенія мірянами, въ другой такъ или иначе отзывается на разныя явленія общественной жизни своего времени. Главную отличительную черту аскетическихъ писемъ старца составляютъ постоянныя ссылки и цѣлыя выписки изъ твореній восточныхъ аскетовъ.

Въ письмахъ, какъ и указано въ предисловіи, встрѣча-

ются указанія на слѣдующія сочиненія: 1) книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, 2) Добротолюбіе Московской печати, листовое и четвертное, 3) Постническія слова преподобнаго отца нашего Исаака Сирина, изданіе Молдавскаго Немецкаго монастыря 1812 года, 4) преподобнаго Макарія Египетскаго 7 словъ. На слѣдующія книги изданныя въ разное время Оптиною пустынею:

1) «Жизнь и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго». Москва, изданіе первое 1847 г., и второе 1848 г.

2) «Восторгнутые Класы въ пищу души», то есть нѣсколько переводовъ изъ святыхъ отцевъ, старца Паисія Величковскаго. Москва, 1849 года.

3) «Преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ своимъ о жительствѣ скитскомъ». Москва, 1849 г.

4) «Преподобныхъ отцевъ Варсануфія Великаго и Іоанна руководство къ духовной жизни, въ отвѣтахъ на вопрошеніе учениковъ», на славянскомъ нарѣчіи гражданской печати. Москва, 1851 года.

5) «Преподобнаго отца нашего Симеона, Новаго Богослова слова (12 словъ) весьма полезныя». Москва, 1852 года.

6) «Преподобнаго отца нашего Исаака Сирина слова духовно-подвижническія». Москва, 1854 года.

7) «Преподобнаго отца нашего аввы Ѡалассія главы о любви, воздержаніи и духовной жизни», въ русскомъ переводѣ съ славянскимъ текстомъ. Москва, 1855 года.

8) «Преподобнаго отца нашего аввы Дороея душеполезныя поученія и посланія» въ русскомъ переводѣ. Москва, 1857 года.

9) «Преподобнаго отца нашего Марка подвижника нравственно-подвижническія слова», въ русскомъ переводѣ. Москва, 1858 года.

10) «Лѣствица». До 1850 года мѣста изъ Лѣстницы старецъ приводитъ частію по рукописному переводу старца Паисія, а частію по печатному славянскому; а послѣ 1850 года

исключительно по рукописи, составленной самимъ старцемъ, въ коей основаніемъ служить тотъ же переводъ старца Паисія, исправленный сличеніемъ со всѣми прежними переводами; преимущественно же съ переводомъ алтайскаго миссіонера, архимандрита Макарія, а равно и съ греческимъ подлинникомъ.

При извлеченіяхъ изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ сочиненій старецъ ограничивался лишь указаніемъ: изъ какого слова, или степени (въ Лѣствицѣ), отдѣла или главы взято то или другое выписываемое имъ изъ святыхъ отцевъ мѣсто; или просто указывалъ, гдѣ и что прочесть, въ подтвержденіе его наставленій; но желающимъ навести подробную справку, имѣя подъ руками вышеисчисленныя книги, не составитъ большого труда, по сему указанію, отыскать мѣсто, на которое сдѣлана ссылка въ письмахъ (стр. X—XII).

На сильную зависимость своихъ писаній отъ старческихъ о. Макарій самъ указывалъ въ 7-мъ письмѣ, говоря: «при Божіей помощи, споспѣшествующей вѣрѣ нашей, сколько могу имѣть понятія о семъ предметѣ, отъ чтенія ученія святыхъ отцевъ, прошедшихъ опытомъ дѣятельную жизнь (не смѣю сказать, отъ моего опыта или искуса), постараюсь представить вамъ приличныя статьи въ вашему устроенію (стр. 29).

Притомъ—немало писемъ, общихъ съ о. Леонидомъ; въ нѣкоторыхъ старецъ пишетъ отъ себя и о. Леонида, въ нѣкоторыхъ подписываются оба. Вотъ, къ слову, что писалъ старецъ въ письмѣ 41-мъ: «мы сердечно радуемся, что вы успокоились и неслестно вамъ сіе пишемъ. Батюшка на васъ не скорбитъ, да онъ и не скорбѣлъ, а находилъ излишнимъ къ вамъ писать, не желая льстить или болѣе оскорбить; но теперь сіе письмо примите отъ насъ обоихъ, яко отъ единого лица, и будьте совершенно спокойны. Но я скудоумнѣйшій мню, что вы напрасно приняли ложный страхъ и сами къ батюшкѣ не писали, хотя онъ этого и не тре-

буетъ, а яко чадолюбивый отецъ радуется и веселится о томъ, что приходите въ разумъ истины» (стр. 77). Или въ 6-мъ: «на письмо оное вамъ не отвѣчали, потому что писать долженъ все я, а я это время былъ занятъ, то въ семь просимъ простить насъ, и принять сіе письмо на оба отвѣтомъ. Въ ономъ просите вы у батюшки прощенье; онъ васъ прощаетъ, съ желаніемъ положить благое начало» (стр. 27).

Когда же старцу писали о дѣйствительности его писемъ, — онъ смиренно относилъ это къ дѣйствию Божіей благодати; это полно и ясно изложено имъ въ 124 письмѣ, (стр. 246—247). Изъ общихъ писемъ обоихъ старцевъ можно указать, какъ на образчикъ ихъ общаго писанія, на 50-ое письмо. Иногда же старецъ писалъ, напередъ «посоветовавшись съ нѣкоторыми изъ нашихъ отцевъ и призвавъ въ помощь Бога, могущаго вразумить и безсловесныхъ на пользу Его созданія словеснаго» (стр. 726—727).

При нѣкоторыхъ случаяхъ старецъ прямо отказывался давать совѣты (см. напр. п. 49). Изъ сочиненій аскетовъ западной Церкви о. Макарій одинъ разъ упоминаетъ о Фомѣ Кемпійскомъ (стр. 32), изъ русскихъ аскетовъ о Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ (стр. 32). Главное содержаніе аскетическое писемъ о. Макарія составляетъ разрѣшеніе вопросовъ: какъ можно спастись въ мірѣ, и какъ при этомъ вести «дѣланіе духовное». Наставленія проникнуты глубокимъ пониманіемъ жизни, полны мѣткихъ практическихъ совѣтовъ, даже по самымъ мелочнымъ обстоятельствамъ жизни, и согрѣты горячею любовью къ скорбному человечеству.

Къ семейной жизни старецъ относится съ глубокимъ уваженіемъ и особенно любвеобиленъ, когда рѣчь идетъ о дѣтихъ (стр. 473 и др.). Особенно назидательно мнѣніе старца о пользѣ изученія аскетической литературы для педагога. Онъ пишетъ: «вы жалуетесь на гнѣвъ, коимъ побѣждаетесь при упражненіи съ дѣтьми. Это, конечно, не-

мощь ваша, что не можете стать противъ силы страсти залогственной отъ навыка, и не сопротивляетесь оной. Читая книги отеческія, гдѣ находится о гнѣвѣ, старайтесь исполнять то, чему научаютъ насъ святые отцы, т. е. какъ и чѣмъ побѣждать гнѣвъ. Равно и о прочихъ страстяхъ имѣйте тоже тщаніе» (стр. 656).

«Паки жалуетесь на поползновеніе свое отъ гнѣва. Не должно много смущаться за сіе, но познавши, что имѣете въ себѣ залогъ сей лютой страсти, попекитесь, при Божіей помощи, объ исцѣленіи оной. Но она не можетъ исцѣлиться безъ того, чтобы кто намъ оной не показалъ: а вамъ показываютъ ее дѣти, смотрѣніемъ Божиимъ, чтобы попеклись объ исцѣленіи оной. Смутихся и не глаголахъ, пишетъ Давидъ. Да надобно еще уворять себя, а когда пройдетъ смущеніе страсти, тогда можно сказать имъ съ кротостью, что больше и на нихъ подѣйствуешь, и вамъ послужить въ пользу» (стр. 658 и 659).

Насколько былъ внимателенъ старецъ къ дѣтямъ—показываетъ и его письмо гимназистамъ, желавшимъ спастись. Этимъ юнымъ ревнительницамъ иноческой жизни о. Макарій писалъ: «имѣя желаніе поступить въ монашеское званіе, или по вашему выраженію: «быть монахами дали клятву», и просите отъ меня позволенія, благословленія и наставленія, буда поступить, и какъ провождать жизнь свою. Вижу изъ письма вашего, что вы званія благороднаго, и, судя по мѣсту вашего образованія, полагаю, что вы еще юные возрастомъ. Но не знаю родственныхъ вашихъ отношеній, и отъ кого вы зависите? Имѣете ли родителей, или кого изъ родственниковъ? Хотя желаніе ваше и благо,—отъ юности посвятить себя на служеніе Господу, но въ этомъ надо имѣть свободу, развязавшись съ міромъ и со всѣмъ, что можетъ насъ къ оному привлекать и привязывать. И, во первыхъ, надобно испросить позволеніе отъ родителей, или отъ кого вы зависите, и когда оное получите, тогда можете побывать въ нѣкоторыхъ обите-

ляхъ, и посмотрѣть на монастырскую жизнь, можете ли вы понести? И тогда, съ совѣтомъ благослусныхъ и опытныхъ отцовъ, приступить къ исполненію сего важнаго вашего предпріятія. А паче всего должно молиться Господу, призывая Его благословеніе на ваше благое намѣреніе и помощь къ исполненію оного. Вы должны знать что подвигъ сей небезтрудный, ибо Господь сказалъ: «иже хочетъ по Мяѣ идти, да отвержется себѣ, и въ слѣдъ Мене грядетъ, возьмъ крестъ свой» (Марк. 10, 21). Отверженіе себя состоитъ, главное, въ отверженіи своей воли и разума, и покореніи оныхъ пастырю и руководителю вашему ко спасенію; чрезъ что можетъ человекъ достигнуть смиренія и освободиться страстей и грѣховныхъ дѣйствій, и тако помощью Божіею получить спасеніе. Молитесь Богу, предавайтесь въ Его святую волю; призывайте въ помощь Божію Матерь, Заступницу нашу и Ходатанцу нашего спасенія. Читайте книгу св. Іоанна Лѣствичника и другія отеческія, ваставляющія къ духовной жизни и храненію заповѣдей Божіихъ со смиреніемъ. Болѣе я не могу вамъ на сей разъ ничего сказать, а поручаю васъ покрову, Промыслу и заступленію Божію, остаюсь желатель вашего здравія и спасенія» (стр. 260—261, письмо 130-е). Подчасъ старецъ пишетъ очень строго (стр. 151—152), и въ частности относительно нарушенія постовъ взглядъ его очень рѣшителенъ (стр. 342).

Изъ частныхъ, такъ сказать, предметовъ онъ касается въ письмахъ: подвига юродства и современныхъ юродивыхъ и подвижниковъ (стр. 72—75, 195—196, 556—557), (стран. 610—611 о Паисіи Великомъ, о старцѣ Леонидѣ стр. 33—34). о Воровежскихъ подвижникахъ (стр. 397, 515), Нилѣ Сорскомъ (стр. 598), высказывается противъ лѣченія магнетизмомъ (стр. 398—399). Онъ проводитъ мысль о разумныхъ мѣрахъ борьбы съ раскольниками. Старецъ пишетъ: «желая повѣрить сужденіе нѣкоторыхъ лицъ и собственное, ты спрашиваешь моего мнѣнія, какъ лучше поступать съ нашими

раскольниками: строгими ли мѣрами, или снисходительными? Мнѣ кажется, что строгія мѣры не принесутъ пользы, но болѣе ихъ ожесточать; равно и очень слабыми и снисходительными нельзя обратить ихъ въ нѣдро православной Церкви; а надобно держаться середины и употреблять нужныя, благо-разумныя и сильныя мѣры къ убѣжденію. Въ случаѣ же сопротивленія и буйства, не на всѣхъ простирать строгость, а на главныхъ ихъ учителей и наставниковъ. Вопросъ: кто же ихъ будетъ убѣждать? Приходскимъ священникамъ неудобно, занятымъ своими должностями, и не всякій можетъ имѣть даръ и способность къ убѣжденію. Кажется бы надобно избрать особыхъ людей на сіе дѣло, въ родѣ миссіи, съ прикомандированіемъ къ нимъ чиновника, чтобы раскольники не могли жаловаться на притѣсненіе и принужденіе. Со стороны же правительства опасно то, что иногда неблагонамѣренными чиновниками, подъ видомъ вѣротерпимости, можетъ быть покровительство и защита; это можетъ принести большой вредъ. Преосвященный Іаковъ Саратовскій дѣйствовалъ на раскольниковъ снисхожденіемъ и любовію, — но сильнымъ убѣ-жденіемъ, такъ удачно, что, при Божіей помощи, многія ты-сячи ихъ обратились отъ раскола къ Церкви (стр. 661—662). Не менѣе основательно судить и о католической пропагандѣ: «о преимуществѣ пропаганды римской церкви предъ право-славною и благотворительныхъ оной заведеніяхъ должно замѣтить, что, какъ причиною отпаденія ея отъ православія было властолюбіе и другія человѣческія цѣли и расчеты, то и доселѣ всѣ ея дѣйствія разстроены тѣмъ же недугомъ и тѣми же видами, и нѣтъ въ нихъ предпріятій чистыхъ по Бозѣ и по совѣсти, какъ въ Церкви православной. Оттого-то дѣйствія послѣдней скромны и негромки. Загляни въ исторію временъ Фотія, патріарха Греческаго, который обратилъ Бол-гарію въ христіанство, и увидишь, что тогда дѣлали паписты и для чего. И доселѣ продолжается то же. Паписты не забо-тятся обращать турокъ въ христіанство, а стараются совра-

щать православныхъ грековъ и болгаръ съ истиннаго пути. Дѣйствія ихъ всегда основывались и основываются, большею частію, на лжи и проискахъ (стр. 662—663).

О письмахъ о христіанской жизни епископа Теофана писать: книжку «Письма о христіанской жизни» я знаю и ожидаю скоро оной присылки. Я ее прочиталъ, но еще не всю. Книга очень хороша, но о молитвѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень смѣло сказано, какъ-то: въ сердцѣ имѣть умъ, и что это всякій можетъ дѣлать, искать въ себѣ теплоту и прочее. Неопытные примутся за это и ничего не найдутъ, смутятся, а мало-мало кто ощутитъ, увлечется и впадетъ въ прелесть. Святые отцы говорятъ, что на это требуется много времени, подвига, труда и наставника непрелестнаго, и что въ чистую молитву единъ отъ тысячи токмо достигаетъ; а еже по оной единъ отъ тмы. Это слова св. Исаака Сиріана; онъ же пишетъ во 2-мъ словѣ, страница 13 и 14: кто прежде обученія въ первой части, дѣянія, приступаетъ ко второй, видѣнія, которое состоитъ въ духовномъ поученіи и молитвѣ, на того гнѣвъ Божій находить; тамъ увидите почему, и далѣе: «яже Божія, глаголетъ, сама отъ себе приходитъ, тебѣ не ощущающую. Ей, но еще мѣсто будетъ чисто, а не скверно. Аще ли зѣница очесе души твоя чиста нѣсть, да не посмѣши воззрѣти на округъ солнца, да не лишишися и самыя тоя малыя зори, яже есть простая вѣра и смиреніе, и исповѣданіе сердечное, и малыя дѣла, яже по силѣ твоей, и отверженъ будеши» и прочее (сл. 2, стр. 14). Молитва умная есть высшая всѣхъ дѣяній, по слову св. Григорія Синаита, и кто обезстуднѣ и дерзостнѣ хотяй къ Богу внити и исповѣдати Его чистѣ и стяжати Его въ себѣ нудясь, удобъ умерщвляемъ есть сицевый отъ самѣхъ бѣсовъ; аще попустится, и далѣе (въ главахъ Григорія Синаита о безмолвіи гл. 7 «о предести»); и пишутъ св. отцы: кто проходитъ молитву и воздержаніе, на тѣхъ сильно и яростно нападаютъ бѣсы, и если мы не имѣемъ на нихъ оружія—смиренія, то

удобно низлагають. Нынѣ много издано книгъ о семь дѣяніи: Добротолюбіе и другія отеческія книги, вамъ извѣстныя; но надобно проходить оное съ наставникомъ, а не самочинно. Старецъ Паисій въ письмѣ къ Софронтіевскому старцу Θεодосію пишетъ: что онъ о изданіи отеческихъ книгъ и радостію, и страхомъ одержимъ, а почему? Прочтите сами въ житіи старца Паисія къ архимандриту Θεодосію письмо, на страницѣ 265 перваго изданія. У насъ есть написана статья въ предостереженіе отъ самочиннаго дѣланія сего, но времени нѣтъ исправить, а хотѣлось бы и издать. Не думайте, чтобъ я осуждалъ книжку оную. Я нахожу въ другихъ матеріяхъ очень преползною и исполненною истины: а какъ вы просили моего мнѣнія, то я и сказалъ откровенно, что нашель; надобно попроче: молитвою Іисусовою нужно молиться всѣмъ и отгонять помыслы, но не искать ничего, кромѣ помилованія; а Господь, давая молитву молящемуся, дастъ и умную молитву, по слову Петра Дамаскина; а то у врага много подсадъ и подвижниковъ обольщать подъ видомъ истины ложными дѣйствіями; впрочемъ, искренно желаю, чтобы во всемъ принесла пользу сія книжка. Спаси Господи написавшаго оную» (641—642 стр.).

Описываетъ и старческій приѣмъ въ Оптиной пустыни: «только что пріѣхалъ, нашель писемъ болѣе 50-ти, пріѣзжихъ полныя гостинницы; всѣ они или я со всѣми долженъ былъ раздѣлять время, и особенно съ каждою особою заняться, а тутъ братія идутъ (уже не скажу свои), надобно съ ними, съ каждымъ заняться; гдѣ жъ мнѣ было возможно писать большія письма? Умъ былъ такъ расточень, а силы въ изнеможеніи, что и краткими строками едва могъ только нѣкоторымъ написать. Можетъ, кто имѣетъ обширныя дарованія, а я, сознаюсь, одно, два письма напишу, и уже нахожусь въ изнеможеніи умственныхъ силъ, и чѣмъ далѣе идетъ, тѣмъ больше чувствую и слабость тѣлесную, и слабость зрѣнія, перо уже трудно подчинить» (стр. 542).

Въ остальныхъ 5-ти томахъ къ монашествующимъ о. Макарій даетъ цѣлый рядъ спасительныхъ наставленій къ дѣланію духовному. Лучшую характеристику этихъ писемъ даетъ великій старецъ-затворникъ епископъ Теофанъ, когда пишетъ: «пишете, что вы читаете все письма Оптинскаго старца Макарія. Благословенныя книжки его. Глубокій вѣтъ отъ нихъ духъ смиренія и навѣваетъ его на всякаго читающаго. Перечитывайте чаще. Не мѣшаетъ выписки сдѣлать, чтобъ, въ случаѣ нужды, подогрѣвать духъ смиренія изъ всѣхъ духовъ самонужнѣйшій» (Собраніе писемъ Теофана, вып. IV. Москва, 1899 г., 211 стр.).

Но особенно выдается изъ этихъ пяти томовъ «Собраніе писемъ блаженныя памяти Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія» (изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Москва. Типограф. В. Готье, 1862 г., 400 стр., отдѣленіе первое—письма къ монахамъ)—теперь уже библиографическая рѣдкость.

По содержанію своему этотъ томъ сравнительно съ письмами къ монахинямъ весьма разнообразенъ. Здѣсь старецъ даетъ совѣты не только къ «дѣланію духовному» въ строгомъ смыслѣ этихъ словъ, но и касается ученаго монашества, разныхъ монастырскихъ начальственныхъ должностей и, наконецъ, говорить о нѣкоторыхъ событіяхъ общественной жизни своего времени. Изъ послѣдняго содержанія писемъ замѣчательны слѣдующія сужденія старца: о войнѣ, освобожденіи крестьянъ, всеобщей грамотности, современныхъ подвижникахъ и т. д. Объ освобожденіи крестьянъ и грамотности старецъ писалъ: «въ освобожденіи собратій нашихъ крестьянъ, или просто христіанъ, отъ крѣпостнаго состоянія, мы должны видѣть отеческій Промыслъ Божій, умилосердившійся надъ нами; а многіе изъ владѣльцевъ охотно сроднились съ сею мыслию и ожидаютъ переворота, не смущаясь за лишеніе многихъ доходовъ; а нѣкоторые, также малое число, скорбятъ, помышляя, что не будутъ имѣть средствъ къ привычной роскошной жизни,

которыми они пользовались отъ трудовъ тысячи рукъ людей, кои сами лишались нерѣдко черезъ то нужнаго пропитанія. Роскошь, конечно, уялится, которую можно назвать оружіемъ діавола бѣ погибели душъ человѣческихъ. Но что будетъ съ свободными? и какъ они воспользуются оною свободою? Это еще намъ неизвѣстно. Вы правильно разсуждаете, что можетъ быть то и то... Но вотъ что неизвѣстно: какой принесетъ плодъ эта грамотность, вводимая въ простонародіе. Мы теперь уже видимъ въ казенныхъ поселеняхъ, которые научились грамотѣ: побудетъ кто изъ нихъ писцомъ и окажется неспособнымъ, или по какому-либо случаю лишится мѣста,—то уже онъ не пахарь, и отецъ не имѣетъ надежды на подпору своей старости. На это возражаютъ: если всѣ будутъ грамотными, то этого не можетъ быть. Ну, хорошо, они научатся грамотѣ: а что будутъ читать? Повесть о царицѣ: Смѣхъ и Пустозвонъ и подобныхъ. Какое онѣ могутъ имѣть вліяніе на нравственность? Что будетъ тогда,—увидимъ; да будетъ воля Господня на всѣхъ насъ!»! (стр. 257—258). Или еще: «сердце обливается кровію, при разсужденіи нашемъ о нашемъ любезномъ отечествѣ, Россіи, нашей матушкѣ; куда она мчится, чего ищетъ, чего ожидаетъ? Просвѣщеніе возвышается, но мнимое; оно обманываетъ себя въ своей надеждѣ; юное поколѣніе питается не млекоу ученія святой нашей православной Церкви, а какимъ-то иноземнымъ, мутнымъ, ядовитымъ заражается духомъ; и долго ли это продолжится? Конечно, въ судьбахъ Промысла Божія написано то, чему должно быть, но отъ васъ сокрыто, по неизреченной Его премудрости. А, кажется, настанетъ то время, по предреченію отеческому: «спасая да спасетъ свою душу»! (стр. 262). О современныхъ ему подвижникахъ старецъ пишетъ здѣсь о кончинѣ двухъ изъ нихъ: Сѣвской игуменьѣ Магдалинѣ и юродивомъ.

О первой старецъ говоритъ слѣдующее глубоко-интересное: Сѣвская игуменья Магдалина скончалась 25 августа въ

12 часовъ. Обитель осиротѣла! Неутѣшный плачь, стонъ и вопль во всей обители продолжаются; но даже и мірскіе всѣ рыдаютъ о ея лишеніи. Она, матушка, заслужила такую любовь простотою, смиреніемъ, терпѣніемъ и незлобіемъ. 300 сестеръ успокоивались подъ ея кротко-мудрымъ правленіемъ. Несомнѣнно, что она получить блаженную вѣчность: она предчувствовала свою кончину и кое-какъ намекала о сѣмъ; въ самое время кончины нѣкоторыя сестры видѣли вѣнецъ звѣздный надъ ея келліею; а Пюцанскій отецъ строитель за нѣсколько дней предъ кончиною ея видѣлъ сонъ: будто вдругъ небеса отверзаются, и о. Л—дъ оттолѣ говоритъ къ игуменіи: «Магдалина! Скоро-ли ты придеши ко мнѣ? Я давно жду тебя и построилъ тебѣ келлію», а она будто отвѣчаетъ: «скоро, скоро, батюшка, приду»! Вотъ вамъ, батюшка, радостно-печальныя вѣсточки; вы вѣрно прольете слезы печали и радости о сей досточтимой матери. При трогательномъ чтеніи описанія кончины ея, нельзя было никому удержаться отъ слезъ, а особливо представя пораженныхъ скорбію чадъ ея духовныхъ. Помолитесь, почтеннѣйшій батюшка, о упокоеніи души ея въ царствіи небесномъ!» (стр. 65. О второмъ см. 226—227 стр.).

Наконецъ, старецъ передаетъ и такое назидательное чудесное событіе: «спаси васъ Господи за любезное писаніе ваше, отъ 17 февраля посланное и при ономъ описаніе Тихвинской обители съ изображеніемъ образа Владычицы нашея Богородицы Тихвинскія и описаніе исцѣленія мѣщанки Боровиковой. Дивны чудеса Матери Божіей и въ наши убогія времена являются въ заступленіи православныхъ христіанъ. И недавнишнее чудо о исцѣленіи Валдайскаго крестьянина, о коемъ и вы пишете, должно-бы поразить сердца невѣрующихъ или маловѣрующихъ и привести къ познанію истинныя православныя нашея вѣры. Да еще также недавно было исцѣленіе пораженной параличемъ съ младенчества дѣвицы Черниговской губерніи, Новозыбковского уѣзда, въ селѣ Брах-

ловѣ; правая рука и нога были сведены, и глазъ поврежденъ. Эта дѣвица Екатерина до 27 лѣтъ была въ такомъ положеніи, и такъ какъ хатка ея была близъ церкви, только чрезъ улицу, то она ползала на лѣвомъ боку въ церковь къ службѣ. 1859 года, іюня 14 числа, въ воскресный день, она не могла быть въ церкви по сильной боли, молилась дома на колѣняхъ,—въ это время пришла къ ней Госпожа, весьма пригоже одѣтая, въ бѣломъ, волосы на головѣ свѣтло-русые; Она сѣла на скамейку и сказала ей: «Екатерина, вотъ ты сегодня по болѣзни хотя и не въ церкви, но все же въ домѣ помолилась, зачѣмъ же другихъ людей на литургіи очень мало бываетъ? Все за работами, имъ некогда въ святые дни помолиться, а что вѣдуютъ они лишняго отъ такихъ неугомонныхъ работъ своихъ? Все бѣдныя, ничто у нихъ не спору; потому Богъ и наказываетъ ихъ неурожаемъ, скотскимъ падежемъ, холерою и войною, но они все не каются во грѣхахъ своихъ. Если еще будутъ пренебрегать наказаніями и не покаются, то и еще большихъ наказаній должны ожидать; уже и Я не могу умолить Бога о помилованіи ихъ. Ползи ты къ священнику и скажи ему, чтобы онъ увѣщевалъ людей, чтобы каялись во грѣхахъ, въ праздничные дни оставили бы работы, ходили въ церковь, молились, праздновали по-христіански». Въ эту минуту болѣзнь ея утихла. Екатерина, бывшая за нѣсколько минутъ балѣка, одноглазая, не владѣвшая ногами и лѣвою рукой крестившаяся, вмѣсто правой, 19-го іюня входитъ къ священнику въ комнату совершенно здоровою, на ногахъ, безъ костылей и палки, крестится правою рукою, свободно смотритъ обоими глазами, читаетъ молитву Іисусову внятно и говоритъ твердыми и выразительными словами. Священникъ, видя такое явное чудо—исцѣленіе балѣки, тотчасъ увѣдомилъ о семъ многихъ сосѣднихъ священниковъ, донесъ о семъ духовному начальству, а Екатерина послѣ 8 іюля отправилась въ Кіевъ, была въ Почаевѣ и возвратилась благополучно домой. Вотъ дивное

чудо! Гдѣ наука? Что они могутъ противъ этого сказать? Богъ является простотѣ и смиренію, а не разуму, обуенному мірскою мудростію. Возблагодаримъ Бога и Пречистую Дѣву Богородицу, Спасительницу рода нашего!» (стр. 263—264). Старецъ Амвросій высоко отзывался о письмахъ отца Макарія.

Современникъ и сподвижникъ о. Макарія и о. Амвросія Оптиный духовникъ о. Иларіонъ, іеросхимонахъ, также велъ обширную назидательную переписку, но, къ сожалѣнію, въ печати имѣется очень немногое, и то только въ сочиненіи: «Жизнеописаніе старца Оптиной пустыни іеросхимонаха Иларіона». (Составлено однимъ изъ учениковъ его. Изданіе въ пользу св. обители. Калуга. Типографія В. В. Архангельскаго. 1897 года. Здѣсь записаны слѣдующія наставленія старца: о приѣмѣ богомольцевъ (192—193 стр.), о дорожной молитвѣ (196 стр.), объ игуменѣ, о сношеніяхъ съ мужчинами, о тщеславіи, отзывахъ, церковномъ порядкѣ, о прелести слезной, своей волѣ, о сборныхъ деньгахъ, поклонахъ, постѣ, о скорби отъ врага, о юродствѣ, о молитвѣ, о правилѣ, о совѣтахъ и гордости, о судѣ надъ игуменьей, объ обидѣ на игуменію, о подношеніи епископу, о тоскѣ, о молитвѣ неразумной, о скромной пищѣ, о ходатайствѣ за сестеръ (197—203 стр.).

Письма о. Амвросія еще только начинаютъ издаваться (пока вышло 2 выпуска); письма о. Анатолія тоже, а пока эти изданія не закончены, то говорить подробно о нихъ еще преждевременно. Можно сказать лишь одно: судя по изданному, письма этихъ старцевъ проникнуты тѣмъ же духомъ любви, мудрости и глубокой опытности, какъ и писанія старца Макарія. Наставленія же старца о. Амвросія, какъ въ свое время говорили, заключаются въ постепенно печатающихся его письмахъ и также въ новой книгѣ о. архим. Агапита «Жизнеописаніе въ Бозѣ почившаго Оптинскаго старца іеросхимонаха о. Амвросія» (1900. М. 1—2 ч.). Эти

труды заслуживаютъ особеннаго вниманія всѣхъ вообще, и пастырей Церкви въ особенности. Саровъ въ концѣ цѣлаго ряда великихъ аскетовъ далъ Россіи преподобнаго Серафима. Отъ Сарова отчасти получила свое начало и Оптиная пустынь. Заведя затѣмъ старчество, явила міру, послѣ отцовъ: Моисея, Льва и Макарія, о. Амвросія. И въ то время, какъ Саровъ и Оптиная во внѣшнемъ даже видѣ имѣютъ много общаго, а Шамордино также свято хранитъ все оставшееся послѣ о. Амвросія, какъ Дивѣво сохранило вещи о. Серафима, оба эти величайшіе русскіе иноки XIX вѣка: преподобный Серафимъ и о. Амвросій—являются и лучшими, какъ бы обильнѣйшими наставниками — друзьями русскаго человѣка. Оба они явили высокую любовь, полную невыразимаго снисхожденія и состраданія горю людскому, ищущую, чисто материнскую заботливость, молитвенники и чудотворцы еще при жизни и по смерти (XIV, XV и XVI вв. I ч. и почти вся вторая часть книги о. Агапита посвящены описанію чудесныхъ проявленій благодати Божіей чрезъ о. Амвросія). Въ своихъ же наставленіяхъ, сохранившихся письменно, дали плоды высокой своей духовной опытности. Какъ все высокое и жизненное, ихъ наставленія, повидимому, очень просты. Но чѣмъ болѣе въ нихъ вдумываться,—все глубже и глубже ложатся они на сердце, и расширяется ихъ смыслъ. Неудивительно поэтому и то, очень уже нерѣдко замѣчаемое, явленіе, что по мѣрѣ того, какъ въ лучахъ торжественнаго прославленія Богомъ и Церковью за ликомъ нынѣ уже «преподобнаго» чудотворца Саровскаго Серафима, какъ дискъ луны при восходящемъ солнцѣ, все болѣе и болѣе блѣднѣетъ образъ просто «старца-батюшки-отца» Серафима, это мѣсто какъ бы занимаетъ собою, и рядомъ съ преподобнымъ Серафимомъ поднимается другой любвеобильно кроткій и величавый образъ старца-батюшки о. Амвросія.

Такова литературно-аскетическая дѣятельность о. Паисія Величковскаго и его достойнаго въ этомъ дѣлѣ преемника и

продолжателя о. Макарія Оптинскаго и его учениковъ. Литературно-издательская дѣятельность продолжается и, дай Боже, чтобы долго-долго не прекращалась она. Но уже и то, что сдѣлано Оптиною, представляетъ нѣчто громадное и цѣнное. При этомъ, даже при самомъ бѣгломъ обзорѣ, нельзя не замѣтить того, что при преемникѣ о. Макарія о. Амвросіи литературно-издательская дѣятельность пошла нѣсколько по иному пути, чѣмъ было при самомъ о. Макаріи. О. Макарій издавалъ святоотеческую аскетическую литературу, а о. Амвросій сталъ издавать церковно-историческіе труды самой Оптиной пустыни. И въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ проявленій той духовной мудрости, какою обладалъ этотъ дивный старецъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Аскетическая святоотеческая литература — остатокъ лишь малый отъ того великаго древа иноческой жизни, которая процвѣтала въ первые вѣка иночества христіанскаго. Но какъ при корнѣ стараго дуба скоро вырастаетъ молодая зелень и изъ новыхъ побѣговъ потомъ вырастаютъ и новые могучіе дубы, такъ и около свято-отеческой литературы, воскрешенной у насъ о. Павсіемъ и о. Макаріемъ, возросъ цѣлый сонмъ отечественныхъ подвижниковъ, давшихъ и плоды своей жизни: святость личную, сонмы учениковъ-подвижниковъ и новую чисторусскую аскетическую литературу. Эта литература представляетъ изъ себя тоже явленіе уже высокой важности и глубокаго интереса. На эту то область и обратилъ свое вниманіе великій старецъ о. Амвросій и въ оптинскихъ церковно-историческихъ изданіяхъ, и изданіяхъ русско-аскетическихъ, и сдѣлалъ богатѣйшій вкладъ въ эту сокровищницу русской аскетики, въ подвижническихъ жизнеописаніяхъ давъ образы свѣтлые святаго иночествованія, а въ собраніяхъ писемъ перлы духовной мудрости этихъ новыхъ по времени, но близкихъ по духу къ древнимъ великимъ отцамъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и самъ онъ, почему его преемники издали и его жизнеописаніе и наставленія.

Съ другой стороны, великому старцу и надобности уже не было работать много въ переводной аскетической литературѣ. Въ это время выступилъ на это поприще еще одинъ великій дѣятель. Это—епископъ затворникъ Теофанъ. Епископъ Теофанъ въ прямыхъ соотношеніяхъ съ Оптиною не находился, но духовно былъ близокъ. Одно время у него даже была и мысль: самому перебраться въ Оптину и слиться съ Оптинцами въ дѣлѣ столь близкомъ всѣмъ имъ. Такъ онъ разъ писалъ Н. В. Елагину: «убирайтесь съ своими дѣлами, да и въ келлію, и начнемъ вдвоемъ. Или еще сговоримся съ Оптинцами, и будетъ цѣлое общество. Тогда веселѣе будетъ. Одинъ одну строчку, другой другую, глядишь книга и есть». (Изъ письма отъ 14 ноября 1868 г. см. УП вып. писемъ святит. Теофана, стр. 37). Правда, до этого не дошло, однако онъ внимательно слѣдилъ за оптинскими изданіями; въ его письмахъ встрѣчаются упоминанія объ изданіяхъ оптинскихъ: писаній старца Паисія и писемъ о. Макарія, отзывъ о послѣднихъ нами приведенъ выше. Такъ вотъ этотъ то святитель-затворникъ и посвятилъ всего себя: и время, и здоровье, и громадную ученость на то, чтобы продолжить дѣло о. Паисія и Макарія. И это выполнялъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ, но съ рѣдкимъ успѣхомъ. Онъ закончилъ труды великихъ старцевъ, и теперь въ изданіяхъ Оптиной пустыни и трудахъ епископа Теофана, изданныхъ Аѳонскимъ Пантелеимоновскимъ монастыремъ, мы имѣемъ прекрасную, богатую и полную аскетическую святоотеческую и отчасти русскую библіотеку иноковъ. О. Паисій, о. Макарій и епископъ Теофанъ,—вотъ тѣ три инока-подвижника, которые навсегда дали русскому иночеству все то, что нужно для правильной иноческой жизни. А какъ плодотворны эти аскетическія книги и какъ важно для духовнаго преуспѣянія истинно-иноческое образованіе и просвѣщеніе вообще, тому есть уже и великіе примѣры. Какъ подъ вліяніемъ писаній и изданій, рукописныхъ старца Паисія въ

Саровѣ возросъ о. Серафимъ, и его свѣтлый образъ надолго какъ бы затмилъ тихій ликъ инока-подвижника и писателя самого о. Паисія; такъ и подъ вліяніемъ изданій о. Макарія и подъ его руководствомъ возросъ и засіялъ, скрывая въ лучахъ своего сіянія образъ старца о. Макарія, о. Амвросій.

Какого же пробужденія и процвѣтанія въ правѣ мы ждать отъ русскаго иночества, если не будутъ забыты, а будутъ сдѣланы непремѣннымъ достояніемъ каждой обители и каждого инока тѣ труды, надъ изданіемъ коихъ столько положили силъ великіе старцы Паисій, Макарій и Теофанъ, воспитавшіе духовно уже великій сонмъ подвижниковъ въ главѣ съ святымъ Серафимомъ и батюшкою о. Амвросіемъ.

Архимандритъ Никодимъ.

Калуга, духовная семинарія.
Декабря 7-го дня, 1906 года.

IV.

Мѣстные церковно-историческія изданія Оптиной пустыни.

Какъ только скончался о. Макарій и были по времени собраны о немъ свѣдѣнія, Оптина пустынь издала его жизнеописаніе и тѣмъ положила прочное начало новому направленію въ своей издательской дѣятельности,—церковно-историческому. И въ общей совокупности церковно-историческія изданія Оптиной пустыни представляютъ солидный вкладъ въ русскую церковно-историческую литературу.

Кромѣ жизнеописанія о. Паисія при изданіи его писаній въ 1847 г. въ первые же годы литературно-издательской дѣятельности Оптиной пустыни были изданы еще три книги характера отчасти церковно-историческаго, отчасти характера расколо-обличительнаго. Это «Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ», сочиненіе іеросхимонаха Іоанна 1837 г. (1841 г.) «Бесѣда въ разрѣшеніе старообрядческихъ сомнѣній о принятіи благословенныхъ священниковъ отъ Православной Восточной Церкви», іеросхимонаха Іоанна

(1851 г.) «Доказательства древности трехперстного сложения и святительскаго имянословнаго благословенія», собранныя іеросхимонахомъ Іоанномъ (1853 г.) Нынѣ эти книги имѣють только историко-библіографическое значеніе, но въ свое время въ такомъ краю, какъ Калужскій, гдѣ расколъ свилъ такое прочное гнѣздо, эти книги были очень полезны, написанныя притомъ человекомъ, бывшимъ нѣкогда въ расколѣ. Въ историко-бытовомъ же отношеніи интересна собственно первая книжка, гдѣ старцемъ Іоанномъ описывается его жизнь въ расколѣ и тѣ несчастія, какія ему привелось перенести отъ раскольниковъ, когда онъ задумалъ перейти въ общеніе съ Православною Церковью. И если изданіе и составленіе книгъ расколо-обличительнаго характера въ Оптиной пустынѣ не привидось, зато изданіе мѣстно-церковно-историческихъ работъ не прекращается и по настоящее время. О жизни автора этихъ книжекъ обстоятельныя свѣдѣнія можно найти въ первомъ изданіи историческаго описанія Оптиной пустыни 1847 г. По имѣющимся въ Оптиной пустынѣ письмамъ Н. П. Кирѣевской видно, что іеросхимонаха о. Іоанна глубоко уважалъ и самъ Филаретъ, митрополитъ Московскій.

Мѣстно-церковно-историческіе труды Оптиной пустыни частиѣе могутъ быть подраздѣлены на три группы. Прежде всего два жизнеописанія настоятелей (братьевъ: архимандрита Моисея и игумена Антонія). Затѣмъ жизнеописанія старцевъ: Льва, Макарія и Амвросія. Наконецъ, труды вообще историческаго содержанія, во главѣ съ историческимъ описаніемъ обители.

1) «Жизнеописаніе настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея» было издано «въ пользу св. обители» въ 1882 году (въ Москвѣ).

Жизнеописаніе о. игумена Моисея начинается главою о дѣтствѣ и ранней молодости о. Моисея. Эта глава обнимаетъ періодъ времени съ 1782 г. по 1811 г. Глава интересна съ одной стороны, какъ картинка жизни изъ купеческаго быта

той эпохи, съ другой же стороны,—это цѣнное сообщеніе чисто-историческаго характера. Здѣсь заключаются интересныя свѣдѣнія: о инокинь Досиѣѣ — дочери Императрицы Елисаветы Петровны, княжнѣ Таракановой, и ея духовномъ влияніи на будущаго Оптинскаго игумена; сообщается о подвижникахъ Свѣнской пустыни, гдѣ нѣкоторое время жилъ о. Моисей. Этотъ отдѣлъ дорогъ тѣмъ, что онъ устанавливаетъ ту живую связь, въ каковой находился о. Моисей съ учениками о. Паисія Величковскаго. Въ Москвѣ о. Моисей былъ въ близкомъ духовномъ общеніи съ матерію Досиѣею, она же сблизила его съ о. Александромъ и Филаретомъ Новоспасскими, которые находились въ духовномъ общеніи съ о. Паисіемъ. Казначей же Свѣнской пустыни о. Серафимъ, у котораго жилъ о. Моисей, былъ ученикомъ старца о. Василия (Кишкина), ученика и друга о. Паисія. Тамъ же и тогда же жили: схимонахъ Аѳанасій, Аѳонскій постриженникъ, долго жившій съ о. Паисіемъ, іеродіаконъ Анастасій — ученикъ старца о. Василия (Кишкина), монахъ Варѳоломей изъ Паисіева Нѣмецкаго монастыря, другой схим. Аѳанасій (Захаровъ), ученикъ и постриженникъ о. Паисія.

Во второй главѣ, гдѣ говорится о пребываніи въ Рославльскихъ лѣсахъ, мы находимъ еще болѣе интересныя извѣстія о духовной близости о. Моисея съ Паисіевыми учениками и послѣдователями, и о первыхъ встрѣчахъ всѣхъ главнѣйшихъ въ послѣдствіи дѣятелей Оптинскаго старчества. Удалившись въ Рославльскіе лѣса, о. Моисей въ 1812 году, по случаю французскаго нашествія, временно выѣхалъ въ Бѣлобережскую пустынь, гдѣ настоятелемъ былъ о. Серафимъ, бывшій Свѣнскій казначей. Живя здѣсь, о. Моисей ухаживалъ за больнымъ схимонахомъ Аѳанасіемъ, ученикомъ и постриженникомъ о. Паисія Величковскаго, каковой старецъ Аѳанасій потомъ умеръ въ 1823 году въ Площанской обители, на рукахъ о. Макарія, въ послѣдствіи Оптинскаго старца. Въ 1816 г. когда о. Моисей жилъ опять въ лѣсахъ, пришелъ его братъ,

впослѣдствіи Мало-Ярославецкій игумень, Антоній. Вмѣстѣ съ нимъ въ 1816 году о. Моисей ѣздили въ Кіевъ на богомолье, гдѣ они съ любовію были приняты лаврскимъ наместникомъ о. Антоніемъ, впослѣдствіи архіепископомъ Воронежскимъ. На обратномъ пути были: въ Софроніевой пустыни: съ игуменомъ Варлаамомъ, казначеемъ Германомъ и духовникомъ Симеономъ, учениками архимандрита Софронія—ученика старца Василия Поляномерульскаго, у котораго ученикомъ и постриженникомъ былъ и о. Паисій Величковскій; въ Глинской пустыни видѣлись снова съ о. Василиемъ Кишининымъ, въ Плоцанской пустыни познакомились съ о. Макаріемъ, Оптинымъ потомъ, а въ то время бывшимъ іеродиакономъ, въ Орлѣ съ игуменомъ о. Филаретомъ Глинскимъ; ѣхали же изъ Кіева съ о. іеросхимонахомъ Іоанномъ Оптинымъ, авторомъ книжекъ противъ раскола. Въ 1819 году братья ѣздили въ Оптину, гдѣ познакомились съ духовникомъ Іеремією-схимонахомъ и еще съ двумя старцами: Теофаномъ и Варлаамомъ. Схимонахъ Теофанъ былъ постриженникъ о. Паисія и жилъ съ нимъ до кончины, а Варлаамъ, впослѣдствіи тоже схимникъ—Вассіанъ, его ученикъ, былъ однимъ изъ первыхъ Оптиныхъ скитниковъ. Заканчивается глава сообщеніемъ о переходѣ о. Моисея въ Оптину пустынь. Къ этой главѣ въ тѣсномъ соотношеніи находится одно изъ приложений къ книгѣ: о Рославльскомъ пустынножителствѣ, принадлежащая перу о. Климента Зедергольма, много и вообще потрудившагося надъ собираніемъ матеріаловъ для біографіи о. Моисея. Глава богата интереснѣйшими подробностями о подвижничествѣ XIX вѣка. Но для насъ особенно интересно то, что говорится здѣсь о значеніи переводовъ о. Паисія для пустынниковъ, изъ среды коихъ вышли Оптицы. О. архим. Ювеналій, авторъ жизнеописанія, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее:

«Въ свободное отъ молитвъ время главнымъ занятіемъ о. Моисея было чтеніе и переписываніе книгъ св. отцевъ по-

движниковъ. Еще въ бытность свою въ Свѣнскомъ монастырѣ въ 1810 году и въ Бѣлыхъ Берегахъ въ 1813 году онъ переписалъ полууставомъ съ переводовъ Молдавскаго старца Паисія Величковскаго книгу св. Іоанна Лѣствичника, житіе Симеона, Новаго Богослова, поучительныя слова его и Стихирую его книгу. Въ Рославльскомъ лѣсу у старца о. Аѳанасія онъ нашелъ многія другія рукописи свято-отеческихъ книгъ, переведенныхъ тѣмъ же старцемъ Паисіемъ и, пользуясь этими духовными сокровищами, а также и другими книгами, составилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Антоніемъ нѣсколько рукописныхъ сборниковъ—выписокъ изъ поученій св. отцевъ. Эти замѣчательные сборники хранятся въ библиотекѣ Оптиной пустыни и содержатъ въ себѣ изложенныя въ послѣдовательномъ порядкѣ правила христіанской жизни, особенно монашеской, и свидѣлствуютъ о томъ, съ какимъ вниманіемъ и разумѣніемъ оба брата читали творенія духовныхъ отцевъ. Вотъ заглавія этихъ сборниковъ: 1) *О подвижничествѣ иноковъ*, въ трехъ книгахъ. 2) *О покаяніи и спасеніи души*, въ трехъ книгахъ. 3) *Уединенное поученіе*, въ двухъ книгахъ и 4) *Душевная пища для вседневнаго употребленія*.

До глубокой старости о. Моисей (равно какъ и Антоній) не оставлялъ чтенія духовныхъ и другихъ общепользныхъ книгъ и потому имѣлъ обширныя свѣдѣнія не только о духовныхъ предметахъ, но и о другихъ отрасляхъ человѣческихъ знаній. Замѣчательно еще, что по особенному благоговѣнію къ книгамъ св. отцевъ братья—подвижники: о. Моисей и о. Антоній, живя въ Рославльскомъ лѣсу имѣли обыкновеніе и читать и писать ихъ стоя, и это—послѣ продолжительнаго стоянія на молитвѣ.

Третья и четвертая главы посвящены описанію жизни и дѣятельности о. Моисея въ бытность въ Оптиномъ скиту и на Оптиномъ настоятельствѣ. Характеръ этихъ главъ вполне вѣрно очерченъ о. архимандритомъ Ювеналіемъ, ко-

торый въ своемъ предисловіи къ Жизнеописанію 16 іюня 1881 года, въ Оптиной, писалъ:

«Полагаю, что задачу жизнеописателя добродѣтельнаго мужа составляетъ не обязанность только обрисовать въ общихъ чертахъ прекрасную фигуру его нравственнаго величія, часто недостижимаго для простыхъ смертныхъ, а изобразить, для духовной пользы читающихъ, его вѣрность въ маломъ (Ев. Луки 16, 10), выражавшуюся въ различныхъ случаяхъ жизни, и то, какъ онъ, при помощи Божіей, чрезъ этотъ подвигъ въ маломъ, достигалъ постепенно духовно-великаго, — той побѣды надъ страстями души и тѣла, того очищенія сердца, которыя составляютъ цѣль внутренней жизни и дѣятельности христіанина.

Соотвѣтственно главнѣйшимъ періодамъ жизни покойнаго о. архимандрита, и біографія его раздѣлена на 4 главы. Последняя изъ нихъ особенно замѣчательна. Это не сказаніе изъ отдаленныхъ временъ. Это картина жизни современнаго намъ духовнаго мужа, не отличавшагося по внѣшности великими подвигами.

Книга эта, такимъ образомъ, имѣетъ глубокой церковно-историческій интересъ. Но она же и поучительна въ жизненно-практическомъ отношеніи. «Несомнѣнно, что всякій разумно внимательный читатель, ищущій душевной пользы, найдетъ ее въ словахъ и дѣйствіяхъ покойнаго о. архимандрита Моисея, но особенно настоятельно въ обителяхъ иноческихъ встрѣтятъ здѣсь, въ поступкахъ покойнаго вождя духовнаго, великій примѣръ и образецъ того, какъ и въ наше грустное время возможно вести себя духовному пастырю и съ успѣхомъ пасти стадо Христово», писалъ о. архим. Ювеналій въ заключеніи своего предисловія, и это — сущая правда. Епископъ Астраханскій Герасимъ, подвижническаго настроенія духовный писатель, находившійся въ духовномъ общеніи съ о. архим. Моисеемъ и Оптиными вообще, бывшій въ тѣ годы Калужскимъ ректоромъ и благочиннымъ монастырей, при

погребеніи о. Моисея говорилъ надгробное слово, гдѣ, между прочимъ, такъ охарактеризовалъ эту святую и великую въ скромности своего смиренія личность. Онъ говорилъ:

«Видеши во гробѣ якоже пшеница созрѣлая во время пожатая, или якоже стога гумна во время свезенный (Іов. 5, 26).

Сколь ня давно уже предсказана была сими словами блаженная кончина въ глубокой старости многострадальному Іову, однако они и теперь могутъ имѣть свое приложеніе. Вотъ и усопшій о Господѣ братъ нашъ положенъ во гробъ, какъ зрѣлая пшеница — въ житницу, или, подобно колосу, во время сжатому и сложенному въ стога, скоро сокроется тѣломъ въ могилѣ, до всеобщаго воскресенія. Руководимый и укрѣпляемый Господомъ, долго развивался онъ и усовершенствовался: то въ лѣсахъ Рославльскихъ, по предварительномъ испытаніи себя въ Саровской и Свѣнской обителяхъ, — то здѣсь на вашихъ глазахъ, подобно плоду наливался, созрѣвалъ и созрѣлъ, наконецъ, служа въ преподобіи и правдѣ болѣе 40 лѣтъ здѣшней обители, для благоустройства коей такъ много сдѣлано имъ, что память о немъ никогда не умретъ.

Если не непоучительна жизнь и самаго обыкновеннаго человека съ его кончиной, то жизнь такого подвижника благочестія, который *отходитъ къ отцамъ своимъ въ миръ и въ старости добрый* (Быт. 15, 15), особенно заключаетъ въ себѣ много поучительнаго.

Въ тѣсной связи съ этимъ жизнеописаніемъ стоитъ жизнеописаніе и другого брата—игумена Антонія.

2) Жизнеописаніе другого брата—игумена о. Антонія Малоярославецкаго, было издано Оптиной въ 1870 году, подъ заглавіемъ: «Жизнеописаніе настоятеля Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря Игумена Антонія». Это изданіе состоитъ изъ шести главъ, части біографической и приложений. Частиѣе, въ составъ книги входятъ:

Глава 1. Дѣтство и первые годы юности; 2. Пребываніе въ Рославльскихъ лѣсахъ; 3. Пребываніе въ скиту Оптиной пустыни; 4. Настоятельство въ Малоярославецкомъ Николаевскомъ монастырѣ; 5. Пребываніе на покоѣ въ Оптиной пустыни, 6. Послѣдніе годы и кончина.

Приложенія: 1. Келейная Записка Игумена Антонія, для памяти о минувшемъ своемъ житіѣ-бытіѣ младенческомъ и отроческомъ; 2. Письма Александра Путилова къ брату; 3. Отрывокъ изъ дневника о. Антонія 1820 и 1824 г.; 4. Отрывокъ изъ келейнаго календаря о. Игумена Антонія; 5. Письмо о. Игумена Антонія Бочкова отъ 24 Августа 1865 года, (по полученіи извѣстія о кончинѣ о. Игумена Антонія); 6. Замѣчательный случай, бывшій по смерти о. Игумена Антонія.

Здѣсь, какъ и въ первыхъ двухъ главахъ, много цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи трехъ братьевъ-игуменовъ: Моисея Оптинскаго, Антонія Малоярославецкаго и Исаіи Саровскаго изъ періода ихъ жизни въ домѣ родителей. Третья глава, пятая и шестая—дополняютъ главы изъ жизнеописанія о. Моисея за обнимаемый ими періодъ жизни старцевъ.

Глава четвертая обнимаетъ время игуменствованія о. Антонія въ Малоярославецкомъ монастырѣ. Сравнительно съ другими главами, эта глава фактическимъ содержаніемъ значительно слабѣе. Впрочемъ, нѣсколько она можетъ быть дополнена изъ историческаго описанія Малоярославецкаго монастыря. Это послѣднее, составленное въ 60-хъ годахъ, теперь имѣется въ изданіи 1903 г. Трудъ о. ар. Леонида. Но для характеристики о. архимандрита Антонія, какъ настоятеля—старца, матеріаловъ здѣсь очень достаточно. Кромѣ того въ книгѣ много аскетическаго—учительнаго матеріала, главнымъ образомъ заключающагося въ напечатанныхъ тамъ письмахъ. Для примѣра мы приведемъ здѣсь хотя одну выдержку. О. архимандритъ Саровскій въ одномъ изъ писемъ такъ опредѣляетъ монастырское настоятельство: «Настоятель все равно, какъ сердце въ человѣкѣ, чрезъ которое кровь естественнымъ

образомъ движется и обращается. Настанетъ день, только и знай, распоряжай: кого куда. А способныхъ то немного. Вотъ въ томъ то и тяжекъ нашъ крестъ. Мнѣ мнится: легче быть больнымъ тѣломъ и терпѣть, нежели спасать другихъ. Претрудная есть вещь по нынѣшнимъ обстоятельствамъ настоятельство, и не безъ опасности для своего спасенія». Въ числѣ приложений помѣщено и письмо о. игумена Антонія (Бочкова) отъ 24 августа 1865 года, писанное по полученіи извѣстія о смерти о. игумена Антонія. Этотъ старецъ, близкій къ покойному Игумену, такъ характеризуетъ свѣтлую личность о. Антонія. Онъ пишетъ:

Отецъ Антоній былъ истинный сынъ матери нашей—Православной Церкви, строгій исполнитель всѣхъ ея заповѣдей и даже совѣтовъ, глубокой знатокъ и хранитель ея уставовъ и преданій. Онъ всею жизнію доказалъ, что монашество возможно и въ наше время, и что заповѣди Христовы тяжки не суть. Онъ былъ тотъ скопецъ по духу, который, оставивши все имѣніе, последовалъ Христу, взявши крестъ Его, и внутреннимъ произволеніемъ уды свои исказилъ царствія ради Божія и отъ пустынножительства, отъ стояній и поклоновъ, и частію отъ болѣзни, которая также привилась къ нему отъ глухихъ и болотныхъ лѣсовъ Смоленской губерніи, нога его превратилась въ одну язву, невольно напоминавшую язвы Христовы.

Въ юности онъ испытанъ былъ Господомъ необычайнымъ испытаніемъ, вложенъ былъ яко злато въ горнило. Это великое горнило была горѣвшая Москва въ 1812 году; въ ней о. Антоній съ немногими соотечественниками оставался, какъ бы преданный въ жертву вмѣстѣ съ древнею нашею столицею, Іерусалимомъ Россіи. Въ этой Вавилонской печи дѣвственный юноша, достойный по чистотѣ быть причтеннымъ къ отрокамъ Халдейскимъ, укрѣпился вѣрою въ Промыслъ Божій, изводящій возлюбленныхъ Своихъ изъ нечаянія въ желанный покой безмолвія. Онъ, какъ плѣнникъ,

носилъ на раменахъ своихъ тяжелый парашанъ—непріятельскія ноши, и смиренно преклонялъ выю свою подъ тяжелое иго, наложенное временно десницею Вышняго на всю Россію. Потомъ перешель къ пустынножительству, потомъ въ ваши лѣса, гдѣ съ братомъ своимъ они были первыми пчелами вашей скитской пасѣки, собирателями и дѣлателями того благоухающаго меда и сота, который впоследствии уладилъ и наши изсохшія гортани. Съ того времени прекрасные цвѣты монашества возросли въ обители вашей и доселѣ ее украшаютъ. Потомъ, послѣ краткаго настоятельнаго послушанія, перешель къ страдальческому, болѣзненному покою, который увѣнчался, какъ пишете вы, монашескою радостною кончиною.

Покойный о. Антоній былъ истинный безкровный мученикъ послушанія. Повинуясь старшему брату—старцу и настоятелю во всемъ, уничижая себя и свою личность, будучи тою исполнителемъ приказаній отца—брата, онъ, однакоже невольно блисталъ и самъ собою, Богомъ данными, и усугубленными талантами. Превосходный чтець и пѣвецъ, одинъ изъ лучшихъ уставщиковъ всего монашества, онъ былъ первымъ украшеніемъ Оптинской, особенно скитской церкви, которая стала для него любимымъ единственнымъ мѣстомъ духовной отрады, его первую мыслію, его жизнію. Онъ соблюдалъ въ ней порядокъ, ея священный чинъ, возлюбилъ ея красоту, чистоту; готовъ былъ устами отвѣчать малѣйшую пылинку, замѣченную имъ на лицѣ возлюбленнаго его малаго храма, восходившаго при немъ постепенно въ свое благолѣпіе, и срубленнаго вначалѣ его сѣкирою. Служеніе дѣвственнаго старца было истиннымъ богослуженіемъ. Весь отдаваясь Духу Утѣшителю съ перваго воздѣянія рубъ, онъ до исхода изъ храма не принадлежалъ себѣ, а, кажется, перерождался и соединялся съ Херувимами, которыхъ изображалъ втайнѣ пламеннымъ и стройнымъ служеніемъ своимъ.

Исходя изъ церкви для келейной тихой жизни, онъ ста-

новился опять первымъ рабомъ старшаго брата, безмолвникомъ по любви и по благословенію отца. Послушаніе заставляло его противу природы своей принять на время настоятельство Малоярославцкое. Но, вырванный изъ улья скитскаго и аскетъ во влеченію сердца, онъ только томился на своемъ послушаніи (не стану говорить, сколь тяжело оно!); и потомъ съ радостію возвратился въ родной монастырь, и конечно оградилъ себя, какъ и въ мое время, цѣлыми стѣнами отеческихъ книгъ отъ всякихъ искушеній, кромѣ болѣзни. Я не зналъ такого любителя чтенія, какъ покойный о. Антоній. Бесѣда съ почившими святыми была для него всегда препровожденіемъ того времени, которое для многихъ течетъ какъ-то тяжело и долго, а для него, при его природной веселости, шло незамѣтно при однообразной скитской жизни моего времени. Скажу, что при строгости къ самому себѣ, при вниманіи и храненіи устъ, онъ иногда легкою, милою шуткою взрѣдка вызывалъ улыбку ближайшихъ къ нему. Она, эта шутка, какъ нечаянная искорка или блестка на темной монашеской мантии, тотчасъ потухала. При мнѣ (назадъ тому 30 почти лѣтъ) учениковъ у него было немного. Только всею душою преданный ему Савватій былъ его келейникомъ и оберегателемъ нестяжательнаго старца. Немного найдется и Савватіевъ по вѣрности и преданности.

Простите, что не болѣе воспоминаній сохранилъ я о краткомъ времени моего сосѣдства съ покойнымъ. Что пришло въ голову, то и передаю въ ваше распоряженіе, какъ выдохшій и выдохшійся листокъ, сохранный 30 лѣтъ между листами позабытой книги.

Это жизнеописаніе составлено о. Климентомъ Зедергольмомъ.

Оба эти жизнеописанія о. Моисея и о. Антонія заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія всѣхъ вообще, кому дороги интересы монашества. Но особенно эти книги должны бы быть дорогими и служить предметомъ особеннаго вниманія для настоятелей монастырей и вообще иноковъ, занимающихъ на-

чальственно руководящія должности. Не сдѣлають того разнаго рода инструкціи и правила, сколько могутъ сдѣлать въ этомъ случаѣ эти жизнеописанія. Уже давно сказано, что слова только учать, а примѣры влекутъ къ дѣлу. Если бы эти жизнеописанія стали настольными книгами нашихъ иноковъ—начальниковъ, они въ сознаніи этихъ послѣднихъ многое освѣтили бы, многому научили бы.

Въ 1898 г. было напечатано въ «Душеполезномъ Чтеніи» и издано затѣмъ отдѣльно жизнеописаніе и третьяго замѣчательнаго Оптинскаго настоятеля Архим. Исаакія—трудъ о. арх. Агапита. Жизнь этого старца имѣетъ тѣ же отличительныя въ общемъ черты, какъ и жизнь о. Моисея. Читается книжка съ глубокимъ интересомъ.

Вторую группу, какъ мы сказали, составляютъ жизнеописанія старцевъ. Такихъ книгъ вѣскольکو.

3) Три великіе старца украсили Оптину пустынь: о. Левъ, о. Макарій и о. Амвросій, и благодарная обитель издала ихъ жизнеописанія, въ которыхъ и сохранены навсегда свѣтлыя черты дѣятельности этихъ великихъ вождей православнаго иночества въ XIX столѣтіи. Жизнеописаніе перваго старца о. Льва-Леонида было издано съ слѣдующимъ предисловіемъ, въ которомъ объясняется сравнительно позднее составленіе этого жизнеописанія.

«Покойный Калужскій преосвященный Николай, при жизни старца Леонида повидимому не благоволившій къ нему, по смерти его первый подалъ мысль составить его жизнеописаніе. Но вскорѣ, по кончинѣ старца, не могли исполнить это предложеніе преосвященнаго, потому что не было еще въ готовности многихъ матеріаловъ, а болѣе потому, что принявшій на себя это дѣло присный ученикъ о. Леонида іеромонахъ о. Антоній Бочковъ (впослѣдствіи игуменъ Черменецкаго монастыря), хотѣлъ во всей полнотѣ описать жизнь старца, какъ ее видѣлъ; но затруднился, такъ какъ старецъ дѣйствовалъ и выражался очень своеобразно, и даже 20 отечественные подвижники 18 и 19 вѣковъ.

полуюродствовалъ: видѣть и понимать это было можно, а выразить на словахъ и вполне передать другимъ неудобно. Поэтому о. Антоній два раза брался составлять жизнеописаніе старца, но оставилъ только нѣкоторыя записки. Сознавая это неудобство, мы предложили себѣ болѣе скромную задачу, — собрать и написать объ о. Леонидѣ, что было возможно.

При составленіи настоящаго жизнеописанія, мы пользовались означенными записками о. Антонія Бочкова, *) а кромѣ того, имѣли въ виду:

1) Письма самого старца о. Леонида (неизданныя), въ которыхъ онъ упоминаетъ объ обстоятельствахъ своей жизни на Валаамѣ, въ Свирскомъ монастырѣ и въ Оптиной пустыни.

2) Предисловіе къ «Житію и писаніямъ Молдавскаго старца Паисія Величковскаго» (Москва. 1847 г.), гдѣ на страницахъ VI — VIII содержится краткій перечень важнѣйшихъ обстоятельствъ изъ жизни о. Леонида, составленный ближайшимъ его ученикомъ и преемникомъ, старцемъ о. Макаріемъ Ивановымъ.

3) Собраніе писемъ того же Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія (Москва. 1862 г.), въ которыхъ онъ, между прочимъ, передаетъ о предсмертной болѣзни и кончинѣ о. Леонида.

4) Составленное бывшимъ Оптинскимъ іеромонахомъ о. Леонидомъ Кавелинымъ, (нынѣшнимъ архимандритомъ Воскресенскаго монастыря, Новаго Іерусалима), «Историческое описаніе скита при Оптиной пустыни» (С.-Петербургъ. 1862 г.), въ которомъ на страницахъ 93—142 помѣщены свѣдѣнія о старцѣ о. Леонидѣ, какія въ то время можно было о немъ собрать.

5) Составленное имъ же «Историческое описаніе Бѣлевскаго дѣвичьяго монастыря» (С.-Петербургъ. 1863 г.), въ

*) Часть этихъ записокъ напечатана въ описаніи скита Оптиной пустыни.

которомъ на страницахъ 67—89 изложены свѣдѣнія о гоненіи, воздвигнутомъ въ 1839 — 1841 г. на Бѣлевскихъ ученицъ старца о. Леонида.

6) Письмо настоятеля Тихоновой пустыни, о. Геронтія, (неизданное), о послѣднихъ дняхъ жизни о. Леонида.

7) Разказы о старцѣ духовныхъ его дѣтей и близко знавшихъ его лицъ. Нѣкоторые изъ этихъ разказовъ переданы намъ письменно, а другіе сообщены устно*.

Самая книга состоитъ изъ семи главъ и двухъ приложеній. Главы со второй по седьмую и приложенія посвящены описанію старческой дѣятельности о. Льва. Здѣсь во всей своей нравственной величинѣ встаетъ передъ читателемъ этотъ «единъ отъ древнихъ», и эти главы даютъ прекрасное доказательство тому, какъ и теперь осуществимы идеалы иночества, были бы только люди всецѣло себя посвятившіе этому дѣлу. Чтеніе этой книги въ силахъ доставить всякому много свѣтлыхъ мыслей и душевной отрады. Такъ какъ входить въ вопросы о самомъ старцествѣ не составляетъ задачи нашей работы, то болѣе подробно объ этомъ и не станемъ говорить здѣсь. Мы обратимъ лишь вниманіе на первую главу. Первая глава обнимаетъ въ себѣ періодъ изъ жизни старца о. Льва до перехода его въ Оптиный скитъ. Глава эта для насъ особенно цѣнна по тѣмъ указаніямъ, какія находятся въ ней о сношеніяхъ о. Льва съ учениками о. Паисія. О. Левъ—постриженникъ старца Василія Кишенина, о коемъ говорили ранѣе. Когда же временно о. Левъ жилъ въ Челнскомъ монастырѣ, то былъ въ близкомъ общеніи съ жившимъ тамъ старцемъ о. Ѳеодоромъ. О. Ѳеодоръ же былъ ученикомъ о. Паисія Величковскаго. Въ Бѣлобережской же пустыни о. Левъ жилъ еще и съ о. Клеопою. А схимонахъ Клеона былъ тоже ученикомъ о. Паисія. Въ эти же годы онъ познакомился и съ Орловскимъ инспекторомъ семинаріи, настоятелемъ Свѣнскаго монастыря. Это и былъ тотъ самый Филаретъ, который въ послѣдующіе годы былъ сначала епи-

скопомъ Калужскимъ, а потомъ митрополитомъ Киевскимъ, основателемъ, въ бытность въ Калугѣ, Оптинскаго скита...

4) «Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженныя памяти старца Оптиной пустыни іеросхимонаха Макарія», второго великаго Оптинскаго старца, было издано въ 1881 году и принадлежитъ перу о. архимандрита Леонида, который въ предисловіи къ своему труду пишетъ:

«Паде кедръ,—плачевольствие ели (Зах. XI, 2).

7-го сентября 1860 года въ 7 часовъ утра скончался о Господѣ въ скиту Оптиной пустыни, на 72 году отъ рожденія, старецъ іеросхимонахъ Макарій, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ русскому православному народу современныхъ намъ подвижниковъ благочестія; имя его съ благоговѣніемъ повторялось въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Россіи, и духовная дѣятельность его простиралась далеко за предѣлы той пустынной обители и тѣсной келліи, въ которой проводилъ онъ сокровенную свою со Христомъ въ Богѣ жизнь.

Принявъ на себя трудъ, по общей просьбѣ многочисленныхъ учениковъ и особъ, пользовавшихся духовными наставленіями старца, составить очеркъ его богоугодной жизни,—близкимъ свидѣтелемъ которой сподобился Господь быть и меня многогрѣшнаго,—я дерзнулъ на сіе лишь въ той надеждѣ, что исполненныя духовной мудрости письма старца, помѣщенные въ приготовленномъ къ печати сборникѣ, дополняютъ духовную скудость моего сказанія.—Неизлишимымъ считаю замѣтить, что всѣ собранныя мною здѣсь свѣдѣнія о покойномъ старцѣ повѣрены свидѣтельствомъ ближнихъ учениковъ нашего общаго отца, наставника и благодѣтеля.

Для удобнѣйшаго обозрѣнія столь плодотворной, по своей духовной дѣятельности, жизни старца, признаемъ необходимымъ раздѣлить наше сказаніе о немъ на три отдѣла, сообразно важнѣйшимъ событіямъ его жизни: 1) до вступленія въ монастырь: лѣта младенчества, отрочества и юношества, отъ 1788 по 1810 годъ; 2) пребываніе въ Площанской пу-

стыни отъ 1810 по 1833 годъ; 3) пребываніе въ Оптиной пустыни отъ 1833 по 1860 годъ.

І. Л—з.

16 октября

1860 года.

Скитъ Оптиной пустыни“.

Послѣдній отдѣлъ во многомъ дополняетъ и самъ дополняется въ жизнеописаніи старца о. Льва, съ которымъ о. Макарій сначала познакомился еще въ Бѣлобережской обители, а потомъ много лѣтъ провелъ въ Оптиномъ скиту. Первые же отдѣлы для насъ очень интересны потому, что содержать въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія о томъ: какъ о. Макарій вошелъ въ сношенія съ учениками о. Паисія, сталъ ихъ ученикомъ и приобрѣлъ тѣ Паисіевскіе переводы святоотеческой аскетической литературы и собственныя старца писанія, которые потомъ и были изданы Оптиною пустынею. Живя въ Площанской обители, о. Макарій въ теченіе многихъ лѣтъ находился въ духовно-опытномъ ученичествѣ у старца схимонаха Аванасія, который былъ ученикомъ старца о. Паисія. Старецъ о. Аванасій особенно часто любилъ рассказывать своимъ ученикамъ о старцѣ своемъ Паисіи, архимандритѣ Молдаво-Влахійской Нямецкой обители, что онъ былъ мужъ добродѣтельный и премудрый въ словѣ и разумѣ духовномъ, имѣлъ дарованіе слезъ, и когда братъ придетъ къ нему пользы ради, то онъ станетъ его утѣшать,—самъ плачетъ и брата приведетъ въ слезы. Сказывалъ и о прочихъ добродѣтельныхъ старцахъ. У него были и всѣ аскетическіе переводы о. Паисія. О. архимандритъ Леонидъ въ жизнеописаніи пишетъ:

Занимаясь, по благословенію старца Паисія, выписками изъ отеческихъ и церковныхъ учительныхъ книгъ: о молитвѣ, смиреніи, терпѣніи, послушаніи, любви и прочихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, о стяжаніи которыхъ онъ имѣлъ всегдашнее попеченіе, старецъ о. Аванасій имѣлъ у себя вѣрные списки всѣхъ письменныхъ трудовъ приснопамятнаго

своего старца Паисія: книгу высокаго учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина, исправленные старцемъ древніе славянскіе переводы писаній: преподобнаго Макарія Великаго, св. Іоанна Лѣствичника, св. Варсануфія, Фалассія и св. Симеона, Новаго Богослова (12 словъ и Стишная книга) и имъ самимъ переведенныя писанія: Максима Исповѣдника слово по вопросу и отвѣту, огласительныя слова Θεодора Студита, слова Григорія Паламы и нѣкоторыя другія.

По благословенію старца о. Аонасія любознательный ученикъ его съ горячимъ рвеніемъ принялся утолять свою духовную алчбу и жажду внимательнымъ чтеніемъ и трудолюбною перепискою этихъ рукописей, выучившись нарочито для сего уставному письму. Глубоко печатлѣлись на чистомъ сердцѣ и памяти юнаго инока слова писаній свято-отеческихъ, надъ которыми проводилъ онъ многія бессонныя ночи. Все это, какъ показывало время, было промыслительно: пріобрѣтеніе вѣрныхъ списковъ съ переводовъ старца Паисія послужило по времени къ изданію этихъ переводовъ на пользу общую; а усвоеніе и сохраненіе воспріимчивою памятью множества изреченій и мыслей изъ отеческихъ писаній принесло сторичный плодъ, когда Промыслъ Божій вызвалъ Своего избраннаго на служеніе душевной пользѣ многихъ.

Въ 1819 году о. Макарій пѣшкомъ ходилъ на богомолье въ Кіевъ, гдѣ съ любовью былъ принятъ намѣстникомъ Лавры архимандритомъ Антоніемъ, впоследствии архіепископомъ Воронежскимъ. На обратномъ же пути заходилъ въ Глинскую пустынь, гдѣ вошелъ въ близкое духовно-дружеское общеніе съ однимъ изъ учениковъ о. игумена Филарета (ученика Θεодосія — Паисіева сподвижника), іеродіакономъ Самуиломъ, опытнымъ въ молитвѣ Іисусовой, въ каковомъ молитвенномъ подвигѣ тотъ былъ подъ руководствомъ своего наставника — также ученика Паисіева ученика. Съ о. Самуиломъ о. Макарій провелъ три дня за чтеніемъ книги св. Исаака Сирина. Когда же о. Макарій, временно съ евархіальнымъ владыкою

своимъ прожившій въ С.-П.-Б—гѣ, возвращался обратно, то въ Москвѣ гостилъ у старца Филарета Новоспасскаго, тоже сподвижника Паисіевыхъ учениковъ. Потомъ онъ водворился въ Оптиной, гдѣ, среди всѣхъ своихъ самыхъ разнообразныхъ трудовъ и заботъ, воспиталъ себѣ и преемника въ лицѣ о. Амвросія. Описанію Оптинскаго періода жизни о. Макарія и посвящено,—въ книгѣ въ 175 страницъ,—все, кромѣ 54 первыхъ страничекъ. Книга заканчивается цѣннымъ отдѣломъ—объ изданіи переводовъ свято-отеческихъ книгъ, съ приложеніемъ и части переписки по этому дѣлу.

Это жизнеописаніе цѣнно еще и по находящемуся въ немъ списку другихъ Оптинскихъ подвижниковъ, преимущественно учениковъ старцевъ Льва и Макарія.

Но самымъ великимъ и усвоившимъ въ совершенствѣ духъ наставниковъ, такимъ ученикомъ былъ слѣдующій старецъ—о. Амвросій, скончавшійся 10 окт. 1891 года.

5) Въ первые годы по смерти о. Амвросія спросъ на его жизнеописаніе удовлетворялся книжкою о. архимандрита Григорія, книжками г. Поселянина. Но вотъ въ 1900 году уже было издано и самими Оптинцами жизнеописаніе старца о. Амвросія. Трудъ о. архимандрита Агапита носить названіе: «Жизнеописаніе въ Бозѣ почившаго Оптинскаго Старца Іеросхимонаха Амвросія, съ его портретомъ и факсимиле, въ двухъ частяхъ». Въ предисловіи авторъ пишетъ: первою и главною побудительною причиною къ составленію предлагаемаго жизнеописанія Оптинскаго старца, батюшки іеросхимонаха Амвросія, послужилъ священный долгъ Оптинской обители сохранить благодарную память о своемъ родномъ дорогомъ старцѣ и великомъ благодѣтелѣ, изливавшемъ милости свои не только на сожительствовавшихъ съ нимъ отцевъ и братій, но и на другихъ очень-очень многихъ лицъ, вдали отъ него жившихъ. Во-вторыхъ, желалось составить жизнеописаніе старца возможно-полное, собравъ разныя о немъ свѣдѣнія, появившіяся въ печати въ разное время и

въ разныхъ духовныхъ журналахъ, а также и въ рукописяхъ, и устные о немъ рассказы близкихъ къ нему лицъ. Наконецъ, въ третьихъ, хотѣлось представить свѣдѣнія о жизни старца тщательно проверенныя; такъ какъ во всѣхъ доселѣ вышедшихъ жизнеописаніяхъ его замѣчаются погрѣшности.

Источники къ составленію жизнеописанія старца Амвросія слѣдующіе:

1) Устные и письменные рассказы Оптинскихъ монаховъ, жившихъ близко къ старцу Амвросію, а также монахинь Шамординской общины и другихъ женскихъ монастырей, и нѣкоторыхъ мірскихъ людей, всею душою ему преданныхъ.

2) Скитская лѣтопись въ рукописи, хранящаяся въ скитской библіотекѣ.

3) Нѣкоторые свѣдѣнія о старцѣ Амвросіи, извлеченныя изъ архивовъ: Оптинскаго монастыря, Тамбовской и Калужской консисторій.

4) Письма Оптинскаго старца іеросхимонаха о. Амвросія, помѣщаемыя въ журналѣ «Душеполезное Чтеніе».

5) Сказаніе о жизни Оптинскаго старца, отца іеросхимонаха Амвросія, напечатанное въ «Душеполезномъ Чтеніи», 1892—1894 г.—Архимандрита Григорія (Борисоглѣбскаго).

6) Отецъ Амвросій. Е. Поселянина. Въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1892 г.

7) Краткое сказаніе о жизни Оптинскаго старца іеросхимонаха о. Амвросія. Съ приложеніемъ избранныхъ его поученій. Брошюра. Изданіе Оптинской пустыни. Москва. 1893 г.

8) Іеросхимонахъ Амвросій, старецъ Оптинской пустыни. Изданіе Шамординской Казанской женской общины. Москва. 1892 г.

9) Тяжелая утрата. (Оптинскій старецъ Амвросій). О. П. Ч—на. Брошюра, изданная въ пользу Шамординской женской общины. Москва. 1892 г.

10) Мелкія статьи объ Оптиномъ старцѣ Амвросіи, печатавшіяся въ разное время и въ разныхъ журналахъ.

Вслѣдствіе неточности нѣкоторыхъ о старцѣ Амвросіи свѣдѣній въ поименованныхъ его жизнеописаніяхъ, пришлось пользоваться ими, при составленіи предлагаемаго жизнеописанія, съ большою осторожностію.

Издаваемая теперь книга содержитъ въ себѣ двѣ части. Въ первой желалось, такъ сказать, нарисовать портретъ старца Амвросія, т.-е. показать, какъ онъ, мало-по-малу, восходя отъ силы въ силу въ жизни духовной, достигъ, наконецъ, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова (Ефес. IV, 13). Во второй же части — показать, или по возможности раскрыть его особенную заслугу, содѣлавшую его столь славнымъ въ наше слабое, маловѣрное, — если не сказать болѣе, — время, т.-е. его «старчествованіе», или руководствованіе ко спасенію душъ, ищущихъ спасенія, закончивъ послѣдними его днями.

Въ семъ, нелегкомъ для малоспособности автора, порученномъ ему трудѣ призываетъ онъ въ помощь молитвы почиваго о Господѣ, описываемаго старца Амвросія, а вмѣстѣ, по его молитвамъ, и благословеніе Божіе. Архимандритъ Агапить.

Въ первой части шестнадцать главъ. Содержаніе самое разнообразное.

I. Рожденіе и воспитаніе Александра Михайловича Гренкова, впоследствии старца іеросхимонаха Амвросія. II. Причины, побудившія Александра Михайловича поступить въ монастырь. III. Оптина пустынь къ пріѣзду Александра Михайловича; его пріѣздъ и опредѣленіе въ монастырь въ число братства. IV. Переходъ Александра Михайловича изъ монастыря въ скитъ и начало его подвижнической жизни въ скиту. V. Отецъ Александръ — монахъ и іеромонахъ подъ крестомъ болѣзней. VI. Жительство іеромонаха Амвросія до кончины блаженной памяти старца Макарія. VII. Первые

годы самостоятельнаго старчества іеромонаха Амвросія до кончины свѣтонаачальника іеросхимонаха Иларіона. VIII. Общій взглядъ на подвигъ старчества іеросхимонаха Амвросія. А) Его внѣшняя обстановка и обыденная жизнь. IX. Б) Воскресные и праздничные дни, и особые случаи. X. Нѣкоторые общія наставленія старца Амвросія, записанныя большею частію хибарочными посѣтителницами. XI. Основаніе старцемъ Амвросіемъ Шамординской Казанской Горской женской общины. XII. Нравственный обликъ іеросхимонаха Амвросія, какъ старца. XIII. Евангельская любовь старца Амвросія, выражавшаяся, по отношенію къ ближнимъ, а) вещественною помощію и б) мудрыми совѣтами. XIV. Еще нѣсколько случаевъ прозорливости старца Амвросія, по разсказамъ мірянскихъ лицъ, и его письменные совѣты и наставленія. XV. Любовь старца Амвросія къ ближнимъ, выражавшаяся, в) вслѣдствіе его дѣйствительной молитвы къ Богу, сверхъ-естественною помощію и исцѣленіемъ болѣзней тѣлесныхъ и душевныхъ. XVI. Сила слова старца Амвросія, его обращеніе съ посѣтителями и наружный видъ.

Вторая часть состоитъ изъ 14 главъ и семи приложений.

Рѣдко можно встрѣтить въ нашей литературѣ жизнеопisanіе подвижника столь обстоятельно, талантливо, содержательно, а главное любяще-тепло написанное, какъ трудъ о. Агапита. Въ немъ величаво обрисовывается свѣтлая личность о. Амвросія: и въ часы подвиговъ поста и молитвы, и въ трудахъ самоотверженнаго служенія ближнимъ, и въ минуты отдыха. Кромѣ того, есть здѣсь немало и вообще цѣннаго матеріала изъ той эпохи, въ которую жилъ этотъ второй нашъ Серафимъ. Для характеристики какъ авторскихъ пріемовъ о. Агапита, такъ и содержанія книжки, мы приведемъ здѣсь выдержку, гдѣ говорится объ отношеніяхъ къ Оптиной пустынѣ замѣчательнѣйшаго Калужскаго архипастыря Григорія. О. архимандритъ пишетъ:

«Къ особымъ случаямъ въ жизни старца Амвросія можно отнести и посѣщенія его Калужскими владыками, каковыя посѣщенія приходились въ лѣтнее время, когда преосвященные обыкновенно ѣздить для обозрѣнія своихъ епархій. Для встрѣчи своего архипастыря, старецъ одѣвался во все іеромонашеское облаченіе: рясу, мантию и клобукъ, выходилъ на крылечко своей келіи, при входѣ на которое святителя кланялся ему въ ноги, принималъ благословеніе и вводилъ его въ заливъ. Здѣсь иногда наединѣ съ архипастыремъ проводилось нѣсколько времени во взаимной бесѣдѣ. При посѣщеніи владыкъ старецъ всегда держался обычной своей дѣтской простоты. Если во время бесѣды съ архипастыремъ у него сырѣли ноги, отчего онъ всегда испытывалъ сильную головную боль, то онъ, нисколько не стѣсняясь, тотчасъ же испрашивалъ у святителя благословенія переобуться, и тутъ же при немъ переобувался. Особенное уваженіе питалъ старецъ къ покойному архіепископу Григорію. Всегдашній отзывъ старца о святителѣ былъ таковъ: «умень и святъ». Потому каждое слово сего архипастыря онъ считалъ выраженіемъ воли Божіей, и всегда черезъ о. игумена Исаакія, нерѣдко посѣщавшаго по дѣламъ Калугу, обращался къ нему за рѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ относительно внѣшней и внутренней жизни обителя, если почему-либо затруднялся брать это рѣшеніе на себя, совѣтуя и самому о. игумену вопрошать въ такихъ случаяхъ архипастыря, какъ самымъ Богомъ поставленнаго, и поступать согласно его волѣ. Дивно было и смиреніе владыки Григорія. Выслушавъ отъ Оптинскаго настоятеля какой-либо старцевъ вопросъ, онъ не сразу рѣшалъ, а спрашивалъ: «а какъ смотреть на это старецъ?» И уже послѣ рѣшалъ вопросъ, сообразуясь съ мнѣніемъ самого старца. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ прямо говорилъ: «Да это уже какъ старецъ рѣшить,—я не беру этого на себя».

Интересно здѣсь кстати сообщить еще н слѣдующія подроб-

ности. О. архимандритъ Агапиль, нѣкогда, какъ самъ рассказывалъ намъ, «пришелъ къ о. Амвросію и просилъ совѣта: взяться ли ему за составленіе жизнеописанія старца Иларіона Троекуровскаго, о чемъ просили его монахи, или нѣтъ? Старецъ о. Амвросій на это съ ласковою улыбкою отвѣтилъ: «возьмись, возмись, да и поучись, какъ надо будетъ писать жизнеописаніе то». А самъ все улыбается и улыбается.. Точно онъ предвидѣлъ, что приведетъ Господь мнѣ писать его жизнеописаніе», прибавилъ о. архимандритъ.

Къ типу старческихъ житій слѣдуетъ отнести и жизнеописаніе духовника обителя о. Иларіона. О. Иларіонъ былъ ученикомъ о. Макарія и сотоварищемъ о. Амвросія. И въ жизнеописаніи его многое имѣетъ отношеніе къ жизни этихъ старцевъ, чрезъ что и является это жизнеописаніе какъ бы добавленіемъ къ старческимъ жизнеописаніямъ.

6) Жизнеописаніе духовника Оптиной пустыни о. Иларіона состоитъ изъ обширнаго некролога и приложений.

Это—объемистый томъ въ 340 страницъ. Содержаніе его самое разнообразное. Весь трудъ состоитъ изъ семи главъ. Главы вторая и третья имѣютъ интересъ какъ въ отношеніи самого о. Иларіона и его жизни, такъ и для біографіи, архіепископа Іакова, знаменитаго іерарха и аскета Нижегородскаго. Глава же четвертая и нѣкоторыя изъ приложений очень цѣнны для біографій о. Макарія и Леонида и отчасти о. Амвросія. Болѣе частные предметы изложенія такіе:

Глава 1-я: Предки старца; дѣтство и отрочество Родіона Никитича; пребываніе Род. Ник. въ Москвѣ. Переселеніе Род. Никит. въ Саратовъ. Его домашняя тамъ жизнь и занятія.

Глава 2-я: о расколѣ въ Саратовскомъ краѣ и условіяхъ, благопріятствовавшихъ его распространенію. Родіонъ Никитичъ съ успѣхомъ выступаетъ борцомъ противъ раскола; знакомство его съ Климчонкомъ. Успѣшныя дѣйствія противъ раскола преосвященнаго Іакова, при содѣйствіи благочестивыхъ людей всѣхъ сословій и состояній.

Глава 3-я: о вѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать Родіону Никитичу и братству. Дѣятельность братства и непріятности Родіону Никитичу по открытію въ Саратовѣ секты скопцовъ. Поѣздки Родіона Никитича по монастырямъ и поступленіе въ Оптину пустынь.

Глава 4-я: пребываніе о. Иларіона въ скиту подъ руководствомъ старцевъ о. Леонида и о. Макарія (до кончины послѣдняго).

Глава 5-я: о построеніи въ скитской церкви Макарьевского придѣла. О старческой и духовной дѣятельности о. Иларіона (изъ записокъ монаха о. Порфірія С.). О нѣкоторыхъ случаяхъ клеветы и хулы на старца о. Иларіона.

Глава 6-я: о здоровьѣ старца и его послѣдней болѣзни. Отношеніе старца къ врачамъ и врачеванію. Кончина старца и его погребеніе.

Глава 7-я. Приложенія. Изъ писемъ и воспоминаній о старцѣ о. Иларіонѣ его духовныхъ дѣтей. Изъ письма Бѣлевской монахини, нынѣ игуменѣ Вознесенскаго женскаго монастыря, близъ г. Сердобска, Саратовской губерніи, Магдалины Арсеньевой къ о. казначею Флавіану. Разсказъ о послушницѣ Глаголевой. Изъ записокъ Бѣлевской монахини Михайлы Болотниковой. Изъ воспоминаній монахини И. А. Изъ писемъ Н. А. Т. къ іеромонаху Оп. пуст. о. Флавіану. Разсказъ отца Іеронима. Отрывки писемъ къ Родіону Никитичу отъ его Саратовскихъ знакомыхъ—и его отвѣтовъ къ нимъ. Послѣдніе годы о. игумена Моисея Миртовскаго. Свѣдѣнія о благочестивомъ старцѣ Семенѣ Климичѣ. Нѣсколько словъ о старцѣ о. Леонидѣ. Свѣдѣнія о житіи казначея Оптиной пустыни о. іеросхимонаха Флавіана.

Не говоря уже о томъ, что книга эта—цѣнный біографическій очеркъ жизни одного изъ лучшихъ Оптинскихъ подвижниковъ, учениковъ о.о. Льва и Макарія, она богатый выкладъ и для очерка всего старческаго Оптинскаго быта.

Между мелкими подробностями Оптинской свитской жизни въ частности, встрѣчаются весьма интереснѣйшія подробности. Такъ есть тамъ очень любопытныя сообщенія о томъ, въ какомъ сердечно-близкомъ отношеніи стояли къ Оптинскимъ старцамъ Кирѣевскіе, епископъ Петръ и другіе. Сообщается, между прочимъ, и такая, небезынтересная для насъ въ данномъ случаѣ, подробность. Здѣсь сообщается, что «предъ своею кончиною старецъ о. Макарій назначилъ о. Иларіону въ благословеніе отъ себя, особенно имъ цѣнившуюся мухояровую мантию, присланную ему изъ Молдавскаго Нямецкаго монастыря въ признательность за изданіе переводовъ старца Пансіа Величковскаго, которую о. Макарій одѣвалъ, бывало, на себя, только приступая къ принятію Святыхъ Таинъ». Есть нѣсколько подробностей, которыми выясняются и нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни о. Макарія и Льва. Относительно о. Льва здѣсь мы находимъ разъясненіе того, почему о. Левъ добровольно сложилъ съ себя званіе строителя Бѣлобережской обители. Выясняется это слѣдующимъ образомъ: «въ міру о. Левъ былъ приказчикомъ болховскаго купца Сокольниковъ. 28-ми или 29-ти лѣтъ отъ роду, онъ въ 1797 году поступилъ въ Козельскую Оптину пустынь. Одна изъ сыновей Сокольниковъ Максимъ поступилъ за нимъ въ ту же Оптину пустынь. Пробывъ въ Оптиной два года, о. Леонидъ перешелъ въ Бѣлые Берега въ 1799 году; Максимъ Сокольниковъ перешелъ съ нимъ туда же. Въ Бѣлыхъ Берегахъ о. Леонидъ былъ съ 1804 по 1808 г. строителемъ; Сокольниковъ, въ монашествѣ Мельхиседекъ, былъ тамъ съ нимъ казначеемъ. Въ Бѣлыхъ Берегахъ проживали тогда старцы о. Клеопъ и о. Феодоръ. Видя, что о. Мельхиседекъ знакомъ съ властями и съ тамошней знатью, и домогается начальства, о. Феодоръ посовѣтовалъ о. Леониду уступить свое начальство о. Мельхиседеку, что и не замедлилъ исполнить о. Леонидъ, добровольно сложивъ съ себя настоятельство. Мельхиседекъ былъ назначенъ на его мѣсто, а

послѣ настоятельствоваѣ въ нѣсколькихъ другихъ обителяхъ и, наконецъ, съ 1821 г. въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Бывъ послѣ въ Москвѣ о. Леонидъ у него останавливался, какъ у бывшаго знакомаго. Однажды о. Леонидъ поѣхалъ къ преосвященному Филарету; архимандритъ взялся его представить Владыкѣ и поѣхалъ съ нимъ, но когда Владыкѣ доложили, что пріѣхалъ архимандритъ и старецъ, препреосвященный благословилъ старцу войти, а о. Мельхиседеку велѣлъ сказать, что онъ теперь не нуженъ, а если имѣетъ нужду, то пусть пріѣдетъ послѣ. Такъ о. Мельхиседекъ и уѣхалъ, не увидавъ на этотъ разъ Владыку.

Цѣнны въ этой книгѣ еще списки инокинь-пугменій, духовныхъ дочерей о. Иларіона, бывшихъ ранѣ въ руководствѣ о. Макарія. Тамъ же цѣнный очеркъ жизни казначея обители о. Флавіана, который дополняетъ и дополняется очеркомъ жизни о. Исаакія.

7) Въ первый разъ «Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящаго при ней скита св. Іоанна Предтечи» было составлено Львомъ Кавелинымъ въ 1847 г., въ 2-хъ частяхъ: 1-я описаніе монастыря, 2-я описаніе скита. Это описаніе замѣчательно и интересно по своему содержанію тѣмъ болѣе, что въ послѣдующихъ изданіяхъ многое изъ него опущено. Въ предисловіи авторъ отмѣтивъ важное значеніе Оптиной пустыни для мѣстнаго края и отсутствіе бабихъ бы то ни было историческихъ описаній ея, пишетъ: «родъ мой съ незапамятныхъ временъ имѣетъ осядлость въ Козельскомъ уѣздѣ, въ близкомъ разстояніи отъ Оптиной пустыни. Съ малыхъ лѣтъ привыкъ я преклоняться предъ ея святынею и потомъ посѣщалъ и обозрѣвалъ ее не разъ въ разныя эпохи моей жизни. Предлагаемое здѣсь описаніе—плодъ недавняго посѣщенія моего обители въ минувшемъ 1845 г., да будетъ жертвою приносимую отъ меня отчизнѣ моихъ предковъ и виѣстъ выраженіемъ личнаго моего

усердія къ святой обители отшельника Опти. Въ заключеніе всего долгомъ считаю привести искреннюю мою признательность иноку Оптиной пустыни Петру Александровичу Григорову (издателю извѣстныхъ всѣмъ любителямъ духовнаго чтенія писемъ Задонскаго затворника Георгія) за его просвѣщенное и дѣйтельное содѣйствіе къ совершенію моего настоящаго труда. Въ первой части наиболѣе интересными мѣстами являются слѣдующія. Объ основателѣ обители и происхожденіи ея названія авторъ пишетъ.

(Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящаго при ней скита св. Іоанна Предтечи, составилъ Левъ Кавелинъ. (Изданіе въ пользу св. обители) часть 1. Описаніе обители. Съ приложеніемъ вида ея. Санкт-Петербургъ. 1847 года).

Великій князь Московскій, Іоаннъ Даниловичъ Калита, желая хоть сколько-нибудь воспрепятствовать опустошеніямъ, дѣлаемымъ татарами въ великомъ княжествѣ Московскомъ, укрѣпиль засѣками всю страну отъ Оки къ Дону, и чрезъ Донъ къ Волгѣ. Но эти же самые заповѣдныя лѣса, по своей неприступности, служили иногда, особенно въ украинныхъ лѣсахъ, притономъ для домашнихъ враговъ древней Руси, станшниковъ (разбойниковъ); но временами они усиливались до того, что устрашали жителей Русской Украины не хуже татаръ и литвы. Вотъ почему имена нѣкоторыхъ атамановъ, или предводителей этихъ шаекъ, и до сихъ поръ еще живутъ въ мѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. Такъ между прочимъ сохранилось въ устныхъ преданіяхъ Козельцевъ имя Опти, сперва грознаго предводителя шайки станшниковъ (разбойниковъ) Козельской засѣки, а потомъ смиреннаго отшельника, основателя пустыни и вождя иноковъ.

Это преданіе объ основаніи Оптиной пустыни получить для насъ всю силу истины, когда вспомнимъ, что исторія первыхъ вѣковъ христіанства, начиная съ разбойника на брестѣ, исповѣдавшаго Господа, представляетъ намъ немало

примѣровъ, какъ иныя, обратившись отъ душегубства, провели остальную часть своей жизни въ подвигахъ всенскренняго покаянія и были спасены чуднымъ дѣйствіемъ благодати Божіей. Довольно указать на Моисея Мурина и преподобнаго Давида.

Подробности благодатнаго обращенія и послѣдующей за сѣмъ жизни отшельника Опты, по невѣдомымъ судьбамъ Божиимъ, навсегда скрыты отъ нашей любознательности; однако, для любомудрствующаго духовно, несомнѣнно, что, обратясь на путь истины, онъ сдѣлалъ и плоды достойнаго покаянія, ибо изъ предводителей шайки душегубцевъ Господь Богъ выискалъ его въ вожди и наставники душъ, ищущихъ спасенія; можно предполагать и то, что онъ благоугодилъ предъ Господомъ, ибо благословеніе Божіе не оскудѣвало и не оскудѣваетъ доселѣ надъ основанной имъ обителью.

Не болѣе какъ 70 верстъ раздѣляютъ Козельскую Введенскую Оптину пустынь отъ другой обители столько же древней и равнымъ образомъ носящей имя Оптинской (Орловской епархіи, города Болхова, Оптинъ Троицкій монастырь), почему съ большою вѣроятностію можно предположить, что обѣ эти обители имѣли одного и того же основателя.

Признавъ же отшельника Опту за основателя обѣихъ сихъ обителей, совершающихъ уже четвертое столѣтіе со времени своей извѣстности, мы приходимъ къ заключенію, что сей пустынножитель пожилъ немалое время послѣ своего благодатнаго обращенія и, подвизаясь подвигомъ добрымъ, восходя отъ силы въ силу, отъ славы въ славу, успѣлъ до исхода своего въ вѣчность, благоустроить и усовершенить основанныя имъ пустыни. Въ которой изъ нихъ представился и погребенъ отшельникъ Опта, это, къ сожалѣнію, утаено отъ насъ такъ же, какъ и другія подробности богоугодной его жизни, послѣ обращенія. А можетъ быть рука Промысла съ намѣреніемъ скрыла отъ людей это обстоятельство, чтобы уменьшеніемъ виѣшней славы здѣсь, сдѣлать блистательнѣе подви-

жническій вѣнецъ его въ небесномъ царствѣ. Насколько это соотвѣтствуетъ дѣйствительности, конечно, сказать трудно. Но подобные примѣры бывали. Такъ, напр., извѣстно изъ жизни преп. Адріана Ондрусовскаго, что преп. Кипріанъ Сторожевскій былъ сначала атаманомъ разбойниковъ, потомъ покался и былъ основателемъ обители. (Подробнѣе см. Н. С. Русскіе святые—подвизавшіеся и чтимые въ предѣлахъ нынѣшней Спб. епарх. Спб. 1902 г.).

О знаменитомъ Калужскомъ архипастырѣ эпохи 1812 года и строгомъ подвижникѣ Евлѣмпіи здѣсь сообщается, что онъ «желалъ провести остатокъ дней своихъ въ молитвенномъ покое въ Оптиной пустыни, почему и построили для него на сей предметъ особую келлію» (нынѣ настоятельская) (94 стр.).

Глава о «святыхъ храмахъ и другихъ зданіяхъ интересна свѣдѣніями о постройкѣ Казанской церкви и обстоятельствахъ прославленія мѣстно чтимой Казанской иконы Божіей Матери (122—123 стр.). Описаніе могилы монаха Павла (172—174 стр.), прекрасная картинка старческаго руководства о. Макаріемъ больныхъ иноковъ. Описаніе жизни архимандрита Мельхиседека интересно, между прочимъ, по нѣкоторымъ подробностямъ, касающимся судьбы и духовной настроенности любимой дочери Суворова «Наташи» (234—236 стр.). Во второй части описанія скита интересны описанія жизни схимниковъ Іоанннкія, Досифея и Іоанна (изъ раскольниковъ, о которомъ упоминали ранѣе). Интересенъ также приложенный къ этой части портретъ схим. Льва, относящійся къ болѣе раннему времени, чѣмъ тотъ, который печатается при жизнеописаніи о. Льва.

Книга эта выдержала въ послѣдующее время нѣсколько изданій. Въ этихъ изданіяхъ кое что опускалось, кое что прибавлялось, но общее содержаніе оставалось то же самое, какое и въ первомъ изданіи.

Новое изданіе историческаго описанія Оптиной пустыни,

съ значительными дополненіями и приложеніями было сдѣлано, самое послѣднее, въ 1902 г. о. Ерастомъ. Содержаніе этого изданія слѣдующее: I. Историческія свѣдѣнія о пустыни до XVII в. Мѣстность. Церковное управленіе края. Время основанія Оптиной пустыни. Первые отшельники и основатели пустыни. Жизнь подвижниковъ.

II. Исторія пустыни въ XVII—XVIII в. Упадокъ пустыни. Упраздненіе пустыни. Возобновленіе пустыни. Строитель Авраамій.

III. Состояніе пустыни при Митр. Платонѣ и первыхъ Калужскихъ архипастыряхъ.

IV. Устроеніе Предтечевскаго скита при Оптиной пустыни. Введеніе Коневскаго устава.

V. Настоятели Оптиной пустыни и старцы (по устроеніи Скита). О. Моисей—настоятель Оптиной пустыни. Управленіе о. Моисея. О старцевѣ, или духовномъ руководствѣ. Отличіе православнаго духовнаго руководства отъ внославнаго. Старецъ Леонидъ. Старчество о. Леонида. Сотрудникъ старца Леонида о. Макарій. Старчество о. Макарія. О книгоиздательской дѣятельности Оптиной пустыни подъ руководствомъ о. Макарія. Служебныя отношенія настоятеля о. Моисея. Обзоръ дѣятельности настоятеля о. Моисея. Преемникъ старца Макарія о. Амвросій. Выборъ настоятеля о. Исаакія. Настоятель о. Исаакій. Хозяйственныя распоряженія о. Исаакія. Старчество о. Амвросія. Книгоиздательство пустыни при старцѣ Амвросіи. Дѣятельность о. Амвросія. Послѣдующія событія въ Оптиной пустыни. Преемникъ о. Амвросія старецъ о. Анатолій.

Приложенія: Списки настоятелей Козельской Введенской Оптиной пустыни. Св. иконы стараго письма. Вкладная книга. а) Царскіе вклады. б) Вклады частныхъ лицъ въ хронологическомъ порядкѣ. Выпись изъ Козельскихъ писцовыхъ книгъ временъ Михаила Ѳеодоровича. Выпись изъ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Царская дарственная грамота Оптиной пустыни Царя Ѳеодора Але-

всѣевича. Письма, относящіяся въ изданію книгъ. Переводъ твореній аввы Фалассія, сдѣланный Митрополитомъ Филаретомъ. Обличительная отвѣдь о. игумена Моисея уніату Флавіану Лисовскому.

Первыя три главы мало интересны: это повтореніе того, что было и съ другими обителями въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX-го. Что здѣсь интересно, такъ это попытка автора объяснить самое названіе обители Оптиною нѣсколько иначе, чѣмъ объяснял о. Леонидъ. О. Ерастъ пишетъ:

Когда, послѣ тягостныхъ смутныхъ временъ, наступили въ Россіи, наконецъ, времена гражданскаго благоустройства, и правительство приступило къ переписи земельныхъ владѣній, Оптина пустынь представлялась уже собственникомъ окружающей ее земли, съ прибрежными лужбами по р. Жиздрѣ. пространствомъ внизъ по рѣкѣ на одну версту, вверхъ по рѣкѣ тоже на одну версту и на одну версту поперекъ, въ естественныхъ границахъ по живымъ урочищамъ: р. Жиздрѣ и впадающимъ въ нее: съ запада—рѣчкою Желѣзинкой и съ востока—ручьемъ Липовцемъ, начиная съ его истока.

Въ первомъ историческомъ описаніи Оптиной пустыни—авторъ арх. Леонидъ (І. Л. 1847 г.) относитъ основаніе оной въ періодъ времени 1408—1445 г. (когда Козельскъ перешелъ въ родъ князя Владиміра Андреевича Храбраго), въ томъ соображеніи, что объ немъ сказано въ Лаврентьевской лѣтописи *): «бѣше бо любя сей князь чинъ монашескій и священническій», и дальше сказано, что въ его время основанъ монастырь преп. Пафнутія Боровскаго (1477г.).

Но если бы Оптину пустынь строилъ князь или бояре, то объ этомъ было бы записано въ лѣтописяхъ, а, главное,—даны были бы монастырю земли, удобныя для пашни, и были бы возведены значительныя строенія на капиталы строителей...

*) Др. Л. 1774 г., ч. I, 281—282.

Мѣстное преданіе, довольно темное, также приводимое арх. Леонидомъ, сообщаетъ, что основателемъ пустыни былъ нѣкій разбойникъ «Опта», — почему она и получила названіе Оптиной. Но точно такое-же объясненіе дается и основанію Болховской Оптиной пустыни. Преданіе, однакоже, не можетъ удовлетворительно объяснить, почему два монастыря одновременно основаны однимъ и тѣмъ же разбойникомъ Оптою? Кромѣ того, монастыри обычно называются не по имени князей или бояръ, строившихъ монастыри, а по имени святыхъ или Господскихъ праздниковъ, въ честь которыхъ монастыри строились. — И что это за имя «Опта», что оно значить? Изъ какого языка взято это слово? Въ русскомъ языкѣ такого слова нѣтъ; въ монгольскомъ — тоже нѣтъ, кромѣ слова «окта», — болѣзнь, лѣкаръ, лѣкарство; на татарскомъ еще можно допустить производство слова «Опта» отъ глагола «опмакъ». По-татарски говорятъ о чловѣкѣ, который кого-либо ставитъ въ затруднительное положеніе (по-русски — притѣсняетъ): «башими онду», — отсюда по русскому произношенію «опту», а затѣмъ уже «Опта». Если остановиться на этой догадкѣ, то слово «опта», какъ не собственное, а нарицательное, въ такомъ смыслѣ можетъ быть отнесено къ татарскому періоду времени, когда, по свидѣтельству исторіи (Ист. Русск. Ц. Фил. Арх. Черн. 2, 12), каждый баскакъ татарскій грабилъ на Руси и притѣснялъ, кого только хотѣлъ. Можно, поэтому, согласиться отчасти и съ преданіемъ въ томъ смыслѣ, что Оптинскіе монастыри основаны въ татарское нашествіе бывшими грабителями, обратившимися ко Христу

Есть еще другое соображеніе о значеніи слова «Опта». Болховскій монастырь прежде былъ общимъ для старцевъ и старицъ. По этому случаю до литовскаго разоренія онъ назывался «общимъ монастыремъ», что допускаетъ и составитель исторіи Болховскаго монастыря. (До 1499 года во многихъ монастыряхъ было двѣ половины: мужская и женская,

подъ общимъ управленіемъ одного духовнаго отца. Определеніемъ Московскаго собора 1499 года такіе общіе монастыри воспрещены). Въ самомъ городѣ Козельскѣ не было ни одного монастыря до 1670 года; только въ этомъ году открытъ былъ Вознесенскій дѣвичій монастырь (упраздненный въ 1764 г.). Это значеніе можетъ быть отнесено и къ «Общей» Макарьевской пустыни, такъ какъ она именовалась въ 18-мъ столѣтіи: *«Оптинзъ монастырь Макарьевской пустыни»*. А что это былъ прежде дѣйствительно общій монастырь, на это отчасти убазываютъ записки въ синодикѣ умершихъ схимонаховъ и схимонахинь.

Главный интересъ книги сосредоточивается, начиная съ четвертой главы, гдѣ начинается рѣчь объ устройствѣ калужскимъ епископомъ Филаретомъ, впоследствии митрополитомъ Киевскимъ, Оптинскаго скита. Самый большой отдѣлъ пятый, гдѣ идетъ рѣчь о старцахъ и настоятеляхъ истекшаго столѣтія, начиная съ о. Моисея и Льва. Очерки кратки и сжаты, но точны и выразительны. Здѣсь въ краткихъ чертахъ изложено все, что есть въ вышеперечисленныхъ біографіяхъ. Въ этомъ отношеніи книга эта есть какъ бы введеніе при чтеніи Оптинскихъ біографій. Что здѣсь цѣнно, такъ это свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ Оптиной пустыни славянофиловъ: Достоевскаго, Толстого и др. лицъ. Для прамѣра мы приведемъ здѣсь выдержку того, что говорится о Толстомъ и Соловьевѣ. О. Ерастъ пишетъ:

Считаемъ долгомъ возстановить здѣсь истину, относительно отзыва о. Амвросія о Вл. С. Соловьевѣ. Авторъ «Очерковъ жизни о. Амвросія» (1 ч. 94 стр.) пишетъ, что о В. С. Соловьевѣ старецъ сдѣлалъ «неодобрительный отзывъ», при чемъ сослался на январскую книгу «Душеп. Чтен.» за 1892 г. стр. 46; а тамъ сказано, что *«Соловьевъ не въпритъ въ будущую жизнь»*. Очевидно, слова старца, если ихъ и слышала госпожа N отъ самого о. Амвросія, то не поняла смысла ихъ.

Намъ лично о. Амвросій сказалъ (по поводу полемики К. Н. Леонтьева съ Соловьевымъ о сочиненіяхъ Данилевскаго): «спроси-ка Соловьева, какъ онъ *думаетъ о вѣчныхъ мученіяхъ?*». Въ этихъ словахъ старца исключается всякое сомнѣніе относительно вѣры Соловьева въ будущую жизнь. Да это видно и изъ послѣднихъ замѣчательныхъ сочиненій его, Соловьева: «Оправданіе добра» и «Три разговора подъ липами».

Близокъ къ старцамъ Оптиной пустыни былъ также Т. И. Филипповъ. Онъ былъ духовнымъ сыномъ о. Макарія; былъ въ первый разъ въ Оптиной пустыни 29 іюля 1855 года *). Потомъ въ маѣ 1886 года пріѣзжалъ изъ Петербурга (черезъ Москву) вмѣстѣ съ К. Н. Леонтьевымъ и однимъ сотоварищемъ, и, наконецъ, въ іюлѣ 1891 года. О послѣднемъ пріѣздѣ извѣщали письмами послушника Е. О. Амвросій, отъ 12 іюля 1891 года... «Я теперь нахожусь въ Рудневѣ и ко мнѣ въ Руднево (близъ Шамордина) пріѣзжалъ Т. И. Филипповъ и очень пожалѣлъ, что тебя нѣтъ въ Оптиной, куда онъ въ тотъ же день и отправился». А Т. И. отъ 16 января 1892 г. писалъ: «очень скорбѣлъ я, что въ послѣднее мое посѣщеніе Оптиной пустыни не засталъ въ ней васъ. Зато успѣлъ дать послѣднее цѣлованіе вскорѣ отшедшимъ отъ насъ о. Амвросію и К. Н. Леонтьеву. Перваго нашелъ я въ хуторѣ близъ Шамордина и получилъ отъ него напутствіе на защиту святыхъ Божіихъ церквей, о мирѣ и благостояніи коихъ возносятся ежедневно во всей Россіи молитвы, и въ то же время на миръ и благостояніе ихъ появляются дерзкія и преступныя посягательства. Передъ разлукою я попросилъ старца возложить на мою голову свою руку, что онъ и исполнилъ, промолвивъ: «да будетъ въ этой головѣ всегда воля Божія»... (Эти письма приводятся здѣсь

*) Перевелъ съ греческаго «Толкованіе на молитву Отче нашъ» (Москва 1853 года). Въ 1856 году хлопоталъ и наблюдалъ за изданіемъ Оптинскихъ переводовъ.

въ опроверженіе утвержденія Н. И. Субботина («Душ. Чтен.» апр. 1900 г.), что будто бы Оптинскіе старцы прекратили всякія сношенія съ Филипповымъ.

Графъ Л. Н. Толстой былъ у о. Амвросія три раза: первый разъ (до отлученія отъ Церкви) съ Н. Н. Страховымъ 22 іюля 1877 года *), второй разъ былъ инкогнито, съ конторщикомъ своимъ и учителемъ, 188½ году, а третій разъ съ супругою, троими дѣтьми и родною сестрою въ 1890 году. (Родная сестра графа проживала сперва въ Бѣлевскомъ монастырѣ, а потомъ перешла въ Шамординскую общину подъ руководство о. Амвросія, гдѣ и проживаетъ донинѣ).

О второмъ путешествіи графа въ Оптину пустынь напечатано въ газетѣ «Недѣля», за 1900 годъ, воспоминаніе конторщика въ слѣдующихъ словахъ: «Весною 1881 или 82 года Л. Н. пѣшкомъ приходилъ въ Оптину пустынь съ сельскимъ учителемъ и мною (служившимъ 35 лѣтъ конторщикомъ у графа). На пятый день (около 200 верстъ) пришли мы въ Оптину пустынь. Былъ седьмой часъ вечера и звонили въ ужину. Пошли и мы съ Л. Н., при чемъ, такъ какъ мы были въ самыхъ простыхъ одеждахъ да въ лаптяхъ, насъ не пустили въ первыя двѣ комнаты, которыя почище, а посадили въ третьей вмѣстѣ съ нищими. На другой день Л. Н. зашелъ, между прочимъ, въ монастырскую нижнюю лавку. Слышать онъ, какъ кабая-то баба проситъ Евангеліе за питачекъ, а монахъ отказывается, потому, говоритъ, «дешевыя Евангелія всѣ вышли, остались только дорогія». Узналъ Л. Н., что баба хочетъ купить Евангеліе для сына своего, взялъ съ прилавка Евангеліе, заплатилъ за него 1½ цѣлковыхъ и отдалъ бабѣ. «Вотъ возьми», говорятъ: «сама читай и сына своего учи, пото-

*) Въ одномъ черновомъ письмѣ, руки о. Климента, отъ 22 іюля 1877 года, сказано: «письмо прервано посѣщеніемъ неожиданныхъ гостей: Л. Н. Толстымъ и Н. Н. Страховымъ».

му—Евангеліе утѣшаетъ нашу жизнь». Случай этотъ вызвалъ особое вниманіе къ Л. Н.; онъ совсѣмъ этого не желалъ, но его узнали, и пришлось ему идти по приглашенію къ архимандриту. Потомъ онъ посѣтилъ о. Амвросія и остался очень доволенъ бесѣдой съ нимъ. Выйдя отъ него довольный и радостный, онъ сказалъ: «этотъ о. Амвросій совсѣмъ святой человѣкъ. Поговорилъ съ нимъ, и какъ-то легко и отрадно стало у меня на душѣ. Вотъ когда съ такимъ человѣкомъ говоришь, то чувствуешь близость Бога».

Въ третій прїѣздъ, въ 1890 году, Л. Н., остановившись въ монастырской гостинницѣ, отпустилъ семейство *) къ о. Амвросію, а самъ пошелъ въ скитъ къ родственнику, добровольному послушнику NN. Передавъ NN поклонъ отъ семейства, Л. Н. разспрашивалъ его о скитскихъ правилахъ, одобряя постъ и воспрещеніе входа въ скитъ женщинъ; коснулся также вопроса о цѣли жизни, для чего мы живемъ? Послушникъ, слышавшій за церковной службой поясненіе объ этомъ предметѣ, сказалъ, что, по волѣ Создателя, мы должны восполнить число падшихъ ангеловъ на небѣ. «А кто это тебѣ сказалъ?» переспросилъ Л. Н.—«Да я слышалъ это въ церкви», отвѣчалъ послушникъ.

Пригласивъ, затѣмъ, N повидаться съ семействомъ, графъ прибавилъ: «а что, не побывать ли и мнѣ у о. Амвросія?» N отвѣчалъ: «какъ хотите».

Возвратясь въ гостинницу, Л. Н. встрѣтилъ свою семью, возвращавшуюся отъ о. Амвросія съ очень довольнымъ расположеніемъ и рѣшилъ побывать и самъ у о. Амвросія. Послѣ свиданія съ о. Амвросіемъ, Л. Н. зашелъ къ К. Н. Леонтьеву, какъ старому знакомому. «Какъ это ты—образованный человѣкъ, сдѣлался вѣрующимъ и рѣшился тутъ жить?»—сдѣлалъ Л. Н. вопросъ Леонтьеву. Тотъ отвѣчалъ: «Поживи здѣсь,—такъ самъ повѣруешь».—«Еще бы, запе-

*) Одна дочь его не пожелала идти.

реть себя здѣсь», возразилъ Л. Н.: «такъ поневолѣ повѣруешь»... «Я твою философію, братъ, не читаю, а только беллетристику», выразился Л. Н. «Пиши, братъ, пиши въ старости: и отъ 80-лѣтнихъ авторовъ выходили знаменитыя творенія». Во время чая разговоръ коснулся старца о. Амвросія. «Вотъ человѣкъ хорошій! Я былъ у него и завтра думаю опять побывать. Онъ преподаетъ Евангеліе, только не совсѣмъ чистое, а вотъ—мое евангеліе».—при этомъ взявъ изъ своего кармана книжку и подавъ Леонтьеву. Въ это время у Леонтьева была брошюра Елеонскаго, въ которой доказана тождественность и неповрежденность Евангелій и отвергались противныя мнѣнія Толстого.—Леонтьевъ подалъ ее Л. Н.; но онъ сказалъ: «брошюра дѣльная, она рекламируетъ и мое евангеліе». Тутъ Леонтьевъ не сдержалъ себя, вспыхнулъ и сказалъ: «какъ это возможно, чтобы здѣсь въ Пустынн быть,—гдѣ такой старецъ, какъ о. Амвросій, и говорить о своемъ евангеліи? Это можно развѣ въ какой-нибудь глуши,—въ Томскѣ что ли?» Замѣчаніе это задѣло гордость Л. Н. Онъ рѣзко отвѣтилъ: «что-жъ, у тебя много знакомыхъ, пиши въ Петербургъ,—можетъ быть, сошлютъ меня въ Томскъ».—Затѣмъ, ушелъ въ гостиницу и уѣхалъ въ Ясную Поляну, не побывавъ у старца (и не заплативъ денегъ кузнецу за ковку лошадей). На другой день Леонтьевъ попросилъ Е. узнать отъ о. Амвросія подробности о его бесѣдѣ съ Толстымъ, но о. Амвросій одно только велѣлъ передать Леонтьеву, что Толстой былъ у него около часа. «При входѣ Толстого въ мою келлію, я благословилъ его, и онъ поцѣловалъ мою руку. А когда сталъ прощаться, то, чтобы избѣжать благословенія, поцѣловалъ меня въ щеку». Рассказывая это, старецъ едва дышалъ,—такъ сильно утомила его бесѣда съ графомъ. «Гордъ очень», добавилъ о. Амвросій.

Предъ выходомъ Толстого изъ келліи позванъ былъ туда къ старцу Ш. и онъ слышалъ, что старецъ предложилъ Л. Н.

принести печатное покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ. Затѣмъ, Тостой, выйдя въ общую пріемную (зальце), гдѣ были Леонтьевъ, Б. и Ш., высказался о своей бесѣдѣ со старцемъ такъ: «я растроганъ, растроганъ!» и собирався еще побывать у старца на другой день.

Но самое цѣнное въ книгѣ—это переписка по изданію аскетическихъ переводовъ. Этою-то перепискою и самими всѣми изданіями Оптиной пустыни мы и пользовались при составленіи своей статьи, при чемъ почтеннымъ авторомъ историческаго описанія обители были намъ доставлены и нѣкоторые рукописные матеріалы изъ библіотеки обители, о коихъ и упоминаемъ въ разныхъ мѣстахъ, съ ссылкой: «рукоп».

При выходѣ въ свѣтъ эта книга встрѣтила самый серьезно-сочувственный пріемъ. О ней были напечатаны отзывы: въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1903 г. № 26, Московскихъ Вѣдомостяхъ, № 25, апрѣля 10, 1903 г., № 112, а г. Розановъ въ Новомъ Времени посвятилъ два фельетона, подъ заглавіемъ: «Изъ житейскихъ и литературныхъ мелочей».

Въ 1905 же году неутомимый авторъ приготовилъ и краткое изданіе этого очерка, которое въ томъ же году было издано подъ заглавіемъ: «Исторія Козельской Введенской Оптиной пустыни» (краткая). Здѣсь все подробное изъ полного изданія опущено, оставлено только главное, назидательное, и книжка читается легко и съ большимъ интересомъ. Какъ и полное изданіе, краткая исторія украшена портретами знаменитыхъ старцевъ и настоятелей, при чемъ въ краткомъ изданіи эти портреты помѣщены въ самомъ текстѣ.

Всѣ же вмѣстѣ взятые церковно-историческія изданія Оптиной пустыни представляютъ изъ себя цѣнный вкладъ въ историческую русскую церковную литературу, особенно по исторіи православнаго монашества въ XIX столѣтіи, что и выяснено посильно въ вышеизложенномъ отдѣлѣ. Эти изданія, затѣмъ, глубоко назидательны и интересны для чте

нія вообще, особенно духовенству, духовному юношеству и всѣмъ любителямъ здороваго религіозно-нравственнаго чтенія. Читать же, прибавимъ, слѣдовало бы эти изданія въ такомъ порядкѣ: 1) Жизнеописаніе о. Паисія Величковскаго (въ новомъ изданіи), 2) Историческое описаніе Оптиной пустыни (новое изданіе), 3—5) Жизнеописанія настоятелей: Моисея, Антонія, Исаакія. 6—9) Жизнеописанія старцевъ: Льва, Макарія, Амвросія (Агапитово) и о. Иларіона.

Для монастырей же, для каждаго по нѣскольку экзempl. каждой книги, слѣдовало бы выписку этихъ Оптиныхъ изданій сдѣлать обязательною.

Нѣкогда старецъ Паисій писалъ въ одну изъ обителей, гдѣ подвизались его ученики, возбуждая ихъ къ издательской дѣятельности, такими словами: «И аще на созданіе страннопріимницы каменные съ покровомъ желѣзнымъ только положи есте иждивеніе, то не подобаетъ ли несравненно большее иждивеніе на стяжаніе предреченныхъ книгъ вѣчныя ради своя и ближняго пользы положить?» (263 стр. Опт. изд. Жизни и Писаній о. Паисія 1847 г. 2-е изд.). И эти слова какъ нельзя болѣе примѣнимы и въ данномъ случаѣ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Числа.	Стр.
1. Архимандритъ Авраамій, настоятель Алатырскаго Троицкаго монастыря.	3
1. Инокія Маргарита (Марѳа) .	10
2. Раба Божія Татіана.	17
3. Отецъ Петръ, священникъ Іерусалимской слободы, подъ Угличемъ .	19
Блаженные священникъ Петръ и старецъ Василискъ Угличскіе .	61
4. Іеросхимонахъ Іоаннъ Оптинскій .	65
6. Обновители Пророко-Ільинскаго Аѳонскаго скита іеросхимонахъ Аникита и схи-архимандритъ Паисій (2-й)	70
7. Великій Оптинскій старецъ іеросхимонахъ Макарій .	98
7. Оптинскій схимонахъ Вассіанъ .	137
8. Монахъ Памфилъ Соловецкій.	139
10. Монахиня Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря Елисавета.	141
11. О. Мельхиседекъ, іеромонахъ Мценскаго Петропавловскаго монастыря (Орловской губ.), и юродивый Иванъ Коробчинъ.	148
13. Екатеринославскій архіепископъ Амвросій (Серебренниковъ), мѣстоблюстителъ Молдо-Влахійской экзархіи .	167
14. Сезеновская игуменія Серафима, въ схимѣ Евѳимія .	171
16. Арсеній, іеромонахъ Московскаго Златоустова монастыря.	192

II

Числа.	Стр.
17. Вѣра—молчальница.	201
17. Архимандритъ Иннокентій, настоятель Глинской пустыни.	207
17. Иеросхимонахъ Агапихъ Задонскій.	217
17. Схимонахъ Стефанъ.	225
18. Иерей Евменій .	—
18. Блаженная Ирина Зеленогорская .	226
21. Первоначальницы Мензелинскаго Пророко-Ильинскаго женскаго монастыря игуменіи Евгенія и Филарета .	231
22. Архимандритъ Іона (схимонахъ Петръ)	239
23. Иеросхимонахъ Иеронимъ Соловецкій.	244
23. Игуменія Евпраксія.	247
25. Кіево-Печерскій затворникъ Досифей	255
25. Иеросхимонахъ Матеей Соловецкій	270
25. Старица Параскева .	275
25. Священникъ Симбирскаго Спасскаго монастыря о. Василій Архангельскій .	286
25. Сергѣй Александровичъ Рачинскій	302
27. Глинскій подвижникъ схимонахъ Архиппъ	326
27. Основатель Борисовской пустыни генералъ фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и его дочь княгиня Наталія Долгорукая	361
27. Памяти матери Нектаріи (княгиня Наталья Борисовна Долгорукая) .	389
28. Свіяжская схи-игуменія Анна.	424
30. Золотой Гриць—юродивый.	438
Старцы: о. Паисій Величковскій и о. Макарій Оптинскій и ихъ литературно-аскетическая дѣятельность .	452
I. Старецъ Паисій и его литературно аскетическіе труды; о. Макарій Оптинскій и его отношеніе къ этимъ трудамъ.	453
II. Переводныя аскетическія изданія Оптиной пустыни .	491
III. Русскія аскетическія изданія Оптиной пустыни .	527

И Л Л Ю С Т Р А Ц І И

Священникъ отецъ Петръ	19
Священникъ отецъ Петръ Томаницкій	27
Старець Василискъ	62
Оптина пустынь. Скитъ	63
Старець іеросхимонахъ Іоаннъ Оптискій	64
Старець Павсій, архимандритъ скита св. Пророка Іліи на Афонѣ	71
Оптискій старецъ іеросхимонахъ Макарій	99
Оптина пустынь. Введенскій соборъ и Владимірскій храмъ	100
Іеромонахъ Мельхиседекъ	149
Мценскій Петропавловскій монастирь	165
Екатеринославскій архієпископъ Амвросій	166
Сезеновскій Іоанно-Казанскій монастирь	169
Сезеновская игуменія Серафима	170
Вѣра-молчальница	202
Новгородскій Сырковъ Девичій монастирь	205
Архимандритъ Иннокентій	206
Агапіть Задовскій	217
Николаевскій Пѣсношскій монастирь	223
Схимонахъ Стефанъ	224
Блаженная Ирина Зеленогорская	227
Игуменія Евгевія	231
Игуменія Филарета	233
Межигорскій Спасо-Преображенскій монастирь	237
Архимандритъ Іона	238
Кієво-Китаевская пустынь	253

Кіево-Печерскій затворникъ Доскеей	254
Соловецкій Преображенскій монастырь	273
Старица Параскева	274
Сергій Александровичъ Рачинскій	303
Схимонахъ Архиппъ	327
Тихвинская Борисовская пустынь	359
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ	360
Домик Петра I-го в Борисовскѣ	376
Золотой Гривъ—юродивый	439

**ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ПОДВИЖНИКОВ БЛАГОЧЕСТИЯ**

18 и 19 вѣковъ

Сентябрь

Издание Введенской Оптиной Пустыни

249700, Калужская обл., г. Козельск, Введенская Оптина Пустынь.
Издательскій отдел, тел.: 8-084042-24862

ЛР № 030470 от 30.12.92

Зах.1770. Тираж 16000 экз. ГМП "Первая Образцовая типография"
113064 Москва, Валуевъ,28